Виктор Розов
Избранное

«Искусство»

Виктор Розов Избранное

ВИКТОР РОЗОВ. «ИЗБРАННОЕ»

Виктор Розов

Избранное

Москва
«Искусство»
1983

Р2
Р65

Р $\frac{4702010200-119}{025(01)-83}$ 33-82

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

ДРАМА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ, ШЕСТИ КАРТИНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ФЕДОР ИВАНОВИЧ БОРОЗДИН
врач, 57 лет.

ВАРВАРА КАПИТОНОВНА
его мать.

БОРИС
его сын, 25 лет.

ИРИНА
его дочь, 27 лет.

МАРК
его племянник, 27 лет.

ВЕРОНИКА БОГДАНОВА,
18 лет.

АННА МИХАЙЛОВНА КОВАЛЕВА
преподавательница истории, 52 лет.

ВЛАДИМИР
ее сын, 21 года.

СТЕПАН
товарищ Бориса, 24 лет.

АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КУЗЬМИН
сослуживец Бориса, 29 лет.

ДАША, *17 лет*
ЛЮБА, *16 лет* } *сослуживцы Бориса.*

АНТОНИНА НИКОЛАЕВНА МОНАСТЫРСКАЯ,
33 лет.

ВАРЯ
работница мыловаренного завода, 20 лет.

НЮРА
хлеборезка.

МИША
студент.

ТАНЕЧКА
студентка.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ЧЕРНОВ
администратор филармонии, 48 лет.

АНОСОВА
соседка Бороздиных.

ВАСИЛИЙ
КОНСТАНТИН } *ее сыновья.*

ЗАЙЦЕВ
старшина.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Комната Вероники. В е р о н и к а сидит на диване, поджав ноги. Радио передает сводку Совинформбюро: «...на Минском направлении...» Вероника подходит к репродуктору и с силой ударяет по нему. Радио замолкает. Входит Б о р и с.

В е р о н и к а. Смотри на часы!

Б о р и с. Противовоздушные щели рыли на заводе, во дворе.

В е р о н и к а. Это меня не касается. Разлюбил ты меня, вот что.

Б о р и с. Глупая.

В е р о н и к а. Какие новости?

Б о р и с. Никаких.

В е р о н и к а. Это хорошо. Сейчас боюсь новостей. Ну, что ты мне подаришь завтра?

Б о р и с. Это секрет.

В е р о н и к а. Не скажешь?

Б о р и с. Ни за что!

В е р о н и к а. Можешь не говорить. Но если что-нибудь вкусное — я скоро съем и забуду. Ты подари, чтобы было на долгую-долгую память. Чтобы до старости. Мы будем дедушка и бабушка — посмотрим на эту вещь и скажем: это подарено, когда Белке исполнилось восемнадцать лет. Доживу до ста лет, и у меня будет сто твоих подарков.

Б о р и с. Восемьдесят два!

В е р о н и к а. Обсчиталась.

Борис подходит к репродуктору, хочет его включить.

Не надо! На фронте дела идут не так, как передают по радио.

Б о р и с. С чего ты взяла?

В е р о н и к а. Говорят.

Б о р и с. Бабы в очередях.

Вероника. Ну, если я баба — пожалуйста.
Борис. Вероника!
Вероника. Включай, включай!
Борис. Мешать не будешь?
Вероника. Нет-нет. Хочешь, даже глаза закрою?
Борис. Сиди и закрой глаза.
Вероника. А разговаривать можно?
Борис. Можно.
Вероника. Я тебе стихи почитаю.
Борис. Валяй.
Вероника.
«Журавлики-кораблики
Летят под небесами.
И серые, и белые,
И с длинными носами.
Лягушечки-квакушечки
По берегу гуляли.
Все прыгали, да шмыгали,
Да мошек собирали.
Журавлики-кораблики
Лягушек увидали,
Спустилися, садилися
И тыщи их пожрали.
Лягушечки-квакушечки,
Что ж вверх не поглядели?
Все прыгали да шмыгали —
За это вас и съели».
Нравится?
Борис. Очень содержательно!
Вероника. Это, кажется, первое стихотворение, которое я выучила, когда была маленькая.
Борис. И последнее.
Вероника. Ты у меня дождешься.

Борису удалось наконец наладить радио. По радио — сводка Совинформбюро. Голос Левитана.

В е р о н и к а. Ты меня разлюбил, Борис.

Б о р и с. Глупая.

В е р о н и к а. Да-да. И глаза у тебя стали какие-то отсутствующие. Ну, что ты на меня так смотришь?

Б о р и с. Разглядываю.

В е р о н и к а. А я знаю, почему ты такой встревоженный.

Б о р и с. Интересно...

В е р о н и к а. Боишься, что тебя возьмут в армию. Да-да, заберут — и готово! Все боятся.

Б о р и с. Не все.

В е р о н и к а. Ты отчаянный, возьмешь и сам пойдешь?

Б о р и с. А что? Возьму и пойду.

В е р о н и к а. Хитрый, хитрый!.. Знаешь, Борька, это даже нехорошо. Отлично знаешь, что тебе дадут броню, вот и хорохоришься.

Б о р и с. Почему ты так решила?

В е р о н и к а. Знаю, всех умных забронируют.

Б о р и с. Значит, по-твоему, одни дураки воевать будут?

В е р о н и к а. Больше я с тобой не разговариваю.

Б о р и с. Если и будет броня, то одна на двоих. Или я, или Кузьмин.

В е р о н и к а. С кем ты себя равняешь?

Б о р и с. Практику он знает во сто раз лучше меня.

В е р о н и к а. Хватит, хватит!.. Пусть твой Кузьмин знает все на свете... А кто к Первому мая премию получил? Ты или Кузьмин? Кому недавно благодарность вынесли? Тебе или Кузьмину? Ты работаешь на заводе государственного значения — ну и все! Конечно, Борька, я сама с ума схожу — вдруг тебя действительно возьмут? Нет, нет, все будет хорошо. Вот увидишь. Примут меня осенью в институт или нет?

Б о р и с. Вероника, это серьезнейший разговор. Я хотел с тобой поговорить...

В е р о н и к а. А я не желаю. И не смей меня называть «Вероника». Слышишь? Кто я?

Борис молчит.

Ну, кто я?

Б о р и с. Белка, Белка...

Вероника. А мне нравится затемнение: из окон, что напротив, всегда видно, что в комнате делается, а теперь... Поцелуй меня.

Борис целует.

Хорошо!.. И не видно.

Стук в дверь.

Войдите, войдите!

Входит Степан.

Степан. Богдановы здесь живут?

Борис. Степан!

Вероника. Я Богданова.

Степан (*Борису*). А... та самая?

Борис. Она.

Степан (*здороваясь с Вероникой*). Степан. *(Борису. Говорит все под запал, придыхая.)* Получил повестку... Сейчас. Побежал к тебе... тоже лежит. Твои волнуются... Сказали, что здесь... Я побежал...

Борис. На какое число?

Степан. Чудаки, понимаешь, понимаешь, на сегодня, с вещами. Забеги в контору, возьми расчет... Я в бухгалтерии сказал... подождут... А то — доверенность оставь...

Борис. Сегодня?

Степан. В двадцать два часа. Глоточек выпью, все бегом... (*Подходит к графину, пьет.*)

Вероника. Что это?

Борис. Видишь, Вероника, я думал, еще несколько дней пробуду здесь, а теперь... Пришла повестка в армию.

Вероника. Тебе?

Степан. И мне тоже. Мы оба, добровольцами...

Вероника (*Борису*). Ты уезжаешь. Сам? А я? Как же я?

Степан. Наклевывается разговорчик — я побежал. Не плачьте, девушка, ваш Борис — золото! Эх, у меня дома тоже!.. Ну что ты с ними поделаешь? Не горюйте! Всего! (*Убежал.*)

Вероника и Борис одни. Вероника смотрит на Бориса непонимающими глазами.

Б о р и с. Так надо... Иначе нельзя было.

В е р о н и к а. Нет-нет... Он же сказал, ты сам, добровольно. Что ты, ведь я люблю тебя!

Б о р и с. Пойми, война уже пришла. Я подал заявление сам, это верно. Я хотел тебе сказать... Завтра твой день рождения... И вот — надо идти. Как же я мог иначе? Если я честный, я должен быть там.

В е р о н и к а. Иди воюй, проявляй героизм, может быть, орден получишь. Как же! Славы хочется! Иди-иди!

Б о р и с. Ничего не случится, я знаю. Пойдем к нам. Ты все поймешь, ты умная...

В е р о н и к а. А что понимать, я все понимаю. Я не дурочка.

Б о р и с. Ты сердишься, что я тебе не сказал?

В е р о н и к а. Иди, дома волнуются.

Б о р и с. А ты?

В е р о н и к а. Я приду. Скоро. Очень скоро. Я хочу побыть одна... Немножко... несколько минут... Иди-иди... Нет-нет... *(Вдруг бросается к Борису на шею)*. Боря! Боренька мой! Не уходи!

Б о р и с. Ну что ты, что? Не надо!

В е р о н и к а *(отпуская Бориса)*. Не буду, не буду.

Б о р и с. Идем вместе.

В е р о н и к а. Нет-нет.

Борис подходит к Веронике, хочет ее обнять.

Б о р и с. Не могу так уйти...

В е р о н и к а. Ну... *(Целует Бориса.)* Иди...

Борис не уходит, смотрит на Веронику.

Что ты смотришь?

Б о р и с. Запоминаю тебя.

В е р о н и к а. Какую?

Б о р и с. Такую, какая ты есть. Только не опоздай, Белка! *(Убегает.)*

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната в квартире Бороздиных. Видна столовая и часть передней. Варвара Капитоновна укладывает в дорожный мешок вещи. Марк с упорством разучивает на рояле пассаж.

Варвара Капитоновна *(кричит)*. Ирина!.. Марк, подожди, пожалуйста.

Марк прекращает игру.

Ирина, захвати утюг!

Голос Ирины: «Слышу!»

Время, время летит... И никого. Знает ли он?

Марк. Степан побежал — скажет.

Варвара Капитоновна. А у Вероники ли он?

Марк. На работе нет, — значит, там.

Варвара Капитоновна. Никому ничего не сказать... Так непохоже на Борю...

Марк. Очень похоже. Ставить в известность после свершения факта — его манера.

Варвара Капитоновна. Решать одному, не посоветовавшись...

Марк. Да, довольно странно.

Варвара Капитоновна. Достань, пожалуйста, из его ящика запонки. Те, что в коробочке из-под перьев.

Марк. Вы еще пару крахмальных воротничков не забудьте.

Варвара Капитоновна. Не возражай, пожалуйста. Места займут немного, а ему будет приятно. Вероникин подарок.

Марк *(достает запонки)*. Вряд ли у него там будет время заниматься лирикой.

Варвара Капитоновна заворачивает запонки в бумагу, кладет в мешок. Входит Ирина. В руках у нее утюг.

Варвара Капитоновна *(взяв утюг)*. Ну что же, в конце концов, отец придет?

Ирина. Я же звонила! Он на операции. И Бориса все нет.

Марк. Исчез!

Варвара Капитоновна *(гладит рубашку)*. А нельзя ли ему до завтра задержаться?

Марк. В повестке точно — в двадцать два часа.

Варвара Капитоновна. Какая-то бумажка — и уносит человека сразу, вдруг.

Марк. Да, и сопротивляться нельзя.

Варвара Капитоновна *(показывая на рубашку, Ирине)*. Это ты ему подарила, помнишь?

Ирина. Разве?

Варвара Капитоновна *(Марку)*. Позвони Феде еще раз,— может быть, освободился?

Марк *(набирая номер)*. Не знаю, как и сказать...

Варвара Капитоновна. Не сразу — ведь будто снег на голову.

Марк *(в трубку)*. Больница?.. Доктор Бороздин освободился?.. Попросите, пожалуйста. *(Ирине.)* Ты сводку читала?

Ирина. Еще бы!

Марк. Занятно!

Ирина. Что?

Марк. Ведем войну на чужой территории! А?

Ирина. Ну и что? Что?

Марк. Ничего, просто никогда не думал, что Минск — это заграница. *(В трубку.)* Дядя Федя?.. Дядя Федя, ты можешь сейчас домой приехать?.. Да нет, ничего особенного. Тут Борис трюк выкинул... *(Варваре Капитоновне.)* Он ругается, не знаю, как подойти...

Варвара Капитоновна. Дай мне. *(Берет трубку.)* Федя, это я... Да нет, нет, это Марк напрасно сказал. Ничего не случилось. Ты во сколько сегодня кончаешь работу?.. Пожалуйста, не горячись... Повторяю тебе: решительно ничего не случилось. Сидим дома, тихо, славно... Я передаю трубку Ирине.

Ирина *(взяв трубку)*. Папа, Борис через час уезжает в армию... Экстренно?.. Оказывается, он еще двадцать третьего числа подал заявление, сам... Нет, его нет... Ну приезжай, дома и отругаешь. *(Вешает трубку.)*

Варвара Капитоновна. Всех на ноги поднял, весь дом.

Входит Аносова.

Аносова. Василия-то моего с Константином, обоих взяли. *(Плачет.)*

Варвара Капитоновна. Ну что же делать? Война... Война... *(Провожает Аносову к дверям.)*

Аносова. ...Убьют же их... Ей-богу, убьют... *(Уходит.)*

Марк. Ему полагалась броня, мы это отлично знали. И Степан говорил... Глупость он какую-то делает, глупость.

Ирина. Глупо, что не сказал, а остальное все, может быть, очень правильно.

Марк. Еще ты пойди в санитарки запишись.

Ирина. Надо будет, и пойду.

Марк. А я считаю: если вышестоящие органы находят нужным оставлять человека здесь, в тылу, значит, именно здесь он наиболее полезен. Винтовку держать каждый умеет.

Варвара Капитоновна. Время, время летит.

Марк. Придет мне повестка — пойду, не заплачу.

Ирина. Свинство, если он все еще у Вероники.

Марк. А ты что думала? Он там будет сидеть до последней минуты — сюда только за вещами забежит. Впрочем, в этих делах ты мало понимаешь.

Входит Борис.

Варвара Капитоновна. Боренька, Боря!..

Ирина. Ты что, с ума сошел?

Борис. Вы хотите знать, почему я вам ничего не сказал? Так вот: только затем, чтобы не было этих восклицаний и долгих обсуждений. Все. *(Смотрит на вещи, которые собирает бабушка, на стол, накрытый Ириной, и смущается.)*

Варвара Капитоновна. Нехорошо, Боренька.

Марк. А мы тебя ждали, ждали...

Ирина. Что с тобой?

Марк. С Вероникой поругался?

Ирина. Ты думаешь, мы осуждаем тебя? Да я... я завидую тебе.

Марк. Ишь ты!

Ирина. Балда с высшим музыкальным образованием! *(Уходит.)*

Марк. Строга!

Варвара Капитоновна. Сказать надо было, Боря, хотя бы отцу!

Борис (*показывая на вещевой мешок*). Бабушка, ну куда так много? Нужно только необходимое.

Варвара Капитоновна. Да все кажется необходимым.

Борис. Главное — полегче. Папе звонили?

Варвара Капитоновна. Сейчас придет.

Марк. Ругался в трубку на чем свет.

Борис *(подавая Марку тетради и чертежи)*. Отнеси завтра на завод. Найдешь Кузьмина Анатолия Александровича — отдай. Или позвони ему.

Марк. Зачем? Конечно, отнесу. Надо вина купить... Я сбегаю.

Борис. Не обязательно.

Марк. Ну, такой случай...

Борис. Традиционная выпивка на проводах, с горя?

Марк. Я — красненького, за твои успехи. *(Уходит.)*

Варвара Капитоновна. Может быть, и традиционная, но и я непременно рюмочку выпью... Почему ты без Вероники?

Борис. Она сейчас придет.

Варвара Капитоновна. Что у нее?

Борис. Придет... *(Роется в ящике, откуда Марк достал запонки.)*

Варвара Капитоновна. Я их уже положила, Боря. Вас сразу... на фронт?

Борис. Наверно. *(Садится к столу, пишет.)*

Варвара Капитоновна. Вот и до нашей семьи дошло. У Аносовых обоих сыновей взяли. В каждой семье волнение, проводы, слезы. Сорокины из Москвы уезжают, говорят — опасно. Как ты думаешь, Боря, долетят до Москвы?

Борис пишет.

Наверное, долетят. А может быть, и нет... Что будет, что будет... Столбом поднимется... Я не поеду. Лучше умереть здесь, чем где-то скитаться по чужим углам. Тревожное время...

Борис окончил писать, взял сверток, с которым вошел, развернул его. Там — большая плюшевая белка с пушистым хвостом и ушами. На ней подвешено лукошко с золотыми орехами, перевязанное лентой. Борис развязал ленту, высыпал орехи, положил на дно записку, всыпал орехи обратно, завязал ленту, завернул сверток.

Борис. Бабушка, я к вам с просьбой.

Варвара Капитоновна. Что, Боренька?

Борис. Завтра утром, если можно — пораньше, отнесите ей.

Варвара Капитоновна. Что это? Нет-нет, я не спрашиваю. Так что — отдать и?..

Борис. Завтра у нее день рождения. И еще, если ей будет трудно,— мало ли что, война,— помогите ей.

Варвара Капитоновна. А если я умру?

Борис. Вам умирать не полагается, особенно теперь, когда у вас столько секретов.

Варвара Капитоновна. А я вот возьму и умру...

Входит Федор Иванович.

Федор Иванович. Э-эх! Двадцать пять лет, и быть, извини меня, таким дураком! Что мы — дети? Игрушки это? Прятки? Романтизма хочешь? Характер! Где Ирина? Марк?

Варвара Капитоновна. Ирина на кухне, кофе готовит, а Марк пошел купить красненького.

Федор Иванович. Кофе? Красненького? Мельчают люди, мельчают. *(Кричит.)* Ирина!

Входит Ирина.

Ирина. Наконец-то!

Федор Иванович. У меня в шкафчике, на заветной полочке, неси.

Ирина уходит.

А Вероника где?

Борис. Сейчас придет.

Федор Иванович. Где она?

Б о р и с. Дома, занята.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Чем это занята? Нехорошо. Должна быть здесь — жених уезжает.

Б о р и с. Не жених.

Ф е д о р И в а н о в и ч. А кто?

Б о р и с. Ну, просто так...

Ф е д о р И в а н о в и ч. Что значит «просто так»? «Просто так» — это что-то подозрительное.

Б о р и с. Я не в этом смысле!

Ф е д о р И в а н о в и ч. А в каком?

Б о р и с. Хватит тебе придираться!

Ф е д о р И в а н о в и ч. Ты что — поссорился с ней?

Б о р и с. Нет.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Смотри! В такие минуты, Борис, только радость, только прямота!

Входит И р и н а с пузырьком в руках.

(Ирине.) Разбавь согласно правилам. *(Борису.)* Тогда и там будет о чем вспоминать, будет куда возвращаться, будет хотеться жить, жить назло всем бомбам и пулеметам! Жить, чтобы вернуться сюда, где твои самые близкие люди, вернуться славно, поднявши нос кверху!

Входит М а р к.

М а р к. Купил.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Красненькое?

М а р к. Да.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Вот и будешь сам лакать. Мы найдем более содержательную жидкость. Все в сборе? Садитесь.

Все рассаживаются вокруг стола.

И р и н а. Марк, не садись на мое место.

М а р к. Откуплено?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Не откуплено, а ты знаешь, я не люблю, чтобы за столом мелькали. Сидели так двадцать лет и еще пятьдесят просидим. *(Борису.)* Ты на это место вот каким сел — от горш-

ка три вершка. Так оно твое и будет, пока свой дом не заведешь. А Ирина когда замуж выйдет — я ее стул на чердак выброшу.

Ирина. С диссертацией отмучаюсь и выйду.

Федор Иванович. Ты бы мои записки посмотрела, я их лет тридцать собирал: выписки, факты, наблюдения. Думал книгу написать, звание получить. Работал, работал, все думал — успеется, а теперь вижу — поздно.

Ирина. Я уже кончаю их просматривать.

Федор Иванович. Ну как?

Ирина. Заключение — потом.

Федор Иванович. Ого! Того гляди, двойку залепишь!

Ирина. Посмотрим.

Сборы у стола окончены.

Федор Иванович *(поднимает рюмку)*. Ну, за твою жизнь, Борис! *(Пьет, садится.)*

Звонок.

Марк. Вероника! *(Бежит к дверям.)*

Входят Даша и Люба со свертками в руках.

Даша. Здравствуйте!

Люба. Здравствуйте! Борис Федорович, мы к вам от завода...

Даша. Нам поручили передать эти подарки и сказать от имени заводского комитета...

Люба. И комсомольской ячейки...

Федор Иванович. Держись, мол, товарищ Бороздин, до последней капли крови, бейте проклятых фашистов, а наш завод здесь, в тылу, будет выполнять и перевыполнять... Это мы все знаем, не бойтесь, не подведем. Вы лучше... садитесь и выпейте на дальнюю дорогу моему сыну Борьке...

Даша. А как же подарки?

Федор Иванович. А подарки возьмем. Что там? *(Разворачивает сверток.)* Безопасная бритва, мыльница, почтовая бумага, конверты... все как полагается. *(Разворачивает второй сверток.)* Пирожные. Одни наполеоны.

Люба. Это мы от себя по дороге купили, Борис Федорович, мы видели, всегда в буфете эти пирожные брал.

Федор Иванович. Ешь, Борис, больше — воевать по-наполеоновски будешь! Подарок со смыслом! Мы по первой выпили, так теперь — по второй. *(Наливает.)* Жизнь на земном шаре еще не устроена так складно, как нам этого хотелось бы, вот ты и уезжаешь. За тебя, Борис! *(Пьет.)*

Даша. Вчера я брата провожала, мама так плакала!

Федор Иванович. А вы?

Даша. И я плакала.

Федор Иванович. От месткома или так, по-домашнему?

Даша *(смеется)*. По-домашнему.

Люба. А у нас провожать некого — три сестры и мама... Даже неудобно, у всех уезжают...

Федор Иванович. Да, когда наши вернутся, вы нам позавидуете.

Марк. В том-то и ужас, что не все вернутся.

Федор Иванович. А кто не вернется — тем памятник до неба! И каждое имя — золотом. За тебя, Борис! (*Пьет.*)

Звонок.

Не иначе как от дирекции.

Марк бросился открывать.

Борис. Я сам. *(Уходит, возвращается с Кузьминым.)*

Кузьмин. Здравствуйте. Простите, пожалуйста, я некстати: проводы сына... Я понимаю... Простите, я даже не отрекомендовался. Кузьмин — товарищ Бориса Федоровича по работе. Борис Федорович, конечно, вы поступили не совсем честно... простите, не совсем правильно. Вы постарались опередить судьбу. Но, разумеется, смешно было бы вас осуждать, особенно мне. Вы отказались от брони, а, вероятно, именно вы получили бы ее. Я остаюсь. *(Всем.)* Конечно, может быть, это нехорошо, но война, фронт... меня, знаете, как-то не манят. Вы знаете, мне даже неприятно, когда мальчишки стреляют из ключа: набьют в обыкновенный ключ от замка спичечных головок, заткнут

гвоздем, а потом как ахнут об стенку!.. Чрезвычайно неприятно. Конечно, если и я понадоблюсь... Ну что же, возьму, как говорят, штык в руки... Борис Федорович, простите, на прошлой неделе мы говорили с вами о соединительной трубке к цапфе...

Борис. Да-да, я сделал расчет. Как раз просил брата отнести вам. Вот. *(Подает Кузьмину тетради и чертежи.)* В расчете получилось, за практику не ручаюсь. Проверьте.

Федор Иванович. Товарищ Кузьмин, присаживайтесь к столу.

Кузьмин. Благодарю вас, благодарю, ни под каким видом. Спешу. *(Борису.)* Обещаю вам работать не покладая рук за двоих, за десятерых. Кстати, Люба, хоть вы и молодая лаборантка, но порядок должны знать: ушли и оставили на столе прибор. Могла попасть пыль. За него две тысячи золотом заплачено. Так мы с вами можем не сработаться. *(Всем.)* Я еще раз прошу прощения. Ну, Борис Федорович, до встречи! Разрешите, я вас обниму! *(Обнимает и целует Бориса.)* Только, пожалуйста, пусть с вами ничего не случится... а то я буду чувствовать себя совершенно неловко. *(Улыбается.)*

Борис. До свидания, Анатолий Александрович. Ничего не случится. Мы еще поработаем вместе.

Кузьмин *(всем)*. Всего доброго. Будь она проклята, эта война! Ну до чего же она некстати! *(Уходит.)*

Федор Иванович. Да, Чапаев из него не получился бы.

Марк. В душе, наверно, рад, что Борис идет вместо него. Верно, Борька, может быть, ты из-за него?..

Борис. Не трус он.

Люба. Просто глубоко штатский.

Борис. Человек опытный, знающий... А мне надо быть там. Понимаете — там. Я не хочу говорить...

Федор Иванович. А ты не говори. Умный человек и так поймет. А для дураков язык трепать нечего.

Ирина. Борька, ты мне родной брат, а я тебя вижу как будто впервые...

Федор Иванович. Семейные излияния — потом. Что же Вероника не идет?

Борис. Да она сказала — может, и не успеет. Мы попрощались с ней.

Федор Иванович. А я слыхал, как ты ее зовешь. Белка! Вы тут, в комнате, шуры-муры, а я ухо к двери, подслушиваю. Вот уж белка так белка! Пусть сюда почаще приходит, попрыгает, а то Ирина не по годам серьезная. Марк... для него весь мир — музыка. А я в этой области профан. Бабушка отпрыгала свой век.

Варвара Капитоновна. Вчера в домоуправлении рассказывали, как надо тушить зажигательные бомбы,— может быть, мне еще придется попрыгать на крыше.

Борис. Мне пора, папа.

Варвара Капитоновна. Уже?

Федор Иванович. Ну что ж, пора так пора.

Ирина *(подавая Борису маленькую книжку)*. Авось будет свободная минута, откроешь — Лермонтов. *(Обнимает и целует брата)*.

Марк. Ну вот, сказал бы раньше, я бы что-нибудь приготовил.

Борис. Подари свою самописку, если не жалко.

Марк. Нашел подходящий момент выудить? Бери и пиши чаще. *(Целует Бориса.)*

Варвара Капитоновна. Раньше крестик бы я на тебя надела, а теперь не знаю... Разве что пуговицу от платья...

Федор Иванович. Здорово! Срезай с нее пуговицу, самую большую, вон с пояса.

Борис берет нож и срезает пуговицу. Бабушка дает ее и крестит.

Варвара Капитоновна. Все-таки лучше.

Федор Иванович. Ну, мне дарить нечего, и так не забудешь — ругал я тебя немало. Провожать не пойду, устал. Дай глаза. *(Целует Борису глаза.)* Вот девушки проводят.

Даша. Конечно.

Люба. Будьте спокойны — мы сегодня восьмого провожаем.

Борис *(Марку)*. Ты не ходи.

Марк. Почему?

Борис. Останься с отцом.

Марк. Понял. До трамвая провожу.

Варвара Капитоновна *(отведя Бориса в сторону)*. Боря, ты по какому адресу сейчас едешь?

Борис. Не нужно, бабушка. Так даже лучше. Вы скажите ей — с дороги напишу. Если сейчас придет — отдайте. *(Кивает на сверток с белкой.)* Там записка.

Марк. Тронулись?

Варвара Капитоновна. Дай в последний раз погляжу.

Федор Иванович. Мама!

Все выходят, кроме Федора Ивановича и Варвары Капитоновны.

Э-эх! Выпить разве еще маленькую?

Варвара Капитоновна. Выпей, Федя.

Федор Иванович хочет выпить, но отстраняет рюмку.

Не пьется одному?

Федор Иванович. Не пьется. *(Собирается уходить.)*

Варвара Капитоновна. Ты куда?

Федор Иванович. На дежурство в больницу.

Варвара Капитоновна. Ты же в пятницу дежурил!

Федор Иванович. Сменю Федорова — старик устал, а мне ведь все равно не спать!

Федор Иванович ушел. Варвара Капитоновна убирает со стола. Со свертком в руках входит Вероника.

Варвара Капитоновна. Вот и вы, Вероника!..

Вероника. Здравствуйте, Варвара Капитоновна!..

Варвара Капитоновна. Здравствуйте, здравствуйте! Боренька все глаза на двери просмотрел.

Вероника. Ушел?

Варвара Капитоновна. Да.

Вероника. Хотелось что-нибудь купить ему на дорогу... Зашла в магазин, а вышла — не могла улицу перебежать — мобилизованные идут... колонны... Трамваи остановились, машины. Все замерло... Только они идут, идут... Очень много... Куда он ушел?

Варвара Капитоновна. Туда, на сборный пункт!

Вероника. Где это?

Варвара Капитоновна. Не сказал. Наверное, где-нибудь на Красной Пресне. Ирина и девушки провожать пошли.

Вероника. Какие девушки?

Варвара Капитоновна. С завода приходили. От комсомольской организации и от месткома, кажется. Милые такие.

Вероника *(машинально идет за Варварой Капитоновной)*. Скоро как... Мне хотелось купить... а потом — все шли, шли...

Варвара Капитоновна. Федя держался хорошо. Слава богу, обошлось без слез.

Вероника. Без слез...

Варвара Капитоновна. Боря записку вам оставил и вот это. *(Подает Веронике сверток.)*

Вероника. Что это?

Варвара Капитоновна. К завтрашнему дню — у вас рождение... Там и записка...

Вероника *(развернув сверток)*. А где же записка?

Варвара Капитоновна. Тут разве нет?

Вероника. Нет нигде. Может быть, на столе положил?

Варвара Капитоновна *(осматривает стол)*. Не видно. Видимо, забыл впопыхах, с собой унес.

Вероника. Забыл?

Варвара Капитоновна. Он вам с дороги скоро напишет.

Вероника. До свидания... *(Идет к двери.)*

В это время входит Марк.

Марк. Здравствуйте, Вероника. Что же вы опоздали? Куда вы? Нет-нет, я вас не отпущу. Не уходите, садитесь. У нас в доме вы как родная. Мы вас все любим, честное слово, дядя Федя сейчас об этом говорил. Берите пример с Бориса. Молодец — смеется, острит...

Вероника. Почему острит?

Марк. Нет... просто так, для бодрости. Не надо его судить. Борис не мог сделать по-другому, это был бы не Борис. Тут закономерность времени, комсомол, идеи... Все это понятно... Это же массовый гипноз, как в цирке... Вы сидите...Все засыпают, потом пляшут, поют. А я никогда не поддавался гипнотизерам, даже когда хотел... Расскажите лучше, как ваши дела. Поступаете в институт?

В е р о н и к а. В какой институт?
М а р к. Вы же хотели держать в Суриковский.
В е р о н и к а. Зачем?
М а р к. Пусть война, а мы будем работать. Я над своей сонатой, а вы должны поступить в институт. Должны! Иначе война может убить вас духовно, убить ваш талант. Кстати, вы были на последней выставке в Третьяковке?
В е р о н и к а. Серова? Да-да... *(Хочет уйти.)*
М а р к. И вы представляете себе, если бы великий Серов ушел в ту войну на фронт и погиб? Это была бы всемирная историческая глупость. Хотите я вам поиграю? Послушайте. *(Играет на рояле)*.

Сквозь музыку врывается шум шагов — за окном идут колонны бойцов. Вероника прислушивается к шагам, медленно идет к окну, приоткрывает штору. Бабушка гасит свет и тоже подходит к окну. Затем подходит Марк. Все трое смотрят в окно.

В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Москвичи идут...
М а р к. В этом есть что-то торжественное... и жуткое.
В а р в а р а К а п и т о н о в н а *(тихо, в окно)*. Возвращайтесь живыми!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Совершенно чужая комната, в которой поселились Бороздины после эвакуации из Москвы. Однако некоторые вещи знакомы нам по второй картине.
В комнате В е р о н и к а и А н н а М и х а й л о в н а. Анна Михайловна пьет кофе за маленьким столиком и читает письмо, которое держит в руках. Вероника в своем любимом положении — с ногами на диване.

А н н а М и х а й л о в н а *(отложив письмо)*. Хотите кофе, Вероника?
В е р о н и к а. Спасибо, нет. *(Пауза. Бездумно.)* «Журавлики-кораблики летят под небесами...».

А н н а   М и х а й л о в н а. Последняя коробка. Хорошо бы где-нибудь достать.

В е р о н и к а. На рынке. У спекулянтов всегда все есть.

А н н а   М и х а й л о в н а. Дорого. В Ленинграде я его редко пила, боялась за сердце. А муж любил, особенно вечером, перед работой. Он много работал по вечерам.

В е р о н и к а. Анна Михайловна, вы очень любили своего мужа?

А н н а   М и х а й л о в н а. Мы с Кириллом прожили вместе двадцать девять лет, и сказать, что я любила его,— и мало и неверно. Это была часть меня. Он, я и Владимир составляли одно целое, невозможное врозь. А вот, оказывается, на свете все возможно.

В е р о н и к а. Вы сильная женщина, Анна Михайловна!

А н н а   М и х а й л о в н а. Это кажется.

Пауза.

В е р о н и к а.

«Журавлики-кораблики
летят под небесами,
и серые и белые...».

Тьфу, привязались эти глупые стихи!.. Живем в этих комнатах целую вечность, а я все не могу привыкнуть, как будто сосланная.

А н н а   М и х а й л о в н а *(снова взяв письмо)*. Володя скоро выписывается из госпиталя, а когда — хотя бы сообщил приблизительно. Так и остался легкомысленным. А ему сегодня двадцать один год исполнился.

В е р о н и к а. Сегодня? Поздравляю вас.

А н н а   М и х а й л о в н а. Спасибо. Он очень славный мальчик. Я даже фотографии его не имею, решительно ничего не осталось.

В е р о н и к а. А мы захватили много вещей, все благодаря стараниям Марка.

А н н а   М и х а й л о в н а. Да, ваш муж очень практичный человек.

В е р о н и к а. А мне ничего не надо. Я бы хотела быть как вы — одна.

А н н а   М и х а й л о в н а. Вас любит Федор Иванович, и, мне кажется, не меньше, чем свою родную дочь.

В е р о н и к а. А я не могу любить его.

Анна Михайловна. Он все понимает, Вероника.

Вероника. Знаю-знаю... Который сейчас может быть час?

Анна Михайловна. Вероятно, седьмой в начале.

Вероника. Бесконечные дни.

Анна Михайловна. Я не знаю Бориса Федоровича, но, говорят, это был в высшей степени умный и порядочный юноша.

Вероника. «Был». Пропал без вести — не обязательно умер.

Анна Михайловна. Конечно, конечно. Я просто неправильно выразилась.

Вероника *(прошла по комнате, подошла к окну)*. Март, а такая вьюга.

Анна Михайловна. У нас в Ленинграде март тоже всегда снежный. *(Помолчав.)* Можно вам задать вопрос? Если вы на него не захотите ответить — не надо, я не обижусь.

Вероника. Да?

Анна Михайловна. Почему вы вышли замуж за Марка Александровича?

Пауза.

Вероника. Вы пьете без сахара?

Анна Михайловна. Экономлю. Приедет Володя, испеку что-нибудь.

Вероника. А у меня раньше было много-много вкусного. И сейчас есть. *(Идет к комоду, достает оттуда белку.)* Вот. Целая корзина золотых орехов. *(Задумалась.)* Вам нравится игрушка?

Анна Михайловна. Очень. Вероятно, сделана по заказу. В магазинах я таких не встречала.

Вероника. Когда-нибудь я заверну ее и уйду, тихонько, одна.

Анна Михайловна. Куда?

Вероника. Не знаю. На самый край света. *(Очень тихо.)* Я умираю, Анна Михайловна!

Анна Михайловна. Что вы, Вероника!

Вероника. Я умираю, Анна Михайловна... Поступила здесь учиться — не могла, ушла. Работала на заводе только две недели — тоже ушла. Все рассыпается.

Анна Михайловна. Это война, Вероника.

Вероника. Да, трудно учиться, работать, жить... Нет-нет. Вы, Ирина, Федор Иванович, Марк — все волнуются, работают, живут. А я... я все потеряла.

Анна Михайловна. У вас осталась жизнь, Вероника. Она вся впереди — долгая, неизвестная.

Вероника. А зачем жить? Вот вы преподаете историю, вы умная, скажите — в чем смысл жизни?

Анна Михайловна *(помолчав)*. Может быть, в том, что остается после вас. Идите работать. Вероника, не ищите ответов на вопросы внутри себя, так вы их не найдете. И оправдания себе не подыщете.

Входит Марк.

Марк. Николай Николаевич не приходил?

Вероника. Неужели придет?

Марк. Не приходил?

Вероника. Нет.

Анна Михайловна собирается уходить.

Посидите, Анна Михайловна.

Анна Михайловна. Я пойду к себе, Марк Александрович, вероятно, устал.

Марк *(фальшиво)*. Вы не мешаете, Анна Михайловна, сидите.

Анна Михайловна. Мне скоро на лекцию. *(Ушла.)*

Вероника. У нее сегодня, оказывается, день рождения сына Володи, того, что в госпитале.

Марк. Если придет Чернов, ты, пожалуйста, будь с ним повежливее.

Вероника. Противный он.

Марк. Мне он, может быть, в сто раз противнее, чем тебе, а ничего не поделаешь — начальство.

Вероника. И деньги у тебя взаймы берет, а никогда не отдает.

Марк. Зато какой администратор! Концерты устраивает самые выгодные.

Вероника. Особенно неприятно смотреть, как ты лебезишь перед ним.

М а р к *(строго).* Я никогда перед ним не лебежу... то есть не лебезю... то есть... У, какое идиотское слово! И вообще мне опротивела эта война! Кричали — скоро кончится, месяца четыре, полгода! А ей конца-края нет. Я музыкант! Я плевал на эту войну! Чего от меня хотят? Был Бетховен, Бах, Чайковский, Глинка — они творили, не считаясь ни с чертом, ни с дьяволом! Им все равно при ком и когда было творить — они творили для искусства.

В е р о н и к а. Прекрати. Ты совсем перестал заниматься, Марк.

М а р к. Да, иногда я в отчаяние прихожу. Ох, эта война, война! Ну, ничего, будет и ей конец. Самое главное сейчас — выстоять. Понимаешь, главное — выстоять.

Стук в дверь.

Пожалуйста.

Входит Ч е р н о в. Это солидный, степенный, хорошо одетый мужчина.

Ч е р н о в. Добрый вечер, Вероника Алексеевна.

В е р о н и к а. Здравствуйте.

Ч е р н о в. Марк Александрович, вы меня извините за вторжение...

М а р к. Что вы, Николай Николаевич, мы очень рады. Пожалуйста, раздевайтесь.

Ч е р н о в *(снимая шубу.)* Немцы-то как на Кавказе продвинулись, читали? Ничего, мы им покажем себя. Можно, я положу шляпу на этот столик?

М а р к. Пожалуйста, пожалуйста.

Ч е р н о в *(проходя в центр комнаты).* Уютно у вас, тепло... А у меня жена с детьми в Ташкенте... Живу как бесприютный.

В е р о н и к а. Я пойду в магазин, Марк.

М а р к. Хорошо.

В е р о н и к а ушла.

Ч е р н о в. Я всегда восхищаюсь вашей супругой, какая она непосредственная, чистая.

М а р к. Вы не обижайтесь на нее, Николай Николаевич.

Чернов. Я сказал совершенно искренне. А эта детская невыдержанность делает ее просто очаровательной. Искал вас сегодня в филармонии...

Марк. Да-да, мне передавали.

Чернов. Мне совестно к вам обращаться, но выручайте, Марк Александрович. Жена пишет — сидит без копейки.

Марк. Сколько, Николай Николаевич?

Чернов. Буквально сколько можете. Хотя бы пятьсот рублей.

Марк *(доставая деньги)*. Пожалуйста, Николай Николаевич.

Чернов. Я все подсчитаю, вы не беспокойтесь.

Марк. Что вы, Николай Николаевич!

Чернов. И еще небольшая просьба: вы бы не могли попросить Федора Ивановича достать некоторые медикаменты?

Марк *(испуганно)*. Какие?

Чернов. Хорошо бы сульфидин, опий, камфору.

Марк. Нет-нет... что вы... Дядя Федя болезненно щепетильный. С этим к нему подступиться невозможно.

Чернов. Ну, не надо, не надо.

Марк. Может быть, в его домашней аптечке есть — я посмотрю.

Чернов. Нет, если действительно неудобно — не нужно.

Марк. Ничего-ничего... *(Уходит и возвращается с медикаментами в руках.)* Вот все, что есть.

Чернов. Не густо.

Марк. Зачем вам так много?

Чернов. Вы скажите Федору Ивановичу, что это для меня. Надеюсь, не обидится. В сущности — пустяк. *(Прячет медикаменты в портфель.)* Вы сегодня будете у Антонины Николаевны?

Марк. Может быть.

Чернов. Извинитесь за меня, я занят, не могу прийти. Кстати, могу вам предложить эту коробку конфет. *(Достает из своего большого портфеля коробку.)* Сделайте именинный подарок. Антонина Николаевна будет рада. Не очень роскошно, но вы привяжите сверху какой-нибудь пустячок. Ну, хотя бы вот эту игрушку. *(Показывает на белку, оставленную Вероникой на диване.)* Получится неплохо, уверяю вас. Война — надо во всем проявлять фантазию.

М а р к. Сколько?

Ч е р н о в. Ничего-ничего. Потом сочтемся. Пустяк. Я оставляю, да?

М а р к. Хорошо, Николай Николаевич. Спасибо.

Ч е р н о в *(одеваясь)*. Завтра хотели, чтобы вы выступали в госпитале — бесплатно, разумеется,— а я вас перебросил в другую бригаду. Кажется, недурно заработаете. Пригодится, верно?

М а р к. Спасибо, Николай Николаевич.

Ч е р н о в *(прощаясь с Марком)*. Откланяйтесь вашей супруге.

М а р к. До свидания, Николай Николаевич.

Ч е р н о в уходит. М а р к подошел к шкафу, вынул оттуда костюм, прошел за ширму переодеваться.
Быстро входит И р и н а.

И р и н а. Дома есть кто?

М а р к *(кричит)*. Нельзя-нельзя, я переодеваюсь.

И р и н а. Анна Михайловна, Анна Михайловна!

Входит А н н а М и х а й л о в н а.

Поздравьте меня! Просто отдышаться не могу!.. Сегодня делала сложнейшую полостную операцию — прошла исключительно удачно. Отец наблюдал, хвалил. Паренек совсем был готов, как они выражаются, «комиссоваться», то есть на тот свет отправиться, а я рискнула — конечно, с согласия отца. У нас нет чая?

А н н а М и х а й л о в н а, Я могу вам предложить кофе.

И р и н а. Пожалуйста, пить хочется смертельно.

А н н а М и х а й л о в н а ушла.

Марк! Я сегодня совершила чудо! Воскрешение из мертвых.

Возвращается А н н а М и х а й л о в н а.

Понимаете, он умирал... *(Идет за ширму, где переодевается Марк.)* А теперь будет жить! Будет, будет!

М а р к. Нельзя, я же тебе сказал!

И р и н а. Что, я тебя не видела в подштанниках? *(Подбегает к телефону.)* Госпиталь?.. Это кто? Нянюшка, как состояние больного

Сазонова из сорок пятой палаты? Это Бороздина говорит... На боли жалуется? Ничего, пусть потерпит голубчик... Есть просил?! *(Вешает трубку.)* Есть просил — великий праздник! У меня у самой аппетит разыгрался. *(Жадно ест бутерброд.)*

Входит Марк. Завязывает перед зеркалом галстук.

Да, чтобы понять все это, надо быть или врачом, или умирающим. Это — тридцать второй мой воскрешенный.

Марк. Ты бы делала зарубки, как бойцы на винтовках,— убьют фашиста и зарубку делают. Так и ты, ну хотя бы на операционном столе.

Ирина. Ты меняешься, Марк, и не в лучшую сторону.

Марк. А я не понимаю, как это можно копаться в чьих-то потрохах, делать ампутацию, резекцию, а потом плясать от радости.

Анна Михайловна. Успех в любой профессии доставляет чувство удовлетворения и радости.

Марк. По-вашему, если гробовщик сделал отличный гроб — он потирает себе руки от удовольствия?

Анна Михайловна. Как это ни парадоксально, вероятно, да.

Марк. Тьфу!

Ирина. Тонкая натура, ты что прифрантился?

Марк. Концерт.

Ирина. Ври умнее, среды у тебя выходные.

Марк. Говорят тебе, концерт... шефский.

Ирина. Где это?

Марк. В клубе пищевиков.

Ирина *(встает из-за стола)*. Спасибо, Анна Михайловна. Пойду запишу в свою тетрадочку.

Анна Михайловна. Не перегружайте себя, Ирина Федоровна. Я заметила, вы и по ночам пишете и пишете.

Марк. Действительно, что ты там, летописи, что ли, сочиняешь?

Ирина. Да. «Се повесть времянных лет»... *(Ушла.)*

Марк. Просидит она всю жизнь в девицах, помяните мое слово!

Анна Михайловна. Почему вы так решили?

Марк. Когда молодая женщина так исступленно работает — значит, она что-то заглушает в себе. *(Привязывает белку к коробке.)*

Анна Михайловна. Вы хотите унести эту белочку?

Марк. Да... Тут один мальчик именинник, по дороге зайду поздравлю.

Анна Михайловна. Мне кажется, ваша жена очень дорожит этой вещью.

Марк. Ничего... Я ей куплю другую игрушку.

Анна Михайловна. Вы бы поговорили с женой, Марк Александрович, у нее очень тяжелое настроение.

Марк. Да я вижу. И чего ей надо — не пойму. Поговорите вы с ней, Анна Михайловна. Мне самому просто невыносимо, иногда домой возвращаться не хочется. *(Одевается.)* Скажите Веронике, что приду не поздно. *(Ушел.)*

Входит Ирина.

Анна Михайловна. Все-таки нехорошо получилось.

Ирина. Что такое?

Анна Михайловна. Ваша невестка оставила на диване маленькую плюшевую белку, очевидно, чей-то подарок.

Ирина. Борин подарок.

Анна Михайловна. Я так и думала. А Марк Александрович привязал ее к коробке конфет и унес какому-то мальчику.

Ирина. Черт знает что делается! «Концерт»!.. Я чувствовала. «Мальчику»! Зовут этого мальчика Антонина.

Анна Михайловна. Что вы, Ирина Федоровна?

Ирина. Нужно быть глупой, как Вероника, чтобы ничего не видеть.

Анна Михайловна. Может быть, вы ошибаетесь?

Ирина. Ошибаюсь! Наша операционная сестра живет в одном доме с этой особой... Я уж молчу, чтобы отец не знал.

Анна Михайловна. Бедная девочка, до чего ее жаль!

Ирина. Представьте себе, мне — ни капельки. Это какая-то кукла. Сидит на своем диванчике, ежится, как будто тонула, а ее только что из воды вытащили.

Анна Михайловна. Это вы верно заметили, Ирина Федоровна. Но у нее доброе сердце.

Ирина. Это у вас доброе сердце, Анна Михайловна. Вы бы знали ее раньше. Хохотала так, что завидно делалось. Лепила, в худо-

жественное училище собиралась. Талант!.. А теперь? Самое большее, что из нее получится,— это домашняя хозяйка. И то, вероятно, плохая.

Анна Михайловна. Вы судите как энергичная женщина. У девочки погибли родители...

Ирина. Знаю. Первое время и я не могла на нее смотреть без слез. Но дни идут... В этой адской войне надо выстаивать, а не превращаться в простоквашу. Иначе что получится? Сейчас счастливых нет — и быть не может.

Анна Михайловна. Вы обижены за пропавшего брата, Ирина Федоровна.

Ирина. Да, и за него.

Анна Михайловна. И не правы.

Ирина. Я ей за Бориса никогда не прощу.

Анна Михайловна *(резко)*. И не правы! Война калечит людей не только физически, она разрушает внутренний мир человека, и, может быть, это одно из самых страшных ее действий. Вы же понимаете состояние раненых, когда они кричат, стонут и своим поведением даже мешают вам лечить их. Там вы терпеливы, снисходительны, а здесь... И вообще, когда мы обрежем палец — бежим в больницу, а когда изранена душа — мы только и кричим: крепись, мужайся!

Входит Федор Иванович.

Ирина. Ты что задержался?

Федор Иванович. Ребят отправляли, кого домой, кого в выздоравливающий батальон. А Вероника где? Марк?

Анна Михайловна. Марк Александрович сказал — у него концерт, а Вероника, вероятно, пошла прогуляться.

Федор Иванович. Не люблю, когда дом пуст. Скоро ли мы сможем хотя бы за стол садиться все вместе, как в Москве? *(Пьет кофе.)* А вы, Анна Михайловна?

Анна Михайловна. Я только что пила кофе. *(Уходит.)*

Федор Иванович. Двое так двое. Ирина! В шкафчике на заветной полочке — с устатку.

Ирина. Ты бы воздержался.

Федор Иванович. За твои успехи! Молодец ты, Ирина! Проглоти и ты маленькую.
Ирина. Еще чего, мерзость такую.
Федор Иванович. Писем не было?
Ирина. Нет.
Федор Иванович. Понимаю. Глупый вопрос задал... Ничего, потерпим. Ты бабушке деньги отправила?
Ирина. Да, утром. Чего она там, в Москве, сидит караулит?
Федор Иванович. Упрямая. Доктор Бобров на тебя поглядывает. Заметила?
Ирина. Есть у меня время...
Федор Иванович. Он, по-моему, симпатичный...
Ирина. Ну и что?
Федор Иванович. Э, какая ты...

Входит Вероника.

Вот кстати... Садись.
Вероника. Не хочется. *(Пошла, села на диван.)*
Федор Иванович. Это что — перловка, что ли?
Ирина. Кажется. Ешь, не разглядывай.
Федор Иванович. Хочется гречневой... *(Веронике.)* Кашу ты варила?
Вероника. Я...
Федор Иванович. Снег-то третий день лепит и лепит.
Вероника. Да.

Ирина начинает собирать со стола.

(Подходит к Ирине.) Давай я уберу.
Ирина. Ладно, сиди уж!

Вероника отошла. Ирина унесла посуду.

Федор Иванович *(подойдя к Веронике)*. Ну как?
Вероника. Что?
Федор Иванович. Гуляла?
Вероника. Да.

Федор Иванович *(не зная, что сказать дальше)*. Это хорошо. Знаешь, духу надо больше, духу...

Вероника. Наверное.

Федор Иванович. Ты меня извини, но... Заняться бы тебе чем-нибудь!

Вероника. Не могу.

Федор Иванович. А ты — через не могу.

Вероника. Подумаю.

Федор Иванович. Ты потерпи... Придет письмо... и вообще все будет в лучшем виде, вот увидишь.

Вероника. Вы мне никогда не простите за него? *(Плачет.)*

Федор Иванович. Я люблю тебя, глупая.

Входит Анна Михайловна.

Анна Михайловна. Очки где-то оставила. *(Ищет.)*

Федор Иванович. А я никогда не читал лекции, боялся большой аудитории. А вообще-то мог бы. Газеты были?

Анна Михайловна. Нет, не было еще.

Федор Иванович. Спасибо. Пойду дров наколю... *(Ушел.)*

Анна Михайловна *(найдя очки)*. Вот они. *(Веронике.)* Марк Александрович просил передать, что вернется не поздно.

Вероника *(ищет)*. Куда я положила свою белку? Вы не видели, Анна Михайловна?

Анна Михайловна. Ее унес Марк Александрович.

Вероника. Унес Марк? Куда?

Анна Михайловна. Подарить какому-то мальчику.

Вероника. Мою белку!.. Мальчику!..

Анна Михайловна. Вы не волнуйтесь, Вероника.

Вероника. Куда он ушел?

Анна Михайловна. У него концерт в клубе работников пищевой промышленности.

Вероника *(бежит к телефону)*. Клуб?.. Скажите, у вас во сколько начинается концерт?.. Это клуб пищевой промышленности?.. Нет, у вас должен быть концерт... Выходной? *(Кладет трубку.)* В клубе сегодня выходной.

Входит Ирина.

Ирина. Ты чего раскричалась?
Вероника. Где Марк?
Ирина. На концерте.
Вероника. Я звонила — там выходной.
Ирина. Значит, укатился в гости.
Вероника. Куда?
Ирина. Я не знаю.
Вероника. Вы чего-то не говорите мне. Он унес кому-то мою белку.
Ирина. Ну и что? Подняла крик из-за игрушки.
Вероника. Кому унес? Ты знаешь, да?
Ирина. Ну... знаю.
Вероника. Кому?
Ирина. Антонине Николаевне Монастырской.
Вероника. Какой Монастырской? Зачем?
Ирина. Спроси у Марка.
Анна Михайловна. Ирина Федоровна, если вы начали говорить правду...
Вероника *(Ирине, кричит)*. Говори!..
Ирина. Ты не командуй. Ну, Марк бывает у этой Монастырской... часто. Поняла?
Вероника. Ты мне нарочно говоришь это...
Ирина. С какой стати?
Вероника. Назло. Ты завидуешь мне — меня любят. У меня муж, а ты... ты все еще старая дева!
Анна Михайловна. Вероника, что вы!
Ирина. Монастырская живет на улице Гоголя, где главный гастроном... Кажется, на втором этаже — можешь проверить. *(Ушла.)*
Анна Михайловна. Вы успокойтесь, Вероника.
Вероника. Надо что-то делать... надо что-то делать... надо что-то делать...
Анна Михайловна. Конечно... Придет Марк Александрович, вы объяснитесь... Сейчас не волнуйтесь, необходимо подождать...
Вероника. Ждать! Опять ждать! Я и так все время чего-то жду, жду, жду... Хватит! Я не хочу больше этого! Ничего не хочу — ни этих стен, ни Марка, ни Ирины, ни вас! Никого! Я знаю,

вы все обвиняете меня, только притворяетесь из жалости! А я не хочу этого! Не хочу! *(Одевается.)*

Анна Михайловна. Куда вы?

Вероника. Туда... К нему.

Анна Михайловна. Это неудобно.

Вероника. Все удобно! Борис не сделал бы так... Он научил бы меня... он приедет и все простит мне, все... Он любит меня, любит, любит!.. *(Убегает.)*

Анна Михайловна *(зовет)*. Ирина Федоровна!

Входит Ирина.

Она убежала туда...

Ирина. Черт дернул меня вмешаться в это дело... Ничего не будет... Поскандалит, и все. Испортила настроение... Так хорошо на душе было...

Анна Михайловна. Все-таки вы слишком жестоки с ней.

Ирина. Да, знаю. Ничего с собой поделать не могу.

Анна Михайловна *(взглянув на часы)*. Пора.

Ирина. Вы очень спешите, Анна Михайловна?

Анна Михайловна. Нет, пойду потихоньку. А что?

Ирина. Скажите, я действительно на старую деву похожа? Да?

Анна Михайловна. Что вы, Ирина Федоровна... Вам всего двадцать восемь лет...

Ирина. И вы не подумайте... Я не черствая и не то что не могу любить... Я любила, честное слово, любила... сильно... Это еще в школе было, в десятом классе. Он такой был тихий, хороший, Гриша... Только, пожалуйста, не говорите об этом никому...

Анна Михайловна. Я копилка, Ирина Федоровна... Надежная копилка...

Ирина. Он даже провожал меня несколько раз. А потом они переехали жить в Свердловск...

Входит Федор Иванович.

Федор Иванович. Новые инструкции прислали, читала?

Ирина. Нет.

Ф е д о р И в а н о в и ч *(размахивая листками бумаги)*. Полюбопытствуй.

А н н а М и х а й л о в н а. Мы еще продолжим наш разговор, Ирина Федоровна.

И р и н а *(поспешно)*. Да-да.

А н н а М и х а й л о в н а уходит.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Толкового на три копейки, а канцелярщины пуд. Писанина и писанина!

И р и н а. Не рычи. Давай разберемся! *(Берет у отца бумаги, садится к столу, читает.)*

Ф е д о р И в а н о в и ч *(подходит к карте, на которой черными флажками обозначена линия фронта. Стоит, рассматривает)*. Какая змея получилась!

Стук в дверь.

Можно.

Входит В о л о д я, за плечами у него вещевой мешок.

В о л о д я. Анна Михайловна Ковалева здесь живет?

И р и н а. Здесь. Только она на уроках в вечернем техникуме.

В о л о д я. А комната ее где?

И р и н а *(показывает)*. Вот эта.

Володя идет в комнату Анны Михайловны.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Молодой человек, вы, собственно, куда?

В о л о д я *(улыбаясь)*. Домой... Я ее сын...

И р и н а. Володя?!

В о л о д я. Да. А вы, наверное, Вероника?

Ф е д о р И в а н о в и ч. А я — Марк Александрович?

В о л о д я *(смеется)*. Ирина Федоровна!

Ф е д о р И в а н о в и ч. Разберешься постепенно...

В о л о д я. Вот вы какие!

Ф е д о р И в а н о в и ч. Нравимся? Ну, гость дорогой, сбрасывай пожитки.

Володя кладет вещевой мешок.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Анна Михайловна только что ушла, так что потерпи еще малость. Ириша, дай-ка с заветной полочки. Мы пока покалякаем. Ты пьющий?

В о л о д я. Конечно.

Ф е д о р И в а н о в и ч *(Ирине)*. Слыхала, как гордо сказано? *(Володе.)* Тебе сколько лет?

И р и н а вышла.

В о л о д я. Двадцать один.

Ф е д о р И в а н о в и ч. А я, знаешь, водку только лет в двадцать пять попробовал. Некогда было. Мировая война, революция, гражданская... Словом, не везло.

В о л о д я. Я все-таки на фронте был.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Понимаю. В отпуск или по чистой?

В о л о д я. По чистой.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Чем заслужил?

В о л о д я. Пуля в легком сидит. Это не больно. Только вы матери не говорите — сидит и пусть сидит, а ей скажем, что вытащили.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Что же ты не писал о приезде?

В о л о д я. Нарочно. У меня сегодня день рождения.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Сюрприз?

В о л о д я. Да. Вот только вид не праздничный.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Да, всучил тебе кладовщик не первый сорт.

В о л о д я. Взял что попало, только бы побыстрей. И в дороге пропылился. В Азии-то уже жарко.

И р и н а *(входя)*. А почему ты решил, что я Вероника?

В о л о д я. Мать писала — хорошенькая.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Ирина, твои шансы повышаются!

И р и н а. Чудак! Это же она о Веронике писала.

В о л о д я. О вас она тоже хорошо писала.

Ф е д о р И в а н о в и ч *(Ирине)*. А Вероника где?

И р и н а. Гулять ушла.

Ф е д о р И в а н о в и ч *(подымая рюмку)*. Ну, молодой герой, в нашем доме ты — первая ласточка.

Чокаются.

Дай бог — не последняя!

Володя *(чокаясь)*. Да, как говорится.
Ирина. Он не в этом смысле сказал, Володя.
Володя *(серьезно)*. Я знаю.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Комната Антонины Николаевны Монастырской. Антонина Николаевна и Варя сервируют стол.

Антонина Николаевна. ...Вот, Вавочка, как может перевернуться вся жизнь.

Варя. Вы не огорчайтесь, Антонина Николаевна. Получается прямо необыкновенно, как до войны.

Антонина Николаевна. Ты бы видела мои комнаты в Ленинграде! Какая мебель! Шкаф — клен «птичий глаз»! И представь, я его забила огромными гвоздями, там посуда. Хрусталь сложила в ванну. Неужели разворуют? А какие люди собирались у меня в этот день! Шум, смех... К концу вечера мы обязательно брали машину, и айда по городу... Из конца в конец! На Васильевский, на Кировские острова, по Петроградской стороне — всюду! Катание на машинах в эту ночь было традицией. А теперь... Какой ужас эта война! Она меня будто вышибла из той жизни одним махом, одним ударом... И знаешь, Вава, какая самая страшная мысль? А вдруг уж ничего не будет по-старому? Ничего, никогда!

Варя. Будет, Антонина Николаевна, будет. Я еще к вам в Ленинград в гости приеду.

Антонина Николаевна. Хорошо бы... Я тебе так признательна — ты мне дала приют у себя.

Варя. Ну, не надо этого, не надо! К нам в город столько понаехало — всех пристроили. Понимаем, чай, горе-то. А вы — ленинградка, самая пострадавшая. Посмотрите-ка лучше, как я селедочку разделала: огурчики соленые, лучок, яичком сверху покрошила, как вы советовали.

Антонина Николаевна. Спасибо тебе.

Варя. А кофточку вашу креп-жоржетовую я не продавала, прямо на это мясо выменяла. Кость была, я ее вырезала — завтра суп сварим.

Антонина Николаевна. А юбку шерстяную почему обратно принесла? Не берут?

Варя. Дают мало, а юбка хорошая, чего ее по дешевке пускать!

Антонина Николаевна. Хочешь, возьми себе, если нравится.

Варя. Что вы, не надо! Этакую красоту!

Антонина Николаевна. Бери! Бери! Я же тебе должна.

Варя. Вот что я вам скажу, Антонина Николаевна: порастрясете вы свое имущество, а дальше что? Война-то, она тянется и тянется... Пойду-ка я обратно на мыловаренный завод. Деньги будут, рабочая карточка... Зря вы меня тогда с толку сбили...

Антонина Николаевна. Нет-нет!.. Что ты!.. Я же погибну без тебя. А кто станет все делать — на базар ходить, стряпать? Потерпи, Вава. Я что-нибудь придумаю.

Варя. Вчера девчат с завода встретила: «Варвара, говорят, ты что, в домработницы переквалифицировалась?» Зубоскалят...

Антонина Николаевна. Завидуют. Чем они там, на заводе, заняты? Дохлых кошек на мыло переваривают?

Варя. Ну уж, Антонина Николаевна, никогда мы таким делом не занимались!.. Вы нашего производства не знаете.

Антонина Николаевна. У меня еще отрезы в чемодане есть, я тебе не показывала. Проживем припеваючи, увидишь. Ты такая добрая, отзывчивая... Не порти мне этот день такими разговорами, хорошо?

Варя. Хорошо.

Антонина Николаевна. Мне и так плакать хочется. Ну что это за жизнь, что за жизнь! *(Плачет.)*

Варя. Да не убивайтесь! Гости сегодня придут хорошие. Этот... Марк Александрович... как он на пианино играет!.. Просто душу выворачивает... Товарищ Чернов тоже мужчина примечательный... Нюра придет...

Антонина Николаевна. Ничего ты не понимаешь, Вава. Придет в гости хлеборезка Нюра. Ведь почему зову? Завишу от

нее — хлеб носит. Да не только хлеб, помнишь, сыр приносила, колбасу, где-то даже паюсную икру достала.

Варя. У них в торговой сети связи хорошо налажены.

Антонина Николаевна. Она будет царицей бала! Я за ней должна ухаживать!.. Как противно!.. Как противно!..

Варя. Нехорошая эта Нюрка, верно. Рассказала бы я вам, откуда эта Нюрка хлеб берет, как она его вешает, да огорчать не хочется.

Антонина Николаевна. Не рассказывай, Вава, не хочу я знать этой грязи, этой мерзости.

Варя. Студент придет?

Антонина Николаевна. Миша? Да-да, обещал. И невесту свою приведет, я потребовала показать.

Варя. Он хороший, идейный.

Антонина Николаевна. Знаешь, когда он рассказывает о вселенной, даже жутко становится. Без конца и без края, подумай... Только он не очень идейный. Знаешь, зачем он сюда ходит?

Варя. Зачем?

Антонина Николаевна. Досыта поесть. Живет плохо, бедствует. Ну и пусть ходит, а то от одной Нюрки задохнуться можно. Вава, ты оденься получше.

Варя. Я самое хорошее надела, Антонина Николаевна.

Антонина Николаевна. Надень мое, любое.

Варя. Велико будет.

Антонина Николаевна. Приладь.

Звонок. Варя открывает дверь. Входит Чернов.

Чернов. Поздравляю, Антонина Николаевна. *(Передает ей несколько коробок конфет и еще маленькую коробочку.)* Вавочка, здравствуйте.

Варя. Здравствуйте, Николай Николаевич. Вы раньше всех.

Антонина Николаевна. Ты примерь, Вава.

Варя. Попробую. *(Уходит.)*

Антонина Николаевна *(раскрыв коробочку)*. О, как щедро!

Чернов. Я не могу остаться — дела в филармонии, отправляю бригады в район и в воинские части. Освобожусь к полуночи.

Антонина Николаевна. И ничего не потеряете — будет иллюзия праздника.

Чернов. Мне просто приятно бывать с вами, на остальных мне начихать.

Антонина Николаевна *(смеется)*. Собственно, и мне тоже.

Чернов. А на Бороздина?

Антонина Николаевна. Вы будете мне припоминать его и тогда, когда я, допустим, стану вашей женой?

Чернов. Нет, только до тех пор, пока он бывает у вас. Я мог бы сделать так, чтобы он перестал появляться здесь, но я знаю женский характер! Если от вас отрывать мужчину насильно — это значит поднимать ему цену и увеличивать вашу привязанность к нему. Естественный ход событий наиболее верен.

Антонина Николаевна. Какой практицизм!

Чернов. Мне около пятидесяти, я не хочу казаться лучше или хуже.

Антонина Николаевна. Это скучно, но ценно. Вы написали жене в Ташкент?

Чернов. Пока... нет. Разумеется, я буду высылать ей алименты на младшего. Старший уже сам становится на ноги, он тоже обязан помогать матери. Там все будет нормально, по закону. Вы только скажите — да.

Антонина Николаевна молчит.

(Взглянув на часы.) За актерами придет машина из воинской части — задерживать нельзя. Потом нужно отправить автобус в район... Нагрузка большая, иногда даже чувствую усталость... *(Улыбнувшись.)* Ну, вот этого я не должен был вам говорить.

Антонина Николаевна. Вы освобождаетесь в двенадцать? Слушайте, поедемте кататься! Заезжайте за мной на машине!

Чернов. На легковой машине я отправил в колхоз артистов, приехавших из Москвы.

Антонина Николаевна. Ну, приезжайте на чем-нибудь, хоть на автобусе. А что? Будем ездить по городу на автобусе вдвоем, это даже необыкновенно!

Чернов. Автобус у нас один, он в девять уходит в район.

Антонина Николаевна. Ну достаньте какую-нибудь машину. Ну пожалуйста! Какую-нибудь — пожарную, санитарную... все равно... Достаньте!

Чернов. Это причуда, Антонина Николаевна!

Антонина Николаевна. Пусть!.. Ну... доставьте мне, пожалуйста, безумное удовольствие...

Чернов. Попробую... До свидания. *(Пошел, но остановился.)* Я люблю вас сильно. *(Уходит.)*

Входит Варя в платье Антонины Николаевны, она в нем выглядит смешно.

Варя. Я нарочно не выходила, нехорошо было бы, правда?

Антонина Николаевна. Умница.

Варя *(оглядывая свой наряд)*. В каком-то журнале я такую видела...

Антонина Николаевна. В «Крокодиле»...

Варя. Да-да, точно.

Антонина Николаевна. Ничего не подобрала?

Варя. Ничего. Свое надену, лучше, правда?

Антонина Николаевна. Безусловно.

Варя. А что вам подарил Николай Николаевич?

Антонина Николаевна. Вот. *(Показывает коробки конфет.)* И это. *(Передает Варе коробочку.)*

Варя *(раскрыв коробочку)*. Литерная карточка на питание... И жиры не вырезаны!.. Неужели свою отдал? Вот добрый человек! Чего же он не остался?

Антонина Николаевна. Не может. Занят на работе.

Варя. Деловой, видно.

Звонок.

Откройте, Антонина Николаевна, я в таком виде гостей перепугаю. *(Убегает.)*

Антонина Николаевна открывает дверь. Входят Миша, он в «сильных» очках, и Танечка — худенькая девочка с остреньким личиком.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а *(показывает на свой фартук)*. Гости аккуратны, а хозяева опаздывают.

М и ш а *(передавая Антонине Николаевне сверток)*. Поздравляю.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Что это?

М и ш а *(развертывая сверток)*. Фикус. В такой день полагается дарить цветы.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Чудак ты, Миша! Спасибо.

М и ш а. Танечка, познакомься: это та самая Антонина Николаевна, с которой мы в Ленинграде жили в одном парадном. Там только издали кланялись, а здесь познакомились.

Т а н е ч к а *(Антонине Николаевне)*. Здравствуйте. Поздравляю вас.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а *(здороваясь)*. Спасибо. Покажитесь, покажитесь, узнаем Мишин вкус. Он о вас столько рассказывал...

Т а н е ч к а. Вы извините его. Я говорю: не надо фикус, а он говорит: почему, это смешно. Знаете, он своей хозяйке за него два кубометра дров напилил.

М и ш а. Разве называют цену подарка?

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Вы очень славная. Миша, одобряю! *(Тане.)* Повеселимся сегодня. Можно будет потанцевать, спеть.

М и ш а. Танечка от нашего кружка самодеятельности даже в госпиталях выступает. Соло. Такой голос! Меццо.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Я уверена, у нее масса всяких достоинств.

М и ш а. И учится она совершенно блестяще...

Т а н е ч к а. Миша, не преувеличивай.

М и ш а. Танечка, это же правда.

Т а н е ч к а. Миша!

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Простите, я вас оставлю на одну минутку. *(Уходит.)*

Т а н е ч к а. Миша, ну зачем ты все время говоришь обо мне и обо мне... Так неудобно!

М и ш а. Но ты действительно исключительный человек.

Т а н е ч к а. Мы недолго посидим здесь, хорошо?

М и ш а. Ты дашь знак.

Звонок. Пробегает ***В а р я.***

Варя. Здравствуйте, Миша. *(Тане.)* Здравствуйте. *(Открывает дверь.)*

Миша *(Тане).* Ее зовут Вава. Она немного странная — не работает и не учится.

Танечка. А что делает?

Миша. Обслуживает Антонину Николаевну.

Танечка. А Антонина Николаевна где работает?

Миша. Нигде. Они, знаешь, как-то взаимно друг друга обслуживают. Я Варе говорю...

Входит Марк. Одновременно входит Антонина Николаевна.

Антонина Николаевна. Марк Александрович!

Марк. Поздравляю вас. *(Дает подарок.)*

Антонина Николаевна. Спасибо. Познакомьтесь.

Танечка *(здороваясь с Марком).* Мы с Мишей вас на концертах слушали.

Миша. Вы по манере игры немножко напоминаете Софроницкого.

Марк. Принимаю как комплимент.

Антонина Николаевна *(развернула сверток, увидев игрушку).* Я помолодела на десять лет!

Танечка. Ой, какая чудесная игрушка!

Миша *(Тане).* Я тебе такую достану, из-под земли выкопаю! *(Марку.)* Где это вы ее купили?

Марк. На заказ сделана.

Миша. Где?

Марк. Из Москвы прислали.

Миша. А... досада.

Антонина Николаевна. Товарищи, потерпите еще несколько минут. Молодежь, занимайтесь подбором пластинок — есть Лещенко и Шаляпин. Вава, покажи.

Марк. Я, к сожалению, не молодежь.

Варя и Таня уходят.

Миша. Насчет Софроницкого — это я не комплимент сказал. Когда вы жили в Ленинграде...

Антонина Николаевна. Миша, тебя Танечка ждет.

М и ш а. Извините. *(Уходит.)*

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Ты принес коробку конфет, которую купил у Чернова.

М а р к. Что ты!

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Не лги! Вон он притащил мне сколько! И главным образом затем, чтобы поставить тебя в неловкое положение. Ну, не смущайся. Люблю тебя за это, ребенок.

М а р к. Страшный человек.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Я сама его боюсь.

М а р к. Тоня, ты не спеши с ним... Я скоро оставлю жену...

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Если из-за меня — пожалуйста, не надо. Я не хочу вносить разлад в ваш дом.

М а р к. Разлада не будет. Я не люблю ее, она не любит меня. Она живет старыми воспоминаниями, ни слова не говорит, но я все вижу, все понимаю.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Ты ревнуешь!

М а р к. Как же я могу ревновать к пустому месту? Брат убит, это ясно. У них у всех не хватает мужества признаться себе в этом... Конечно, тяжело, но война!..

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Я тоже буду с тобой откровенна, Марк. Да, сейчас война, она унесет много мужчин, а молоденьких девушек будет все больше и больше. Ну кто польстится на меня при таком выборе? Я не спешила замуж, но сейчас это надо сделать. И быстрее, иначе я рискую остаться на бобах. Будет ли это Чернов? Возможно. Он всегда с деньгами. А деньги, как ни говори, великая вещь.

М а р к. Он в тюрьму скоро сядет... Его деньги краденые.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Что делать! К сожалению, жулики нередко богаче честных людей. Его дела не будут меня интересовать. Я с удовольствием вышла бы замуж за богатого честного человека, но где такой? Они не нашего поля ягоды. Ты не какой-нибудь Миша, ты должен все это понять. И мы останемся друзьями.

Звонок. Пробегает В а р я.

М а р к. Послушай меня, Тоня...

Входит Нюра. Когда она снимает пальто, на ней богатый, но чудовищно безвкусный наряд. В руках у Нюры сетка-авоська. Следом за ней возвращается Варя.

Нюра. Поздравляю, Антонина Николаевна, с днем вашего ангела! Тут консервы разные, муки три кило, баранки с маком — вы таких с довоенных времен не едали... Лярду взяла... Выгружай, Вавка, авоську отдашь. Марк Александрович, привет.

Варя унесла сетку с продуктами.

Марк. Здравствуй, Нюра.

Нюра *(оглядывая стол)*. Порядок! И в графинчиках булькает. Вон икорка-то моя поглядывает, сберегли тебя на такой день, не скушали.

Марк. Нюра, молодежь в той комнате пластинки подбирает.

Нюра. Ну их к шуту. *(Садится.)* Да и вы свои разговоры бросайте. Мы с Петькой тоже как начнем ворковать — удержу нет. Хотела я его сюда прихватить, да не идет, кобенится. Он у меня стеснительный. Ждем, что ли, кого?

Антонина Николаевна. Нет, Нюра, ты — последняя.

Нюра. Не последняя, а крайняя...

Антонина Николаевна *(зовет)*. Миша, Таня, идите к столу!

Входят Миша и Таня. Позднее — Варя.

Нюра. Я уже чуток выпила... ревизионная комиссия была. Устала. Прислали каких-то двух девчонок, чего они понимают, несмышленые? Под прилавок нос сунули, к бухгалтеру сбегали... Кругом ажур.

Антонина Николаевна. Миша, тебе, как самому ученому, первый тост.

Миша. С удовольствием.

Нюра *(Антонине Николаевне)*. Какое колечко симпатичное! Продайте!

Антонина Николаевна. Потом, Нюра, потом.

Миша. Товарищи, Антонина Николаевна нас извинит, если мы первую рюмку выпьем не за нее.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а *(смеется)*. За Танечку.

М и ш а. Даже не за Танечку. За скорейшее окончание войны. За победу!

Н ю р а. Э, если бы от выпитой водки война скорее окончилась, я бы одна ведро выпила. Однако не возражаю, авось поможет.

Все пьют.

М и ш а. Вы, Нюра, правы. Конечно, главное, чтобы каждый из нас сейчас трудился изо всех сил...

Н ю р а. Стараемся.

М и ш а. Только общими усилиями...

Т а н я. Миша, не надо...

М а р к. Давайте забудем все, что творится кругом.

В а р я. Да, забудь... Я на базар ходила — с вокзала опять раненых везли.

М и ш а. Много?

В а р я. Угу.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Будет, будет, не надо мрачных разговоров!

Н ю р а. Выпьем вот за что: за хлеб наш насущный, который нас кормит.

М и ш а. Которым мы кормимся.

Н ю р а. Я об этом и говорю.

М а р к. За Антонину Николаевну.

Все пьют.

Н ю р а. Что это мои наряды никто не хвалит?

М и ш а. Нюра, сногсшибательно!

Н ю р а. У меня еще панбархатное есть, длиннющее. Хотела надеть, да хвост из-под пальта торчит.

В а р я. Сколько буханок дала?

Н ю р а. Ты по своей иждивенческой немного получаешь, тебе не сосчитать.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Товарищи, без ссоры. Танечка, спойте нам, Марк Александрович будет аккомпанировать.

Т а н е ч к а. Мне не хочется.

Антонина Николаевна. Упрямиться нехорошо.

Танечка *(с резкостью в голосе).* Мне просто не хочется.

Марк. Антонина Николаевна, не торопите. Подождем минуты вдохновения.

Нюра *(взяв белку).* Все на свете ела, а золотых орехов не щелкала. Раздавлю парочку.

Антонина Николевна. Разделим пополам. Кто хочет, может унести на память об этом вечере. *(Делит орехи, находит на дне записку. Марку.)* Что это — поздравление?

Марк пытается отнять записку у Антонины Николаевны.

Нюра, держи его!

Нюра *(удерживая Марка).* Не трепыхайся, не трепыхайся, это тебе не на пианине играть.

Антонина Николаевна *(разворачивает записку, читает).* «Моя единственная!»... Марк Александрович, единственной у вас должна быть только жена... «Поздравляю тебя с твоим счастливым, радостным днем рождения!»... Вы перепутали, Марк, я именинница... «В этот день ты появилась на земле. Какое счастье, жизнь моя... Уйти от тебя тяжело, но остаться нельзя...». Что-то таинственное... «Я не могу жить прежней жизнью, беспечно веселиться в часы, когда по нашей земле идет смерть. Ты поймешь это, моя родная Белочка. Бывают дни и минуты, когда наша частная жизнь, пусть очень счастливая, становится ничтожной перед жизнью всех нас, всего народа, всей страны. Люблю и верю в тебя. Твой Борис». *(Пауза.)* Что это? Чья это записка?

Марк. Я купил эту вещь на рынке.

Антонина Николаевна. Скверная манера покупать подержанные вещи да еще дарить их! Может быть, она заразная!

Танечка *(встает).* Миша!

Миша встает и вместе с Танечкой идет к двери.

Антонина Николаевна. Вы куда?

Миша и Таня молча одеваются.

Уходишь, чистый человек? Дали команду?.. Наелся?

М и ш а. Что?

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Наелся, говорю?

Т а н е ч к а. Как вам не стыдно! Миша всю свою стипендию матери высылает и все, что подрабатывает... Она больная, вы знаете... Я ему говорила — не надо к вам ходить, а он всех считает хорошими... У нас в доме крошки в рот не берет, а все время недоедает, знаю... Мы поженимся скоро, он совсем у нас будет свой...

М и ш а. Танечка, ты не думай, что я...

Т а н е ч к а. Здесь ничего не говори, не надо!

Сталкивается в дверях с В е р о н и к о й.

Видишь, здесь и без нас будет весело...

Уходят.

М а р к. Что ты?! Зачем ты пришла?

В е р о н и к а. Где моя белка?

М а р к. Ты понимаешь, что ты делаешь?

В е р о н и к а. Где она?

М а р к. Что с тобой? *(Подходит к Веронике.)* Ну что с тобой?

В е р о н и к а. Не трогай меня!

М а р к. Только не устраивай скандал. И ты, пожалуйста, ничего не думай...

В е р о н и к а *(увидев белку)*. Возьми ее со стола.

М а р к. Не делай глупости, Вероника.

В е р о н и к а. Заверни ее, на улице мокрый снег.

М а р к. Ну хорошо-хорошо... Я иду с тобой. Я сижу в гостях, что особенного?

В е р о н и к а. Быстрее!

М а р к *(берет белку, собирает орехи)*. Антонина Николаевна, вы извините...

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а *(Веронике)*. Здесь еще вам записка от какого-то Бори...

В е р о н и к а *(забыв все, бросается к записке)*. От Бори?!

М а р к. Это старая, старая...

Вероника читает записку.

М а р к *(подходит к ней, берет ее за плечи).* Ну что ты переполошилась, глупенькая?

Вероника смотрит на Марка и вдруг с размаху бьет его по лицу.

Что ты? Ты что?!

Вероника бьет еще раз, еще и еще. Идет к двери.

Я иду с тобой. *(Всем.)* Извините меня... Вы, конечно, понимаете... *(Веронике.)* Я иду.

В е р о н и к а ушла. М а р к уходит за ней.

Н ю р а. Ревнивая ему досталась, от такой не убежит.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Какая отвратительная сцена. Я даже испугалась.

Н ю р а. Да нет, она добрая. Если бы я своего Петьку с какой бабой застала, тут бы на месте обоих и придушила.

В а р я. Зачем это вы, Антонина Николаевна, Мишу обидели? Как нехорошо сказали — «наелся»! Меня прямо в краску бросило.

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. Оставь меня в покое... Еще тебя недостает.

Н ю р а. Да уж, и без тебя тут много гавкали.

В а р я. Он всегда с вами так хорошо разговаривал...

Н ю р а. Отлипни, говорят!

В а р я. Ты сама молчи. Знаю, как ты хлеб вешаешь да сколько черным ходом уносишь.

Н ю р а. Ну, мы эти разговоры не первый раз слушаем. Считай за счастье, что ты не в магазине перед прилавком. Тут интеллигентная женщина сидит. Я бы тебе ответила — умеем, насобачились.

В а р я. Съехали бы вы от меня, Антонина Николаевна!

А н т о н и н а Н и к о л а е в н а. С ума ты сошла! Куда я уеду?

В а р я. Я на завод пойду работать. Там меня Варей звали. А вы придумали — Вава. Все равно как собаки лают: ва-ва! Ваша жизнь, может быть, и интеллигентная, но вы уж ею сами живите, а я не могу, не получается.

Антонина Николаевна. Перестань, тебе говорят. Меня сюда райисполком вселил, по ордеру, и ты из себя хозяйку не изображай.

Варя. Ладно... в общежитие перееду к девчатам, они пустят... Папаня с братом с фронта пишут: «Варвара, как ты там одна?» А я их успокаиваю... Папаня-то, уезжая, говорил... *(Плачет.)*

Нюра. Ну, навела тоску на светлый день. *(Подходит к Антонине Николаевне, берет ее за руку.)* Я пойду. Расклеилась вечеруха. Не тот вы народ подбираете, я вам скажу. Не тот. Хлипкие очень. А сейчас война — крепких надо под рукой иметь, своих. Колечко-то как блестит!.. На что оно вам, вы и так красавица. Уступите, а?

Антонина Николаевна. Господи, хоть бы Чернов скорее приехал... Спрятаться за него и утихнуть. Я так измучилась, Нюра, так устала... Извертелась, изломалась... Мне уж тишины хочется, покоя...

Нюра. Я сама по спокою соскучилась. Ведь на нервах живешь! Антонина Николаевна, на нервах! Несу хлеб, а сама оглядываюсь, будто воровка какая... Накоплю пятьсот тысяч и притихну. Вавка, не всхлипывай. Мы тишины хотим. Тишины, слышишь? Не всхлипывай!..

КАРТИНА ПЯТАЯ

Декорация третьей картины. В комнате — Федор Иванович и Володя. Они сидят за тем же столом и продолжают беседу.

Володя. Впереди кино, чистое кино: на горизонте деревни горят, лес тоже полыхает, и люди бегут. Кино. Немцы на наш бугор психической атакой идут... Мы в окопах притаились... Вверху бомбардировщики воют... Слева, около леса, танковый бой идет... Мины свистят... Все, знаете, вокруг гудит, грохочет.

Федор Иванович. Ты стихи пишешь?

Володя. А вы как догадались?

Федор Иванович. Проник.

Володя. Ну так вот...

Федор Иванович. Гляжу я на тебя — такие, как ты, и мне в руки попадались в очень плачевном виде. Эх, мать ты моя! Что ж это война наделала! Пойми, кончится она, а горе-то, оно, знаешь, и после войны сколько лет эхом по земле грохотать будет!..

Володя. Ну, после войны мы поживем!

Федор Иванович. Отвоюем — потанцуем. Вот что, герой, давай матери позвоним. Она после уроков имеет привычку идти домой пешком. А это — минут сорок. *(Идет к телефону.)*

Володя. Почему пешком?

Федор Иванович. Время быстрее идет.

Володя. А у матери лекции во сколько кончаются?

Федор Иванович. Когда как... *(В трубку.)* Техникум?.. Ковалеву Анну Михайловну... Ага! Ну, как уроки кончатся, скажите ей, чтобы домой сразу ехала. К ней сын вернулся... Да, Вольдемар. *(Повесил трубку.)*

Володя. Ну вот, все испортили. Она теперь знать будет.

Федор Иванович. А тебе хочется, чтобы она от твоего сюрприза вон там, у порога, без сознания свалилась? Секретарша и та взвизгнула... Скоро освободится. Последняя лекция идет. Потерпи, герой... У меня тут кое-какое обмундирование есть — наведи красоту, переоденься. Как-никак новорожденный. *(Достает одежду Бориса.)* Тебе пойдет. Мой разве в плечах пошире.

Володя. Вот вы со мной разговариваете, а все о нем думаете.

Федор Иванович. Обо всех.

Володя. О нем особенно.

Федор Иванович. Не философствуй, герой.

Володя. Не зовите меня так, не герой я.

Федор Иванович. Грудь под пулю подставил — этого, брат, достаточно.

Володя. Ну, там такие чудеса делают!..

Федор Иванович. Читал.

Володя. А я сам видел.

Федор Иванович. Галстук по вкусу выбирай. Ты, наверное, пижон был?

Володя. Слегка. *(Переодевается, из кармана что-то падает на пол.)*

Федор Иванович. У тебя из кармана что-то вылетело.

Володя поднимает фотографию, прячет в карман.

Ого, женщина. Понятно.

Володя. Совсем не то.

Федор Иванович. Скромничай! Все вы по этой части ходоки хорошие!

Володя. Честное слово, не то.

Федор Иванович. Заливай-заливай!

Володя. Вот по секрету говорю: совсем этого не было.

Федор Иванович. Почему по секрету?

Володя. Неудобно как-то.

Федор Иванович. Чудак, очень удобно. Из такой войны чистым выбраться нелегко.

Володя *(показывает фото)*. Это мама.

Федор Иванович. В молодости.

Володя. Почему? В сорок первом году снималась.

Федор Иванович. Да что ты!

Володя. Разве не похожа?

Федор Иванович. Нет-нет, узнаю, узнаю.

Стук в дверь.

Можно.

Входит Чернов.

Чернов. Если не ошибаюсь, Федор Иванович?

Федор Иванович. Он самый.

Чернов *(здороваясь)*. Я администратор филармонии, где служит ваш племянник, Марк Александрович. Моя фамилия Чернов Николай Николаевич.

Федор Иванович. Очень приятно.

Чернов. Мне вдвойне.

Федор Иванович *(Володе)*. Переоденься в той комнате. *(Тихо.)* Начальство племянника — сам понимаешь, неудобно выставить.

Володя ушел.

Чернов. Столько слышал о чудесах, которые вы творите у себя в госпитале.

Федор Иванович. Садитесь, пожалуйста.

Чернов. Благодарю. *(Сел.)* Простите, но я к вам с просьбой. Даже неудобно — в первый день знакомства...

Федор Иванович. Ничего-ничего, пожалуйста.

Чернов. Вы главный хирург госпиталя... Вероятно, вам не откажут предоставить госпитальную машину на некоторый срок?

Федор Иванович. Если понадобится, думаю, не откажут.

Чернов. Будьте добры, достаньте ее для меня. Филармонические все в разъезде. Позарез надо.

Федор Иванович. Это сложно... Как-то неудобно... Машины сейчас на вес золота... Каждый литр горючего экономят...

Чернов. Горючее достану, верну. Это для меня несложно. Могу и вам достать недорого.

Федор Иванович. Нет, мне, собственно, не надо.

Чернов. Я именно к вам, Федор Иванович, по-товарищески. Знаю, что трудно — время дьявольское. Все дается с трудом. Я тогда для Марка Александровича тоже бегал, бегал... Ну, раз вы просили... Я уж, как говорится, в лепешку... Ваше имя!.. О... Вы даже, наверное, и не знаете, как в городе о вас хорошо говорят: и наверху и в массе. Вот еще о чем я вас попрошу, Федор Иванович, посоветуйте Марку Александровичу больше заниматься. Он, извините, превращается в самого заурядного пианиста. Броня у него кончается через три месяца, а в армию сейчас берут и берут — подчистую вымахивают. *(Доверительно.)* Вы знаете, какие у нас потери? Не мне вам говорить. Даже у вас, говорят, в коридорах кладут. Сделать ему броню на этот раз будет ну просто невозможно. *(Протягивает папиросы Федору Ивановичу.)* Вы курите?

Федор Иванович молчит.

(Поднимает на него глаза.) Федор Иванович, что с вами? Федор Иванович... Вы не подумайте, об этом ни одна душа не знает... Я понимаю, ваше имя... *(Смотрит на Федора Иваановича.)* Неужели Марк Александрович обманывал меня и вас? Это непо-

рядочно!.. Мне так трудно было... Да нет, он даже деньги от вас предлагал... Я, конечно, не взял... Собственно, даже не я броню устраивал... Вы извините... Я поговорю с Марком Александровичем... Это так нехорошо, так нехорошо... Будьте здоровы, Федор Иванович. *(Исчез.)*

Входит В о л о д я.

В о л о д я. Какие-нибудь неприятности? Да вы не волнуйтесь. Давайте выпьем для успокоения.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Герой! Ты свое ухарство бросай, а то прилипнет — балбесом сделаешься.

В о л о д я *(смущенно)*... Я просто так...

Ф е д о р И в а н о в и ч. То-то!

В о л о д я уходит. Федор Иванович крупными шагами ходит по комнате.

Входит И р и н а.

И р и н а. Ему легче. Он нервничает и возится. Укол сделала. Пусть спит, это лучше, верно? А где воин? *(Зовет.)* Володя!

Ф е д о р И в а н о в и ч. Переодевается. Я ему Борисово дал, а то вид у него невзрачный.

Входит В о л о д я.

В о л о д я. Подошло.

И р и н а. Ну-ка, повернись.

Володя поворачивается.

(Отцу, тихо.) Не надо было... Даже жутко.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Чепуха.

И р и н а. Ты что злой?

Входят В е р о н и к а и М а р к.

М а р к. Дядя Федя, я просто прошу твоей помощи. Ты знаешь, что она сейчас выкинула?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Что?

Марк. Влетела к посторонним людям — я туда на минуту зашел, — кричала, как базарная торговка, даже драться полезла! Ты представляешь?

Федор Иванович. Не ударила?

Марк. Дядя Федя, сейчас не до шуток. Там были чужие люди... Теперь сплетни пойдут. Городишко паршивенький. Меня публика знает, тебя тоже.

Федор Иванович. Да, позорить себя я никому не позволю.

Марк *(Веронике)*. Слышишь?

Федор Иванович. Дальше что?

Марк. Дядя Федя, я знаю, вы ее любите. Мне тоже ее жалко. Но мой брак — неудачный, мы все это видим, только как-то по-интеллигентски заминаем вопрос. Надо решать. Давайте снимем ей угол, может быть, найдем целую комнату, я готов оплачивать, помогать. В конце концов, она сама должна научиться зарабатывать. Сейчас война — все работают. Это неприятно, но надо решать. Видите, как получается. В свое время пожалеешь человека...

Ирина *(Марку)*. Ты не смей о Веронике так говорить!

Марк. Тебе она до сих пор тоже была не по вкусу... Разве случилось что?

Ирина. Ничего не случилось, но я твои дела тоже знаю...

Марк. Здесь чужие люди...

Федор Иванович. Ничего, он дома.

Ирина. Это сын Анны Михайловны.

Марк. Может быть, он уйдет в свою комнату?

Володя хочет уйти.

Федор Иванович. Останься.

Марк. Что вы из-за нее на меня налетаете? Ну ошибся я... Она тоже не маленькая.

Федор Иванович. Не смей себя равнять с ней! Она совершила ошибку, так она сама же и казнит себя, еле живет... а ты делаешь пакости и хочешь чувствовать себя честным человеком. Только что я узнал новость о тебе.

Марк. Какую?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Очень приятную. Может быть, ты сам расскажешь о своем блестящем поступке?

М а р к. Не понимаю, о чем ты...

Ф е д о р И в а н о в и ч. Не по-ни-ма-ешь?

И р и н а. Марк, не серди папу, говори!

М а р к. Я не знаю, что ему наговорили.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Припомни!

М а р к. Ты, может быть, о том, что я взял лекарства из твоей аптечки? Меня просили для больного... Что особенного?

И р и н а. Зачем ты взял? Кому?

М а р к. Болен администратор нашей филармонии Чернов.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Платишь?!

М а р к. О чем ты?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Платишь, говорю! Ты просил от моего имени этого жулика устроить тебе броню, чтобы не идти в армию. И у тебя эта броня есть!

И р и н а. Марк!

В е р о н и к а. Трус, трус, трус! А Боря... Боря — сам!

И р и н а. Папа, этого не может быть! Тебе наговорили на него!

Ф е д о р И в а н о в и ч *(Марку)*. Ты что? Думаешь, это легкая шалость? Аллегро?.. Скерцо?.. Или... как у вас там?

И р и н а. Тебе нельзя так волноваться...

Ф е д о р И в а н о в и ч. Оставь, пожалуйста... Ничего со мной не будет! *(Марку.)* Как ты мог сделать это? Кто тебе повод дал в нашей семье для такого поступка — я, Ирина или, быть может, Борис?!

И р и н а. Перестань сейчас же, слышишь! Сядь! *(Насильно усаживает отца на стул. Марку.)* Я тебе припомню за отца, увидишь!

Ф е д о р И в а н о в и ч. Вот что, Марк...

И р и н а. Молчи, я сказала!

Ф е д о р И в а н о в и ч. Я тихо, Ирина. *(Марку, показывая на Володю.)* Вот этот птенец грудь под пули подставил... За меня, за них. *(Показывает на Ирину и Веронику.)* За всех... и за тебя в том числе... Живы останемся — в вечном долгу перед ними будем... в вечном... Не знаю, Марк, как и говорить с тобой... Если бы ты ушел в армию, мы бы тоже ждали тебя. Исступлен-

но ждали... и верили... волновались, говорили бы о тебе ежедневно... Вон Ирина плакала бы по ночам... *(Ирине.)* Мне ведь слышно бывает... *(Марку.)* Ты думаешь, кому-нибудь на войну сына отправлять хочется?.. Надо!.. Ты что, считаешь, что за тебя, за твое благополучное существование кто-то должен терять руки, ноги, глаза, челюсти, жизнь?.. А ты — ни за кого и ничто!

Ирина. Папа!

Федор Иванович *(тише, показывая на Володю).* Ты смотри, смотри на этого ребенка... *(Володе.)* Извини, герой, я думал, ему особенно будет стыдно твоего присутствия... Скажи ему хоть два слова...

Володя. Ну зачем же...

Большая пауза. Все разошлись по комнате, молчат.

(Начинает говорить, желая прервать эту тяжелую паузу.) Вы напрасно трусите... Конечно, страшно... Ну что же делать? Я не жалею, что повидал всякое. Думаю, поумнел. До войны я что знал? Дом да школа... Ну, стадион еще... В общем, маменькин сынок... А там, знаете, люди просто особенные. Меня один всё портянки учил накручивать — колхозник пожилой... терпение имел... научил... А когда в окружение попали, наше подразделение сибиряки отбивали... спасли, а то бы нас всех в кашу. Нет, не жалею... Да и когда ранило — вытащили. *(Пауза.)* И чудно так было... Мы в разведку ходили вдвоем... Да разошлись както... Обратно иду — поле кругом, снег выпал, видно... По мне стрелять начали... Ну, я, конечно, на землю плашмя. А холодно... Хочу встать — над самой головой: жжить, жжить! Опять лежу... долго... Чувствую, коченеть начинаю... Вижу, кто-то ко мне подползает, наш... «Лежи, говорит, башки не поднимай, тут, говорит, мертвая полоса...». Это значит, когда нельзя ни назад, ни вперед двигаться... Лежим оба... Дурацкое положение. Он крепче меня был, а я чувствую, что замерзаю. Лежать нужно было до темноты, в темноте легче, а ее еще и не видно было... Он мне начал лицо растирать снегом... Наверное, увидел, что нос побелел... А мне вдруг спать захотелось... Он знал, что

это смерть... Расстегнул полушубок, прижал к себе... тепло от него... О девушке вдруг начал говорить — как она хороша, как любит его, как он вернется и женится на ней... Эта тема там популярная... Он совсем разгорячился, а мне тоже, знаете, тепло стало, он все называл ее — Белка... Потом рассказывал смешную историю, как он однажды...

Ирина. Скажи, как его звали?

Володя. Не знаю. Он был не из нашего подразделения.

Ирина. А потом разве вы не встречались?

Володя. К сожалению, нет.

Ирина. Что же было дальше, Володя?

Володя. Так мы лежали, а темнота только-только спускалась. Он тоже устал и озяб... а я уже засыпал. Помню, он сильно ударил меня кулаком, я очнулся, снова понял все, что происходит, не выдержал, вскочил на ноги... Вот тут-то меня и стукнуло... *(показывает на грудь)* сюда. Я упал... Он ругался, бранил меня... Ну, а мне уж было все равно. Вдруг он вскочил, схватил меня поперек туловища и побежал... По нему стреляли, а он бежал по замерзшему кочковатому полю... Бежать было недалеко, до перелеска...

Ирина. Добежали, Володя?

Володя. Он добежал. Положил меня в снег и только сам-то поднялся, а эти гады опять начали стрелять и убили его так, что он прямо на меня упал.

Ирина. Убили?

Володя. Из автоматов, наверно. Так что мне, собственно, говорить нечего.

Ирина. Кто же это был, ты так и не знаешь?

Володя. Нет. Тут заваруха началась... Когда подошли наши, меня положили на плащ-палатку и понесли, а его стали закапывать.

Ирина. А документы ты его не видел?

Володя. Он тоже из разведки полз, а когда посылают в разведку, ничего не разрешают брать с собой... В карманах у него нашли только какую-то пуговицу...

Ирина *(быстро идет к комоду, достает фотографию Бориса, показывает Володе)*. Похож?

В о л о д я *(после долгой паузы)*. Нет.
И р и н а *(громко)*. Он?
В о л о д я *(тихо)*. Да.

Ф е д о р И в а н о в и ч проходит в другую комнату. И р и н а быстро идет за ним. Затем уходит и М а р к.

Как получилось... Знаете, у нас в палате младший лейтенант из Пскова лежал, все жену разыскивал, во все концы письма писал, а она, оказывается, на четвертом этаже няней работала в нашем же госпитале... А один рассказывал...
В е р о н и к а. Володя, он ничего не сказал перед...
В о л о д я. Нет. Он умер сразу...
В е р о н и к а. Его там и похоронили?
В о л о д я. Да.
В е р о н и к а. Где это?
В о л о д я. Западная окраина Смоленска, около высоты ноль шесть.

Входит Ф е д о р И в а н о в и ч, за ним И р и н а.

И р и н а. Папа, ты сейчас никуда не ходи.
Ф е д о р И в а н о в и ч. Пойду, Ирина...

Распахивается дверь, вбегает запыхавшаяся А н н а М и х а й л о в н а. Бросается к Володе.

А н н а М и х а й л о в н а. Вовочка!.. Вовулька мой!.. Федор Иванович, Ирина!.. Товарищи! Радость-то какая! Какая радость!..

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Комната Бороздиных в Москве. Несколько секунд комната пуста, затем с шумом и гамом, распахнув двери, входят Ф е д о р И в а н о в и ч, В а р в а р а К а п и т о н о в н а, В е р о н и к а, А н н а М и х а й л о в н а, М а р к, И р и н а, А н о с о в а, З а й ц е в, В о л о д я. Сначала все говорят одновременно, расставляя внесенные вещи: чемоданы, тюки, рюкзаки, ящики, которые вносятся из прихожей. Постепен-

но комната заполняется вещами, которые будут потом разносить по всей квартире.

Реплики, которые мы слышим.

Анносова. Что же я Василия-то с Константином не позову, они помогут. *(Ушла.)*

Ирина. Милая наша московская квартира, до чего же ты облезлая!

Федор Иванович. Кости целы — мясо нарастет! А Москва, как раньше, кипит, ругается! В трамвае-то как стиснули, а? Я чуть не задохнулся от радости.

Анна Михайловна. От радости?

Федор Иванович. Еще бы! Так же меня и до войны в них тискали! Попригляжусь, порадуюсь, а потом сам тискать начну.

Варвара Капитоновна. Вы еще салютов не видели, завтра будет.

Анна Михайловна. Почему вы думаете — завтра?

Варвара Капитоновна. По моим подсчетам — завтра...

Федор Иванович. Главнокомандующий! *(Уходит.)*

Ирина. А где аптечка?

Вероника *(внося один из ящиков)*. Вот твоя аптечка! *(Сверток раскрывается. Из него падает и проливается пузырек.)* Ой, Ирина сейчас меня убьет!

Варвара Капитоновна. За что?

Ирина. Так и быть, прощаю, но вообще привыкай к порядку.

Варвара Капитоновна. Анна Михайловна, помогите мне. *(Уходит.)*

Зайцев *(Володе)*. Ты меня с вокзала зря увез — неудобно. Здесь... у людей свои дела... Чего толкаться постороннему-то?

Володя. Так твой поезд еще ночью пойдет — поболтаем... И не стесняйся, это, брат, мировые люди!.. А я хочу в институт поступать...

Зайцев. На какое отделение?

Володя. На электромеханическое.

Вероника. Вам всем подавай только технический.

В о л о д я. Естественно, не медицинский же.

Входит Ф е д о р И в а н о в и ч.

Тпру! В этом доме не говорят...

В е р о н и к а. Я быстро. *(Уходит.)*

Володя идет за ней.

В о л о д я. Бестолковая, полотенце забыла. *(Ушел, взяв полотенце.)*

Ф е д о р И в а н о в и ч. Мое унес.

И р и н а. Ты бы сказал ему. Что он за ней по пятам ходит? Просто уж ничего вокруг себя не видит, даже смотреть неловко.

Ф е д о р И в а н о в и ч. А ты, знаешь, не обращай внимания, ходит — ну и пусть ходит. Пяток не отдавит.

И р и н а́. Все-таки она странная.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Это естественно, Ирина... Природа, знаешь, не терпит пустоты.

И р и н а. Это зависит от человеческой натуры.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Может быть, может быть...

И р и н а. Знаешь, что перед отъездом твой милый Бобров на пятиминутке заявил?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Не знаю.

И р и н а. Вот послушай...

Ф е д о р И в а н о в и ч. Не буду слушать. Родной дом располагает меня к лени.

И р и н а. Он — назло мне, ведь он знает, что тема моей докторской...

Ф е д о р И в а н о в и ч. Полно уж... А ну-ка, взяли!

Ф е д о р И в а н о в и ч, И р и н а и З а й ц е в уходят с вещами, приходят В а р в а р а К а п и т о н о в н а и А н н а М и х а й л о в н а.

А н н а М и х а й л о в н а. Что же вы плачете?

В а р в а р а К а п и т о н о в н а. Все перемешалось: и радость и горе. Увидела своих, и так его теперь недостает, так недостает!

А н н а М и х а й л о в н а. А мы в Ленинград скоро...

Варвара Капитоновна. Скоро не скоро, а пока у нас жить будете.

Анна Михайловна. Да, Володя здесь в институт держать хочет...

Слышен голос Федора Ивановича.

Варвара Капитоновна. Как он там... когда узнал-то?

Анна Михайловна. Болел долго... Боялись за него... А потом встал, окреп... Только седина ударила...

Варвара Капитоновна. Вижу-вижу!.. Когда Марк оттуда приехал, я все его расспрашивала, да он что-то молчал... Вышло там у вас с ним что?.. И сегодня, как на вокзал вас идти встречать, — нервничал... метался... Что случилось-то?

Анна Михайловна. Так...

Варвара Капитоновна. Ну, забудется со временем, зарастет...

Марк *(входит).* А вы помолодели, Анна Михайловна.

Анна Михайловна. Настроение другое — война на запад катится.

Марк. Да-да... Со дня на день наши войска немецкую границу перейдут.

Входят Федор Иванович, Ирина, Вероника и Володя.

Федор Иванович. План захвата московской квартиры Бороздиных таков: бабушка, Анна Михайловна и Вероника атакуют спальню, Ирина с боем берет ранее оставленную собственную жилплощадь. Я и Владимир штурмуем мой кабинет. *(Володе.)* На диване у меня поместишься.

Марк. Дядя Федя, вы забыли мою комнату. Давайте Владимира ко мне. Бориса кровать можно снова на место поставить.

Федор Иванович. А это нейтральная площадь, как и была... Вероника, ты можешь свою скульптуру здесь расположить... Ателье вроде... Владимир, извини, как твоего приятеля зовут, которого ты сейчас на вокзале подцепил?

В о л о д я. Зайцев Иван Петрович... Это он... он меня портянки накручивать учил... Помните, я рассказывал...

Ф е д о р И в а н о в и ч *(кричит в дверь)*. Иван Петрович! Ты располагаешься там.

З а й ц е в *(входя)*. Есть.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Ну, вперед!

Все расходятся, разнося вещи. Вероника в углу разворачивает скульптуру. Когда все ушли, она осматривает комнату, выходит на середину. Стоит и плачет, слезы текут у нее по лицу.

Незаметно вошел В о л о д я. *Вероника его увидела и не скрывает своих чувств.*

В е р о н и к а. Пианино и раньше здесь стояло... Помню, один раз мы пришли с ним из кино... *(Замолчала.)*

В о л о д я. Завтра надо будет тебе съездить в институт, узнать о приеме.

В е р о н и к а. Боюсь, примут ли!.. Но надо работать, работать, работать!.. Я отстала на тысячелетие.

Входит М а р к.

М а р к *(Веронике)*. Ты опять возвращаешься к любимому делу? Видишь, я говорил...

В е р о н и к а. Неужели ты не понимаешь, Марк, что дядя Федя не хочет, чтобы ты жил вместе с ним, в одной квартире?

М а р к. Он мне этого не говорил!

В е р о н и к а. А ты не догадываешься?

М а р к *(Володе)*. Уйди на минуту, пожалуйста. Мне с Вероникой надо поговорить.

В о л о д я *(Веронике)*. Уйти?

В е р о н и к а. Как хочешь.

В о л о д я. Я останусь.

М а р к *(Веронике)*. Ты стала очень взрослой, Вероника... Я люблю тебя... Если ты крупный человек, а всякий художник должен быть крупным человеком, ты обязана понять меня, понять,

что я старался стать выше повседневности, обыденности и шаблона... Когда ты поступишь учиться и с головой уйдешь в искусство, ты поймешь, что, кроме него, ничего нет в мире... И оно требует всего человека целиком, запрещает ему служить любой иной великой цели, так как служить двум великим целям нельзя... Ты поймешь...

Вероника. Твоя ложь удивительно похожа на правду... Но все гораздо проще, Марк,— я не люблю тебя... Я никогда не любила... Мне было восемнадцать лет, и у меня все перепуталось в голове... Ты меня извини, но я презираю тебя... Неужели ты думаешь, что Борис, который любил науку не меньше, чем ты музыку, даже больше — да-да-да, больше,— изменил ей, когда ушел на войну?..

Марк. Борис это сделал легко, он не поднялся выше, поэтому он никогда не стал бы большим ученым...

Вероника. Стал бы, стал бы. Стал!

Володя. Он уже был большой человек — это еще важнее. В отличие...

Марк. Пожалуйста, не веди себя как инвалид Отечественной войны на базаре... Твои интересы мне видны вполне отчетливо...

Володя. На что ты намекаешь?

Вероника. На меня, Володя.

Володя. Вот что, гений, тебе надо бы жить тише, осторожнее.

Марк. Не размахивай своей култышкой, петушок. Не бренчи медалью — это ведь из-за тебя Бориса убили.

Володя *(опешив)*. Что?!!

Марк. Факт есть факт. Это тебе надо жить потихоньку.

Володя. До чего нелепое положение! Ты знаешь, на фронте проще: враг перед глазами, ясно, что с ним делать. А вот здесь ты стоишь передо мной, а что я могу? Тебя же убить надо, гад! Понимаешь, убить! Убить, а нельзя.

Входит Анна Михайловна.

Анна Михайловна. Вы, никак, ссоритесь?

Вероника. Нет, так... разговариваем...

Анна Михайловна. Ну, у молодежи всегда есть о чем поговорить.

Марк. Ну что ж, оставайтесь в плену ваших ординарных суждений...

Вероника и Марк уходят в разные стороны.

Анна Михайловна *(Володе)*. Вот ты скоро у нас и студентом станешь. Мы с отцом давно мечтали об этом.

Володя. Я не буду студентом, мама!

Анна Михайловна. А как же?

Володя. Завтра я пойду в военкомат и попрошу, чтобы меня снова взяли на фронт.

Анна Михайловна. Что ты, мальчик мой...

Володя. И не возражай.

Анна Михайловна. Ты ни о ком не думаешь, кроме себя.

Володя. Думаю. Без этого мне, может быть, и жить нельзя.

Анна Михайловна. Да тебя и не возьмут, Володя.

Володя. Возьмут, еще как! Я здоров, совершенно здоров.

Входит Федор Иванович.

Федор Иванович, меня могут взять снова в армию? Могут? А? Я здоров?

Федор Иванович. Абсолютно! Хоть сейчас! По первой статье пойдешь!

Володя *(матери)*. Видала! *(Ушел.)*

Анна Михайловна. Господи, хоть бы война сегодня кончилась...

Федор Иванович. Не волнуйтесь, Анна Михайловна, ему еще года два силы набирать... Не возьмут... Это я так сказал — вижу, вожжа ему под хвост попала... Что вы плачете, Анна Михайловна?

Анна Михайловна. Сама не знаю.

Варвара Капитоновна *(проходя)*. Анна Михайловна, посмотрите, может быть, газ опять работать начал, поставьте кастрюли.

Обе уходят. Вошла Ирина.

Ирина. Фонарики зажгли. Слабо горят, фонарики-сударики. *(Отцу.)* Ты что, устал?

Федор Иванович. Слегка. Ну что ж, наша московская квартира приобретает совсем довоенный вид. Все как было...

Ирина.

«Все как было. Только странная
Воцарилась тишина,
И в окне твоем — туманная
Только улица страшна».

Входит Вероника.

Может быть, за стол сядем? Отец давно есть хочет, да терпит.

Вероника. А ты?

Ирина. Ну, я тоже хочу.

Вероника. Так бы и говорила... Нечего на отца сваливать!

Ирина *(зовет)*. Бабушка!

Входят Варвара Капитоновна и Анна Михайловна.

Сядем мы за стол или нет?

Варвара Капитоновна. Странно, Ирина, как будто задержка из-за нас.

Федор Иванович. Все в сборе, ну, садись. Ируша, в шкафчике...

Ирина. ...на заветной полочке... Уже успел?

Федор Иванович. Угу.

Ирина выходит и быстро возвращается.

Наконец-то я на свое место сел. Мама, займите ваше парадное кресло. Время и на нем оставило свои следы. Анна Михайловна, сюда. Ирина, твой стул давно пора бы на чердак выбросить, но, откровенно говоря, мне этого не хочется.

Ирина. Я, кажется, тебя не подведу.

Федор Иванович. Ты, Вероника, часто здесь сиживала, тут и останешься.

Все рассаживаются.

Варвара Капитоновна. Маркуша, иди ужинать!

Федор Иванович. А где Володя? Его на это место посадим...

Входят Аносова с сыновьями и Марк.

Аносова. Вот они! Константин-то видели какой? А?.. А Василий?!

Василий. Мать, ты нас, как циркачей каких, демонстрируешь... На дню по десять раз. Мы уж устали...

Аносова. И буду!.. Поищи таких, как вы! *(Показывает на ордена, что на груди у ребят.)* Это — за взятие Ростова, правильно? Это — за то, что боеприпасы вез под таким огнем-огнищем! Правильно? Это — за... Как деревня-то называется?

Константин. Ну, Семеновское... Мам...

Аносова. Правильно! Это — особый — командира спасал под Белой Церковью...

Василий. Мать, отпусти...

Аносова. А это — «За отвагу». А отвага была вот в чем...

Константин. Отпусти!

Во время этого разговора вошли Володя и Зайцев.

Зайцев. Слушай, ты под Белой Церковью у кого служил? Не у Дегтярева, часом?

Василий. А ты что, Дегтярева знаешь?

Зайцев. Дегтярева-то? Ого! Да ты знаешь, как он ко мне относился...

Василий. Дегтярев?

Зайцев. Дегтярев!

Василий. Да ты не того... не заливаешь?

Зайцев. Я заливаю?

Василий. Ты...

Зайцев. Лучше скажи, откуда ты его знаешь?

Василий. Я?

Зайцев. Ты.

Федор Иванович. Тихо, тихо, генералы! Отложите воспоминания на мгновение, нам еще их на всех хватит, а пока...

за стол! Аграфена Ивановна, Иван Петрович, Костя, Василий, — прошу!

Зайцев достает паек.

Константин. Я — за нашим паем! *(Пытается уйти, его не пускают.)*

Федор Иванович. Вот она, святая минута, — все вместе, друзья!

Звонок в дверь.

Нет, все-таки кого-то чертушка принес! Войдите!

Входит Люба.

Люба. Здравствуйте. Не узнаете меня? Я — Люба. Помните?

Федор Иванович кивает головой.

Только я теперь Кузьмина. Муж мой — Кузьмин Анатолий Александрович, мы поженились в ноябре сорок первого года, он тоже работал вместе с Борисом Федоровичем... Мы всё знаем, всё знаем! Анатолий мне о нем столько рассказывал... Так вот, перед самым отъездом на фронт мой муж взял у Бориса Федоровича тетради и чертежи — у них была совместная работа.

Федор Иванович. Помним-помним...

Люба. Теперь эта работа далеко продвинулась вперед, ею занимается целая лаборатория — дело, конечно, не так скоро, сами понимаете — война!.. Да, я сбилась... Вот в решении одного вопроса у Бориса Федоровича, как говорил муж, была удивительная догадка... Этой тетради не оказалось тогда... Если бы вас не затруднило...

Федор Иванович. Батюшки, да ведь три года прошло!

Варвара Капитоновна. Все тетради Бориса я сохранила — они у меня.

Люба. Я не так давно вернулась из эвакуации, из Ташкента...

Федор Иванович. А ваш муж, товарищ Кузьмин? Что же он не зашел?

Люба *(удивлена, что не знают)*. Анатолий в ноябре сорок первого года ушел в армию, он сейчас в Западной Белоруссии... Чудак, пишет, что «...поверь, я еще буду штурмовать Берлин...» *(Смеется.)* Это он-то... Берлин! Он же мышей боится... *(Смеется.)* Извините... Я так волнуюсь за него...

Зайцев. Нас теперь не остановишь...

Марк. Да, войну мы явно выигрываем, а после войны наше государство развернется!

Зайцев. Сестра пишет — от деревни одни головешки остались.

Федор Иванович. Ладно-ладно, воины. А сейчас — за стол! Мы-то, Бороздины, сегодня в Москве первый день.

Во время этого разговора Марк встает и идет к выходу. Никто его не замечает, кроме бабушки.

Варвара Капитоновна. Маркуша, ты куда?

Марк. Вы извините. Пойду... дела... Желаю успеха! *(Уходит.)*

Федор Иванович. Выпьем молча за тех, кто молчит, сказав свое слово.

Залп. Салют.

Володя. Салют.

Варвара Капитоновна. Объявился, голубчик, раньше времени!

Ирина. Интересно, что взяли? У соседей узнаю. *(Выбегает.)*

Варвара Капитоновна. Из двухсот двадцати четырех орудий — сразу слышно.

Вбегает Ирина.

Федор Иванович. Ну, что взяли?

Ирина. Наши войска с боями перешли границу Германии.

Анна Михайловна. Пойдемте на улицу, посмотрим.

Все уходят. Остаются Володя и Вероника.

Вероника. Ты помни то место, Володя...

Володя. Западная окраина Смоленска.

В е р о н и к а. Кончится война, и я поеду туда.

Пауза.

Слушай, Володя, я хочу поговорить с тобой серьезно.

В о л о д я. Что?

В е р о н и к а. Ты не жди от меня ответа.

В о л о д я. Я же тебя ни о чем не спрашиваю.

В е р о н и к а. Спрашиваешь. Все время.

В о л о д я. А ты не отвечай, я же не прошу. Ждал и буду ждать.

В е р о н и к а. Ты и представить себе не можешь, кем был для меня Борис. Нет, не был, а есть. Ночью, когда все спят, я разговариваю с ним, и он всегда дает мне ответы. Черты его лица уходят из памяти... и это не беда. Я люблю его, Володя! И жизнь свою хочу прожить хорошо! Я сейчас все время спрашиваю себя: зачем я живу? Зачем живем мы все, кому он и другие отдали свои недожитые жизни? И как мы будем жить?..

З а н а в е с

1943

В ДОБРЫЙ ЧАС!

КОМЕДИЯ В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ, ПЯТИ КАРТИНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПЕТР ИВАНОВИЧ АВЕРИН — *доктор биологических наук, 50 лет.*

АНАСТАСИЯ ЕФРЕМОВНА — *его жена, 48 лет*

АРКАДИЙ — *их сын, артист, 28 лет.*

АНДРЕЙ — *их сын, 17 лет.*

АЛЕКСЕЙ *двоюродный брат Андрея и Аркадия 18 лет.*

ГАЛЯ ДАВЫДОВА }
ВАДИМ РОЗВАЛОВ } *товарищи Андрея, только что окончившие десять классов.*

КАТЯ СОРОКИНА }
АФАНАСИЙ КАБАНОВ } *товарищи Алексея, тоже только что окончившие десять классов.*

МАША ПОЛЯКОВА — *фотограф, 26 лет.*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Столовая-гостиная в квартире Авериных. Это квартира в новом доме. Обставлена добротной мебелью, большей частью новой, но есть и старинные вещи, например, большие часы, стоящие слева, у стены. Рояль. Люстра. Просторно, чисто. Есть балкон.

Из соседней комнаты выбегает А н д р е й с галстуком в руках. За ним, в майке-безрукавке, в носках, держа раскрытую книгу, бежит А р к а д и й.

А р к а д и й. Положи на место, слышишь?

А н д р е й. Не кричи, отец занимается. Тихо!

А р к а д и й. Я сказал — отдай!

А н д р е й. Съем я его, что ли?

А р к а д и й. Дай сюда!

А н д р е й. Маша подарила?

А р к а д и й. Не твое дело!

А н д р е й. Маша — вот и трясешься! На, держи, жадина! *(Забрасывает галстук на люстру.)*

А р к а д и й *(достает галстук)*. Гулянки на уме! Пролетишь на экзаменах — тогда забегаешь! Останешься без специальности!

А н д р е й. Ты выучился... Артист, называется! В одних массовках играешь, смотреть совестно!

Аркадий идет к себе.

(Кричит вслед ему.) Позор, позор нашей фамилии!

А р к а д и й уходит, Андрей прошелся по комнате, подошел к роялю, не присаживаясь, играет одним пальцем «По улицам ходила большая крокодила...» Оборвав игру, закрыл

крышку. Снова прошелся по комнате. Звонок. Андрей бросился открывать дверь. Возвращается с М а ш е й.

М а ш а. Он занят?

А н д р е й. Чем? Лежит на кровати и какие-то театральные мемуары читает. *(Идет к двери своей комнаты.)*

М а ш а. Не говори, что это я.

А н д р е й *(кричит)*. Артист, к тебе пришли.

Г о л о с А р к а д и я. Кто?

А н д р е й. Выйди и посмотри. *(Маше.)* Сейчас появится — он в одной майке валяется.

М а ш а. Зачем ты его дразнишь?

А н д р е й. Сам напрашивается. Органически не перевариваю неудачников. Вечно они ноют... Кто-то их зажимает...

М а ш а. Тебе обидно за него?

А н д р е й. Брат все-таки... Ну как у человека самолюбия нет? Торчит в своем театре... А... его дело!

М а ш а. Безусловно. А ты как время проводишь?

А н д р е й. Как всегда,— тоска. Вы обратили внимание, Маша, какая у нас в доме тоска?

М а ш а. Нет, не замечала.

А н д р е й. Да, с виду у нас чистота, уют... Мать старается. *(Подошел к столу, вертит в руках большую пепельницу-раковину.)* Во какую каракатицу купила! Зачем? В доме никто не курит. Говорит — для гостей. Или часы. Жаль, вы опоздали, они сейчас восемь раз отбахали. Я по ночам каждый раз вздрагиваю... В детстве мы у каких-то родственников в Сибири жили, в войну. Ничего не помню, только бревенчатые стены и ходики... Мягко тикали... Что-то от них приятное на душе осталось... А у нас? *(Махнул рукой.)* Иногда мне хочется пройтись по нашим чистым комнатам и наплевать во все углы... В школе хоть весело было. Скорей бы ребята пришли...

М а ш а. А ты так и не решил, в какой институт поступить?

А н д р е й. Мать заставляет идти в Высшее техническое имени Баумана: говорят — солидно. С чего она решила, что я туда

попаду? Ладно, срежусь — в какой-нибудь другой пристроюсь.

Маша. А сам бы ты куда хотел?

Андрей. Никуда.

Маша. Что ж, у тебя никакого призвания нет?

Андрей. Маша, в девятом классе нас как-то на уроке спросили: кто кем хочет быть? Ну, ребята отвечали, кто что думал. Так ведь не все правду. Федька Кусков, например, сказал — летчиком. Зачем сказал? Так, для бахвальства. А сейчас хочет приткнуться туда, куда легче попасть. Володька Цепочкин еще хлеще ответил: кем бы ни быть, лишь бы приносить пользу Родине. А этот Володька был, есть и будет подлецом первой марки: подлипала и прихлебала! А я тогда честно сказал — не знаю. Что поднялось! «Как, комсомолец! В девятом классе, и не знает!» Чуть ли не всей школой прорабатывали! Этак ведь на всю жизнь ко всякому призванию отвращение можно получить! *(Замечает, что Маша посматривает на дверь, ожидая выхода Аркадия.)* Это он туалетом занимается. Я надоел?

Маша. Не выдумывай.

Андрей. Скажите, Маша, только, умоляю вас, честно: вы фотограф; профессия, прямо скажем, не ахти какая,— это и был предел ваших мечтаний?

Маша *(смеется)*. Конечно, нет... Но волею судеб я стала фотографом, и мне нравится эта работа. Представь себе, даже очень нравится.

Андрей *(смеется)*. Нет, Маша, не представляю.

Маша. Ну конечно, в семнадцать лет вы все хотите быть непременно великими. А вдруг получится из тебя какой-нибудь обыкновенный смертный — счетовод, провизор или фотограф?

Андрей *(с сердцем)*. Не получится! *(Успокоившись.)* А какие у вас были планы? Кем вы хотели быть?

Маша. Пианисткой, и обязательно — знаменитой.

Андрей. Шутите?

Маша. Ничуть.

Андрей. Сыграйте что-нибудь.

Маша. Я два года не подхожу к инструменту.

Андрей. Почему?

Аркадий *(входит, здороваясь с Машей)*. Это ты?..

Маша. Всего-навсего.

Аркадий *(Андрею)*. Пойди прибери на своем столе — устроил свинарник.

Андрей. На своем столе что хочу, то и делаю, а выйти могу и так, без предлога. *(Маше.)* С вами приятно поболтать, вы не глупы... *(Уходит.)*

Маша *(смеется)*. Андрюша ужасно важный стал.

Аркадий. Смешного мало... Растет оболтус, в голове — каша...

Пауза.

Маша. Я, оказывается, не злопамятна. Перебрала в голове все твои доводы, так и не поняла, отчего мы не должны больше встречаться.

Аркадий. Я решил.

Маша. Твердо?

Аркадий. Да.

Маша. Окончательно?

Аркадий. Да.

Маша. Почему?

Аркадий. Мне трудно тебе это сказать, но если хочешь полной правды...

Маша. Жажду!

Аркадий. Я не люблю тебя.

Маша. Неправда!

Аркадий *(смеется)*. Занятно... Ну, мне сейчас не до любви. Это ты можешь понять?

Маша. Пожалуй, хотя с натяжкой. У Андрюшки в голове каша, говоришь. Ну что же, в его возрасте это бывает. А у тебя? Ты даже не представляешь, каким ты становишься... Я принесла наглядные пособия... *(Разворачивает сверток, с которым вошла. Там две большие фотографии. Показывает Аркадию.)* Артист Аверин четыре года тому назад — смеющийся парень...

И теперь — кислая физиономия человека средних лет... Полночи трудилась...

Аркадий. Вчера распределяли роли в новой пьесе. Мне — опять ничего. А Вася Мышкин снова получил главную. В театральной школе он не проявлял больших способностей...

Маша. Вероятно, вырос.

Аркадий. А я врос...

Маша. Одни движутся вперед легко, Аркаша, другие — трудно, медленно...

Аркадий. Скажи проще: тоже меня за бездарность считаешь,— чего церемонишься?

Маша. Поедем завтра на выставку собак?

Аркадий. Куда?

Маша. На выставку собак. Говорят, такие страшные псы, огромные...

Аркадий. Тебе это интересно?

Маша. Конечно, надо же посмотреть, какие на свете собаки бывают.

Аркадий. Представь себе, если в один прекрасный день передохнут все собаки мира, я останусь абсолютно равнодушен.

Маша. У, какой ты стал злющий... А помнишь, года два тому назад, словно бродяги,— где мы только с тобой не бывали!

Аркадий. Легче смотрел на жизнь, был глуп.

Маша. А сейчас?

Аркадий. Во всяком случае, повзрослел... Перестань, пожалуйста, улыбаться!

Маша *(с грустью)*. Аркаша, милый, не сердись! Мне так тяжело, что ты такой... Раньше о театре ты мне рассказывал как о чем-то светлом, красивом, легком...

Аркадий. Легком! Вот, ты подтверждаешь, до какой степени я был глуп! Наивно, беспросветно...

Маша. Ты веришь в свои способности?

Аркадий *(упрямо)*. Да, верю.

Маша. Это главное, Аркаша. У какого-то автора я очень меткое замечание прочла: загубленных талантов не бывает...

Аркадий. А ты?

Маша молчит.

А р к а д и й. Пустая фраза. У нас в театре...

М а ш а. Не надо об этом, Аркаша.

А р к а д и й. Да-да... *(Прошелся по комнате. Пауза.)* Сегодня проснулся в пять утра, солнце в комнате... Лежу, и почему-то легко-легко было. А потом поползли мысли, все вспомнил... Хотел уснуть и не мог, проворочался до девяти. *(Подходит к Маше.)* Ты мне не верь... Я, конечно, действительно изменился. Очень?

Маша молчит.

(Подходит к фотографиям, смотрит, отложил в сторону.) Очень... И это сказано объективно. *(Улыбнулся.)* Я уйду из театра.

М а ш а. Зачем?

А р к а д и й. Да-да, даю слово. И скоро. Сделаю одну попытку и уйду.

М а ш а. Какую попытку?

А р к а д и й. Я готовлю роль, большую... Мне разрешили... Покажусь и, если неудачно,— уйду, вот увидишь!..

М а ш а. Когда показываешься?

А р к а д и й. Не скажу. Просмотр будет днем, никого посторонних не пустят.

М а ш а. А может быть, не нужно, Аркаша? Ты играешь маленькие роли. Хорошо играешь. Тебя и в газетах не раз отмечали.

А р к а д и й. Для этого я и театральную школу кончал, для этого и на свет родился? Оставь, пожалуйста, тебе легко говорить... Ты как-то приспособилась к жизни...

М а ш а. Приспособилась?

А р к а д и й. Ну, устроилась.

М а ш а. Когда со мной случилось несчастье, ты приходил ко мне, целовал руки и говорил, говорил, говорил... Сколько дней! Думаешь, я помню хоть одно твое слово? Я и не думала о тебе. Мне тогда хотелось умереть... Но грубости я себе никогда не позволяла. *(Пошла.)*

А р к а д и й. Маша!

М а ш а. Не надо... Ты потерял вкус к жизни, себя стал любить, а не искусство — вот оно и мстит тебе! Я не приспособилась, а живу... И гораздо более счастливо, чем ты! *(Уходит.)*

А р к а д и й *(быстро ходит из угла в угол)*. Все равно, все равно...

П е т р И в а н о в и ч *(входя, что-то мурлыча сёбе под нос)*. Уже в театр?

А р к а д и й. Еще рано: мне к последнему акту.

П е т р И в а н о в и ч. Духота. *(Открывает окна. Заметил фотографии, оставленные Машей.)* Прекрасно сделано. Художественно. Что это ты здесь какой мрачный?

А р к а д и й. В шутку снимался.

П е т р И в а н о в и ч. Артист! Какого злодея изобразил, и довольно натурально! *(Отложил фотографии.)* Вот канальство! Маленький цветок! Да нет — просто колючка! А также загадки задает. Голова трещит!

А р к а д и й. Опять какая-нибудь находка?

П е т р И в а н о в и ч. Да! Наша экспедиция в Азии обнаружила новый элемент иранской флоры. Ну, понимаешь, нашли растение, которое до сих пор было известно только в Иране. Сижу разгадываю. Приедет Николай Афанасьевич — узнаю его соображения.

А р к а д и й. Ты счастливый...

П е т р И в а н о в и ч. Пожалуй... Колючка — вот уж действительно колючка! Доберитесь-ка до истины... А почему бы тебе не поехать на периферию? Не удастся здесь — попробуй свои силы в другом городе.

А р к а д и й. Думаешь, встретят с распростертыми объятиями? Актер низшей категории — соблазн невелик...

П е т р И в а н о в и ч. Да... Как-то у тебя нескладно получается...

А р к а д и й. Это я сам знаю.

П е т р И в а н о в и ч. Не совершил ли ты ошибки, Аркадий? Это бывает. Пойдет человек в молодости не по той дорожке, а потом всю жизнь раскаивается... Не ошибся? А?

А р к а д и й. Я уже размышлял на эту тему.

П е т р И в а н о в и ч. Да ты не злись, я — откровенно.

А р к а д и й. Откуда ты взял, что я злюсь? И я не раскаиваюсь, слышишь: не раскаиваюсь ни в чем!

А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а *(входит)*. Узнавала относительно Андрюши. Очень трудно попасть, наплыв огромный. Поехала

к Сазоновым, хотела Василия Ивановича расспросить. Оказывается, он в Бауманском нынче преподавать не будет. *(Мужу.)* Петруша, тебе что-нибудь нужно?

Петр Иванович. Нет, засиделся, косточки разминаю.

Анастасия Ефремовна *(увидев фотографии, Аркадию).* Маша была?

Аркадий. Да.

Анастасия Ефремовна. Нехорошо, Аркадий. Если ты решил порвать с девушкой, не надо ей и голову кружить.

Аркадий. Мама, я тебе говорил — жениться не собираюсь.

Анастасия Ефремовна. Тем более, тем более, это совсем нечестно.

Петр Иванович. Безусловно.

Аркадий. Я просил Машу не приходить...

Анастасия Ефремовна. Сама пришла? Очень по-современному...

Петр Иванович смеется.

Это, Петруша, скорее, грустно.

Петр Иванович. Нет, я вспомнил: когда мы жили еще в Иркутске... ушел ловить рыбу километра за три, и вдруг — ты, говоришь — гуляю! Вообще, Аркадий, нехорошо бобылем — пусто. Тебе двадцать восемь лет...

Анастасия Ефремовна. С его зарплатой заводить семью, Петруша, немыслимо... Здравый смысл говорит...

Петр Иванович. Настенька, неужели мы с тобой поженились, исходя из здравого смысла? По-моему, все происходило как раз наоборот. Ты вспомни-ка! Пожалуйста, не путай мальчишку.

Аркадий. Нет, папа, сваливать свои заботы кому-нибудь на плечи...

Петр Иванович. Не знаю... Для моих примитивных мозгов такие расчеты недоступны.

Анастасия Ефремовна. И потом, эта Маша...

Аркадий. Оставь, мама, ее в покое! *(Уходит в другую комнату.)*

Петр Иванович. Ты знаешь, он засиделся в девках. До двадцати пяти лет такие постные соображения не приходят в го-

лову. Впрочем, когда на работе неприятности, весь свет становится не мил.

Анастасия Ефремовна. Может быть, ему переменить специальность? В двадцать восемь лет это еще не поздно. Так за него сердце болит, а он все обижается...

Входит Аркадий с чемоданчиком.

Петр Иванович. Ты сказал — рано.

Аркадий. Пешком пойду, прогуляюсь.

Петр Иванович. Останься минут на пять. Устроим маленький семейный совет. *(Достает письмо.)* От наших сибиряков *(Читает.)* «Дорогие Петя, Анастасия Ефремовна и мальчики. Я к вам с просьбой, и большой. Особенно к тебе, Анастасия Ефремовна. Вот в чем дело: Алексей мой окончил нынче школу и мечтает поехать учиться в Москву. Не могла бы ты принять к себе Алешу на время учения в Москве, если он экзамены выдержит, на что у меня и надежда-то небольшая. Просьба моя нелегкая, я и писать об этом не хотела, и так вы для нас немало делаете, да Алексей уговорил, прямо заставил — упрямый до невозможности. Вы не стесняйтесь, сразу же напишите — нет, если нельзя. Я это не сочту за обиду. О нашей жизни напишу в следующий раз. А сейчас бегу на заседание завкома, кой-кому надо задать перцу. Я и дети целуем вас крепко. Ваша Оля». Вот... *(Посмотрел на жену и сына.)* Ну, принимаем гостя?

Анастасия Ефремовна. Как хочешь, Петя. Ольга — твоя сестра.

Петр Иванович. Нет, Настенька, письмо адресовано фактически тебе, да и все заботы лягут на тебя; твой голос — решающий.

Анастасия Ефремовна. Я только не понимаю, как людям не совестно, как не совестно!

Аркадий. Ничего особенного — парень едет учиться.

Анастасия Ефремовна. Все, все в Москву едут, как будто Москва резиновая! И так уже от народа задохнуться можно. Так нет — едут и едут!

Петр Иванович. Вполне понятно.

Анастасия Ефремовна. Куда мы его положим?

Петр Иванович. Это не проблема. Можно к ребятам в комнату.

Аркадий. Нет, уж, пожалуйста, не надо. С меня хватит и Андрея. *(Отцу.)* У тебя в кабинете диван свободен.

Петр Иванович. Ну что ж, давайте ко мне.

Анастасия Ефремовна *(Аркадию).* Не выдумывай!.. Отец до трех часов ночи занимается, у него люди бывают, а там кто-то будет лежать и храпеть... Нет, как люди сами не понимают!..

Петр Иванович. Ты же во время войны с детьми жила у них около двух лет!

Анастасия Ефремовна. Ну хорошо, давайте вот здесь, на середине, кровать поставим!

Аркадий. Ты, мама, не волнуйся!

Анастасия Ефремовна. Как я могу не волноваться? Кто этот Алексей? Что он из себя представляет? Андрюша такой восприимчивый, неуравновешенный... Больше всего боюсь дурного влияния. А тут непременно начнут ходить приятели, девицы какие-нибудь появятся...

Петр Иванович. Не преувеличивай.

Анастасия Ефремовна. Это неизбежно, Петя, и даже естественно. И потом, ну почему я должна на кого-то готовить завтраки, обеды, ужины, заботиться, наблюдать? Я же за него целиком обязана буду отвечать. Та же Оля за все потом с меня спросит. А как он будет себя вести — мы же не знаем.

Петр Иванович. Ты действительно напрасно нервничаешь.

Анастасия Ефремовна. Да, Петя, я нервничаю. Андрея сейчас надо устраивать в институт. Как? Просто ума не приложу... *(Аркадию.)* За тебя все сердце выболело... Ты думаешь, я не вижу, как ты мучаешься? Я устала от забот. Мне не двадцать пять лет...

Аркадий. Решайте, как хотите. Мое мнение — парень должен приехать. *(Пошел, но остановился.)* Можете устраивать его в моей комнате, не возражаю. *(Уходит.)*

Анастасия Ефремовна. Я понимаю, Петя, отказать неловко, неудобно. Но пойми, мы можем попасть в еще более нехорошее положение. У тебя — огромная работа; вдруг я что-то пропущу, недогляжу... Нет, я напишу Оле совершенно искренне, она не

обидится. Алеша может устроиться там, на периферии. Институтов теперь много везде... Я напишу сегодня же... Даже телеграмму дам. Да-да, именно телеграмму, а то Алеша может запоздать с подачей документов.

Петр Иванович. Когда мы жили в одной комнате, ты как-то добрее была, Настя.

Анастасия Ефремовна. Просто у меня было больше сил. Ты думаешь, мне самой все это приятно? Но лучше сразу, уверяю тебя, сразу и честно.

Петр Иванович. Ну что ж, Алексей не пропадет... *(Пошел к себе.)*

Анастасия Ефремовна. Петя, у тебя нет знакомств в Бауманском училище?

Петр Иванович. Нет. У Николая Афанасьевича я встречал Коробова, но это так — шапочное знакомство.

Анастасия Ефремовна. Коробова? Декана?

Петр Иванович. Да.

Анастасия Ефремовна. Николай Афанасьевич с ним в хороших отношениях?

Петр Иванович. Кажется. А что?

Анастасия Ефремовна. За Андрюшу надо как-то похлопотать.

Петр Иванович. Пусть занимается лучше — вот и все.

Анастасия Ефремовна. Он занимается... Но конкурс огромный...

Петр Иванович. Не нравится мне это «похлопотать»...

Анастасия Ефремовна. Ничего особенного, Петя. Не мы одни так делаем... Николай Афанасьевич не скоро приедет?

Петр Иванович. На днях.

Звонок.

Если ко мне — скажи: нет дома. *(Уходит.)*

Анастасия Ефремовна идет открывать дверь. Возвращается с Галей и Вадимом.

Анастасия Ефремовна. Проходите, проходите, будущие студенты. Как дела?

Вадим. Нервы взвинчены до предела, Анастасия Ефремовна. Выбираем себе дорогу на всю жизнь. В такой момент просчет опасен.

Андрей *(входя)*. Эх вы! Обещали в семь часов, а уже девятый... Я тут с тоски помираю... Приятели, называется! *(Тихо, Гале.)* Ты почему вчера не пришла?

Галя. Нездоровилось.

Андрей *(подозрительно)*. Да?

Галя. Ну, тогда — не хотела.

Андрей. Ты не обижайся, Галка, но я тебя ждал, ждал... Пошли, товарищи.

Вадим. Вот, получай конспекты по физике и алгебре.

Андрей. А ты?

Вадим. Пробежал вкратце. Точные науки — не моя стихия.

Анастасия Ефремовна. Счастливчик ты, Вадя! Институт внешней торговли... Как красиво звучит!..

Андрей. Мама, не огорчайся! Бауманское — тоже не бесславно.

Анастасия Ефремовна. Только бы попал *(Гале.)* Какая на тебе красивая кофточка!

Галя *(оживленно)*. Вам нравится?

Анастасия Ефремовна. Да, очень изящная.

Галя. Вот эти складки придают ей легкость, свободу, и потом, цвет пуговиц играет большую роль...

Вадим. Галина Георгиевна, не садитесь на своего любимого конька, нам некогда.

Анастасия Ефремовна. Не смущайтесь, Галя.

Галя. Что с них взять?

Галя, Андрей, Вадим идут в комнату Андрея и Аркадия.

Анастасия Ефремовна. Вадя!

Вадим задерживается.

Николай Афанасьевич когда приезжает?

Вадим. Не знаю. Отец всегда уезжает и приезжает экспромтом.

Анастасия Ефремовна. До первого вернется?

Вадим. Наверное. Я сам жду его с нетерпением.

Анастасия Ефремовна. Какой ты всегда подтянутый, Вадя. Опрятный, вежливый, да еще и умница.

Вадим. Я смущаюсь, Анастасия Ефремовна.

Анастасия Ефремовна. Как ты этого добиваешься?

Вадим. Желать — это значит мочь, сказал до меня кто-то из умных людей, я этому поверил.

Анастасия Ефремовна. Хоть бы Андрюша что-нибудь от тебя перенял...

Вадим. Анастасия Ефремовна, вы не огорчайтесь: он, право, не так плох, уверяю вас.

Анастасия Ефремовна. Не выгораживай, Вадя, не выгораживай... Вы куда идете?

Вадим. На улицу Горького, в кафе «Мороженое».

Анастасия Ефремовна. С тобой никуда не опасно отпустить.

Вадим. Надеюсь.

Анастасия Ефремовна. Ну, иди, иди.

Вадим уходит.

Андрюша!

Андрей *(входя)*. Ну?

Анастасия Ефремовна. Какая разница!.. Вы сейчас гулять идете — отправь, пожалуйста, телеграмму.

Андрей. Давай.

Анастасия Ефремовна. Листок бумаги есть?

Андрей *(вытащил из кармана всякий хлам, достал оттуда листок бумаги и авторучку, подает матери)*. На!

Анастасия Ефремовна пишет.

Телеграмму я отправлю, а ты дай рублей двадцать.

Анастасия Ефремовна. Хватит и десяти рублей.

Андрей. Эх, самому бы поскорее зарабатывать... До чего у тебя клянчить надоело!

Анастасия Ефремовна *(отдает Андрею записку)*. Отправь, не забудь. Выпей чаю и котлетку съешь, разогрею.

Андрей. Давай, на скорую руку.

Анастасия Ефремовна пошла.

Андрей. Мам!

Анастасия Ефремовна. Что?

Андрей. А деньги-то?

Анастасия Ефремовна. Ой, забыла!..

Андрей. Память у тебя!..

Анастасия Ефремовна *(отдавая сыну деньги)*. Какой ты все-таки резкий, Андрюша! Поучился бы у Вадима. *(Уходит.)*

Андрей тоже прошел в свою комнату. Робко входят Алексей, Катя и Афанасий. Они с дорожными самодельными чемоданами и рюкзаками. Оглядывают комнату.

Алексей. Никого...

Катя. Не заперто — стало быть, кто-то есть...

Афанасий *(причесался, но два вихра торчат. Кате)*. Торчат?

Катя. Торчат.

Афанасий. Э-эх!.. *(Осмотрелся.)* Квартира!.. Везет тебе, Алексей, в этих хоромах жить будешь... Тишина... Учись в свое удовольствие!

Алексей. А сюда ли?

Катя. Дощечку-то на двери видел: доктор биологических наук Аверин, Петр Иванович.

Анастасия Ефремовна *(входя)*. Вы как вошли?

Афанасий. Так не заперто... Свободно...

Анастасия Ефремовна. Вам кого?

Алексей *(улыбаясь)*. Тетя Настя... *(Идет к ней.)* Я Алексей. *(Смеется.)*

Анастасия Ефремовна. Приехал...

Алексей. Да.

Катя. Алеша все беспокоился — в Москве ли вы?

Алексей. Мать говорит — не езди, подождем ответа, а я подумал: чего ждать, время-то идет. *(Показывает на Афанасия и Катю.)* Они едут, и я заодно... На риск. *(Кате и Афанасию.)* Да вы поставьте вещи-то.

Афанасий *(снимая рюкзак)*. Ну, Москва, до чего огромная. Еле нашли!

К а т я *(ставит чемодан).* Я спутала — вылезли на три остановки раньше. Шли, шли...

А н а с т а с и я   Е ф р е м о в н а *(показывая на Афанасия и Катю).* А... это — тоже с тобой?

А л е к с е й. Да. Из одного класса — Афанасий Кабанов и Катя Сорокина. Вы ее помните — с нашего двора. *(Афанасию и Кате.)* Это Анастасия Ефремовна, моя тетя. Познакомьтесь.

Катя и Афанасий здороваются с Анастасией Ефремовной.

А дяди Пети нет?

А н а с т а с и я   Е ф р е м о в н а. Нет... То есть он дома, у себя в кабинете занимается. Вы потише, ребята...

А л е к с е й *(тихо).* А...

А ф а н а с и й. Понятно.

А л е к с е й *(смеясь).* Не узнали меня?

А н а с т а с и я   Е ф р е м о в н а. Вырос ты... Большой... Значит, вы все приехали учиться?

А ф а н а с и й. Как мне отец на дорогу сказал: ну, иди в жизнь, попробуй, какова она на вкус, на ощупь. Вот... идем...

А н а с т а с и я   Е ф р е м о в н а *(Кате).* Вы тоже к нам?

К а т я. Что вы! У меня родная сестра в Москве. Вот я их провожаю. Они в Москве впервые, еще заблудятся...

А н а с т а с и я   Е ф р е м о в н а *(Афанасию).* А вы?

А ф а н а с и й. Я?.. У меня тут тоже родственники. Тьма!.. Тверской бульвар, сорок два, квартира два. Нет, спасибо, у меня есть...

А н а с т а с и я   Е ф р е м о в н а. Видишь ли, Алеша, я буду с тобой говорить попросту, как тетка. Не знаю, будет ли тебе удобно у нас...

А л е к с е й. Что вы, тетя Настя, не беспокойтесь. Мне ведь только где-нибудь спать, и все...

А ф а н а с и й. У окошечка, вот тут, к примеру, на диване.

А н а с т а с и я   Е ф р е м о в н а *(Алексею).* Я понимаю — спать. Не здесь же, действительно, я тебя положу. Это гостиная. В кабинете, у Петра Ивановича, сам понимаешь, неудобно. С виду у нас кажется много места...

Алексей. Так что, нельзя, что ли?

Анастасия Ефремовна. Нет, почему нельзя. Просто мы с Петром Ивановичем решали, где тебя поместить, и...

Алексей. Вы, тетя Настя, прямо скажите. Мать мне строго-настрого наказала, чтобы я самовольно не лез...

Анастасия Ефремовна. Конечно, ты немножко поспешил. Мы только сегодня получили письмо... Как-то все это неожиданно.

Алексей. Понимаю... *(Берет рюкзак, чемодан, собирается уходить.)* Извините...

Анастасия Ефремовна. Подожди... Оля верно писала — упрямый.

Алексей. Нет-нет, я не упрямый.

Анастасия Ефремовна. Подожди, я тебе говорю.

Алексей остановился.

Подожди! Кажется, котлеты пригорают. Подожди, я сейчас вернусь. *(Уходит.)*

Алексей. Ох, провалиться бы мне сквозь землю!

Афанасий. По совести говоря, это называется: поцелуй пробой и иди домой.

Алексей. Пошли!

Катя. Что ты, Алеша, подожди...

Алексей. Чего? Разлетелся сюда... Сюрприз устроил!.. Срам!.. Да побыстрей ты, Афанасий!

Афанасий. Лямка оборвалась.

Катя. Куда же ты пойдешь, Алеша?

Алексей. Куда-нибудь.

Катя. Я бы тебя к сестре позвала, но вместе со мной — неудобно.

Алексей. Выдумала.

Афанасий. Места мало! В одной этой комнате двадцать коек поставить можно.

Алексей. Не твое дело! Шевелись ты, на улице привяжешь.

Афанасий. Не нервничай. Всякое препятствие должно дух поднимать. Отец говорил...

Алексей. Идем же скорей!..

Алексей, Афанасий, Катя взвалили рюкзаки на плечи, взяли чемоданы и пошли к двери.

Андрей *(входя)*. Вам кого?

Ребята остановились.

Алексей. Никого.
Андрей. А чего?
Алексей. Ничего.
Андрей. Туманно.
Катя *(Алексею)*. Это твой брат?
Алексей. Наверное.
Андрей. Какой брат?
Катя. Твой, двоюродный, из-под Иркутска, Алексей. *(Алексею.)* Да поздоровайся ты, это уж нехорошо.
Алексей *(подходя к Андрею)*. Здравствуй, ты Андрей?
Андрей. Я Андрей. Погоди-погоди. Где-то у меня какие-то родственники действительно имеются. Недавно вспоминал. Так это ты?
Алексей. Я.
Андрей. Смотри-ка... Занятно!
Афанасий. Трогательная встреча!
Катя. Алеша приехал поступать учиться в институт.
Андрей. Да ну! Я тоже, понимаешь, этим кислым делом занимаюсь.
Катя. Он хотел остановиться у вас, но, оказывается,— нельзя.
Андрей. Почему?
Афанасий. Это ты свою мамашу спроси.
Катя. Мы сейчас разговаривали с Анастасией Ефремовной, она сказала: у вас тесно.
Андрей. У нас?! Да что вы! Вон какая квартирища.
Катя. Все равно. Она говорит...
Андрей. Да нет, это вы чего-то не поняли. Скидывайте рюкзаки!
Афанасий. Мы уже скидывали.
Алексей. Подожди... Я не останусь.
Андрей. Чего это она тебе наговорила? Во-первых, ты не обращай на нее внимания, во-вторых, у нас с Аркадием своя комната, что хотим, то и делаем. Останешься, и все.

К а т я. Верно, Алеша, ты пока останься, там посмотрим. Не на улице же будешь ночевать.

А ф а н а с и й. Не по пустякам приехал — самолюбие поприжать надо.

А н д р е й. Чего тут раздумывать, не понимаю.

К а т я *(Алексею)*. Уже темнеет. Должна же у человека быть крыша над головой. Ты только до завтра, потом придумаем. *(Тихо.)* Я прошу, Алеша.

А л е к с е й. Неудобно, конечно... Ну ладно, пока останусь.

А ф а н а с и й. Правильно, не все люди одинаковые, уживаться надо.

К а т я *(бережно достает из чемодана рубашку, Алексею)*. Чуть не забыла — твоя рубашка. *(Андрею, как бы извиняясь.)* У него чемодан маленький, битком набит, а рубашка изомнется. Жалко, это хорошая. *(Отдает рубашку Алексею.)* На! И тетради по физике. *(Андрею.)* Мы всю дорогу зубрили, страшно... *(Тихо, Алексею.)* Улыбнись, Алеша. *(Громко, Афанасию, сама чуть не плачет.)* Идем, тебя провожу.

А ф а н а с и й. Еще чего! Не заблужусь. Адрес точный: Тверской...

К а т я *(Алексею)*. Я завтра зайду.

А ф а н а с и й *(Алексею)*. Ты здесь не суйся ни во что. Держи нейтралитет. Это только начало, мелочи. Впереди хуже будет — экзамены! До завтра!

Катя, Афанасий попрощались и уходят.

А н д р е й. У тебя что, еще есть где ночевать?

А л е к с е й. Нет.

А н д р е й. Что ж ты, прямо на улицу бы пошел?

А л е к с е й. Ну и что?

А н д р е й *(разглядывая Алексея)*. Занятно...

А л е к с е й. Чего ты на меня смотришь?

А н д р е й. Длинный ты.

А л е к с е й. Вырос.

А н д р е й *(оживленно)*. Это ты здорово придумал приехать, а то дома, понимаешь, ни одной живой души. Тоска!

А л е к с е й. Аркадий разве уехал?

А н д р е й. Тут, но он сумасшедший. Да. Помешан на своем театре. С ним и говорить-то не о чем. Вообразил, понимаешь, что

театр — это единственное, ради чего стоит жить на свете. А по-моему, театр — увеселительное заведение, и все. Ты как считаешь?

А л е к с е й. Не знаю, над этим вопросом не задумывался.

А н д р е й. А чего и думать. Веселый спектакль — стоит идти, а тоска — так ее и дома хватает.

А л е к с е й. Тетя Настя котлеты жарит...

А н д р е й. Ладно, проинформируем, успеем. Идем ко мне.

В а д и м *(входит)*. Андрей, ты обещал принести пепельницу.

А н д р е й. Вон на столе возьми — каракатицу. Ко мне брат приехал.

В а д и м. Разве у тебя есть еще брат? Ты никогда не говорил.

А н д р е й. Сам забыл. Двоюродный, сибиряк. Познакомься — Алексей.

В а д и м *(здороваясь)*. Вадим Розвалов.

А н д р е й. Об академике Розвалове слышал?

А л е к с е й. Геолог.

А н д р е й *(показывает на Вадима)*. Его сын.

В а д и м. Андрей, сколько раз я тебе говорил: не надо этой афиши. Что значит сын академика? Отец — это фигура. Я из себя ничего не представляю.

А н д р е й. Будешь, будешь фигурой, не огорчайся.

В а д и м *(Алексею)*. Это очень тяжело, иметь отца знаменитость!

А л е к с е й. Наверно... Ответственно.

В а д и м. Да, абсолютно правильно.

Г а л я *(входя)*. Ребята, куда вы исчезаете поодиночке?

А н д р е й. Чрезвычайное событие! У меня появился двоюродный брат, познакомься.

Г а л я *(подходя к Алексею)*. Галя. Где-то я вас видела.

А л е к с е й. Вряд ли.

А н д р е й. Разве что во сне.

Г а л я. Может быть.

А н д р е й. «Ты в сновиденьях ей являлся...».

А л е к с е й. Алексей.

А н д р е й. Ее мать — певица в Большом театре. Народная артистка...

Г а л я. Перестань, Андрей.

А н д р е й. Галочка, тебя-то это до сих пор не угнетало.

Алексей. Говорил — у тебя скучно.

Галя *(Андрею)*. Эх ты, хозяин! Твой брат, наверно, устал с дороги, умыться хочет...

Андрей. Да-да. *(Алексею.)* Пойдем.

Вадим *(взяв чемодан Алексея)*. Остальные вещи в прихожей?

Алексей. Тут все!

Вадим *(встряхнув чемодан)*. Не густо!

Все уходят в комнату Андрея и Аркадия.

Анастасия Ефремовна *(входит, остановилась, увидела, что в комнате никого нет. Быстро подходит к окну, выглянула на улицу)*. Ушел!.. Что я ему такого сказала? Как нехорошо получилось! *(Зовет.)* Петя!

Голос Петра Ивановича. Что?

Анастасия Ефремовна. Ты один?

Голос Петра Ивановича. Один.

Анастасия Ефремовна. Как неприятно это. Ай-яй-яй! *(Зовет.)* Андрюша!

Голос Андрея. Чего?

Анастасия Ефремовна. Ты еще не ушел?

Голос Андрея. Сейчас уходим.

Анастасия Ефремовна. Какой самолюбивый... Как нехорошо, ой, как нехорошо... *(Зовет.)* Андрюша!

Андрей *(вбегает)*. Ну, чего тебе?

Анастасия Ефремовна. Где пепельница?

Андрей. Вадим взял.

Анастасия Ефремовна. Я же просила не трогать! Из нее окурки выковыривать трудно.

Андрей. Сама говорила — для гостей. Да ну тебя! *(Уходит.)*

Анастасия Ефремовна *(кричит ему вслед)*. Покушать не забудь! Ай-яй-яй!.. *(Уходит.)*

В комнату вернулась вся компания ребят.

Андрей *(Алексею)*. Ну, не теряйся здесь.

Алексей *(тихо, Андрею)*. Ты бы все-таки матери сказал, что я тут.

А н д р е й. Да, я и забыл. Галка! *(Тихо, Гале.)* Ты не рассердишься, если я не пойду? Как-никак, понимаешь, брат приехал. Надо устраивать, неудобно...

Г а л я. Конечно, не рассержусь, чудак.

А н д р е й *(радостно)*. Честное слово?

Г а л я. Честное.

А н д р е й. В тебе что-то человеческое есть. Иди с Вадимом.

Г а л я. Скучно с ним — одни умные слова изрекает.

А н д р е й. Завтра зайди.

Г а л я. Зайду.

А н д р е й. Опять обманешь?

Г а л я. Нет, обещаю.

А н д р е й *(громко)*. Вадим, я не еду.

В а д и м. Жаль, компанию расстроил. Ну ничего, тебе, конечно, необходимо остаться.

А н д р е й. Да, мать просила телеграмму отправить. Зайдите по дороге. *(Ищет по карманам записку среди всяческих бумажек.)* Не эта... так... Вот! *(Читает.)* «Иркутская область...». *(Замолчал, дочитывает дальше записку про себя.)* Нет, не эта. *(Рвет записку.)* Потерял. Ладно, завтра сам отправлю. Адью!

В а д и м. Шальной ты, Андрей!

Г а л я. До свидания!

Г а л я и В а д и м уходят.

А л е к с е й. Я тебе планы спутал?

А н д р е й. Переживу. Понравилась тебе Галина?

А л е к с е й. Красивая.

А н д р е й. Моя.

А л е к с е й. Что значит — твоя?

А н д р е й. Ну что ты, маленький, что ли? А эта, что с тобой приехала, тоже симпомпончик... Правда?

Входит А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а с котлетами и чайником. Увидела Алексея.

А, котлетки! Ты, наверное, с дороги здорово лопать хочешь? Понимаешь, мама, он чуть было не ушел — на тебя обиделся...

Анастасия Ефремовна. А я на него... Что это такое: тетка ему откровенно говорит...

Андрей *(Алексею).* Ты бы умылся *(показывает),* там по коридору налево, вторая дверь — ванная; полотенце мое возьми, с голубой каймой, мохнатое.

Алексей уходит.

Ты чего, в самом деле, выдумала?

Анастасия Ефремовна. Что?

Андрей. Читал твою телеграмму... Как тебе не стыдно!

Анастасия Ефремовна. Много ты понимаешь.

Андрей. И понимать нечего. Давай неси раскладушку в мою комнату.

Анастасия Ефремовна. Вот ты — очень гостеприимный хозяин, а мать — «давай», «неси», «убери»...

Андрей. Ладно, без тебя сделаем. Одеяло дай и подушку.

Анастасия Ефремовна. Где я возьму подушку?

Андрей. У тебя на кровати три штуки валяются.

Анастасия Ефремовна. С какой стати на моих подушках будет кто-то спать...

Андрей *(взорвавшись).* Ну, вот что: ты свои фокусы брось. Не дашь — сам на полу лягу, без одеяла, без простыни, на голых досках — запомни!

Анастасия Ефремовна. Ты провалишься на экзаменах, так и знай! Тебе не посторонними делами заниматься надо, а готовиться. Ты думаешь так, на «ура» проскочить? Смотри, останешься ни с чем, пойдешь на завод, к станку!

Андрей. Ладно, не пугай!

Анастасия Ефремовна. В этом году наплыв будет больше, чем в прошлом. Девять человек на место — я узнавала. Теперь в институты будут попадать только лучшие. Остальные — после десятилетки прямо работать! Об этом не забывай!

Андрей. Хватит тебе! Ну что ты за человек! Обязательно надо настроение испортить. Только, понимаешь, отвлекся...

Анастасия Ефремовна. И присмотрись к Алексею. Узнай, что он за человек. Видал, с какой компанией приехал?

Андрей. Ну?

Анастасия Ефремовна. Этот рыжий, нечесаный, какое-то страшное лицо... Уже девица с ними. Начнут сюда ходить...

Андрей. И что? Съедят они меня?

Анастасия Ефремовна. К тебе все самое плохое прилипает. Откуда вот это у тебя: «лопать», «ладно», «давай»?

Андрей. Ну, знаешь, если я тебя тоже критиковать начну — не заулыбаешься!

Анастасия Ефремовна. С тобой невозможно разговаривать. Покорми его получше. Что такому котлетка — на один зубок! *(Уходит.)*

Входит Алексей.

Андрей. У матери голова болит. Сейчас я сам ужин налажу. Вообще ты ее не очень слушай, она — со странностями. Иногда такое городит...

Алексей. Перестань.

Андрей. Что?

Алексей. Нехорошо о матери так...

Андрей. Я не выдумываю.

Алексей. Все равно — нехорошо!

Андрей. А-а-а! *(Уходит на кухню.)*

Алексей подошел к окну, смотрит на залитую огнями Москву. Возвращается Андрей с маленькой кастрюлькой, ложкой и тарелкой с кусками торта.

Алексей *(глядя в окно)*. Красиво...

Андрей. А мне надоело. Уехал бы куда-нибудь, хоть на край света!

Алексей. Кончишь институт — поедешь.

Андрей. Здесь останусь.

Алексей. Может, пошлют.

Андрей. Еще чего! Устроюсь... *(Пробует из кастрюли суп.)* Вкусно! Раздобыл, понимаешь, супчик, и вот — остатки торта. Садись. *(Устраивается у стола и ест из кастрюли суп.)*

Алексей стоит у окна.

Ты куда думаешь поступать?

Алексей. В Тимирязевскую.

Андрей. У тебя медаль?

Алексей. Нет.

Андрей. Четверок много?

Алексей. У меня и тройка есть.

Андрей. Да ну!.. Тебя не примут. Нынче знаешь как строго! Я без медали, конечно, но троек — ни одной. И то думаю — провалюсь. А почему ты в Тимирязевскую?

Алексей. Хочется.

Андрей. Призвание?

Алексей. Не знаю... Хочется туда, и все.

Андрей. Не попадешь.

Анастасия Ефремовна *(входя)*. Андрей, что ты делаешь? *(Бросается к сыну, вырывает у него кастрюльку.)*

Андрей *(удивленно)*. Ну что, чего ты?

Анастасия Ефремовна. Это я кошке сварила. *(Отняла кастрюлю и уходит.)*

Андрей *(хохочет)*. Здорово! Житье у нашей кошки!.. Тогда котлетки, по-братски. Идет? *(Делит порцию на две части.)*

Анастасия Ефремовна *(входит, ставит на стол тарелку)*. Поешьте холодной телятины. *(Уходит.)*

Андрей. Видал! Не бывать бы счастью... *(Режет мясо.)* Тебе что, туго давалось в школе?

Алексей. Нет.

Андрей. Болел?

Алексей. Нет.

Андрей. Понятно... Я тоже как-то все поверху скакал. Учиться нетрудно было, да неохота, надоело, понимаешь.

Алексей. Семья у нас большая, а без отца — знаешь как!

Андрей. А где же отец?

Алексей. Ты что, не знаешь, что ли?

Андрей. Откуда же?

Алексей. Мать-то вам регулярно пишет.

Андрей. А я, знаешь, ни одного письма от вас не читал. Свинство, конечно... Ну, и что?

Алексей. Помнишь, когда вы у нас жили, отца в армию взяли?

А н д р е й. Да-да, что-то такое смутное... Нет, не помню.

А л е к с е й. Ну, не вернулся он. А дома, не считая матери, я четвертый. Ну, что смотришь? Денег — в обрез. Я и задумал подрабатывать. Тротуары чистил, дрова колоть нанимался. Летом из реки бревна вытаскивал, там у нас лесопильный завод. Последние два лета в мастерских работал, при МТС. Ну, и засосало... Не успевал учиться...

А н д р е й. Ага... Да ты садись, ешь.

А л е к с е й. Нет, я попаду... Жилы из себя вытяну, а сдам.

А н д р е й. Может, и попадешь... Ешь, ешь...

А л е к с е й. Вот что: давай уговоримся с самого начала. Я в вашем доме есть не буду.

А н д р е й. Что?

А л е к с е й. Да, и не обижайся. У меня есть деньги, я рассчитал, хватит.

А н д р е й. Ну все психи. Все — определенно! *(Вдруг смеется.)* Вот мать взъерепенится!

А л е к с е й. Почему?

А н д р е й. Увидишь. Голодный ляжешь?

А л е к с е й. У меня есть — мать напекла. *(Идет в другую комнату.)*

А н д р е й. Я раскладушку принесу. *(Уходит.)*

П е т р И в а н о в и ч *(входит)*. Настенька!

А л е к с е й *(появляется с узелком в руках)*. Здравствуйте, дядя Петя!

А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а *(входя)*. Что? Это — Алеша. Представь себе, приехал пораньше. Оглядеться хочет.

П е т р И в а н о в и ч. Вот и молодец. Здравствуй. *(Целует племянника.)*

А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а. Я его у мальчиков устраиваю.

П е т р И в а н о в и ч. Умница. *(Целует жену.)* Видишь, как все просто! *(Алексею.)* Как наши?

А л е к с е й. Спасибо. Все здоровы.

П е т р И в а н о в и ч. Поужинаешь, заходи ко мне, поболтаем. *(Жене.)* Настенька, дай мне кофе.

А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а. Сейчас. *(Уходит.)*

Входит А н д р е й.

П е т р   И в а н о в и ч *(Андрею).* Заниматься надо больше. Ты на что надеешься? Стыдно!

А н д р е й. Я стараюсь, папа.

П е т р   И в а н о в и ч. Мало стараешься! *(Уходит.)*

А н д р е й. Видишь, как давят? Выкручусь... *(Разливает чай.)* Чаю, надеюсь, выпьешь? В основном — вода...

А л е к с е й. Налей.

А н д р е й *(ест торт).* Хочешь?

Алексей отрицательно мотает головой.

Ах, вкусно! Пропитан чем-то!.. Хочешь? *(Ест.)* Между прочим, котлету мог бы съесть — моя.

А л е к с е й. Не твоя.

А н д р е й. Ага! Не я заработал... Комедия! Ну, вот что: бросай свои фокусы. Ешь, а то сейчас же матери скажу. Подумаешь, какой выискался! Ешь, слышишь! Мама!

А л е к с е й. Будет тебе...

А н а с т а с и я   Е ф р е м о в н а *(входит с постельными принадлежностями).* Что?

А н д р е й. Алексею холодная телятина не нравится.

А н а с т а с и я   Е ф р е м о в н а. Если хочешь, Алеша, я могу разогреть или яичницу сделать.

А л е к с е й. Спасибо, тетя Настя. Очень нравится. Он так... шутит. *(Начинает есть.)*

А н д р е й. Я шучу, мама.

А н а с т а с и я   Е ф р е м о в н а *(передавая постельные принадлежности).* Возьми, Алеша. Если ты любишь спать повыше, я могу принести вторую подушку.

А л е к с е й. Нет, хватит и одной. Спасибо.

А н а с т а с и я   Е ф р е м о в н а уходит.

А н д р е й. В средние века на вопрос, сколько надо есть в гостях, отвечали: в гостях надо есть всегда много. Если ты у друга — ему это приятно. Если ты у врага — это ему неприятно. Умно, понимаешь, придумали. Так что успокой свою совесть и ешь. *Оба едят.*

Андрей. Устал, спать ляжешь?

Алексей. Рано. Матери открытку напишу. Обещал — сразу.

Андрей. Пиши, я пока налажу. *(Уходит, взяв постельные принадлежности.)*

Алексей *(пишет)*. «Дорогая мама, доехал я благополучно. Остановился у наших. Они в Москве. Встретили меня хорошо...». *(Задумался.)*

Андрей *(возвращается)*. Я на тебя, наверно, странное впечатление произвел? Думаешь, веселый дурачок? Это ведь так... Тоска. Сейчас по всему Союзу таких, как мы, ну, что со школой-то распрощались, сколько? Тысячи... Решают свою судьбу... Волнуются, думают, зубрят, бегают, узнают... чего-то добиваются, хотят. А я... как-то все перепуталось у меня... Э-эх!.. *(Закрывает лицо руками.)*

Алексей. Что ты?

Андрей. Так, ничего!.. *(Захватив раскладную кровать и напевая песенку, пританцовывая, уходит в другую комнату.)*

Алексей пишет открытку.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната Аркадия и Андрея. Алексей и Андрей занимаются.

Андрей. У тебя нет такого ощущения, что мозга под мозгу подворачивается?

Алексей. Есть.

Андрей *(захлопнув книгу)*. До вечера?

Алексей. До вечера.

Андрей *(плюет на учебники)*. Тьфу, тьфу, тьфу! Зря ты в Тими-

рязевскую идешь. Это только с виду заманчиво — «Академия», а загонят потом в колхоз — не обрадуешься.

Алексей. Я не скотина, чтоб меня загоняли.

Андрей. Ну, предложат поехать.

Алексей. И поеду.

Андрей. Поднимать сельское хозяйство? Тоска там.

Алексей. Ты в деревне бывал?

Андрей. Слышал.

Алексей. Москва красива, а лес, да луга, да если еще река большая... Ты бреднем рыбу лавливал?

Андрей. Нет.

Алексей. С острогой ходил ночью?

Андрей. Где же, у Парка культуры, что ли?

Алексей. Рысь ловил?

Андрей. Чего?

Алексей. Рысь, говорю, ловил живьем?

Андрей. А ты?

Алексей. А хлеб с маслом любишь?

Андрей *(смеется)*. Комик ты! Слушай, а что, если мне тоже в Тимирязевскую пойти? Вместе бы и сдавали. Мне ведь, в общем, все равно куда.

Алексей. Балаболка ты, вот что. Две недели тебя разглядываю — не могу понять: теленок ты или подлая душа?

Андрей. Сам не знаю; по-моему, смесь.

Алексей. Тогда еще ничего. Вот если химическое соединение — хуже. Из теленка вырастешь — одна подлая душа останется.

Андрей. Слушай, я, наверно, оттого такой пустой, что все мне на блюдечке подавалось — дома благополучие... сыт... одет...

Алексей. Ишь ты!.. Подыскал оправданьице! У Афанасия отец — капитан флотилии на Енисее,— тоже неплохо живут, а не тебе чета, у Катерины отец — лауреат, достаток полный... Ты, брат, ни на кого не сваливай, к себе присмотрись... Воздухом бы подышать. Душно тут...

Андрей. Подожди, Галина придет, куда-нибудь съездим.

Алексей. Что это она к тебе зачастила?

Андрей *(хвастливо)*. Понятно...

А л е к с е й. Ты бы ей отсоветовал сюда ходить.
А н д р е й. Это почему?
А л е к с е й. Отобью.
А н д р е й. Чего?
А л е к с е й. Ну, что сказал — то сказал.
А н д р е й. Самомнение у тебя!..
А л е к с е й. Мое дело — предупредить.
А н д р е й. Я вот об этом Галине скажу.
А л е к с е й. Баба ты или мужик?

Пауза.

А н д р е й. А что, если я вдруг экзамены сдам? Вот смеху будет!
А л е к с е й. Ты быстро схватываешь, а я так не могу.
А н д р е й. Быстро. Это я верхушки хватаю. Ты как-то вглубь берешь, намертво.
А л е к с е й. Мне бы сейчас хоть так, как ты.
А н д р е й. Это от человека не зависит, у кого как мозги устроены.
А л е к с е й. Наверно. Зря я матери не слушался.
А н д р е й. Боишься?
А л е к с е й. Конечно. Издали все проще казалось. А посмотрел, какой народ на экзамены съезжается,— призадумаешься!..
А н д р е й. Пишешь ты плохо — ошибки.
А л е к с е й. Я когда как, с разгона пишу — меньше делаю. А начну о правилах думать — обязательно наляпаю.
А н д р е й. Так ты на экзамене с разгона, не думая пиши.
А л е к с е й. Так и хочу.
Г а л я *(входя)*. Мальчики, как дела? *(Здоровается.)*
А н д р е й. Делаем героические усилия. Ты сегодня — шик-блеск, нарядная!
Г а л я. Сейчас еду в метро, какой-то мальчишка, бледный, в очках,— типичный отличник, наверное, тоже будущий студент — с тетрадками и книжками,— уставился на меня и глазеет в упор. Я не выдержала, подхожу и спрашиваю: к экзаменам готовишься? Он ротик разинул и — ни вздохнуть, ни выдохнуть... На его счастье — Охотный ряд. Выскочил.
А н д р е й. На тебя многие заглядываются.

Галя. Да, удивительно.

Андрей. А тебе нравится?

Галя. Конечно. Не волнуйся, Андрюшечка,— у меня кроме кудряшек ладошки есть, ты знаешь.

Андрей. У Алексея грамматика хромает.

Галя. Да ну! Я думала, он все на свете знает...

Андрей. Без шуток — помогла бы ему.

Галя. Пожалуйста.

Андрей. Она может. Недаром серебряную медаль получила.

Галя *(Алексею)*. На обе ноги хромаете или на одну?

Алексей. У тебя медаль?

Галя. Разве у меня в лице есть что-нибудь дегенеративное? Тебя интересует морфология или синтаксис?

Алексей. Сам управлюсь, не беспокойся.

Андрей. Алешка, ты напрасно...

Алексей. Я сказал — сам.

Анастасия Ефремовна *(входя)*. Мальчики, вы кончили заниматься?

Андрей. К сожалению, не навсегда. Мать, я хочу в Сельскохозяйственный пойти.

Анастасия Ефремовна. Куда?

Андрей. В Сельхоз. Как думаешь, не поздно документы перебросить?

Анастасия Ефремовна. Ты в своем уме?

Андрей. Алексей уговаривает — будем рысь ловить.

Анастасия Ефремовна. Какую рысь? *(Алексею.)* Алеша, зачем тебе надо сбивать Андрея? Пожалуйста, оставь его в покое.

Андрей *(обнимая мать)*. Шучу, для тебя готов стать кем угодно, хоть клоуном в цирке.

Галя. Вот это — твое прямое призвание!

Андрей. А что? *(Пищит, изображая клоуна.)* Добрый вечер, товарищи! Я только что пешком пришел с Северного полюса...

Анастасия Ефремовна. Перестань! *(Андрею и Алексею.)* Я вам приготовила покушать.

Алексей. Тетя Настя, мы же недавно обедали.

Анастасия Ефремовна. Вы много занимаетесь.

Алексей. Я не могу.

Андрей. А я могу; при всех неприятностях в жизни аппетит у меня не пропадает. Галка, не хочешь ли за компанию? Есть что-нибудь вкусное — уверен.

Галя. Нет. Только что из-за стола встала.

Андрей. Тогда поболтайте в ожидании. *(Матери.)* Ну, давай побыстрее. Мы прогуляться идем, а то Алексей у нас задыхается.

Анастасия Ефремовна. Как?

Андрей. В буквальном смысле, не в переносном. Идем. *(Алексею.)* Развлеки Галину. *(Тихо.)* Про ладошки не забудь.

Анастасия Ефремовна и Андрей уходят. Пауза.

Галя. Ну, развлекай.

Алексей. Сейчас станцую.

Галя. Что это у тебы за шрам на щеке?

Алексей. Кошка оцарапала!

Галя. Ай-яй-яй, бедный! Значит, ты агрономом стать собираешься?

Алексей. Предположим.

Галя. Знаменитым, что-нибудь вроде Тимирязева?

Алексей. Обыкновенным. Без вроде.

Галя. Тебе нравится Андрей?

Алексей. Да.

Галя. А Вадим?

Алексей. Умный.

Галя. А я?

Алексей. Слушай, что ты все время ломаешься? У нас такую, как ты, вызвали бы в комитет...

Галя. И перевоспитали бы.

Алексей. Не таких обламывали.

Галя. Именно — не таких.

Алексей. А что в тебе особенного?

Галя. Во-первых, я хорошенькая...

Алексей *(взорвавшись)*. Да? Какой-то дурак в метро вылупил на тебя глаза, ты и обрадовалась, вообразила...

Галя. Дай мою сумочку со стола.

Алексей. Встань и возьми.

Галя *(берет сумку)*. Между прочим, когда мы ходили на Красную площадь, я уронила косынку, ты поднял даже раньше Андрея.

Алексей. Машинально.

Галя. Врожденная вежливость, замечаю. *(Смотрится в зеркало.)* Недурна. Нравится тебе это платье?

Алексей. Слушай, зачем ты в Педагогический идешь? Тут, в Москве, говорят, живые модели ходят, нанялась бы туда.

Галя. Прекрасная мысль! Подумаю. Говорят, неплохо платят.

Алексей. Как это ты серебряную медаль получила?

Галя. По знакомству. А что ты злишься?

Алексей. Бесишь ты меня!

Галя. Я? Чем?

Алексей. Мещанка ты, мещанка до мозга костей!

Галя. Смотри-ка! До мозга костей... Как быстро рентгеновский снимок сделал! У меня о тебе тоже определенное впечатление складывается!

Алексей. Можешь не говорить! Не интересуюсь.

Галя. Прямолинейный дуб!

Алексей. На какой это картинке ты прямолинейные дубы видела?

Галя. Ну, сосна корабельная!

Алексей. Сосна — женского рода.

Галя. Смотри-ка! Все-таки кое-что из грамматики вспомнил. Столб — устраивает?

Анастасия Ефремовна *(входя)*. Алеша, вынеси, пожалуйста, мусорное ведро во двор.

Алексей. С удовольствием. *(Уходит.)*

Анастасия Ефремовна. Что с ним?

Галя. Разгорячился. Доказывал — раз у меня медаль, я напрасно иду в Педагогический, могла бы попасть в университет.

Анастасия Ефремовна. Я тебя прошу, Галя, присматривай за Андреем. Алексей на него может дурно влиять. Слыхала про Сельскохозяйственный? Андрей может, такой неуравновешенный. И Вадима надо попросить. Ты не видела, Аркаша не приходил?

Галя. По-моему, нет.

Анастасия Ефремовна. Ушел со своим чемоданчиком рано. Спросила куда — не ответил... И как-то тихо ушел...

Андрей *(входя, матери)*. Ты что это, в самом деле, выдумала?

Анастасия Ефремовна. Что?

Андрей. Зачем Алексея ведро потащить заставила?

Анастасия Ефремовна. Что тут особенного?

Андрей. Я мог это сделать.

Анастасия Ефремовна. Тебя никогда не допросишься. Пошел бы и вынес.

Андрей *(махнув рукой)*. А!.. Чего там еще осталось — компот?

Анастасия Ефремовна. Желе.

Андрей. Давай.

Анастасия Ефремовна уходит.

У нас действительно жара. Ты раскраснелась даже.

Галя. На улице тоже духота.

Андрей. Что тут делали?

Галя. Подумаешь, какой классный наставник выискался!..

Андрей. Кто?

Галя. Твой двоюродный. Учит и учит... По его выходит, я должна холщовую рубаху сшить до пят и щеголять по московским улицам.

Андрей. Ну, это у него свой взгляд... Конечно, отсталый. А вообще он чудесный парень!

Галя. Да? Ненавидит меня, как будто я гадюка какая!

Андрей. Что ты, что ты!

Галя. Послушал бы...

Андрей *(весело)*. Галина, ошибаешься! Клянусь! Он только что перед твоим приходом мне говорил... Эх, не могу сказать!

Галя. Что говорил — обо мне?

Андрей. Да.

Галя. Что?

Андрей. Не могу.

Галя. От меня скрываешь?

Андрей. Галка, не подбивай. Мне самому сказать охота... Ты бы ахнула... Но... не могу.

Г а л я. Пожалуйста, не надо...

А н д р е й. Не обижайся; тут, понимаешь, вопрос мужской чести...

Входит А л е к с е й.

Я быстро, только желе проглочу! *(Уходит.)*

Галя и Алексей сидят молча.

А л е к с е й. Вот если бы в высотном доме лифт испортился, с пятнадцатого этажа ведро тащить... Далеконько...

Г а л я. Есть мусоропроводы.

А л е к с е й. Да, верно. *(Помолчав.)* А у нас там деревянный дом, одноэтажный... И помойка во дворе, недалеко...

Г а л я. Интересно...

Молчат. Входит К а т я.

Выручай своего земляка.

К а т я. А что?

Г а л я. Тяжелая работа досталась.

К а т я. Какая работа? Здесь?

Г а л я. Да, меня развлекать.

К а т я *(смеется)*. Ой, а я подумала... *(Алексею.)* Ты смотри, у меня займешь, в крайнем случае. *(Гале.)* Он тебе не рассказывал, как с моим папой в тайге рысь ловил? Вон у него на щеке памятка... Живьем поймали.

Г а л я. Андрею рассказывал, мне только пообещал.

К а т я. Интересно, знаешь. Когда они пошли...

А л е к с е й *(Кате)*. Ты Афанасия, случайно, не встречала?

К а т я. Нет. Что с ним случилось?

А л е к с е й. Я ездил на Тверской бульвар, сорок два — и дома такого не нашел.

К а т я *(беспокойно)*. Где он?

А ф а н а с и й *(входя)*. Живы? *(Здоровается со всеми, знакомится с Галей.)*

А л е к с е й. Легок на помине! Где ты был?

А ф а н а с и й. У родственников на Тверском.

А л е к с е й. Сорок два, квартира два?

А ф а н а с и й. Да.

Алексей. Ты что? Нет такого дома! Тверской бульвар на доме двадцать восемь кончается!

Афанасий. Чудак! Не сорок два, квартира два, а дом два, квартира сорок два. Но я там только три дня жил. Узнали, что я в Москве, — вся родня съехалась. Меня — нарасхват! Тетя Вера говорит — ко мне переезжай! Дядя Коля — ко мне. Тетя Саша к себе тянет. *(Показывает на вещи, с которыми пришел.)* Вот, к тете Вере переезжаю на Можайское шоссе. По пути заехал. Как дела?

Катя. Дрожим.

Афанасий *(Алексею)*. А здесь как?

Алексей. Терпимо.

Афанасий *(садится на диван)*. Крыша над головой — это, брат, великое дело! Терпи! У нас, в Авиационный, наплыв — что-то невозможное!

Алексей. У нас тоже.

Катя. Я провалюсь обязательно. Зашла в институт — здание огромное, тишина... Какие-то солидные люди степенно ходят... Жутко!

Афанасий. Ты трусиха, но дотошная — все знаешь. *(Откинулся на диване.)* Блаженство!..

Катя *(подавая Алексею тетрадку)*. Это выписки из синтаксиса, то, что тебе особенно не дается.

Галя. Я предложила ему свои услуги — он гордо отказался.

Катя. Напрасно. Надо пользоваться любой возможностью!

Галя. Видишь!

Алексей. Не кривляйся!

Катя. Что ты, Алеша! *(Гале.)* Это он перед экзаменами волнуется, а вообще-то — такой добрый, мягкий... Верно, Афанасий? Ой, смотрите-ка, Афоня заснул!

Алексей. Старая слабость одолела!

Катя *(Гале)*. Его в школу знаешь как будили? Чуть ли не водой окатывали!

Алексей *(будит Афанасия)*. Гражданин, вставайте! Эй, гражданин!!

Афанасий *(просыпается, хватает вещи)*. Мне на поезд... Тридцать девятый... ноль пятьдесят...

Все смеются.

А ф а н а с и й *(Огляделся.)* Тьфу, дьявольщина!.. Вокзал какой-то приснился... Еду... Всю ночь занимался... *(Встает.)* Диван проклятый — разлагает... *(Пересел на стул.)*

К а т я. Мне тоже вчера приснилось, будто домой приехала, мать встречает, братик... Очень хочется домой!..

А н д р е й *(вбегает, захлопнул дверь, держит ее за ручку, не давая войти. Кричит)*. Надоели вы мне, и всё! *(Алексею и Афанасию.)* Товарищи, спасайте, меня прорабатывают... *(Отпускает дверь.)*

Входят А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а и В а д и м.

Поехали в Химки купаться!

В а д и м. Не спорь, Анастасия Ефремовна абсолютно права — прыгаешь, как блоха. Думать надо!

А н д р е й. В Химки, друзья, а?

А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а. Вадя, Николай Афанасьевич не вернулся?

В а д и м. Говорят, прибыл.

А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а. Как — говорят?

В а д и м *(смеется)*. Отец прилетел в восемь утра, а в десять уже уехал на работу — я спал.

А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а. Значит, дома его нет?

В а д и м. Не приходил.

А н д р е й. Поплаваем, а?

В а д и м. Успеешь поплавать на экзаменах. Алексей, Анастасия Ефремовна говорит — ты имеешь на Андрея влияние. Вдолби ему, что в наше время учиться шаляй-валяй — недостойно.

А ф а н а с и й *(тихо, Алексею)*. Не лезь!

А л е к с е й. Он сам знает.

А н д р е й. Святые слова. Все сам знаю. Что вы от меня хотите, учиться? Иду учиться. Кончу институт — буду работать, приносить пользу. Устраивает?

Входит А р к а д и й.

А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а. Аркаша, иди обедать.

А р к а д и й. Сейчас. *(Прошел, молча ложится на диван.)*

Вадим *(Андрею)*. Кривляешься!.. А вот потом — станешь каким-нибудь паршивеньким инженеришкой — заплачешь!

Алексей. Ну, инженером быть не так уж плохо!

Вадим. Рядовым — ничего привлекательного.

Андрей. Ты в необыкновенные личности метишь?!..

Вадим. Не скрываю. Плох тот солдат, который не хочет быть генералом. *(Андрею.)* Ты обязан ставить перед собой большую цель и добиваться ее.

Анастасия Ефремовна. Посмотри на Аркадия!

Андрей. В артисты не собираюсь.

Вадим. В любой профессии можно прозябать и можно стать человеком.

Галя. Совершенно правильно.

Алексей. Что ж, я на простых смертных поплевывать должен?

Вадим. Не хуже твоего знаю, как мы должны относиться к простым людям. Но труд труду рознь, и к профессору Аверину, Петру Ивановичу, я все-таки испытываю больше уважения, чем к нашей домработнице Клаве, хотя с ней я абсолютно корректен.

Алексей. Пушкин свою няню просто любил.

Вадим. Не ищи исторических прецедентов в его оправдание.

Анастасия Ефремовна. Вадя совершенно прав: вы обязаны думать и об аспирантуре, и о профессорском звании...

Вадим. Не в званиях дело, Анастасия Ефремовна. Но если мы сейчас, именно сейчас, не будем мечтать о чем-то крупном, большом,— из нас ничего потом не получится.

Катя. Но у человека может быть мало способностей...

Вадим. Кроме способностей есть воля, настойчивость, упорство в достижении цели. Кажется, этому нас в школе учили и в комсомольской организации.

Афанасий. Это верно.

Вадим. Только для многих в одно ухо влетело — в другое вылетело. А я запомнил и ставлю перед собой большую цель. Да, я иду в Институт внешней торговли и не хочу потом затеряться в должности какого-нибудь делопроизводителя в министерстве...

Андрей. Будешь чрезвычайным и полномочным представителем?

Вадим. Может быть. Во всяком случае, хочу побывать во Франции. Италии, Англии, даже Америке...

Андрей. Слушай, Вадька, а ты не будешь шпионом в пользу какого-нибудь иностранного государства?

Вадим. Дурак!

Анастасия Ефремовна. Тебе все шутки, а вот увидишь: Вадя будет занимать крупный пост. У него будет квартира, большая зарплата...

Вадим. Практическая сторона меня мало интересует, Анастасия Ефремовна.

Анастасия Ефремовна. Ты еще мальчик, Вадя, но всем вам придется думать и о квартирах, и о деньгах, и о семье...

Вадим *(Андрею)*. Ты попросту лентяй. Вот я теперь как проклятый изучаю итальянский, французский; английский уже знаю хорошо. Это не легко.

Андрей. Ну, ты!.. Ты — гений. Уж и манеры в себе дипломата вырабатываешь.

Вадим *(показывая на Андрея)*. Вот, пожалуйста, легкая ирония. То, что я умею сидеть на стуле прямо, а не развалясь...

Афанасий невольно меняет позу.

...вежливо поздороваться, не гонять по школьным коридорам как угорелый, не чавкать, не ходить нечесаным...

Афанасий приглаживает вихры.

... все это в школе вызывало подобные блестки юмора. Откуда возник этот тонкий юмор? Из желания оправдать свою собственную расхлябанность и лень. Да-да! Чтобы научиться сидеть за обедом прилично, чтобы уступить место женщине, помочь ей, — этому надо учиться, а учиться — это трудиться!

Андрей. Он книгу «Хороший тон» изучал, мне давал читать — не помогает.

Вадим. Скверная книга, устарела. А новую написать не мешает; к сожалению, многим требуется.

Анастасия Ефремовна. Ты умник, Вадя, умник! *(Андрею.)* Слушай!

Афанасий. Мысли верные, ничего не скажешь... Только они *(показывает на вихры)* у меня торчат от природы. Остричься бы надо наголо.

Вадим. Я не о тебе.

Афанасий. Нет, почему же — многое на свой счет принимаю.

Галя. Ты прав, Вадим. Быть каким-нибудь просто агрономом — доля ограниченных людей.

Алексей. А я считаю — плохо, когда, к примеру, писатель станет о себе говорить: я буду как Лев Толстой!

Вадим. Но мечтать он об этом может и должен!

Алексей. Про себя.

Афанасий *(учуяв недоброе)*. Осторожней, говорю!

Катя. Верно, верно, товарищи! По-моему, есть такие чувства — они высокие, благородные, но их обязательно надо хранить в тайне. Помечтать разок в тишине... и забыть! Помечтать, как о каком-то большом-большом счастье, которого, может, и не будет... А если солдат выйдет перед строем и вдруг скажет: «Я хочу быть генералом...» Смешно как-то... Верно?

Алексей. Сочтут ненормальным, освидетельствуют и уволят по чистой.

Андрей. Вадя, смотри-ка, они тебя, кажется, за хвост поймали!

Вадим. Удивительно! Как много у людей бывает всяких уверток, приспособлений!.. Видите ли, все благородное держится так глубоко в тайне, что его порой... и не видно... Сугубо провинциальная теория...

Алексей. Есть и такое приспособление, довольно модное: городить из хороших слов этакие высоченные заборы, а что за этими заборами — не видно.

Вадим. Стань на цыпочки и загляни, если любопытно.

Андрей. Алеша, загляни. Только берегись: он тебя сверху какой-нибудь увесистой цитатой прихлопнет.

Алексей. И когда человек о себе говорит: я делаю то-то, то-то,— тоже нехорошо.

Вадим *(Алексею)*. Вредную политику ведешь...

Афанасий. Ого, обвинение!

Вадим. Вредную! Андрей и без тебя достаточно путается в элементарных понятиях о жизни. Разговор я начал для него. Блуждать вкривь и вкось он без тебя умеет, ему ясность нужна.

Андрей. Вадя, ты мой единственный источник света! Свети!

Анастасия Ефремовна. Алеша, ты мог бы действительно приберечь все эти мысли для себя.

Алексей. Тетя Настя, я не защищаю Андрея — верно, в голове у него и опилки есть...

Анастасия Ефремовна. Какие опилки? Не тебе его критиковать! Ничего такого страшного я не вижу. Во-первых, Андрюша способный, он должен стремиться именно к тому, о чем говорит Вадя.

Петр Иванович *(входя)*. Настенька, дай нам с Николаем Афанасьевичем что-нибудь перекусить. *(Уходит.)*

Анастасия Ефремовна. Николай Афанасьевич приехал? Наконец-то! Аркадий, иди же, обедай вместе с отцом. *(Уходит.)*

Вадим. Едемте купаться! *(Андрею.)* С тобой спорить бессмысленно. Горячимся мы, горячимся, а почему? Дни такие. Как-никак решаем свою судьбу. А чего решать? Двери института у нас в стране открыты — пожалуйста, в любой заходи.

Афанасий. С оговоркой — сперва конкурс выдержи.

Вадим. Что делать — приходится поиграть в эту лотерею. *(Алексею.)* И тебя я понимаю: учение тебе давалось с трудом, по причинам очень уважительным — мне Андрей рассказывал,— но ведь мы не будем свои домашние обстоятельства приемной комиссии излагать,— вот ты сейчас и нервничаешь, беспокоишься...

Галя. Вадим, это уже бессовестно. Языки ты знаешь, занимаешься ими в свое удовольствие, а по остальным предметам...

Вадим. Галя, я из детского возраста вырос и если считаю, что в моей будущей профессии какие-то школьные науки не будут иметь значения, могу заниматься ими постольку-поскольку.

Галя. Врешь! Если бы тебе тоже надо было идти по конкурсу, ты бы не держал себя сейчас таким независимым. Отлично знаешь: Николай Афанасьевич позвонит в институт и... и для тебя откроется особая дверка.

Катя. Неужели примут?

А н д р е й. Наивная...

Г а л я. Академику Розвалову вряд ли откажут. В виде исключения... Как-нибудь...

А ф а н а с и й. А... Вне конкурса пойдет!

Г а л я. В обход. Дипломатический прием.

А л е к с е й. Значит те, которые по конкурсу, зря стараются — одно место уже занято. Человек десять сейчас вхолостую готовятся...

В а д и м. Не волнуйся, мы идем в разные институты, тебе я не конкурент.

А н д р е й. Галка, Алеша, тут вы не правы. Лазейку иметь — великое дело! Эх! Кто бы за меня словечко замолвил!.. В ножки бы тому — бултых! Клянусь! Продаю честь и совесть!.. Ведь пролечу, пролечу!.. Э!.. Ладно! Поехали!

В а д и м *(Алексею, примирительно)*. Да, конечно, элемент маленького жульничества тут есть, но положа руку на сердце кто бы из вас отказался от такой возможности? Только честно, без высоких слов.

К а т я. Нехорошо... но заманчиво...

А ф а н а с и й. Чего же зеваешь? Папа у тебя лауреат, дал бы письмишко к кому-нибудь.

К а т я. Ну тебя!..

В а д и м. Идемте, товарищи!

А н д р е й. Едем. *(Алексею.)* Чего носом сопишь?

А л е к с е й *(вдруг кричит Вадиму)*. «Воля!», «Упорство!», «Комсомол воспитал!» Ты зачем хорошие слова поганишь?

В а д и м. Взбесился ты, что ли?

А л е к с е й. «Все двери открыты!», «В жизнь вступаем!» Что ж ты в нее с черного-то хода заползаешь?

В а д и м. С какого это — «с черного»?

А л е к с е й. Не по-ни-маешь? Где — так умен, а где — святой...

В а д и м. За твоими словами знаешь что сидит?

А л е к с е й. Что?

В а д и м. Обыкновенная маленькая...

А л е к с е й. Ну, договаривай!

В а д и м. Зачем? Сам догадайся!

А л е к с е й. Боишься сказать?

В а д и м. Обижать не хочется...

А л е к с е й. Завидую?

А н д р е й. Алешка, Алешка, не делай из него общественного явления, тут все свои... Случай редкий.

А л е к с е й. А ты считал? Что ты из этих окошек видел? (*Вадиму.*) Чести у тебя нет. Совести. Подлец ты!

В а д и м *(задыхаясь).* Я... Я-то?..

А л е к с е й *(холодно).* Ударь! Ну? Ничтожество!..

К а т я. Алексей, так нельзя.

А ф а н а с и й. Нет уж, в таких случаях можно. Закон один для всех. Раз по конкурсу, ну и становись в общую очередь. Чего лезешь?

А л е к с е й *(Вадиму).* Ничтожество! Кривая душа! Таких, как ты, ненавижу!

А р к а д и й *(вскакивая с дивана).* Правильно, Алеша, правильно! С черного хода идут... Не он один... Есть такие... Везде норовят пролезть, устроиться, приспособиться... И других за собой тянут... как зараза! Вон уж он где-то за партой умишко свой оттачивал, кумекая — как, куда поудобнее... повыгоднее... И цели он ставит великие!.. Для себя... В начальство хочет вылезти... А вскарабкается, так любое чистое дело в махинацию превращать начнет. В выгоду... Для себя! Все для себя!..

А ф а н а с и й. Прямой дорогой проще идти...

А р к а д и й. Проще? Много ты прошел! Прямая-то дорога в жизни — самая трудная. Зато по ней человек идет... Человек настоящий!..

В а д и м. Аркадий Петрович, вы, конечно, хороший артист...

А р к а д и й. Не артист я. Все! Сам подал сегодня заявление, чтобы уволили. Сам! Хватило духу! Не той дорогой иду, не так... Нехорошо!.. Сам подал! Сам!

А н д р е й. Ты ушел из театра?

А р к а д и й *(вдруг обмяк).* Да... Так получилось... Надо было... Ушел... Совсем...

В а д и м. Демагоги! А я уверен: будь у вас хоть какая-нибудь возможность, все, как Андрюшка, в ножки бы — бултых! Не так, что ли?

Никто ему не отвечает. В а д и м уходит.

Галя *(Алексею)*. Поблагодарил бы меня...

Алексей. За что?

Галя. За то, что подсадила... через забор заглянуть. *(Уходит.)*

Афанасий *(подымаясь)*. Да... Катя, пошли! *(Берет вещи.)* Ну, на Можайское, к тете Любе...

Катя. Ты говорил — к тете Вере!

Афанасий. А, всю родню перепутал!

Афанасий и Катя молча попрощались и уходят.

Андрей. Аркашка...

Аркадий молчит.

Аркадий... *(Алексею.)* Понимаешь, ведь он специально учился, работал сколько лет в этом театре...

Алексей. Пойдем погуляем маленько.

Анастасия Ефремовна *(входя, Аркадию)*. Я для тебя специально разогревать должна?

Андрей *(матери)*. Он ушел из театра...

Анастасия Ефремовна. Как — ушел?

Андрей. Подал заявление и ушел совсем.

Андрей и Алексей выходят.

Анастасия Ефремовна. Правда?

Аркадий. Да, через две недели буду свободен.

Анастасия Ефремовна. Зачем Аркаша, зачем? Разве так можно? Что ты будешь делать? Тебе же не семнадцать лет... Аркаша!..

Аркадий молчит.

Но ты не огорчайся...

Маша *(входя)*. Здравствуйте, Анастасия Ефремовна.

Анастасия Ефремовна *(сухо)*. Здравствуйте, Мария Алексеевна.

Маша. Я только на две минуты.

Анастасия Ефремовна. Пожалуйста. *(Уходит.)*

Маша *(Аркадию)*. Здравствуй.

Аркадий молчит.

М а ш а. О, ты последователен!

А р к а д и й. Здравствуй.

М а ш а. Спасибо!.. Знаешь, я две недели не теряла надежды, думала, придешь, извинишься... Даже в твою пользу оправдания придумывала — занят в театре, может быть, заболел... К сожалению, ты здоров... Вероятно, ты встретишь какую-нибудь девушку, тебе будет неприятно, что у меня есть свидетели... *(Развязывает сверток, с которым вошла, подает Аркадию пачки писем. Говорит очень деловито.)* Это — в первый год, когда ты в Киев и Полтаву на гастроли ездил... Это — когда я в санатории отдыхала... Здесь — из Владивостока, Хабаровска... Записки мне в больницу... Здесь фотопленки, негативы я разбила... фото... Здесь разные пустяки... На Новый год... в день рождения, на Восьмое марта... *(Уронила на пол часть игрушек-подарков.)* Полетели!.. *(Наклонилась и чересчур долго поднимает игрушки. Подняла, положила на стол.)* Все. *(Пошла, улыбнулась.)* Нет-нет, не провожай!..

Входят А н д р е й и А л е к с е й.

А н д р е й. Здравствуйте, Маша.

М а ш а. Здравствуй.

А н д р е й. Это наш двоюродный брат Алексей.

М а ш а *(здороваясь с Алексеем, машинально)*. Давно приехал? Откуда?

А л е к с е й. Из-под Иркутска.

А н д р е й. В тот день, когда вы у нас в последний раз были.

М а ш а *(безучастно)*. А!.. *(Пошла.)*

А н д р е й. Вы расстроились?

Она остановилась.

М а ш а. Что ты? Отчего?

А н д р е й. То есть как? Разве вам все равно?

М а ш а. Что?

А н д р е й *(показывает на Аркадия)*. Что он ушел из театра?

М а ш а. Ушел?

А н д р е й. Разве он не сказал?..

М а ш а. Аркаша, сегодня был просмотр?

Аркадий. Да.

Маша идет к Аркадию. Всю следующую сцену Андрей и Алексей стоят молча, не глядя друг на друга, боясь пошевелиться.

Маша. Я сейчас в Сокольники ездила... прошлась... а скамейку кто-то сломал, только два столбика торчат... Хорошо... Тихо. И мороженым торгует та же толстуха... Только павильон в синий цвет перекрасили... Жалко. Поедем вечером в ресторан, я на платье скопила... Прокутим! А? Мы с тобой давно собирались шикнуть. Или по улицам пойдем. Знаешь, надо ходить, ходить, и непременно, где люди... Они о чем-то говорят, смеются, а ты идешь, идешь, и тебе все равно. А кругом шумят... Я очень люблю тебя... очень! И ты ничего не говори. Мы пойдем, я буду рассказывать, а ты ничего не говори, ничего — не надо. За четыре года я тебе ничего не рассказывала, а у меня есть, есть... Встань! *(Поднимает Аркадия.)* Галстук не надевай, так свободнее... Вот... Знаешь, мы в Сокольники пешком пойдем: по улице Горького, по Кировской, мимо вокзалов...

Маша уводит Аркадия. Андрей и Алексей стоят молча.

Андрей *(подходя к игрушкам)*. Смотри-ка, игрушки...
Алексей. Не трогай.
Андрей. Да...
Алексей. Помолчи.

Пауза.

Андрей. На отвлеченную тему можно?
Алексей. Давай.
Андрей. Вот нас учат в школе — там все более-менее ясно, а посмотришь на жизнь — иногда ничего не понимаешь.
Алексей. Согласен.
Андрей. Один — ноль в мою пользу.
Анастасия Ефремовна *(входя, подает Андрею записку)*. Завтра с утра пойдешь в Бауманское и передашь эту записку Коробову Ивану Андреевичу. Поговоришь с ним.
Андрей. Кто это?

Анастасия Ефремовна. Декан факультета. Иди поблагодари Николая Афанасьевича. Ну, за тебя я, слава богу, спокойна. А где Аркадий?

Андрей. Ушел с Машей.

Анастасия Ефремовна. Какой бесхарактерный! Иди же поблагодари. *(Уходит.)*

Андрей *(прочитав записку)*. Считай, что я в Бауманское попал.

Алексей молчит.

А что, понимаешь, таким, как Вадька, можно, а нам... Ладно!.. *(Кладет записку в карман.)* Фу!.. У меня что-то даже сердце застучало... Ладно, подумаем.

Алексей пошел к двери.

Ты куда?

Алексей. Пройдусь.

Андрей. Я с тобой. Понимаешь...

Алексей. Что ты за мной по пятам ходишь? Прицепился!

Андрей *(подходя к Алексею)*. О, разозлился!..

Алексей *(вдруг хватает Андрея за комсомольский значок на рубашке)*. Сними значок-то, чего нацепил!

Андрей *(толкая Алексея)*. Ну, ты, поосторожнее, я тебе не Вадька!

Анастасия Ефремовна *(входя)*. Андрюша, Николай Афанасьевич уходит, иди же!

Андрей. Я сейчас возьму и отнесу эту записку в газету.

Анастасия Ефремовна. Перестань говорить глупости.

Андрей. Отнесу.

Анастасия Ефремовна. Не смей так шутить, слышишь!

Андрей. Я не шучу.

Анастасия Ефремовна. Не смешно. Дай сюда записку.

Андрей. Не дам.

Анастасия Ефремовна. Я позову отца.

Андрей. Зови.

Анастасия Ефремовна. Ты понимаешь, что ты делаешь? *(Алексею.)* Это ты его научил?

Андрей. Никто меня не учил.

Анастасия Ефремовна. Оставь, у тебя не хватило бы ума! *(Алексею.)* Ты приехал к нам в дом и изволь уважать чужие порядки. Мы тебя приютили...

Андрей. Что ты!.. Вытащила какое-то поганое слово... Ютили! Никто его не ютил. Приехал — и все!

Алексей. Тетя Настя, не говорил я ему ничего.

Анастасия Ефремовна. Ты дурно влияешь на Андрея, дурно. Имей в виду, сбить с толку такого, как он, — заслуга невелика. Петя! *(Уходит.)*

Андрей. Ну, правильно я решил? Да?

Алексей молчит.

Вадька забегает теперь, заткнем щель...

Алексей. Отдай обратно записку.

Андрей. Что?

Алексей. Отдай, говорю, записку!

Андрей. Как бы не так!

Алексей. Отдай!

Андрей. Не отдам!

Алексей. Слышишь?

Андрей. Ну?

Алексей *(приближаясь к Андрею)*. Отдай, говорю!

Андрей. Чего ты? Сказал — не отдам.

Алексей с силой отнимает записку у Андрея. Борются.

(Когда Алексей скрутил ему руки.) Мама!

Анастасия Ефремовна *(вбегая)*. Сейчас же прекратите! Алексей, оставь его! Я прошу тебя уехать. Куда-нибудь, куда хочешь!..

Петр Иванович *(входит, жене)*. Зачем ты это сделала? Значит, пока я искал в кабинете рукописи, ты вынудила Николая Афанасьевича...

Андрей. Вынудила!

Петр Иванович. Не сметь о нем говорить дурно! Будет ли из вас кто таким ученым — неизвестно.

Анастасия Ефремовна. Петя, я...

Петр Иванович. Ты плакала перед ним? Плакала? Да?

Анастасия Ефремовна молчит.

Иди сейчас же извинись. Слышишь?

Анастасия Ефремовна и Петр Иванович уходят.

Андрей *(вслед им)*. Нате возьмите вашу записку.

Петр Иванович *(в дверях)*. Можешь сохранить на память. «В газету отнесу!», «Разоблачу!». Дрянь! Если бы ты учился хорошо, мать не сходила бы с ума, не волновалась бы за твою судьбу. Ты довел ее до этого. Ты виноват! *(Уходит.)*

Андрей. Вот, понимаешь, сами чего-то там натворили, а на меня теперь сваливают. *(Рвет записку.)*

Алексей. Завтра же уеду отсюда.

Андрей. Да? А меня тут на съедение оставишь? Хорош!

Алексей. Я-то тут при чем?

Андрей. Ишь какой чистенький выискался! Если б не ты, я бы, может быть, пошел с этой запиской, и все шито-крыто.

Анастасия Ефремовна *(входя, Андрею)*. Сделал красивый жест! Чего ты добился? Остался без института. *(Алексею.)* Ты доволен? Да?

Голос Петра Ивановича. Настя!

Анастасия Ефремовна. Иду, Петя. *(Андрею.)* Все из-за тебя, из-за тебя... *(Уходит.)*

Андрей. Ну, Алешка, до экзаменов три дня осталось — мостик спалил, куда лечу — неизвестно... Э, ладно, не заплачу.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Декорация первого действия. В комнате никого нет.

Анастасия Ефремовна *(входя)*. Аркадий! Аркаша!

Петр Иванович *(выходя из кабинета)*. Я один дома.

Анастасия Ефремовна. Аркадий не возвращался?

Петр Иванович. Нет. А где он?

Анастасия Ефремовна. Уехал на пароходике по каналу. Конечно, с Машей. Удивительное легкомыслие! Устала. *(Садится.)* Объездила все институты. Андрею есть кое-какая возможность устроиться в Рыбный.

Петр Иванович. Он же сдает экзамены и сейчас ушел...

Анастасия Ефремовна. Нет, в Бауманское он не выдержит, у него уже есть одна четверка. Конечно, будет и вторая. А с двумя четверками не принимают, я узнавала. Просто безобразие, какие строгости развели!..

Петр Иванович. Но почему же в Рыбный?

Анастасия Ефремовна. А куда?

Петр Иванович. Может быть, он не захочет?

Анастасия Ефремовна. Когда провалится, в любой пойдет. Надо же ему иметь образование. Конечно, вся эта история с запиской и мне неприятна, но если бы...

Петр Иванович. Перестань, Настя.

Анастасия Ефремовна. Николай Афанасьевич поправился?

Петр Иванович. Почти. У него с сыном была схватка: Вадим попросил его позвонить в Институт внешней торговли и... Николай Афанасьевич чуть не побил его.

Анастасия Ефремовна. Какая неприятность.

Петр Иванович. Еще бы. Когда сын растет негодяем...

Анастасия Ефремовна. Алеше, наверное, дадут общежитие за городом.

Петр Иванович. Алексей останется здесь. Парень тихий, усидчивый, и Андрею от него только польза.

Анастасия Ефремовна *(улыбаясь)*. Конечно.

Петр Иванович. Что ты улыбаешься?

Анастасия Ефремовна. Так... Тихий Алеша уже ухаживает за девушками, за Галиной.

Петр Иванович. За какой Галиной?

Анастасия Ефремовна. Давыдовой, дочкой народной артистки из Большого театра.

Петр Иванович. Ну, и что?

Анастасия Ефремовна. Она Андрюше нравится, интересная девушка... А наш Андрюша только глазами хлопает, ни капельки самолюбия.

Петр Иванович. Ну куда ты вмешиваешься, Настя, пойми!

Входят Катя и Афанасий. Здороваются.

Катя. Алеша еще не возвращался?

Анастасия Ефремовна. Нет.

Катя. А Андрюша?

Анастасия Ефремовна. Тоже не приходил.

Афанасий. Тогда извините.

Катя и Афанасий хотят уйти.

Петр Иванович. Вы их подождите. Они, вероятно, скоро придут.

Анастасия Ефремовна. Присядьте.

Катя и Афанасий садятся.

Петр Иванович. Экзамены сдаете?

Катя. Да.

Афанасий. Сдаем.

Петр Иванович. Успешно?

Катя. Успешно.

Афанасий. Да.

Петр Иванович. Поступаете?

Катя. Кажется.

Афанасий. Похоже.

Петр Иванович. Так-так... *(Жене.)* Вот, другие могут.

Анастасия Ефремовна. Петя, ты как будто меня упрекаешь?

Петр Иванович молча пошел к себе.

Анастасия Ефремовна *(идет вслед за мужем).* Ты не беспокойся, в крайнем случае Рыбный — это не так плохо, я узнавала... *(Уходит.)*

Афанасий. Зря Алексей в этом доме поселился.

Катя. А где же? Тебе хорошо — на каждой улице родственники.

Афанасий. Еще бы.

Катя. Устроил бы его.

Афанасий. Неудобно. Одну четверку он имеет? Имеет. Получит вторую — все. Поворот от ворот, верхняя полка,— здравствуй, мама.

Катя. Типун тебе на язык!

Афанасий. Хоть два под язык, только бы все обошлось. Мало ему тут мороки, так еще Галина на него глаза пялит.

Катя. Что ты!

Афанасий. Видел я, как она на него глядела, когда он с Вадькой сцепился.

Катя. Как глядела, как?

Афанасий. «Как, как»! Так же, как ты на него, только... энергичнее.

Катя. Вчера я зашла сюда, сказали — он с ней в Исторический музей ушел.

Афанасий. Да... история.

Катя. Нет-нет, что ты! Андрей ему брат, а он знает, что Андрей и Галя...

Афанасий. В этом деле родственные отношения теряют силу; почитывали художественную литературу, кумекаем.

Катя. А я? Алеша знает, что я...

Афанасий. Ты ему говорила?

Катя. Как тебе не стыдно. Умру — не скажу! Сам не слепой, видит.

Входят Алексей и Галя. Из другой комнаты появляется Анастасия Ефремовна.

Анастасия Ефремовна. Андрюши нет? Алеша, как у тебя?

Алексей. Благополучно, тетя Настя.

Анастасия Ефремовна. Пять?

Алексей. Пять.

Анастасия Ефремовна. Поздравляю. Надо Оле телеграмму дать, пусть порадуется. Придет Андрюша, крикните меня.

(Уходит.)

Галя *(Алексею)*. Идешь с блеском!

Катя. Да, с блеском — письменная была четыре.

Галя. Какой ужас! Такой умный — и вдруг... Ай-ай!

Алексей. Ей бы хотелось, чтоб я пролетел.

Галя. Да, очень. Любопытно было бы взглянуть на твою растерянную физиономию.

Алексей. В этой надежде ты и приплелась сейчас к академии?

Катя *(Гале)*. Ты его встречала?

Галя. Буйное воображение Алеши. Шла мимо, живу по соседству. *(Вертится перед зеркалом. Кате.)* Нравится фасон?

Алексей. С ней по улице идти невозможно: прохожие, особенно женщины, так и осматривают, как куклу, даже оборачиваются.

Галя *(радостно)*. Ты заметил? *(Кате.)* Это из-за банта и карманчиков.

Алексей. Слушай, Галина, ты не могла бы найти более увлекательную тему?

Галя. Могу. *(Афанасию.)* Афанасий, если ты меня не боишься, пойдем, я хотела бы задать тебе два-три вопроса.

Афанасий. Чего бояться — ты не щука, я не пескарь...

Афанасий и Галя уходят.

Катя. Какая она все-таки неприятная, правда?

Алексей. Ломака, кривляка, и воображает о себе невесть что.

Катя. Вот чудак Афанасий — решил, что она тебе нравится.

Алексей. Афанасий? Откуда он это взял?

Катя *(смеясь)*. По глазам, говорит, заметил. Психолог! Ведь она тебе не нравится, верно? Не нравится? Да?

Алексей. Нравится.

Катя. Как — нравится?.. Сильно?

Алексей. Сильно.

Катя. А как же я, Алеша?

Алексей. Что — ты?

Катя. Я же люблю тебя... Давно-давно...
Алексей *(опешив)*. Как — давно?
Катя. С пяти лет.
Алексей. Нет, это не надо...
Катя. Что?
Алексей. Вот это самое... не надо... Ты — хорошая... ты очень хорошая... Вот, как всё, понимаешь... Э, комедия!.. Что ты плачешь? А? Что ты? Не надо...
Катя. Домой хочется... уехать...
Алексей. Что ты! Последний экзамен остался, не выдумывай!.. Мы — друзья. Да... друзья... э!.. Ай-ай... Эх!..
Афанасий *(входя, Алексею)*. Она меня насчет твоей биографии выспрашивает. Говорить? *(Замечает состояние Алексея и Кати.)* Ты после экзамена пошел бы ополоснулся под краном.
Алексей. Да... именно. *(Уходит.)*
Афанасий. Не знал?
Катя. Нет... это неправда... Он знал, знал... Так же не бывает, чтобы человек не видел...
Афанасий. Бывает.
Катя. Нет-нет, не бывает.
Афанасий. А я говорю — бывает.
Катя. Откуда ты знаешь?
Афанасий. Сказал,— значит, знаю.
Катя. Вот, разревелась даже... Глупая...
Афанасий. Ничего, поплачь... Это так... детство уходит.
Андрей *(входит очень оживленный. Увидев плачущую Катю)*. Тройку получила?
Афанасий. Двойку, по психологии.
Андрей. Э, разыгрываете!..
Афанасий. Из дому письмо прислали — брат заболел.
Андрей. Поправится. Кто дома?

Входят Анастасия Ефремовна, Алексей и Галя.

Анастасия Ефремовна. Андрюша, ну?
Андрей. Срезался! Начисто! Ни на один вопрос не ответил. Нуль! Всё!

Анастасия Ефремовна. Ну вот, вот!
Алексей. Ты же неплохо знал!
Катя. Ай-яй-яй!
Афанасий. Э, дрянь дело!
Галя. Андрюшка, Андрюшка!
Андрей. Траурные венки и гирлянды складывайте в ту комнату.
Анастасия Ефремовна. Что ты будешь делать?
Андрей. Удавлюсь.
Анастасия Ефремовна. Уж ты не выпил ли?
Андрей. Сто грамм.
Анастасия Ефремовна *(зовет)*. Петя, Петя!

Входит Петр Иванович.

Конечно, он провалился.
Петр Иванович. Что ты думаешь делать дальше?
Андрей. Не знаю.
Петр Иванович. А все же?

Андрей молча разводит руками.

Тебе не стыдно своих товарищей? *(Показывая на Алексея, Катю, Афанасия)*. Они сотни километров проехали, чтобы попасть учиться, живут здесь на птичьих правах, может быть, недосыпают, недоедают... А тебе чего не хватает?
Анастасия Ефремовна. Ума.
Петр Иванович. Мать говорит, есть возможность устроиться в Рыбный институт — пойдешь туда.
Андрей. Почему в Рыбный?
Анастасия Ефремовна. Больше некуда, я все обегала.
Андрей. Я не хочу в Рыбный.
Петр Иванович. Тебя не спрашивают, хочешь ли ты или не хочешь.
Анастасия Ефремовна. Мы думаем о том, чтобы ты в люди вышел, и считаться с твоими капризами больше не намерены! На будущий год перейдешь в другой, если поумнеешь.
Петр Иванович. Ты что, не понимаешь важности образования в наше время?

Андрей *(отцу)*. Когда ты поступал на географический факультет, ты какой институт про запас держал?

Анастасия Ефремовна. Андрей, как ты разговариваешь с отцом!

Петр Иванович. Прежде чем пойти учиться, я четыре года работал с геологическими партиями, чернорабочим начал. Я стремился к своей специльности, добивался...

Андрей. Ты все-таки представь, что тогда устроился бы в Рыбный, Пищевой, Электромеханический, Полиграфический... Кто бы ты был? Ученый? Ничего подобного! Ты все любишь повторять: слишком много развелось людей при науке, они не науку любят, а выгоду от нее. Откуда же такие берутся? Все с высшим образованием... А все вроде Вадьки!

Анастасия Ефремовна. Ты идеалист, глуп и ничего не понимаешь в жизни.

Андрей. Я не хочу понимать того, что понимаешь ты!

Анастасия Ефремовна. Он пьяный, Петя...

Андрей. Ничего подобного. Не пил и не буду никогда. Вот если «в люди» начну выходить — обязательно попивать стану. Так и знай!

Вадим *(входя, Андрею)*. Верни мои тетради по физике.

Андрей. Ага, точные науки потребовались.

Вадим. Это ты и твой Алешка отца перепугали... Старик сдрейфил.

Андрей. Заткнули щель. Ничего, ты другую найдешь.

Вадим. Можешь не радоваться: экзамены сдаю прилично.

Андрей. Сдавай на горе трудящимся!

Вадим *(Анастасии Ефремовне)*. Зачем это вам понадобилось клянчить у отца записку да еще слезу пускать?

Анастасия Ефремовна. Вадя!

Андрей. Ну-ка не смей так с матерью рзговаривать! Пошел на улицу.

Вадим. Тетради отдай.

Андрей *(выталкивая Вадима)*. Пошел-пошел! Стой на тротуаре — в окошко выброшу. *(Вытолкнул Вадима и уходит за тетрадями.)*

Анастасия Ефремовна *(всем ребятам)*. Вы бы зашли к Андрюше в другой раз, завтра...

Афанасий *(собирая вещи)*. Да, меня ждут... дядя Лева.

Катя *(Алексею)*. Я завтра зайду, можно?

Алексей. Конечно... мы друзья, Катя, друзья.

Галя *(Алексею)*. Выручай Андрюшку.

Андрей *(вернулся, прошел на балкон, кричит вниз с балкона)*. Вадя, прими мои уверения в совершеннейшем к вам почтении. *(Швыряет вниз тетради.)* Провались! *(Обернулся. В комнате никого из его друзей нет, только отец, мать и Алексей.)*

Анастасия Ефремовна *(глядя на мужа)*. Ну?

Петр Иванович. Андрей, я тебе предоставляю полную свободу выбора. Решай все сам.

Анастасия Ефремовна. Что?!

Петр Иванович уходит.

Андрей. Это как его понять?

Входят Маша и Аркадий. Аркадий сильно перепачкан грязью.

Анастасия Ефремовна. Аркаша, что с тобой?

Маша. Невредим, невредим! Под ливень попали... Пустились бежать... грязища кругом — он меня через лужи перетаскивал.

Аркадий. Обратно ехали, она от меня пряталась, неблагодарная.

Маша. Стыдно с таким чучелом.

Анастасия Ефремовна. Аркаша, меня поражает твое веселье: катаешься на пароходике... Ты бы подумал о будущем.

Аркадий. И думаю, мама, все время думаю.

Анастасия Ефремовна. Не вижу. Сегодня на пароходике, вчера ты был на какой-то собачьей выставке...

Аркадий. Необычайная выставка! Псы — гиппопотамы!

Маша. Аркаша устал, Анастасия Ефремовна. Ему отдохнуть надо.

Анастасия Ефремовна. Кажется, он в театре не был перегружен работой.

Маша. Устал думать все об одном и об одном. Ему хочется посмотреть, что вокруг делается.

Анастасия Ефремовна. Хорошо, поступайте как хотите, делайте все, что вам угодно, хоть на луну улетайте — посмотрите! *(Уходит, чуть не заплакав.)*

Аркадий. Мама, мама!.. *(Маше.)* Я сейчас переоденусь, Муха. *(Уходит.)*

Андрей. Это я мать расстроил.

Маша. Чем?

Андрей. Пролетел на экзаменах.

Маша. Ну!.. Впрочем, так тебе и надо.

Андрей. Вот откровенная формулировка! *(Алексею.)* Слыхал? *(Маше.)* Ну, выучился бы я, а потом, как Аркашка...

Маша *(зло)*. Что вы от него хотите? Чтобы он в гениях числился? Главные роли играл? Как вам не стыдно долбить его в больное место! Будьте хотя бы снисходительны!

Андрей *(опешив)*. Маша, мне все равно, какой величины он звезда, только зачем он сам бесится?

Маша. Да потому что такие, как вы, уже зачислили его в неудачники. Если человек не гений, не знаменитость, так и права на жизнь не имеет? А ты знаешь, что его вчера вызывали в дирекцию и просили не уходить из театра? Просили!.. Он талантлив, да! Только идет медленно, трудно... А вы своим нетерпением подхлестываете его. Вот он и захотел прыжок сделать... сорвался... совсем озлобился. А злоба убивает в человеке все, даже талант.

Андрей. Вы тоже были злая...

Маша. Откуда ты взял?

Андрей. Хотели быть знаменитой пианисткой — не получилось.

Маша. Ну, это произошло совсем иначе.

Андрей. Как?

Маша. Самым прозаическим образом. Каталась на коньках — два пальца сломала... Вон как плохо гнутся.

Андрей. Совсем играть не можете?

Маша. Не знаю, с тех пор не пробовала. Мне тогда тоже: или мировую славу подавай, или гордое — ничего. С горя фотографией занялась, это не так скучно. Через три года окончу заочный химический институт... А искусство, оно вообще жестоко:

тянет к себе, а потом всех расставляет на свои места — без снисхождения.

Входит Аркадий.

Андрей *(Аркадию)*. Почему ты до сих пор не женишься на Маше?

Аркадий. Что?

Маша. Андрюшка!

Андрей *(Маше)*. Будь я постарше, честное слово, сам бы женился на вас!

Маша. Смотри, какой нахальный! Я, может быть, за тебя бы не пошла.

Аркадий. Ты глупости не болтай. Подумай лучше, чем заниматься будешь. Добалбесничал! Пойдем, Маша.

Маша *(отдавая половину цветов Андрею)*. Поставь у Аркадия на столе.

Маша и Аркадий уходят.

Андрей. Кажется, я про женитьбу безответственно брякнул.

Алексей. Тебе глупости прощают.

Андрей. Слушай, я ведь сегодня экзамена на сдавал.

Алексей. Отменили?

Андрей. Нет. Ушел.

Алексей. Почему?

Андрей. Вхожу, понимаешь, в училище, народищу, как всегда,— тьма. У всех глаза беспокойные, волнуются, переживают, а мне — хоть бы хны, абсолютно равнодушен. Вижу, в углу какая-то девчонка стоит: худенькая, белобрысая, косички висят жиденькие, во! — в палец толщиной, одета так себе, неважно; прижала к себе книжки и что-то шепчет, не поймешь — не то зубрит, не то молится... Тоска меня взяла. Ну чего, думаю, лезу, может, ей поперек дороги становлюсь. Мне-то все равно, а ей охота... и другим тоже... призвание, наверное; взял, повернулся и ушел. Глупо? Да?

Алексей. А чего делать собираешься?

Андрей. И ты этот пустой вопрос задаешь! Видишь — не знаю. Я вот что думаю: у каждого человека должна быть своя точка.

Алексей. Какая точка?

Андрей. Ну, место свое. Оно — одно-единственное. Попал на это место — и все твои способности наружу выходят. Все, что есть! Тут, понимаешь, человек обязательно счастливый бывает. И другие его любят, ценят. Самое важное — найти эту точку. Вот ты свою чувствуешь, тебя тянет к ней, и другие — тоже. А я понять не могу: где она? Но где-то есть это мое место. Оно — только мое. Мое! Вот я и хочу его найти. Призвание — это, наверное, тяга к этой точке. Да?

Алексей. Похоже.

Андрей. И я найду ее!.. Обязательно найду... найду... найду...

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Гостиная. Ночь. Стол накрыт к вечернему чаю. В комнате одна Анастасия Ефремовна. Входит Петр Иванович.

Анастасия Ефремовна. Как ты поздно, Петя.

Петр Иванович. Затянулось обсуждение. Но, кажется, мои выводы подтверждаются.

Анастасия Ефремовна. Алеша исчез.

Петр Иванович. Алексей?

Анастасия Ефремовна. Да. Ушел на экзамены, и все нет и нет. Андрюша его встречать ездил — не встретил. Прибегал сюда с Галей, спросили, не возвращался ли, и опять ушли. Где он?

Петр Иванович. Может быть, кого-нибудь из земляков встретил?

Анастасия Ефремовна. Просто хоть в милицию звони. Чайник горячий, пей.

Петр Иванович устраивается у стола. Анастасия Ефремовна наливает ему чай.

Петр Иванович. Ты одна дома?

Анастасия Ефремовна. Одна. Хожу по комнатам, как привидение. И за всех волнуюсь, волнуюсь, волнуюсь!.. Ну, где Алексей может быть?

Петр Иванович. Странно, конечно, но ты не волнуйся — придет, никуда не денется. Придет.

Анастасия Ефремовна. Аркаша должен был вернуться в десять — и тоже нет. Видимо, задержался в театре — в последний раз выступает.

Петр Иванович. Прощальная гастроль...

Анастасия Ефремовна. Что он будет делать — ума не приложу...

Петр. Иванович. А что он сам говорит?

Анастасия Ефремовна. Молчит. Вероятно, не решил. Спрошу еще раз.

Петр Иванович. Только не сегодня. Придет, пусть напьется чаю и ляжет спать; сегодня ни о чем не спрашивай — утром поговорим.

Анастасия Ефремовна. Я понимаю. Купила ему миндаль в сахаре — он очень любит... Андрею придется год переждать, пусть успокоится, подумает... Можно нанять репетиторов.

Петр Иванович. Андрею надо поступать работать...

Анастасия Ефремовна. Работать?

Петр Иванович. Не сидеть же сложа руки.

Анастасия Ефремовна. Куда? На завод?

Петр Иванович. Что особенного? Другие идут...

Анастасия Ефремовна. У него слабое здоровье, Петя.

Петр Иванович. Не замечал. Все еще пеленаешь их, пеленаешь... От чего ты его оберегаешь? Сама до сих пор полы моешь, не стесняешься. *(Помолчав.)* Оля письмо прислала, благодарит за то, что мы Алексея хорошо приняли. Тебе большое спасибо, целует. Деньги, которые мы им посылали, просит отдавать Алексею.

Анастасия Ефремовна. Конечно, надо же ему на свои расходы. Петя, может быть, ты устроишь Андрюшу куда-нибудь в лабораторию?

Входят Галя и Андрей.

Андрей. Не приходил?

Анастасия Ефремовна. Нет.

Галя. Поехали к Кате — она все экзамены сдала и на радостях пошла в театр; хотели разыскать Афанасия — адреса не знаем...

Петр Иванович. Здравствуйте, Галя.

Галя. Простите, Петр Иванович, здравствуйте.

Андрей. Я ей говорю, не сходи с ума, а она требует — звони в бюро несчастных случаев.

Галя. Человек все-таки.

Петр Иванович. Конечно. *(Встает, уходит к себе.)*

Анастасия Ефремовна. Пейте чай. *(Андрею.)* Миндаль не трогай — это для Аркадия. *(Уходит.)*

Андрей *(пробуя миндаль)*. Заперли бы в шкаф, а то вводит в искушение...

Галя. Во-первых, я не схожу с ума...

Андрей *(хозяйничая у стола)*. А во-вторых?

Галя молчит.

(Наливает чай.) Ты крепкий любишь или цвет лица бережешь?

Галя. А во-вторых, он мог не сдать экзамена.

Андрей. А в-третьих, выдержки у тебя маловато — слабый пол. Подкрепись. *(Подает ей чашку.)*

Галя машинально начинает пить.

Не сразу, язык обожжешь.

Галя *(вскакивая.)* Оставь меня в покое! Я волнуюсь за человека, это ты можешь понять, за человека вообще!..

Андрей. Конечно: в государственном масштабе — забота о людях.

Галя. Хорошо, если ты хочешь откровенности — пожалуйста: во-первых...

Андрей. Слушай, нельзя ли прямо — в-десятых!

Галя. Хорошо! В двадцать пятых!

Андрей. Вот это ближе к делу.

Галя. Он не только равнодушен ко мне, но иногда просто груб.

Андрей. Тебе кажется.

Галя. Нет, не кажется. Вот когда ты относился ко мне... хорошо, я же сразу все поняла.

А н д р е й. Я дурак, потому и поняла.
Г а л я. Ты можешь говорить серьезно?
А н д р е й. Стараюсь.
Г а л я. Когда мы с ним разговариваем о каких-нибудь важных вещах, он терпим, но как только переходим на частные темы — диким становится. Нет-нет, он ко мне более чем равнодушен.
А н д р е й. Галочка, хочешь, я поселю в твою душу относительный покой?
Г а л я. Опять шуточки?
А н д р е й. К сожалению, всерьез.
Г а л я. Ну?
А н д р е й. Помнишь, ты меня спрашивала, о чем мы с ним говорили тогда?
Г а л я. Ну?
А н д р е й. Так вот: он мне сказал, что отобьет тебя у меня.
Г а л я. Он?!
А н д р е й. Если ты будешь переспрашивать, я опять начну острить.

Галя вдруг порывисто и крепко целует Андрея.

(Отстраняясь. Резко, почти зло.) Не смей!
Г а л я. Что ты?
А н д р е й. Не смей, говорю! *(Вытирает щеку.)* Нашла, понимаешь, тоже громоотвод!
Г а л я. Андрюша, милый, ты не расстраивайся.
А н д р е й. Много захотела! Расстраиваюсь!.. Да я на таких, как вы,— чихал! Пачками!.. Да!.. На всех!.. Разом!!
Г а л я. Андрюша, послушай...
А н д р е й. Не желаю!
Г а л я. Я хочу сказать...

Андрей быстро идет к роялю, садится и громко играет «По улицам ходила большая крокодила...».

(Отстраняя его руки от клавиш.) Андрей, ну дай мне сказать два слова...
А н д р е й *(зовет).* Мама!
А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а *(входя).* Да, Андрюша?

А н д р е й. Посиди с нами — что-то скучно. *(Гале.)* Так о чем ты начала говорить?

Г а л я. Я предлагаю тебе на будущий год поступить в Медицинский институт — мальчиков туда принимают охотно.

А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а. Конечно, медицина — это благородная профессия. Можно стать хирургом, невропатологом, глазником...

А н д р е й. Ну вот, сразу стало как-то веселее.

А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а. А пока отец хочет, чтобы ты поступил работать.

А н д р е й. Куда?

А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а. Найдем что-нибудь нетрудное. Петя говорит, есть возможность устроиться в Ботаническом саду.

А н д р е й. Куда-куда?

А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а. В Ботанический сад, в лабораторию.

А н д р е й *(оживленно)*. О! Это мне нравится! Буду пальмы выращивать, орхидеи, бананы... Мать, а почему в лабораторию? Я хочу быть садовником! А? Романтично! Садовником!

А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а *(смеется)*. Таскать воду, землю копать...

А н д р е й. Какой ты отчаянный прозаик, мама!

Слышен шум в передней, Галя вскочила.

Алешка!

Входят А р к а д и й и М а ш а. Маша здоровается со всеми.

А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а *(тихо, Андрею)*. Пожалуйста, ни о чем его не расспрашивай. *(Аркадию.)* На улице дождь, кажется?

М а ш а. Чуть-чуть накрапывал, сейчас перестал.

А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а. Выпейте чаю.

М а ш а. Спасибо.

А н д р е й *(Аркадию)*. Тут миндаль в сахаре есть, нам не дают — для тебя, говорят. Дай горсточку.

А р к а д и й. Бери. А вы что так поздно?

А н д р е й *(забирая горсть миндаля)*. Алексея ждем, исчез, понимаешь.

(Гале.) У отца в библиотеке какую-то книжку выкопал — «Золотой осел», наверно, юмористическая, пойдем, покажу.

Галя *(на ходу)*. Это не совсем юмористическая.

Андрей *(так же)*. Все же. Я начал читать — смешно.

Галя и Андрей уходят.

Анастасия Ефремовна. Что это за книга?

Аркадий. Апулея. Не совсем подходящая для совместного чтения. Ну, не маленькие.

Анастасия Ефремовна. Надо послушать. *(Уходит в комнату, где Андрей и Галя.)*

Маша *(смеясь)*. Не будет ли маленькой стычки?

Аркадий. Андрей с мамой умеет ладить. *(Пауза.)* Ты так долго стояла на улице, не продрогла? Вечерами прохладно становится.

Маша. Да, скоро сентябрь... Нет, не озябла. Хотела тебя дождаться.

Аркадий. Разговор затянулся. *(Подходит к Маше, берет ее руки.)* А руки холодные. *(Дышит ей на руки.)*

Маша. Чаю действительно выпить хорошо бы.

Аркадий. Давай. *(Наливает чай, пробует миндаль.)* Мамы во всех случаях хотят сделать для своих детей жизнь сладкой. *(Помолчав.)* Нет, я люблю театр. Даже запах красок люблю, сутолоку, волнение... Люблю слушать, как гудит зрительный зал перед началом спектакля и как он утихает... Люди ждут, когда откроется занавес и перед их глазами потечет жизнь... полная волнений, ошибок, взлетов... Я же чувствую настоящую радость на сцене. Я не эгоист, Маша, нет!.. И я хочу очень большого, чувствую в себе... Последние два года я шел куда-то в сторону... в сущности, искал легкой дороги с эффектом в конце. Не в этом дело!.. Бескорыстно!.. Надо идти бескорыстно. Я сейчас люблю театр сильнее, чем тогда, когда впервые вошел в него... По-новому... Увидим, увидим! Но легче, понимаешь, Маша, здесь... *(Показывает на грудь.)* Легче... Я успокаиваю себя?

Маша. Нет, Аркаша. Я даже завидую тебе в эту минуту.

Аркадий. В чем?

Маша молчит.

Аркадий. И ты не связывай свою жизнь с моей. Я трудный человек, со мной будет нелегко.

Маша. Какие глупости ты говоришь.

Аркадий. Каждый из нас имеет свои внутренние обязательства, клятвы, если хочешь. Ты же не подходишь к роялю два года, я не говорю, что это глупо.

Маша *(молча идет к роялю, садится, играет)*. Ты думаешь, я не подхожу к роялю? Это только при людях. А дома... мама слушает. Неважно, конечно, получается... *(Играет, потом говорит во время игры.)* Видишь, я еще могу играть, но уже променяла, променяла на фотографию... И не жалею... А люблю, очень люблю!

Аркадий. Тебе тяжело?

Маша. Нет, это воспоминание, эхо... Не жалею! Закончу институт, буду заниматься фотографией всерьез. У нас ведь смесь искусства с кустарщиной... Обязательно что-нибудь придумаю новое... Да-да, увидишь! Для подвига не требуется большого пространства.

Входят Андрей и Галя.

Андрей. Маша!

Маша *(весело, продолжая играть)*. Клятвопреступница!

Андрей. Это вы к чему?

Маша. Безотносительно! *(Продолжает играть.)*

Анастасия Ефремовна *(входя с книгой в руках. Тихо, Аркадию)*. В начале действительно что-то вроде сказки, а я полистала в середине — ужас что написано. Нет, сначала я сама прочту.

Андрей. Мама, не мешай.

Маша играет. Входит Алексей.

Ну, живей!

Маша оборвала игру.

Где ты был?

А л е к с е й. Всю дорогу сочинял, что бы соврать, — так и не придумал. Ходил по Москве.

Г а л я. Как экзамен?

А л е к с е й. Сдал.

А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а. Ну, поздравляю тебя! Пожалуйста, Алеша, не пропадай так неожиданно — очень беспокойно бывает.

М а ш а. Бегу домой, поздно! Не высплюсь — завтра начну печатать и наляпаю; потом с заказчиками скандалов не оберешься.

А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а. Вы недурно играете, Маша.

М а ш а. Что вы, Анастасия Ефремовна. Дурно, очень дурно! *(Собирается уходить.)*

А р к а д и й. Я провожу.

М а ш а. Не надо.

А р к а д и й. Я тебя не спрашиваю.

А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а. Аркаша, завтра мы с тобой поговорим...

А р к а д и й. О чем, мама? Я взял свое заявление обратно. Остаюсь в театре. Дверь на цепочку не закладывайте. *(Уходит вслед за Машей.)*

А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а. Петя, Петя! *(Прошла к мужу.)*

А н д р е й *(Алексею)*. Ты, знаешь, гуляй, да не загуливайся. Люди тут с ума сходят.

А л е к с е й. Кто это?

А н д р е й. Я! Я за тебя волнуюсь! Кто тебя здесь, в доме, оставил? Я. Значит, я за тебя и отвечаю в первую голову. И ты, пожалуйста, больше таких фокусов не выкидывай. Исчезай хоть на неделю, но предупреждай. Так и уговоримся! Понял?

А л е к с е й *(улыбаясь)*. Идет.

А н д р е й. И не улыбайся. Я тут всех успокаивай, уговаривай, отвлекай, развлекай — интересное это для меня занятие! *(Уходит.)*

А л е к с е й. Что с ним?

Г а л я. Конечно... Ты мог попасть под машину... да и вообще... мало ли разных случаев. Мы тебя и встречать ходили и у Кати искали, думали, у Афанасия...

А л е к с е й. Ты-то с ним зачем ходила?

Г а л я. Не я с ним, а он со мной. *(Пауза. Поправляет платье.)* В автобусах да в трамваях все платье помяли — вида нет.

А л е к с е й. Нарядное.

Г а л я. Наконец-то оценил. Я ведь это все сама себе шью... Мама у меня портнихой на швейной фабрике работает, выучила...

А л е к с е й. А говорили — певица.

Г а л я. Когда я нынче на выпускном вечере познакомилась с Андреем и Вадимом, они мне показались такими важными, вот я и придумала, благо есть однофамилица. Дурачество! А шить я люблю. Иногда полночи сидишь, фантазируешь. А придешь к вам — только шуточки... Даже обидно. Впрочем, мальчишеская ограниченность...

А л е к с е й *(подходит к Гале)*. Галя...

Г а л я. Что?

А л е к с е й *(остановившись)*. Занятно получилось: только тебя встретил... Эх, до чего же уезжать не хочется!

Г а л я. Куда уезжать?

А л е к с е й. Откровенность за откровенность: я сегодня не сдал экзамена.

Г а л я. Неправда!

А л е к с е й. На эту тему шутить не рискнул бы.

Г а л я. Ты же сказал...

А л е к с е й. При тебе говорить не хотел. Уехал бы, да и все. Не вышел в лучшие. Вот, гляди на мою физиономию.

Г а л я. Что ты глупости говоришь, как тебе не стыдно... Ты уезжаешь... *(Зовет.)* Андрюша! Андрей!

Выходит А н д р е й.

Алеша не сдал экзамена.

А н д р е й. Чушь!

А л е к с е й. На два первых вопроса отвечал хорошо, а потом сбился. Уверенность сразу и потерял. Начал что-то мямлить, вижу — еще хуже получается. Взял и замолчал. Они меня спрашивают, а я молчу. Дополнительные вопросы задают, легкие, я бы сейчас на них не задумываясь ответил, а там — молчу. Потом начал отвечать по два-три слова...

Андрей. Что поставили?

Алексей. Не знаю, не дождался.

Галя. Может быть, четверку?

Алексей. Ну и что? Пятерки нет — это ясно, а с двумя четверками не примут — тоже факт.

Андрей. Подожди, подожди...

Алексей. Ты меня не успокаивай. Я сейчас ходил по улицам и реветь собирался и проклинал себя... за все!

Галя. Вообще это безобразие — принимать только по оценкам на экзаменах, по очкам. Может быть, какой-нибудь зубрила, в сущности тупица...

Алексей. Это конечно... Только не ждать же, пока новые правила выработают.

Галя *(Андрею)*. Он уезжать хочет...

Андрей. Зачем?

Алексей. Что ж я тут прохлаждаться буду? Нет, я домой поеду. Опять на машинно-тракторной работать стану. Это ничего, это полезно... Я уже обдумал, все обдумал... Своего добьюсь!

Галя. А когда ты хочешь ехать, Алеша?

Алексей. Через четыре дня.

Галя. Так скоро!

Андрей. Ты подожди, еще вывесят списки,— может быть, проскочишь.

Алексей. Чего ждать? Нет уж, сюда я на авось приехал и опять на авось... Да, выучиться поскорее хотелось... Вот что, Андрей, ты выйди-ка отсюда минут на десять.

Андрей *(помолчав)*. Могу. *(Уходит.)*

Галя. Зачем ты так?

Алексей. Он не обидится. Мы потом с ним откровенно обо всем поговорим.

Пауза.

Галя. Алеша, может быть, я тебе мешала... своим присутствием?

Алексей. Чему ты могла мешать? Ты помогала, только помогала мне. Андрей и Аркадий спать лягут, а я маленькую лампочку зажгу и сижу занимаюсь. Ты мне нравишься... Я никогда ни-

чего подобного не испытывал. И ты меня не забывай. Я уеду, а ты не забывай... если можешь. Я увижу тебя... Ты даже и вообразить не можешь, до чего же ты мне нравишься!

Пауза.

Галя. Мне домой пора.
Алексей. Провожу, можно?
Галя. Не надо.
Алексей. Поздно.
Галя. Я одна хочу идти, одна. *(Пошла.)*
Алексей. Подожди. Скажи что-нибудь.
Галя *(остановившись)*. Обещаю тебе: я лучше буду, лучше! *(Уходит.)*
Алексей. Андрей.

Входит Андрей.

Ты извини. У меня вообще и сила воли есть и выдержка, а тут — не мог. Я виноват перед тобой...

Андрей. Ну до чего люди язык трепать любят! Треплют и треплют — благо без костей!

Алексей подошел и обнял Андрея за плечи. Пауза.

(Освобождаясь из рук Алексея.) Телячьи нежности...

Пауза.

Насчет твоего отъезда еще надо подумать...

Алексей. Думать нечего — я уже на вокзале был. Вот билет! *(Достал билет, бросил его на стол.)* Кончилась моя московская эпопея!

Петр Иванович *(входит)*. Еще не спите? *(Алексею.)* Ну, тебя можно поздравить? Молодец! Оля просила те деньги, что мы посылали, тебе отдавать. На, держи, до стипендии еще далеко... *(Достает деньги, отдает их Алексею.)*

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Комната Аркадия и Андрея. Входят Маша *и* Аркадий.

Маша. У, какой беспорядок!

Аркадий. Алексей уезжает.

Маша. Скоро Андрею здесь будет раздолье! Он уже работает?

Аркадий. Все оттягивает. С первого числа пойдет. Сейчас занят проводами Алексея, привязался к нему.

Маша. Позови же Анастасию Ефремовну. И, пожалуйста, молчи. Я все скажу сама.

Аркадий. Мама!

Анастасия Ефремовна *(входя)*. Здравствуйте, Мария Алексеевна.

Маша. Здравствуйте.

Анастасия Ефремовна *(Аркадию.)* Что?

Маша. Анастасия Ефремовна, я всегда чувствовала себя виноватой перед вами... Вы, вероятно, считали, что я хочу поймать Аркадия, женить на себе. Это не так!

Анастасия Ефремовна. Мария Алексеевна, вы не должны обижаться: я — мать, я лучше знаю жизнь, у меня больше опыта. Но я всегда знала, что и у вас и у Аркадия достаточно благоразумия, чтобы не связывать себя по рукам и ногам. Мы с ним не раз говорили на эту тему, он сам понимает...

Аркадий. Мы поженились, мама. Расписались. Сейчас.

Маша. Я люблю его... Больше даже не знаю, что сказать.

Аркадий. И ты не беспокойся: мы будем жить с Машиной мамой, я перееду. У них одна комната, но бо́льшая — мы перегородим...

Анастасия Ефремовна. Ты не сче́л нужным сначала переговорить со мной?

Аркадий. Я знал ответ.

Анастасия Ефремовна. Поздравляю вас... Что же, вы теперь будете приходить ко мне только в гости?

Аркадий. Так лучше, мама.

Анастасия Ефремовна. Вам виднее.

Маша. Мы хотели поговорить с вами, как нам лучше отпраздновать свадьбу.

Анастасия Ефремовна. Надо сделать по-человечески, как полагается. Между прочим, вам по закону положен трехдневный отпуск, вы знаете?

Маша. Да, я предупредила заведующего.

Аркадий. И я сказал.

Анастасия Ефремовна. Ну вот, сегодня вечером все обсудим. Вы придете, Маша?

Маша. Обязательно.

Анастасия Ефремовна. Вот и поговорим. Поздравляю, Думайте о нем, Маша; создать дома для мужа хорошую обстановку — это многое, но не всегда легко.

Неловкое молчание.

Поздравляю!.. *(Уходит.)*

Маша. И все-таки надо было ей сказать раньше.

Аркадий. Да, пожалуй... Ну ничего. Отец, в конце концов, знает — ему-то мы говорили, а маме, может быть, лучше было сказать именно только сейчас. Теперь ты будешь мне всю жизнь мстить.

Маша. За что?

Аркадий. Как же!.. Говорил: «мне не до тебя», «не люблю», «зачем ходишь за мной»...

Маша. Смешной! Если бы ты разлюбил меня на самом деле, я бы это поняла гораздо раньше всяких твоих слов и первая бы сказала: «Аркаша, мне с тобой скучно, мы — разные люди». И ушла бы, незаметно, но навсегда.

Аркадий *(смеется)*. Ты настойчивая!..

Маша. Я потеряла в жизни очень много... Ты хотел, чтобы я потеряла и тебя?

Аркадий целует Машу. Входят Алексей и Андрей.

Андрей *(мрачно)*. Какая гадость!

Маша. Мы поженились, Андрюша.

Андрей. Наконец-то! Это он меня испугался, не иначе.

Аркадий *(Алексею).* Во сколько поезд отходит?

Алексей. Минут через сорок надо трогаться.

Аркадий. Жалеешь?

Алексей. Обидно, конечно. Ладно, поработаю... не вредно!

Аркадий. И Андрей поработает.

Андрей *(Алексею).* Давай укладывать, не забыть бы чего впопыхах.

Маша *(Аркадию).*Пойдем. *(Уходит с Аркадием.)*

Андрей *(укладывая вещи).* У нас с тобой другая дорога будет, да? А Вадька, подлец, все экзамены сдал. Такие, как он, они, знаешь, настырные.

Алексей. Все равно себе шею сломает — не сейчас, так потом. Раскусят.

Андрей. Определенно. *(Подавая Алексею коробку).* Печенье сунь сверху, в дороге пригодится.

Алексей. Я тебе сказал — не покупай ничего, брать не буду.

Андрей. Времени мало осталось... Ну, слушай: я еду с тобой. Билет давно купил, на следующий день, когда твой увидел. Тот же вагон — семь.

Алексей. Ты чего?

Андрей. Поеду. Хотел прямо с тобой в поезд сесть, но вот сказал. Поеду. Не возражаешь?

Алексей. Мне что... Ты мать с отцом спросил?

Андрей. Нет, и не буду. Шум поднимут. Я поработаю... В мастерские устроишь... кем-нибудь... Я поработать хочу... Там ходики у вас висят?

Алексей. Какие ходики?

Андрей. Ладно!.. Обдумаем... Вон наши не все учиться попали, работать некоторые пошли... больше поневоле... А я сам хочу. Место свое найти... Мое место!.. Мне жить интересно... только по-настоящему, а не так, чтобы выучиться, зарплату получать, в кино ходить, спать... Мы с тобой что-нибудь придумаем и найдем! Да?

Алексей. Скажи отцу с матерью.

Андрей. Нет, не буду. Записку с вокзала пришлю.

Алексей. Боишься?

Андрей. Не боюсь, а начнут, понимаешь... тра-та-та! Тра-та-та!

Алексей. Значит, боишься. Скажешь, а то — не поедешь. Да я сам скажу. *(Идет к двери.)*

Андрей. Подожди. Ладно... *(Быстро упаковывает чемодан.)* Лишку не беру, все фасонистое оставляю... Деньги возьми — мне не давай.

Алексей. Откуда у тебя столько?

Андрей. На «Москвича» копил. Бери, говорю.

Алексей. Зря.

Андрей. Мои кровные... отец с матерью дарили, по грошам собирал. Три года не дотрагивался, святыня. *(Продолжая укладывать вещи.)* Еды хватит. Хотел ничего не брать, поехать, с чем есть, да глупо как-то, по-мальчишески. Из первой получки отцу с матерью хоть десятку, а пошлю... Мою десятку, кровную! Я, знаешь, не дурак, не лентяй, все могу делать, все!.. Только интересно надо жить, интересно! Да!

Входит Анастасия Ефремовна. Андрей инстинктивно отскакивает от чемодана.

Анастасия Ефремовна. Алеша, тебе надо покушать перед дорогой. *(Андрею.)* И ты с утра голодный бегаешь.

Андрей. Мать, я уезжаю.

Анастасия Ефремовна. Куда?

Андрей. С Алексеем.

Анастасия Ефремовна. Ну и поешьте до отъезда, еще успеете.

Андрей. Я не на вокзал еду, а совсем, с ним, к тете Оле.

Анастасия Ефремовна. Ты рехнулся!

Андрей. Не возражай. Я и говорить не хотел, прыгнул бы в поезд... *(Показывает на Алексея)*. Он велел...

Анастасия Ефремовна. Петя, Петя!

Андрей. Ну, началось!..

Анастасия Ефремовна *(входящему мужу, еле выговаривая слова)*. Он... уезжает, он... Петя!

Петр Иванович. Кто уезжает?

Андрей. Я.

Петр Иванович. Куда?

Андрей. С Алексеем, к тете Оле — жить там хочу.

Петр Иванович. Это еще что ты выдумал!

Андрей. Вы подождите... Мама, да подожди ты! Помираю я, что ли? Без паники бы, а?

Анастасия Ефремовна. Петя, Петя! Запри его! Запри... На ключ! Не выпускай!

Андрей. Да что ты, мама! Ну погоди... *(Подходит к матери, обнимает ее и целует.)* Ну тихо ты, тихо... Чего ты? Я же сказал тебе: не куда-нибудь еду, а к нашим...

Анастасия Ефремовна. Не пущу, не пущу! *(Крепко держит Андрея.)* Андрюшенька! *(Сильно плачет.)*

Андрей *(обнимает мать)*. Ну не поеду я, не поеду! Все! Не еду! *(Держа мать.)* Папа, ну почему мне не поехать? Почему? *(Матери.)* Не еду же, нет! *(Отцу.)* Маленький я, что ли? Вон Алексей уехал из дому учиться, что особенного? Загрызут меня там медведи, что ли? *(Матери.)* Ведь если бы я поехал учиться в Ленинград, ты бы отпустила меня? Да?

Мать плачет.

Я не еду, сказал же тебе — не еду! Ну, успокойся. Вот — распаковываю чемодан. Не еду! *(Открывает чемодан.)* Я практичный человек — все, что надо, взял, даже теплое белье, помнишь, которое ты заставляла носить, а я не надевал, а там бы надел.

Мать плачет.

Не еду, нет, остаюсь, сказал же тебе — остаюсь!.. И носки шерстяные... Не могу я здесь оставаться, не могу. Папа, ну чего она боится, разве у меня только одна и дорога что институт! Вон Федька Кусков никуда не попал, так дома по нем целые поминки устраивают, да и сам он чуть ли не удавиться хочет. Ведь почему? Боится. Работать боится. А я не боюсь. Я хочу! Мама, ну разве это самое важное, кем я буду? Каким буду — вот главное! А дорога — она разная может быть; но все равно, если во мне что путное сидит — выйдет наружу, обязательно выйдет. И учиться я буду, все время буду. Папа, ты понимаешь меня?

Петр Иванович. Я понимаю...

Анастасия Ефремовна. Петя!..

Алексей. Вы не беспокойтесь за него, тетя Настя. У нас хорошо, тихо...

Андрей. Вот! Алешка, обещай, что с меня глаз не спустишь... Я все буду делать, что он велит...

Анастасия Ефремовна. Не смей, не смей говорить!.. Ну, не хочешь в Ботанический сад — иди куда угодно!.. Только здесь... В Москве заводы какие: «Серп и молот», «Шарикоподшипник»... Техника! Все новое!.. Или ничего не делай, пережди год дома, обдумай...

Андрей. Нет-нет. Я и так ничего не делал.

Петр Иванович. Настенька, ну не понравится ему там, вернется, ты съездишь к нему, посмотришь...

Анастасия Ефремовна *(плачет тише)*. Андрюшенька, мальчик мой, разве дома тебе плохо? Ну, хочешь, Алеша здесь останется, у нас, совсем — вместе будете...

Андрей. Мама, ну что ты мне его, как игрушку, суешь... Мне же не Алексей нужен...

Анастасия Ефремовна. А что?

Андрей молчит.

Голова раскалывается...

Петр Иванович. Ты прими пирамидон. Пойдем, прими. Пойдем.

Анастасия Ефремовна *(сыну.)* Я не отпускаю тебя, слышишь? Я тебя не отпускаю!

Анастасия Ефремовна и Петр Иванович уходят.

Андрей. Сдается?

Алексей. По-моему, сдается.

Андрей. Скорей! *(Укладывает вещи.)* Да... у меня есть карточка Галины. *(Подходит к столу, выдвигает ящики, достает фотокарточку.)* Отдать тебе?

Алексей. Не надо.

Андрей *(вертит в руках фото)*. Не дарила... Сам из сумки вытащил... *(Смотрит на фото, говорит тихо.)* «Тебя, как первую любовь,

Андрея сердце не забудет». *(Прячет фотографию в глубь ящика стола. Помахал в ящик ладонью.)* До свидания, мечта!.. Носовые платки не положил. *(Уходит в другую комнату.)*

Галя *(входит.)* Успела... Здравствуй! *(Здоровается с Алексеем.)*

Алексей. Я беспокоиться начал.

Галя. Была в Тимирязевской.

Алексей. Зачем?

Галя. Сегодня там списки вывесили... Думала, а вдруг тебя приняли... Нет...

Алексей. Я сам туда с утра ездил... посмотрел, все-таки смалодушничал... Ну ничего, не зря я сюда прокатился: тебя встретил...

Галя. Говорят, чувства не выдерживают испытания временем и... расстоянием.

Алексей. Подумаешь, расстояние — всего шесть суток езды... А у нас там в этом году Педагогический институт открывается...

Галя. Нет-нет... Мама не отпустит...

Алексей. Я просто так...

Галя *(отдавая сверток, с которым вошла)*. На, на память.

Алексей. Что это?

Галя. Пустяк... Рубашки, сама сшила... А это — письмо.

Алексей. От кого?

Галя. От меня. Прочтешь в дороге, здесь не открывай.

Входят Афанасий и Катя.

Афанасий. Чуть не опоздали... *(Алексею.)* Ну как?

Алексей. Домой возвращаться стыдно... Ничего, покраснею малость. Сам виноват... Мать, конечно, обрадуется... *(Показывает на Андрея, который вошел.)* Он со мной едет.

Катя. К нам?

Андрей. Да. Чего мне, захотел — поехал.

Галя. Ты едешь?

Андрей. Вот люди — всегда себя лучше других считают!

Алексей *(Афанасию)*. Ты сегодня налегке. Где обосновался?

Афанасий. В общежитии.

Катя. Думаешь, он у родственников жил?

Афанасий. Полно тебе! Это только вначале бродяжил. Пролетело — забыто! Теперь комнатка на четверых — не каплет!

Катя *(отдавая Алексею сверток)*. Передай маме. И письмо. А это — братику, футбольный мяч. Вот обрадуется — давно хотел.

Афанасий. Э, идея! Сейчас и я настрочу. *(Присаживается, пишет.)*

Андрей деловито увязывает чемодан. Галя стоит в стороне.

Катя *(Алексею)*. Ты на меня не сердишься?

Алексей. Я? За что?

Катя. У меня все время такое чувство, будто я виновата перед тобой. Ты забудь, что я тебе говорила.

Алексей. Я и забыл.

Катя *(с грустью)*. Уже забыл?

Алексей. Ну... будто бы забыл.

Катя. Мне не нравится в Москве... У нас лучше, верно?

Алексей. Еще бы!

Катя. Скорее бы эти пять лет пролетели!

Петр Иванович *(входя, Андрею)*. Мать сказала, чтобы ты взял валенки и термос.

Андрей. Отпустила!.. Зачем валенки, я в них и не ходил.

Алексей. Обязательно бери, там понадобятся.

Петр Иванович. И ватное одеяло велела взять.

Андрей. Это атласное, зеленое? Ни за что!

Алексей. Возьми, раз мать велела.

Андрей. Она еще перину предложит.

Алексей. И перину возьмешь. Ты не огорчай ее — бери. У нас там чулан есть,— в случае чего, свалим.

Андрей. А! *(Отцу.)* Ладно, беру. Папа, ты уговори ее не ходить на вокзал; сидите дома. Ребята проводят.

Петр Иванович. Я и не собирался. *(Уходит.)*

Алексей. Жаль тебе, если мать на вокзал поедет...

Андрей. А у меня-то сердце, думаешь, каменное, что ли? Хватит и всего этого... *(Оглядел вещи.)* Ну, кажется, все.

Афанасий *(передавая Алексею записку)*. Отдай отцу и скажи, что в общем все благополучно... и пускай свою трубку поменьше

сосет... без меня там, поди, совсем продымился... Э, куплю ему на вокзале на последние «Золотого руна», пускай дымит!..

Входят А р к а д и й *и* М а ш а.

А р к а д и й *(Андрею)*. Очередная выходка?

А н д р е й *(резко)*. Не выходка!

А р к а д и й. О матери бы подумал!

А н д р е й. Думаю, думаю! А о себе я думать не должен, что ли?

М а ш а. Андрюша, ты его не слушай. Когда из твоих рук выйдет какая-нибудь вещица, самая простая... Впрочем, скоро все, все сам поймешь...

Входят А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а *и* П е т р И в а н о в и ч; *они несут большой чемодан и тюк.*

А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а *(Андрею)*. Мы с отцом решили отпустить тебя. Я сейчас ничего говорить не буду. Сегодня вечером сяду писать тебе письмо... *(Заплакала, но поборола слезы.)* Возьми вот это...

А н д р е й. Мама, зачем...

А л е к с е й. Андрей!

А н д р е й *(матери)*. ...Зачем ты сама тащила, я бы принес. Спасибо.

А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а. Алеша, я прошу тебя, присматривай за ним, Оле я тоже напишу...

А л е к с е й. Не беспокойтесь, тетя Настя.

А ф а н а с и й. Не опоздать бы, пора...

А н д р е й *(подходя к матери)*. Ну, мама, ты меня прости...

А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а. Не говори ничего. *(Прижала Андрея и долго держит его голову на груди.)* Мальчик мой, если заболеешь, немедленно пиши... Я приеду, сразу приеду...

П е т р И в а н о в и ч *(прощаясь с сыном)*. Будь человеком. И взрослей, взрослей!.. *(Целует сына.)*

А н а с т а с и я Е ф р е м о в н а *(Алексею)*. Алеша, если на будущий год надумаешь приехать — будем очень рады.

А л е к с е й. Спасибо, тетя Настя. Спасибо вам за все.

А р к а д и й *(Андрею)*. Поцелуемся!..

А н д р е й. Ладно, без сентиментальностей!.. *(Трясет брату руку.)*

Маша. Час добрый!

Андрей. Комнатку вам освободили — простор!

Маша. Мы к нам переезжаем.

Андрей *(Аркадию)*. Эх ты! Пожалел бы мать! *(Всем.)* Пошли. *(Оглядел комнату, подошел к стенке, снял маленькую картинку, сунул в карман.)* Там повешу. Пошли!

Андрей, Алексей, Афанасий, Катя и Галя уходят.

Анастасия Ефремовна *(после долгого молчания, Аркадию)*. А ты когда переезжаешь?

Аркадий. Мама, мы бы хотели остаться здесь, если ты не возражаешь.

Анастасия Ефремовна. Почему я должна обязательно возражать?

Маша. И вы не беспокойтесь за Андрюшу, ему надо было поехать, надо.

Анастасия Ефремовна *(оглядывая комнату)*. Что-нибудь забыли... Ну конечно! Телеграмму надо дать Оле, чтобы встретила. Аркадий, сходи на почту... Хотя нет, я сама, сама!.. *(Хочет идти.)*

Маша. Вы не спешите, мама; телеграмму можно дать и завтра, они суток шесть в дороге будут.

Анастасия Ефремовна. Шесть суток!.. В дороге...

Маша. Это же очень интересно для него. Мимо проносятся леса, селения, поля, города, реки... везде люди, разные, интересные...

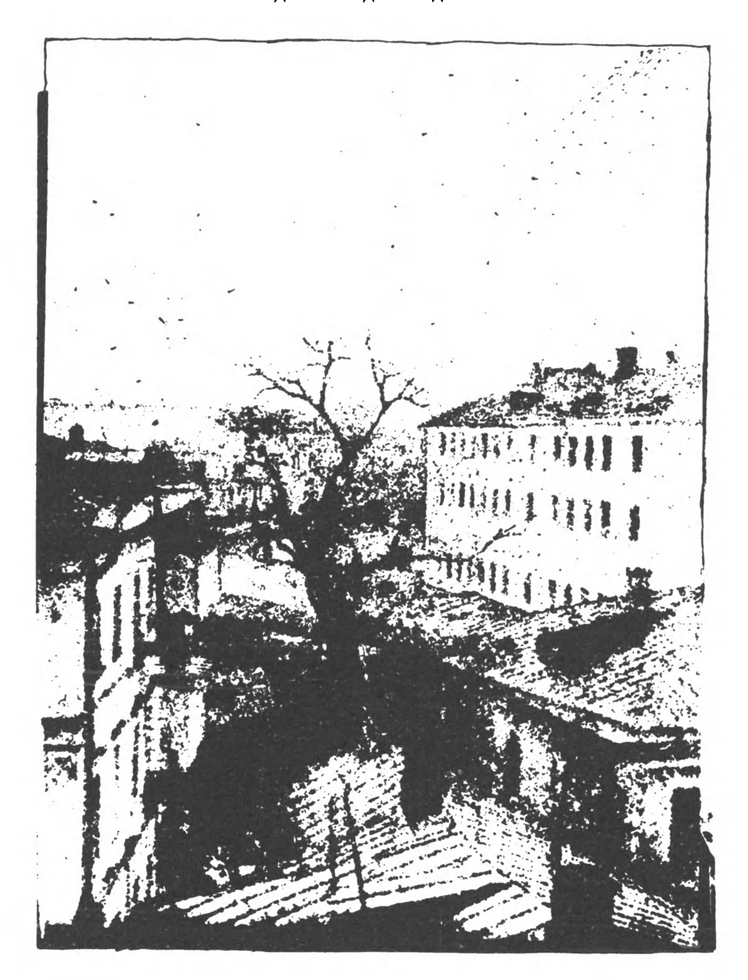
Петр Иванович. Когда я мальчишкой убежал с геологической партией, дома тоже, наверно, переполох был... Ничего!.. Пусть поищет!..

Занавес

1953

В ПОИСКАХ РАДОСТИ

КОМЕДИЯ В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КЛАВДИЯ ВАСИЛЬЕВНА САВИНА — *48 лет.*
ФЕДОР — *28 лет.* } *ее дети*
ТАТЬЯНА — *19 лет.* } *ее дети*
КОЛЯ — *18 лет.* } *ее дети*
ОЛЕГ — *15 лет.* } *ее дети*
ЛЕНОЧКА — *жена Федора, 27 лет.*
ИВАН НИКИТИЧ ЛАПШИН — *46 лет.*
ГЕННАДИЙ — *его сын, 19 лет.*
ТАИСИЯ НИКОЛАЕВНА — *43 лет.*
МАРИНА — *ее дочь, 18 лет.*
ЛЕОНИД ПАВЛОВИЧ — *32 лет.*
ВАСИЛИЙ ИППОЛИТОВИЧ (ДЯДЯ ВАСЯ) — *сосед Савиных.*
ФИРА КАНТОРОВИЧ } *ученицы 8-го класса.*
ВЕРА ТРЕТЬЯКОВА } *ученицы 8-го класса.*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в московской квартире, в старом доме, где-то в отдаленном от центра переулке. Справа — дверь, ведущая в прихожую. Слева — дверь в комнату, в которой живут Федор и его жена Лена. В середине, ближе к левому углу, дверь, которая редко бывает закрыта. Там виден небольшой коридор, заставленный домашним скарбом.

В этом коридоре две двери по левой стороне: одна — в комнату матери и Татьяны (та, что ближе) и вторая — в кухню, и еще дверь — прямо, она ведет во двор (черный ход). Когда эта дверь открывается, видна часть двора с только начинающими зеленеть деревьями, яркой травой, надворными постройками.

В квартире голландское отопление. Правее от центральной двери — два окна. Слева, почти у авансцены, стоит ширма, за которой, видимо, кто-то спит, так как на ширме висят брюки, рубашка и носки с резинками. Посреди комнаты — небольшой круглый стол и старые сборные стулья. Комнате придают странный вид какие-то громоздкие предметы, укрытые материей, газетами, всевозможным тряпьем. Сейчас они имеют фантастический вид, так как в комнате темно и только сквозь плотные шторы, вернее, через щели бьет яркий утренний свет. За ширмой горит свет — маленькая электрическая лампочка. Но вот она погасла.

Тихо открывается входная дверь. Стараясь не шуметь, входит К о л я. *Он подходит к буфету, достает ломоть хлеба, ест жадно, с аппетитом,— видно, проголодался сильно. Подходит к ширме, отодвигает две ее створки (те, что на зрителя). За ширмой виден потрепанный диван со спинкой, на котором спит, лицом к стене, его младший брат* О л е г, *и раскладная кровать — постель* К о л и. *Над диваном висит портрет молодого мужчины, а под ним на гвозде — сабля. Коля сел на раскладушку, ест хлеб.*

О л е г *(вдруг повернувшись, шипит)*. Ты дождешься, я маме скажу!

Коля продолжает есть.

Который час?

К о л я. Пятый.

О л е г. Ого! *(Нырнул под одеяло.)*

К о л я. Стихи, что ли, писал, полоумный?

О л е г *(высунув голову из-под одеяла)*. А ты — бабник! *(И скрылся.)*

Коля продолжает есть, думая о своем.

(Снова высунулся из-под одеяла). Ты знаешь, я ведь тоже люблю.

К о л я. Чего, пирожки с мясом?

О л е г. Я серьезно...

К о л я. Ну?

О л е г *(говорит, как на исповеди)*. Я... вот этого никто не знает... ужасно влюбчивая натура. Да-да!.. И давно!.. В четвертом классе мне одна нравилась, Женька Капустина... Хотел ее имя ножом на руке вырезать, да не получилось — больно. Прошло... В шестом классе — Нинка Камаева... Я ее из жалости полюбил — забитая такая была, тихая... Потом она в комсорги пролезла, горластая стала — жуть! — разлюбил. А сейчас — двоих... Да-да! Ну вот что такое — сам не пойму. Мучаюсь ужасно!.. Верку Третьякову и Фирку Канторович... Верка — каштановая, а Фирка — черная... У нее глаза, знаешь, огромные и темно-претемно-синие... Я в Парке культуры анютины глазки такого цвета видел... Ну вот, клянусь тебе, наглядеться не могу! А у Верки — коса толстая и до подколенок, а на кончике завивается. Как она ее носить не боится?.. Еще отрежут хулиганы на улице...

К о л я. Они знают?

О л е г. Что?

К о л я. Ну, что ты влюблен в них?

О л е г. Откуда же?

К о л я. Не говорил?

О л е г. Что ты! Так я им и скажу!.. Мучаюсь я очень... Как это у меня получилось — сразу двоих,— не пойму! Вот ты ведь одну любишь? Одну? Да?

К о л я *(нехотя)*. Одну.

О л е г. Видишь, нормально! Я вот что придумал: напишу записку.

К о л я. Кому?

О л е г. Одной из них.

К о л я. И что напишешь?

О л е г. Не скажу.

К о л я. А другой?

О л е г. А другой ничего не напишу. Только я не решил, которой из них написать. Это, знаешь, самое сложное. Но решу я сразу, категорично... и никаких!

К о л я. А на другой что — жениться собираешься?

О л е г. Я никогда не женюсь. Это-то решено твердо. Вон Федька наш женился — вижу я! Вечером, когда ты ушел, тут опять чуть свара не поднялась.

К о л я. Ругались?

О л е г. Не очень. Я читал на диване, а они пили чай... Купила она шоколадных конфет, так мне только одну швырнула, как собаке. Хотел я эту конфету выбросить к черту, да не выдержал, съел... Сидят они за столом, и она его точит, точит... Всё деньги в уме какие-то подсчитывает, о шкафах, о кушетках, о стульях разговаривает... Федьке ведь это неинтересно, а она его пилит, пилит!.. А он только: «Леночка, хорошо! Леночка, сделаю!» Тьфу!

К о л я. Что особенного? Федор квартиру получает — вот они и думают, как ее обставить. *(Начинает снимать ботинки.)*

О л е г. А ты на Марине тоже жениться будешь?

К о л я. Ну, спи!

О л е г. Колька, не женись! Ну кому это вообще надо?! Занимались бы, понимаешь, люди делом, а то женятся, ругаются, пузатые буфеты покупают — разве это жизнь?!

К о л я. Давай спать, Олег, не нашего ума это дело.

О л е г. В общем, конечно, но обидно... Мне Федю жаль. Вечером к нему Леонид Павлович приходил... Ты знаешь, Леонид Павло-

вич из-за нашей Таньки сюда ходит, честное слово! Она ему нравится. Татьяна, может быть, за него замуж выйдет... Только вот мне почему-то не хочется, чтобы за Леонида Павловича...

Коля. Он аспирант, зарабатывает хорошо, квартира есть...

Олег. А зачем все это? Я бы вот этот свой диван ни на что в мире не променял!.. Разве что на путешествия!.. Гена Лапшин тоже заходил на минуточку. Увидел Леонида Павловича и ушел. Они с отцом скоро обратно уезжают. Ему наша Танька тоже нравится...

Коля. Уж очень ты много видишь...

Олег. Все вижу и молчу. Думают — маленький. Вот только тебе... Мне ведь, в общем, конечно, все равно, только интересно...

Коля *(вешая рубашку на ширму)*. А чего не спал?

Олег. Сначала читал, а потом стихи сочинял в уме. Вчера туман над Москвой был, помнишь?.. Я и сочинил про туман.

Коля. Сочинил?

Олег. Не до конца. *(Декламирует.)*

Сегодня за окном туман,—
Открою двери и растаю!
Домов верблюжий караван
Куда-то в дымке уплывает.
Дороги шум и улиц гам
Как будто тонут в хлопьях ваты,
И я плыву по облакам,
И невесомый и крылатый...

Пока все.

Коля. Куда же ты плывешь?

Олег. Не знаю. *(Задумался.)* Давай спать. *(Скрылся под одеялом.)*

Коля закрывает ширму. На ширме появляются его брюки. Через некоторое время входит Клавдия Васильевна. Она прикрыла дверцу буфета, которую не закрыл Коля, посмотрела на ширму, достала из шкафа две рубашки, сняла с ширмы рубашки ребят и повесила туда чистые.

За окном слышатся нечастые удары топора по дереву. Входит Леночка.

Клавдия Васильевна. Вы что рано, Леночка?

Леночка. Поеду в центр. На Дмитровке, сказали, сегодня будут чешские серванты давать. Займу очередь.

Клавдия Васильевна. Я поставлю чайник.

Леночка. Нет-нет! Что-нибудь на скорую руку. У нас, кажется, еще ветчина есть. *(Ушла в свою комнату и быстро возвратилась со сверточком. Развернула его, села к столу, закусывает.)*

Клавдия Васильевна. Может быть повременить, Леночка?

Леночка. Такие серванты раз в году бывают, а квартиру мы получим, самое позднее, к августу — дом уже достраивается. Вы думаете, я сама не понимаю, мама? Конечно, этим вещам здесь не место, могут попортить. Мальчики такие неаккуратные! Ну вот! Кажется, кто-то рылся в книгах! *(Подошла, приподняла материю, скрывающую какой-то предмет. Это — груда книг.)* Конечно! Нет седьмого тома Джека Лондона!.. Мы же просили не трогать! Подписное издание! Уж брали бы что-нибудь из современных — не жалко!

Клавдия Васильевна. Это я взяла, Леночка. Не беспокойтесь, не испачкаю.

Леночка *(укрыв книги)*. Побегу. *(Завернула обратно остатки ветчины, унесла в свою комнату, быстро вернулась, одевается.)*

Клавдия Васильевна. Оденьтесь потеплее, утрами еще холодно.

Леночка. Можно, я ваш платок возьму, мама? Мой — новый, жалко.

Клавдия Васильевна. Конечно, возьмите.

Входит Таня. В это время Леночка убегает.

Таня. Куда это она помчалась?

Клавдия Васильевна. В мебельный.

Таня. Скоро на голову будут ставить. Дохнуть нечем.

Клавдия Васильевна. Не твое дело.

Таня взяла чайник, ушла на кухню. Клавдия Васильевна отодвинула край ширмы, вынула у Олега из-под подушки книгу и отнесла ее в общую груду. Возвратилась Таня, отдергивает шторы на окнах.

К л а в д и я В а с и л ь е в н а. Подождала бы.
Т а н я. Хватит им дрыхнуть.

В окна хлынул яркий солнечный свет. На правом подоконнике стоит большая банка из-под варенья, в которой плавают рыбы. На левом подоконнике — герань и распустившийся красный цветок, луковичный.

Денек! Специально для выходного!

Опять слышен стук топора.

Дядя Вася уже стучит в своем сарайчике.

Открывается входная дверь, в дверях — Г е н н а д и й.

Г е н н а д и й *(не входя в комнату)*. Здравствуйте, Клавдия Васильевна.
К л а в д и я В а с и л ь е в н а. Здравствуй, Гена.
Г е н н а д и й. Молоко принесли.

К л а в д и я В а с и л ь е в н а пошла на кухню.

(Тане.) Здравствуй.
Т а н я *(буркнула)*. Здравствуй.

К л а в д и я В а с и л ь е в н а вышла из кухни с кастрюлей и прошла в прихожую. Геннадий все стоит в дверях и смотрит на Таню.

Закрой дверь!

Геннадий медленно закрыл дверь. Входит Ф е д о р.

Ф е д о р. Леночку не видели?
Т а н я. Украл Черномор твою красавицу — в мебельный понес.
Ф е д о р. Да-да... Я и забыл. *(Пошел умываться.)*

Возвращается К л а в д и я В а с и л ь е в н а с молоком. В дверях показывается Л а п ш и н.

Лапшин. Доброго утречка! Заварочки у вас не найдется, Клавдия Васильевна? Совсем мы с Геннадием в Москве с толку сбились — водоворот! Столица мира! И угораздило в этот раз братца с супругой на курорт укатить. Еще хорошо, что ключ у вас оставили. Вот и мыкаемся. Ну, уж скоро в свою Вологодскую покатим.

Клавдия Васильевна. Значит, устроили своего быка?

Лапшин. Самое хорошее место дали. Красавец, чертяка! Украшение выставки!

Клавдия Васильевна. Теперь все домой?

Лапшин. Пора, погуляли.

Таня. Все-таки я не понимаю, зачем было с одним быком пятерым приезжать?

Лапшин *(смеется)*. Так ведь каждому в Москву-то охота.

Таня *(найдя чай)*. Вот, нашла.

Клавдия Васильевна. А вы садитесь с нами, Иван Никитич.

Лапшин. А что, не откажемся. *(Кричит.)* Геннадий!

Таня вышла.

Геннадий *(в дверях)*. Чего?

Лапшин. В гости приглашают.

Геннадий. Я не хочу.

Клавдия Васильевна. Ты не стесняйся, Гена.

Лапшин. Хозяев не обижай. *(Треплет Геннадия по шее.)* Молодой, шельмец, робкий.

Клавдия Васильевна. Садитесь, сейчас все будет готово. *(Прошла на кухню.)*

Лапшин *(сыну)*. Ты чего кочевряжишься?

Геннадий. Дай мне три рубля, я где-нибудь поем.

Лапшин. Откуда у меня деньги — все вытряс.

Геннадий. Врешь.

Лапшин. Тебе же, коблу, вчера на последние аккордеон купил.

Геннадий. И еще есть. Заварочку, поди, опять просил? Хоть бы что новое придумал. Каждый день у них пробавляемся.

Лапшин. Не обедняют. Они тут в Москве деньги-то лопатами гребут.

Геннадий. Может, и гребут, да не эти.
Лапшин. Они тоже.

В это время проходит Федор. Лапшин и Геннадий здороваются с ним.

Федор-то кандидат наук — химик, Татьяна уже стипендию получает, Николай в ремонтных мастерских хоть немного, а все-таки... Посчитай-ка все вместе-то.

Геннадий. Чего мне чужие-то считать?

Клавдия Васильевна вносит дымящийся чайник.

Лапшин. Мы быстро. Я еще и физиономию-то не обихаживал. *(Ушел вместе с Геннадием.)*

Вошла Таня, подошла к ширме.

Таня. Барсуки, вставайте!

С ширмы начинает исчезать одежда.

Геннадий *(в дверях)*. Почту принесли. *(Протягивает Тане газеты и бандероль.)*
Таня *(беря почту)*. Ты что — так у наших дверей и караулишь?
Геннадий. Уезжаю скоро.
Таня. Знаю.
Геннадий. Неохота.
Таня. Конечно, в Москве интереснее.

Вошел Федор.

Федор. Бандероль! Мне. *(Берет бандероль, разрывает ее, стоя листает журнал, читает. Матери.)* Тут моя статья есть.
Клавдия Васильевна. Ты совсем писателем стал: статьи, брошюры, выступления...
Федор. Чего ж плохого, мама?

Олег и Коля встали. Коля сворачивает постель и прячет в диван, куда Олег кладет и свою. Олег несет ширму в коридор, а Коля складывает раскладушку, образуя из нее столик, который ставит около дивана, покрывая салфеткой.

Геннадий *(смеется)*. Изобретение!

Коля. Это наш сосед придумал, дядя Вася,— да ты его знаешь.

Перед тем как всем сесть за стол, идет момент некоторой кутерьмы. Мать вносит большую сковородку с шипящей яичницей; Таня ставит на стол еще два прибора; Коля ищет полотенце, бежит умываться; Олег пролез к окну, посмотрел на рыб в банке, щелкнул по банке пальцем: «Привет акулам!» Федор стоя продолжает читать статью. Часто задевают за стоящие предметы. Олег зацепился за покрывало, потащил его за собой, обнаружив под ним большую двуспальную кровать, новую, красивую и, видимо, очень дорогую. Снова завешивает ее.

Таня. Все-таки это свинство, Федор. Олег спит на голых пружинах, а она стоит, как барыня.

Олег. А я и не лег бы на нее — одному на ней страшно.

Федор читает не отрываясь. Коля приоткрыл другое покрывало — там зеркальный шкаф, причесывается, глядя в зеркало. Наконец все уселись за стол.

Клавдия Васильевна. Геннадий, садись.

Геннадий. Благодарю. *(Сел рядом с Таней. Он почти не ест.)*

Олег и Коля сидят за складным столиком у дивана. Там им накрыт завтрак.

Таня. Вот и начался новый день.

Олег. Люблю выходные!

Федор *(Тане)*. Я тебе забыл сказать: Леонид сегодня зайдет.

Таня *(ни на кого не глядя)*. Ну и что?

Федор. Ты хотела с ним в парк идти или на концерт.

Таня. Я ничего не обещала.

Федор. Ну, ваше дело.

Коля. Федор, ты купил бы маме новое платье.

Клавдия Васильевна. Николай, перестань сейчас же.

Федор. Обязательно куплю скоро, мама. Знаешь, сейчас деньги просто летят.

Клавдия Васильевна. Конечно. Ты его не слушай.

Входит Лапшин.

Лапшин. Мир вам, и мы к вам.

Клавдия Васильевна. Пожалуйста, Иван Никитич.

Лапшин садится к столу.

Олег, я вчера была на родительском собрании...

Олег. Ну?

Клавдия Васильевна. О тебе далеко не все отзывались лестно.

Олег. Может быть.

Клавдия Васильевна. По математике, физике ты тянешься еле-еле.

Олег. Я учу их, учу, а они почему-то из головы вылетают.

Клавдия Васильевна. Надо быть усидчивее.

Федор. Выбирать предметы по вкусу — это у них заведено.

Клавдия Васильевна. Потом, ты задаешь на уроках слишком много вопросов.

Лапшин. Вона что!

Олег. Мне интересно, я и спрашиваю. А учительница по литературе что говорила?

Клавдия Васильевна *(замявшись)*. Она... разное.

Олег *(с грустью)*. Ну да, она меня больше всех ругает.

Лапшин *(сделав передышку в еде, Олегу)*. Учиться надо хорошо, брат. Тебе Советская власть все дает! Я в твои годы пахал, коней пас, косил...

Неловкая пауза.

Геннадий. Ты уж об этом здесь в третий раз говоришь.

Лапшин *(разозлившись)*. И в десятый скажу! Больно умные вы растете! Ученые! Только ум у вас не в ту сторону лезет. Вопросы они там задают! Знаем, что это за вопросы! Рассуждать много стали — рот разевать! Плесните еще, Клавдия Васильевна.

Хорош московский-то. *(Протянул стакан. Снял пиджак, повесил на спинку стула.)* Я своему дуботолу тоже твердил: учись, учись — института добивайся! Да где! Лень-то у него все кости проела! Вот теперь и ишачит на маслобойном заводе.

Геннадий. А чего мне ишачить — работаю, да и все.

Лапшин. А ты захлопни пасть, не выскакивай.

Олег. Зачем вы на него кричите?

Лапшин. А потому что мой сын — хочу верчу, хочу поворачиваю. Так! *(Показывая на портрет над диваном.)* Отец твой героем погиб, саблю именную имеет, а ты под его геройским портретом спишь и лень нагуливаешь. Думаешь, матери весело на родительском-то собрании краснеть из-за твоей милости? Нет отца, вот и некому вас держать, а мать — они все, матери, одинаковы — им бы только лизать своих телят, нежить... Моя-то дура Генку тоже лизала, лизала, если б не я...

Олег. Тут вопрос обо мне идет, а не о других, вы и придерживайтесь этой тематики.

Лапшин. А ты не выскакивай, стручок, слушай старших. Я с тобой по-простецки говорю, без всяких там фиглей или миглей...

Клавдия Васильевна. Вы колбаску попробуйте, Иван Никитич.

Лапшин. Скушаю. Беда, Клавдия Васильевна, с молодым нашим поколением, беда! Не нравится мне оно, прямо говорю! Не простое растет, с вывертом. У нас в райзо тоже на них любуюсь — присылают специалистов. Петухи! И тронуть их нельзя, прямо в область скачут! *(Показывает на Геннадия.)* А ведь люблю его. Дураком растет, а люблю. Вчера на последние аккордеон купил — пусть по улицам ходит, девок приманивает, уважение будет!.. Ты бы принес инструмент-то, Геннадий, показал...

Геннадий ушел.

Федор *(вставая из-за стола)*. Пойду, поработаю. Надо еще одну статью к понедельнику написать, обещал.

Таня. Леночке на туфельки?

Коля. Нет, это уж определенно маме на платье.

Лапшин. А почем вам за писанину-то платят, Федор Васильевич?

Федор. По-разному. *(Ушел.)*

Лапшин. Да, не любим мы говорить, сколько деньжат зарабатываем.

С аккордеоном в руках входит Геннадий.

Ну, сыграй что-нибудь к чайку. *(Всем.)* По слуху, шельмец, играет, без нот — Бетховен!

Геннадий присел в стороне на стул, растянул мехи, играет частушки.

Ты посерьезнее давай, погуще.

Геннадий играет «Вы жертвою пали...».

Что ты с утра-то... Попроще подбери.

Геннадий играет лирическую. Входит дядя Вася. В руках у него водопроводные клещи и ножовка.

Дядя Вася. Приятного аппетита!

Коля, Таня, Олег. Здравствуйте, дядя Вася.

Дядя Вася. Колюха, там наверху, у Лобовых, уборная засорилась, трубу прорвало, вода хлещет. Я пробовал — одному не управиться. Подсоби.

Таня. Позвали бы кого из домоуправления.

Дядя Вася. Выходной... Вода хлещет...

Клавдия Васильевна. Иди, Коля.

Дядя Вася. Только переоденься — грязь.

Коля идет переодеваться.

Поздравить его скоро можно, Клавдия Васильевна,— пятый разряд получил.

Лапшин. Сколько же зарабатывать будет?

Дядя Вася. Как пойдет — сдельщина. Голова у него к рукам хорошим приставлена. Иные-то после десятилетки всё пальчики берегут, а он — нет...

Олег. Не подвел вас, Василий Ипполитович?

Дядя Вася. Оправдал рекомендацию. Осенью-то упорхнет учиться. Это, конечно, надо...

Таня. Опять вы в своем сарайчике стучите, дядя Вася. Каждый выходной!

Дядя Вася *(смеется)*. Так на то он и выходной, чтобы в свое удовольствие, для развлечения... Спать, что ли, мешаю?

Таня. Нет, просто так, интересно...

Дядя Вася. Вещицу одну делаю...

Входит Коля.

Коля. Идемте, дядя Вася.

Дядя Вася и Коля ушли.

Таня *(Геннадию, который продолжает играть на аккордеоне)*. Ты хорошо играешь, я и не думала...

Лапшин *(смеется)*. Во... Одна уже клюнула... Робок он у меня на девок, робок! Я-то в его годы — мать ты моя!.. Они от меня врассыпную, а я за ними: одну хватаешь, другую... *(Осекся.)* Да... Нет у них силы, Клавдия Васильевна, нет — в мозги вся ушла!.. Женить я его нынче хочу, вот и разоряюсь. Без аккордеона-то ему не подманить. Нет у него этого... зову... нет!.. Ну, а с инструментом-то сообща и авось...

Клавдия Васильевна. Олег, ты бы взял тетрадь и позанимался.

Олег. Успею.

Геннадий. Не собираюсь я жениться, чего ты тут причитаешь!

Лапшин. Опять рот разеваешь! Спрашивать я тебя буду! Уж молчи, стоеросовый!

Клавдия Васильевна. Олег!

Олег. Я сказал, мама,— успею.

Лапшин. Слушайся мать, стручок.

Олег. Пожалуйста, я вас очень прошу — не учите меня.

Лапшин. Что?

Клавдия Васильевна. Олег, перестань.

Олег. И прошу — не называйте меня стручком.

Лапшин. А как же прикажешь — закорючкой? Ты не обижайся, я ведь попросту...

Олег. А я не хочу этого вашего «попросту», у меня имя есть. Вы уже успели всех оскорбить здесь.

Лапшин. Я?

Олег. И самое страшное — даже не замечаете.

Лапшин. Ну, Клавдия Васильевна, и поросенка вы вырастили!..

Олег *(взвившись).* Не смейте так разговаривать!

Клавдия Васильевна. Олег, перестань сейчас же!

Олег *(Лапшину).* Вы даже собственного сына не уважаете... Зачем вы его здесь... при нас, при Тане... Таня ему нравится...

Лапшин. Что?

Таня. Прекрати, Олег!

Олег. Вы... знаете, кто вы?.. Вы...

Клавдия Васильевна. Олег!

Олег умолк.

Лапшин. Да, хамское это называется воспитание, Клавдия Васильевна. *(Встал.)* Благодарим за чаек и за закуску. *(Ушел.)*

Клавдия Васильевна *(подойдя к Олегу).* Очень нехорошо, Олег. *(Ушла.)*

Таня *(убирая со стола посуду).* Какие ты глупости болтаешь, просто удивительно! *(Ушла.)*

Геннадий *(подойдя к Олегу).* Зря ты по нему из своей пушки выпалил.

Олег. Ты извини меня.

Геннадий. За что?

Олег. Он же тебе отец.

Геннадий. Отец!

Олег. Не могу, когда людей оскорбляют.

Геннадий. Привыкнешь.

Олег *(порывисто).* Ты знаешь, мне даже кажется, он тебя бьет.

Геннадий *(просто).* Конечно, бьет.

Олег. Сильно?

Геннадий. По-всякому. Он и мать бьет.

Олег *(в ужасе).* Мать?!

Геннадий. А тебя не лупят?

О л е г. Что ты!

Г е н н а д и й. Врешь, поди?

О л е г. Если бы мою мать кто ударил, я бы убил на месте. Или сам умер от разрыва сердца.

Г е н н а д и й. Какое же у тебя сердчишко... хрупкое! Такое, брат, иметь нельзя.

О л е г. А ты бы ему сдачи!..

Г е н н а д и й. Он сильнее.

О л е г. А ты пробовал?

Г е н н а д и й. Давно.

О л е г. Как же ты терпишь?

Г е н н а д и й. А что? Он на мне кожу дубит. Дубленой-то коже износу нет — крепче буду.

О л е г. Шутишь?

Г е н н а д и й. Ну, тебе этого еще не понять.

О л е г. Рыбам воду надо переменить. *(Берет с окна банку с рыбами, ставит на стол, уходит на кухню.)*

Приходит Т а н я. Она убирает вымытую посуду в буфет, стряхивает со стола крошки и не смотрит на Геннадия. Геннадий уставился на нее.

Т а н я *(вдруг подняв голову)*. Перестань глаза таращить, я тебе сказала.

Г е н н а д и й. Пойдем посидим во дворе на лавочке.

Т а н я. Еще чего! *(Ушла.)*

О л е г вносит кастрюлю и ведро с водой. Сливает воду из банки в кастрюлю, наливает из ведра чистой.

Г е н н а д и й *(глядя на рыб.)* Мелюзга!.. Зачем ты их держишь?

О л е г. Так просто.

Г е н н а д и й. От нечего делать? Бросовое занятие!

О л е г. Конечно. Но я на них, знаешь, часами могу глядеть... Пристроюсь вон там у окна, и гляжу — и думаю, думаю.

Г е н н а д и й. О чем?

О л е г. Всякое.

Г е н н а д и й. Малахольный ты.

О л е г. Средиземное море вижу, океан, тайгу, Антарктику, даже Марс... *(Понес банку с рыбами на окно.)* Смотри, как они на солнце переливаются!

Г е н н а д и й. Сейчас и я рыбку поймаю. *(Идет к пиджаку, который Лапшин оставил на стуле, запускает руку во внутренний карман и вытаскивает пачку денег.)*

Олег с ужасом смотрит.

Видал — последние! *(Берет сотню, остальные деньги кладет обратно, а сотню прячет в ботинок.)*

О л е г. Ты... по карманам лазишь?

Г е н н а д и й. Тебе нельзя, у вас в обрез, а мне разрешается.

О л е г. Может, это казенные.

Г е н н а д и й. Возможно, отец всегда путает.

О л е г. У него считанные!

Г е н н а д и й. Наверняка.

О л е г. Узнает.

Г е н н а д и й. Не докажет. Скажу, сам где-нибудь выронил.

О л е г. Бить будет.

Г е н н а д и й. Жалко, что ли!

Входит Л а п ш и н.

Л а п ш и н *(Геннадию)*. Ты бы прогулялся по Москве, полюбовался. Чего тут липнешь?

Г е н н а д и й. Все видел.

Л а п ш и н *(Олегу)*. Обидел ты меня, стручок! Я по-отцовски, попросту... Крут я — это верно. Большую жизнь прожил... Много всего было... Мир? *(Протягивает Олегу руку.)*

О л е г стремительно убегает.

Барахло! Сопля интеллигентная! *(Надевает пиджак, похлопал себя по карману, где деньги, посмотрел на Геннадия.)* Не лазил?

Г е н н а д и й. Куда?

Л а п ш и н. Смотри!

Геннадий. Чего мне лазить, сам говорил — вытряс.

Лапшин. Покажи-ка! *(Обыскивает Геннадия.)* Казенные остались, сотни три... Так их нельзя — государственные, святыня! Блюди!

Геннадий. Понимаю.

Лапшин. Чего это тут стручок про Таньку-то брякнул?

Геннадий молчит.

Не по тебе! Ломкая очень... Да и не пойдет за тебя такая. Черта ты ей нужен! Аспирант около нее вьется — квартира, столица! Они, московские, на это идут! И не томи себя зря, сухотка будет. Бабы, если они всерьез,— сушат. Ведьмы! Понял?

Проходит Коля.

Коля. Десятку заработал. *(Помахал в воздухе десяткой.)*

Лапшин. Деньги, они всегда к деньгам.

Коля ушел.

Я к нашим в гостиницу проеду, а ты поди отсюда. Покушал — и поди, не мозоль глаза.

Входит Таисия Николаевна.

Таисия Николаевна *(зовет)*. Клавдия Васильевна!

Входит Клавдия Васильевна.

Жировку за июнь месяц принесла. *(Отдает жировку.)*

Клавдия Васильевна. Спасибо, Таисия Николаевна.

Входит Коля, повязывает перед зеркалом галстук.

Таисия Николаевна. Маринка-то моя в четыре утра явилась. А?.. И ведь ничего поперек сказать нельзя. Ты ей слово — она тебе десять.

Клавдия Васильевна. Возраст, Таисия Николаевна.

Таисия Николаевна. Конечно! Студентка, волю почуяла!

Клавдия Васильевна. И у нас с вами была молодость.

Таисия Николаевна. Была, да разве такая? Если чего и делали, так тайком, потому родителей уважали, боялись. А они!..

Лапшин. Молодежь пошла — дрянь!
Таисия Николаевна. Дрянь!
Лапшин. Пыль!
Таисия Николаевна. Пыль!
Лапшин. Умные!
Таисия Николаевна. Вот-вот, точно, умные!
Коля. Геннадий, ты на заочный нынче поступаешь?
Геннадий. Хочу нынче. Уже все тут разузнал.
Коля. Пойдем потолкуем о чем-нибудь существенном.

Коля и Геннадий ушли.

Лапшин. Видали?! Это, значит, нам в харю!
Таисия Николаевна. Именно.
Клавдия Васильевна. Не знаю, может быть, я не права, но всем сердцем люблю их.
Лапшин. Вот-вот, любим мы их, в этом-то вся и беда!

Клавдия Васильевна ушла. Таисия Николаевна тоже хочет идти.

Таисия Николаевна!
Таисия Николаевна. Что?
Лапшин. Вы тут, говорят, работаете...
Таисия Николаевна. Ну да, в домоуправлении.
Лапшин. Не об этом... Достаньте какого-нибудь материалишка, бельгийского или итальянского,— жену хочется побаловать. А?.. И мне какую-нибудь рубашенцию позаковыристее...
Таисия Николаевна. Откуда же?
Лапшин. Комиссионные оплачу — не жадный.

Входит Марина.

Марина. Мама, Зойка меня не слушается, в лужу залезла и брызгается.
Таисия Николаевна. Вот бешеная-то!
Лапшин. Я провожу, Таисия Николаевна.

Лапшин и Таисия Николаевна уходят. И сразу же входит Коля.

Коля. Я твой голос услышал. Здравствуй!

Здороваются.

Марина. По воскресеньям Зойка не в детском садике, заниматься невозможно.

Коля. Трудно?

Марина. Вот нынче поступишь — узнаешь.

Коля. Тебя Таисия Николаевна ругала?

Марина. Нет.

Коля. А мои все спали, не заметили, только Олег — он не в счет.

Помолчали.

В этом году сдам обязательно.

Марина. Если в Транспортный не попадешь, будешь еще куда держать?

Коля. Нет, только в Транспортный. И обязательно нынче, а то от тебя далеко отстану.

Голос Таисии Николаевны *(за окном)*. Марина!

Марина *(подойдя к окну)*. Что?

Голос Таисии Николаевны. Посмотри за Зойкой, я по делам пошла.

Марина. Сейчас! *(Задумалась.)*

Коля. Ты что?

Марина. Ничего. *(Хочет идти.)*

Коля *(удерживая ее)*. Ну скажи... скажи, я же вижу... Маринка, что ты?

Марина. Мама... *(Замолчала.)*

Коля. Ну?

Марина. На той неделе телевизор купила...

Коля. Я знаю — ты говорила.

Марина. Мне два отреза на платье, шубу, вчера ковер дорогой принесла...

Коля. И что?

Марина. Какие-то свертки домой приносит, а потом уносит... Этого же не было никогда! Женщины к ней приходить стали... Противные такие, жирные, нарядные... Улыбаются ей, шепчутся...

Коля *(поняв, тихо)*. Что ты!

Марина. Вот и сейчас «по делам» пошла.

Голос Таисии Николаевны. Маринка!

Марина. Иду! *(Быстро, Коле.)* Только смотри — никому ни слова!

Коля. Понимаю.

Марина убежала. Коля стоит задумавшись. Входит Клавдия Васильевна.

Клавдия Васильевна. Ты что, Николай?

Коля. Ничего. *(Взял книгу, сел на диван заниматься.)*

Из своей комнаты показывается Федор.

Федор. Леночка не приходила?

Клавдия Васильевна. Нет еще.

Федор. Она поела?

Клавдия Васильевна. Да.

Федор. Измучается там. *(Прошелся по комнате, снял очки, протирает стекла.)* Статья двигается быстро... Знаешь, мама, когда писал первую — так трудно было! Все как-то не удовлетворяло, все чего-то не находилось, казалось, самого важного... Я, помню, ее больше месяца писал... *(Смеется.)* А теперь могу в один день.

Клавдия Васильевна. Привычка, Федя.

Федор *(довольно)*. И знаешь, отовсюду просят...

Клавдия Васильевна. А как твоя основная работа? Или, как ты ее называешь, «заветная»?

Федор *(поморщившись)*. Ничего-ничего, успею, мама! Конечно, досадно!.. Ты знаешь, сейчас много накопилось текущей, срочной. Вот покончу с ней...

Входит Таня.

Таня. Я позанимаюсь за этим столом, Федор? *(Снимает покрышку с красивого массивного письменного стола.)*

Федор. Только не испачкай.

Таня. Ты говори прямо — можно или нет?

Федор. Можно.

Таня *(ставя на стол пузырек с чернилами, раскладывает тетради).* Да, за таким столом и мысли в голову должны приходить благородные. Федор, у тебя для этого стола останутся мысли?

Федор. Что вы все ко мне цепляетесь? Что вас не устраивает? Я, кажется, как проклятый, преподаю, пишу, выступаю — без выходных дней! Я знаю — это из-за Леночки. Обычное явление. Сначала она вам всем понравилась, она органично вошла в нашу семью...

Таня. Да, тихо...

Федор. Меня утешает мысль — в августе мы будем на разных квартирах. *(Ушел.)*

Таня. Мама, неужели он из-за Елены так меняется?

Клавдия Васильевна. У него слабая воля. К тому же влюблен без памяти.

Таня. Муж-тряпка — это, по-моему, и для жены должно быть противно.

Клавдия Васильевна. Разные женщины бывают, Таня. Кстати, если не секрет, тебе нравится Леонид Павлович?

Таня. А тебе?

Клавдия Васильевна. Я еще не разглядела.

Таня. Он уже больше года бывает у нас.

Клавдия Васильевна. И все-таки я не успела его узнать.

Клавдия Васильевна села у стола, чинит белье. Таня занимается. Входят Олег и Геннадий.

Олег. Ты не прав! Жить ближе к природе — естественное состояние человека. Вот у нас, в Москве, все, решительно все, хотя бы на воскресенье рвутся за город. Я уж не говорю о лете — все на дачу! Даже мы, хотя у нас дворик очень хороший. Люди построили для себя города с удивительной техникой и рвутся из них вон! Это какой-то парадокс!

Коля *(оторвавшись от книги).* Просто города еще не устроены как надо. Погоди, разовьется атомная техника, кибернетика — все будет построено на кнопках!

Олег. До чего же скучно жить будет! А я думаю так: города будут как огромные агрегаты, куда люди станут приезжать работать

на несколько часов, а жить они будут проще и среди природы.

Коля. Мир принадлежит ученым, и мы его разделаем по своему вкусу. Тебе, так и быть, оставим три березки и лужайку с травкой-муравкой.

Олег. Погибну!

Таня. Хватит вам болтать, книжники.

Клавдия Васильевна. Олег, когда ты берешь чужие книги, клади их на место, а лучше совсем не трогай.

Олег. Еще чего! Перечитаю всю груду. *(Берет кружку, идет на кухню.)*

Стук в дверь.

Клавдия Васильевна. Войдите!

Таня. Позанимаешься тут!

Входят Вера и Фира. Они здороваются.

Фира. Простите, Олег Савин здесь живет?

Клавдия Васильевна. Здесь. *(Зовет.)* Олег, к тебе гости.

Входит Олег с кружкой воды.

Олег *(остолбенев)*. Зачем это вы пришли?

Фира. Мы по делу.

Таня *(проходя с тетрадями мимо Олега)*. Ого, барышни!

Олег *(сердито)*. Обыкновенные девчонки из нашего класса.

Клавдия Васильевна. Познакомь, Олег.

Олег. С косой — Вера, с глазами — Фира.

Вера. Олег, мы к тебе как к члену редколлегии.

Олег. Ну?

Клавдия Васильевна *(доставая вазочку с конфетами из шкафа)*. Угости девочек, Олег.

Олег *(берет горсть конфет, неуклюже швыряет их на стол)*. Нате ешьте.

Фира. Мы не хотим.

Вера. Спасибо.

Олег. Тут нам мешать будут, пойдемте во двор.

Клавдия Васильевна. Я ухожу, Олег,— мясо пережарится. *(Ушла.)*

К о л я *(вставая с дивана, ехидно глядя на брата)*. Я — в садик. *(Ушел.)*
О л е г *(показывая на конфеты)*. Ну, теперь все ушли — наваливайтесь.

Все берут конфеты, едят.

Что у вас?
Ф и р а. Слушай, мы узнали — завтра день рождения Анны Сергеевны.
О л е г. Физички?
Ф и р а. Да, ей исполняется семьдесят лет.
О л е г. Ого! Отмахала!
Ф и р а. Надо срочно в стенгазету вклеить стихи — напиши.
О л е г. Ей? Ни за что! Она мне тройку только что закатила.
Ф и р а. Так за дело!.. Ты же ничего не знал.
О л е г. Все равно, мне было неприятно.
Ф и р а. Олежка, ну пожалуйста!
О л е г *(секунду подумав)*. Могу! Готово!
Физичке семь десятков лет —
Износу ей, как видно, нет!
(Прыгает, хохочет.)
Ф и р а. Ты в прошлом году на завуча уже написал — чуть из школы не вылетел. Галина Ивановна спасла.
О л е г. И чего люди обижаются? По-моему, смешно было.
Ф и р а. Ну, как?
О л е г *(вдруг задумался)*. Вообще, конечно... *(Тихо.)* У нее уже глаза слезятся, вы заметили? Иногда дрожит голос... Кто-то ее приходит встречать вечером из школы...
Ф и р а. Я не видела.
О л е г *(не слушая)*. Детей у нее нет, потому что она все время в школе, с нами...
Ф и р а. У нее два сына.
О л е г *(продолжая)*. В восемьдесят лет она получит звание Героя Социалистического Труда... Сколько настоящих людей она сделала из таких дур, как вы! Из таких дураков, как я!.. А мы уйдем из школы... вырастем и не вспомним их никогда... Имена забудем... лица забудем... *(Вдруг, глубоко задумавшись, умолк.)*
Ф и р а. Ты ненормальный, Олег!

О л е г. Я напишу стихи!
Ф и р а. Только, пожалуйста, ничего в них не выдумывай.
О л е г. Это не твое дело! Ешьте конфеты.

Все берут еще по конфете и едят.

(Вдруг сделал стойку на руках. Снова встал на ноги.) Видали?! Что это вы вдруг придумали ко мне прийти?
Ф и р а. Мы же сказали.
О л е г. Только за этим?
Ф и р а. За чем же еще? Ну, до свидания, смотри не подведи.
В е р а. До свидания.
О л е г. Погодите!.. Ну сядьте, чего вы...

Девочки садятся и молчат.

(Прислонился к шкафу, смотрит на них.) Значит, так...

Пауза.

В е р а *(показывая на закрытый холстом шкаф)*. А это что у вас?
О л е г *(просто, не моргнув глазом)*. Атомная установка.

Пауза.

Ф и р а *(вставая)*. Идем, Вера.
О л е г. Что это у вас за книги?
Ф и р а. В библиотеке были.
О л е г. Ну-ка, покажите. *(Берет у Веры книгу.)* «Обрыв». А у тебя что? *(Берет книгу у Фиры.)* «Записки партизана». Все читано! Хотите, покажу фокус?
Ф и р а. Какой фокус?
О л е г. Отвернитесь к двери и, пока не сосчитаю до трех, не поворачивайтесь. Смотрите, не жулить!

Девочки поворачиваются к двери, Олег дает им еще по конфете, медленно считает: «Один, два...» И в это время вытаскивает из кармана записку и вкладывает в книгу Веры. Сам тихо приподнимает холст и прячется в шкафу. Тишина.

Ф и р а. Олег, ну же! Олег!

Девочки оборачиваются, начинают искать Олега.

В е р а. Убежал.

Ф и р а. Он, по-моему, немножко сумасшедший, верно?

В е р а. Что ты, просто веселый. В классе его все любят.

Ф и р а. Заводил всегда любят.

В е р а *(тихо)*. Он тебе нравится?

Ф и р а. Как тебе сказать... *(Очень серьезно.)* Легкомысленный. Излишне весел, упрям, однобоко увлечен литературой... Вот если б все это привести в норму, из него получится обыкновенный человек, как все.

В е р а. Фира, а не может из него вырасти настоящий поэт?

Ф и р а. Если почаще его прорабатывать, навалиться дружно,— то может быть.

В е р а. Фира, а он мне нравится.

Ф и р а *(строго)*. В каком смысле?

В е р а *(струсив)*. Как товарищ.

Ф и р а. То-то!

В е р а. А что?

Ф и р а. Ничего. Я твоя подруга, Вера, и ты от меня поблажек не жди. *(Зовет.)* Олег, Олег!

Входит К л а в д и я В а с и л ь е в н а.

Олег куда-то убежал.

К л а в д и я В а с и л ь е в н а. На улицу?

Ф и р а. Нет, наверно, спрятался.

К л а в д и я В а с и л ь е в н а. Вот глупый. *(Открывает дверь в комнату Федора.)* Федя, Олег не у тебя?

Г о л о с Ф е д о р а. Нет.

К л а в д и я В а с и л ь е в н а *(подойдя к двери спальни, куда ушла Т а н я)*. Таня, Олега там нет?

Г о л о с Т а н и. Нет.

В е р а. Может, в окно выпрыгнул?

К л а в д и я В а с и л ь е в н а *(в окно)*. Коля, Олег не выбегал?

Г о л о с К о л и. Нет.

Клавдия Васильевна. Все-таки, может, в дверь проскочил. *(Кричит.)* Гена, Олег не к вам ушел?

Геннадий *(входя)*. Нет.

Коля *(входя с черного хода)*. А куда он делся?

Фира. Хотел показать фокус и исчез.

Коля. Вот вам и фокус! Залез куда-нибудь.

Ищут Олега под всеми покрывалами. Открывают шкаф, и оттуда вываливается Олег. Геннадий берет его на руки и несет на диван.

Геннадий. Что ты, рыбак?

Олег *(тяжело дыша)*. Чуть не задохнулся в этом гробу.

Клавдия Васильевна. Олег, это просто невозможно, как пятилетний! Почему ты не вылез?

Олег. Как-то так получилось... плохо сделалось. *(Сел на диван. Ощупал себя.)* Думал — умру. Нет — жив!

Девочки подхватили свои книги, сказали: «До свидания!» — и убежали.

Клавдия Васильевна. Нет, глупостям твоим нет предела. *(Ушла.)*

Коля. Чего ты, в самом деле, Олег?

Олег. Они встали около шкафа и начали обо мне разговаривать... Ну, и неудобно было вылезать... могли подумать — подслушиваю. Чувствую — задыхаюсь, а они, гадины, тараторят и тараторят... Коля, симпатичные, верно?

Стук в дверь.

Коля. Можно.

Входит Леонид Павлович. В руках у него сверток.

Леонид. Здравствуйте, ребята.

Олег и Коля. Здравствуйте, Леонид Павлович.

Геннадий *(глухо)*. Здра...

Леонид. Федор дома?

Коля. У себя.

Л е о н и д *(проходя к Федору)*. Мировые вопросы, наверное, решаете? Решайте, решайте... *(Ушел.)*

О л е г. Интересно, что он принес?

К о л я. Вино, наверно, и закуску.

О л е г. Татьяне, наверно, духи.

Г е н н а д и й. Она что — душиться любит?

О л е г. Любит.

Г е н н а д и й. Пойду аккордеоном займусь.

К о л я. А я — физикой, а то я нынче пролечу. *(Ушел.)*

О л е г *(вслед Геннадию)*. Гена, подожди.

Г е н н а д и й *(обернувшись)*. Что?

О л е г. Хочешь посмотреть, как я рыб кормить буду?

Г е н н а д и й. А чего смотреть?

О л е г. Интересно.

Г е н н а д и й. Пойду.

О л е г *(удерживая Геннадия за рукав)*. Ну подожди, посмотри. *(Достает пакетик корма, подводит Геннадия к рыбам, сыплет корм.)*

Г е н н а д и й. Вон как налетели, живоглоты! А Татьяна где?

О л е г. Занимается.

Г е н н а д и й. Чего же он ее не зовет?

О л е г. С Федором, наверно, разговаривает.

Г е н н а д и й. Не спешит. Все равно пойдет, на духи клюнет.

О л е г. Это ты от злобы гадости говоришь.

Г е н н а д и й. Все они хороши!

О л е г. Не смей о сестре так говорить, слышишь?

Г е н н а д и й *(смеется)*. А если буду, что сделаешь? Ударишь?

О л е г. Уважать перестану.

Геннадий удивленно смотрит на Олега. Чтобы отойти от окна, около которого стоит Геннадий, Олег прыгает через письменный стол и опрокидывает оставленный Таней пузырек с чернилами. Чернила заливают стол.

(В ужасе.) Все! Я погиб! Ай-яй-яй, я погиб! *(Бегает по комнате, хватает свои тетради, вытаскивает из них промокашки, кладет их на пятно.)*

Геннадий вынимает носовой платок и тоже вытирает пролитые чернила.

О л е г. Что мне будет, что будет!.. Стол такой красивый. Такой дорогой!.. Понаставили, понимаешь, раньше так просторно было, свободно!

Г е н н а д и й. Ты не огорчайся! Давай занавесим грехи — и крыто! *(Затягивает стол материей.)* И молчи — пусть ищут кто.

О л е г. Кто? Она сразу догадается... Кто же мог, кроме меня?! Ну что я за невезучий человек!

Г е н н а д и й. Хочешь, скажу, что я,— мне все равно скоро уезжать.

О л е г. Да!.. Она с твоего отца деньги потребует.

Г е н н а д и й. Ну, он не даст — не на того нарвется.

О л е г. А потом тебе от него влетит.

Г е н н а д и й. Подумаешь!

О л е г. Нет, не смей. Я сам ей скажу, умолю. Я же нечаянно, ты видел... Она, в конце концов, человек, поймет!

Во дворе зафыркал грузовик. Вбегает К о л я.

К о л я. Леночка сервант привезла! *(Кричит в дверь Федору).* Федор, имущество прибыло! *(Всем.)* Выходи, помогай!

О л е г, Г е н н а д и й, К о л я, Ф е д о р, Л е о н и д — все идут во двор. Олег широко распахнул входные двери. Через мгновение слышна команда Олега: «Раз-два — взяли! Раз-два — взяли!» Слышно, как отъезжает грузовик. «Раз-два — взяли! Раз-два — взяли!» Голоса приближаются.

Вбегает вся раскрасневшаяся, с сияющими глазами Л е н о ч к а.

Л е н о ч к а. Осторожнее, осторожнее!

В дверях показывается лоснящееся, полированное тело серванта. Его несут Ф е д о р, Л е о н и д, О л е г, Г е н н а д и й, К о л я и д я д я В а с я. В двери заглядывают с о с е д и.

Сюда, сюда разворачивайте!

Наконец сервант ставят. Все издают: «Уф!»

Дядя Вася. Тяжел, идол!

Леночка. Вы полюбуйтесь на него! А? Красавец!

Леонид. Хорош!

Федор. Леночка, а он не велик для нас будет?

Леночка. Ты уж лучше молчи!

Дядя Вася *(оглядывая сервант со всех сторон)*. Молодцы чехи, здорово делают.

Леночка *(гладя сервант)*. Красавчик ты мой! Прелесть ты моя! Ой, что я из-за него вынесла! Публика — просто ужас!.. Рвут, толкаются, кричат! Вот уж я его с бою взяла так с бою! Вы представляете: серванты кончаются, а какая-то в шляпке — противная такая рожа! — бац и встает впереди меня! А?.. «Моя говорит, очередь, я здесь стояла». Вы представляете? Ну уж я ей показала! Я ее поставила на место! И ведь какие-то подлецы нашлись, кричат: «Она тут стояла!..» Когда стояла? Где стояла? Я ее тяну за руку, а она упирается, и сильная такая, а ведь почти старуха! Ничего!.. Фу!.. Знаете, несмотря ни на что, даже не устала! Товарищи, вам спасибо! Дядя Вася, спасибо!

Посторонние постепенно уходят.

Олег. Леночка, нельзя ли его отодвинуть немножко от окна — к рыбам не подойти.

Леночка. Олежка, поставь их на кухню.

Олег. Там не солнечная сторона, темно.

Леночка. Ну, ничего им не будет!.. Фу!.. Пойду приведу себя в порядок.

Леночка, Федор и Леонид уходят.

Олег *(с грустью)*. Ну вот — совсем житья нет! Она еще раздвижной стол купить хочет, два книжных шкафа, тахту... Эх! *(Махнул рукой.)* И зачем это все людям надо?!

Геннадий. Зачем? Для удобства жизни. Отец тоже все в дом тащит.

Олег. Не все же в дома тащат.

Геннадий. Конечно, не все, возможностей нет. Вот когда будет коммунизм — все тащи, сколько влезет!

О л е г *(задумавшись)*. Тогда, Гена, совсем не будет коммунизма, никогда!

Г е н н а д и й. Это ты сейчас говоришь, потому что тебе ничего не надо. А вырастешь, свой дом заведешь — и потащишь.

О л е г. Нет, Гена, нет! Ведь человеку надо, чтобы у него много было тут! *(Хлопнул себя по лбу.)* И тут! *(Хлопает себя по сердцу.)*

Г е н н а д и й. Потащишь! Вот помяни меня. И ты сейчас всякие высокие слова на ветер не бросай — потом самому стыдно будет. Вот встречу я тебя лет через двадцать, этакого толстого, с брюхом, разодетого, позовешь ты меня в гости, а дома у тебя всякого имущества!.. У!.. А я тебе скажу: «Олег, а помнишь, тогда?..» Неловко будет... Хихикать начнешь! А?

О л е г. Гена, клянусь тебе!..

Г е н н а д и й. Не принимаю клятвы — освобождаю! Живи, а там увидим... Конечно, хорошо бы... Желаю!..

Входит Л е н о ч к а, она что-то дожевывает.

Л е н о ч к а. Прикрыть надо. *(Достает из прихожей два старых пальто, тряпки, укутывает сервант.)*

О л е г. Я помогу тебе.

Л е н о ч к а. Помоги. Смотри, будь осторожней, не испорти!

О л е г. Леночка...

Л е н о ч к а. Погоди. *(Зовет.)* Таня!

Входит Т а н я с книгами в руках.

Леонид пришел. Зайди.

Т а н я. Сейчас. *(Ушла.)*

Г е н н а д и й. Пойду поиграю. *(Ушел.)*

Через некоторое время слышна грустная мелодия аккордеона. Возвращается Т а н я.

Л е н о ч к а. Олег, пойди, мне с Таней надо поговорить.

О л е г. Я хотел тебе сказать...

Л е н о ч к а. Потом, Олежка, потом!

О л е г ушел.

Леночка. Иди сюда. *(Садится с Таней на диван.)*

Таня. Ну, что?

Леночка. Я немного старше тебя и кое-что соображаю... Слушай — я о Леониде.

Таня. Слушаю.

Леночка. Не перебивай. Чего ты тянешь?

Таня. Не понимаю.

Леночка. Я буду откровенна, как сестра: ты собираешься за него замуж?

Таня. Что? Что это ты выдумала? Мне и в голову не приходило...

Леночка. Не притворяйся. Я же вижу — тебе приятно, что он за тобой ухаживает.

Таня. Я думаю, каждой девушке приятно, когда к ней относятся по-особенному.

Леночка. Не прозевай, Таня, не прозевай! Тебе везет! Тысячи девушек и не глупее и не дурнее тебя бродят в одиночку. Леонид стоящий человек. Ведь это он помог Федору занять такое положение.

Таня. А мне казалось, Федор и сам по себе что-то значит.

Леночка. Конечно, в области науки он продвинулся сам, но продвинуться в жизни — это, знаешь, из кожи вылезешь. А Леонид хоть и не семи пядей во лбу, а жизнь знает.

Таня. Да нет, что ты, я совсем о другом думаю...

Леночка. О чем? Кончишь свой педагогический, останешься в аспирантуре в Москве? Это, конечно, хорошо. Ты верно делаешь — выжимаешь одни пятерки. Держись! Только если не получится с аспирантурой? Тогда что? Всегда имей запасной ход, Татьяна. Это очень важно.

Таня. Неужели Федор для тебя был только ход?

Леночка. Не опошляй, Татьяна. Ты же видишь, как я готова в лепешку расшибиться ради него, ради его будущего. Леонид тебя любит, это ясно. Не зевай!

Таня. Леночка, скажи, это он тебя подослал?

Леночка. До чего же ты глупа, Татьяна! Я же с тобой совершенно откровенно... Ну, идем.

Т а н я. После такого разговора я на него и смотреть-то боюсь. Фу!..
Л е н о ч к а. Не идешь?
Т а н я. Нет, почему же, идем.

Т а н я и Л е н о ч к а идут в комнату Федора. Входит О л е г.

О л е г. Леночка!..
Л е н о ч к а *(задерживаясь)*. Ну, что, Олежка?
О л е г. Я хочу тебе признаться в одном проступке...
Л е н о ч к а. Что такое?
О л е г. Я совершил кошмар!
Л е н о ч к а. Ну, говори.
О л е г. Только дай слово — не примешь близко к сердцу и не будешь очень ругать меня.
Л е н о ч к а. Да не тяни ты, пожалуйста, говори.
О л е г. Нет, скажи — не будешь очень ругать?
Л е н о ч к а. Ну, не буду, не буду...
О л е г. Дай честное слово.
Л е н о ч к а. Ну, честное слово, не буду тебя ругать.
О л е г. Ну вот... я кормил рыб... и случайно, абсолютно случайно, пролил чернила на твой новый письменный стол. Вот! *(Снял покрышку со стола.)*
Л е н о ч к а *(кричит)*. Гадина!.. Хулиган!!! *(Зовет.)* Федя, Федя!!!
О л е г. Ты же обещала...

Вбегают Ф е д о р, Т а н я, К л а в д и я В а с и л ь е в н а, Л е о н и д, К о л я. Умолк аккордеон, высунулся Г е н н а д и й.

Л е н о ч к а *(Федору)*. Посмотри! Посмотри! Это он!!! Я как каторжная... Я с такими трудами...
О л е г *(растерянно)*. Я кормил рыб...
Л е н о ч к а. Чтоб сдохли твои проклятые рыбы! Чтоб они сдохли! Да я их!!.. *(Бежит к окну, хватает банку с рыбами, мечется с ними по комнате. Из банки плещется вода.)*
О л е г. Оставь их!.. Что ты!.. Оставь!!
Л е н о ч к а. К черту их! *(С размаху швыряет банку в окно.)*
О л е г *(кричит)*. Они же живые! *(Бросается во двор.)*

Л е н о ч к а. Это не дом, это какое-то бандитское заведение!
Г е н н а д и й *(глядя в окно)*. Кошки их жрут.
Л е н о ч к а. Так им и надо!

Вбегает О л е г. Он остервенел и плачет.

О л е г. Ты моих рыб!.. Ты!!! Из-за этого барахла!.. Ты... *(Вдруг начинает срывать покрывала с мебели, бьет вещи кулаками, царапает ногтями, плюет.)*
Л е н о ч к а. Оставь! Что ты! Оставь!
О л е г. Нет!! *(Вдруг вскакивает на диван, хватает саблю, вытаскивает ее из ножен и начинает рубить вещи.)*
Л е н о ч к а *(кричит)*. А-а-а!.. А-а-а!..
К л а в д и я   В а с и л ь е в н а. Олег, не смей этого делать!
Т а н я. Олег, остановись!
К о л я. Перестань! *(Останавливает Олега.)*

О л е г бросает саблю и бежит в дверь.

К л а в д и я   В а с и л ь е в н а. Олег, Олег!..

Геннадий и Коля бросились за Олегом. Леночка, как безумная, бегает от вещи к вещи. Федор с возгласами: «Леночка! Леночка!» — растерянно бегает за ней.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же комната. Часть вещей вынесена. Д я д я   В а с я и К о л я разбирают поломанную кровать. В комнате кроме них Т а н я и Л е о н и д. Таня стоит у двери в комнату Федора, оттуда слышен плач Леночки и голос Федора.

Л е о н и д *(Тане)*. Плачет?
Т а н я. Плачет.
Д я д я   В а с я. Вздуть бы его, паршивца! Люди старались, делали, а он, видите ли... Понимания нет.

Быстро входит Ф е д о р.

Федор *(встревоженно)*. Мама!

Вбегает Клавдия Васильевна.

Клавдия Васильевна. Что, Федя?

Федор. У нас есть какие-нибудь сердечные капли?

Клавдия Васильевна. Леночке плохо?

Федор. Да.

Клавдия Васильевна. Кажется, были. *(Ушла искать капли.)*

Коля. Давай я в аптеку сбегаю.

Таня. Может быть, доктора вызвать? Что с ней?

Федор *(растерянно)*. Сам не знаю. Закрыла глаза и лежит. Зубы стиснула и все за сердце рукой держится.

Леонид. Ты не волнуйся, все пройдет.

Таня. Я зайду к ней. *(Пошла к двери в комнату Федора.)*

Федор. Нет-нет, подожди. Лучше ее не трогать.

Дядя Вася. У Севастьяновых в прошлом году вот так же сноха пришла домой после работы, легла и умерла. А ведь сама фельдшер была.

Тяжелая пауза.

Федор. Придет этот мерзавец, я ему уши оборву.

Входит Клавдия Васильевна.

Клавдия Васильевна *(подавая Федору пузырек)*. Валерьянка с ландышем.

Федор берет пузырек и быстро уходит к себе.

Олег не приходил?

Коля. Что ты волнуешься? Я же сам видел: Геннадий его догнал, и они пошли вместе.

Клавдия Васильевна ушла.

Дядя Вася. Бери, Колюха.

Коля *(поднимая вместе с дядей Васей кровать)*. Пошла, погребальная!

Дядя Вася и Коля ушли.

Леонид. Эх, натворил мальчишка дел!

Таня. Вы знаете, Леня, у нас в последнее время дома как будто черная кошка пробежала.

Леонид. А мне всегда хорошо у вас.

Таня. Вы — гость, Леня, чужой человек, вам не видно.

Леонид. Танечка, мне так хочется быть в этом доме совсем, совсем своим человеком! Вы знаете, я, в сущности, одинокая собака — родители вечно в разъездах: то в Голландии, то в Швеции, и все на год, на два. Квартира огромная, а как пустыня. Простите, я перебил вас.

Таня. Раньше мы жили очень дружно. При папе жизнь казалась вообще сплошным счастьем; правда, я это смутно помню. В детстве никогда о серьезных вещах не думаешь, на то оно и детство. Все весело! Потом нам было очень трудно материально. Мама работала с утра до ночи, она ведь прекрасная стенографистка. Федор после школы хотел идти работать, но мама не разрешила. В университете он уже на первом курсе получал повышенную стипендию — стало легче. А мы с Николаем все делали по дому: я нянчилась с Олегом, когда он приходил из детского сада, Коля делал всю мужскую работу. Мы так любили Федора, старались избавить его от всех забот! И потом, когда он начал работать... Он у нас ведь очень талантливый. Вы, конечно, знаете, как о нем тогда хорошо написали в газете... Мы вот в этой комнате в тот день шампанское выпивали! Впервые в моей жизни!.. Федор нас буквально засыпал подарками... Из каждой зарплаты все что-нибудь притащит. Он же и настоял, чтобы мама оставила работу,— мама действительно была сильно переутомлена тогда. И знаете, мысли у всех были какие-то ясные, чистые, как-то шире смотрели на жизнь — открыто... и вдаль!.. *(Вдруг остановилась.)* Ну вот, выпустила целую пулеметную очередь. Наболело... Вы не подумайте, мне хорошо живется! Вот только жаль, что в дом вошло что-то чужое, неприятное.

Леонид. Зовут это чужое — Леночка?

Таня *(подумав)*. Не знаю. Скорее — Федор.

Леонид. Вот так да! Почему?

Т а н я. Скажите, его очень ценят на работе?
Л е о н и д. Откровенно?
Т а н я. Пожалуйста.

Входит Л а п ш и н.

Л а п ш и н. Геннадий мой тут не околачивается?
Т а н я. Он с Олегом где-то ходит.
Л а п ш и н. Ключа от комнаты не оставлял?
Т а н я. Нет.
Л а п ш и н. Придет, пусть дома сидит — нужен. Прощенья просим! *(Пошел, но остановился.)* А Таисия Николаевна не заглядывала?
Т а н я. Нет.
Л а п ш и н. Ежели придет, скажи — я скоро. А коли сверточек какой принесет — прими.
Т а н я. Хорошо.
Л а п ш и н. Ну, совет да любовь. *(Ушел.)*
Л е о н и д. Хитрющий мужик.
Т а н я. Чем-то расстроен. Так вы хотели сказать о Федоре.
Л е о н и д. Видите ли, Таня, наш институтский коллектив — это сложная комбинация. В нем вечно склока или, назовем, борьба. Так вот: с одними Федор в прекрасных отношениях, можно сказать — дружеских, других он перестал устраивать, и они относятся к нему сдержанно.
Т а н я. Почему же перестал?
Л е о н и д. В свое время Федор сделал великолепный прыжок, и ему все дружно проаплодировали. Ну, и, естественно, стали ждать от него нового прыжка. Пока он его не делает, а — и, по-моему, верно поступает —танцует на прежней высоте, желая взять от нее все. И берет немало!.. Ну... завидовать стали.
Т а н я *(разочарованно)*. И только?
Л е о н и д. Вы очень любите брата?
Т а н я. Я его люблю, жалею и ненавижу.
Л е о н и д. Он вырабатывает, Таня, свое отношение к жизни и, согласно этому отношению, свое поведение в ней.
Т а н я *(пораженная)*. Поведение в жизни!
Л е о н и д. Сложная штука, Танечка.

Таня *(продолжая думать о своем.)* Как это верно!
Леонид. Вы свое выработали, Таня?
Таня *(быстро, твердо)*. Да!

Леонид смеется.

Что вы?
Леонид. У Федора оно было?
Таня. Было.
Леонид. И вот... нет!
Таня. У него не хватает воли.
Леонид. А у вас хватит?
Таня. Да.
Леонид. Ни один человек, Танечка, не знает, сколько у него сил, пока он эти силы не испробовал до предела.
Таня. Я в свое время испробую.
Леонид. Что вы собираетесь делать после окончания института? Ехать в глухую периферию, в деревню?
Таня. Предположим, что в этом плохого?
Леонид. Наоборот, это всячески приветствуется. *(Вдруг.)* Хотите, я вам погадаю?
Таня. Как?
Леонид. По руке. Я умею, честное слово.
Таня. Пожалуйста. *(Протянула Леониду руку, тот внимательно смотрит на ладонь.)*
Леонид. Странно, но вы действительно куда-то уедете. Не скоро. Года через три.
Таня *(смеется)*. Получу путевку после окончания института и уеду. Вот так гадание!
Леонид. Подождите. *(Разглядывая ладонь.)* Вот эта линия идет далеко-далеко в сторону от основной — это отъезд. Маленький городок. Деревня! Вы — учительница. *(Закрывает глаза, говорит, как будто что-то видит.)* Кругом хорошо: тихая речка, леса, луга, ромашки... Но люди... вот это уже хуже. *(Смотрит на руку.)* Эта тонкая ломаная линия, она — страдание. *(Отвлекаясь.)* Там же совсем чуждый вам круг интересов! Вы истоскуетесь по маме и братишкам, по театрам и концертам. Вы знаете, что до

сих пор в деревнях справляют престольные праздники, а это значит... Ну, вы представляете себе эту яркую картину.

Таня. Бывает.

Леонид. Конечно, в передовых колхозах этот обычай вымирает. А вдруг вам достанется не передовой?

Таня. Я же была в колхозах на уборочной, несколько раз...

Леонид. Понравилось?

Таня. И да и нет. А вы бывали?

Леонид *(смеется)*. Откровенно говоря, только в десятилетнем возрасте.

Таня *(горячо)*. Так вы же ничего не знаете! В последние годы там просто на глазах все меняется! И к лучшему! Конечно, я согласна с вами, есть колхозы, где люди живут очень трудно. Но, Леонид Павлович, почему же я должна устраивать только свое счастье, думать только о себе?! Я хочу, чтобы и там, в самом далеком, в самом глухом, в самом бедном колхозе, люди жили хорошо. Не хуже, чем мы с вами! По-моему, всегда нужно думать о тех, кто живет труднее тебя, и надо стараться сделать жизнь этих людей лучше, счастливее! Иначе зачем же жить?!

Леонид. Какая вы делаетесь красивая, когда горячитесь. Танечка, хождение в народ было в прошлом веке, сейчас это не популярно — у нас все делается организованно. И сделают, поверьте... без вас! Вы там начнете бороться, и вас живо сомнут. У вас самые благородные порывы, я абсолютно верю в это. Но, к сожалению, много еще есть людей, которые любят уничтожать хорошее! Это же такое наслаждение для них! Вы даже себе не представляете! Вы поживете там, помучаетесь...

Таня. И брошусь в омут!

Леонид. Хуже. Привыкнете ко всему и выйдете замуж за какого-нибудь тупицу, вроде вот этого вашего приезжего соседа — Геннадия, кажется? *(Опять взял руку Тани.)* Здесь есть и другая линия...

Таня *(отнимая руку)*. Не надо...

Леонид. Почему?

Таня. Мне кажется, я сама научилась гадать. Во всяком случае... угадывать.

Входит Клавдия Васильевна, идет к буфету, достает что-то из продуктов и несет на кухню.

Клавдия Васильевна. Таня, ты, кажется, еще хотела позаниматься. *(Ушла.)*

Леонид Мама волнуется за девочку.

Таня. Если девочка пролетит на экзамене, то плакать будет не мама. *(Встала, пошла к себе.)*

Леонид. Вы что готовите?

Таня. Математику.

Леонид. Знакомое дело. Хотите, помогу?

Таня. Если не лень, не возражаю. Вы серьезно сказали, что люди любят уничтожать хорошее?

Леонид. А вы не замечали?

Таня, ничего не ответив, уходит. Леонид идет за ней. Входят Федор и Леночка. Леночка, увидев пустую комнату, громко плачет.

Федор. Ленуська, ну успокойся, маленькая.

Леночка *(резко)*. Оставь меня, пожалуйста.

Федор. Ленуська, ну, ей-богу, как будто я виноват...

Леночка молчит.

Ленуська!

Леночка молчит.

В общем-то, это не такое страшное событие.

Леночка. Конечно, для тебя все пустяки! Тебе это ничего не стоило. Ты привык жить в этом своем клоповнике целым кагалом.

Федор. Леночка, но я же хлопотал относительно квартиры...

Леночка. Ничего ты не хлопотал. Если бы я не твердила тебе тысячу раз... Тебя абсолютно устраивает это существование, я же вижу. Ты только о себе и думаешь, на меня тебе совершенно наплевать.

Входят дядя Вася и Коля.

Дядя Вася. А стол тоже в сарай выносить или как?
Федор. Леночка, ты как хочешь?
Леночка. Мне абсолютно безразлично, хоть на костре его сожгите.
Федор *(Коле и дяде Васе)*. Несите.
Леночка. Оставьте здесь.
Дядя Вася. Понимаем.

Входит Клавдия Васильевна.

Клавдия Васильевна *(Федору и Леночке)*. Ужинать будете?
Федор. Подожди, мама.
Коля. Дай хоть мне поесть — они тут переживают, я-то при чем?
Клавдия Васильевна. Идем. *(Прошла с Колей на кухню.)*
Дядя Вася *(поднимая обломок мебели)*. Такую работу в щепки!
Леночка. Спасибо вам, дядя Вася, за помощь.
Дядя Вася. Какая тут помощь, горе одно. Вот погодите, отремонтирую — отциклюю, отполирую, посмотрим, что выйдет. Жалко! *(Ушел.)*
Леночка. Я все понимаю: мое присутствие в этом доме крайне нежелательно.
Федор. Не выдумывай, Ленуська.
Леночка. Еще бы! Раньше ты все деньги отдавал им, на тебя все так и смотрели, как на дойную корову. Появилась я...
Федор. Ты говоришь уже невесть что!
Леночка. Пожалуйста, не кричи на меня!
Федор. Я не кричу. Я говорю почти шепотом.
Леночка. Нет, ты кричишь!
Федор. Ну хорошо, я буду молчать.
Леночка. Конечно! Это самая выгодная позиция!
Федор. Но чего же ты хочешь?
Леночка. Я от тебя решительно ничего не хочу.
Федор. Ленуська, но ты же из-за этих проклятых вещей портишь себе здоровье.
Леночка. Странно, что тебя это еще интересует.
Федор. Не знаю, как говорить с тобой.
Леночка. Если бы любил, знал.
Федор. Я же люблю тебя.

Л е н о ч к а. Не смеши, пожалуйста. Это было когда-то!

Федор сидит, обхватив голову руками.

Не делай драматических жестов! Прямо как баба!

Ф е д о р *(сдерживая себя)*. Ну, что ты предлагаешь делать?

Л е н о ч к а *(усмехаясь)*. Мужчина, называется!

Ф е д о р. Не убить же я должен Олега за это!

Л е н о ч к а. Конечно, от такой тряпки помощи не жди. Я не хочу жить в этом доме. Мне надоело, я устала!

Ф е д о р. Ленуська, но куда же мы денемся? Волей-неволей до осени придется ждать.

Л е н о ч к а. А я не буду! Если ты не умеешь поставить себя в своем же доме как мужчина, как старший, если твою жену могут оскорблять...

Ф е д о р. Тебя же никто не оскорбляет. Олег — мальчишка, дурак, нельзя же на него обижаться всерьез. Ты не волнуйся, ну я сейчас буду работать еще больше! Леонид устроит мне несколько статей, да и без него меня уже знают.

Л е н о ч к а. Пожалуйста, не хвастайся своей мнимой славой, бездарь! Я не хочу здесь жить ни одного дня, слышишь?! *(Пошла в комнату.)*

Ф е д о р *(идя за ней)*. Но куда же мы переедем?

Л е н о ч к а. Придумай. Не ходи за мной! Оставь меня в покое, слышишь?

Л е н о ч к а ушла. Федор сел на диван и обхватил голову руками. Входит К л а в д и я В а с и л ь е в н а.

К л а в д и я В а с и л ь е в н а. Может быть, ты поужинаешь, Федя?

Ф е д о р. Мама, нельзя ли устроить как-нибудь так, чтобы в доме к Леночке относились приличнее?

К л а в д и я В а с и л ь е в н а. Я сама не знаю, что делать с Олегом, Федя. Но при всем желании мы не можем возместить вам убытки за эту мебель.

Ф е д о р. Я не говорю об этой идиотской мебели.

К л а в д и я В а с и л ь е в н а. Во всем остальном, по-моему, мы все относимся к Леночке вполне прилично. Разве она жаловалась?..

Ф е д о р. Ничего она не жаловалась, но я сам вижу. Хотя бы из уважения ко мне могли это делать. Я работаю как лошадь, устаю... В конце концов, я люблю ее! Она умненькая, хозяйственная, ласковая, деликатная. Уж поверьте, я лучше вас всех знаю ее! Чем она вам не угодила?

К л а в д и я В а с и л ь е в н а. Я поговорю с мальчиками, с Татьяной... Сама постараюсь...

Ф е д о р. Не надо стараться, мама. Надо просто сделать так, чтобы она чувствовала себя как дома. Ну, разве это трудно?

К л а в д и я В а с и л ь е в н а. Я не знаю, Федя, как она чувствовала себя дома. Я знаю только, что вы посылаете ее родителям сто рублей в месяц, и все.

Ф е д о р. А много ли старикам надо? Леночка считает — вполне достаточно, тем более что у них сейчас пенсия прибавилась.

К л а в д и я В а с и л ь е в н а. А ты как считаешь?

Ф е д о р. Я не вникаю в денежные вопросы, мама. У меня от одной работы голова трещит. В институте только неприятности... Да-да, я не хотел тебе этого говорить!.. Хоть уходи оттуда... Впору совсем бросить научную работу, перейти только на лекции.

К л а в д и я В а с и л ь е в н а. А не жаль будет, Федя?

Ф е д о р. Жаль. Так хорошо у меня пошло тогда, а теперь просто загрызли. Эти Перевозчиковы, Тюрины, Крыловы житья не дают.

К л а в д и я В а с и л ь е в н а. Кажется, именно Перевозчиков тогда о тебе такую хорошую статью написал?

Ф е д о р. А теперь еле кланяется.

К л а в д и я В а с и л ь е в н а. Обидно.

Ф е д о р. Еще бы!

К л а в д и я В а с и л ь е в н а. А ведь он тебя на защите диссертации при всех расцеловал, помнишь? Я тогда сидела в самом последнем ряду и плакала.

Федор молчит.

Ф е д о р *(после паузы)*. Ну ничего! Вот засяду за свою «заветную» — я еще покажу им себя! Я докажу...

К л а в д и я В а с и л ь е в н а *(с грустью)*. Ничего и никому ты уже не докажешь, Федя.

Федор. Почему это?

Клавдия Васильевна. Потому что все меняется на свете.

Федор. Что?

Клавдия Васильевна. Все.

Федор. Нет, ты договаривай.

Клавдия Васильевна. Так я постараюсь, чтобы дети ничем не досаждали Леночке.

Федор. Я знаю, что ты подразумеваешь: я переменился? Да?

Клавдия Васильевна. Вы будете ужинать?

Федор. Нет, ты скажи — я переменился?

Клавдия Васильевна. Да, Федя.

Федор. В какую же сторону?

Клавдия Васильевна. Ты не обижайся на меня, Федя, но ты становишься маленьким... мещанином.

Федор *(смеется)*. Ах, вон что! Все-таки, мама, у меня есть кое-какое имя в научном мире, со мной многие считаются, ценят...

Клавдия Васильевна. По-моему, Федя, даже академик со временем может стать простым обывателем.

Федор. Извини мама, но и ты... не героиня.

Клавдия Васильевна. Хочешь сказать — я тоже мещанка?

Федор. Это слишком обидное слово, мама.

Клавдия Васильевна. Я же не постеснялась тебе его сказать.

Федор. Ты — мать.

Клавдия Васильевна. А разве ты знаешь, о чем я думаю, когда варю вам обед, чищу картошку, стираю белье, мою пол, пришиваю пуговицы?! Я думаю о вас! Моя жизнь сложилась не совсем так, как я хотела. Моя ли в этом вина, не моя — не знаю. Но у меня есть вы, четверо. И вы — это я! Я хочу, чтобы вы были такими людьми, какой я сама хотела стать.

Федор. Героями?

Клавдия Васильевна. Во всяком случае — интересными людьми. Помнишь, в девятом классе ты явился домой пьяным?.. Я не испугалась, нет! В жизни может быть всякое, особенно с подростком. Но ты пришел еще раз, еще, еще, и все в нетрезвом виде. Я ударила во все колокола: я подняла школу, комсомол, и мы вытащили тебя из этой компании. Помню, ночью ты лежал

вот на этом диване и тяжело хрипел. Страшно сказать тебе, Федя, но я тогда подумала: если он не переменится, пусть лучше умрет. Когда ты будешь отцом, Федя, ты поймешь, какая это была страшная мысль! Любая ваша победа в жизни, пусть самая маленькая, любой ваш красивый поступок — это моя радость. Ваши успехи — они целиком ваши, я не присваиваю себе ничего, только бываю счастлива! Но ваши неудачи, особенно измены человеческому достоинству, они просто пугают меня, хочется кричать от обиды! Я как будто падаю вниз, в грязь!.. Как будто рушится здание, которое я возводила своими руками в бессонные ночи, когда вы были крохотными, в тревоге, в слезах, в радости.

Пауза.

Федор *(тихо)*. Ты обвиняешь во всем Леночку?

Клавдия Васильевна. И тебя, Федя.

Федор. В чем же ты ее обвиняешь?

Клавдия Васильевна. Она плохая жена.

Федор. Вон как!

Клавдия Васильевна. Может быть, мои слова и не принесут пользы — говорят, дневная кукушка ночную не перекукует, — но я скажу. Хорошая жена, Федя, больше всего заботится о человеческом достоинстве своего мужа, уже потом она может гордиться его славой, чином, званием, материальными успехами. Но если муж — мелкий человечишка, пройдоха и жулик, то, поверь, и жена у него точь-в-точь такая же.

Федор. Слава богу, я не пройдоха, не жулик...

Клавдия Васильевна. Можешь им стать.

Федор. Ты уже преувеличиваешь, мама.

Клавдия Васильевна. Нет, я просто стараюсь всегда заглядывать вперед.

Федор. В чем же ты обвиняешь меня?

Клавдия Васильевна. В супружеской жизни часто бывает — кто кого потянет за собой. Так ты будешь ужинать?

Федор. Подожди. Но я люблю Леночку, ты понимаешь, люблю! Могу я иметь право на это счастье?

Клавдия Васильевна. Счастье ли это, Федя?

Голос Леночки. Федя!

Федор. До сих пор считалось: любовь — это одно из высоких и чистых чувств, возвышающих человека.

Клавдия Васильевна. Это неправда, Федя.

Федор. Да я по себе чувствую.

Клавдия Васильевна. Очень часто любовь принижает человека, разрушает его жизнь. Я даже не знаю, совершено ли во имя любви на земле больше высоких поступков или подлых.

Голос Леночки. Федор!

Клавдия Васильевна. Ну иди, иди.

Федор. Что же я, по-твоему, должен сделать?

Клавдия Васильевна. Ты совсем взрослый мальчик, Федя. *(Подходит к сыну, целует его в лоб.)*

Голос Леночки. Федор!

Клавдия Васильевна. Иди же, иди, не геройствуй.

Клавдия Васильевна пошла было на кухню, но в это время входит Леночка.

Леночка *(ласково)*. Мама, мы так задержали вас с ужином, совсем завертелись — давайте поедим.

Клавдия Васильевна. Вот и хорошо. *(Ушла.)*

Леночка. Ты что, не слышишь?

Федор. Я с мамой разговаривал.

Леночка. Интересно, что она тебе напела.

Федор *(строго)*. Лена, я хочу поговорить с тобой.

Леночка *(приложив руку к груди)*. Ой!

Федор. Что ты?

Леночка. Опять кольнуло.

Федор. Капли дать?

Леночка. Не надо. Так перенервничала!.. *(Подошла к Федору, обняла его.)* Тебе наговорила кучу гадостей... *(Целует.)* Извини! Талантливый ты мой!

Федор *(обнимая жену)*. Да, уж наболтала ты всяких глупостей! Ты меня будешь слушаться?

Л е н о ч к а. Буду, буду. А ты меня — ладно?
Ф е д о р. Идет. *(Целует жену.)*

Входит К л а в д и я В а с и л ь е в н а.

К л а в д и я В а с и л ь е в н а. Здесь будете ужинать или на кухне?
Л е н о ч к а. Все равно, мама. Мы скоро выйдем. *(Федору.)* Идем, я тебе расскажу, что придумала.

Ф е д о р и Л е н о ч к а ушли к себе. В дверях появляется Г е н н а д и й.

К л а в д и я В а с и л ь е в н а. Где Олег?
Г е н н а д и й. А что?
К л а в д и я В а с и л ь е в н а. То есть как — что?
Г е н н а д и й. Зачем он вам?
К л а в д и я В а с и л ь е в н а *(громко, с тревогой)*. Где Олег, Гена?
Г е н н а д и й *(шепотом)*. Тут он, за дверью стоит.

Клавдия Васильевна бежит к двери, распахнула ее. Видимо, в глубине прихожей стоит О л е г. К л а в д и я В а с и л ь е в н а увидела его, покачала головой и ушла на кухню.

Входи, больше никого нет.

Входит О л е г.

О л е г. Не рано?
Г е н н а д и й. Думаю, нет — перекипело. Но поблажки не жди. Конечно, не то что сгоряча, но достанется.
О л е г. Есть хочется! *(Идет к буфету.)*

Входит К о л я.

К о л я. Ты что?! Мать места себе не находит...
Г е н н а д и й. Это хорошо...
К о л я *(Олегу)*. Я уж наврал маме, будто тебя с Геннадием на улице видел. Где ты был?

Олег. Нигде не был. Мы вокруг дома обошли, а потом через заднее крыльцо — Геннадий меня в своей комнате запер, а сам куда-то ушел.

Геннадий. За покупками ездил. *(Коле).* Я его нарочно замкнул, сразу-то попадаться на глаза никогда не надо, проверено!

Олег *(Коле.)* Что тут было?

Коля. Леночка чуть не умерла. Федор обещал тебе уши оборвать.

Олег. Еще чего! Пусть только дотронется! Где они?

Коля. У себя.

Геннадий. А Татьяна где?

Коля. Занимается.

Геннадий. Одна?

Коля. Нет.

Геннадий. С этим?

Коля. С этим.

Геннадий. Приехал бы он к нам в район погостить!..

Олег. А вещи где?

Коля. В сарай вынесли.

Олег. Сильно испортил?

Коля. Досталось беднягам!

Геннадий *(думая о своем).* Я бы подговорил ребят...

Коля. Отколотили бы?

Геннадий. Отвадили бы.

Олег *(оглядывая комнату).* Просторнее стало. *(Задумался.)*

Где стояла кровать —
Можно там танцевать,
Где сервант возвышался —
Только коврик остался.

Коля. Геннадий, переложи эти стихи на музыку, и спойте Леночке в два голоса.

Геннадий *(Олегу).* Ты, брат, сейчас не сочиняй, не надо.

Олег *(подойдя к окну).* И рыб нет.

Входит Лапшин.

Лапшин *(сыну).* Ты что уходишь, ключа не оставляешь?

Геннадий. Забыл.

Лапшин *(передразнивая)*. «Забыл»! А еще десятилетку окончил! Идем, собирайся, сейчас едем. Я билеты купил.

Геннадий. Чего это вдруг?

Лапшин. Наши письмо из дома получили, под меня там копают, на мое место зарятся. Я им покажу!.. *(Коле.)* Таисия Николаевна не была?

Коля. Не видел.

Лапшин. Свертка не оставляла?

Коля. Какого свертка?

Лапшин. Ну, не твоего ума дело. *(Сыну.)* Пошли.

Геннадий и Лапшин уходят.

Олег *(сидя на подоконнике)*. Ты знаешь, как все ужасно получилось...

Коля. Уж чего лучше!

Олег. Нет, я не об этом.

Коля. А что еще?

Олег. Я положил записку в книгу Веры. И вот как только положил, сразу понял, что люблю Фиру. Именно Фиру! Что теперь мне делать? Сидел там, у Геннадия, думал, думал... Не знаю, как выкрутиться. Что на обед было?

Коля. Лапша куриная, мясо с картошкой и кисель.

Олег. Мне оставили, не знаешь?

Коля. Ты с утра ничего не ел?!

Олег. Где же? Там лежала копченая колбаса — здоровенная такая палка,— но я не притронулся, честное слово!

Коля. Иди на кухню.

Олег. А кто там есть?

Коля. Одна мама.

Олег. Как думаешь, что мне будет?

Коля. Я откуда знаю!

Олег ушел.

(Смотрит в окно, за которым уже темнеет.) Марина!

Голос Марины. Что?

Коля. Иди-ка сюда.

Марина *(появляется в окне)*. Что, Коля?

Коля. Что ты делала?

Марина. Зойку спать укладывала... Уснула.

Коля. Мама твоя где?

Марина. До сих пор не пришла. А что?

Коля. Лапшин от нее какого-то свертка ждет.

Марина *(садясь на подоконник с той стороны окна)*. Зачем она это делает, зачем?!

Коля. А тебе она ничего не говорит?

Марина. Скрывает. Я сама сегодня начну разговор, обязательно! Понимаешь, я — комсорг курса. Я даже хорошие платья сейчас носить боюсь, старые надеваю,— ты заметил?

Коля. Заметил.

Марина. И такая тревога на душе! Вчера с тобой по Москве ходила, так хорошо было... а пришла домой... *(Тихо.)* Ты не стал хуже ко мне относиться?

Коля. Что ты!

Марина. А мне показалось... Мне теперь все что-то страшное мерещится.

Коля *(тихо)*. Я тебя еще больше люблю. *(Хочет обнять Марину, но в это время входит Геннадий с каким-то предметом в руках, завернутым в бумагу.)*

Геннадий *(Марине)*. Здравствуйте, Коля, можно, я тут одну вещицу спрячу, чтобы отец не видел? Сегодня купил.

Коля. Положи в коридоре.

Геннадий пошел в коридор. Коля берет Марину за плечи.

Марина. Что ты! Во дворе увидят.

Коля. Пусто. Кто-то сидит там на лавочке, но спиной к нам. *(Целует Марину.)*

С возгласом «Геннадий!» входит Лапшин.

Лапшин *(увидев целующихся, опешил)*. Тьфу, черт! Никого нет.

Марина исчезла за окном. Лапшин пошел было к двери, но в это время из коридора вошел Геннадий.

Геннадий. Чего тебе?

Лапшин. Ты колбасу сожрал?
Геннадий. Какую колбасу?
Лапшин. Копченую.
Геннадий. Даже в глаза не видел.
Лапшин. Врешь!
Геннадий. Честное комсомольское!
Лапшин. Побожись!
Геннадий. Ей-богу!
Лапшин. Все равно брешешь!
Геннадий. Сам от меня спрятал куда-нибудь, а теперь на меня же и валишь.
Лапшин. Смотри, не найду — ответишь! *(Ушел.)*
Коля. Гена!
Геннадий. Что?
Коля. Колбасу, наверное, Олег съел.
Геннадий. Да что ты?!
Коля *(зовет)*. Олег!

Входит Олег.

Олег. Что, Коля?
Геннадий. Ты колбасу съел?
Олег. Копченую?
Геннадий. Да. Ты не ври, тут все свои.
Олег. Нет-нет! Я, понимаешь, сижу в комнате, чувствую — пахнет... Ну, поискал... Она за чемоданом была спрятана. Так я ее подальше, за шкаф запихнул, чтобы не пахла... Она там.
Геннадий. Пойду обрадую родителя. *(Ушел.)*
Коля *(глядя в окно)*. Куда это Маринка помчалась? *(Зовет.)* Дядя Вася!

К окну подошел дядя Вася.

Что-нибудь случилось? Почему Марина так побежала?
Дядя Вася *(тихо)*. Говорят, Таисию около универмага забрала милиция.
Коля. Что?! *(Прыгает в окно.)*

Дяди Васи тоже уже не видно.

Входят Федор и Леночка. Олег замер, глядя на них.

Федор. Явился?.. Ну?

Олег молчит.

Леночка. Что уставился, гаденыш?

Олег молчит.

Федя, убери эту проклятую саблю со стены. Опять повесили!

Федор. Это мама. *(Идет к сабле.)*

Олег. Не трогай.

Леночка. Еще тебя спрашивать буду, стихоплет поганый!

Олег. А ты — курица!

Леночка. Ты еще лаяться? *(Схватила оставленную в углу планку от шкафа и с этим оружием бросилась на Олега).*

Олег *(отбежав в сторону).* Только попробуй! Только попробуй!

Федор. Леночка, что ты!

Леночка бросается на Олега, тот бегает вокруг стола.

Олег. Не смей, не смей! Меня даже мама никогда пальцем не трогала!

Леночка *(бегая за Олегом).* Избить тебя надо, избить!

Федор *(хочет остановить Леночку, бегает за ней).* Леночка, осторожней, Леночка, осторожней! *(Поймал Леночку за планку.)* Лена, не смей этого делать! Сейчас же перестань.

Леночка *(оставляет планку в руке Федора и вдруг бьет мужа по лицу).* Тряпка! *(И ушла в свою комнату.)*

Пауза. Федор стоит растерянный. Олег ошеломлен. Федор отходит к окну. Олег тихо подходит к брату, стоит около него молча, не зная, что говорить. Вытащил из кармана перочинный нож, раскрыл его, опять закрыл.

Олег. Это ты мне ножик подарил, помнишь?.. В классе ни у кого такого нет... Мне за него, знаешь, чего только не предлагали... Ты на меня не злись, Федя... Если я научусь писать хорошие стихи, я их тоже печатать буду, за деньги... Все вам отдам, все!..

Чтобы чисто было... Конечно, стихи отдавать за деньги нехорошо, я хотел этого никогда в жизни не делать... Но Пушкин ведь говорил: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать...» Правда, ему тоже деньги нужны были, вот он и выкручивался... Ну, что ты на подоконник-то смотришь?.. *(Заглядывает в лицо брату.)* Плачешь?!

Федор пошел к своей комнате.

(Испуганно.) Нет-нет! Я не видел, Федя, я не видел!..

Федор ушел к себе. Входит Геннадий.

Геннадий. Олег...

Олег *(перебивает)*. Гена, ты плачешь, когда тебя отец бьет?

Геннадий. Как бы не так! Больно жирно ему будет. Ты что встревоженный? Еще что-нибудь выкинул?

Олег. Да, из-за меня тут...

Геннадий. Что?

Олег. Нельзя сказать. Погоди... *(Подбегает к двери комнаты Федора, слушает.)* Тихо... Ты знаешь, я боюсь, как бы он ее не задушил.

Геннадий. Кто?

Олег *(заглянул в замочную скважину двери, тут же выпрямившись, удивленно)*. Он ее целует! С ума можно сойти!

Геннадий. Объясни толком-то...

Олег. Объяснить ничего нельзя... Ты что меня спрашивал?

Геннадий. Смотри. *(Идет в коридор, вносит свою покупку, разворачивает ее. Это аквариум, в котором плавают рыбы.)*

Олег. Откуда это?

Геннадий *(смущенно)*. Тебе. От меня.

Олег *(в восторге прыгая вокруг аквариума)*. Гена! Гена! Вот спасибо! Вот спасибо-преспасибо! *(Жмет Геннадию руку.)* Ой, какие!..

Геннадий. Забавляйся, коли нравится.

Олег. Где же ты их достал?

Геннадий. На Арбате.

Олег. Гена, ты их на те деньги купил?

Геннадий. Да. Видал — пригодились!

О л е г *(задумался, глядя на рыб).* Гена... ты не рассердишься на меня?
Г е н н а д и й. За что?
О л е г. Не надо было их покупать, Гена.
Г е н н а д и й. Почему?
О л е г. Я не хочу их брать, Гена.
Г е н н а д и й. Чего?
О л е г. Ты не сердись, пожалуйста, но не могу...
Г е н н а д и й *(помрачнев).* Ты из себя дурака не корчи.

Олег молчит.

Я тебе от чистого сердца, а ты мне... в душу плюешь!
О л е г. Гена... я понимаю... ты от чистого, от самого чистого... Я же знаю тебя. Но... не могу!
Г е н н а д и й. Сопляк ты, отец верно сказал. Пигмей! Бери, говорю, рыб.

Олег молчит.

Бери, говорю!
О л е г *(чуть не плача).* Ну что же я могу сделать?! Ты понимаешь, буду на них смотреть, а мысли у меня совсем другие будут... Нехорошие... Я о другом буду думать... Я хочу, чтобы у меня чистые мысли были... И у тебя... И вообще...

Оба стоят и молчат.

Я, конечно, могу сейчас взять, но ты уедешь, и я уберу их. Зачем же я тебе врать буду?!

Опять молчат.

Г е н н а д и й *(глухо).* Чего же я с ними делать буду? Уху варить?
О л е г. Не знаю.
Г е н н а д и й. Ну ладно, я тебе это припомню! *(Заворачивает аквариум в бумагу.)*

Олег хочет подойти к Геннадию.

Не подходи ко мне, вражина! *(Уносит аквариум в коридор.)*

Входят **В е р а** *и* **Ф и р а.**

Ф и р а. Ты что?
О л е г. Что?
Ф и р а. Это ты подложил записку в книгу?
О л е г. В какую книгу?
Ф и р а. Вере. Не ври, и подпись твоя стоит... Хоть бы подписывать постеснялся!
О л е г. А что особенного...
Ф и р а *(Вере)*. Ты слышишь? Ну, знаешь, я знала, что все поэты только и делают, что влюбляются...
О л е г *(Фире)*. Ты языком болтай, да думай!
Г е н н а д и й *(входя, Олегу)*. Что ты там написал?
Ф и р а *(Олегу)*. Да-да! Знаю, не маленькая! *(Геннадию.)* Он написал отвратительное стихотворение и сунул его в книгу Вере.
О л е г. Почему это отвратительное?
Ф и р а. Не беспокойся, мы его проанализировали!.. Вот еще, погоди,— обсудим его на коллективе!
О л е г. На каком коллективе?
Ф и р а. Всем классом! А может, и всей школой!
О л е г. Что ты выдумала?
Ф и р а. Да-да!

Олег совершенно растерян от ее натиска.

Г е н н а д и й *(Олегу)*. Да что ты за чепуху там написал, скажи?
Ф и р а. А мы вам прочтем, пожалуйста! Вера, читай!
В е р а. Может быть, ты прочтешь, Фира?
Ф и р а. Тебе написано, ты и читай.
В е р а. Я не могу.
Ф и р а. И вообще почему ты молчишь?

Вера молчит.

О тебе тоже надо будет поговорить где следует! Если ты дала ему повод написать такое стихотворение, то... Мне ведь он такого стихотворения на написал. Читай, слышишь?

Вера вытаскивает из-за пазухи листок бумаги, разворачивает его.

О л е г. Не смей читать, Верка!

Ф и р а *(Вере).* Начинай!

О л е г. Не смей, слышишь?

Ф и р а. Ага, стыдно стало! *(Вере.)* Не обращай на него внимания, начинай!

О л е г *(Вере).* Сейчас же дай его сюда!

Ф и р а. Еще чего! Так мы тебе его и отдали! Вещественное доказательство! Писать стихи, конечно, легко, а как отвечать, так струсил.

О л е г. Ладно, давайте, читайте! *(Бросился на диван и зарылся в угол.)*

Ф и р а *(Вере).* Ну!

В е р а *(начинает читать дрожащим голосом).*

«В доме уснули. Поет тишина
В комнате нашей тесной.
Может быть, мне она только слышна,
Эта счастливая песня?

Может быть, я сочиняю ее
В этой тиши весенней,
Может быть, сердце поет мое,
Полное смутным томленьем?

Нет, это ты мне поешь одна
Голосом слышным еле,
Ты, от которой я без ума
Вот уже две недели!»

Ф и р а. Читай без выражения.

В е р а. «Ты, от которой сейчас не сплю
На этой диванной коже,
Ты, которую я люблю,
Любишь ли ты меня тоже?!»

Ф и р а *(Геннадию).* Слыхали?

Г е н н а д и й. Неужели это им все написано?

Ф и р а. Им.

Г е н н а д и й. Прямо не верится! Ай-яй-яй-яй-яй! Ну-ка, покажите!

Ф и р а. Вот. *(Подает Геннадию листок со стихотворением.)*

Г е н н а д и й *(смотрит)*. Да, действительно! *(Складывает листок и кладет его себе в карман. Олегу.)* Чего ты на них смотришь — гони их отсюда ко всем чертям!

О л е г *(кричит)*. Вон отсюда, сейчас же вон!

Ф и р а *(Геннадию)*. Отдайте нам листок.

Г е н н а д и й. Брысь!

Ф и р а. Ну ладно, ну ладно!.. *(Ушла.)*

О л е г *(Вере)*. А ты что стоишь?

В е р а. Я к тебе очень хорошо отношусь, Олег... очень хорошо... и стихи мне понравились... Знаешь, как понравились! Но Фира велела...

О л е г. А ты слушалась? Какой же ты человек!

В е р а. Она мне подруга...

О л е г. А ты — прихлебательница и рабыня!.. Пошла отсюда!

В е р а. Олег! *(Заплакала.)*

О л е г. Перестань реветь. Все! Я вам не кто-нибудь!.. Я — мужчина! *(Повернулся к Вере спиной.)*

В е р а с плачем убегает.

(Подбегает к окну, кричит.)
Все Фиры и Веры
Дуры без меры!

Слышен голос Фиры: «Развратник!» — и в окно летит камень.

Камнями лупят, а еще девчонки!

Г е н н а д и й. Не огорчайся, поэтов всегда забрасывали камнями.

О л е г. Это когда-то, а теперь должно быть наоборот. Ты знаешь, что я решил?.. Все женщины на свете — гады!

Входит Л е н о ч к а.

Л е н о ч к а *(Олегу)*. Ты Леонида Павловича не видел?

О л е г *(показывая)*. Они там.

Леночка идет в коридор.

Г е н н а д и й. Уехать бы поскорее отсюда! Больше в Москву ни ногой! *(Ушел.)*

Л е н о ч к а *(у двери, где Леонид и Таня)*. Леня!

Выходит Л е о н и д.

Иди сюда.

Леонид и Леночка проходят в комнату.

Олег, дай нам поговорить.

О л е г. Пожалуйста! *(Ушел.)*

Л е н о ч к а. Ленька, милый, я к тебе с огромной просьбой.

Л е о н и д. Ну?

Л е н о ч к а. Помоги нам, у тебя такая светлая голова...

Л е о н и д. Давай без подъезда.

Л е н о ч к а. Пусти нас с Федором пожить к себе до осени. Твои — в Китае, раньше будущего года не приедут. Жаль тебе, что ли? Втроем даже веселей будет.

Л е о н и д. А что тебе приспичило?

Л е н о ч к а. Ты же видишь обстановку! Я уж и так живу здесь еле дыша. Это — мещанское болото, понимаешь? Федор становится раздражительным, все что-то думает... Я изо всех сил пытаюсь устроить ему нормальную жизнь, но здесь это просто невозможно. Потом, все тянут, расходы ужасные! А больше всего боюсь, что они буквально со дня на день могут поссорить нас с Федором. Я вижу — это их цель. Я их не устраиваю. Да это и понятно — у нас слишком разные взгляды на жизнь. Уж я кручусь, кручусь...

Л е о н и д. Когда же ты собираешься переезжать?

Л е н о ч к а. Да хоть сегодня — возьмем пару чемоданов, остальное запру здесь, если понадобится — приеду, возьму.

Л е о н и д. Ну ладно, только без прописки.

Л е н о ч к а. Конечно! Нам она и ни к чему. *(Зовет.)* Федя!

Входит Ф е д о р.

Видишь, Леонид не возражает.

Ф е д о р. Леночка, я все думаю: удобно ли это будет перед нашими?

Л е н о ч к а. Да что ты! Они даже рады будут. Действительно, мы же их стеснили — отобрали целую комнату. Тане надо занимать-

ся, Коле — тоже, Олегу — тоже... Я же вижу, тебя самого угнетает совместное житье.

Федор. Это верно.

Леночка. Ты стал какой-то задумчивый...

Федор. Нет, это не потому, Леночка...

Леночка. А почему?

Федор. Так... просто...

Леночка. А вот уедем, и у тебя никаких мыслей не будет.

Леонид рассмеялся.

(Тоже поняв, что сказала ерунду.) Грустных, конечно.

Федор *(Леониду)*. А как ты считаешь?

Леонид. Видишь ли... по-моему, стоит. Раньше был хороший русский обычай — выдел. Женился парень в деревне — ему выделяют пол-избы и ставят глухую стену или дают место для постройки новой... Знаешь, разные характеры, разные привычки... Впрочем, это ваш сугубо личный вопрос — сами и решайте. А то потом еще скажете — я посоветовал.

Федор. Хорошо, я поговорю с мамой.

Леночка. Нет уж, тебе не надо. Это трудный разговор, и я сама поговорю.

Леонид. Только мой совет: расходитесь по-хорошему, без скандалов.

Федор. Да-да, Леночка.

Леночка. Мы об этом скажем просто и откровенно. В конце концов, они действительно славные люди. Да и уверена — они и сами в душе обрадуются.

Входит Геннадий.

Что тебе, Гена?

Геннадий. Федор Васильевич, я к вам.

Федор. Что, Гена?

Геннадий. Мне, конечно, неудобно, я понимаю... Дайте взаймы сто рублей.

Федор. Сто? Сейчас... Леночка, мы не можем одолжить Гене сто рублей?

Геннадий. Я из первой же получки пришлю — не обману.

Леночка. Конечно, ты не обманешь, Гена, мы знаем тебя, ты уже третий год сюда приезжаешь... Но сейчас буквально только-только на жизнь осталось, в обрез, на последние сервант купила.

Геннадий. Вытрясли, значит...

Леночка. Истратила.

Геннадий *(помолчав)*. Я вам аккордеон в залог оставить могу, не пожалею.

Леночка. Что ты выдумываешь? Зачем мне он?! Просто у меня нет денег.

Леонид *(Геннадию)*. Я могу тебе одолжить, надо? *(Лезет в карман.)*

Геннадий. Нет, ваших не возьму.

Леонид. Почему, любопытно?

Геннадий. Совесть не позволяет. Вы человек чужой.

Федор. Леночка, дай ты ему, пожалуйста,— видимо, человеку очень надо.

Геннадий. Позарез, а то разве бы стал унижаться!..

Леночка. Ну, хорошо. *(Идет в свою комнату.)*

Геннадий тоже вышел.

Федор. Что же он ушел?

Леонид. Дай, а то еще украдет что-нибудь.

Федор. Ну, брось — он не такой.

Возвращается Леночка.

Леночка. А где он?

Входит Таня.

Таня. Может быть, чаю попьем все вместе?

Леонид. Я не возражаю.

Входит Геннадий с аккордеоном.

Леночка. На. *(Отдает Геннадию деньги.)*

Геннадий. А вам, значит, вот. *(Ставит аккордеон к ногам Леночки.)*

Леночка. Убирай его, убирай — не выдумывай.

Геннадий. Нет уж, оставлю... чтобы у вас и мыслей не было, будто Генка подлец — не отдаст.

Леночка. Ну, так и будет здесь стоять, посреди комнаты. Леня, Федя, пойдемте — обсудим все хорошенько.

Федор. Я, право, еще сомневаюсь.

Леночка. Идем-идем. Таня, накрывай к чаю.

Леночка и Федор ушли.

Леонид *(задержался на минуту)*. Танюша, вы не сердитесь, тут важный вопрос решается.

Таня. Какой?

Леонид. Пока тайна.

Таня. А я не сержусь. Хочу чаю.

Леонид ушел. Таня расставляет посуду.

Геннадий. Ты за него замуж собираешься?

Таня. А тебе что?

Геннадий. Он старик... Ему, наверно, за тридцать.

Таня. И что?

Геннадий. У него плешь намечается...

Таня. Подумаешь! *(Пошла на кухню.)*

Геннадий. Погоди... Не уходи.

Таня. Ну?

Геннадий. Я сегодня уезжаю.

Таня. Что скоро?

Геннадий. Отец мчится дела улаживать.

Таня. На будущий год приедешь?

Геннадий. Не знаю.

Таня. Ну, счастливо! *(Пошла.)*

Геннадий. Погоди, говорю!

Таня остановилась.

Я тебе тут... купил... на память... духи... флакон... *(Вынимает из кармана маленький флакончик духов — «пробные»,— ставит его на кончик обеденного стола.)*

Таня. Что это ты еще выдумал?

Г е н н а д и й. На память... Хотел побольше, да деньги тут на одну вещицу истратил... Но все равно — пахнет...

Т а н я. Спасибо. *(Пошла.)*

Г е н н а д и й. Не уходи... пожалуйста... погоди.

Таня останавливается.

Помнишь, три года тому назад я к вам в первый раз в эту комнату вошел?.. Отец послал штопор одолжить — ты вот тут, у окна, цветы поливала... Еще ты в школьной форме тогда была... Вот на этом самом пороге я и влюбился в тебя без памяти... в ту же секунду... Третий год о тебе одной думаю... Уезжаю к себе, и так у меня на душе легко!.. Живу и все радуюсь... потому что ты у меня есть... И целый год мечтаю: в Москву поеду, ее увижу... А к вашему дому подхожу — ноги сами несут. Если бы не отец рядом, бегом бы бежал... И Москва-то для меня другой смысл приобрела, потому что ты в ней живешь... Ты ведь и сама не знаешь, до чего ты хороша!.. Любовь ты моя! Украшение ты моей жизни! Я тебя необыкновенно люблю! Дрянь я, это я и сам знаю... Только я из себя все потроха вытащу и в речке прополощу... Уеду сегодня и уж никогда сюда не приеду — твердо решил, слово себе дал! Потому и говорю все... Я уж давно этими словами мучаюсь... Не могу я их не сказать тебе... Вот говорю и еще сильнее люблю тебя, еше горячее... Откуда ты такая для меня взялась?! Чудо какое-то! И не сердись на меня, любовь моя, не сердись. Уходи теперь, я ведь без конца о тебе говорить могу, уходи.

Таня стоит на месте.

Уходи, тебе говорю, слышишь?

Таня не двигается. Г е н н а д и й закрывает лицо руками и убегает. Входит К л а в д и я В а с и л ь е в н а.

Т а н я *(увидев мать)*. Мама, откуда у него такие слова взялись?

К л а в д и я В а с и л ь е в н а. У Леонида Павловича?

Т а н я. Что ты!.. Давайте все чай пить — Леночка отошла и утихла.

К л а в д и я В а с и л ь е в н а. Вот и хорошо.

Пошли на кухню. Вбегают К о л я и М а р и н а.

М а р и н а *(она очень возбуждена).* Только не говори никому! Коля, умоляю — не говори!

К о л я. Марина, не волнуйся!.. Ты успокойся, ну прошу тебя! Мы только маме скажем, посоветуемся.

М а р и н а. Ну зачем, зачем ей это надо было?! Ты знаешь, что она мне крикнула? «Для тебя ведь, Маринка, старалась, для тебя!» Да разве мне это надо в жизни? Как я теперь всем в глаза смотреть буду?

К о л я. Ну, пойдем к маме, пойдем.

Входит Т а н я.

Т а н я. Садитесь все чай пить.

К о л я. Погоди. Мама там? *(Показал на кухню.)*

Т а н я. Да.

К о л я. Идем, Марина.

Ушли. Таня накрывает на стол. Входят Л е о н и д, Ф е д о р, Л е н о ч к а. Видно, что Федор совершенно как потерянный.

Л е н о ч к а *(показывая на оставленный посреди комнаты аккордеон).* Смотрите, так и не взял свою музыку.

Л е о н и д. Кретин, а ведь тоже с самомнением, заметили? Я, Танюша, просто любуюсь, как у вас все в руках кипит.

Т а н я. Леонид Павлович, наклоните, пожалуйста, голову.

Л е о н и д. Зачем?

Т а н я. Пожалуйста, на одну секунду.

Л е о н и д *(шутливо).* Кланяюсь вам. *(Наклоняет голову.)*

Т а н я. Действительно...

Л е о н и д. Что?

Т а н я. Так. *(Ушла.)*

Л е о н и д. Ничего не понимаю.

Ф е д о р. По-моему, она тебе на лысину посмотрела.

Л е н о ч к а. Еще совсем девчонка! Так ты, Федя, только постарайся не вступать в разговор.

Ф е д о р. Да-да, сделайте это как-нибудь без меня. *(Леночке.)* Когда ты упаковывала чемоданы, мне почему-то так тоскливо стало! Прости, пожалуйста.

Леонид. Какое ты еще дитё, Федя! Даже завидно. В жизни очень часто приходится решать: или — или. И всегда это неприятно.

Входит Лапшин.

Лапшин. Прощения просим. Мне бы Клавдию Васильевну на одно мгновение ока.

Леночка *(зовет)*. Мама!

Входит Клавдия Васильевна.

Лапшин *(тихо, Клавдии Васильевне)*. Таисью-то, говорят, сцапали. Верно ли это, Клавдия Васильевна?

Клавдия Васильевна. Откуда вы это слышали?

Лапшин. Так ведь в доме-то гудят.

Клавдия Васильевна. Может быть, это по ошибке.

Лапшин. Невинных-то людей зря хватать не будут.

Входят Коля и Марина.

Марина *(подойдя к Лапшину)*. Иван Никитич, мама сегодня домой, наверное, не придет... она задержится... А вы уже уезжаете, я слышала... Она мне сказала, что должна вам... Так я отдам... вышлю... Вы оставьте мне ваш адрес...

Лапшин. Ничего она мне не должна... Чего ты выдумала? И никаких отношений у нас с ней не было... Вы тут меня не путайте! Собираться пора. *(Ушел.)*

Коля *(Марине)*. Ты не обращай на него внимания, Марина.

Марина. Коля, ты сейчас не ходи со мной.

Коля. Почему, Марина?

Марина. Дай мне побыть одной. Я около Зойки посижу.

Клавдия Васильевна. Ты умная девочка, Марина. *(Целует ее.)*

Марина уходит.

Коля. Нехорошо ее оставлять.

Клавдия Васильевна. Не трогай. Человеку надо иногда побыть одному.

Входят Таня и Олег.

Т а н я. Садитесь все к столу.

Все рассаживаются у стола.

Мама, надо и Лапшиных позвать, они же скоро уезжают.

Л е н о ч к а. Давайте лучше в своем кругу.

Т а н я. Все равно у нас гости — Леонид Павлович.

Л е о н и д. Меня смело можете считать за своего.

Т а н я. Ну, а Лапшиных тем более. Вы же сами нагадали мне, что я за Геннадия замуж выйду. Надо же жениха чаем напоить перед дорогой.

К л а в д и я В а с и л ь е в н а. Что же тебе еще нагадал Леонид Павлович?

Л е о н и д. Танечка, это между нами.

Т а н я. Да, вряд ли кому интересно слушать. *(Идет к двери, зовет.)* Иван Никитич, Гена, идите чай пить.

Л е н о ч к а. Я же сказала — не надо.

Т а н я. Вот когда у тебя будет своя квартира, там и распоряжайся.

Входит Л а п ш и н. В дверях робко жмется Г е н н а д и й.

К л а в д и я В а с и л ь е в н а. Чайку на дорогу, Иван Никитич! Гена, садись.

Л а п ш и н *(садясь к столу)*. Прижились мы тут у вас, прямо как дома. Садись, Геннадий, садись — уважим.

Геннадий садится к кончику стола вдалеке от Тани и не смотрит на нее.

Хорошо у вас, дружно, душа отдыхает. Домой-то приедешь, пойдешь вертеться. Что-то все теперь перепуталось у меня в голове, не поймешь, чего люди хотят...

Г е н н а д и й *(вдруг)*. Отец, я тут у тебя из кармана сотню вытянул, на, возьми обратно. *(Достает деньги, протягивает отцу.)*

Л а п ш и н *(растерявшись)*. Как это «вытянул»? Ты чего мелешь-то, соображаешь?

Г е н н а д и й. Из твоего пиджака. Ты тут на стуле утром его оставил, я и залез.

Лапшин *(смеется).* Этакой ты балбес, Генка! Вытянул! Одолжил у отца — подумаешь, дело! Да ты понимаешь, что люди-то про тебя подумать могут?! Скажешь ведь тоже... Оставь, оставь себе, дарю! *(Ко всем.)* Сам ведь зарабатывает, только я у него в общий, значит, котел... в семью требую. Не хватило на карманные-то, значит...

Геннадий. Возьми, не надо мне.

Лапшин. Дарю.

Геннадий. Бери, говорю. *(Отдает деньги отцу.)* Это я у Федора Васильевича одолжил. Из получки вышлю, запомни.

Олег вдруг выскакивает из-за стола, бежит в коридор.

Клавдия Васильевна. Куда ты, Олег?

Олег вносит аквариум, разворачивает его.

Олег. Видали?

Коля. Откуда это у тебя?

Олег. Это мне один человек подарил. Хороший-прехороший! Вон они какие красивые — лучше тех! *(Ставит аквариум на окно.)* И подойти к ним теперь легче!..

Клавдия Васильевна. Ты бы помолчал об этом, Олег.

Леночка. Ничего, мама, я успокоилась. Дядя Вася обещал починить. Да и что можно взять с глупого мальчишки, особенно такого...

Клавдия Васильевна. Когда у вас будут дети, Леночка, вы узнаете, как нелегко их воспитывать.

Леночка. Ну, эта радость нам не к спеху, мы еще пожить хотим...

Клавдия Васильевна. И все-таки это большая радость, Леночка.

Леночка. Есть и другие удовольствия, мама.

Олег. Барахло покупать.

Клавдия Васильевна. Когда старшие разговаривают, тебе лучше помолчать, Олег.

Таня. Устами младенца...

Леночка. Честное слово, это смешно! Мы с Федором покупаем самое необходимое, а вас почему-то это раздражает.

Клавдия Васильевна. Не раздражает, а беспокоит, Леночка.

Л е о н и д. Политика нашего государства в этом вопросе совершенно ясна — максимальное удовлетворение нужд трудящихся. Я думаю, вы здесь заблуждаетесь, Клавдия Васильевна.

Л е н о ч к а. Совершенно верно! Зачем же тогда строят так много красивых, больших домов? Зачем дают прекрасные квартиры? Зачем в магазинах продают ковры, хрусталь, дорогую мебель, сервизы, картины?

К л а в д и я В а с и л ь е в н а. Да ведь никто же не предлагает продавать за эти блага и удобства свою душу!

Л е н о ч к а. А кто продает, кто? Федор все зарабатывает самым честным трудом. Кажется, мы живем не какими-нибудь махинациями и спекуляциями.

Ф е д о р. И все-таки, Леночка, мама говорит правильно.

Л е н о ч к а. Что правильно, что?

К л а в д и я В а с и л ь е в н а. Я говорю, Леночка, о том, что человек может иногда продать в себе нечто очень дорогое, что он уже никогда не купит ни за какие деньги. Продать то, что представляет истинную красоту человека. Продать свою доброту, отзывчивость, сердечность, даже талант.

Л е н о ч к а. Но кто же из нас продает что-нибудь, кто?

К л а в д и я В а с и л ь е в н а. Разве я против материального благополучия?.. Что вы!.. Когда я осталась с ними, четверыми, одна, поверьте, я знала, что такое «трудное житье». И когда я выкроила, помню, Федору на первый в его жизни костюм — он тогда в университет пошел,— поверьте, я была гораздо больше счастлива, чем он сам.

Ф е д о р *(смеется)*. Ты не обижайся, мама, но мне тогда это было решительно безразлично!

К л а в д и я В а с и л ь е в н а. Конечно, тогда ты искал других радостей жизни. Ты понимал их, ты старался их добыть.

Ф е д о р. Мама, меня и сейчас интересуют совсем не вещи.

К л а в д и я В а с и л ь е в н а. А что?

Л е н о ч к а. Мама, Федя действительно сейчас имеет много дополнительной работы, но нам надо купить и то, и другое, и третье... Мне самой его жаль, но это временно — когда мы заведем все...

К л а в д и я В а с и л ь е в н а. У человека слишком коротка жизнь,

Леночка, чтобы он даже временно изменял своим большим желаниям. Так он никогда не успеет дойти до цели.

Таня *(Леночке)*. Ты никогда не заведешь все.

Леночка. Почему это?

Таня. Потому что ты — прорва!

Федор. Татьяна, сейчас же извинись перед Леночкой.

Леночка. Не надо, Федя, все совершенно ясно. Мама, к сожалению, произошла самая прозаическая вещь. Я ее боялась и тогда, когда входила в вашу семью. Вместе нам трудно. И знаете, лучше не обострять отношений. Мы с Федором сегодня же оставим вас в покое.

Клавдия Васильевна. То есть?

Леночка. Нам лучше жить врозь. Все равно мы осенью переехали бы. Но у нас есть возможность и сейчас... И, честное слово, это надо сделать... Вам будет гораздо спокойнее без нас.

Клавдия Васильевна. Куда же ты уезжаешь, Федор?

Федор *(сумрачно)*. У Леонида квартира пустая, родители приедут не скоро... Мы пока к нему...

Клавдия Васильевна. Ты это решил твердо?

Леночка. Да.

Клавдия Васильевна. Я спрашиваю Федора.

Федор. Да.

Леонид *(беззаботно)*. Действительно, Клавдия Васильевна, у меня просторно, пусть поживут. Поверьте — лучше будет вам всем.

Коля. Что ты выдумал, Федор!

Таня. Это он не сам выдумал.

Федор. Сам! Слышите, это я решил сам! Для вас же!

Лапшин. А что, Клавдия Васильевна, пускай поживут отдельно. Федор-то Васильевич уже на ногах стоит, не страшно.

Олег. Ты уходишь от нас, Федя?

Леночка. Мы, конечно, будем вам помогать, мама...

Клавдия Васильевна. Сто рублей в месяц?

Леночка. Нет, почему же... мы можем больше...

Клавдия Васильевна. Я не продаю детей, Елена Григорьевна!

Леночка. В конце концов, я ничего не понимаю! Федор — мой муж, мы взрослые люди...

Клавдия Васильевна *(перебивая)*. Вы отлично все понимаете, Елена! *(Федору.)* А ты-то, ты понимаешь все?

Федор. Мама, ну что действительно особенного...

Клавдия Васильевна *(резко)*. Я прошу тебя не изворачиваться.

Леночка. Мама, мы, может быть, продолжим этот разговор с глазу на глаз?

Клавдия Васильевна. Мне решительно никто не мешает!

Олег. Только трусы боятся чужих ушей!

Клавдия Васильевна *(Федору)*. Ты сейчас решаешь главный вопрос своей жизни.

Леночка *(плачет)*. Вы злая женщина, вы просто хотите развести меня с Федором.

Таня. Не смей так говорить о матери!

Олег. Федя, она тебя без нас съест.

Леночка. Когда Федор отдавал вам все деньги, покупал вам всякие вещи, вы относились к нему совсем иначе.

Федор. Лена, перестань!

Олег. Мы его... из-за денег!... Мы!.. *(Вдруг достает из кармана перочинный нож, кладет его на стол.)* Нате, берите! *(Вынимает из стола карманный фонарик, тоже кладет на стол.)* Нате! *(Приносит из коридора футбольный мяч, тоже бросает на стол.)* Нате!

Клавдия Васильевна *(Федору)*. Ты мне жаловался, что Перевозчиков еле кланяется тебе,— скоро он совсем перестанет с тобой здороваться.

Лапшин. Клавдия Васильевна, такова наша родительская участь: растим их, растим, а потом приходит какая-нибудь краля и забирает в свою собственность. Закон жизни!

Клавдия Васильевна. Я воспитывала детей, Иван Никитич, не в чью-нибудь собственность, а для людей и для них самих. *(Долго смотрит на Федора.)* Я не возражаю, Федор, можете переезжать! *(Ушла к себе.)*

За ней пошли Таня, Коля и Олег.

Федор. Я не могу сейчас уйти из дома, ты понимаешь, Леночка? Я здесь родился, вырос...

Л е н о ч к а. Если ты не уйдешь сейчас, ты не уйдешь никогда.

Ф е д о р. Не сейчас, не сейчас!

Л е н о ч к а. Ну хорошо, я уйду одна, ты уж мне становишься противен своей беспринципностью! Леонид, скажи ему...

Л е о н и д. Нет-нет, я не вмешиваюсь, у него у самого есть сила воли, и он решит.

Л е н о ч к а. Во всяком случае, я иду взять вещи. *(Ушла.)*

Л е о н и д. Ну не будь дураком, она действительно может уйти. Иди, иди к ней!

Ф е д о р. Леня, ты мне друг, ну скажи, скажи, что мне делать? Ведь мама права, я куда-то лечу, лечу вниз... Я совсем забросил научную работу, мне самому осточертели мои статьи и эта моя суета в жизни... Я ведь совсем не этого хотел!.. Леня, я говорю с тобой о самом тайном!.. Ты знаешь, иногда мне кажется — я заору, замахаю руками... взбешусь!.. *(Прошелся по комнате.)* Леночка немножко не понимает меня.

Л е о н и д. Женщины никогда не понимают склада мужского ума. Это им недоступно, знай! Она молоденькая, хорошенькая, ей хочется повертеться, пустить пыль в глаза другим, это молодость, чепуха! Пройдет! Она любит тебя, ты — ее, вот самое главное! Что же вы будете ссориться из-за пустяков!

Ф е д о р. Это же не пустяки, Леня!

Л е о н и д. Поверь мне — пустяки, мелочь! Ты здесь издергался. У меня тебе будет спокойнее. Идем, я помирю вас.

Ф е д о р. Что делать, что делать — не знаю!

Л е о н и д уводит Ф е д о р а в комнату, где Леночка.

Л а п ш и н. Вон как шумят... *(Сыну.)* Ты что мне деньги-то при всех совал?

Г е н н а д и й. А что?

Л а п ш и н. Да ты понимаешь, что про меня люди-то подумать могут?! У Лапшина сын — ворюга! Вытянул, так и молчи, коли не попался! Нарочно, что ли, опозорить захотел? Иди-ка сюда!

Г е н н а д и й *(отбежал в дальний угол комнаты, прижался там)*. Не пойду.

Лапшин. Иди, хуже будет. *(Грозно идет на Геннадия. Подошел к нему вплотную, замахнулся на сына кулаком.)*

Геннадий схватил отца за руку.

Ты чего? Пусти руку!

Геннадий гнет отца к земле.

Пусти, говорю! Откормил жеребца!

Геннадий пригибает отца все ниже и ниже к полу.

Пусти, больно! Пусти, увидеть могут... Пусти, заору!

Геннадий *(отпускает руку отца).* Не трогай больше... И мать не смей...

Лапшин *(вдруг улыбнулся, подошел к сыну, потрепал его по щеке).* Здоров!.. Идем, ехать пора.

Геннадий. Иди вперед. Иди, говорю!

Лапшин и Геннадий уходят. Входит Федор, в руках у него папка, листы бумаги.

Федор. Мама!

Входит Клавдия Васильевна.

Мама, пожалуйста, я тебя прошу — убери куда-нибудь, но чтобы никто не трогал.

Клавдия Васильевна. Что это?

Федор. Та рукопись... главная...

Клавдия Васильевна. Хорошо. *(Взяла рукопись и ушла в свою комнату.)*

Входит Олег. Он бросает еще на стол ремень. Братья молчат.

Олег. Я сразу двоих выгнал, а ты не можешь одну! Эх ты!

Федор. Олежка, я, может быть, еще вернусь... Знаешь... может быть...

Олег *(увидел аккордеон на полу).* Гена аккордеон забыл. *(Взял аккордеон и убежал в прихожую.)*

Входит Клавдия Васильевна.

Клавдия Васильевна *(Федору).* Я заперла ее в верхний ящик комода.

Федор *(тихо, матери).* Ты снова хочешь, как тогда?

Клавдия Васльевна. Что?

Федор. Чтобы я умер?

Клавдия Васильевна. Ключ всегда будет висеть здесь. *(Вешает ключ на гвоздь под портретом мужа.)*

Входят Леночка и Леонид. Они с чемоданами.

Леночка *(Федору).* Возьми помоги. *(Отдает ему чемодан.)*

Входят Таня и Коля.

Леонид. Танечка, мы с вами еще будем видеться.

Таня. Где же?

Леонид. Здесь или вы можете приходить к нам.

Таня. Нет, я не приду к вам. Вы были со мной сегодня откровенны впервые, и я благодарю вас. Только я вам советую: не откровенничайте. Лучше улыбайтесь, как сейчас, это все-таки может обмануть... и убить в другом хорошее.

Леонид. Ничего не понимаю!

С чемоданами в руках входят Лапшин и Геннадий. За ними — Олег.

Лапшин. Ну, счастливо вам оставаться. *(Прощается со всеми за руку. Задержался около Тани.)* Татьяна, я тут адресок свой написал, передай Марине. Что-то она мне толковала, Таисья-то мне должна, кажется, не помню... Может, и должна... Так ты адресок и передай.

Таня взяла записку. Геннадий тоже прощается со всеми, но не подошел к Тане.

Таня *(Геннадию).* Что же ты мне руки не подаешь на прощание?

Геннадий опрометью, расталкивая всех, бросается к Тане, жмет ей руку.

На будущий год приедешь?

Геннадий. Нынче же, осенью.

Таня *(тихо)*. Я тебе напишу, у меня твой адрес есть.

Олег *(прощаясь с Геннадием)*. Спасибо тебе за рыб, большое спасибо! Ты прямо к нам приезжай — места хватит. Ты мне нравишься! *(Обнимает Геннадия, целует его.)*

Геннадий. Эх ты, мелюзга! *(Тоже целует Олега.)*

Лапшин. Пошли, Геннадий!

Геннадий. Иду!

Лапшины ушли.

Леночка. Ну, вот и мы следом. Присядем на дорогу.

Леонид, Федор, Леночка сели. Таня, Олег, Коля, увидев, что Клавдия Васильевна стоит, тоже не садятся. Леонид, Федор и Леночка поднимаются.

Федор. Скажи что-нибудь, мама.

Клавдия Васильевна молчит.

Леночка. Идем, Федя!

Федор, Леночка, Леонид ушли. Пауза.

Клавдия Васильевна. Ну, будет кто-нибудь еще пить чай?

Таня. Нет, мама.

Клавдия Васильевна. Тогда ложитесь спать, уже поздно. Завтра у всех много дел.

Таня начинает убирать со стола. Олег пошел за раскладушкой, принес ее.

Коля. Мама, если Марина с Зойкой останется одна, я знаешь что решил?

Клавдия Васильевна. Что, Коля?

Коля. Я не буду поступать на дневной, я устроюсь в вечерний или заочный. Стану им помогать. Ей ведь трудно придется. Ты не возражаешь?

Клавдия Васильевна. Конечно, не возражаю. Коля.

Коля. И ты сходи к ней сейчас, узнай... Мне так поздно неудобно в дом...

Клавдия Васильевна. Хорошо. *(Накинула платок, вышла.)*

Олег и Коля устраиваются за ширмой. Таня села к столу, вынула записку, которую ей дал Лапшин, переписала адрес на другую бумажку и ушла.

Входит дядя Вася, в руках у него маленький детский стульчик.

Дядя Вася. Колюха, не спишь?

Коля. Еще нет, дядя Вася.

Дядя Вася. Посмотри, чего я смастерил. *(Показывает Коле стульчик.)* Внучке. Завтра ей ровно год исполняется. Видал — денек-то и не пропал даром. Вещь!

Коля *(разглядывает стульчик)*. Хорошо, дядя Вася.

Дядя Вася *(довольный)*. А ведь я не столяр, а слесарь — смекнул?.. Ложись, к шести в мастерские. Спокойной ночи! *(Ушел.)*

Вошла Клавдия Васильевна.

Клавдия Васильевна. У нее, Коля, народу полно — успокаивают. Лобова с ней и ночевать останется. Спи спокойно. *(Ушла.)*

Олег и Коля за ширмой.

Олег. Коля, а Федору, наверное, сейчас трудно.

Коля. Не маленький.

Олег. А он вернется?

Коля. Не знаю.

Олег. Коля, мне его жаль. Наверное, в жизни самое трудное — быть принципиальным. Да? А ты знаешь, я девчонок-то этих выгнал! Разлюбил начисто! Но как-то на душе пусто... Я думаю вот что: у нас в редколлегии еще такая Инночка есть, блондиночка, симпатичная... Она мне и раньше нравилась...

Коля. Ложись спать.

Олег. Я когда у Геннадия в комнате сидел, стихи в уме сочинил. Хочешь послушать?

Коля. Читай.

Олег.

«Как будто в начале дороги
Стою, собираясь в путь, —
Крепче несите, ноги,
Не дайте с дороги свернуть!
Знаю, тропинки бывают,
Ведущие в тихий уют,
Где гадины гнезда свивают,
Где жалкие твари живут.
Нет мне туда дороги,
Пути в эти заросли нет!
Крепче несите, ноги,
В мир недобытых побед!»
(Кончил читать. Пауза.) Ну, как?

Коля. Подходяще.

Клавдия Васильевна *(входя)*. Я сказала — спать!

Ребята захлопнули две створки ширмы, и на ширме появились их рубашки и брюки. Свет за ширмой погас.

Таня *(показываясь из спальни)*. Мама, иди спать.

Клавдия Васильевна. Сейчас. *(Села к столу, задумалась.)*

Над ширмой показалась голова Коли.

Коля. Мама, иди ложись...

Таня. Мы тебя любим!

Над ширмой показалась голова Олега.

Олег. Не бойся за нас, мама!

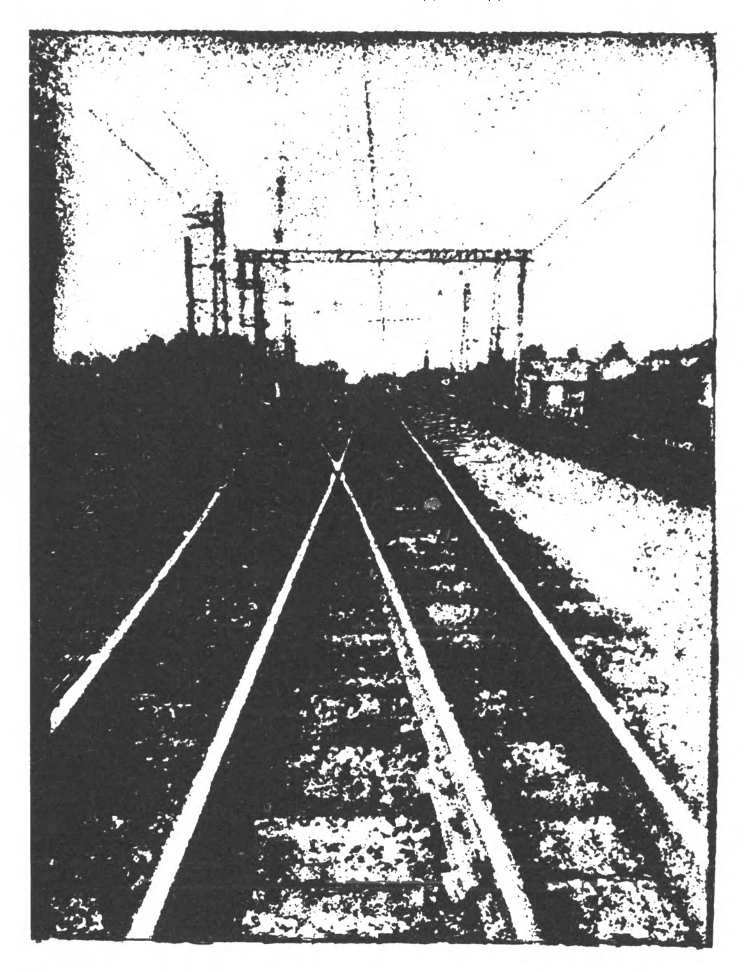
Клавдия Васильевна потушила в комнате свет, прошла вместе с Таней к себе. Тихо, темно. Только лунный луч падает на аквариум, освещая уснувших рыбок.

Занавес

1956

В ДОРОГЕ

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ВОВА.
ДЕВУШКА.
ОТЕЦ ВОВЫ.
МАТЬ ВОВЫ.
ДЯДЯ ВАСЯ —
брат отца Вовы.
АННА ИЛЬИНИЧНА —
его жена.
СИМА —
их дочь.
МИТЯ, ФРОЛОВ, ДЕВУШКА, ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ, ВТОРОЙ ПАРЕНЬ, ТРЕТИЙ ПАРЕНЬ — *друзья Симы.*
ПРОВОДНИЦА ВАГОНА.
ГРАЖДАНИН В ПОЕЗДЕ.
ЖЕНЩИНА-КОЛХОЗНИЦА.
МУЖ КОЛХОЗНИЦЫ.
ОБХОДЧИК ПУТЕЙ.
ЖЕНА ОБХОДЧИКА.
ШОФЕР.
ХОЗЯЙКА.
СТАРИЧОК.
ПАЛЬЧИКОВ.
САПУНОВ.
ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ.
БЕЛЬЕВЩИЦА В ОБЩЕЖИТИИ.
ПАРЕНЕК.
ГРАЖДАНИН.
ЖЕНЩИНА.
ДЕЖУРНАЯ ПО СТАНЦИИ.
СТАРШИЙ КОНТРОЛЕР.
МОЛОДОЙ КОНТРОЛЕР.
АНДРЕЙ ДАНИЛЫЧ.
ДЕМИН —
шофер.
ИЛЬЯ ПЕТРОВИЧ.
ПАВЕЛ.
ПАРЕНЬ.
ГАЛЯ.
ТАМАРА.
МАСТЕР.
МЕДСЕСТРА.
ЖЕНЩИНА-ВРАЧ.
САНИТАР.
ШАПКИН.
НЯНЯ.
МАСТЕР.
ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ.
ВТОРОЙ ПАРЕНЬ.
ГРУППА
ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Вечерняя улица Горького. Здание Центрального телеграфа. Д е в у ш к а ждет кого-то. Идет В о в а, идет не спеша, нехотя, вразвалку.

Д е в у ш к а. Ты что опаздываешь?

В о в а. Без претензий.

Д е в у ш к а. На работе задержался?

В о в а. Я уже взял расчет.

Д е в у ш к а. Опять?

В о в а. Опять.

Д е в у ш к а. Конечно, чего тебе на этой товарной вагоны гонять после десятилетки-то!

В о в а. Факт! Меня должны были сразу выбрать президентом Академии наук вместо Келдыша.

Д е в у ш к а. Я скучала без тебя... А ты?

Пошли по улице.

В о в а. Я вообще скучаю.

Д е в у ш к а. Вовка, скажи, о чем ты все время думаешь, думаешь?

В о в а. Мозги есть, вот и думаю.

Д е в у ш к а. У меня тоже есть.

В о в а. У тебя нет тех извилин.

Д е в у ш к а. И слава богу.

В о в а. Вероятно.

Д е в у ш к а. Сойдешь с ума.

В о в а. Не исключено.

Д е в у ш к а. Ну все-таки скажи, о чем?

В о в а *(полусерьезно)*. О том, что мир несовершенен.

Д е в у ш к а. Ну и черт с ним, тебе-то что!

В о в а. Пусть вертится в таком виде?

Д е в у ш к а. Факт.

В о в а *(с грустью)*. В самом деле — пусть!

Д е в у ш к а *(достала из сумки свою фотографию)*. Хочешь, подарю?

В о в а *(безразлично)*. Конечно. *(Взял фото, спрятал в карман пиджака.)*

Д е в у ш к а. Вовка, не старайся быть лучше других — людям не нравится, когда другие лучше их, я замечала.

В о в а. Хорошо, буду последним подонком — устраивает?

Д е в у ш к а. Последним — это слишком.

В о в а. Средним — не желаю!

Д е в у ш к а. Зайдем в кафе, потанцуем.

В о в а. Скуку мять? Пойдем по улицам.

Д е в у ш к а. Куда?

В о в а. Куда глаза глядят... Эх, хорошо бы побывать у черта на куличках. Там, наверное, интересно.

Уходят.

ДОМА У ВОВЫ

Очень поздно. Свет в комнатах притушен. О т е ц читает. М а т ь ходит по комнате из угла в угол.

О т е ц. Ложись спать, Ольга, половина второго.

М а т ь. Едва ли нам с тобой придется поехать, Костя. Нельзя оставлять его одного. Совсем пропадет.

О т е ц. Да, придется не ездить.

М а т ь. Костя, ну что с ним делать?

О т е ц *(отложил книгу, да и вообще было видно, что не книгой были заняты его мысли)*. Сам не знаю. Есть у него все, не к чему ему стремиться. Вот он и бесится. Ты вспомни нашу с тобой молодость...

М а т ь. Нет, Костя, нет. Все люди должны жить свободными от материальной зависимости.

О т е ц *(вспылив).* А я тебе говорю — да! Мы сами во всем виноваты — ты и я.

Слышно, как в прихожей хлопнула входная дверь. Шаги по паркету. Это Вова прошел в свою комнату.

Владимир!

Г о л о с В о в ы. Что?

О т е ц. Зайди к нам.

Г о л о с В о в ы. Я спать ложусь.

О т е ц. Иди сюда, я тебе сказал.

Входит В о в а. Стоит в дверях.

Ты хотя бы поздоровался.

М а т ь. Он, наверное, думал, что мы спим.

В о в а. Здравствуйте.

О т е ц. Ты считаешь нормальным, что мы ждем тебя до двух часов ночи?

В о в а. Нет, вам давно пора было лечь спать.

О т е ц. Вот что, Владимир...

В о в а. Папа, можно попросить об одном одолжении?

О т е ц. Да?..

В о в а. Пожалуйста, хотя бы сейчас, ночью, не учите меня быть хорошим. Мне и так тошно.

О т е ц *(кричит).* Что тебе «тошно»? Что?

М а т ь. Подожди, Костя. *(Сыну.)* Что с тобой?

Вова молчит.

До десятого класса ты учился прекрасно, особенно по физике...

В о в а. Только потому, что ты ее преподавала... Перед ребятами было неловко, могли подумать, что по блату отметки ставишь, вот и зубрил как проклятый.

М а т ь. Неправда. Я всегда могу отличить способного ученика от прилежного... Может быть, это и чересчур, но мне казалось, у тебя есть даже талант. Это большая редкость, Володя. Почему ты бросил все?

В о в а. Быть физиком противно.

М а т ь. Странно, Вова. Сейчас большинство мальчиков увлечено физикой и вообще точными науками...

В о в а. Я принадлежу к меньшинству.

О т е ц. Он просто не может обосновать своего сумасбродства.

В о в а. Я не хочу быть физиком потому, что не люблю науку.

О т е ц. Почему?

В о в а. Пóтому что люди изобретают цветное телевидение и магнитофон, готовы открыть тайну белка и улететь на Луну, но от этого не делаются ни честнее, ни счастливее.

О т е ц. Ты посмотри, какая у него чепуха в голове! Ты кончил десять классов, и ты должен...

В о в а. Я никому ничего не должен! Не успел я появиться на свет, только и слышу — ты должен, ты должен, ты должен! Я ни у кого ничего не просил в долг!

О т е ц *(горячо)*. Я знаю, почему ты такой! Мы с мамой за тебя вечно напрягали свои мускулы, свой мозг, все делали за тебя. Вот твои мускулы и дряблые, ленивые, рыхлые!

В о в а *(вскочил)*. Так зачем же вы это делали? Я вас просил об этом?

М а т ь. Но школа дала тебе понятия о жизни...

В о в а. Какие понятия, какие?! Одно вранье!.. Все десять классов только и твердили: «Ах, жизнь прекрасна!», «Ах, тебя ждет радость!», «Ах, кругом все замечательно!..» Где все замечательное? Где меня ждут с распростертыми объятиями?! Реальность не соответствует вашим школьным учебникам... ответ не тот — в задачнике опечатка.

О т е ц *(яростно)*. Ты ничего не хочешь принимать в жизни — ни хорошего, ни плохого.

В о в а. Неправда! Я люблю все хорошее. А ты доволен и хорошим и плохим! Привык!

О т е ц *(не слушая)*. Ты и тебе подобные приходите на все готовенькое, рассуждаете, осуждаете и только рожи кислые делаете!

В о в а. На что готовенькое? На что?.. Ты так любишь читать газеты — что в мире готовенького?! Ты, наверное, подразумеваешь эту квартирку, что недавно получили, обед... кусок хлеба... Ты очень узко мыслишь — вот и все.

М а т ь. Не смей так говорить, Володя! Ты родился в сорок втором году, отец получил это известие, когда был на фронте под Ростовом. Они там, в сыром окопе, пили за твой день! За тебя!! Когда отец вернулся, тебе шел четвертый год, тогда он впервые увидел тебя... И он мне сказал: это ты вывел его из войны живым, потому что он все время думал о тебе! У него был ты, у него был ты!

В о в а. Я не люблю сантименты, мама.

О т е ц. Не смей ему ничего рассказывать! Не смей! Это бесчувственная скотина, чурбан!..

В о в а. Ну, пошло!

О т е ц *(матери)*. Слышишь, слышишь?!

В о в а. В конце концов, все ваши аргументы сводятся к ругани.

Тяжелая пауза.

М а т ь. Я отчасти согласна с тобой, Володя: мы еще по инерции кормим вас в школе манной кашей и вареньем. Но ты довольно любознательный мальчик и, вероятно, считаешь себя не глупцом; думаю, это заслуга и школы...

В о в а. Можно, я лягу спать?

М а т ь. Ложись. Помни, Вова: дорога к истине — только одна, путей к заблуждению — сколько угодно.

В о в а. Может быть, это тоже не истина, мама.

КОМНАТА ВОВЫ

В о в а спит. Тихо отворяется дверь, входит М а т ь. Она подходит к Володе, прислушивается к его дыханию, садится рядом, смотрит на него, гладит по голове.

М а т ь. Дурачок ты, дурачок. Задал ты нам задачу... Так страшно за тебя!.. И книги ты читаешь хорошие... Абонемент на какие-то лекции купил... ходишь... слушаешь... чего-то ищешь. Вот уж правильно говорят: маленькие дети — маленькие заботы, большие дети... Если бы ты мог чувствовать, что ты для нас значишь... Вот ты растешь, а мы все думаем, а вдруг он будет хорошим-

прехорошим, а вдруг он будет умным-преумным, таким прекрасным! А мы будем радоваться... молчать и радоваться!.. Ты — самое дорогое для нас на свете... *(Снова гладит сына по голове.)* Кутя ты моя, кутя! Бунтовщик ты мой! *(Вдруг Мать замечает, что по щекам Володи текут слезы.)* Ты плачешь!.. Ты не спишь? Ты не спишь, Вова?..

Вова не отвечает, не открывает глаз. Мать не может понять — спит он или не спит. Растерялась. Тихо выходит из комнаты. Вова открывает глаза, смотрит ей вслед.

СТОЛОВАЯ В ЭТОМ ЖЕ ДОМЕ

Родители Вовы завтракают. Вова выходит из своей комнаты, сказав «доброе утро», садится к столу. Мать наливает ему чай.

Вова. Я, пожалуй, лучше кофе выпью.
Мать. Хорошо. *(Идет на кухню.)*

Отец и сын некоторое время молчат.

Отец. Как работаешь?
Вова. Я уже взял расчет.
Отец. Опять не нравится? Что так?
Вова. Не знаю.
Отец. Куда теперь?
Вова. Еще не решил.

Вошла Мать, подала кофе. Молча завтракают.

Отец. Он опять не работает.
Мать. Может быть, поедешь с нами в Ессентуки?
Вова. Я не люблю курортную публику.
Мать. Дело не в курорте — нам с отцом надо лечиться.
Отец. Ему тоже лечиться не мешает.
Вова. Мне минеральные воды не помогут.
Отец. Тебе жизнь понюхать надо.

Вова. Нюхаю.

Отец что-то хотел ответить, но Вова предупредил его.

Не будем продолжать вчерашнего диспута, папа. Вы что, боитесь оставить меня одного?

Пауза. Вова понял, что не ошибся.

Да, я вам здорово поперек горла... *(Опять пауза.)* Я бы и сам с удовольствием махнул куда глаза глядят... Да! У нас где-то у черта на рогах какая-то родня есть...

Отец. Во-первых, не у черта, а за Уралом, а во-вторых, не какая-то, а твой дядя, мой родной брат.

Вова. Я бы к нему прокатился. А?

Отец. Не возражаю. Полезно будет. Василий знаменитый партизан был...

Вова. Ты знаешь, для меня все авторитеты относительны.

Мать. Циничен ты, Владимир.

Вова. Ты хочешь, чтобы я говорил не то, что думаю.

Мать. Нет, это было бы еще хуже. Желательно, чтобы ты думал иначе.

Вова. Потерпи. Вероятно, со временем обломаюсь.

Мать. Мы не хотим, чтобы ты «обламывался».

Вова. Все так.

Мать. Ты намекаешь на нас? Но учти: мы росли в более сложное время. Тебе легче. Тебе гораздо легче.

Вова. Мне этого не кажется. Но вы успокойтесь. Я уеду. *(Встает из-за стола.)* Спасибо. *(Уходит к себе.)*

УЛИЦА ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКОГО ПЕРИФЕРИЙНОГО ГОРОДКА

Дядя и племянник идут с вокзала по городу. Дядя несет красивый и большой чемодан племянника. Вова же несет маленький, вроде несессера.

Дядя *(показывая)*. Это Дом колхозника строят. На сорок четыре койки... В два этажа будет...

Пауза. Идут.

Дядя *(надо же что-то говорить)*. Город наш небольшой, не Москва, не Караганда, но с перспективами.

Вова. А теперь, дядя Вася, везде перспективы. Так и живем в одну сплошную перспективу.

Пауза.

Дядя. А вот тут кузня была, ее теперь под механические мастерские оборудуют.

Вова. Вы давно в этом городе живете?

Дядя. Да всю жизнь... Только вот, значит, на войну уходил — выкини четыре года. Ну, в командировку когда... И отец твой тут родился, в этом же доме, где я сейчас живу. Тебе приятно будет отцовское детство-то понюхать? А?

Но Вова не отвечает. Он погружен в свои мысли. И, видимо, сейчас эти мысли ровные, спокойные.

Ясли эти к майским праздникам открыли.

Опять идут молча.

Это баню строят.

Вова. И на сколько шаек?

Дядя. Шаек — не знаю, но веники будут... березовые...

Вова *(смеется)*. Дядя, смотри-ка, вы, оказывается, живой человек!

Дядя *(сухо)*. Свинья ты, братец.

Вова *(грустно)*. Это я знаю.

И снова идут молча.

В ДОМЕ У ДЯДИ

Анна Ильинична вынимает из печки пирог. Сима нехотя и даже зло стелет на стол скатерть, наводит порядок.

Анна Ильинична. Смотри, какой удался! Значит, все хорошо будет. Теперь погляжу ватрушки...

Сима. Подумаешь, цаца едет! Встречу с музыкой затеяли!

А н н а И л ь и н и ч н а. Племянник как-никак, столичный житель, москвич.

С и м а. В сарай бы его на ночевку, в хлев!

А н н а И л ь и н и ч н а. Брат он тебе будет двоюродный.

С и м а. Черта с два — брат! Нет уж, я ему в сестры не пойду.

А н н а И л ь и н и ч н а. Нехорошо так, Симочка, грубо.

С и м а. Ну до чего вы половинчатые! Отец на вокзал пошел — встречать! Сам бы дотащился, адрес, поди, ему дали. Ты пироги затеяла. А сами вчера весь вечер обсуждали, как его к рукам прибрать, переработать, перемолоть.

А н н а И л ь и н и ч н а. Что ж, мы на него собаками кидаться будем? Посмотрим, поглядим. Ты его со своими приятелями познакомь,— может, в волейбольную команду возьмете или на прополку, рыбачить или еще куда.

С и м а. Думаешь, приятно мне такую родню показывать? На смех-то! Еще и меня стилягой окрестят.

А н н а И л ь и н и ч н а. Ты бы переоделась, Симочка.

С и м а. Еще чего!

А н н а И л ь и н и ч н а. Категоричности в тебе много, Серафима.

С и м а. Принципиальности.

А н н а И л ь и н и ч н а *(вытаскивая противень из печки)*. И ватрушки удались.

Входят П е р в ы й п а р е н ь и Д е в у ш к а. Здороваются: «Серафима, привет!»

С и м а. Здравствуйте.

П е р в ы й п а р е н ь. Нет еще?

С и м а. Кого?

П е р в ы й п а р е н ь. Его.

С и м а. Нет.

Д е в у ш к а. Не приехал?

С и м а. Нет.

В окне появляются еще несколько р е б я т и д е в у ш е к, с ними Ф р о л о в.

Второй парень. Не приехал?

Сима. Нет, нет!!!

Девушка. А поезд давно пришел.

Сима. Ну, чего явились... И не приедет. Телеграмму дал... задерживается... Не приедет... *(Сердито сдернула со стола скатерть, нарочно делает беспорядок.)*

Третий парень. Жаль! Посмеялись бы!

Девушка. А я стиляг никогда не видела.

Первый парень. А наши-то!

Девушка. Наши разве всамделишные? А тут московский, настоящий!

Сима. Пошли, пошли! Идите в волейбол играть.

В это время дверь распахивается и входят Дядя Вася и Вова. Все замерли.

Дядя. Вон тебя сколько народу встречает. Знакомься. Это тетка твоя — Анна Ильинична.

Анна Ильинична. Здравствуй, Володенька. Очень, очень мы довольны, что ты приехал. *(Целует Вову троекратно.)*

Дядя. Это сестра твоя Сима — Серафима, значит.

Вова подходит к Симе и целует ее по-братски.

Сима *(отшатываясь)*. Чего ты!

Вова. Ты что?! Не целовалась, что ли, никогда? Была бы не сестренка — поцеловал бы покрепче: симпатичная рожица. Я и не знал, что у меня такая сестричка существует,— уже жить легче!

Дядя. А это ее друзья — школу нынче окончили,— кто работает, кто учиться собирается. Вон Фролов в консерваторию хочет — по нашему городу он первая скрипка, талант.

Во время этой рекомендации Вова здоровается со всеми за руку.

Анна Ильинична. Умойся, Володенька, да и за стол — проголодался, поди.

Дядя. Серафима, проводи — покажи, где и что.

Сима и Вова ушли.

Голоса.

— Настоящий!

— Ох и гонору!

— А рожа смазливая.

— Ты начни его подначивать.

— Только не очень — нехорошо.

Дядя. Ну, братва, попробуем с этим молодым человеком совладать. Мать с отцом, прямо скажу, плачут от него.

Первый парень. Ну и всыпать ему сразу.

Дядя. Всыпать — метод не первого сорта. Уяснить надо, а может, и обласкать. *(Смеется.)* Начнем его легонечко прощупывать. Так сказать, разведку поведем — без боя...

Возвращаются Вова и Сима. Сима переоделась в нарядное платье. Садятся за стол.

Вова. Глазам не верю! Театр! *(Смеется. У него действительно отличное настроение.)*

Дядя. Какие в Москве новости?

Вова. Никаких, все как всегда.

Дядя. Ну уж, скажешь. Мы из газет да из радио знаем — реконструкция там идет.

Вова. Так она с тех пор, как я себя помню, все идет и идет.

Дядя. Ты, значит, в прошлом году школу кончил?

Вова. Да.

Дядя. Работаешь?

Вова. Пытаюсь. Два места уже сменил.

Дядя. Привередничаешь?

Вова. Возможно. Сам не пойму.

Дядя. А ты зацепись за что-нибудь одно.

Вова. Не цепляется, пробовал!

Дядя. Возьми себя в руки.

Вова. Как?

Дядя. Ну, как... *(Сжал кулаки и как бы встряхнул себя — сделал движение, когда люди показывают: «Возьми, мол, себя в руки, крепись».)* Вот так!

Вова *(повторил жест)*. Пробовал и такие движения делать — не помогло.

Дядя. Работать, брат, надо. Труд, он облагораживает человека.

Вова. Возможно.

Дядя. Не я, брат, это сказал — Горький.

Вова. А вы как думаете, это правда?

Дядя. Слова-то Горького?

Вова. Его самого: Алексея Максимовича.

Дядя. Шутить, брат, такими вещами не следует.

Первый парень. Ему просто не хочется работать — сразу институт подай.

Дядя. Ну-ка, ну-ка, Митя, сразись с москвичом, ты парень принципиальный.

Вова. Митя, в том-то и ужас, что я даже в институт не хочу!

Митя. Интересно, а на чей счет ты жить будешь?

Вова. На мамин и папин.

Митя. И тебя это устраивает?

Вова. Вполне. Просто замечательно! Митя, а тебе все ясно в жизни?

Митя *(его тоже заносит)*. Да, все!

Вова. Господи! Мне бы хоть на полчаса такое откровение! Для передышки.

Дядя. Нет, а ты все-таки нам скажи, есть у тебя какие-нибудь желания, мечты? Что бы тебе хотелось сделать этакого, знаешь, замечательного, из ряда вон, а?

Вова. Мечты, дядя, самые прекрасные! Ну, например, истребить на земле всех самодовольных тупиц, жуликов, карьеристов, приспособленцев, подхалимов, двойных душонок.

Дядя. Дело, брат, хорошее, но не легкое...

Вова. А мне кажется — просто невозможное! Вот я и думаю: а может быть, взорвать земной шар к чертовой матери! Уничтожить всех разом! Пускай начнется все сначала, с одноклеточных... Может быть, тем, другим, повезет? А?

Второй парень. Это называется ницшеанство.

Вова. А ты читал Ницше?

Второй парень. Буду я на него время тратить.

Вова. А я потратил — прочел.

Третий парень. Оно и видно.

Вова. Я даже на лекции ходил — там о Канте, о Шопенгауэре говорили...

Девушка. Лекции — это другое дело: там всегда объяснят, как надо понимать то, что читаешь.

Вова. Только все это старомодно.

Первый парень. А тебе, наверное, на всем белом свете нравится только один человек.

Вова. Понял твой исключительно тонкий намек. Скажи, а ты от самого себя в восторге?

Первый парень. Я, конечно, может быть, и не идеал...

Вова. А я хуже всех, хуже всех! Ясно! Ну и что вы от меня хотите?

Дядя. Я ведь чего боюсь, Владимир: такие, как ты, со злости-то да сгоряча могут хуже тех, против кого протестуют, сделаться.

Вова. Товарищи, меня мама с папой воспитывали, лучшие московские учителя старались — так сказать, педагогические светила! — и то ничего не вышло, так что не трудитесь: коэффициент полезного действия будет равен нулю, честное слово! Предупреждаю! Я давным-давно выучил все эти азбучные истины — и А, и Б, и В, и Г... Они у меня в зубах навязли и завязли... Ей-богу, дайте мне отдохнуть.

Митя. От чего отдохнуть?

Второй парень. Устал, бедненький!

Девушка. Подумаешь, какая персона особая приехала! Гений непризнанный!

Вова *(начиная раздражаться)*. Батюшки! Караул! Сдаюсь! *(Поднял руки вверх.)*

Дядя *(начиная сердиться)*. Ты из себя клоуна не изображай. Отец и мать в письме пишут, чтоб мы из тебя человека сделали.

Вова *(опешив)*. Они это написали?

Митя. И мы постараемся.

Вова *(он ошеломлен)*. Человека из меня сделать?! Значит, я не человек? Хорошо! И вы будете из меня человека делать... По образу своему и подобию!.. Дорогая вы моя серость и посредственность!..

Ребята повскакали из-за стола, кричат: «Как не стыдно!», «Это черт те что!», «Безобразие!»

Вова тоже вскочил из-за стола и уронил на пол кусок пирога.

Дядя. Подыми кусок!

Вова. Святой хлеб на пол уронил! Батюшки! Беда!.. Святотатство! Вы его с потом, с трудами, на целине!..

Анна Ильинична. Я же его к твоему приезду пекла, Вовочка!

Голоса.

— Хулиган!

— Стиляга!

— Судить такого!

— Подонок!..

Дядя. Ну вот что, философ ты мой недопеченный, я недаром всю войну начальником партизанского отряда был и одиннадцать орденов имею...

Вова. Бить будете?

Анна Ильинична *(мужу)*. Вася! *(Она действительно испугалась за мужа.)*

Вова *(громко и холодно)*. Поезд на Москву из вашего городишка во сколько уходит?

Все молчат.

Познакомился с вами. Рад! Везде одно и то же! *(Хочет взять чемодан, но Сима вцепилась в ручку чемодана.)* Пусти! *(Рванул чемодан, из него посыпались рубашки, галстуки, деньги, носки, бутылка вина. Володе стыдно, что все видят его интимные вещи.)*

Первый парень. Вон, винище вез!

Вова. Это я дяде, в подарок, балбес! Мы можем и так, налегке! Прощайте, счастливые! *(Открыл дверь и выбежал на улицу.)*

Пауза.

Первый парень. Не уйдет. Без денег не уедет. Обратно притащится. Мы его переработаем.

Дядя. Серафима!.. Догони его... Верни!.. Слышишь!

Сима схватила свою жакетку и опрометью выскочила в дверь.

Эх, как я нехорошо сорвался... Про письмо выпалил, про ордена бухнул. Неразумно вышло...

Небольшая пауза.

Фролов. А знаете, он занятный юноша... Очень резкий, даже невоспитанный. Но в общем он мне понравился.

Молодежь закричала, загалдела, налетела на Фролова.

Голоса.

— Что тебе в нем понравилось? Что?

— Вон он — как зараза! Уже на Фролова подействовал.

— Почему на Фролова? Я тоже считаю, он любопытный парень, только пижон.

— Сам ты пижон, если его защищаешь. Нигилист он.

— Базаров тоже был нигилист.

— Сравнил! Базаров когда жил! Базаров был обличитель всего мертвого и косного, что нес с собой помещичье-крепостнический строй...

— Брось ты! Уже десять классов отшлепал, пора свои слова говорить!

— Что значит — свои?!

— А то! Не попугайничай!

Половина голосов. Он хороший, хороший!

Другая половина. Он плохой, плохой!

ПЕРРОН ВОКЗАЛА

Моросит дождь. Два удара железнодорожного колокола. Поезд готов к отправлению.

Голос по радио. Товарищи пассажиры! До отправления поезда Хабаровск — Москва остается пять минут. Провожающих просят покинуть вагоны.

Стремительно вбегает Вова. Бежит к поезду. Хватается за поручни первого попавшегося вагона.

Проводница удерживает его, не пускает в вагон.

Проводница. Ваш билет, гражданин.

Вова. Есть билет, есть. *(Пытается проникнуть в тамбур.)*

Проводница *(удерживает Вову)*. Покажите.

Вова. Я не успел... куплю на следующей станции.

Проводница. Нельзя, гражданин, никак нельзя.

Идет легкая борьба. Вова вытаскивает из кармана пиджака деньги, показывает их Проводнице.

Вова. Вот видите, куплю... *(Пытаясь взять на обаяние.)* Девушка... ну, мы договоримся... Мне очень надо...

Проводница. Да что это за безобразие! Какая я тебе девушка! У меня младший старше тебя будет... Слезай, говорю!

Поезд трогается. Проводница старается оторвать руки Вовы от поручней.

Вова. Руками не трогай, быдло! *(Хочет силой ворваться в вагон.)*

Гражданин *(стоявший на площадке вагона, не выдержал)*. Как тебе не стыдно, мерзавец!

Гражданин уперся в поручни и ногой в грудь сбрасывает Вову с подножки. Вова, роняя из рук деньги, летит на мокрые доски платформы и скользит по ним всем телом. Провожающие, наблюдавшие эту сцену, даже ахнули. Некоторые подбежали поднять Вову, но он грубо оттолкнул их. Грязный, взлохмаченный, с остервенелым от злобы и унижения лицом, он бессмысленно бросился вслед за набирающим ход поездом. Стремительно вбегает Сима. Она ищет Вову. Увидела его. С криком «Вова!» бросилась вдогонку.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ ПОЛОТНО

Вова уже бежит по шпалам за поездом, который уходит от него все дальше и дальше.

Сима тоже выбегает на железнодорожное полотно и бежит за Вовой.

С и м а. Вова!

Вова бежит, не оборачивается.

Вова!

Вова бежит, не оборачивается.

Вова!..

Вова не слышит, бежит.

Они оба мчатся по шпалам, и кажется, бегут наперегонки или оба сошли с ума. Сима делает отчаянные усилия, догоняет Вову, хватает его за руку. Вова остановился и даже не понимает, кто стоит перед ним. Он дышит со свистом, глаза горят, и кажется, изо рта его вот-вот будут вылетать змеи.

В о в а. Ничего!.. Ничего!.. Я им покажу!

С и м а. Кому?

В о в а. Я покажу. Человека из меня сделать!.. Хорошо!.. Я пешком домой приду, на четвереньках, на карачках... Но я им покажу!.. Я покажу! *(Хочет идти. Сима пытается его удержать. Резко отшвыривает Симу. Похоже, что он даже не видел ее все это время и оттолкнул ее, как какой-то предмет. Бежит дальше.)*

Поезд давно исчез вдали, но Вова, одержимый яростью, быстро шагает по шпалам. Позади бежит Сима. Лицо Вовы холодное, злое. Он идет в ровном ритме. Уже не видно города. Кругом лес, поля, вдали деревня...

С и м а *(задыхаясь, кричит)*. Поезд сзади идет!.. Поезд!.. Сойди с пути!

Вова, не оборачиваясь, сходит на тропинку, идет в том же ритме. Мимо прогрохотал тяжелый, груженный машинами товарный состав.

ПОЛУСТАНОК

Идет В о в а, за ним С и м а. Видно, что и он и она устали. Пейзаж сменился. Вероятно, они прошли порядочно. (Расстояние, которое проходят Вова и Сима, можно обозначить столбом, на котором меняется число километров.)

Сима. Это Щукино. На нем сквозной одну минуту стоит, и то только владивостокский. Деньги на билет у тебя есть?

Вова молчит.

Есть у тебя деньги на билет? Или все в чемодане лежали?

Вова не отвечает.

У меня рубль... *(Вытащила из кармана жакета рубль, машет им.)* Поедем обратно местным... Отсюда часто ходят... Я в Щукине на торфоразработках была... целый месяц.

Вова устал, он садится на лежащие недалеко от железнодорожного полотна бревна. Сима подсела рядом.

Ох, не могу... ноги не слушаются. Отец, конечно, разозлился на тебя, но все равно волнуется. И за меня тоже. Ничего, к ужину приедем. *(Вдруг засмеялась.)* Четырнадцать километров пробежали. Кросс! Я как пьяная.

Слышен гудок паровоза.

Идет. Вставай. Еще билеты надо взять. Пошли.

Слышно, как подошел поезд.

Пришел. Они тут мало стоят. Поднимайся, поднимайся, а то прозеваем.

Вова не трогается.

Да ты что?! *(У Симы даже задрожал голос.)* И раздумывать нечего. Вернешься, все уладится, вот увидишь. Я-то отца знаю. Уж очень ты обидные слова говорил.

Вова сделал какое-то неопределенное движение.

Ну, не буду, не буду! В крайнем случае возьмешь деньги и уедешь. Завтра же. Не ночевать же тут. Скорей, пожалуйста! Вова! Вова, останешься же! Скорей, скорей! Уже трогается! *(Бежит к поезду. Оглянулась на Вову, тот сидит на бревнах. Подбежала к нему.)* Вова!

Слышно, как проходит мимо поезд.

Все! Теперь до завтра остались.

Вова встал, пошел вперед.

Да ты действительно, что ли, до Москвы пешком собрался?!.. *(Почти плачет.)* Сумасшедший — и все! *(Пошла за Вовой.)*

Темнеет.

Володя, подожди, я каблук сломала. Подожди! Я не могу... *(Скачет за Вовой. На глазах слезы.)* Володя, ну, пожалуйста, подожди! *(Всхлипывает.)*

Вова *(вдруг останавливается и резко поворачивается к Симе. Злобно)*. Зачем ты прицепилась ко мне? А? Что ты за мной тащишься? Ну, что молчишь?

Сима. Разве я думала, что ты... Если бы я знала... Папа сказал, чтобы я...

Вова. Ну и иди к своему папе. *(Тронулся вперед. Обернулся. Сима идет за ним.)* Я тебе что сказал! Иди обратно!

Сима. С ума ты сошел! Куда же я одна... на ночь... я боюсь... *(Заревела.)*

Вова *(грозно)*. Иди, тебе говорят! *(Сделал движение в сторону Симы.)*

Сима отбежала в сторону.

Если пойдешь за мной — смотри! Слышишь! *(Пошел. Через некоторое время обернулся.)*

Сима тут. Стоят молча друг против друга, как два врага.

Ты что, издеваешься? У! Сидела бы дома и дула чай из самовара вместе со своими стерильными приятелями. Вам так хорошо всем живется на свете, так безмятежно! «Ладушки, ладушки, где были? У бабушки!» Ну, пошла отсюда к лешему! Слышишь!

Стоят молча. Сима на почтительном расстоянии. Она нелепа, так как одна нога у нее короче другой, в руках каблук.

В о в а. Запомни: есть ты у меня за спиной, нет — не интересуюсь. Не претендуй на вежливость. У вас у всех одна манера: доведут до бешенства, а потом сами же ахают: «Ах, какой невоспитанный мальчик!» Я невоспитанный мальчик, поняла? *(Пошел.)*

Сима смотрит ему вслед. Оглянулась вокруг, испугалась, что одна, и с криком «Вова!» побежала за ним.

СНОВА НА ПУТЯХ

В о в а идет вперед, С и м а трусит за ним. Начинает накрапывать дождь. Сима идет босая, туфли у нее в руке. В стороне видна крыша кирпичного завода, колонки кирпичей.
Дождь расходится. Вова сворачивает с путей и по тропинке идет к кирпичному заводу.

С и м а. Ты куда?

Вова не отвечает. Он укрывается от дождя под крышей сушилки. Сима становится невдалеке от него. Ей жутко окружающей темноты и в то же время чудно.

Что дома-то думают? Ай-яй-яй-яй! Есть хочется...

В о в а. На первой же станции отчаливай обратно. Поняла?

С и м а. А ты?

В о в а. Тебя не касается!

Пауза. Льет дождь.

С и м а. Я понимаю тебя. Ты сейчас раздражен, и тебе кажется, что ты один на земле. Один-одинешенек! У меня тоже так бывает. Иногда вдруг делается грустно-грустно! Кажется, никому ты не нужна, заплачу даже. Реву, реву, и так сладко на душе... и себя жалко-жалко...

В о в а. Перестань бормотать, юродивая.

Сима обиделась. Вова сосредоточенно думает.

Сима *(прилаживает каблук к туфле. Робко).* Ты бы не мог починить, Вова?

Вова молчит. Тогда она протягивает ему испорченную туфлю.

Посмотри...

Вова вырвал у нее туфлю и с размаху швырнул через колонки кирпичей куда-то в кусты. Сима хотела броситься вслед за туфлей, но Вова в это время выбежал под проливной дождь. Сима, боясь потерять Вову, помчалась за ним. Вова подбежал к сараю, отворил дверь, вошел. Сима за ним.

В САРАЕ

В сарае свиньи, куры. Сухо, пахнет сеном, навозом. Куры тревожно заклохтали, хрюкнула свинья.
Вова повалился на груду сена в углу. Сима полезла наверх на сеновал. Вдруг Вова встал, пошел к двери.

Сима *(тревожно, тихо, шепотом).* Ты куда?

Вова *(тоже шепотом, так как они в чужом сарае).* Ты еще пойди за мной и посмотри.

Сима *(поняв).* А! Вернешься?

Вова. Да.

Сима. Честно?

Но Вова не ответил, ушел. Сима с тревогой ждет, но и выглянуть в дверь стесняется. Но вот Вова возвращается.

Сима. Я тоже сбегаю. *(Ушла).*

Вова снова устраивается в углу на сене.
Вдруг раздается крик Симы. Вова выскакивает из сарая. Через мгновение входит обратно с Симой.

Вова. Чего ты!

Сима. Я еще туфлю искала... Шарю в траве, шарю... И вдруг кошку схватила. Вот! (*Показывает туфлю).* Нашла.

Вова *(подтолкнул Симу в спину).* Лезь.

Сима *(лезет на сеновал)*. Что дома сейчас думают? Попала под поезд? Утонула? Зарезали? Сбежала? Пока мы завтра вернемся, они с ума сойдут. Ай-яй-яй, что я натворила! Скорей бы утро. И за тебя, конечно, волнуются. Вова! Ты тут, Вова? Ты спишь?

Тишина. Мы не знаем, спит Вова или нет. Тишина.

Вдали гудок проходящего поезда.

Утро. В сарае светло. Сима проснулась. Она смотрит на лицо спящего Вовы. Вова, видимо, чувствует ее пристальный взгляд и открывает глаза, но в это время дверь сарая открывается и входит Молодая женщина лет двадцати четырех. Она дает корм поросятам, курам, обобрала яйца в гнездах. Следом за ней входит молодой мужчина, ее Муж. Он на ходу застегивает рубаху.

Женщина *(смеется)*. Ну что ты за мной в хлев-то пошел?

Муж. Люблю тебя. Три месяца женаты, а все не верится. Люблю тебя. (*Обнимает, горячо целует, жмет.*)

Оба счастливо смеются.

Женщина. Пусти!

Муж. Погоди.

Женщина. Любишь?

Муж. Люблю.

Женщина. И я... тоже. Очень.

Он целует ее лицо, шею, грудь, плечи.

Пусти! Не дави... Гриша, у нас маленький будет.

Муж *(ошеломлен)*. Да что ты!..

Женщина. Фельдшерица сказала.

Муж *(настороженно)*. Да нет... Правда?.. Мальчик?

Женщина. Разве я знаю.

Муж. Мальчик. Васька. Васька будет! Васька! Любовь ты моя! Любовь ты моя любимая! (*Снова обнимает ее, но нежно-нежно.*)

Смеются, целуются долгим поцелуем.

Женщина. Иди поешь — смена скоро. Да смотри, чтоб ни одна душа не знала. Смотри!

М у ж. Понимаю — тайна!

Долго, тихо и счастливо смеются. Уходят.
Сима слезает с сеновала — ни она, ни Вова будто не слыхали тайного разговора мужа и жены.

С и м а. Ну, что ты решил?

Вова молчит.

В о в а. Поедешь домой. Поняла?
С и м а. Конечно. И ты?
В о в а. Я — к вам? Не смеши...
С и м а. Как же я тебя оставлю?
В о в а *(злобно)*. Ну хорошо — иди за мной. Иди-иди. Увидишь! *(Пошел к двери.)*

Сима за ним.
И снова Вова и Сима идут по путям. Они встречаются с Обходчиком, проверяющим путь. Лицо Обходчика пересекает шрам.

О б х о д ч и к. Куда путь, молодежь?
С и м а. От поезда отстали. От московского отстали... Остановился в поле, он (*показала на Вову*) вылез мне цветов нарвать, я за ним, а поезд и пошел... Мы бежать, да уж куда! Ушел.
О б х о д ч и к. Эх вы, легкомыслие! Поезд, он штука объективная, не ждет. Давно топаете?
С и м а. Со вчерашнего вечера!
О б х о д ч и к. Эка! Событие! Голодные?
С и м а. Очень.
О б х о д ч и к. Зайдем ко мне, накормлю. Дрезину, может быть, вызову. Семенов даст. А я тут пути осматриваю. Сорок второй скоро пойдет. Каковские будете?
С и м а. Москвичи.
О б х о д ч и к. Э, важные! *(Вове.)* А ты что приуныл?
В о в а. Наоборот, мне очень весело.
О б х о д ч и к. Приключение!

С и м а (*Вове*). Зайдем, передохнем немножко. *(Очень тихо.)* Может, покормят... А?

Вова ничего не ответил, но видно, что он согласился идти к Обходчику. Они подошли к железнодорожной будке. Вошли в нее. Там ***Ж е н а** Обходчика и* ***М а л ь ч и к** лет десяти.*

О б х о д ч и к. Маруся, принимай гостей непутевых. От московского отстали. Я им дрезину вызову. Семенов даст. А ты пока тащи на стол, что есть. Садитесь, друзья молодые. Вы как друг дружке будете? Извините за нескромный вопрос.

С и м а. Брат и сестра.

О б х о д ч и к. Вон оно что. (*Сказал это с какой-то недоверчивой интонацией.)*

С и м а. Честное слово.

О б х о д ч и к. Допускаю. Я ведь почему спросил? Молодежь нынче бойкая пошла: чуть от соски оторвутся — в законный брак норовят оформиться. А на что потом будут харчи приобретать, на какие гроши гнездо вить — не их дело. Чепуха! Не достойно, мол, внимания! У них любовь, видишь ли, загорелась. Презренное вроде все остальное-то. Вот это презренное-то отцы с матками и вытягивают для них, кожилятся. Глядишь, опять детки-то соску и сосут, да еще в два рта, а там и третий вскоре объявится.

С и м а. Нет, мы не такие.

В о в а. Женятся только дурачки.

О б х о д ч и к (*показывая*). Между прочим, это моя жена. Мария Васильевна. А это — сынок Ленечка.

В о в а. Я о присутствующих не говорю.

О б х о д ч и к. Без женитьбы, ребята, что же получится? Род людской переведется? А?

В о в а. Лев Толстой на подобный вопрос ответил: «Ну и что? Вымерли мамонты, и никто об этом не жалеет».

О б х о д ч и к. Неужели это Лев Николаевич высказал?

В о в а. Представьте.

О б х о д ч и к. Да... Безгрешным человек быть не может. Хоть гением объявись, а в чем-нибудь грешить обязан. Вы хоть молодежь и

развитая нонче, но больше по научной части, а не по житейской. Вы мне лучше вот что скажите: в Москве-то слухов разных больше, поди, ходит,— состоит война-то или нет?

Жена. Ну, нашел о чем говорить — тоску нагонять.

Вова. Вам-то чего бояться, ваша будка за тридевять земель. На вас бомбы сыпать не будут.

Обходчик. Чудак, так я не за себя. Я, так сказать, вообще думаю, за все человечество.

Вова. Ну а человечество так скверно себя ведет, что его, может быть, и стоит немножко покарать.

Жена. Водочку-то поставить?

Обходчик. Я ведь тебя без шуток спрашиваю.

Вова. В общем-то и я всерьез.

Хозяйка накрывает на стол. Мальчонка смотрит из угла.

Обходчик *(хмуро)*. Вон как!.. Стало быть, ты вроде как и не против.

Вова. Меня спрашивать не будут.

Обходчик. А если бы спросили?

Вова. Не спросят.

Обходчик. А все-таки?

Вова. Мне безразлично.

Обходчик *(весь поник, угас)*. Вон оно, значит, как!..

Жена. Кушайте, гости дорогие!

Обходчик. Нет, ты погоди со своей едой! *(Стукнул кулаком по столу так, что загремела посуда.)*

Жена *(поспешно бросилась к мужу, взяла его за руки)*. Тихо, Коленька, тихо...

Обходчик умолк и как бы окаменел.

Молодой человек так, язычком болтает... Сам не знает что. Откуда им, молодым, про войну знать-то, чего тебе известно. Коля! Коленька!

Муж не отвечает.

Леночка, сбегай-ка, пропусти сорок второй, скоро идти должен.

Мальчик снял со стены флажки и, злобно взглянув на Вову, вышел.

Ж е н а. А ты всех-то к себе не пускай. Люди-то разные по земле ходят, а у тебя все хороши: все «братцы» да «товарищи». И не будет ничего. Никакой войны не примечается. Пугают друг дружку, и всего беды. Ты уж верь мне, Коленька, мне поверь... *(Вове и Симе.)* Кушайте тихонечко — он отойдет, он так...

О б х о д ч и к *(тихо)*. Ты, парень, извини вроде меня: сорвался я... бывает... Не могу! В танке я, понимаешь, горел... контузило, мать ее... Давно, а все откликается. Жену-то у меня с детишками в Гомеле погубило... Мария-то у меня с Ленечкой вторые будут... Ты с девушкой-то замори червя, поешь.

В о в а. Спасибо. *(Встал, пошел к двери.)*

С и м а — за н и м. Ушли.

На железнодорожном полотне М а л ь ч и к с зеленым флажком пропускает поезд. Поезд с грохотом приближается... Грохот сильнее. Адский шум. Мальчик с зеленым флажком... Грохот стихает. Поезд прошел.

В о в а и С и м а идут по шпалам. Мальчик наклоняется, берет камень, с силой швыряет в Вову. Попадает в спину. Вова сморщился от боли, повернулся. М а л ь ч и к убегает.

С и м а. Зачем ты так с ним говорил?

В о в а. А что он эти пустые вопросы задает! Да скажи мне сейчас, что, если я отдам свою жизнь, позволю разрезать себя на сто кусков, и тогда войны не будет, я скажу: пожалуйста, режьте, звука не пророню. Пожалуйста. Берите! В том-то весь идиотизм ситуации, что ни один человек сделать ничего не может. Нет того дзота, на который можно телом кинуться. Нет! Все только и делают, что гадают, как на картах: пронесет или не пронесет... *(Вдруг.)* Хватит за мной ходить! На разъезде билет возьмешь — и домой. Поняла?

С и м а. А ты?

В о в а. Дай сюда твои деньги.

С и м а. На. *(Отдает Вове деньги.)*

В о в а. Сам куплю.

РАЗЪЕЗД

Множество расходящихся в разные стороны железнодорожных линий. В стороне стоит пригородный поезд. Вова и Сима на путях. Ветер.

Вова *(отдавая Симе билет)*. Катись! На еще сдачи три копейки. *(Отдал и сдачу.)*

Сима. Тебе стыдно вернуться? Да? Ты ужасно говорил дома. Жутко! Но, по-моему, ты не на самом деле, а со злобы, с желчи. Да? Я ведь тоже иногда, когда разозлюсь, такой чепухи отцу или маме со злости наговорю, сдуру. А я с первого взгляда поняла, что ты хороший.

Вова. Ты перестанешь тараторить? А?

Сима. Эх ты!.. Счастливо!.. *(Пошла, остановилась.)* Неужели пешком?

Вова. Не твое дело.

Сима. Умрешь.

Вова. Ну и что? Жалко, что ли?

Сима. Прощай! *(Уходит.)*

Вова стоит в раздумье. Пошел. Повернулся в сторону, куда ушла Сима. Симы нет.

Вова идет один, глубоко задумавшись. Он очень осунулся, вероятно, и от ходьбы и от голода. Он слышит за собой хруст гальки. Обернулся. Видит Симу. Остановился. И вдруг кинулся на Симу... с явным желанием отколотить. Сима бросилась от него в сторону. Бегают. Вова швыряет в Симу палками. Оба усталые, еле-еле бегают — эмоция есть, а сил нет. Сидят на насыпи: один — на одной стороне, другая — напротив. Идет поезд. Когда он прошел, Сима видит, что Вова исчез. Она испугалась. Встала, ищет его. Перешла на другую сторону. И вдруг Вова выскочил из-за укрытия и схватил Симу.

Вова. Ну?

Сима съежилась, боясь, что он будет ее лупить. Вова встряхнул Симу и сам не знает, что с ней делать.

(Зловеще.) Сядешь в поезд и уедешь, поняла?

С и м а *(робко).* Да.
В о в а. Дай слово.
С и м а. Честное.

Вова, не отпуская Симы, повел ее по шпалам, как пойманную воровку.

У ГРУЗОВИКА

В это время около шоссейной дороги, что идет вдоль железнодорожного полотна, остановилась груженная доверху машина. Ш о ф е р вылез и что-то чинит, поднял капот. Мимо идут С и м а и В о в а.

В о в а. Эй, приятель, не подбросишь до станции?
Ш о ф е р. Подбросил бы, старина, но у меня одно место.
В о в а. Так мне одному и надо.
Ш о ф е р. А я думал, с барышней.
В о в а. Барышне не в ту сторону.
Ш о ф е р. Тогда садись!

Вова полез в кабину. Сима растерялась. Шофер захлопнул капот.

С и м а *(Вове).* Что ты!.. Куда?.. А я?..

Шофер сел в кабину.

Товарищ шофер не везите его, не смейте!
В о в а *(шоферу).* Езжай!

Шофер дает газ, машина фыркнула.

С и м а *(в отчаянии).* Это мой муж... Он меня бросает... У нас ребенок.
Ш о ф е р *(Вове).* Чего это она?
В о в а. Врет, врет, не слушай — езжай!
С и м а. Вас притянут куда следует, вот увидите, я номер запомню... вы узнаете!..
В о в а. Трогай, друг, трогай! Она того.
Ш о ф е р. Нет, ты, друг, лучше слезай.
В о в а. Это же неправда, врет она.

Сима. Он врет, он!

Шофер. Сами разберетесь. Слезай, говорю, приятель, слышишь! Свяжешься с вами. Вылезай, говорю,— времени нет! *(Подтолкнул Вову.)*

Тот волей-неволей вылез на дорогу. Машина пошла. Сима и Вова смотрят друг на друга.

Вова. Это я тебе припомню, знай.

Сима. Я тебе тоже этого не забуду. *(Предательство Вовы действительно задело ее.)* Дай мне денег на билет, я вернусь.

Вова не ответил. Он остановился у обочины, ожидая другую машину.

Я тебе говорю: дай мне, пожалуйста, денег на билет.

Вова *(зло)*. Нет у меня денег.

Сима. Как «нет»?

Вова. Вот так! *(Вывернул карманы.)*

Сима *(она этого не ожидала)*. Я с голоду помираю.

Вова. А я?

Молчат. Сели у края дороги, у канавы. Сима еще раз пытается приладить оторванный каблук к туфле.

Сима. Это мои самые лучшие были. На выпускной вечер купили. Только один-единственный раз и надевала, все берегла.

Вова. Ну что пыхтишь? Дай сюда.

Сима с охотой отдает Вове туфли. Вова одним рывком отрывает каблук и от другой туфли. Сима и ахнуть не успела.

(Протянул туфли Симе.) На! Последний крик!

Сима. Как же я так?

Вова. А ты успокаивай себя: «По одежде встречают, по уму провожают», «Не красна изба углами, а красна пирогами»,— словом, «Бедность — не порок». Гуляй!

Сима *(меряет туфли, прошлась)*. А что, знаешь, прилично. *(Снова села недалеко от Вовы.)* Я в уме высчитала: если идти до Москвы пешком, пройдешь полгода... Есть хочется.

Вова *(снимает с себя пиджак)*. На, продашь. *(Вынимает из кармана пиджака свои вещи: ключи от дома, записную книжку, авторучку, бумажник — и перекладывает все это в карман. Выскользнуло фото девушки, той, что была с Вовой в Москве.)*

Сима *(увидав)*. Кто это?

Вова нарочито небрежно поднимает фотографию.

А!.. Носишь все-таки.

Вова. Что значит твоя периферийная многозначительность?

Сима молчит.

Все вы дряни. Всем вам цена копейка. Эта просто красивее других. Ношу для смеха. *(Щелкает по фото пальцем.)*

Сима вдруг с размаху толкает Вову, и тот летит в канаву. Фото он выронил. Сима подобрала фотографию, смотрит на нее. Потом стерла с нее пыль и убрала в карман жакета. Вова выбрался из канавы. Показал пальцем на голову, давая знать, что Сима ненормальная. Ищет фотографию.

Где она?

Сима. Нету.

Вова *(поняв, где фото)*. В Москве ей расскажу — ахнет! Ты в кого-нибудь влюблена, что ли?

Сима. С ума сошел!

Вова. Любви нет — запомни. И не будь сентиментальной дурой. Если к кому потянет — держи себя. Эта ваша доступность поперек горла стоит.

Сима. Я сама презираю тех, которые бегают... Даже если мне кто и понравится, никогда не узнает. Вида не покажу. Одного шага за ним не сделаю. А ты любил?

Вова. Я тебе говорю — любви нет, есть размножение.

Сима. Тьфу, гадость. А помнишь, в сарае?

Вова. Одна на миллион.

Сима. Может быть, две?

Вова. Двух не допускаю. *(Отдает Симе пиджак.)* На, продай, ради бога! И действительно поесть надо. Пошли, у станции продадим.

ПРИВОКЗАЛЬНЫЙ РЫНОК

Это ларьки, палатки, прилавки, на которых всякая всячина — жареные куры, потроха, соленые огурцы, молоко, яйца и т. д. Так как только что прошел поезд дальнего следования, то народу на базаре очень много.

Вова и Сима продают пиджак. Группа подозрительных субъектов окружила Вову и Симу, рассматривают пиджак.

Один. Дрянцо.

Другой. Стоящий!

Пиджак пошел по рукам любопытных. Плотное кольцо людей, окружающих Вову и Симу. Пиджак плывет по рукам. Вова пытается его настичь, расталкивает толпу. Свисток паровоза. Все бросились к поезду. Через мгновение базар совершенно пуст, только стоят в центре его растерянные Вова и Сима. Пиджак исчез навсегда. Из окон вагонов приветливо машут им руками уезжающие женщины и дети.

Вова. Маме очень нравился этот пиждак, говорила, я в нем солидный!

Сима и Вова мрачные идут с рынка. Сима шарит по карманам.

Сима. У меня же три копейки есть! Вот! *(Достала деньги.)* Зайдем в булочную, двести пятьдесят граммов хлеба купим.

Вова. Двести пятьдесят! Смотри-ка! Идем, леди Астор!

Сима пошла, но споткнулась и выронила монету.

Сима. Выскочила.

Ищут монету. Ищут долго, обстоятельно, упорно. Не нашли. Поднялись с земли.

(Плача.) Нет.

Вова *(холодно)*. Ворона.

Пошли.

Вова и Сима в переулке маленького городка. На углу переулка — хлебный ларек, у которого Мальчишка *покупает хлеб. Сима остановилась у забора палисадника.*

Сима *(кричит)*. Хозяева!.. Хозяева!..

Никто не отвечает.

Ты подожди, я зайду узнаю, может, какая-нибудь работа есть. *(Уходит в калитку во двор.)*

Вова ждет. В это время от хлебного ларька через переулок бежит мальчишка, купивший ржаной хлеб и булки. Довесок хлеба падает в пыль. Мальчишка *скрылся за углом. Вова видел, как упал кусок хлеба. Он озирается, смотрит — не видит ли его кто. И, приняв решение, быстро бежит к упавшему куску, подбирает его, ломает на две части, одну из них сует в карман и, спрятавшись за угол дома, быстро-быстро начинает есть хлеб, отплевывая хрустящий на зубах песок.*
Ест жадно, видно, что чувство насыщения доставляет ему наслаждение. Съев кусок, он возвращается на свое место. Из калитки выходит Сима. *За забором показалась* Хозяйка *дома.*

Хозяйка. Стыдно, молодая, здоровая, а побирается, будто нищенка! Стыд потеряла!.. Люди на целину едут, на стройки всякие, а она!.. Вон иди на строительство комбината, работы хоть отбавляй!

Сима. Какого комбината?

Хозяйка. Химического! Будто не знаешь?! *(Увидев Вову.)* Еще кавалер с ней. Ну что ты с ними будешь делать! Вот молодежь-то пошла!.. Тьфу!.. *(Исчезла за забором.)*

Вова вынимает из кармана кусок хлеба, отдает Симе.

Вова. На, проглоти.

Сима. Откуда это?

Вова. Нашел.

Сима *(радостно)*. Да что ты! А тебе?

Вова. Я уже лакомился.

Сима ест хлеб. Из-за соседнего забора высунулся Старичок, не очень дряхлый. Он слышал разговор.

Старичок. Семеновна поучения прописывает, а вам есть охота, а не мораль. Идемте, ребятки, накормлю.

Сима. Мы же не даром хотели... за работу... сделали бы что-нибудь...

Старичок. Ну, так и быть — дрова мне распилите. Даром-то не хотите — понимаю, гордость. Даром, конечно, нехорошо. *(Подвел к калитке, за которой слышен лай собаки.)* Погодите, я Нерона изолирую. Без собаки нынче нельзя. *(Вошел в калитку, увел собаку, вернулся обратно.)* Входите, гости мои. Злобная эта Семеновна, горластая, недобрая. *(Ввел Симу и Вову во двор, подвел к козлам, на которых и около которых лежало несколько очень солидных чурбаков. Принес двуручную пилу.)* Вы их тут пока — жжик! А я что-нибудь покушать сварганю. Картошечки отварю, огурчиков солененьких достану... Чем богаты, то уж и будет. *(Ушел.)*

Сима и Вова пилят чурбаки.

Сима. Покормил бы сначала.

Вова. Терпи. Не унижайся.

Пилят.

Сима. Где это ты научился?

Вова. Подумаешь — электронное управление.

Сима. А, в колхозы от школы ездил? Да?

Вова не ответил. Пилит. Чурбаки попались, видно, дубовые или просто сырые, пила ходит тяжело.

Ты похудел... Вернемся, отец тебя извинит.

Вова. Очень мне нужно его извинение. *(С ожесточением рванул пилу. Ярость придала ему силы.)*

Сима. Отец тебе добра хочет.

Вова. А я не хочу добра! Я хочу зла! Ясно?

Сима. Какой демон выискался!

Вова. Да, демон.

Сима. Обрадовался! Думаешь, и в самом деле демон? Больно жирно будет! Не дорос еще до демона.

Старичок *(вошел. Смотрит, приговаривая)*. И раз!.. И раз!..

Чурбак наконец осилен.

Вон как вы его — в два счета! Что значит молодость, сила! Варится картошка. Она у меня рассыпчатая, своя. Вы с маслом или со сметаной любите?

Сима. Все равно!

Старичок. Соленых грибков еще достану. Люблю я соленые-то грибки — с чесночком, со смородиновым листком у меня. С хрустом! Свои. Вот что, гости мои дорогие, пока она, картошечка-то, там варится, вы еще и этот — жжик!.. Чего он тут беспризорным валяется. *(Показал на лежащий невдалеке подобный же чурбак.)* Ну-ка его — раз, два, взяли! *(Помогает им катить чурбак к козлам. С трудом подняли на козлы.)* Вот так! Ну-ка его, старого! Хватит, отжил свое! Жжик! А я пойду посмотрю, не уварилась ли. *(Ушел.)*

Вова. За это время пилу сварить можно.

Сима и Вова вновь взялись за пилу. С обоих льет пот. Они очень устали. Наконец чурбак разваливается надвое. Появляется Старичок.

Старичок. Вон как — уж и готов! Я бы над ним кряхтел, кряхтел, а вам что — одно удовольствие, физкультура. Где-то у меня еще одно полешко валялось... Идемте-ка, ребятки, подсобите. *(Подводит к бревну, лежащему у забора.)* Давно лежит, боюсь, гнить начнет... Ну-ка его, лежачего,— раз, два — взяли!

Тянут бревно к козлам. Положили на козлы.

Вы его мелко-то не надо, на четыре части — и будя. А я пока за грибками в погреб слазаю... *(Пошел.)*

Сима и Вова берут пилу. У Симы на глазах дрожат слезы. Вова это видит.

Вова. Эй, дядя!
Старичок. Что, сынок?
Вова. Сестра устала. Давай с тобой пилить.
Старичок. Так я за грибками...
Вова. Черт с ними, без грибков поедим. Давай берись.

Старичок берет пилу, Вова начинает пилить с особым остервенением. Старичок было взялся в том же темпе, но начал быстро выдыхаться.

Старичок. Ты погоди, сынок, погоди... не части...
Вова. Ждать некогда, дядя, давай ерзай.

Пилят. Вова сжимает зубы, но не теряет ритма. Загнал старика.

Старичок *(бросая пилить)*. Ну, шут с ним... Пусть лежит... Пошли на крылечко. Уж мы тут, на крылечке, сядем, чего нам в комнатах-то топтать... Верно?
Вова. Давай на крылечке.

Старичок вынес картошку в мундире, хлеб, нарезанный толстыми ломтями, постное масло в бутылке.

Вова и Сима едят.

Дядя, а где сметана?
Старичок. Какая, милый, сметана?
Вова. Ты говорил.
Старичок. Так это я просто так спрашивал, для выяснения вкусов.
Вова. Неси!
Старичок *(струхнул)*. Есть ли она, и не знаю. *(Уходит.)*
Вова. Есть — я знаю.

Старичок приносит сметану. Сима и Вова едят. Вова со злобы выпил всю сметану. Съел все, что лежало на столе, хлеб взял в карманы. Идут со двора. Старичок бежит и выпускает собаку. Но калитка уже хлопнула... Собака лает.

Старичок *(кричит)*. Стиляги!..

НА ОБРЫВИСТОМ БЕРЕГУ

Сима и Вова.

Сима. Смотри, как красиво.

Вова. Меня интересует не мир, а мое место в мире.

Сима. Честолюбия в тебе много.

Вова. А в тебе?

Сима. Во мне ни капельки.

Вова. Ну и насекомое! Без честолюбия человек — мокрица. Ты — мокрица и ничтожество!

Сима. Я тебе сейчас съезжу по физиономии.

Вова *(смеется)*. А!.. Ожила! В следующий раз не говори ерунды. Терпеть не могу, когда люди говорят о себе: «Я не честолюбив», «Я не гонюсь за славой», «Меня деньги не интересуют»... Все честолюбивы, все хотят денег, все мечтают о славе. Все люди — люди. И хватит всем притворяться. *(Бежит к реке, снимает одежду.)*

Сима *(тоже бежит купаться)*. Отвернись.

Вова. Подумаешь, барышня.

Оба ныряют в воду. Плавают наперегонки, проделывая друг перед другом всяческие фортели.

Периферия, ты, оказывается, кое-что можешь.

Гоняются по воде.

Ты в Москву в институт не собираешься?

Сима. Не примут.

Вова. Тебя погонять по воде — живо разряд получишь. Тогда примут. Верное дело. Ты куда хочешь?

Сима. На филологический. А ты?

Вова. Никуда. Я мальчик без призвания.

Вылезли на берег. Сели на песке.

Сима. Отец, наверное, сейчас всю милицию на ноги поднял. Ищут!

Вова. Переживает. Он из породы доисторических.

Сима вдруг съездила Вову по физиономии.

Аргументов не хватило?

С и м а. Ты же знаешь, что я у них приемная дочь! Хотя бы каплю такта имел.

В о в а. Клянусь, я не знал, что ты приемная. Это факт?

С и м а. Отец нашел меня в Пинских лесах в сорок четвертом году, когда отрядом командовал. Мне, говорят, и года не было.

В о в а. Так ты не сестра?

С и м а. Сестра, не сестра — какая разница.

В о в а. Чья же ты?

С и м а. Не знаем. Мы уж где только справки не наводили, куда не писали.

В о в а. А зовут тебя как?

С и м а. Ты чего?!

В о в а. Нет, я спрашиваю, как тебя назвали при рождении?

С и м а. Я откуда знаю.

В о в а. Погоди-погоди!.. Так ты, может быть, Зина? Галя? Варя? Тоня? Фекла? Лена? Ульяна? А? Ну скажи, кто ты?

С и м а. Отстань, пожалуйста!

В о в а. Ты — никто! Понимаешь ли ты это? Ты — не ты! Ты — тайна, загадка! Какая прелесть!

С и м а. О, наелся — развеселился. Эх ты! Люди обыкновенно, когда узнают, что я сирота, жалеть начинают, а ты...

В о в а. Жалеть? Тебя? За что же? Просто от всех людей в мире тоской веет, скукой! Слушай, а ты, может быть, украинка? Белоруска? А?.. Может быть, немка? В сорок четвертом они как раз отступали, тебя и бросили. Да-да!.. Ты без имени, без отчества, без национальности! Ты просто человек! *(Хохочет.)*

С и м а. Я русская.

В о в а. Откуда ты знаешь?

С и м а. Так все решили.

В о в а. Решили! Людям обязательно надо ставить точку. Это успокаивает, не тревожит. Точка — и дело с концом! А по-моему, всего интересней именно многоточие. Когда я знаю, что люди, в сущности, ничего не знают, мне становится весело! Верно, Луиза?

С и м а. Почему?

В о в а. Хотя бы потому, что все равны перед неизвестным.

Сима. Идем на комбинат, надо же денег немножко заработать.

Вова. Идем, Настя! Работать надо, потому что в центре человека брюхо! Унизительно для мыслящего существа, но... реально!

Уходят.

НА АВТОБУСНОЙ ОСТАНОВКЕ

Дощатая стрелка с надписью «Строительство химкомбината». Вова и Сима сидят на лавочке. С дороги, которая перекрещивается с трактом, к ним идет белобрысый Пальчиков, лет восемнадцати, с мандолиной в руках. Подсаживается на скамейку. Паренек вынул из кармана пачку дорогих папирос, протянул Вове.

Пальчиков. Дыми.

Вова. Я не курю.

Пальчиков. Бросил?

Вова. Не начинал.

Сима. Какие дорогие!

Пальчиков *(это ему льстит)*. А я люблю деньги зазря тратить!.. Тут премиальные получил, двести рублей, и все сразу матери — одним духом. Думаешь, зачем? Для смеха! Она там теперь бегает: «Вовка-то мой — ах! Вовка-то мой — ох!» Поди, на всю Таганку благовестит.

Сима. Ты москвич?

Пальчиков. Беглый я.

Сима. Беглый?

Пальчиков. У!.. Совсем не то думаешь! Из дома я убежал, когда шестнадцать лет было... Дурак, конечно. Взял в буфете батон, пачку сахара – и в чем был, в том и айда!.. Мне потом объяснили, что это ложной романтикой называется. Я тогда не знал... Вы не на стройку, часом?

Сима. Туда.

Пальчиков. Наниматься?

Сима. Да.

П а л ь ч и к о в. А что без багажа?
С и м а. В дороге обокрали.
П а л ь ч и к о в. Скажи ты! Вот паразиты! Начисто?
С и м а. Ага! А у него даже и пиджак.
П а л ь ч и к о в *(Вове)*. Ты не грусти, экипируем. Специальность какая?
С и м а. Еще нет.
П а л ь ч и к о в. Стаж зарабатывать что ли?
С и м а. Нет, подработать на дорогу. Мы путешественники.
П а л ь ч и к о в. Жаль, что ненадолго. Нужны руки-то. Устрою, у меня там все свои — меня Владимир Пальчиков зовут. Слыхали?
С и м а. Нет.
П а л ь ч и к о в. По местному радио передавали.
С и м а. Его тоже Владимиром зовут, а меня — Сима.
П а л ь ч и к о в *(Вове)*. Тезка, значит.
С и м а. Сяду меж вами — желание загадаю.
П а л ь ч и к о в *(играет на мандолине)*. А я на свадьбе гулял у приятеля — шофер он, работает у нас, а живет вон тут. *(Показывает на деревню.)* Я тоже люблю путешествовать — с тем и бежал тогда, а попал на одну стройку, потом на эту... И чего-то некогда стало. Но я еще поеду. Я хотел в Африку. Посмотреть жирафов на воле... страусов... читал, что они быстро бегают... и красиво, наверное. А может, еще поеду, сейчас многие ездят.
В о в а. В Африке теперь атомные бомбы испытывают — бегают твои страусы сломя голову, деться некуда.
П а л ь ч и к о в. Да, паскудство.
В о в а. И вкусы у тебя допотопные. Теперь все больше на Луну хлопочут.
П а л ь ч и к о в. Я знаю. Только я на Луну не хочу. Чего там! Камень, холод, мертвая природа. Мне у нас больше нравится.
С и м а. Где это — у нас?
П а л ь ч и к о в. На Земле.
В о в а. Чего ж тут интересного?
П а л ь ч и к о в. Все!
В о в а. Веселый ты парень.
П а л ь ч и к о в. А ты, видать, сейчас здорово расстроен из-за того, что

у тебя шмутки украли? Ничего, экипируешься, наешься — сразу мировоззрение переменится. По себе знаю.

Вова. Я иногда бывал и сыт и одет.

Пальчиков. Жаль, прозевали автобус, теперь не скоро, а нам еще шесть километров топать. Подождем. Наши машины по этой дороге песок возят, подбросят. Там карьер есть. Подбросят. Ноги-то не казенные.

Сима. На автобус у нас все равно денег нет.

Пальчиков. Подумаешь! *(Вытащил из кармана деньги.)* Вот они, грешные!

Сима. А ты кем работаешь?

Пальчиков. Верхолаз.

Сима. У!.. Жутко...

Пальчиков. А чего! Самое главное — не думать. Нам, когда я на курсах был, Максимыч говорил: «Когда работаешь, ни о чем, кроме работы, не мечтай. Самое, говорит, опасное — думать о том, что можешь упасть, убиться. Если такая мысль лезет тебе в голову — не работник ты на верхах, слезай на землю, меняй профессию».

Сима. Так у вас пояса есть.

Пальчиков. Ну, с поясами-то мало кто работает. С поясами хуже — все время цепляй да отцепляй. Так много-то не наработаешь... Привыкли!

Вова. Я бы обязательно подумал.

Сима. Зачем?

Вова. Просто выяснить: смелый я или нет.

Пальчиков (*посмотрел на свои золотые часы на руке*). Моя смена в два часа. Вон наши пылят. (*Машет рукой.*)

Подъезжает грузовик. Пальчиков поднял руку, машина остановилась. В ней, на песке, сидят человек восемь ребят и девушка. С криками: «Пальчиков!», «Это Пальчиков!», «Пальчиков, сюда!» — они радостно встречают, видимо, общего любимца. Пальчиков, Вова и Сима сидят в кузове на песке со всеми вместе.

Первый парень. Пальчиков, рванем песенку!

Все загалдели. Пальчиков ударил по мандолине. Запели хором песню. Вова смотрит косо, неодобрительно. Его шокирует решительно все. Какой-то парень бесцеремонно ударяет его по плечу.

Второй парень. Эй ты, давай подтягивай, чего откалываешься!

Вова только еще сильнее насупился, съежился.

СТРОЙКА

Вова и Сима лопатами набрасывают щебенку на тачку. Видимо, они трудятся давно. Кругом идет работа — это большое строительство химического комбината.

Вова. Твой отец и Максим Горький правы — труд облагораживает человека. (*Отер пот, бросает еще несколько лопат в тачку.*)

Сима. Кто-то должен убирать.

Вова. У меня своя теория относительно слова «должен».

Сима. Ты презираешь людей простого физического труда?

Вова. Не будь кретинкой. Такой примитив должны делать машины.

Сима. Пока не все механизировано, кто-то должен. Почему не ты, а другой?

Вова. Слушай, начитанная, я, может быть, один хочу вставать на всеобщую щебенку, чтобы другие не мучились.

Сима. А ты пойди и встань!

Вова. Пойду и встану.

Сима. Пойди и встань!

Вова. И встану, думаешь — нет?

Сима. Ну и встань, встань!

Мимо Симы и Вовы проходит бригадир Сапунов.

Сапунов. Студенты, ночевать в общежитиях устрою. После работы я на седьмом участке буду. Сапунов моя фамилия.

Сима. Пожалуй, до утра придется остаться — дотемна на станцию не успеем.

В о в а. Ладно, помучаемся.

В это время где-то на третьем или даже на четвертом плане произошло, видимо, что-то чрезвычайное. Л ю д и *бегут туда. Остановились краны, все в замешательстве.* С а п у н о в *тоже бросился в ту сторону. Сима и Вова смотрят. Оттуда бежит* Д е в у ш к а.

С и м а. Что случилось?

Д е в у ш к а. Человек убился.

МУЖСКОЕ ОБЩЕЖИТИЕ

Это длинный опрятный барак. Вечер. Почти все спят. Входят В о в а *и* Б е л ь е в щ и ц а. *Идут меж рядами коек. Подходят к двум пустым койкам. Глаза всех лежащих устремлены на Бельевщицу.*

П е р в ы й р а б о ч и й. Вести есть какие?

Б е л ь е в щ и ц а. Еще нет.

П е р в ы й р а б о ч и й. А Сапунов где?

Б е л ь е в щ и ц а. Там еще. *(Отдает Вове белье.)* На, перестелешь.

П е р в ы й р а б о ч и й. Что ты его койку отдаешь, как будто помер.

Б е л ь е в щ и ц а. Ему все равно в больнице лежать, а этот временно. Спать-то негде. *(Вове:)* Смотри, чужого не трогай. *(Пошла, приговаривая.)* Хоть бы о матерях думали, ироды... *(Вытирает на ходу слезы. Ушла.)*

Вова сел на край койки. Перевел глаза на висящую над койкой мандолину и картинку с жирафами и страусами. Перестилает постель. Под подушкой обнаружил дорогие папиросы и пачку писем, перевязанных бечевкой. Выложил их на тумбочку. Рядом с Вовой молодой П а р е н е к *учит математику.*

П а р е н е к. Угости папироской?

В о в а. Можно ли?

П а р е н е к. Он всегда угощает, не отказывает. У него все равно что общие.

Вова протянул ему пачку. Сам взял папиросу, долго мнет ее в пальцах. Закурил. Кажется, что он вместе с дымом хочет вытянуть истину.

Вова. Выживет он?

Паренек. Факт.

Вова. А ты что учишь?

Паренек. Математику. У меня с образованием жидковато. Я в вечернюю школу хочу.

Вова. Зачем?

Паренек. Потом в институт.

Вова. А в институт зачем?

Паренек. Иди ты!.. *(Углубился в книги. И окутался табачным дымом.)*

Входит Сапунов. Все глаза — на него.

Сапунов. Помер. *(Идет к своей койке, что рядом с Вовой. Заметил Вову.)* Уже поселили! Черт их дери — простынуть не дадут! *(Вове.)* Я не про тебя, я вообще. *(Сел на койку.)*

Все смотрят.

(Вдруг вскочил и с остервенением, но не громко.) Кто, кто, кто разрешил работать без поясов?!.. Ухари!.. Крикуны!.. Фанфароны, бахвалы, пижоны, петухи безмозглые!!

Все молчат.

Если еще хоть раз увижу, сам сверху к чертовой матери сбрасывать буду! С кем вы в игрушки играете — с безносой! Она таких дураков и ловит... Сейчас там технику безопасности по судам таскать будут, а вас надо всех судить, вас! Друг перед другом выкобениваются, ухарствуют... Нашли чем! *(И вдруг заорал.)* Сгубили Пальчикова!.. *(Обхватил голову руками и рухнул на постель. Потом достал из тумбочки кружку, налил воды, достал колбасы, масла, нарезал колбасу.)*

Вова. Я здесь временно, не беспокойтесь.

Сапунов. А чего мне беспокоиться — можешь теперь постоянно.

В о в а. Нет, я утром ухожу.

С а п у н о в. Твое дело. *(Вдруг сгреб приготовленную еду, сует ее в тумбочку.)* Не могу!.. Перед глазами стоит. *(Стиснул голову руками.)*

В о в а тихо выходит из барака.

У БАРАКА

В о в а стоит, прислонившись к стене. Мелькнула тень С и м ы. Сима подошла к Вове. Молчит.

В о в а. Что вылезла?

С и м а. Я знала, что ты не спишь... Он поправится, вот увидишь.

В о в а. Он умер.

Сима зажала рот рукой, так как готова была закричать.

С и м а. Он не из-за тебя сорвался, не из-за тебя! Ты на него не мог подействовать. Вот на меня ты тоже не действуешь. Не из-за тебя.

В о в а. Уйди.

С и м а. Иди в барак, ложись.

В о в а. Уйди, говорю.

С и м а. А ты куда?

В о в а *(почти со стоном)*. Ради бога, уйди, пожалуйста!

С и м а уходит. Идет С а п у н о в.

С а п у н о в. Что вышел?

В о в а. Сна нет. *(Пауза.)* Откуда он сорвался?

С а п у н о в *(показывает на вышку)*. Вон. Эх, уснуть бы, завтра смена тяжелая. Пошли.

Вова не отвечает.

Идем!

Вова молчит. Он смотрит в ту сторону, где вышка, с которой сорвался Пальчиков. С а п у н о в ушел. Вова пошел, но не в

барак, а к тому месту, где сорвался Пальчиков. Он подошел к лесам. Начинает идти по лесам, карабкается вверх. Все выше, выше и выше. Он лезет долго, цепко, трудно. Вот он на огромной высоте, как цирковой акробат, идет по выдавшейся вперед балке. Наклоняется, поднимает висящий через балку ремень, швыряет его вниз. Становится на самый край, наклоняется, смотрит вниз и тихо шепчет: «Я могу упасть... Я могу упасть...»

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ПРИВОКЗАЛЬНЫЙ БУФЕТ

За одним из столиков сидит Вова. Рядом какая-то Женщина закусывает домашней едой, пьет чай. В углу, за столиком, Мужчина неопределенных лет пьет водку, перед ним на столе графин, закуска. Он уже слегка осовел. Входит Сима.

Сима. Отправила домой телеграмму.

Вова. Что написала?

Сима. «Провожаю сумасшедшего Вову до Москвы».

Вова. И подписалась: «Ненормальная Сима».

Сима садится к столику. Подвыпивший Мужчина смотрит на Вову и на Симу, забирает графинчик и еду, идет к их столику.

Командировочный. Не помешаю?

Сима *(недовольно)*. Пожалуйста.

Командировочный *(даже внимания не обратил на то, что молодые люди явно недовольны его приходом, уселся за стол)*. Не люблю одиночества, человек — существо общественное, верно? *(Показал на графин.)* Опрокинем совместно, а? Как, барышня?

Сима. Я не пью.

Командировочный. Умница. *(Вове.)* Ну а ты составь компанию. *(Наливает себе и Вове.)* Я по людям соскучился. Второй

месяц в командировке по колхозам. «Заготптица»! Слыхал такую организацию? В Советском Союзе чего только нет! Всякая всячина! Вот я и есть «Заготптица» нашего края. Люблю поболтать с дорожными людьми вольно, безответственно, так сказать. *(Чокается о Вовину рюмку.)* Будь здоров. *(Выпивает.)* А ты что? Гнушаешься, что ли? Ты, брат, не гнушайся с простым человеком выпить. Простой человек — это сила. Это, брат, все! От него отрываться нельзя. Он, брат, коммунизм строит, этот простой человек!

Вова. Ну и стройте себе на здоровье, стройте и закусывайте.

Командировочный. Ты из тех, которые на все критику наводят, что ли?

Вова. Из этих самых.

Командировочный. А!.. Я, брат, по правде-то говоря, и сам злой. Собачья жизнь! Верно. Вы-то, современные, гордые! Воображения у вас много... Замысла! А я? Столба позвоночного нет — один хрящ. Мне что велят, то и делаю. Вот скажи мне: «Надо всех уток, кур, гусей в нашем крае истребить!» Поеду и буду разъяснять — истребить всех до единой птицы! Скажут: «Разводить по тысяче на душу». Поеду, буду агитировать — по тысяче на душу! Кур — на мясо? Кур — на мясо. Кур — на яйцо? Кур — на яйцо. Я человек управляемый.

Сима. Что это вы, дядя, говорите не то, что следует.

Командировочный *(пристально смотрит на Симу)*. А ты меня, барышня, понимай правильно. Я ведь что говорю: раз наши соответствующие организации берут определенный курс, значит, тут самая правда и есть. Самая ее сердцевина... Перспектива! Тут уж сомнений допускать нельзя! Ни-ни! Тут честно надо, по совести.

Сима *(Вове)*. Я посмотрю, не открылась ли касса. *(Ушла.)*

Командировочный. А у вас, я замечаю, расхожденьице есть. Она, значит, из идейных.

Вова. А вы, дядя, я вижу, из шипящих и свистящих.

Командировочный *(злобно)*. А ты?! *(Уставился на Вову пьяными глазами.)* Симпатия, что ли?

Вова. Вам-то что?

Командировочный. Все они, бабы,— гнус! Одним миром мазаны! Вот третьего дня ночевал я в колхозе у одной бабенки, ядреная такая, пухлая...

Сидящая вблизи Женщина вскочила.

Женщина. Что ж ты, сукин сын, перед молодым человеком раздеваться-то вздумал? Что ты на него свои душевные помои выплескиваешь? *(Вове.)* Плюнь ты на него! За тридевять земель от таких беги! Они, как болезни заразные, разлагают, губят, свет застят. *(Командировочному.)* Пошел за свой столик! Кыш, гнус, чего липнешь!

Командировочный забрал свои объедки и поплелся в угол. Проходит девушка-железнодорожница — дежурная по станции.

Автобус-то скоро будет, товарищ начальник?

Дежурная. Посадка идет!

Женщина. Батюшки!.. *(Собирает со стола свое имущество. Вове.)* Сынок тут у меня на стройке трудится. Проведать приехала... Не ждет, поди, не знает... Давно не видела, давно. Соскучилась! *(Взяла свои вещи и быстро ушла из помещения.)*

Вова как бы оцепенел. Он понял или, вернее, всем существом почувствовал, что это мать Пальчикова.

Командировочный *(из своего угла)*. Чтоб ты опоздала, холявая!

Вова *(в ярости)*. Заткнись, заготскот! *(Хватает с тарелки оставленный Командировочным соленый огурец и швыряет в него. Бежит и кричит.)* Гражданка! Гражданка! *(Убежал.)*

Входит Сима. Ищет глазами Вову.

Сима *(Командировочному)*. А где он?

Командировочный. Твой псих за какой-то бабой помчался.

Вова вернулся.

Вова *(растерянно)*. Не догнал... уехала.

С и м а. Кто?

В о в а. Мать Пальчикова... к нему приехала... из Москвы... с Таганки...

С и м а. Что ты! Московский поезд только вечером будет. Тебе показалось. Едем.

В о в а. Куда?

В БЕСПЛАЦКАРТНОМ ВАГОНЕ

Битком набито народу. С и м а и В о в а сидят на нижней скамейке. Поздно. Горит только контрольная лампочка. Сима и Вова дремлют. Дремота и теснота сделали так, что они сидят как бы обнявши друг друга, обнявши сладко, уютно, как два щенка. Сима открывает глаза. Видит, что Вова обнял ее, это ей очень приятно. Она снова закрыла глаза. Через мгновение открывает глаза Вова. Видит, что держит в объятиях Симу и что Сима прижалась к нему. Это ему тоже, видимо, приятно. Он тихо закрывает глаза.

В окно вагона льется утренний свет. Уже не так тесно. Есть свободные места. В о в а осторожно высвобождает Симу, прислоняет ее к стенке вагона, выходит из купе. Сима это все чувствовала. Когда Вова ушел, она плотнее закутывается в жакетку. В это время случайно нащупала фотографию в кармане. Вытащила. Посмотрела на лицо незнакомой ей девушки и тихонько выбросила в окно. Смотрит, как фотография взвилась в вихре и исчезла. Сима снова приняла прежнюю позу. Вошел В о в а. Сима делает вид, что только-только проснулась.

С и м а. Я вчера не помню, как и заснула.

В о в а. Я тоже.

С и м а. А ты где спал?

В о в а. В соседнем купе.

Сима поняла, что он сказал неправду, и очень обрадовалась. Проходит Г р а ж д а н и н.

С и м а. Комарино скоро будет?

Г р а ж д а н и н. Если ехать в эту сторону, то никогда. Проехали два часа тому назад. *(Ушел.)*

В о в а. А, не все ли равно, куда ехать?

С и м а. Верно. Я бы вот так ехала, ехала...

Г о л о с. Граждане, приготовьте билеты.

Д в а к о н т р о л е р а вошли в вагон. Один из них очень пожилой, другой — лет тридцати. Сима и Вова в растерянности, начинают искать место, где можно было бы укрыться; в тамбуре заглядывают даже в ящик для угля и переходят из вагона в вагон. Торопятся, страх гонит их.

С и м а. Скорей, скорей!

Они попадают в битком набитый вагон — здесь смех, шум, говор, песни.

Подожди. Узнаю. *(И обращается к какому-то Пареньку.)* Что это за народ?

П а р е н е к. Не видишь, что ли? На целину катим!

С и м а *(Вове, тихо)*. Останемся здесь — у них, наверное, общий билет, не заметят.

Вова и Сима пристраиваются к группе молодежи, объединившейся в кружок и поющей песню. Песня эта, видимо, импровизация самих поющих — шуточная, дурашливая, но от нее всем очень весело. В дверь вошли к о н т р о л е р ы, и Сима с Вовой, чтобы не казаться чужими, начинают петь вместе со всеми — Сима отчаянно громко. Вова сумрачно, страшно стесняясь. Контролеры идут по вагону, не спрашивая билетов.

М о л о д о й к о н т р о л е р. Привет, целинники!

Но ему никто не ответил, в общем гомоне его слов, видимо, и не слыхали. Поравнявшись с Вовой, один из контролеров хлопнул его по плечу: «Пропусти-ка, орел!» Контролеры прошли. Вова и Сима ищут место, где бы можно было пристроиться, сесть. Наконец, в первом от тамбура отделении, которое часто занимают проводники, свободная лавочка. Только они на ней расположились, как к о н т р о л е р ы вернулись и пошли прямо к Вове и Симе. Вова и Сима вскочили.

С т а р ш и й к о н т р о л е р. Сидите, сидите, не мешаете.

Вова и Сима сели, боязливо смотрят на контролеров.

М о л о д о й к о н т р о л е р *(Вове).* На целину, значит?

С и м а. Да.

М о л о д о й к о н т р о л е р. Откуда будете?

С и м а *(живо).* Из Омска.

М о л о д о й к о н т р о л е р. Родители-то пустили? Не сопротивлялись?

С и м а. Нет, рады были.

М о л о д о й к о н т р о л е р. Сознательные. По зову едете?

С и м а. По зову.

С т а р ш и й к о н т р о л е р. А я вот последний рейс совершаю. *(Задумался.)*

Сима и Вова тоже молчат. В конце вагона веселая-превеселая песня.

Шестьдесят три мне... со зрением плохо, гипертония, конечно, одышка тоже... на пенсию, значит... *(Опять умолк.)*

М о л о д о й к о н т р о л е р. Завидуешь им, молодым-то? А?

С т а р ш и й к о н т р о л е р *(подумав).* Нет. Мы тоже свою целину-то попахали. Было! Есть что вспомнить!..

М о л о д о й к о н т р о л е р. Это верно, Николай Алексеевич. Каждое поколение, оно свою целину пашет.

С т а р ш и й к о н т р о л е р. Точно. Я вот плохо теперь сплю. Ну, от нечего-то делать и думаю разные думы. Зачем, дескать, жил? Не поганил ли свою-то жизнь? Не хочу ли прожить все снова, заново, по-другому, так сказать? Нет, не хочу. Конечно, у каждого человека своя целина есть с самого его рождения, вот он ее всю жизнь и пашет. И пни корчует, и камни выбирает, и валуны выворачивает, и о дождике молит, и солнышка ждет. И все пашет, и пашет, и пашет. А уж к концу-то своему и смотрит, что это за урожай собрал. А потом, еще и так думаю: видно, и все-то человечество, со дня своего появления на земле, с развития-то, значит, пашет какую-то неведомую всеобщую Вечную Целину. Из рода в род, из поколения к поколению...

В о в а *(который весь превратился в слух)*. А зачем, дед?

Старший контролер. Что «зачем»?

В о в а. Зачем человек пашет эту всеобщую Вечную Целину?

Старший контролер. Должен.

В о в а *(вздрогнул)*. Должен? Зачем!?

Старший контролер. А ты не понимаешь?

В о в а. Нет.

Старший контролер. Долг, милок, чувствовать надо. Он и радость твоя и тяжесть. Тогда его выполнять — счастье для человека. Вроде бы и груз везешь, а хорошо. А без него, без долга-то, как бы порожняком едешь, вхолостую, значит, зазря...

И в это мгновение весь вагон загудел, послышались возгласы: «Приехали!», «Подъезжаем!», «Собирайся!» Замелькали чемоданы, рюкзаки, свертки.

Вова и Сима сидят на ящиках на перроне. Молчат. С привокзальной площади слышатся крики, смех молодежи. Грянул духовой оркестр. Звуки его постепенно затихают. Слышно, как отъезжают на грузовиках целинники.

В о в а *(оглядывая себя, свою запыленную, уже потрепанную одежду)*. Вот в таком виде прошлепать бы по улице Горького! А? Опять бы закричали: «Как не стыдно!», «Ах!», «Ох!»

С и м а. Надо что-то придумать, Вова. И есть хочется... и вообще.

В о в а. Слушай, Капитолина, ты целовалась с кем-нибудь?

С и м а. Ну что ты, какие глупости вдруг.

В о в а. Э! Это очень серьезно! Поцеловалась? Скажи!

С и м а. Отстань!

В о в а. Ну, мне для выяснения одного чисто философского вопроса.

С и м а. Дурачок ты.

В о в а. Значит, нет. Если бы целовалась, живо бы сказала: «Нет! Нет! Что ты!» *(И обратился к мимо проходящему железнодорожнику.)* Дядя, нет ли какой работенки на станции?

Андрей Данилыч. А ты разве не целинник?

В о в а. Куда там! Сознательности еще нет!

Андрей Данилыч. Работа есть, шут иваныч. Машина на металлургический идет, грузи тюки, мануфактуру там да галантерею — промтовар.

Вова. А сколько получу?

Андрей Данилыч. Пятерку заработаешь. Пойдет?

Вова. Вполне! Давай буду грузить нейлон, перлон, шпильки, гребешки! Долг!

Андрей Данилыч. Что?

Вова. Не поймешь — метафора!

Андрей Данилыч. С ума вы нынче сорвались.

Вова. Точно. Веди! Александр Всеволодович!

Андрей Данилыч. Меня Андреем Данилычем зовут.

Вова. А я думал, ты Александр Невский.

Помещение конторки в багажном отделении, где работает Андрей Данилыч. Андрей Данилыч — за столом, считает на счетах. Входит Вова. Он усталый, потный.

Андрей Данилыч. Готово?

Вова. Отгрузил.

Андрей Данилыч. Быстренько! Здоров, парень. *(Протягивает Вове клочок бумаги и ручку.)* Пиши расписку. Вот что, комик, я тебе рубль накидываю.

Вова. Премиальные, что ли?

Андрей Данилыч. Вроде. Хорошо работал.

Вова. Добрый волшебник!

Андрей Данилыч. Балагур ты, а я сам веселый. Ну, пиши... на десять рублей.

Вова *(радостно)*. Десять!

Андрей Данилыч *(смеется)*. Шесть твои. *(Многозначительно.)* Понял?

Вова *(после маленькой паузы)*. Абсолютно. *(Пишет расписку, отдает Андрею Данилычу.)*

Андрей Данилыч *(читая, злобно)*. Так-так!

Вова. Дайте мои пять, и все.

Андрей Данилыч. Три рубля получишь! Нет, два пятьдесят. По горло хватит — пиши, шантрапа.

Вова. Не смейте так разговаривать!

Андрей Данилыч. Подумаешь! Шляется тут всякая шпана. С целины, поди, сбежал или тяпнул что-нибудь у кого. Да еще деваху с собой таскает, паскуду...

Вова *(ярость залила его мозг, глаза)*. Вы — вор! Вы — вор!..

Андрей Данилыч. Вон ты как, паразит проклятый? *(Кричит.)* Демин! Демин!

Вбегает Демин, здоровенный парень-шофер.

Вова *(продолжает кричать)*. Вы — вор! Вор!

Вбегает Сима, которая была, видимо, где-то близко.

Андрей Данилыч. Демин, слышишь? Держи его, гада!

Демин. Некогда, Андрей Данилыч, я на металлургический.

Андрей Данилыч. Не сдохнут там, на твоем металлургическом. Держи, говорю.

Вова *(исступленно)*. Вор, вор!

Демин. Э, парень, нельзя так, нехорошо.

Вова. Вор, вор!

Демин подошел сзади к Вове, взял его за руки. Андрей Данилыч кричит в телефон: «Милиция! Милиция!» — но ему, видимо, не отвечают.

Андрей Данилыч *(Вове)*. Ты за оскорбление личности получишь. Демин, свидетель будешь! *(Машет бумагой, которую написал Вова.)* Доказательство. Он писал.

Сима. Пустите его, пустите!

Вова. Люди на целину едут, люди себя не жалеют, а тут — вор. Он меня уговаривал с ним заодно — пиши на десять... Шесть — мне, четыре — ему...

Андрей Данилыч. Ну и брешет же, собака! *(Демину.)* Держи! До нашего, вокзального, добегу! *(Быстро вышел.)*

Сима. Володя не врет. Он не врет! Он может иногда ужасные вещи говорить, но не врет.

Демин. Что он там написал?

Сима *(берет бумагу, оставленную Андреем Данилычем на столе, читает)*. «Ну и сволочь вы, дядя! С приветом. В. Ф.»

Демин *(отпуская Вову)*. Давай, знаешь, уходи отсюда, а то втяпает он тебя в историю, сядешь.

Сима. Идем, Вова, идем!

Вова. Так нельзя, нельзя!

Демин. Иди, пока время есть. Садись ко мне в машину, на металлургический свезу, там работы хоть отбавляй.

Вова сделал протестующее движение.

Иди, говорю, добра желаю!

Вова *(Симе)*. Видишь, видишь!

Сима силой выводит Вову из помещения.

Возвращается Андрей Данилыч. Видит — никого нет, поглядел в окно. Тарахтит грузовик,— видимо, уезжает Демин. Андрей Данилыч взял Вовину расписку, подумал, положил ее в стол, вынул из кассы пять рублей, положил себе в карман.

Андрей Данилыч *(говорит, глядя в окно)*. Вот паразит, вот паразит-то!

НА МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОМ ЗАВОДЕ

Вова и Сима — в помещении отдела кадров. Маленького роста мужчина перебирает какие-то бумаги и, обращаясь к сидящему в стороне с газетой в руках парню, говорит: «Сейчас, Павел, сейчас».

Илья Петрович *(Симе и Вове)*. Нет работы. Я сказал — нет!

Сима. Чего же тогда объявление повесили?

Илья Петрович. Не для вас.

Сима. Для украшения?

Илья Петрович. Для тех, кто всерьез, а не на отхожий промысел. Подработать им надо! Тут будущее строят, а она — подра-

ботать! Нашли забегаловку! Работать можно, а подрабатывать нельзя. Ясно?

Сима и Вова пошли к дверям.

Дурачье! Мимо своего счастья проходите. Рабочая сила вот как нужна. *(Провел ребром ладони по горлу.)* Но всерьез. Общежитием обеспечу. В заочный строительный техникум или институт помогу. Знаю, что вы нынче без учения все равно что бешеные. Дорогу обеспечу. Между прочим, Павел, ты бы насчет учения подумал — голова у тебя светлая, чистая, а?

П а в е л *(смеясь)*. Некогда, Илья Петрович, сам знаешь. С меня моего хватит.

И л ь я П е т р о в и ч *(Вове и Симе)*. Ну как? Остаетесь? А?!

В о в а. Нет.

И л ь я П е т р о в и ч. Ну и проходи мимо! Давай-давай, топай из помещения, не отсвечивай. Развелись, понимаешь, всякие!

П а в е л *(говорит ровно, спокойно)*. Ты, Илья Петрович, плюнь на них. Чего нервы без толку треплешь. Эй вы, благородные! На дорогу до Москвы, говоришь не хватает? *(Лезет в карман, деловито достает бумажник и из стопки денег берет одну бумажку, прячет бумажник.)* На, держи!.. Езжайте по своим инкубаторам.

В о в а *(спокойно, просто)*. Маловато. Это только на билеты. В дороге питаться надо.

П а в е л. Чего-чего, а эту арифметику они выучили. *(Опять достает бумажник, вытаскивает еще одну бумажку.)* На, добавлю.

В о в а *(абсолютно искренне)*. Не хватит. Я не могу питаться чем попало. Мне вагон-ресторан посещать необходимо, вина выпить.

И л ь я П е т р о в и ч. Павел, дай ему по носу.

П а в е л. Ты пиши, Илья Петрович, пиши, не отвлекайся... *(Вове.)* Сколько же тебе надо? Тебя как зовут?

В о в а. Сидор.

П а в е л. Сколько же тебе надо, Сидор?

В о в а. А сколько дашь?

П а в е л. Чудак! Ты говори, сколько надо?

В о в а. Нет уж, ты сам покажи весь радиус широты своей натуры. Может, целую сотню отвалишь. А?

П а в е л. Ага! Понимаю! *(Прячет деньги в бумажник.)* Илья Петрович, поставь его ко мне. У меня Махов ноет, к Соколову в прокатный просится.

И л ь я П е т р о в и ч. А куда тебе этого временщика, толку-то что?

П а в е л. Ну, пусть пока повертится, потом авось кого найду.

И л ь я П е т р о в и ч. Капризишь! Не пойдет он к тебе — они деликатные. *(Вове.)* Пойдешь подручным горнового?

С и м а. А что там делать?

П а в е л. Увидишь.

В о в а. Господи, до чего же вы меня, несчастного, гнилого интеллигента, маменькиного сынка, стилягу и нигилиста, испугать хотите!.. Ну просто волосы дыбом.

П а в е л *(Вове)*. Идем, спецодежду получишь.

И л ь я П е т р о в и ч. Куда ты этого барахлюка берешь — весь ритм работы собьет.

П а в е л. Ничего, срегулирую... Мы ему прививку против коклюша сделаем. Чтоб потом всю жизнь не кашлял.

С и м а. Мне бы... тоже работу.

И л ь я П е т р о в и ч. А ты что умеешь делать? Маникюр? Перманент?

В о в а. Господи, неужели, когда я начальником стану, так же с людьми разговаривать буду?

П а в е л. Слышал ты, как начальники разговаривают?

Павел и Илья Петрович захохотали.

И л ь я П е т р о в и ч *(кого-то увидел за окном, зовет.)*. Галя, Тамара, зайдите-ка!

Г а л я и Т а м а р а вошли.

Тамара, нет ли работенки для девушки?

Т а м а р а. Давай-давай, очень надо. В столовую поставим — подавальщицей или посуду мыть. Там зарез. *(Симе.)* Пойдешь?

С и м а. Да.

П а в е л. А ты, Галочка, покажи молодому человеку завод, подробно объясни — что, как, зачем. Он, видишь, горит энтузиазмом, хочет свой кирпич в общее здание положить. Так и горит, так и пылает. Так уж пусть он его положит со знанием, чтобы

не забыл, зачем клал, куда. Энтузиаст! А потом на четвертую домну отведешь. *(Вове.)* Вопросы есть?

Вова. К сожалению, все ясно.

Сима. Где встретимся, Вова?

Вова *(вдруг, растерянно)*. Не знаю.

Тамара. После смены разыщем, не потеряется.

Сима *(подбежала к Вове — и тихо, на ухо)*. Может быть, попросить сначала поесть?

Вова. Только пикни об этом! Иди!

Вова, Сима, Галя, Тамара ушли; Тамара уходит с Симой. Павел сел на мотоцикл и уехал, а Галя повела Вову по территории завода. Мимо них идут железнодорожные составы, груженные рудой, металлическими изделиями — рельсами, трубами; ковши с жидким металлом и шлаком; платформы с коксом.

Проход Гали с Вовой по территории завода. Галя — маленькая, белобрысенькая девушка, почти подросток по виду, голосок у нее тонкий, как щебетание птички. Все, что она сейчас будет говорить, показывая Вове завод, для нее истинное восхищение, радость и поэзия. Голосок ее звенит не умолкая, она не только хочет передать Вове свою увлеченность, но и сама получает еще раз наслаждение от того, что видит, о чем говорит. Она почти кричит, так как ей нужно перекричать гул, грохот, свист, шипение, которыми полна жизнь завода-гиганта.

Галя. Это мартеновский цех номер два... Ты, значит, на доменной будешь работать, чугун давать... Тоже интересно... У нас тут часть чугуна идет как товарная, отгружается на сторону, а часть на переработку, в сталеплавильные цеха... Вот это как раз бессемеровский... тут чугун продувают в конверторах, часть углерода выгорает... Ты это, наверное, сам знаешь, как из чугуна сталь получается? Да?

Вова не отвечает и, очевидно, совсем не слушает Галю, а с интересом смотрит вокруг и, как всегда, о чем-то углубленно думает.

Г а л я. Это гранбассейн... Смотри, смотри! Сейчас туда шлак лить будут... Близко нельзя... Если остатки чугуна попадут — взрыв будет... Да-да! Я видела.

Слышны шипение и свист, облако белого и густого, как вата, пара окутывает Галю и Вову. Сквозь облако слышны смех Гали и ее возглас.

Видал! *(И продолжает.)* Это изложницы, в них сталь льют... А это пылевидную руду везут на аглофабрику, там ее спекают... А вон два окошка — это лаборатория, я сейчас там работаю... Мы сюда целым классом приехали... Как окончила в прошлом году — так и сюда... Сначала листопрокатный достраивали... Его только недавно пустили — вон виднеется... А теперь кто где. Тут, знаешь, безгранично... Мы из Абакана... вместе с преподавателем физики приехали — Николаем Львовичем... Ну, ты понимаешь, как стране нужен металл. Черная металлургия — это основа основ, это...

Вова на мгновение остановился. Остановилась и Галя. Смотрят друг на друга. Вова приложил руку ко лбу Гали, потрогал его.

В о в а. Продолжай.

Галя покраснела, смутилась.

Г а л я. Конечно, ты это и без меня знаешь... Но, понимаешь, когда я учила про это — совсем не то, что теперь... Идем, покажу, где работать будешь... Получишь у мастера инструкцию... Познакомишься... а завтра начнешь...

КОМНАТА МАСТЕРА

Стол, на нем телефон, один железный стул. Две стены в щитах, на которых бесчисленное количество приборов. Висит плакат: «Снизим себестоимость чугуна на 10 копеек против плана!»

Бригада Павла в сборе — это пять человек. Вова в новом толстом суконном костюме — штанах и куртке, в руках — войлочная шляпа с полями.

М а с т е р *(Вове)*. Знакомься.

Вова одну секунду колеблется, не зная, как совершить этот несложный ритуал. Наконец подходит к каждому и здоровается за руку, рекомендуется: «Федоров... Федоров... Федоров...» Ребята не без любопытства смотрят на него.

П а в е л. Пошли!

И б р и г а д а П а в л а, один за другим, скрывается в дверях горнового помещения. Через мгновение оттуда слышен сильный шум, пылают багровые всполохи. Это началась плавка.

МОСТОК, СОЕДИНЯЮЩИЙ ДОМЕННЫЕ ПЕЧИ

В о в а стоит на узком железном переходе, держится руками за перила.

Устал очень. Лицо покрыто черным налетом. И то ли от этого, то ли от усталости, а может быть, и от внутреннего состояния лицо его какое-то совсем иное, новое.

Подошел П а в е л. Взглядом ощупывает Вову — как, мол, ты себя чувствуешь? Вова пытается сделать независимый и неусталый вид.

П а в е л. Все-таки выстоял.

В о в а. А ты думал, заплачу?

П а в е л. Понравилось?

В о в а. Непривычно. Но особого напряжения мозговых клеток не требует.

П а в е л. Конечно. Для этой работы высшего образования не надо.

В о в а. А для твоей?

П а в е л *(помолчав)*. Ты кем хочешь стать?

В о в а. Физиком. А ты?

П а в е л. Обедать идешь?

В о в а. Нет.

П а в е л. С собой есть еда?

В о в а. Не важно.

П а в е л *(замечает, что из ладоней рук Володи, которыми он держится за перила, текут струйки крови).* У тебя кровь течет.

В о в а *(небрежно сунул руки в карманы.)* Ну и что? Потечет — и перестанет. *(Забросил ногу на ногу — совсем франтовый вид.)*

П а в е л. Иди сядь где-нибудь, у тебя ноги трясутся. Сядь, а то вторую плавку не вытянешь. *(Спускается вниз.)*

Вова сел на ступеньки лестницы. Внизу Павел располагается для завтрака. К нему подходит С и м а.

С и м а *(Павлу).* А Вова где?

Павел таинственно манит Симу к себе. Сима подошла ближе. Павел молча показал вверх, где сидит Вова.

П а в е л. Вот что: он там отдыхает, чего-то обдумывает. Отнеси. *(Отдает ей свой завтрак.)* Подожди! Не говори, что я послал. Он психованный. А не поест — смену не вытянет. Суточный план завалит, заработка ни у кого не будет. Поняла? Ну, словом, соври что-нибудь, вы, бабы, это умеете. *(Подтолкнул Симу в спину.)*

С и м а *(поднимается к Вове).* Я тебе поесть принесла.

В о в а. Откуда это?

С и м а. Аванс попросила — мне и дали.

В о в а. Павла видела?

С и м а. Обедает. Он мне и сказал, что ты здесь. Ешь!

Разложила перед ним на газете еду. Вова хочет взять бутерброд, но руки не держат, и бутерброд летит сквозь решетчатые ступени вниз, на землю. Вова берет второй, несет ко рту, но пальцы дрожат, и второй бутерброд, не дойдя до рта, падает. Сима берет бутерброд, подносит ко рту Вовы, Вова покорно откусывает, ест.

(Как бы не замечая этого положения, продолжает кормить Вову.) Представь себе, отец думает, что я с тобой уже к Москве подъезжаю, твои считают — ты у нас гостишь, вот смех-то! Да!.. *(Смеется.)* Завтра с утра сядем в поезд — и в ту сторону или в другую. Верно? Хватит!

Проходит рослый П а р е н ь из бригады Павла.

П а р е н ь. Кончай перекур — скоро вторая плавка.

Вова даже вздрогнул, с трудом встал, пошел вверх по лестнице.

С и м а *(с ужасом смотрит на него. Догнала)*. Может, бросить? Не надо?

В о в а *(глухо, но абсолютно решительно)*. Уходи! *(Продолжает подниматься.)*

Сима смотрит ему вслед. Когда Вова исчез за дверьми, Сима быстро взбежала вверх, приоткрыла дверь, смотрит в щель. Из горнового помещения — свист, грохот. Гул. Застекленные стены озарились светом.

ДВОР ЗАВОДА ОКОЛО ДОМНЫ

Смена окончена. Р е б я т а — члены бригады Павла — расходятся по двору. В о в а стоит во дворе один. К нему подошел П а в е л. Они стоят у Доски почета, где наклеены фото передовиков.

П а в е л. Идем в общежитие.

В о в а. Не пойду.

П а в е л. Куда же?

В о в а. Погуляю.

П а в е л. Не хочешь в таком виде людям на глаза показываться?

В о в а. Угадал.

П а в е л. Да, будь я на твоем месте — тоже где-нибудь в одиночку отдышался бы.

В о в а. Это твой портрет? *(Показал на портрет на Доске почета.)*

П а в е л. Ну, мой.

В о в а. Шел бы в институт.

П а в е л. У меня мать больная, еще брат — в школу ходит да сестренка-малявочка... Кому куклу подавай, кто глобус выпрашивает, то да се — тяну.

В о в а. А, понял.

П а в е л. Идем?

В о в а. Иди.

Павел ушел. Вова пошел по заводскому двору. Кто-то из встречных посмотрел на него, на его нетвердую походку и сказал: «Уже успел набраться!» Пошел мелкий дождь. Вова заходит в какой-то закут, под навес, и ложится на спину. Лежит, распластавшись, разбросив широко руки, и смотрит вверх. Думает. Темнеет.

Сима ищет Вову. Промокла, озябла, жалкая, дрожащая. Ищет, ищет! Вдруг натыкается на Вову. В первое мгновение ей кажется, что он умер. Она кинулась к нему, села около него на землю. Увидела, что Вова крепко спит. Долго смотрит на него. Оглядывается вокруг. И целует Вову в губы долгим-долгим поцелуем. Устраивает ему из какого-то валяющегося тряпья изголовье, укрывает своей жакеткой. Сидит молча. Потом встает и, накрывшись от дождя куском фанеры, который подняла над головой, бежит к себе в общежитие.

КОМНАТА В ОБЩЕЖИТИИ

Медсестра дает Симе таблетку. Входит Вова.

Медсестра *(увидев Вову)*. Ой, какой красавчик с утра явился!

Вова *(девушкам)*. Сима Федорова здесь живет?

Медсестра. Вот она. Заболела.

Вова. Как это — заболела?

Медсестра. Как люди болеют,— лежит и болеет, температура тридцать девять и восемь, простыла, видать.

Вова подошел к Симе. При виде Вовы Сима прячет свои худенькие плечи под одеяло. Вова взял стул, подсел. Девушка оставила их одних — ушла.

Вова. Чего это ты выдумала?

Сима. Я не знаю.

Вова. Вот уж тоже...

Сима. Да...

Вова. Чего у тебя?

Сима. Не знаю.

Вова. А что болит?

С и м а. Ничего не болит. Немножко горло.
В о в а. Ну-ка, покажи.

Сима открывает рот.

(Заглядывает туда.) Ничего не видно. Зубы у тебя красивые... И маленький язычок смешной. Зачем у человека маленький язычок?

С и м а. Не знаю.

Молчит.

В о в а. Врач был?
С и м а. Девочки побежали... придет.
В о в а. Ела чего-нибудь?
С и м а. Нет, не хочется.
В о в а. Надо. Я куплю.
С и м а. Ничего не хочется. Потом. *(Пристально смотрит на Вову.)*
В о в а. Ехать ведь надо.
С и м а. Я знаю.
В о в а. Ну и что?
С и м а. Выйди, я оденусь.

Входит Ж е н щ и н а-в р а ч.

В р а ч. Федорова — ты?
С и м а. Я.
В р а ч *(ставя свой чемоданчик на стол, раскрывает его. Все делает очень четко, деловито, почти как автомат.)* На бюллетень, значит, захотелось, милая... Ох, не любим мы работать, о́х, не любим! *(Протирает руки спиртом.)*
В о в а *(не поняв шутки)*. Я думаю, вы, прежде чем говорить это...
В р а ч. А ты выйди отсюда, пожалуйста.

Вова опешил.

Выйди, выйди — неужели сам не догадываешься?

В о в а повернулся и вышел.

В р а ч. *(Подходя к Симе.)* Как с парнями болтать, так с утра можно, а на работу... *(Взяла руку Симы, слушает пульс. И вдруг — очень ласково.)* Что это с тобой, моя милая, случилось? Ну-ка покажись...

У КРЫЛЬЦА ОБЩЕЖИТИЯ

В о в а ждет, когда появится Врач.
Выходит В р а ч.

В о в а. Доктор!

В р а ч. Ну тебе чего?

В о в а. Я бы даже не стал к вам обращаться после того, как вы так резко...

В р а ч. Ну давай, давай без лирических отступлений. Они у Гоголя хорошо получались, у тебя не выйдут.

В о в а. Скажите, пожалуйста, ей не противопоказано будет сегодня уехать на поезде?

В р а ч. Противопоказано, и очень даже. Смотри не дури. А ты откуда? Что-то я тебя ни разу не видела?

В о в а. А вы всех знаете?

В р а ч. Всех! *(Показывает на проходящих людей, на едущих шоферов.)* Это — Степанов, это — Поползухин, это — Горбачев едет, это Силкина идет, это — Кашкин... Твоя как фамилия?

В о в а. Федоров.

В р а ч. Муж ей?

В о в а. Что вы!

В р а ч. Что ты изумляешься, как будто не мужчина? Брат?

В о в а. Тут сложная ситуация...

В р а ч. Ох, не люблю же я этих сложных ситуаций! Ты где работаешь?

В о в а. На четвертой домне.

В р а ч. Приходи, противостолбнячную прививку сделаю, там расскажешь. *(Ушла.)*

Вова идет к Симе.

КОМНАТА В ОБЩЕЖИТИИ

Вова. Что она сказала?

Сима. Ничего особенного — простыла. Сейчас встану, одеваться буду.

Вова *(улыбнулся)*. Лежи... комическая.

Сима. Ты не уедешь... один?

Вова. Вообще-то именно сейчас самое подходящее время от тебя избавиться... Даю один день. От силы — два.

Сима *(улыбаясь)*. А ты опять туда?

Вова. Ну и что?

Сима. Трудно.

Вова. Подумаешь. *(Вдруг взял руку Симы и неуклюже ласково пожал ее.)* Смотри поправляйся!

За окном раздается гудок санитарной машины.

За кем это санитарная машина?

Сима. Это за мной. В больницу кладут. Доктор сказала — надо. Вот что: ты поезжай один, поезжай!

Вова *(растерянно)*. Да что ты! Что ты! Нет-нет, и не думай!

Санитар *(входя)*. Федорова?

Сима. Да.

Комната набивается девчатами, раздаются возгласы соболезнования. Вову оттеснили от Симы. Он хочет пробиться к ней, но не может. Симу на носилках выносят из общежития. Вова остается один, стоит посреди комнаты.

КОМНАТА В МУЖСКОМ ОБЩЕЖИТИИ

Вечер.

Вова сидит на койке, пришивает пуговицу к рубашке. В стороне двое ребят занимаются — перед ними книги, тетради.

Вова. У нас с седьмого класса в школе астрофизический кружок организовали... Я председателем был... до самого десятого класса.

Паренек. А ты почему решил здесь остаться, у нас?

Вова. Понравилось.

П а р е н е к. У нас интересно, верно?

В о в а. Страсть! К нам самые выдающиеся светила приезжали: профессора, академики... В науке поразительно не то, что мы уже знаем, а то, что можно узнать. *(И обратился к Пареньку.)* Ты что, за девятый класс просматриваешь?

Ш а п к и н. Им, понимаешь, чистеньким, только учение подавай. Работать-то лень, тяжело!

В о в а. Шапкин, думаешь, мозговой клеткой шевелить легче, чем мускулом! *(И опять обратился к Пареньку.)* Ну-ка покажи. *(Берет учебник. Подержал его в руках. Ласково.)* Привет, старик! *(Раскрыл страницы.)* Комедия!.. Слушай, у тебя нет какого-нибудь учебника посложнее? А? Я бы парочку задачек щелкнул. А?

П а р е н е к. Нет.

В о в а *(входя в азарт)*. Я ведь за второй курс университета решал. Да-да! Честное слово. Иногда и за третий!.. А эти *(показал на учебник)* могу в уме. Слушай, вот я закрою глаза, а ты мне какую-нибудь посложнее выбери, прочти... В конце, в конце пошарь.

Паренек читает задачу.

Вова, закрыв глаза, с наслаждением ее решает, произнося вслух решение. Решение задачи идет ясно, последовательно.

Кое-кто из сидящих вблизи ребят и взрослых обратил внимание, и все смотрят на Вову, как на фокусника.

Однако Вова не успел до конца произнести решение, как дверь распахнулась, входит П а в е л.

П а в е л *(Вове)*. Ты что же не говорил — твоя девушка в больнице лежит?

В о в а *(открыл глаза и как бы очнулся)*. А что?

П а в е л. Девчат из ее общежития сейчас видел — помирает она.

Вова не сразу понял, что ему сказали. Потом вскочил и бросился к двери.

ВЕСТИБЮЛЬ В БОЛЬНИЦЕ

Поздний вечер. Тихо. Совершенно потрясенный В о в а *сидит напряженно на стуле. Невдалеке —* П а в е л. *Хлопнула дверь, Вова вздрогнул, обернулся. Но это прошла* М е д с е с т р а.

В о в а *(окликнул ее)*. Сестра!

М е д с е с т р а. Чего тебе?

В о в а. Можно у вас попросить листок бумаги и карандаш?

М е д с е с т р а. Сейчас. *(Ушла в регистратуру, вернулась, дала Вове бумагу и карандаш.)*

Вова устраивается у столика и лихорадочно пишет.

Из дверей, где палаты, выходит В р а ч. *Она подошла к Вове, стала около него, но Вова, не замечая ее, пишет. Наконец он почувствовал присутствие человека и вскочил.*

В о в а. Здравствуйте.

В р а ч. Ну чего вскочил, сиди, сиди. Здравствуй. *(Посадила Вову и сама села напротив него на стул.)* Это тебе девчонки из общежития сообщили?

В о в а *(показав на Павла)*. Он. Сказал — умирает...

П а в е л. Девчата передали.

В р а ч. Насчет «умирает» — это они по своей инициативе. Кризис у Симы. Тяжелый. Ответственный. Я тебя и просила найти.

В о в а. Вы?

В р а ч. Я.

В о в а *(вдруг)*. Она не умерла? *(Встал.)*

В р а ч. Да что ты, что ты! Сиди. Я спросила ее: не послать ли нам родителям телеграмму, так, информировать, мол, чтоб не волновались. Она неопределенно отвечает. Вроде боится отца. Тебя почему-то помянула. Словом, колеблется. Посылать или нет?

В о в а. А вы как считаете?

В р а ч. Полагается.

В о в а. Она может умереть?

В р а ч. Тихо, тихо!

Пауза.

Вова. Да, да! Послать!.. Я сбегаю на станцию, сейчас... Отец у нее знаменитый партизан был, одиннадцать орденов имеет... Он придумает... Он поможет... Я сейчас... Доктор, отдайте ей это письмо, пусть прочтет, сейчас же, сразу.

Врач. Что ты, она не может читать...

Вова *(секунду помешкав).* Вы прочтите ей, сейчас.

Врач. Она не услышит.

Вова. Почему?

Врач. Она без сознания лежит, Володя.

Пауза. Вова осознает услышанное.

Вова. Доктор, вот что: сядьте около нее и тихонько-тихонько прочтите ей на ухо... тихо-тихо... Она услышит, клянусь вам, она услышит — это важно, это очень важно... Пожалуйста, считайте это бессмыслицей, но сделайте, прошу вас... Тихо-тихо... каждое слово... А?..

Врач. Ну хорошо, хорошо... Обещаю. *(Берет у Вовы письмо.)*

Вова. Я на станцию.

Павел. Едем.

Выходят. Слышен звук отъезжающего мотоцикла.

ПАЛАТА, ГДЕ ЛЕЖИТ СИМА

Глаза Симы закрыты, лицо блестит, дышит тяжело и часто. Свет от маленькой настольной лампочки. Кругом темнота. К койке подсаживается Врач. Лицо Врача тоже еле вырисовывается во мраке. Она прислушивается к дыханию Симы. Врач вынимает из кармана халата листки Вовиного письма, положила их на колени, под свет. В это время возникает шум мчащегося мотоцикла. Врач тихо и внятно начинает читать письмо.

Врач. «Симка, дорогая моя! Я никогда не писал подобных писем и ни за что бы не написал, если бы ты была здорова. Я не верю ни в какие письма, ни в какие слова, ни в другие выражения чувств, потому что все это шелуха и никогда не выражает сути дела, а только мельчит его. И хотя я знаю, что

ты все понимаешь без слов, все же почему-то беспокоюсь и должен произнести эти банальные и ничего не говорящие слова: я люблю тебя! Но я гораздо больше, чем люблю тебя! Ты человек, ты интересный и особенный человек! Ты какая-то такая, каких я и не видывал никогда. Ты смешная и до невероятности глупая, но именно от всего этого я прихожу в какой-то совершенно сумасшедший восторг, когда вижу тебя или думаю о тебе. И мне стоит невероятных усилий владеть собой, чтоб ни ты и никто на свете этого не видел. Если ты умрешь, я, может быть, убью себя. Не знаю точно, еще не решил, но если я решу, то убью непременно. Я думаю, ты меня понимаешь хорошо и видишь все мои плюсы и минусы. Неужели никому не ясно, что если кто и страдает от моих недостатков, то в первую очередь и сильнее всего я сам. Думаешь, мне легко быть таким? Но чем я виноват, что я такой! Но я такой! И не хочу быть другим. Слышишь, не хочу! И я буду ненавидеть то, что считаю ненавистным, и любить то, что мне нравится. Слышишь? Симка, в общем, ведь и ты такая! Без тебя мне сейчас трудно, хотя кое-что тут есть и интересное. Между прочим, Павел обещал мне дать плавку. То есть я буду горновым. Конечно, не сейчас, но, думаю, освою. Любопытно, а? Как ты на этот счет?.. И если плавка пройдет удачно, то все скажут, что я забочусь об увеличении выпуска чугуна для страны, а на самом деле я просто устрою все это в твою честь. Да еще скажут, что я перевоспитался, хотя, по-моему, перевоспитаться надо не мне, а другим. Но самое главное — я, кажется, хочу учиться! Хочу учиться, слышишь! Я буду здорово учиться, вот увидишь! Ты просто ахнешь, когда увидишь, как я буду учиться! Мир должен быть лучше, чем он есть. И мы постараемся. А? Поправляйся обязательно! Мы обязаны жить. Ты слышишь, я пишу «мы», потому что... я люблю тебя, Симка!.. В дурацком человеческом языке нет слов, и я не могу их сейчас тут, на ходу, придумать, но я люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя». *(Смотрит на Симу, та дышит ровнее.)*

М е д с е с т р а *(она слышала чтение письма и тоже прислушивается к ее дыханию).* Неужели услышала?! Счастливая!

ДОРОГА

П а в е л и В о в а мчатся на мотоцикле.

В о в а. Павел...

П а в е л. Что?

В о в а. У меня к тебе один глупейший вопрос.

П а в е л. Давай.

В о в а. Где бы достать курицу?

П а в е л. Чего?

В о в а *(краснея)*. Курицу... Для Серафимы. Я помню, когда дома болел, мать всегда курицу готовила. Мне это очень нравилось.

П а в е л. Купи в магазине.

В о в а. Я вчера там был — нет.

П а в е л. В колхоз, может, съездить? А?

В о в а. Продадут?

П а в е л. Скажи, зачем. Едем! *(Прибавил скорость.)*

В о в а. Ты знаешь, я хотел до Москвы пешком дойти.

П а в е л. На спор, что ли?

В о в а. Со злости. Странно, а теперь злобы нет.

П а в е л. Чего ты такой беспокойный?

В о в а. А ты покойный?

П а в е л. Я беспокойный при деле, а ты — вообще.

В о в а. Я, понимаешь, не могу видеть, когда попадаются воры, лжецы, подхалимы, хамы. У меня весь аппетит к жизни пропадает. Удавиться хочется.

П а в е л. Ишь какой! А думаешь, другим пакости видеть — удовольствие?

В о в а. Жизнь должна быть чистой.

П а в е л. Конечно!

В о в а. Так почему же...

П а в е л *(смеется)*. Вылупился ты на свет божий — и подай тебе чистую жизнь. Абсолютную! Ты недоволен, что человечество к твоему появлению на свет все в самом идеальном виде не приготовило: «Вовочка родился! Ах! А мы еще коммунизм не построили! Ах! Ах! Ах!.. Попадет нам от него!»

Вова смеется.

Родились мы с тобой в такое время, когда самое главное — драться! И ты дерись, дерись, дерись, черт недоученный... или переученный, я уж не знаю, как и сказать. Не нравится?

Вова. Нет, симпатично! Павел, как ты думаешь, курица произведет на нее впечатление?

Павел. Безусловно!

У БОЛЬНИЦЫ

Врач и дядя Вася. В руках у дяди Васи чемодан.

Врач. Двухстороннее крупозное воспаление легких — не игрушка.

Дядя. Стало быть, сегодня увидеть ее нельзя.

Врач. Сегодня — нет. Завтра — может быть.

Дядя. Значит, угроза еще не снята?

Врач. Не снята.

Дядя. А где этот подлец работает, не знаете?

Врач. Знаю. «Подлец» работает на четвертой домне.

Дядя. Я ему, сукину сыну, сейчас покажу! *(Энергично направился в сторону четвертой домны и сразу же наталкивается на Вову, видимо идущего к Симе.)*

Вова *(бросается к дяде)*. Здравствуйте, дядя Вася!

Дядя. Это ты?

Вова. У Симы были?

Дядя *(еще не понимая, как себя надо вести)*. Да.

Вова. Как она?

Дядя. Завтра, может быть, к ней пустят.

Вова. Ага! Значит, лучше. Я утром был, мне доктор этого не говорил. *(Берет дядин чемодан.)* Идемте в столовую, вы, наверное, с дороги голодны. *(Тронулся к столовой.)*

Дядя идет рядом. Искоса посмотрели друг на друга. Идут по двору. Идут, молчат.

Это листопрокатный, недавно закончили...

Опять идут молча.

Это бессемеровский...

Д я д я. Родители твои с ума сходили. Я им телеграмму дал. Письма я от них получал. *(Достал из кармана письма.)* На, полюбопытствуй на страдания.

В о в а. Не надо. *(Отстранил письма.)*

Д я д я. Духу не хватает?

В о в а. Любите мучить. *(Взял письма, положил в карман.)*

Д я д я. Деньги твои я привез.

В о в а. Какие? А, те-то? Это хорошо — надо Симе кой-какую одежду купить. У нас тут магазин довольно приличный.

Опять идут молча.

Я думаю, вам лучше всего в нашем общежитии поселиться. Павла попрошу, устроит.

Д я д я. Кто это?

В о в а. Павел-то? Приятель. Не возражаете?

Д я д я. Нет.

В о в а. Это не гостиница «Украина», но койка будет.

Д я д я. Ничего, мы привычные.

В о в а. Ох, дядя, привычка к неудобствам не способствует прогрессу. Временно терпеть — так и быть. Привыкать к плохому — хорошего мало. А?

Д я д я. Да, тип ты все-таки.

В о в а. Конечно, тип! А вы как думали?

ВЕСТИБЮЛЬ В БОЛЬНИЦЕ

В о в а и Д я д я ожидают выхода Симы из больницы. Н я н я взяла у них узел с одеждой, пошла в палаты. Вова и Дядя сидят на стульях. Вова положил на столик цветы, которые держал.

Д я д я. Ты, я вижу, за это время многому научился. Другим стал...

В о в а. Дядя, когда мне говорят подобное, меня почему-то тошнить начинает.

Д я д я *(побагровел от ярости и, так как громко кричать нельзя, свирепо шипит)*. Живет в тебе сволочной бес!

В о в а *(весело)*. Без этого беса, дядя, по-моему, вообще жить не стоит. Нельзя же относиться к жизни серьезно!

Д я д я. Уважения к старшему у тебя мало.

В о в а. Почему? Вы симпатичный старик.

Д я д я *(опять побагровел)*. А вот я тебя не могу понять: приятное ты это мне говоришь или пакость?

В о в а. Приятное, дядя Вася, приятное!

Д я д я. То-то. *(Помолчал.)* Вечером, значит, домой едем.

В о в а. Едем.

Д я д я. Что теперь делать собираешься?

В о в а. Еще не решил.

Д я д я. Опять?

В о в а. Дядя, потерпите, я решу... когда решу.

Д я д я *(глядя на Вову)*. Не пойму! И нравишься ты мне и противен.

В о в а. Диалектично.

Д я д я. Погоди... Ты можешь хотя бы временно шута не изображать?

В о в а. Попытаюсь.

Д я д я. Так вот: нравишься ты мне потому, что задора в тебе много, перца... даже чересчур... горько даже. Ну ничего, терпеть можно. И что несправедливость и все плохое в нашей жизни ненавидишь — тоже нравится. Это всякий... Это и мы так... А противен потому, что пустой. О мировой справедливости кричишь, а сам точки приложения сил не имеешь. О мировой справедливости хорошо тогда мечтать, когда ты за эту мировую справедливость на своем, пускай маленьком, участке каждый день камни обтесываешь... Конкретно, так сказать, зримо. Вон твой горновой, Павел, мать кормит да еще брата с сестренкой — вот он уже мировую справедливость и защищает. А ты? Кто в тебе нуждается? Зачем ты? А он еще о заводе, как о родном доме, печется — а завод-то тоже для людей. Опять конкретно. А кто о мировой справедливости только на словах кричит, других поносит — болтун и дребедень пустая. Жалость вызывает и презрение. Конечно, тот, кто только о своем брюхе думает да о своем курятнике, ради этого и долбит пешней,— тоже еще не человек, а так... животное повышенной квалификации. Тут как-то соединяться должно: и мировая справедливость и твой участок. Ищи, брат, его, действуй, а то сгоришь попусту... Не обидел я тебя?

В о в а *(серьезно)*. Нет. *(Вдруг порывисто обнял Дядю.)*

Д я д я. Что ты, что ты!

Входит С и м а. Она в новом платье, выглядит нарядной и, как часто бывает с людьми после болезни, помолодевшей и одухотворенной. Она стала в чем-то иной. Более трепетной. Целуется с Дядей. Дядя крепко-крепко обнял ее и долго держит, прижав к себе. Любит сильно. Чуть ли не слезы на глазах. Вова стоит в стороне.

С и м а *(подходит к нему, протянула руку)*. Здравствуй.

В о в а *(очень небрежно пожал ей руку)*. Привет, хвороба!

С и м а *(виновато)*. Вот как получилось... Тебе трудно было...

В о в а *(небрежно)*. Подумаешь! *(Передает Симе коробку.)* Тебе!

С и м а *(открывает и вынимает из коробки изящные, модные белые туфли)*. Ой, лучше тех! *(Надела, прошлась.)*

В о в а. Ну, тронулись... *(Спохватившись.)* Одну минуту. *(Взял цветы, лежащие на столике. Кого-то ищет глазами. Нашел. Подошел к доктору.)* Это вам... от дяди...

В р а ч. Может, и от тебя?

В о в а. В общем, пожалуй...

В р а ч. Слушай, я тогда твое сумасшедшее письмо прочла, но ей так и не передавала. Вот оно. *(Достает письмо.)* Отдай сам.

В о в а *(взял письмо)*. А!.. Чепуха! *(Разорвал письмо, бросил в урну.)*

В р а ч. Богатый какой! *(Ушла.)*

Д я д я. На вечерний поезд успеем.

В о в а *(не зная, как начать)*. Я вот что решил: езжайте вы двое.

Д я д я. А ты?

В о в а. Тут мне ненадолго остаться надо. Дельце одно провернуть. Чепуха, конечно, но все равно времени зря потерял кучу. Лишняя пара недель... А?

Д я д я *(пристально глядя на Вову)*. Да... Любопытная ты тварь! Серафима... *(Посмотрел на Симу, все понял. Умолк.)*

В о в а *(на ухо)*. Видите, дядя, я уже, кажется, кому-то нужен!

Д я д я. Ну, на вокзал-то хоть проводите?

В о в а. Еще бы!

Д я д я. Глаза бы мои на вас не глядели!

В с е т р о е уходят.

ДОМЕННЫЙ ЦЕХ

Вова работает у летки на месте горнового. Он сосредоточен, взволнован. Идут последние приготовления к плавке. Сима наблюдает издали. Смотрит Мастер. Не без любопытства смотрят подручные горнового и Павел.

Пауза.

Вова *(голосом твердым, но с волнением)*. Открыть летку!

Разбивают летку. Поток металла хлынул и озарил помещение. Свет все ярче, ярче, и ярче! Рвется ввысь клубом дым, фейерверком взлетают искры — все пришло в движение. Плавка началась.

Павел и Вова — во дворе завода.

Павел. Уезжаешь?

Вова. Ты в Москве бывал?

Павел. Никогда.

Вова. Да что ты! Темнота! Приезжай, у нас остановишься — квартира небольшая, но я себе персональную комнатку отбил. *(Разворачивает сверток, с которым стоял, достает роскошную большую куклу и глобус.)* Это твоим: сестренке и братишке, на память вроде.

Павел. Это же дорого!

Вова. Дешевле многого. А это — тебе. *(Дает Павлу пачку дорогих папирос.)*

Павел. Черт! И дать тебе нечего. *(Вдруг срывает с себя шапку, протягивает Вове.)* Возьми. Все-таки что-то!

Вова, смеясь, берет шапку и надевает ее.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ ПОЛОТНО

По шпалам идут Вова и Сима. Они идут почти так же, как шли всю дорогу. Одеты, как одеваются теперь молодые люди — довольно модно. Совсем вдали еле виден разъезд, к которому они направляются. Вова насвистывает танцевальную мелодию.

Сима. Что это ты насвистываешь?

В о в а. Один модный танчик. Умеешь их танцевать?

С и м а. Нет, конечно.

В о в а. Научу обязательно! Ахнешь!

С и м а. Ты скажи: в Москву мы едем или к нам?

В о в а. Это не решает дела, Евдокия! Важно в голове иметь своих страусов.

С и м а. Чего?

В о в а. И, может быть, дожив до ста лет, умереть, так и не увидав их. Понятно?

С и м а. Идет мне это платье?

В о в а *(остановившись)*. Слушай, сказать тебе, почему ты за мной тогда увязалась?

С и м а. Когда это?

В о в а. Ну, когда я от вас убежал.

С и м а. Почему?

В о в а. Сказать?

С и м а. Пожалуйста.

В о в а. Потому, что ты в меня...

С и м а. Дурак ты, вот кто ты!

В о в а. А! Боишься!

С и м а. Господи, до чего ты глуп, до чего ты... противен! *(Быстро пошла вперед. Вова — за ней. Сима повернулась, лицо ее горит негодованием, стыдом, отчаянием.)* Не смей за мной ходить! Слышишь? Я тебя презираю! Ты урод! Слышишь? Ты жаба! *(Опять быстро пошла.)*

В о в а *(догоняя ее)*. Подожди!

С и м а *(остановившись)*. Я тебе что сказала!

В о в а *(хохочет)*. Правды испугалась!

С и м а. Ты стиляга! Ты воображала!.. Ты все только врать умеешь, врать!.. Не ходи за мной, слышишь! *(Побежала по шпалам.)*

В о в а *(бежит за ней)*. Елена!.. Тоня!.. Ирина!.. Вера!.. Анастасия!..

Разъезд уже близко. Развевается на бегу платье Симы. Вова еле поспевает за ней. Очень далекий гудок паровоза. Впереди поднимается стрелка семафора.

З а н а в е с

1962

В ДЕНЬ СВАДЬБЫ

ДРАМА В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

САЛОВ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ — *ночной сторож.*
НЮРА }
ЖЕНЯ } *его дети.*
НИКОЛАЙ }
РИТА — *жена Николая.*
НЕЛЛИ — *их дочь.*
МИХАИЛ ЗАБОЛОТНЫЙ.
ВАСИЛИЙ ЗАБОЛОТНЫЙ.
КЛАВА КАМАЕВА.
МАЙЯ МУХИНА.
ТОНЯ — *подруга Нюры.*
ОЛЯ КОЖУРКИНА.
МЕНАНДР НИКОЛАЕВИЧ — *кладовщик.*
МАТВЕЕВНА.
СЕРГЕЕВНА.
АЛЕВТИНА ПЕТРОВНА.
МУЗЫКАНТЫ, ПАРНИ, ДЕВУШКИ, ГОСТИ.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Двор небольшого дома, расположенный на высоком берегу Волги. Во дворе врытый в землю стол, верстак с привинченными к нему тисками. Сбоку виден сарай. Во дворе вещи, вынесенные из дома для просушки и проветривания: мебель, коврики, дорожки и другая разная утварь. В доме раскрыты окна. Там идет уборка, моются полы.

На протяжении сцены С е р г е е в н а *периодически выносит ведро с грязной водой, где-то за домом выливает его и несет в дом чистую воду. Иногда она вытрясает на крыльце то занавеску, то накидку, то просто тряпку. С Волги доносятся гудки пароходов, сирены самоходок, жужжание моторных лодок. Полдень. Жарко.*

У стола сидят С а л о в И л ь я Г р и г о р ь е в и ч *и* М а т в е е в н а. *Салов диктует. Матвеевна записывает. У верстака —* М и х а и л. *Он разбирает какую-то деталь.*

С а л о в. ...Значит, всего гостей будет сорок шесть человек. Ну, округляй — пятьдесят, может, кто так зайдет, на шум. Теперь пиши, что купить. Мяса килограммов десять уж обязательно — котлеты сделать да в пироги. Нет, десяти не хватит, четырнадцать уйдет. Пиши — четырнадцать. Баранины возьми да свинины. Студень, конечно, надо. Значит, коровьих ног восемь штук или десять. Пиши уж десять. Селедок. Ну, пять-то килограммов обязательно. Посолоней возьми, да только не ржавых, не тощих, жирных выбери. Постного масла два кило уйдет: на винегрет... на винегрет зеленого луку купи килограмма три, на базаре его уже много.

М а т в е е в н а. Дорогой еще, до семидесяти копеек.

С а л о в. Ничего, свадьба, чай, а не так — вечеринка. Яиц — и в пироги и к селедке — сотню надо взять. Можно недорогих, не по рубль

тридцать четыре, а по девяносто. Капусты возьми кочна четыре, с мясом пироги-то сделаем и с капустой.

Матвеевна. С рыбой бы еще хорошо.

Салов. Рыбы-то, пожалуй, не достанешь.

Матвеевна. А я с утра в артель в Черноусово съезжу, достану. Прямо из невода возьму, и недорого.

Салов. Это хорошо. Съезди, достань.

Матвеевна. Дам на литровку, они мне полную корзину наложат.

Салов. Колбасы бы хорошо.

Матвеевна. Порыскаю.

Салов. Ну, пока все. Бери корзину и иди.

Матвеевна уходит.

(Ей вслед.) Семянок к вечеру купи стаканов пятнадцать.

Матвеевна ушла.

(Развернул лежащую на столе газету, посмотрел в нее, отложил в сторону.) Мишуха, принеси пивка, парит шибко.

Михаил. А где оно?

Салов. В подпол, поди, Нюрка поставила.

Михаил пошел в дом за пивом. Салов встал, подошел к дверям сарая, приоткрыл их.

(Говорит негромко.) Женечка! Женька!

Ответа нет. Салов приоткрыл дверь и снова пошел к столу, но на ходу кого-то увидел за забором.

Менандр Николаич, зайди-ка.

Михаил вышел из дома.

Михаил. Нету там, Илья Григорьевич.

Салов. Значит, в погреб унесла. Поди пошарь — привыкай к дому-то.

Михаил идет к погребу. В калитку входит Менандр Николаевич. Он сильно припадает на одну ногу, видимо инвалид войны. Здоровается с Саловым.

М е н а н д р Н и к о л а е в и ч *(показывая на выставленное во дворе имущество)*. К завтрашнему торжеству готовишь?

С а л о в. Ага!

М и х а и л. Здравствуйте, Менандр Николаевич.

М е н а н д р Н и к о л а е в и ч. Здравствуйте, Миша. Ты что, в вечернюю, что ли?

С а л о в. Три дня законные взял, положено.

М е н а н д р Н и к о л а е в и ч. То-то, смотрю, гуляет.

М и х а и л ушел. Менандр Николаевич здоровается за руку с Саловым.

С а л о в. Садись, Менандр Николаич, пивка выпьем.

Менандр Николаевич садится к столу.

Перерыв, что ли?

М е н а н д р Н и к о л а е в и ч. Обедать иду.

С а л о в. Жарища-то какая! Вторую неделю шпарит.

М е н а н д р Н и к о л а е в и ч. Сухо... Михаил-то к тебе уж и переехал?

С а л о в. Нет еще. Хочу по правилам: как завтра зарегистрируются, так уж и сюда. Приходи, субботу и воскресенье гулять будем.

М е н а н д р Н и к о л а е в и ч. Влетит тебе это предприятие в копеечку.

С а л о в. Свадьба.

М е н а н д р Н и к о л а е в и ч. Деньги-то где достал?

С а л о в. Нюрка ссуду взяла, у Михаила подкоплено было, да я страховку жизни получил. Удобная штука, понимаешь! Вносил вроде бы по мелочам, а теперь сразу двести рублей отвалили.

М е н а н д р Н и к о л а е в и ч. Одного винища, поди...

С а л о в. Самогончика добавим. Из Семеновского брательник привезет, добывает там один...

М е н а н д р Н и к о л а е в и ч. Не боится?

С а л о в. Говорят, способ новый придумал. Холодильник у него «ЗИЛ», так он в холодильнике вымораживает. Не гонит, а по-новому — холодом выпаривает.

Менандр Николаевич. Смотри ты!.. Надо узнать, как это.

Входит Михаил. Ставит на стол бутылки, стаканы.

Салов *(трогая рукой бутылку)*. Запотела. Глотку бы не застудить. *(Открывает пиво, разливает по стаканам.)* Достань-ка, Менандр Николаич, белил цинковых килограммов шесть. Есть на складе-то у тебя или нет?

Менандр Николаевич. Тебе когда надо-то?

Салов. Да сегодня бы.

Все трое выпили пива. Михаил пошел к верстаку и тискам.

Это Николай просил. Катер он купил моторный, да цвет не по вкусу, перекрасить хочет. Хорош катерок. Не видел?

Менандр Николаевич. Нет.

Салов. Он его у пассажирской поставил. Поедешь в город, посмотри. Около шестидесяти сил... Да погоди, он, наверно, на нем сегодня и приедет. Точно! Михаил вон ему бензонасос перебирает взамен.

Менандр Николаевич. Белила есть, как раз завезли. Ясли красить будем. Пока ребятишки в лагере, окрасим. Только ты мне дай бидон, я налью — будто бы молоко. А то неловко, увидит какая собака.

Салов. Мишуха, принеси-ка бидон!

Михаил *(заикаясь)*. А г-где он?

Салов. В кухне, поди.

Михаил ушел.

Менандр Николаевич. С брачком парень-то.

Салов. А ему с Нюркой не по телевизору выступать комментаторами... Да и не всегда он, иногда ровно говорит, без запинания.

Менандр Николаевич. С чего это у него?

Салов. От рождения, видать.

Менандр Николаевич. Нехорошо.

Салов. Чего нехорошо?.. Вон ты хромой, калека, можно сказать, от тебя жена и то не открестилась.

Менандр Николаевич. Так я в Отечественную...

Салов. Одним словом, Нюркино дело, не наше.

Менандр Николаевич. Это точно. А так-то он как?

Салов. Тихий.

Пьют пиво. С Волги доносится басистый гудок теплохода.

Большой сверху идет. «Илья Муромец» должен. Волга-то стала, Менандр Николаич, а? Магистраль! Теплоходы, пароходы, самоходки, толкачи туда-сюда, а?

Менандр Николаевич. Точно. В двадцатых-то годах самолетские-то чудом красоты казались, а теперь их, голубчиков, и не видно в гуще-то, вымирают... Жалко, тоже красавцы были.

Салов. По высокой-то воде им тяжело.

Менандр Николаевич. Жаль только, этими морями Волгу попортили, красоты той нет, тишины, волшебства...

Салов. Зато прогресс.

Менандр Николаевич. Это точно... Роща вон там была, тоже нет, свели.

Салов. Домищи-то какие выставили!

Менандр Николаевич. Домищи — точно. Да... Чего-то уходит, чего-то взамен.

Салов. И на заводе нашем что раньше-то выпускали? Напильники да чугуны с кастрюлями. А теперь экскаваторы.

Менандр Николаевич. Развиваемся...

Салов. Мост пешеходный строят.

Менандр Николаевич. Это хорошее дело. А то по весне да по осени тонут люди-то.

Салов. Николай катер на меня записать пожелал. Говорит: не хочу, чтобы мне этим катером всякий паразит в нос тыкал. Теперь ведь мода такая: раз ты начальник, стало быть, вор. Глупо.

Менандр Николаевич. Еще бы не глупо. Подумаешь, моторка! Да их теперь по Волге тыщи. Слышишь?

Тихо. Слышны звуки идущих по Волге моторных лодок.

Что раньше стрекоз. А помнишь, в двадцатых-то одна ходила, губисполкомовская.

Салов. Помню-помню. Смех! А чья она была?

Менандр Николаевич. Да я ж тебе говорю — Губисполкомовская, обчая.

Салов. Да-да, богатеем.

Менандр Николаевич. Жизнь-то разворачивается...

Салов. Шибко.

Менандр Николаевич. А берегов старых жалко. Заводи были, камыши, остров песчаный.

Салов *(смеется, пугая его)*. Погоди, еще издадут приказ — высушить всю Волгу. Скажут — не надо, и конец.

Менандр Николаевич. Кто это скажет?

Салов. Там... Решат и высушат. Один миг! Мол, будет тут проезжий тракт. Зальют, стало быть, русло асфальтом, до краев нальют, укатают и пустят машины. Мол, для скорости...

Менандр Николаевич. Будет тебе...

Салов. Вот те и будет!

Входит Михаил, ставит бидон на стол, идет к тискам.

Менандр Николаевич. Техника, конечно, идет. А я вот что читал: скоро изобретут машину почище телевизора — мысли читать будет.

Салов. Это ты оставь...

Менандр Николаевич. Говорю тебе!

Салов. Не допустят.

Менандр Николаевич. Увидишь.

Салов *(сердясь)*. Закон издадут — не изобретать.

Менандр Николаевич. Да-да. Вот так я сижу с тобой, а в кармане у меня аппарат.

Салов. Не будет этого!

Менандр Николаевич. Будет. Что произойдет-то?

Салов. Неразбериха, вот что. Да разве человек волен над своими мыслями? Мало ли что в голову лезет... Вот тут я как-то сижу в охране с оружием своим, идет мимо Харитонов, бухгалтер наш, хороший человек, приятный, а я думаю: «Вот сейчас наведу я на тебя свое оружие... бац! И ты кверху лапками!..» Вот, брат, какие глупые мысли... Меня за это арестовать надо, а? Как ты думаешь, Мишуха, изобретут такой аппарат?

Михаил. Возможно.
Салов. Одна радость — не доживу.
Менандр Николаевич *(берет бидон)*. Благодарю за пивко.
Салов. Так ты принеси к вечеру.
Менандр Николаевич. Налью. *(Пошел.)*
Салов *(вслед)*. На свадьбу-то с жинкой приглашаю.

Менандр Николаевич ушел.

Садись, Мишуха, в тенек, а то голову напечет.

Михаил садится к столу, наливает пиво, пьет.

Имущество-то свое ты из общежития сегодня и перенеси, а то завтра кружало будет, завертит.
Михаил. Ладно.
Салов. С чего это ты заикой-то стал? С рождения, что ли?
Михаил. Н-нет.
Салов. Испугали?
Михаил. Дда ттак...
Салов. Это изъян небольшой. А в остальном хороший ты парень, деловой. Рад я, что ты Нюрку мою берешь. Она ничего, здоровая, ровная. Засиделась, конечно, маленько. Двадцать шесть лет — это для женщины возраст, да по тебе все, дурень, тосковала. Чай, уж года три, а то четыре, а ты все тянул чего-то. Чего тянул-то? А?
Михаил. Брак все-таки, Илья Григорьевич.
Салов. Это конечно. Да ты зови меня просто — папаша, душевнее вроде.
Михаил. Не привык еще.
Салов. Привыкай. Вот, брат, и кончается твоя одинокая жизнь. Учить мне тебя нечему, вы теперь, молодые, ученее нас. Да ты разинь рот-то, поговори со мной.
Михаил. О чем?
Салов. О себе расскажи. О жизни, которая была. Что я о тебе знаю? Шестой разряд, комсорг цеха — и все.
Михаил. В детдоме я воспитывался.
Салов. Это знаю. А родители-то кто были?

М и х а и л. Неизвестно.
С а л о в. Приблудный, что ли?
М и х а и л. Из Ленинграда нас в сорок втором вывезли.
С а л о в. Стало быть, законные имелись. Это хорошо. Не помнишь их?
М и х а и л. Не помню.
С а л о в. Совсем?
М и х а и л. Совсем.
С а л о в. Ну, хоть что-нибудь маячит?
М и х а и л. Ничего.
С а л о в. Совсем ничего?
М и х а и л. Совсем.
С а л о в. Жалко. Интересно бы было... Экой ты, брат!
М и х а и л. Я себя только с детдома помню, с Перми.
С а л о в. Да, детдом — это не малина. Конечно, государству честь и хвала, забота, так сказать. Только детдом — нехорошо, из детдомов одно ворье выходит, жулики.
М и х а и л *(смеется)*. Ну уж!
С а л о в. Не о тебе говорю, не обижайся. Детдом-то хоть путный был? А то в войну ко всяким таким заведениям примазывались разные, на жратву перли.
М и х а и л. И у нас было. Потом упорядочили.
С а л о в. А фамилия твоя от кого пошла, не знаешь?
М и х а и л. Нас, говорят, когда из Ленинграда вывозили, бомбили сильно, поубивали много. А кто остался, лесами да болотами выводили. Четырнадцать детей, говорят, осталось. Нашли за болотами без единого взрослого, поубивало их. Так всех нас и окрестили Заболотными. Трое еще в Перми умерло, тех уж я помню.
С а л о в. А остальные где?
М и х а и л. Ну, Василия-то, моего дружка, вы знаете. А остальные — по Союзу.
С а л о в. Да, война... *(Скомкал газету.)* Вот какие командиры воевать собираются, им бы так сказать: давайте-ка, господа-товарищи, мы сначала вас поубиваем, детей ваших и жен, а потом воевать начнем, согласны? Не согласятся ведь, потому сами-то выжить собираются, командиры-то эти... У нас тебе хорошо

будет, Михаил. Я человек не трудный, во все времена честный был. Круг твоей жизни замкнулся, причалил, брат. Теперь ровно пойдет, хорошо. В школу-то ты в какой класс ходишь?

Михаил. В десятый.

Салов. Перспектива, значит, есть.

Во двор входит Василий.

Василий *(Михаилу)*. Ты тут? Привет. Илья Григорьевич.

Салов. Здравствуй, баламут. Ты от кого удирал, что ли?

Василий. С чего это?

Салов. Рожа шкодливая.

Василий. Ногу калиткой прищемил.

Салов. Не хвост ли?

Василий. Я узнать — не нужно ли помочь?

Михаил. Вещи из общежития перенести надо.

Василий. Давай. Раньше невесты приданое в дом тащили, а теперь женихи.

Михаил. Равноправие.

Василий. Даже большое. Шиворот-наоборот... Пиво-то всем дают или только родственникам?

Салов. Сквозняк ты, парень, ветрогон. Пей.

Василий *(наливает пиво, пьет)*. Почему сквозняк? Я веселый.

Салов. Чересчур.

Василий. А нам, Илья Григорьевич, много в жизни недодано. Что мы с Мишей в детском доме видели? Думаете, одни конфетки? Золотого детства не было. Оловянное было, железобетон. А теперь мы в люди вышли, сами себе начальство. Надо свое добрать. Жизнь-то хороша, Илья Григорьевич! Хороша, а?

Салов. Ну, хороша.

Василий. Именно. И Волга хороша, и небо хорошо, и во мне все переливается. Работаем мы складно. Висят наши портреты у ворот предприятия? Висят. Значит, с государством мы в ладах. Ну, и жить мы с Мишей должны в свое удовольствие, вольно, а?

Салов. Ты себя с Михаилом не равняй.

Василий. А я и не равняю, разные мы. Он в глубь жизни нырнуть норовит, а я поверху плаваю. Знаю.

С а л о в. Тебе тоже вглубь-то не мешало бы.

В а с и л и й. Не могу. Пузырь у меня внутри большой, наверх выбрасывает. Да и чего там в глубине — дышать нечем. Жили мы в глубине-то, знаем. А наверху солнышко светит, воздуху много, одна радость.

С а л о в. Несерьезный ты человек.

В а с и л и й. Это правильно. А почему? Я, Илья Григорьевич, не люблю, когда мне жизнь на завтра откладывают. Завтра, мол, тебе будет хорошо, а теперь потерпи. Мне ведь, собственно говоря, и сейчас хорошо. Я ведь не совсем опилками нашпигованный, на других вон смотрю, вижу — мечутся как угорелые, глаза озабоченные, рыскают. Ох, мол, делом я сейчас занимаюсь, некогда мне, не до веселья, отойдите все от меня, я лучшее добываю. А лучшее-то вот оно, тут. *(Стучит себя в грудь)*. Не люблю я озабоченных и серьезных, много они о жизни выдумывают, приписывают ей, чего в ней и не имеется.

С а л о в. Язык-то у тебя хорошо подвешен, да слава о тебе плохая.

В а с и л и й. Какая это?

С а л о в. Сам знаешь.

В а с и л и й. От зависти языки чешут.

Во двор входит О л я.

О л я. Здравствуйте.

С а л о в. Здравствуй, Ольга.

М и х а и л. Здравствуй.

В а с и л и й. Кожуркина, приходи завтра на свадьбу, присматривайся.

О л я. Женя не приезжал?

С а л о в. Уж целую неделю тут.

О л я. А где он?

С а л о в. Вон в сарае спит.

О л я. Так уже двенадцать.

С а л о в. От московской жизни отсыпается.

О л я. А что?

С а л о в. Ничего. Там, поди, коромысло. С лица сбежал и все спит, спит. А ты-то где была?

О л я. Картошку окучивали.

С а л о в. Поди побуди его.

О л я. Пусть спит. Я после.

В а с и л и й. Да как это возможно! Что он там, зажмуря глаза, видит? Сны? А тут наяву такая симпатяга явилась. *(Бежит в сарай.)*

Слышно, как Василий будит Женю: «Вставай, вставай, самое дорогое-то и проспишь». Василий выталкивает из сарая **Ж е н ю.** *Тот в одних трусах, взлохмаченный, заспанный.*

Вот он, москвич.

Ж е н я *(Оле)*. Приехала... Я к тебе каждый день заходил, узнавал.

О л я. Мне говорили.

С а л о в. Так чего ж ты меня спрашивала, приехал ли он?

О л я. А чего мне говорить-то было?

С а л о в *(Жене)*. Поди ополоснись.

Ж е н я. Я на реку, выкупаюсь. *(Берет полотенце, одежду, Оле.)* Пойдем.

О л я. До свидания.

Убежали.

В а с и л и й. Облизывайся, Михаил. Ты свое отгулял, последний день вольным ходишь. А мне в общежитие вселят теперь вместо тебя какого-нибудь деятеля из-под Чухломы. Э-эх, предал!..

С а л о в. Хорошая девушка. Да мой-то там в Москве завел, поди, кого. В Москве-то, говорят, разврат кишит. Так-то он чистый был. Странный даже...

В а с и л и й. Чего странней — в артисты поехал учиться.

С а л о в. Ну и что, не люди они, что ли, артисты-то?

В а с и л и й. Да ты не переживай, Илья Григорьевич, может, из него мировая кинозвезда загорится. Прославит он всю вашу фамилию и наш поселок. Может, и обо мне потом в связи с ним напишут: был у его шурина Михаила дружок Василий Заболотный, парень во всех отношениях замечательный.

С а л о в. И трепло, какого свет еще не видывал. *(Михаилу.)* Что это Нюрка-то провалилась? Посуду еще надо доставать, у нас и на десятерых не наберешь.

В а с и л и й. Так я один миг, Илья Григорьевич, никто не откажет. Скажу — Мишке-сироте на свадьбу одолжите: на тысячу человек приборов наберу. Народ добрый, любит жалеть.

С а л о в. Ну, так берешь посудное хозяйство на себя?

В а с и л и й. Сказано!

С а л о в. На пятьдесят персон. Ножи, вилки, тарелки, стопочки, графины бы тоже. Хорошей посуды не бери, перебить могут.

В а с и л и й. Сделаю.

С а л о в. Пойду Женьке пожрать разогрею. *(Ушел в дом.)*

В а с и л и й *(оглядывая дом, двор)*. Хозяйство ты себе отхватил одним махом. Кто был ничем, тот станет всем.

М и х а и л. Ты от кого тут прячешься-то?

В а с и л и й. Пошел купнуться, да чуть на Майку Мухину не напоролся.

М и х а и л. Она все-таки дочь главного инженера.

В а с и л и й. А у меня в этих делах равноправие.

М и х а и л. Разлюбил?

Василий утвердительно мотнул головой.

Быстро у тебя...

В а с и л и й. Ты счастливый, Миша. Ты свою Нюрку полюбил, три года вокруг нее топтался, теперь женишься, и на этом твои сердечные переживания оканчиваются. Теперь ты ее до гроба любить будешь. Тебе и кажется, что у всех так: полюбил, женился, помер.

М и х а и л. Оправдания, что ли, ищешь?

В а с и л и й. А чего мне оправдываться, чудак? Я размышляю. Полюбил я Мухину? Полюбил. А теперь разлюбил? Разлюбил. Вот я и хочу понять, что во мне происходит. Ведь человек-то я хороший.

М и х а и л. И с Прохоровой у тебя история была.

В а с и л и й. И с Прохоровой.

М и х а и л. И с Мигуновой.

В а с и л и й. И с Мигуновой. Да ты не считай, собьешься.

М и х а и л. И всех любил?

В а с и л и й. Всех, клянусь. Я, видать, родился таким. Иду по улице, ни одной более менее сносной пропустить не могу. Сотворил же бог такое разнообразие! Ты, поди, идешь, девчонок-то и не

замечаешь, а посмотри, как они сами в глаза хотят бросаться! Одна платье такое наденет, всю талию подчеркнет, другая волосы от ушей вверх так зачешет, что самое ее симпатичное местечко вот тут, коло уха, так и высвечивает. Третья кофточку наденет такую рентгеновскую — глазам больно. Ты думаешь, она этот газ-шифон для вентиляции носит? Четвертая туфельками так к тебе в душу и заползает...

Михаил. Недаром они тебе на шею и вешаются.

Василий. Недаром.

Михаил. Что с Мухиной-то делать будешь?

Василий. Скажу: извините, обознался, не за ту принял.

Михаил. Что значит — не за ту?

Василий. Ищу, Миша.

Михаил. Кого?

Василий. Ну, ту, единственную, о которой в песнях поют.

Михаил. Долго ищешь.

Василий. Чем же я виноват, что она где-то прячется! Скажи, ты Нюрку по-настоящему любишь?

Михаил. По-настоящему..

Василий. Выворачивает тебя?

Михаил. Что значит — выворачивает?

Василий. Ну, душу всю, значит, наизнанку рвет?

Михаил. Любовь-то, думаешь, перепой, чтобы наизнанку рвало?

Василий. Я не так выразился... Скрытный ты, разве расскажешь. Помнишь, когда мы на плотине на Куйбышевской работали — мне тогда лет семнадцать было,— влюбился я в первый раз в одну убогонькую. Тосей звали. Не помнишь?

Михаил. Разве упомнишь всех...

Василий. Жениться хотел. А потом понял — не люблю я ее, а жалею. А она тогда без меня вроде и жить не могла. Вот, брат, какое положение. Уж я задним ходом такие петли давал, еле вырулил. Плакала она. А я себя распоследним подлецом чувствовал, убить хотел. А теперь у нее муж — кандидат наук, двое детей или трое, кажется,— узнал я недавно случаем. Меня разве только для смеха вспоминает.

Михаил. Ну и что?

В а с и л и й. Так. Нюрка твоя, конечно, ничего. Пообтрепалась она в завкоме в последнее время, обшаблонилась. Раньше как-то душевнее была, ярче... Слушай, откровенно скажи: ты вот только ее и любил?

М и х а и л. Ее. Ну, еще одна была. Та не в счет.

В а с и л и й. Кто это?

М и х а и л. Нет ее тут, уехала давно.

В а с и л и й. Не скажешь?

М и х а и л. Незачем.

В а с и л и й. А которую больше?

М и х а и л. Несравнимо это.

В а с и л и й. В какую сторону?

М и х а и л. Ну, ладно, не залезай, куда не приглашают.

В а с и л и й. Чудной ты, Миша. *(Смеется.)*

М и х а и л. Чем это?

В а с и л и й. Да я каждое твое дыхание знаю, и вдох и выдох, как ты мое. И в детдоме кроватки наши рядом стояли, и теперь койки в общежитии по одной стенке выровнены.

М и х а и л. И что?

В а с и л и й. Все, друг милый, я про тебя знаю.

М и х а и л. Что?

В а с и л и й. Ладно, не таращь глаза.

М и х а и л. А ты скажи.

В а с и л и й. Ох, любишь ты все в себе в одиночку таскать. Смотри, не надорвись когда. От всех у вас заперто было, да не от моего глаза.

М и х а и л. Да ты скажи, на что намекаешь-то, балда?

В а с и л и й. У-ух, копилка ты беззамковая, навечная!

В калитку входит М а й я М у х и н а.

М а й я. Мишенька, с наступающей.

М и х а и л. Здравствуй, Майя, приходи завтра.

М а й я. Обязательно. Потанцуем. Здравствуй, Василий.

В а с и л и й. Я думал, ты в город уехала.

М и х а и л ушел в дом.

Меня, что ли, ищешь?

Майя. Тебя.
Василий. Вот я.
Майя. Вижу... Разлюбил?

Василий молчит. Майя заплакала.

Василий. Ну чего ты... Тебе со мной хорошо было?
Майя. Очень!
Василий. Ну, скажи спасибо, и на этом покончим. Зачем плохо-то делать?
Майя. Гад ты ползучий, вот ты кто.
Василий. Быстро переквалифицировала!
Майя. Вася! *(Бросилась к Василию, хотела его обнять, но он отбежал в сторону.)*
Василий. Не любишь ты меня, вот что.
Майя. Я? Ты что? Это ты, ты меня не любишь! Я к тебе всей душой.
Василий. Да не душой ты, а телом, вот в чем беда.
Майя. Паразит!
Василий. Не лайся.
Майя. Душа тебе нужна, выродок.
Василий. У тебя же незаконченное высшее образование...
Майя. А у тебя ремесленное. Понимал бы разницу, детдом проклятый!
Василий. Детдом... Правильно я тебя раскусил. Вот уж полную пазуху камней накопила. Детдом!.. У детдома душа есть, веселье, а у тебя эгоизм один. Детдому-то, может быть, именно тихая ласка нужна, слово. А у тебя, знаешь, один ход — полный вперед всем корпусом. Так ведь и обожраться можно.
Майя. Вон как?! Ладно! Слетит твоя рожа с Доски почета, не видать тебе прибыльной работы. *(Зовет.)* Миша. Миша!

Входит Михаил.

Я тебе официально, как комсоргу цеха, говорю: поставь об этом аморальном типе вопрос. Мало того, что с моей лучшей подругой Мигуновой поступил как последний подлец. Если бы ты, Мишенька, слышал, как она убивалась и плакала. Припала головой мне на плечо и вздрагивает и вздрагивает. А если ты

по дружбе покрывать его начнешь, то, Мишенька, и тебя пощекотать придется, хотя ты — парень сам по себе безобидный. Учти! *(Подошла к Василию.)* Добром говорю: пойдем прогуляемся по-хорошему, я не обидчивая.

Василий. Все высказала?

Майя. Все.

Василий. Ну и отдавай швартовы.

Майя. Смотри, Михаил, и на тебя жаловаться будем. Помни, Вася, я сейчас в эту крутую гору бежала не затем, чтобы тут поплакать. В одной книжечке вычитала: женщина, полюбив, способна и на величайший героизм, и на величайшую подлость. Ты, поди, не читал, потому что больше футболом интересуешься. Так попомни! *(Ушла.)*

Василий. Ну, знаешь, раскрыла всю свою сущность! Я в последнее время чуял, что она нехорошая, но до такой степени...

Михаил *(передразнивая)*. В последнее время... Правильно раньше делали, что по три года ухаживали, выясняли. А у нас теперь чуть защекочет: ай, скорей! Скорей! Как ты сразу-то ее не раскусил?

Василий. Доверчивый я. Показалось мне что-то в ней, померещилось. Что-то она в первые-то разы стоящее мяукала. Видать, тоже из какого-то сочинения напрокат брала. Я и развесил махалки. Нежность-то я люблю.

Михаил. Вот теперь и женись на ней.

Василий. Еще чего! Такая сожрет и по косточке через день выплевывать будет да еще облизываться.

Михаил. Она тебе не Мигунова. Она, знаешь, на плече у всего завода рыдать будет.

Василий. Ну и что?

Михаил. Повертишься. Это ведь я один знаю, что ты парень хороший, хоть и пакостник, а в глазах-то всех как выглядишь?

Василий. Как? Ведь ей, гадюке, хорошо со мной было. Ведь я ей настоящее чувство дарил. Я всегда настоящее, всем. А как настоящее уходит, я и сам ухожу. Я же не обманываю.

Михаил. Ты тут у меня заплачь, все тебя и пожалеют.

Василий. От этого не только плакать, удавиться охота. Что это

тебя, понимаешь, норовят в собственность взять? Я не хочу, знаешь, этих узов брака. Я вообще никаких узов не люблю и не признаю. А на тебя со всех сторон узы, узы так и набрасывают.

М и х а и л. С людьми живешь, не на луне. Поди залетай туда первым, кувыркайся в одиночестве, делай что хочешь.

В а с и л и й. А! И туда с земли команду подавать будут.

М и х а и л. Таких, как ты, без узды оставь — наворочают. Дал слово — держать надо, а в таких делах особенно. Тут уж чужую судьбу в руки берешь, чужую жизнь. Другой человек доверяет тебе ее, согласие дает.

В а с и л и й. Э, погоди! Не навязывай мне свой образ жизни. Ты когда начинаешь все эти слова говорить, у тебя правильно выходит. Я и сам понимаю, что так-то, как ты говоришь, лучше. Да в этих делах я почему-то не по фарватеру иду, сносит.

М и х а и л. Она тебя и в райком потянет.

В а с и л и й. Ну, знаешь, райкому только и делов. Так они и мечтают заседать на тему, почему Васька Заболотный от Майки Мухиной ходу дает. Нет, ты скажи мне, на какую пакость я себя три месяца растрачивал! А ей все мало, мало, мало. Не любит она жизнь, себя любит, персону свою. Думает, и весь мир для нее сотворен. Нет, милая, он для всех поровну.

Входит С а л о в.

С а л о в. Ты еще за посудой-то не ходил?

В а с и л и й. Сейчас иду.

Входят Н ю р а и ее подружка Т о н я.

С а л о в. Чего так долго?

Т о н я. Долго!.. Поди походи из магазина в магазин по такой жарище-то. Одних туфель сто пар перемерили. Привереда она.

Н ю р а. Так ведь получше хочется.

Т о н я. Не узнать тихоню-то нашу. Шумит, как ветер какой! Затаскала. Сиреневые бусы искали. Подай ей сиреневые, вынь да положь. Все ряды обошли, в фабричный район ездили, с ног валимся. Михаил, видишь, ей приказал — сиреневые бусы надеть.

М и х а и л. Да в шутку я, просто так.

Т о н я. А для нее шутка твоя приказом вышла. Вот, брат, какую жену берешь верную. Не нашли только, голубые купили. Может, с голубыми нас и не возьмешь?

М и х а и л. Возьму.

Т о н я. А то мы ведь и другого отыщем, получше тебя. *(Нюре.)* Примерь туфельки, покажи.

Нюра вынимает из коробки белые туфли на высоких каблуках. Тоня бросилась ей на шею, плачет.

С а л о в. Чего ты, Антонина?

Т о н я. Жалко!.. Такую свадьбу закатим, чтоб на той стороне, в городе, слышно было.

Входит А л е в т и н а П е т р о в н а со свертком в руках.

А л е в т и н а П е т р о в н а. День добрый, товарищи.

С а л о в. Здравствуй, Алевтина Петровна.

Т о н я. Платье принесла?

А л е в т и н а П е т р о в н а *(Нюре)*. Примерить надо.

Т о н я. Ну-ка, ну-ка, покажи.

Н ю р а. Хорошо получается, Алевтина Петровна?

А л е в т и н а П е т р о в н а. Уж я тебе так скажу: сошью — никто отродясь такого не нашивал. Кто мне в прошлом году путевку в Мацесту выхлопотал? Ты. Знаю, у Егорова из когтей выдрала, потому справедливая ты. Ему жену прогулять надо было, а мне ноги живые ремонтировать. Плясать на твоей свадьбе буду до упаду на этих-то ногах... Пойдем в дом, чего они тут выпялились-то.

Н ю р а, Т о н я, А л е в т и н а П е т р о в н а идут в дом.

Н ю р а *(с крыльца)*. Миша, а мы в рядах Клавдию Камаеву встретили. Она из Ленинграда теперь сюда совсем переехала. В седьмой школе преподавать будет. Я ее и на свадьбу позвала и сегодня посидеть. До чего она красивая стала, ужас! *(Ушла.)*

В а с и л и й. Эх, и закрутим мы эти два дня.

Возвращаются Ж е н я и О л я.

С а л о в *(сыну)*. Поешь тут яишенку, в доме-то кавардак.

Оля идет к столу. С а л о в уходит в дом. Ж е н я пошел в сарай.

В а с и л и й. Миша, пошли вместе посуду выпрашивать.

Михаил не отвечает.

Миша!

М и х а и л. Что?

В а с и л и й. За посудой, говорю, пойдем.

М и х а и л. За какой посудой!

В а с и л и й. Да ты что, от жары, что ли?

М и х а и л. Идем, идем...

В а с и л и й и М и х а и л уходят.
С а л о в приносит яичницу, молоко, хлеб, ставит на стол и уходит. Из сарая вышел Ж е н я, в руках его рулон бумаги.

Ж е н я *(разворачивает рулон)*. Видала?

О л я. Что это?

Ж е н я. К их свадьбе делаю. Я, значит, вечером усну, а как рассветет, часа в три просыпаюсь и до шести рисую, пишу. А потом опять спать ложусь. Это свадебная стенгазета. Назвал «Законный брак». *(Показывает.)* Это Нюра, это Михаил. А в середине отец в виде бога Саваофа благословляет их.

О л я. А это — ангелы, что ли?

Ж е н я. Какие ангелы! Это их будущие дети.

О л я. Так тут штук десять.

Ж е н я. Ну и что?

О л я. Так много не бывает.

Ж е н я. Во-первых, бывает, а во-вторых, я это для выражения идеи, чтоб ясней было. Ну, нарисовал бы я одного ребенка, двух, что было бы? Так, серый реализм, скука. А когда их тут десяток — забавно. Верно?

О л я. А что это за стихи?

Ж е н я. Пушкин, Блок, Евтушенко. Между прочим, я Евтушенко в Москве видел.

О л я. Разве он живой?

Ж е н я. У-у, темнота!..

О л я. Я теперь все-все советские кинокартины смотрю.

Ж е н я. Хороших маловато.

О л я. Мне все равно. А вдруг я тебя там увижу? Знаешь, сижу в зале, и все мне чудится — вот-вот ты на экране появишься. Кажется, умру от страха, даже зубы стучать начинают.

Ж е н я. Сказать по секрету?

О л я. Ну?

Ж е н я. Только пока никому.

О л я. Конечно.

Ж е н я. Я снимаюсь в одной картине.

О л я. В главной роли?

Ж е н я. Нет, что ты! Ничего не понимаешь... Маленький эпизод, одна фраза. Но очень интересная, и крупный план.

О л я. Что такое крупный план?

Ж е н я. Когда ты во весь экран.

О л я. Один?

Ж е н я. Может, и один.

О л я. Ой, жутко! Когда, когда будет?

Ж е н я. Осенью.

О л я. А какая фраза?

Ж е н я. Фраза такая: «Ты удоем не хвастайся!»

О л я. Как?

Ж е н я. «Ты удоем не хвастайся!»

О л я. Странная фраза...

Ж е н я. Это ведь как произнести.

О л я. Конечно... И больше ничего не говоришь?

Ж е н я. Нет.

О л я. Совсем ничего?

Ж е н я. Совсем.

О л я. Интересно... Что ж ты об этом не писал?

Ж е н я. Боюсь.

О л я. Почему?

Ж е н я. Вырезать могут.

О л я. Как вырезать?

Ж е н я. Вот так: чик ножницами кусок пленки — и тебя нет!

О л я. Совсем?

Ж е н я. Совсем.

О л я. Неужели могут — ножницами?

Ж е н я. Могут.

О л я. Я бы их!..

Ж е н я. Может, и не вырежут.

О л я. Не вырежут, не вырежут, тебя не вырежут, не имеют права!

Ж е н я. Почему это?

О л я. Да как им не стыдно! Одна какая-то несчастная фраза, и ту вырезать... Неужели боишься?

Ж е н я. Ну, знаешь, все-таки...

О л я. А я тебе скажу — пусть вырежут, пусть! И ты не расстраивайся. Важно, что тебя заметили и во весь экран. А если и вырежут, знаешь из-за чего?

Ж е н я. Из-за чего?

О л я. Из-за этой дурацкой фразы. Ну что это такое: «Ты удоем не хвастайся!», а?!

Ж е н я. Как произнести...

О л я. Да как хочешь! *(Произносит фразу на все лады.)* Все равно глупо. Пусть режут — хоть ножницами, хоть ножом, хоть пилой перепиливают. Ты знаешь, я тебе как кинозритель скажу: из-за одной такой фразы можно в кино перестать ходить, можно и артистов возненавидеть, и доярок, и коров, можно даже из-за этой фразы молоко перестать пить. Ну что это — «Ты удоем не хвастайся!»! Пусть режут.

Ж е н я. Ты, пожалуй, права. Верно, пусть.

О л я. И хорошо.

Ж е н я. И хорошо... А если не вырежут?

О л я. Если не вырежут?

Ж е н я. Да, если не вырежут?

О л я. Ну и что? Никто эту фразу и слушать не будет, мимо ушей пропустят. Зато как тебя во весь экран увидят — ой, что будет!.. Да один наш поселок из-за тебя по пять раз на картину пойдет. Ты думаешь, зачем народ в кино ходит? Я вот тебе как кинозритель скажу: время убить и на любимых артистов посмотреть.

В общем, я тебе так скажу: вырежут — хорошо, не вырежут — хорошо...

Ж е н я *(тихо)*. Скучала?

О л я. Ждала.

Целуются.

В калитку входит Н е л л и, девочка лет десяти.

Н е л л и. Здравствуйте.

Ж е н я. Здравствуй, Нелли.

О л я. Здравствуй.

Ж е н я. А мама с папой где?

Н е л л и. В гору тащатся... Я видела, как вы целовались.

Ж е н я. Ты что, Нелька?

Н е л л и. Я всегда раньше, чем войти, в щель смотрю: интересно. По-моему, вам еще рано.

Ж е н я. Нелька!

О л я. Дурочка, просто я его обняла за шею, у него по спине жук полз.

Н е л л и. Какой жук?

О л я. Майский.

Н е л л и. Большой?

О л я. Огромный.

Ж е н я. Во какой! *(Показывает.)*

Н е л л и *(показывает)*. Вот такой?

Ж е н я. Даже больше.

Н е л л и *(Ольге)*. Поймала?

О л я. Конечно.

Н е л л и. Где же он?

О л я. Выпустила.

Н е л л и. Зачем?

О л я. Просто так.

Н е л л и. Это затем, чтобы он ему опять на спину сел?

Ж е н я. Смотри, будем купаться, утоплю!

О л я. Думаешь, подсматривать хорошо?

Н е л л и. Я еще этот вопрос для себя не решила. Если бы люди знали, что за ними подсматривают, меньше бы гадостей делали.

Ж е н я. Нахваталась!

Нелли. Не маленькая — с восьмиклассницами дружу.

Во двор входят Николай и его жена Рита. Они несут завернутый в бумагу какой-то большой предмет, ставят его на скамейку. Все здороваются.

Николай. А где отец, невеста?
Женя. В доме.

Николай идет к дому.

Не ходи, там полы моют.

Николай остановился.

Папа, Коля и Рита пришли!
Нелли. И я!
Голос Салова. Иду!
Николай. Садись, Рита, на лавочку, отдохни.

Рита садится и сразу же открывает книгу, которая у нее была с собой. Читает.

Видишь, к завтрашнему хоромы готовят. Нелечка, погуляй пока.
Нелли. Шахматы взял?
Николай. Взял. *(Вынимает из-за пазухи шахматы.)*

Нелли взяла их, отошла к верстаку и расставляет фигуры на доске.
Из дома выходят Нюра, Тоня и Алевтина Петровна.

Нюра *(увидев Риту, обрадованно)*. Рита, вот хорошо, что пришла. У меня, знаешь, голова кругом. Еще не пила, а уж ненормальная! Ты, поди, и забыла, как себя в такой день чувствовала?
Рита. Совсем забыла.
Николай. Десять лет скоро отмечать будем.
Нюра. Здравствуй, Коля.
Николай. Здравствуй, здравствуй... Моя Рита вас всех обогнала *(показывает на Нелли)*, вот она — наш спидометр — года-то показывает, щелкает... Нелечка, поздоровайся с тетей Нюрой.

Нелли не оборачивается.

Николай. Нелечка!

Нелли не обращает внимания.

Ну, пусть играет, она у нас увлекающаяся.

Тоня. Пойду Лешу покормлю, вот-вот с работы явится. Ох, мои двое тоже бегают, щелкают... Я скоро вернусь, Нюра. Пока, товарищи.

Нюра. Алевтина Петровна, ну выпусти ты сантиметра на три-четыре, длинное мне хочется, как раньше.

Алевтина Петровна. Давай так уговоримся: или ты мне доверяешь, или к другой портнихе поезжай, вон хоть в город. Они тебе такое сошьют — не только на свадьбу, на похороны не наденешь.

Нюра. Доверяю я тебе, только...

Алевтина Петровна. И точка. По моде надо. Идем, Антонина.

Нюра *(вслед уходящим Тоне и Алевтине Петровне)*. Уговори ее, Тоня...

Тоня и Алевтина Петровна ушли.
Входит Салов.

Салов. Вечером я вас ждал или уж на худой конец завтра. *(Здоровается с Ритой и с сыном.)* Нелечка, иди конфетку дам.

Нелли быстро подбегает к деду. Салов вынимает из кармана конфеты, дает внучке.

Нелли. Я думала, шоколадные... Эти я не кушаю. *(Ушла к шахматам.)*

Салов *(убирая конфеты в карман)*. Нормальным детям отдам, дура.

Николай. Ну что ты так-то... Ребенок.

Салов. И ты дурак. Ну, ваше дело... Садись тут. Пива хочешь или квасу?

Николай. Все одно.

Салов. Женька, принеси.

Женя ушел.

Николай. Нюра, отец, вот какая ерунда вышла — в командировку я на три дня еду, не могу на свадьбе-то быть. В район, черт те дери, ехать надо.

С а л о в. Что значит надо: чай, ты начальник, сам себе голова.
Н и к о л а й. Из горкома звонили.
С а л о в. Ты бы объяснил: мол, родная сестра замуж идет.
Н и к о л а й. Там ведь государственно мыслят, отец.
С а л о в. Это конечно... Обидно.
Н и к о л а й. И мне тоже.
Н ю р а. А ты придешь, Рита?
Р и т а. Постараюсь. Если Нелли устрою к кому.
Н е л л и. Никуда я тебя не пущу.
Р и т а *(строго.)* Помолчи.
Н е л л и. Я сказала!
Р и т а *(зло)*. А я сказала — умолкни.

Лицо Нелли вдруг растянулось в гримасу. Она заплакала и бросилась к отцу.

Н е л л и. Папа, папа, я не хочу ни к кому идти! Па-апа!
Н и к о л а й. Не плачь, Нелечка, не плачь, никуда мама не пойдет. *(Рите.)* Ну скажи, что не пойдешь.

Рита молчит.

Скажи, тебе говорят!

Рита молчит, Нелли плачет громче.

Скажи, слышишь! Какая ты, Рита, упрямая. *(Целует дочь.)* Не пойдет она, не пойдет...

Р и т а. Не пойду!
Н и к о л а й *(дочери)*. Ну, вот видишь — не пойдет, не пойдет... Вытри глазки. *(Вытирает дочери слезы.)* Умница! *(Целует ее.)* Иди играй.
Н е л л и. Женя, сыграем партию?
Ж е н я. Некогда.
О л я. Давай со мной срежемся.
Н е л л и. А ты умеешь?
О л я. Ну, еле-еле.
Н е л л и. Тогда не буду. С плохим игроком играть — только руку портить. Кто хочет?

Все молчат.

Нелли. Пойду во дворах партнера поищу. *(Отцу.)* Дай денег на мороженое.

Отец дает деньги.

Больше, больше дай, может, кого угостить придется.

Николай дает еще денег Нелли, и та уходит.

Николай. Дитё! Ну до чего хороша, а? Сладость этакая, прелесть! А умна-то, бестия. Вундеркиндер!

Пауза.

Нюра *(тихо)*. Идиот!

Николай. Своих заведешь, тогда поговорим. Это мы тебе, Нюра, подарок принесли. *(Развернул сверток, поставил на стол. Это телевизор.)* Он немного барахлит, но у тебя муж на все руки, наладит. В ремонт я его только два раза отдавал. Трубка новая. Мой-то «Алмаз» только экраном побольше, а видимость та же... Ты не сердишься, что я тебе, так сказать, подержанную вещицу сунул.?

Нюра. Да что ты! Дорогой он, спасибо тебе. *(Целует брата.)*

Николай. Хорошо, что продать не успел.

Салов. Это ты молодец. А то мы, когда что выдающееся, к Менандру ходим. У него хоть «КВ», а все же чудо.

Нюра *(целует Риту)*. Спасибо тебе. И Миша-то как обрадуется. Спасибо. *(Еще раз целует.)* Ох, хорошо, наверно, богатым быть.

Николай. Неплохо.

Салов. А я вот тут, когда Валентину-то Терешкову в космическом полете показывали, смотрю на нее и думаю: батюшки, что же это такое! Она в космосе летает, то есть на том почти свете, а я за ней наблюдение веду, вижу, как она глазками моргает, как ротиком дышит, как шевелится. И знаете, какая меня мысль пронзила? А что, если там, на какой-нибудь планете, какие ли марсиане, юпитериане, что ли, вроде такие же приборы имеют и на нас, земляных людей, смотрят! Вот, положим, сейчас кто-то из них наш двор видит — тебя, меня, ее, всю нашу земную жизнь рассматривает в прибор какой.

Ж е н я. Вот, поди, смеются-то!

Н и к о л а й. Любишь ты, отец, философию разводить.

С а л о в. Старость...

Н и к о л а й. Никто не смотрит. Выше человека существа нет. Он — венец природы. Самая красота, ум самый.

Н ю р а. Женя, отнеси его в сарай, а то здесь как бы в суматохе кто не задел.

Ж е н я уносит телевизор. На крыльце появляется С е р г е е в н а.

С е р г е е в н а. Готово. Теперь только просохнет, и можно обратно несть.

С а л о в. Погоди, Сергевна, рассчитаюсь сейчас с тобой. *(Лезет в карман за деньгами.)*

С е р г е е в н а. Не возьму. Решила: подарок это от меня Мишке и Нюрке твоей. Да и тебя, вдового, жалко. Была бы жива покойница Александра Ивановна, радовалась бы.

С а л о в. Завтра-то приходи.

С е р г е е в н а. Знамо. Пока! *(Ушла.)*

Вернулся из сарая Ж е н я.

О л я *(тихо, Жене)*. Пойдем к нам, у нас не сутолочно. Газету доделаем.

Ж е н я *(отцу)*. Мы к Оле. *(Уходит вместе с ней.)*

Н и к о л а й. Как бы нам вскорости еще одну свадьбу не играть.

С а л о в. Всех вас пристрою и к Александре Ивановне на кладбище рядом лягу. Ждет, поди.

Н и к о л а й. Насчет белил-то не узнавал?

С а л о в. Менандр принесет к вечеру.

Н и к о л а й *(дает отцу деньги)*. Уплати.

С а л о в. Давай-ка диван в дом втащим.

Мужчины берут диван, несут в дом.

Н ю р а. Вот, Рита, и моя очередь подошла... Как тебя вижу, ты все с книжкой да с книжкой. Умная!

Р и т а. А я не для ума читаю, а чтоб жизни не видеть. Это у меня вроде опиума. Наркоз. Мысли свои забиваю, чтобы не лезли.

Нюра. Какие мысли?
Рита. Всевозможные.
Нюра. А что читаешь-то?
Рита. Не знаю.
Нюра. Ты ведь веселая была, помнишь, в школе? Хохотушка. Семья, что ли, так заела?
Рита. Семья.
Нюра. Знаю я, что ты в себе носишь.
Рита. А ты, добренькая, не суйся.
Нюра. Злая ты.
Рита. И что?
Нюра. Ну, не буду.
Рита. Вот так лучше. *(Опять уткнулась в книгу.)*

Входят Михаил и Василий. В руках у них посуда.

Михаил. Здравствуй, Рита.
Рита. Здравствуй, жених.
Василий. Начальнице привет!
Рита. Здравствуй, вертихвост.
Василий. Не ревнуй. Придет очередь, к тебе подъезжать будем.
Рита. Поскорей бы: руки чешутся.
Нюра *(Михаилу)*. Рита с Николаем телевизор подарили.
Василий. Везет людям!
Михаил. Спасибо. Разве мыслимо такие подарки делать.
Рита. Николай новый купил. Этот старый, попорченный.
Михаил. То-то, на душе легче.
Василий. Мы из него конфетку сделаем.
Нюра. Рита, помоги.

Взяли посуду, ушли в дом. Михаил что-то ищет у верстака.

Василий. Мишуха, ты что?
Михаил. Чего?
Василий. Сник будто — словно тебя перекусил кто.
Михаил. Жара.
Василий. Для меня тоже жара да еще Майка Мухина. И то не чахну. Что с тобой?

М и х а и л. Отстань, чего липнешь!

В а с и л и й. Старое-то со дна поднялось, что ли? Так ведь это пустое, Миша, мираж прошлого, привидение вроде, вчерашний сон.

М и х а и л. Ну, что ты тут распелся! Заткнись, говорю!

В а с и л и й. У-у-у, вот это да! Я-то думал — совсем потухло, а у тебя под золой-то тлело еще.

М и х а и л. Я сказал...

В а с и л и й. Молчу. И кой черт ее именно в это время принес сюда!

М и х а и л. Отвертка-то куда провалилась? *(Ищет.)*

В а с и л и й *(подойдя)*. Вот, у тебя под носом... Она, поди, в Ленинграде замуж вышла.

М и х а и л. Рашпиль куда-то сунул.

В а с и л и й. Вот и рашпиль.

М и х а и л. Убрать надо. *(Убирает инструменты в ящик.)*

Василий взял гитару, которая была вынесена из дома и лежала на скамейке, перебирает струны.

Перестань играть.

В а с и л и й. Я отвлеченно...

М и х а и л. Перестань, говорю!

Входит Н ю р а.

Н ю р а. Посуды-то еще мало, не хватит.

В а с и л и й. Так мы клич кликнули. Шустовы поднесут, Дерябины, Овчинниковы обещали... Нюра, Камаева-то Клавдя замуж выскочила или еще одна бродит?

Н ю р а. Я впопыхах-то и не спросила. А что?

В а с и л и й. Так. Коль одинокая, приударить хочу. *(Михаилу.)* Пойду за твоими пожитками в общежитие. Постель-то тоже нести?

М и х а и л. Постель не надо.

Н ю р а. До свадьбы-то нехорошо.

В а с и л и й. Формализм! Нюра, ты сегодня держи Мишку обеими руками, а то, смотри, сбежит накануне свадьбы.

Н ю р а. Будет тебе, трепло.

В а с и л и й ушел. Нюра и Михаил одни.

Костюм-то твой черный отутюжить надо.

М и х а и л. Поглажу вечером.

Н ю р а. Я сама сделаю.

М и х а и л. Мужское это занятие.

Н ю р а *(подойдя)*. Доволен ты?

М и х а и л *(потрепал Нюру по голове, погладил, как маленькую)*. А ты?

Н ю р а. Очень.

М и х а и л. Вот и хорошо.

Н ю р а *(тихо)*. Давно тебя люблю. Одного... Чего-то у тебя глаза озабоченные?

М и х а и л. Дел-то сколько...

Н ю р а. И не держи в голове. Мы с отцом сделаем, люди помогут. Хорошо будет, весело. *(Смеется.)* Все ведь не верю, так и кажется — разразится что. *(Прижалась к Михаилу.)* Хорошо нам будет, Миша.

Входят Р и т а, Н и к о л а й и С а л о в.

Н и к о л а й *(увидев Нюру, обнимающую Михаила)*. Ай-ай-ай, до свадьбы-то не грешите, нечестно.

Р и т а *(мужу)*. Я книгу в доме оставила, принеси.

Н и к о л а й. Риточка, сходи и возьми.

Р и т а. Принеси, сказала!..

Н и к о л а й *(ко всем)*. Вот на нее находит иногда... *(Уходит в дом.)*

С а л о в. Мишуха, давай еще одну лавку к завтрему сделаем. У меня за сараем хорошая тесина валяется.

М и х а и л. Давайте, Илья Григорьевич.

М и х а и л и С а л о в ушли за сарай. Н и к о л а й выходит из дома, передает Рите книгу и тоже уходит вслед за Михаилом и Саловым.

В калитку входит К л а в а.

Н ю р а. Клава! Заходи-заходи, вот еще кто здесь! *(Показывает на Риту.)*

К л а в а. Рита! *(Обнимает ее.)*

Р и т а. С окончанием!

К л а в а. Да, все. Спасибо. Переехала сейчас Волгу, иду по улочкам — ноги-то родной земли касаются. Ведь каждый забор знаком, каждое дерево, камень. Три года не видела...

Р и т а. Истрепала ты нервы в Ленинграде.

К л а в а. Вам это не понять — когда долго родных мест не видишь. Все так дорого, оживает, и так на душе чисто-чисто.

Н ю р а. Ой, откуда ты сиреневые бусы достала? В Ленинграде купила?

К л а в а. Это старые, еще от мамы.

Н ю р а. Клавочка, дай мне их на эти два дня поносить.

К л а в а. Они же стеклянные, простые.

Н ю р а. Ну и что, дай.

К л а в а *(снимая бусы)*. Пожалуйста. *(Отдает их Нюре.)*

Н ю р а. Миша пожелал. Говорит: купи сиреневые — надень. А их нету нигде. *(Прячет бусы.)* Завтра надену — удивится! Сказала ведь, что не достала, голубые купила.

К л а в а. Не пойдут они тебе, не к лицу.

Н ю р а. Все равно.

К л а в а. Отдай лучше обратно.

Н ю р а. Еще чего, и не думай. *(Смеется.)* Опять мы трое, как девчонки, вместе. *(Клаве.)* Слушай, я изменилась?

К л а в а. Ни капельки. Похорошела разве.

Н ю р а. Это я от волнения красная. А ты изменилась!

К л а в а. Старая стала?

Н ю р а. Нет. Ленинград-то да институт какой-то на тебе отпечаток положили, вроде совсем не наша. Аккуратная такая стала, интеллигентная. И глаза глубокие. Ученость твоя в них так и отражается. Переменилась ты. А я, значит, нет.

К л а в а. Ты тоже.

Н ю р а. Ну, уж не сахари. Извертелась я в завкоме-то. Тому путевку, этому пособие, там ребенка в детский сад, тут на похороны подавай, пятым квартиру вынь да положь, десятым — муж жену колотит, тридцать пятым — жена от мужа ушла. Помочь-то всем охота, дело все, надо.

К л а в а. Доброта твоя известна.

Н ю р а. Ох, и не говори. Доброта-то, она тоже — омут. Иногда кажется, и нету во мне доброты, всю вычерпали до дна, до капельки.

Собачиться начинаю, как дрянь какая. Самой потом стыдно, а уж удержаться не могу. Человек-то ведь с болью своей к тебе идет, с делом, а возможности-то у меня какие? Я бы ведь всем путевки в Сочи да в Ялты хоть по два раза в году, все того стоят... Работают-то хорошо, трудно. Всем квартиры, всем пособия — да нету. Одному дам, другому отказывать надо. А ведь отказываешь тому, кому тоже позарез. Плачут которые. Я сама с ними сначала ревела, а потом слез уж и нет, кончились. Омужичилась. Идет кто ко мне с просьбой, я уж вся, знаешь, вытянулась, как собака, стойку какую делаю, так уж по мне и видно: не подходи, укушу.

К л а в а. Больше, наверно, на себя наговариваешь.

Н ю р а. Сдерживаюсь, конечно, стараюсь не показать... Может, с осени в вечерний техникум поступлю, в текстильный. На фабрику потом в город устроюсь... Ну ладно, чего я вдруг плакаться начала. Ты-то как? Замужем?

К л а в а. Нет.

Н ю р а. Что так?

К л а в а *(мягко, растерянно)*. Не вышло.

Н ю р а. А был кто?

К л а в а. Был.

Р и т а. Они все, парни-то, сволочи.

Н ю р а. Уж и все!

Р и т а. Все. Ты на Мишку Заболотного молись. Юродивый он, нетипичный. И то, поди, поглубже копни, тоже дрянь окажется.

Н ю р а. Злая ты, Ритка, и завистливая.

Р и т а. А у тебя все замечательные. Счастливенькая!

Н ю р а. Знаю я, в чем твоя беда. Не любишь ты Николая.

Р и т а. А ты докажи.

Н ю р а. Думаю, ты все Юрку Кожина любишь, по нем сохнешь.

Р и т а. Вспомнила!

Н ю р а. Настоящая любовь, поди, и не проходит. Так, утихнет разве, но все равно сосет. Уехал он тогда от тебя.

Р и т а. А я его сама отвадила.

Н ю р а. Ну уж!.. Он Любочку полюбил, хоть и хромая она.

Р и т а. Нарожала ему Любочка троих в два приема, пусть радуется!

Н ю р а. Любит он зато ее.

Р и т а. Николай меня тоже любит.

Н ю р а. Боится он тебя.

Р и т а. А это мне еще больше нравится. Я хочу, чтобы меня боялись.

Н ю р а. На страхе хорошее не держится.

Р и т а. Дура ты, в наше время весь мир на страхе держится.

Н ю р а. И что хорошего?

Р и т а. Зато здорово.

К л а в а. По-моему, мир на человеческих надеждах стоит, бьемся за них... а то бы рухнул.

Н ю р а. Послушай, неужели ты оттого злая, что Юрка Кожин тебя оттолкнул?

Р и т а. Дура ты, дура!

Н ю р а *(Клаве)*. Какой мальчишка-то был, помнишь? И по прыжкам в городе первый, и стометровку, и учился-то как! Недаром сейчас уж аспирант. А красавчик-то какой!

Р и т а. Ну, развела! Никого я не любила и не люблю. Не стоят они того.

Н ю р а. Слушай, он тебе, наверно, и сейчас по ночам снится, Юрка-то, его во сне видишь?

Р и т а *(кричит)*. Перестань, блаженная!

Пауза.

К л а в а. Не надо, Нюра.

Н ю р а. Риточка, прости меня. Я ведь не думала, что точно-то так говорю.

Р и т а. Николая я люблю, Николая, поняла? Думаешь, одна ты счастливая? Я, может, счастливее тебя. Я жизнь без прикрас вижу, а ты еще мордой шлепнешься, тогда запоешь, позлей меня будешь. *(Ушла в дом.)*

Н ю р а. Я ведь не хотела ее обидеть. Нехорошо... Погоди, да ведь ты еще и Михаила моего не видела.

К л а в а. Он разве здесь?

Н ю р а. Здесь. С отцом лавки к завтрему делают. Гостей-то будет!.. *(Зовет.)* Миша!

К л а в а. Да не зови ты его.

Н ю р а. Почему?
К л а в а. Делом ведь занят.
Н ю р а. Пусть хоть поздоровается.

Входит М и х а и л.

Посмотри-ка, кто...

М и х а и л *(подойдя к Клаве)*. Здравствуй, Клава.
К л а в а. Здравствуй.

Здороваются.

М и х а и л. Как живешь?
К л а в а. Хорошо. А ты?
М и х а и л. Я тоже хорошо.

В калитку входит В а с и л и й. Через плечо у него перевешены связка книг и книжная полка. В одной руке чемодан, в другой настольная лампа.

В а с и л и й. Приданое прибыло!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Тот же двор. Вечер. Еще не совсем темно, но по ходу действия темнеет все сильнее, хотя ночь светлая, а не темная. Все вещи, которые были вынесены из дома, со двора убраны. На окнах дома висят занавески. В доме горит свет. Оттуда доносится стук ножей, тяпок: готовят кушанья к свадьбе. Над столом висит лампочка под абажуром, протянутая на шнуре. От нее падает яркий круг света на стол и скамейки, стоящие вокруг него. С е р г е е в н а сидит в стороне и рубит тяпкой в корыте, Ж е н я и О л я, разложив на столе свою стенгазету, рисуют.

М а т в е е в н а *(высовываясь из окна)*. Сергевна!
С е р г е е в н а. Что?

М а т в е е в н а. Дрожжи-то куда положила?

С е р г е е в н а. На подоконнике, в кухне, в голубой чашке!

М а т в е е в н а. Кончишь рубить — скрикни меня. *(Исчезла.)*

О л я. Женя, а в кино по-настоящему целуются или так просто?

Ж е н я. Не совсем чтобы по-настоящему, но и не совсем чтобы так.

О л я. Этому делу у вас в институте тоже учат?

Ж е н я. Какому?

О л я. Ну... целоваться.

Ж е н я. Не то чтобы уж специально, но если по ходу отрывка или этюда надо, то конечно.

О л я. А ты целовался?

Ж е н я. Как тебе сказать... *(Замялся.)*

О л я. Вот так и скажи — целовался?

Ж е н я. Мне, знаешь, один раз попалось задание... ну, по ходу дела надо было...

О л я. И?

Ж е н я. Я ее обнимаю, а у нее губы какой-то лиловой краской намазаны и изо рта табаком несет.

О л я. Ну?

Ж е н я. Еле пригубил. Чудь двойку не поставили. Мутить начало.

О л я. Подумаешь, двойка!

Ж е н я. Так ведь надо. И любить по заказу надо, и ненавидеть, и восторгаться, и подозревать, и отчаиваться, и воровать. Людей ведь играть буду, а в людях все есть.

О л я. Я бы тоже хотела артисткой стать. Переживать, переживать... А артистам много платят?

Из дома выходит С а л о в.

С а л о в. Ребятки, помогите-ка студень в погреб снесть.

Ж е н я и О л я идут в дом.

Сергеевна, ты тут, никак, всплакнула? Молодость, что ли, вспомнила?

С е р г е е в н а. Какую молодость! Лук рублю, проел. Я и сейчас не старая, чего вспоминать-то! Молодость — пустота. Аппетит на жизнь с возрастом приходит. И понимание.

Женя и Оля проносят студень в блюде и в тазу в погреб. Возвращаются к столу. Салов ушел в дом.

Женя. Тут сверху хорошо бы какой-то лозунг написать, вроде «Любовь не картошка, не выбросишь за окошко!»

Оля. Напиши: «Любовь — это все!»

Женя. Юмора нет. А может быть, так, как на заборах пишут да на скамейках ножом вырезают: Нюра плюс Миша равняется любовь?

Оля. У меня целая тетрадка есть, я туда из книг, которые читаю, разные мысли про любовь выписываю. Можно выбрать.

Женя. Замечательно! Мы все эти афоризмы вместо передовицы пустим. Где тетрадка?

Оля. Дома.

Женя. Айда!

Женя свернул стенгазету, унес в сарай. Они с Олей ушли.

Сергеевна. Матвевна!

Голос Матвеевны *(из дома)*. Чего-о?

Сергеевна. Порубила, чего еще надоть?

Голос Матвеевны. Капусту!

Сергеевна идет в дом.
В калитку входят Василий и пять-шесть мужчин.

Василий. Тихо... давайте сюда. Вот тут становитесь, у крыльца. Так... *(Расставляет всех по местам.)* Как только ворота откроют, так и наяривайте. Всю дорогу, что они от ворот к дому пойдут, без передышки играть, ясно?

Голоса. Ясно.
— Да.
— Понятно.

Василий. Слушай дальше. Столы во дворе стоять будут, в доме-то в такую погоду духота, да и тесно. Как первый тост старик Салов Илья-то Григорьевич произнесет — думаю, ненадолго затянет, не на собрании,— так вы туш, одно колено. Не тяните. Выпить-то уж у всех будет чесаться, так что не два раза, не

три, а один. Как «горько» крикнут — тоже туш. Тут уж все три раза можно, пока целуются. Так сказать, оживите момент. Ну, и после каждого тоста по одному разку.

Первый музыкант. Вася!

Василий. Ну?

Первый музыкант. А что вначале-то играть будем, марш?

Василий. Можно и марш. Не похоронный, конечно. Это ваше дело, что умеете, то и играйте.

Второй музыкант. У нас в репертуаре больше торжественные собрания и бальные танцы.

Василий. Можно и танцы, вальс или танго. Хорошо бы просто революционное что-нибудь, вроде «Смело мы в бой пойдем» или в этом духе. Позвончей, главное. Оптимизму дайте. Ясно?

Голоса. Понятно.

— Да.

— Ясно.

Василий. Держать в секрете, не трепать! Сюрприз. Все. Ходу давайте!

Первый музыкант. Вася!

Василий. Что тебе?

Первый музыкант. Выпить бы.

Василий. Чего-о?! Завтра налижетесь.

Первый музыкант. Да я говорю — воды бы кружечку, пересохло в горле.

Василий. Воды тебе!.. Давай без анекдотов.

Первый музыкант. Я, знаешь, в самом деле...

Василий. Ходу отсюда, ходу! Не до смеха. *(Выпроваживает всех со двора.)*

Показался Салов.

Салов. Где молодежь-то вся?

Василий. На берегу костер жечь собираемся.

Салов. А ты что тут?

Василий. Воды попить зашел.

Салов. А-а-а... *(Идет в сарай.)*

В калитку входит Михаил.

В а с и л и й. Ты чего откололся?

М и х а и л. Нюра послала платок взять, зябко у воды, тянет. Между прочим, Майя туда пришла, тебя, видать, ищет.

В а с и л и й. Меня ли! Поди, кого другого уже высматривает.

М и х а и л ушел в дом. Из сарая с охапкой дров в дом пошел С а л о в. М и х а и л снова вышел во двор.

М и х а и л. А ты что ушел?

В а с и л и й. Так, дела мелкие... Ты подберись, Михаил, смотреть на тебя невозможно.

М и х а и л. Что это?

В а с и л и й. Я тебя отродясь таким не видывал.

М и х а и л. Каким?

В а с и л и й. Чего ты там у себя в мозгах-то своих со стороны на сторону катаешь? Смотри, выходку какую не сделай.

Михаил молчит.

Поворотов тут нет.

М и х а и л *(смеется)*. Ты-то поворачиваешь, когда тебе вздумается.

В а с и л и й *(испугавшись)*. А ты себя со мной не равняй. Я — это я. Я на тебя, может быть, молюсь за то, что ты не я, понял?

Михаил сел на скамейку.

Неси платок-то. *(Подошел к Михаилу, увидел, что у того в руках два платка.)* Два взял? Зачем два?

М и х а и л. Не знаю, какой ей надо.

В а с и л и й. Врешь! Один неси. *(Вырывает из рук Михаила один платок.)* Иди.

Михаил не двигается.

Иди, Мишуха.

Вошел С а л о в.

С а л о в. Миша, у тебя рубля три еще не найдется?

М и х а и л *(достает из кармана деньги)*. Вот как раз трешка есть.

С а л о в. В аптеку заодно зайду. Мыла куплю духовитого, одеколону для туалета да нашатырного спирту пузырька два, пирамидону еще. *(Уходит.)*

М и х а и л. Вася!

В а с и л и й. Что?

М и х а и л *(после паузы)*. Позови сюда Клаву.

В а с и л и й. Кого?! ты что?!

М и х а и л. Позови.

В а с и л и й *(решительно)*. Не позову.

М и х а и л *(после паузы)*. Васька! Ведь ты единственный человек, с которым я обо всем могу говорить. Могу я с тобой говорить обо всем, совсем обо всем?

В а с и л и й *(очень робко)*. Ну, можешь. Только ты не говори, не надо.

М и х а и л. А я хочу.

В а с и л и й. А я слушать не буду!.. Нет, вы, эти самые примерные, которыми нам в глаза-то тычут, всего страшнее. Уж если вы какое колено отмочите, так мы чистыми детьми оказываемся, ангелами. У черта копыта паленым пахнуть начинают.

М и х а и л. Позови.

В а с и л и й. Не позову. Раньше надо было думать. Ты что, разлюбил Нюрку-то начисто?

М и х а и л. Не знаю я сейчас ничего. Не говори со мной об этом.

В а с и л и й. Брось ты это, брось! Это, Миша, тебя запрет дразнит. Нельзя уж ничего сделать, вот ты и бьешься. По себе знаю. Я уж давно решил, что самые большие удовольствия для человека — это удовлетворение, брат, своих пороков, всего, чего нельзя. Точнехонько! Вот тебе нельзя с Клавдией, так тебя и обуревает.

М и х а и л. Не то говоришь, совсем не то. Я и сам знаю, что назад нельзя, нету ходу... Во мне сейчас какой-то другой человек говорит, не я — вот этот, весь своей жизнью сделанный,— а тот, настоящий. Он, Вася, интереснее меня, глубже в сто раз. Если бы не та война, я бы тот был, другой. Во мне как бы два, понимаешь, человека есть. Ну, ладно, не смотри ты на меня, как на свихнувшегося. Позови ее, Вася. Я хоть наговорюсь,

я хоть все слова скажу. Я же потом их никогда в жизни никому не скажу. Сегодня-то я еще могу.

Василий. Не надо, Миша.

Михаил. Не надо, считаешь? Нельзя мне, да? Да, нельзя. Ох, Васька, Васька... *(Мечется.)*

Василий. Ладно... Я позову... Мне что...

Михаил *(оживленно)*. Позови, позови!

Василий. Предлог-то какой выдумать?

Михаил. Не знаю, не знаю, сам сочини, сам.

Василий уходит. Из дома выходит Матвеевна.

Матвеевна. Поставили тесто... Вот, Миша, как жизнь-то твоя переворачивается. Это оттого, что ты хороший человек. Хорошего человека судьба пожметь-пожметь, да и отпустит, обласкает еще. Покурить у тебя нет?

Михаил. Есть. *(Достает папиросы, угощает Матвеевну и закуривает сам.)*

Матвеевна. Садись, покурим. *(Садится на лавочку.)* Хорошо, а?

Михаил. Хорошо.

Матвеевна. Экой ты молчун. А я говорунов люблю, зубочесов. Мой-то трепло страшное. Приучил, видать. Я, знаешь, не могу одна быть, только в коллективе. Когда одна дома остаюсь, страх нападает, пугаюсь. К кому-нибудь иду или к себе зову. Не выдерживаю одиночки.

Голос Сергеевны. Матвевна!

Матвеевна. Аюшки?

Голос Сергеевны. Где провалилась? Картошку чисть!

Матвеевна. Иду-у! Ох, завтра расколюсь! *(Ушла.)*

Михаил идет к калитке. В это время входят Василий и Клава.

Клава. Иди, Миша, костер уже поджигают. *(Василию.)* Чего, ты говоришь, срочно делать надо?

Василий молчит.

М и х а и л. Иди сюда.

Василий пошел к калитке.

Вася, не уходи. Стань у калитки. Если пойдет кто, знак дай.

В а с и л и й. Ты что?

М и х а и л. Стань, говорю. Да не с той стороны, а с этой.

К л а в а. Что, Миша?

М и х а и л. Сядь тут.

Садятся у стола.

В а с и л и й *(идет к столу и вывинчивает лампочку)*. Неопытность. *(Стал у калитки.)*

М и х а и л. Как же так вышло, Клава?

К л а в а. Да. Прошло мимо, Миша. Мимо прошло. Одна я виновата. И не жалуюсь. Не меня жизнь обидела, а я ее. Понимаю... Свела она нас с тобой и все знаки подала, а я не прислушалась живого голоса. Сама, думаю, по себе... Что мне в нем показалось, не знаю. Ослепил. Разве я могла думать, что такой красивый, такого большого роста может быть таким маленьким...

М и х а и л. Обидел тебя?

К л а в а. Разве тем, что сам себя раскрыл... И как только потухло там все, рассеялось, сразу ты опять передо мной встал. Ведь лучше тебя и человека в мире нет. Как я люблю тебя, Миша мой... Не мой, не мой! Ты меня прости за эти слова, некстати они, и нехорошо, знаю. Я бы тебе этого ни за что не сказала, если бы не свадьба твоя завтра. Потом-то уж совсем неприлично мне будет тебе подобное сказать. Я бы и сюда, в наш город, не приехала, если бы мать не заболела. И за Волгу сюда потому не ехала. Если бы Нюра в рядах не встретилась, и не пошла бы. А уж когда она позвала — неловко, думаю. Да и тянуло, тянуло... Я только хочу, чтоб ты простил меня, Миша, если можешь...

Пауза. На заднем плане видны багровые всполохи от костра.

В а с и л и й. Костер запалили.

Пауза.

М и х а и л. Не люблю ведь я ее.

К л а в а. Не говори! Не говори так!

М и х а и л. Жалею только. Товарищеской любовью люблю.

К л а в а. Привыкнешь, Миша, привыкнешь, она хорошая, добрая.

М и х а и л. Тебя люблю и всегда любил. Привязался я к Нюре, верно, особенно от тоски. Год идет, два, а кругом все: «чего тянешь?», «женись», «не волынь», «пора». Я ведь и сам подумал: все так и надо, это и есть жизнь, это счастьем и называется, покоем. А то — к тебе — болезнь вроде была, горячка... Какую-то я ошибку сделал. Только ты не думай, женюсь я на ней, верным ей буду на все время.

К л а в а. Знаю, знаю! Что ты! Назад поворачивать разве можно!

Сидят молча.

М и х а и л. Сегодня-то ведь я еще совсем свободный человек. Не хочу быть чистым. Можно я тебя поцелую? Один раз, только один раз.

К л а в а. Да, можно...

Михаил целует Клаву долгим, горячим, влюбленным поцелуем.

М и х а и л. Ну, и все. Теперь я знаю, что это. Ты знаешь, я сам себя сейчас уважаю. Я каким-то вольным себя чувствую. Хорошо свободным быть!.. Уходи... Погоди, еще раз. *(Целует долго.)* Ну и все, все!.. Еще!

К л а в а. Нет-нет, милый, не надо!

М и х а и л. Да-да. Милая ты моя! Ой-ой-ой-ой-ой! В первый раз я живу!

К л а в а. Уеду я. Клянусь тебе, уеду. Даже знать не будешь где.

М и х а и л. Да-да... Ну, все!.. Иди теперь вниз, к костру. Я тоже приду немного погодя. Иди. *(Подходит к Василию.)* Иди, Вася.

В а с и л и й. Разорви все, Мишка! К чертовой матери разорви!

М и х а и л. Нельзя, Вася, нельзя, не сходи с ума!

В а с и л и й. Миша, разорви! Разорви, Миша!

Из-за сарая появляется М а й я.

М а й я. Вы что? *(Василию.)* Я за тобой, паразитом, пошла. Клавку-то,

думаю, подцепил, повел. Подошла к забору, прильнула — дух захватило. Вот что детдомовцы-то вытворяют! Совесть-то где у вас, честность? Такого еще за всю жизнь не только не видывала, не слыхивала и не читывала. *(Пошла к калитке.)*

Василий *(преграждая ей путь.)* Куда?

Майя. Ну, конец вам будет!

Василий *(удерживая Майю).* Миша, Клава, ходу давайте на берег к костру, ко всем. Да по одному, а не вместе.

Майя. Пусти! *(Хочет вырваться.)*

В это время Михаил и Клава уходят в калитку.

Ты думаешь меня силком взять, глотку мне заткнуть!

Василий *(отпуская Майю).* Давай, Майя, поговорим с тобой.

Майя. Не уговаривай меня, не на такую напал.

Василий *(резко).* Ну, Майя, говорю прямо — или ты меня имеешь, или все.

Майя. То есть?

Василий. Только пикни, и я тебя на таком расстоянии держать буду, вот как отсюда до Пантусова.

Майя. Что это ты еще, Василий?

Василий. Ну, иди сюда.

Майя *(подходя).* Что?

Василий обнимает ее.

Не трожь!

Василий. Как хочешь. *(Отпускает ее.)*

Майя. Ну валяй!

Василий *(обнимает Майю).* У-у-у, жару-то в тебе сколько...

Майя. Хороша?

Василий. Хороша.

Майя. То-то... Чего днем-то куражился?

Василий. Настроения не было. Да еще ремеслухой попрекнула.

Майя. Сгоряча.

Василий. И шла бы к ученому.

Майя. Ну их, ученый тебя обнимет, замрет и начнет про какую-нибудь кибернетику говорить.

В а с и л и й. Рта не разевай, поняла?

М а й я. А что это Мишка-то, подлец какой? Все-то его за порядочного считали, даже я. Передовик, тихий!

В а с и л и й. Любовь тут.

М а й я. Я видела.

В а с и л и й. Да не такая, настоящая.

М а й я. Какая это?

В а с и л и й. Пойдем к костру.

М а й я. А чего нам там делать? Пойдем лучше к тому лесочку, побродим.

В а с и л и й. Неловко... потом погуляем.

М а й я. Свадьба-то будет?

В а с и л и й. Будет, будет.

М а й я. А то ведь и не потанцуешь... *(Обнимает Василия.)*

В калитку входит С а л о в.

С а л о в. Тьфу, судить надо за такое безобразие.

М а й я. Слава богу, у нас в Советском Союзе за любовь не судят. *(Ушла с Василием за калитку.)*

С а л о в *(зовет)*. Матвевна, Сергевна!

Входят ж е н щ и н ы.

Молодежь-то от костра сюда идет. На стол-то хоть клеенку постелите, поставьте чего пожевать.

С е р г е е в н а. Знамо.

Женщины накрывают стол клеенкой, ставят недорогие конфеты, печенье. Уходят. Салов хочет включить лампочку, которую вывинтил Василий, но лампочка не загорается.

С а л о в. Испортилась.

Входит М е н а н д р Н и к о л а е в и ч.

М е н а н д р Н и к о л а е в и ч *(отдавая Салову бидон)*. Получай. Видал моторку-то. Хороша. *(Показывая на бидон.)* Тут семь вошло, я уж полный налил.

С а л о в *(отдавая Менандру Николаевичу деньги).* Это тебе трояк от Николая на пол-литра.

М е н а н д р Н и к о л а е в и ч. Спасибочки. *(Прячет деньги в карман.)* Ну как, управляешься?

С а л о в. Вроде все нормально идет.

М е н а н д р Н и к о л а е в и ч. Один Женька теперь у тебя жеребчиком бегать будет.

С а л о в. Молодой...

М е н а н д р Н и к о л а е в и ч. Точно... Да он в Москве и сам окрутится, тебе только информацию подаст.

С а л о в. С парнем легче... Ты что долго-то?

М е н а н д р Н и к о л а е в и ч. Присел на горе, на лавочку у старого кладбища, да Волгой полюбовался. Текет, милая, с луной играет. Тысячу бы лет на нее глядел без устали. Чем больше гляжу, тем сильней к ней тянет... Умирать буду — спросят: чего, Менандр, напоследок хочешь? Отвечу: на нее взглянуть... Ох, коротка жизнь человеческая!

С а л о в. Коротка...

М е н а н д р Н и к о л а е в и ч. Коротка-то уж ладно, да смысла в ней нет, Илья. Зачем живешь — непонятно.

С а л о в. Это, Менандр, наверно, и все так считают. Только вслух не говорят, потому — страшно.

М е н а н д р Н и к о л а е в и ч. Точно.

С а л о в. Только если бы был смысл, уж совсем бы глупость была.

М е н а н д р Н и к о л а е в и ч. То есть?

С а л о в. Вот, допустим, мне скажут: живешь ты затем, чтобы улететь на другую солнечную систему... Слыхал про другие-то галактики?

М е н а н д р Н и к о л а е в и ч. Так у меня телевизор...

С а л о в. Ну вот... А я обратно скажу: зачем?.. Да и не хочу на другую, мне тут хорошо, на Волге... Что другое скажут — я опять: зачем?.. И ежели бы этот исходный смысл появился, вот тогда-то уж настоящая бессмысленность и была бы... А тут природа тебе тайну дает — вроде бы намекает про что-то... Говорит: «Живи, мол!» Ты ей: «Заче-ем?» А она тебе так только хитро глазом подмигивает: «Знаю, мол, зачем! На-адоть!..» Тайна —

она и обещает что-то, зовет, тянет. Жить-то и охота.

Из-под горы слышны смех и говор приближающейся молодежи.

М е н а н д р Н и к о л а е в и ч. Вон молодым-то все, поди, ясней ясного. Забот-то нет...

В калитку с шумом входят Н ю р а, М и х а и л, К л а в а, Р и т а, Н и к о л а й, В а с и л и й, М а й я, О л я, Ж е н я, Т о н я, п а р н и и д е в у ш к и.

С а л о в. Мишуха, лампочка, видать, перегорела.

В а с и л и й. Сейчас поглядим. *(Влезает на стол, вывинчивает лампочку.)* Волосок стряхнулся.

Все усаживаются вокруг стола. С а л о в, который в это время уходит в дом, возвращается с блюдом, ставит его на стол.

С а л о в. Семянок вам пожарил, грызите.

Все берут семечки, лущат. Кто руками, кто зубами. Пауза. Только шум щелканья семечек. Кто-то ставит на стол патефон, заводит, проигрывает пластинку.

Н ю р а. Миша, принеси блюдца, а то весь двор заплюем.

Н и к о л а й. Михаил, не ходи, сегодня она тебе еще не хозяйка.

М и х а и л встает, идет в дом.

Т о н я. Ох, Нюрочка, сидела в девках, сидела, зато самого видного парня выхватила.

П е р в а я д е в у ш к а. Непьющий, главное. Мой Сенька всем бы хорош, а напьется — скотина скотиной, рожа тряпкой висит.

В т о р а я д е в у ш к а. Ну, и не выходи за него.

П е р в а я д е в у ш к а. А где ты тверезого-то отыщешь? Все парни пьют.

Т р е т ь я д е в у ш к а. Что парни! Уж и девки начали...

П е р в ы й п а р е н ь. Женька, не слыхал в Москве — не собираются указ издать, чтоб народ пить бросил?

В т о р о й п а р е н ь. Как пить дать!

П е р в ы й п а р е н ь. Проблема номер один.

Хохочут.

Т р е т и й п а р е н ь. Нну, артист!..

Входит М и х а и л. Расставляет блюдца по столу. В них все бросают шелуху.

В т о р о й п а р е н ь. Петя, поставь-ка там пластиночку. Нюрочка, вызываю...

Нюра и парень танцуют.

Т о н я. Ну, Нюра, счастье тебе прямо таланту прибавило.

Н и к о л а й. Клавдия, если уж ты там в Ленинграде не совсем обынтеллигентилась, давай! Раньше-то выхаживала.

К л а в а. Я уж забыла...

Н ю р а. Не тоскуй, Клавочка, не могу сегодня грустных видеть... Найдем мы тебе жениха — хорошего, нашего, заволжского...

В а с и л и й *(тихо, Клавдии)*. Виду не показывай... Ну, пошла!.. *(Взял гитару, подыгрывает.)*

Клава танцует, стараясь быть как можно веселее. В это время Майя что-то поспешно шепчет на ухо Николаю. Николай подошел к Василию и вырвал у него гитару, остановил патефон. Музыка оборвалась. Пляска кончилась.

Н и к о л а й *(сдерживаясь)*. Будет на сегодня...

Н ю р а. Что ты, Коля, еще посидим часок.

Н и к о л а й. Поздно... Клавдии вон за Волгу ехать надо. Паром скоро ходить перестанет.

В а с и л и й. Так вы ее на своей моторке докатите.

Н и к о л а й. А я на моторке всех-то не вожу... *(Михаилу.)* Чего вскочил, Мишуха?.. Завтра работать с утра, по домам, товарищи, по домам!..

Р и т а. Что ты затеял, Николай?

Н и к о л а й. Я, как старший брат, о свадьбе беспокоюсь. Чтобы люди-то не усталые были, не сонные. А то выпьют по маленькой,

их и развезет — весело ли будет... До свидания, товарищи, до завтра... отдыхайте.

Нюра. Клавочка, завтра пораньше приходи...

Все расходятся.

Николай. Мишуха, останься, я с тобой за бензонасос не расплатился.

Михаил. Да ни к чему это, Николай Ильич, пустяковое дело...

Николай. Пригодится тебе теперь в хозяйстве.

Михаил. Не возьму...

Василий. Пошли, Миша!

Николай. Не пойдет он... И ты подожди.

Майя. Счастливочко!

Николай. Задержись, Майя, на пять минут. А ты, Нюра, поди пока в дом.

Нюра. Что это у тебя вдруг секрет объявился?

Николай. Поди-поди... Сюрприз некоторый.

Нюра *(смеясь)*. Что это уж выдумали... Рита, пойдем со мной.

Рита и Нюра уходят в дом.
Остались Николай, Майя, Василий, Михаил. Майя хочет улизнуть.

Николай. Я просил, Майя!

Майя. Да что же вы делаете, Николай Ильич! Я же вам под страшным секретом выдала...

Василий. Вон оно что!..

Николай. А я таких секретов не люблю, Мухина...

Майя. Бросит меня теперь Вася, бросит! Он же запретил мне...

Николай. Не бросит. Не где-нибудь живет, чтобы безобразия разводить... найдем управу.

Василий. Вы уж страху на меня не нагоняйте...

Майя. Васенька!

Василий. Кот тебе теперь на крыше Васенька, туда полезай!

Майя. Николай Ильич!

Николай *(Василию)*. Ты не выставляйся, Василий, и так уж больно на виду. Норму бы лучше давал, чем с девки на девку ска-

кать... Раньше по сто сорок, по сто шестьдесят бывало, а теперь еле сто тянешь. Сто-то пять с уговорами... Девки-то, видать, из тебя силы вытянули.

В а с и л и й. Девки?.. Девки, Николай Ильич, они, напротив, силы придают!.. Норму! Перевыполнял я на сто шестьдесят... было. А потом мне эти сто шестьдесят нормой сделали. Что это такое, а?..

Н и к о л а й. Ладно, на эту тему мы с тобой побеседуем. Вон у тебя какой образ мыслей, Михаил!

М и х а и л. Что?

Н и к о л а й. Правду Мухина сказала, будто ты Клавку Камаеву только что на этой лавке тискал?

М а й я. Да не видела я ничего, не видела, пошутила!..

М и х а и л. Я?.. Т... т... т...

Н и к о л а й. Ну, ну, разродись, косноязычный!.. Иди, Майя, теперь уж мне все ясно.

М а й я. Вася!

В а с и л и й. Не произноси!..

М а й я. За что же вы меня, Николай Ильич, предали?!

Н и к о л а й. Серьезными словами бросаешься, Мухина. Иди...

М а й я ушла.

Стыд-то есть?.. Ты же передовой, вожак до некоторой степени. По тебе, может, простой народ равняется — пример вроде. А ты что?.. Молчишь, молчун?.. Смотри! *(Взял бидон с белилами, который стоял в стороне. Ходит по двору.)* Честности в вас, молодых, мало, скромности... И нашел когда! В канун свадьбы... потерпеть не мог... Ох, еще работы с вами — невпроворот... Василия это на тебя влияние. Его повадки... *(Василию.)* Правду про тебя Мухина шепнула, что ты Михаилу свадьбу предлагал поломать?

В а с и л и й. Так ведь вы, Николай Ильич, в этом деле одну сторону видите.

Н и к о л а й. Ты моей точке зрения оценку не давай, не спрашиваю... Ответь на вопрос: предлагал?

В а с и л и й. Вам как — правду говорить или посмеяться?

Н и к о л а й. Предлагал?!

В а с и л и й. Ну, предлагал. А толку что?

Н и к о л а й. Да-да... Мосты строим, Волгу в магистраль превращаем, дома, экскаваторы... а человеком мало занимаемся, мало... Да для такой образины, как ты, персональный дворец построй, всего дай ему вволю — и жратвы и ширпотреба,— все равно по всем углам пакостить будет... Все ему чего-то еще хочется, чего-то еще, чего-то еще!.. Строй с вами... *(Василию.)* После свадьбы чтобы ноги твоей не было в этом доме, слышишь?.. А тебе, Михаил, вот что скажу... Не марай кодекс, ясно? Ты думаешь, его зачем по всем стенкам развешивают? Не телевизор мне тебе подарить надо было, а именно его в рамке, чтобы ты на самом видном месте его повесил... Словом, смотри! Выкинешь фокус, всю твою жизнь переломаю, да так, что до самой смерти волком выть будешь. *(Ушел в дом.)*

В а с и л и й. Что молчишь?.. Вот они как доброту-то твою оборачивают, видел, а?.. *(Замечает, что Михаил не может говорить.)* Ну успокойся, не обращай ты на этого паразита внимания... Ну скажи что-нибудь...

Михаил молчит.

Ну, Мишуха...

М и х а и л *(с трудом)*. Ч-ч-что?..

В а с и л и й. Слушай, поговори ты с Нюркой обо всем откровенно. Она вроде на других баб не похожа, может, поймет.

М и х а и л. Нельзя.

В а с и л и й. Да, напялил ты на себя свою честность и тащишь, как черепаха свою костяшку... Отложи хоть свадьбу-то, не руби под корень в такой-то ситуации.

М и х а и л. Как же я отложу?.. Как?

В а с и л и й. Заболей, что ли.

М и х а и л. Да нельзя же, нельзя!.. Ты что — уж ничего не соображаешь, что ли!.. Должен я жениться на Нюре, завтра же должен, завтра!.. Откладывай не откладывай...

В а с и л и й. Перед кем должен?

М и х а и л. Да перед всеми людьми должен, соображай... Перед Ню-

рой в первую очередь, перед самим собой... Что же я за человек буду, если откажусь от нее?

Василий. Что ты за человек будешь? Да уж хуже-то, чем сейчас есть, и не будешь!.. Порядочным выглядеть хочешь — вон ведь что в тебе сидит. А на самом деле ты подлец, да еще какой! Только в разные наряды разряженный... «Должен»! Этот милый твой долг — что он есть? Перед кем? Так, перед всякими там условностями. А главный-то долг у человека перед кем? Перед природой, вот что... И не честный ты человек, а выдуманный... выдуманный ты человек, точно... Ты вот тут обещался мне откровенно говорить. Ну и скажи.

Михаил. Что?

Василий. Любишь ты Клавдию?

Михаил. Да ведь знаешь, чего спрашиваешь.

Василий. Безумно?

Михаил молчит.

Теперь ответь: любишь ты Нюрку?

Михаил. Так ведь не в любви тут совсем дело...

Василий. Любишь ты Нюрку?

Михаил. Я уже говорил: другой ее любовью люблю...

Василий *(зло)*. Всемирной, что ли, человеческой?..

Михаил *(кричит)*. Да, да! Ведь человек же она!

Василий. Так человеческой-то любовью мы всех любить обязаны. Так и в библии записано. А Нюрку ты в жены берешь. Тут от тебя другая любовь требуется, особая. Ты со своей человеческой-то любовью и женился бы на всех девках, что без парней голодными рыщут... Да как же ты, не любя Нюрку, в жены ее берешь? Это как у вас, порядочных, называется? Честность?.. Миша, женишься ты на ней,— значит, всю свою жизнь под топор кладешь... уж захлопнется тогда за тобой все... и не жди ничего... А ведь таким, как я тебя сейчас с Клавдией видел, я раньше и не знал тебя. Ведь осветился ты весь... ведь и голос у тебя другой был и лицо... Ведь друг ты мне, Миша, а не так просто — знакомый человек... Давай за Волгу сейчас перемахнем, в город. Ты хоть поговори с Клавдией не по-воровски, спокойно.

Она, мне помнится, на улице Семашко живет.. Ее-то со своей честностью уж, как скотину какую, и в счет не считаешь. Ведь она не спит сейчас... ведь она о тебе думает, плачет, поди... Любит тебя.

Михаил. Не поеду я, не поеду! Незачем!.. Да и паром уже, поди, не ходит.

Василий. На лодке перемахнем.

На крыльце появляется Нюра.

Нюра *(растерянно)*. Миша, что это там Николай сплетни про тебя какие плетет?..

Голос Николая. Михаи-ил!

Нюра. Правда это?..

Голос Николая. Михаи-ил!

Михаил. Я тебе, Нюра, все обещаю сказать... *(Уходит в дом.)*

Нюра *(бросаясь к Василию)*. Вася! Как же это? Ведь свадьба скоро... Что же это выходит?.. Разве я что-нибудь сделала?! Обнимал он ее тут? Обнимал?.. Ты мне все скажи... ты видел... знаешь... Не хочет он идти, что ли? Да ведь он же говорил, обещал...

Василий. Пойдет он, пойдет. Что ты как полоумная-то сделалась...

Нюра. Пойдет?

Василий. Пойдет.

Нюра. Ну и все!.. Ну и хорошо!.. Это он так, поди, шутя обнимал, баловался только, дурил... А Майе уже и показалось... Дура она набитая... и пошла языком звонить... Противно как...

Василий. Нюра!

Нюра. Что, Вася!

Василий. Я к тебе как к человеку обращаюсь.

Нюра. Ну?..

Василий. Только ты спокойно меня слушай, собери мозги...

Нюра. Ну?..

Василий. Если ты человек, Нюра, отпусти Михаила.

Нюра. Куда?

Василий. Совсем отпусти. Сними с него обещание, освободи.

Нюра. Чего?! Значит, в самом деле у него?! От тебя он этой заразе переменчивой научился! Бабник ты, бык племенной, пакостник!

В а с и л и й. Меня кроши сколько угодно, ко мне не пристанет... Ты о Михаиле подумай, если уж на самом деле он тебе дорог. О жизни его... Что он видел? Счастья-то ведь настоящего каждый человек ждет. А что у него было? Ведь он сегодня вот тут, на этой лавочке, слезы лил... Понимаешь ли ты это, чтобы такой литой парень, как Мишка Заболотный, слезу выпустил... не удержал? Значит, уж боль-то сверх горла шла... Да когда его в детдоме распроклятая Софья Павловна при всех порола за то, что Степка лишнюю булочку сожрал, а она думала, что это Мишка, а потом в чулан заперла, где его чуть крысы не сожрали,— он и то рта не раскрыл... не то что слезы не выпустил. Только с тех пор заикаться стал, особенно когда при нем что несправедливое творят... А лет так около четырнадцати пермские парни — человек шесть — били его за то, что он от них какую-то девчонку защитил... один оборонялся. Кровь уж из него идет, губа рассажена, один глаз оплыл, из-за уха хлещет — какой-то паразит, видать, железяку ему туда воткнул... ты, поди, и шрама-то за ухом у него не замечала,— а он бьется с ними и молчит, молчит и бьется... Хорошо, я сам увидел, подлетел. Ох, и рвали же мы их вдвоем-то на куски!.. А уж когда мы на плотине работали, авария произошла, обвал случился...

Н ю р а. Что ты из меня жалость-то вытягиваешь! Что ты от меня хочешь-то?! Адвокат ты распроклятый!.. *(Вдруг.)* Я-то, думаешь, чурка осиновая, пень, табуретка кухонная? *(Заревела.)*

Василий подходит к Нюре.

Иди ты к черту, проклятый! На-ка, выкуси!.. Не отдам его, слышишь?! И не помышляй!.. Да я весь поселок подыму!.. И Николай не позволит, и я сама!.. Нюрка добрая, Нюрка сделает!.. Не добрая я! К черту вас!.. Я вам позлее Ритки буду!.. Что стоишь, что зенки-то свои поганые вылупил?.. Уходи отсюда, к черту уходи!.. К чертовой матери!.. *(Вдруг налетела на Василия и изо всех сил бьет его кулаками.)*

В а с и л и й *(отбежав к калитке)*. Осатанела... Да разве кто из вас о Мишке подумает... Все о себе, о себе каждый... Кулаки внут-

ренние!.. Ладно, крутите его, перевязывайте! Никто из вас не любит его, вот что! Зверюги!! *(Ушел.)*

На крыльце появилась Р и т а.

Н ю р а. Риточка! *(Бросилась к ней.)* Ведь на самом деле у них, на самом деле! Горит он там, Васька проклятый сказал, огнем горит... Нет уж, он пойдет, нет уж, не отдам его!.. Да что это на свете-то творится!.. *(Плачет.)*

Р и т а *(обняв Нюру)*. Ну, отложи пока свадьбу на два-три дня... все за это время выяснится, уляжется...

Н ю р а. Как это — отложи?.. Еще чего!.. Да скорей бы эта ночь проклятая прошла, скорей бы уж мы расписались!

Р и т а. Нюрочка, а вдруг он на самом деле... Может, он в себе ту любовь таил, настоящую...

Н ю р а. Да мне-то что! Что мне до этого! Там она с каким-то парнем путалась — сорвалось, так сюда пожаловала, на худой конец моего Михаила подцепить захотела... Гадина она, тварь! Нет, уж не будет этого!.. И любит Михаил меня, любит. Три года со мной одной ходит... Что ему ее-то любить!.. Меня он любит. Я знаю! Меня!..

Р и т а. Ну посиди со мной тут, посиди иди...

Нюра подошла к Рите и села на лавочку. Рита обняла ее.

Пауза.

Пойдет он, ты, Нюра, не беспокойся.

Н ю р а. Пойдет?

Р и т а. Пойдет.

Н ю р а. Васька-то мне тоже это сказал, слово в слово — пойдет...

Р и т а. Ну и хорошо.

Н ю р а. Такой у меня праздник на душе был... Ох!..

Пауза.

Р и т а. Ты меня сегодня Юрой Кожиным попрекнула, помнишь?

Н ю р а. Не подумала я... нехорошо вышло.

Р и т а. Не он разлюбил меня, а я его оттолкнула, силой. В лицо ему плюнула, а он мне руки целовал и плакал. Уж только когда за Николая вышла, уехал.

Н ю р а. Зачем же ты так?

Р и т а. Помнишь, когда мы еще в школе учились, твой день рождения отмечали? Шестнадцать лет тебе исполнилось... завтра-то как раз десять лет тому будет... Проводил меня Юра до дому, и так мы с ним тогда хорошо у калитки стояли. Вот на этом моя настоящая-то жизнь и оборвалась.

Н ю р а. А что случилось?

Р и т а. Проводил он меня, ушел. Ведь и не целовались мы с ним еще... А я не пошла домой. Так мне хорошо было, так внутри пелось. Пошла я по-над Волгой-то к роще. Светать уж начало, розоветь. Вижу, Николай ваш на обрыве сидит. Я к нему подошла... Знала, что он в меня влюблен был, и от этого мне тоже гордо было. Он ведь уж тогда в техникуме на последнем курсе учился... особым мне, десятикласснице-то, казался — и взрослым и недосягаемым в чем-то... Ну, подошла я к нему. Мне от моей любви к Юре всех любить хотелось, всем верила и во все... не то что теперь... Обрадовался он, сильно обрадовался. Пошли мы по роще... А ведь мы тогда, на рождении-то на твоем, вино пили — портвейн да еще настойку смородиновую. Я тот день из минуты в минуту во всех подробностях помню... Тоже от глупой храбрости да от счастья много пила. Мне уж и без вина-то море по колено было — от одной уверенности в жизни... а от вина-то к рассвету совсем шальная стала... развезло, сама не своя... Как уж тогда все это вышло — не хочу говорить... Он-то, может быть, меньше виноват, хотя, дурак, старше меня был, мог бы соображать. Да ничего он не мог, животное этакое!.. Я одна виновата.. Мне все Юра перед глазами представлялся... Ну, а с утра-то, как проснулась, новая у меня жизнь началась... и по сегодняшний день идет... Юрка-то, бедный, понять не мог, что я на него кидаться стала и с Николаем ходить... А уж что у меня в душе творилось, как я себя душила и казнила... А потом выяснилось — беременная я... Николай-то ваш, как узнал, испугался. Трус он ужасный, жалкий даже...

В загс потянул, с перепугу-то... Он ведь меня не настоящей любовью любил, хотелось ему меня, ну и все... И сейчас он меня совсем не любит, боится только. Боится, что убить могу... Убить-то, конечно, не убью, но так мне его иногда отдубасить хочется... Я уж его раза два по морде съезживала... Терпит. После битья-то еще льстивее становится... Есть у него там какая-то женщина... табельщица, кажется... А мне все равно. Так, пугаю его иногда, когда злоба душит. А так — все равно... На работе, конечно, забываюсь, дышу еще, да и то! У всех жизнь нормально идет, смех, дети как дети, мужья... Не могу переносить! Я и на свадьбу твою не потому идти не хотела, что Николай уезжает,— не едет он никуда, это я ему выдумала, чтоб не идти. А теперь приду.

Нюра. Будет свадьба-то? Будет?

Рита. Конечно.

Нюра. Так что же ты тут мне свое-то рассказываешь? Зачем? Мне уж сейчас твоего-то не надо, мне своего хватает...

Рита *(грустно)*. Это я тебе мосточек кладу — через пропасть-то эту.

Нюра. Какой еще мосточек?

Рита. Будь осторожна, Нюра, в ложь не полети... Во лжи жить — все равно что в вонючей яме.

Нюра. Чего ж ты-то тогда от Николая не уходишь?

Рита. Сил нет. Вовремя не оторвешь — так и тянешь.

Нюра. Да ведь любит меня Михаил, любит!.. Что вы тут мне в уши-то жужжите...

Входит Николай.

Николай. Пойдем, Риточка!.. Анна, не переживай, плюнь.

Нюра. Вещи он сюда уже перевез.

Николай. Не нервничай, говорю. Пусть он и не пикнет. Я, может, завтра по такому случаю от командировки освобожусь, попрошу горком.

Рита. Да не ври ты, я уже сказала.

Николай *(смеется)*. Жена!.. Это, знаешь, после партийного руководства вторая сила... Мы тебя в обиду не дадим. *(Подходит к*

сестре, целует ее.) Спи спокойно, полный порядок будет... Риточка, идем.

Р и т а *(целуя Нюру)*. Приеду завтра.

Н и к о л а й *(зовет)*. Отец, мы отчаливаем!

С а л о в появился на крыльце.

Пока!

С а л о в. До свидания!

Р и т а. До свидания, Илья Григорьевич.

Р и т а и Н и к о л а й ушли. Салов долго смотрит на дочь.

С а л о в. А я тебе к завтрему тоже подарок приготовил, шкатулочку на базаре купил... ловко сделана... Я поговорил там с Михаилом... он ничего... не обидит. А у мужчин это, Нюрок, бывает... заход вроде... на время... у некоторых.

На крыльцо вышел М и х а и л.

Мишуха, ты приходи завтра пораньше, лавку доделаем.

М и х а и л. Хорошо.

С а л о в. Ночь-то какая!.. Чистая!

М и х а и л. Да.

С а л о в. Пойду на дежурство... пора собираться. *(Ушел в дом.)*

Н ю р а *(подбежав к Михаилу)*. Мишенька, уедем мы, забудешь ты эту проклятую... Ведь меня ты любишь, меня! Меня? Да?

М и х а и л. Тебя.

Н ю р а. Ну вот видишь, видишь!.. Все устроится... Я по завкомовским-то делам когда бегаю, мирю кого — вижу, устраивается... Сидоровы в прошлом году уж как рассорились, насмерть, кажется... Побежала я к нему сперва. Потом к ней... Потом опять к нему... Уж и сама думать стала, что ничего не получится... А ведь вышло... рады они теперь... радехоньки... вышло... Мишенька мой!.. Да неужели все на свете так переменчиво!.. *(Обняла его, прильнула.)*

М и х а и л *(тоже обнял ее, как ребенка)*. Поженимся мы, Нюра, завтра, ведь я не отрекаюсь.

Н ю р а. Точно? Точно?

М и х а и л. Т-точно...

Н ю р а. Ну и хорошо, ну и спасибо тебе... Оставайся у нас ночевать.

М и х а и л. Я уж в общежитие... Ты не бойся, я не сбегу... человек ты мой хороший! *(Целует ее в голову.)*

Н ю р а. Любишь ты ее, скажи? Любишь?

Михаил молчит.

Ну не буду, не буду... Ну и что? Пройдет все, вот увидишь, пройдет, забудется... Ну уходи!

Стоят молча.

Дай я тебя поцелую. *(Целует Михаила долгим, жарким поцелуем.)* Иди.

М и х а и л уходит. Хлопнула калитка. Нюра села на лавку. Из дома вышел С а л о в. Он в ватнике, в руках узелок — видимо, пища.

С а л о в. Ушел?

Нюра кивает головой. Салов идет к калитке.

Как Матвевна и Сергевна уйдут, запри калитку.

Н ю р а. Женьки еще нет.

С а л о в. Жди теперь! Через забор перелезет... Спать иди... постарайся... а то лицо мятое будет...

С а л о в ушел. Нюра неподвижно сидит на лавочке. Слышно, как идет колесный пароход, шлепая плицами по воде. Он дает короткие тревожные гудки.
Из дома выходят М а т в е е в н а и С е р г е е в н а.

М а т в е е в н а. До завтра, Нюрок.

Н ю р а. До свидания.

М а т в е е в н а. С капустой пироги особливо хорошо удались. Да и все складно получается.

Снова тревожные гудки парохода.

Н ю р а. Что это как пароход-то раскричался...

М а т в е е в н а. Лодку, поди, предупреждает. Безобразничают... Поперек едут — под самый нос режут... Спешат все... доспешатся... Будь здорова!

Н ю р а. До свидания.

Ж е н щ и н ы ушли. Снова пароход дает короткие тревожные гудки.

Да не кричи ты, не кричи!..

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же декорация. День. Двор чисто убран. Сооружен длинный стол, накрытый скатертями и уже частично уставленный едой и напитками. По забору и крыльцу развешаны цветы живые и искусственные. На ступени крыльца брошена матерчатая дорожка.

С е р г е е в н а и М а т в е е в н а продолжают накрывать на стол, бегая то в дом, то в погреб с кушаньями. Т о н я украшает наличники окон полотенцами и цветами.

В калитку входит М а й я.

М а й я. Ух, разрисовали! Где они?

Т о н я. Уже в загс пошли.

М а й я. Поплелся, значит, голубчик!

Т о н я. А ты как думала?

М а й я. Испугался, конечно. Ты слыхала, он с Васькой ночью на ту сторону в лодке катал.

Т о н я *(она все знает)*. Хватит брехать-то.

М а й я. Люди видели. Вернулся-то на рассвете.

Т о н я. Помогай лучше. Скоро придут...

М а й я *(помогает украшать двор)*. Закрутил! Клавдя-то не показывалась?

Тоня. Нет.

Майя. Уж, поди, хватит стыда не появляться. Еще погоди, по дороге какое-нибудь колено отмочит... Не дойдя до загса, сбежит. Они, детдомовские, без узды.

Тоня. Будет каркать-то, ворона!

Майя. Увидишь! Барахлишко-то свое он сюда из общежития перетащил?

Тоня. Еще вчера все принес... кроме постели.

Майя. Вон как! Самое-то главное, значит, там оставил.

Тоня. Подумаешь, тюфяк да подушка!

Майя. Хитер!.. А я на Ваську жалобу сочиняю. Аморальный тип, пусть судят.

Тоня. Разлюбила?

Майя. Чего любить-то, раз ушел. Хорош, конечно, но гад.

Тоня. Замуж пора тебе всерьез. Отец у тебя такой уважаемый, завод-то как поднял — на весь Союз! Голова! А ты? Плачут они, поди, с матерью от такого твоего поведения...

Майя. Да разве они молодежь понимают!.. Они всё свои принципы в нос тычут!.. Всё понять не могут, что их век кончился, другой идет. Не хочу я половыми вопросами мучиться, без них дел хватает.

Тоня. Тьфу!

Майя. Плюйся не плюйся, к тому идет — к свободе! Старики повымрут, наши порядки будут, увидишь.

Входят Женя и Оля, они вносят газету, разворачивают ее и пришпиливают на заборе.

Вон молодежь поддержит, да еще разовьет... Ишь, что выдумали — стенгазету. *(Подходит, читает.)* «Любви все возрасты покорны». Пушкин. Не возражаем, пусть всем достанется... «Любить — значит жить жизнью того, кого любишь». Толстой... Однобоко, старик, узко — о себе думать тоже не мешает... «Невесело на свете жить, коль сердцу некого любить». Шевченко... В точку попал, в яблочко!.. «Никто не принуждается к заключению брака, но всякий должен быть принужден подчиняться законам брака, раз он вступил в брак». Карл Маркс... Отжило, милый!.. «В душе померк бы день и тьма

настала б вновь, когда бы из нее изгнали мы любовь. Лишь тот блаженство знал, кто страстью сердце нежил. Тот, кто не знал любви, тот все равно что не жил»... Это другое дело. Кто это высказался? Мольер... Приветик!..

В калитку вошли Салов и Менандр Николаевич. Они быстро пересекли двор и скрылись в доме.

Старик-то, как сыч... и не глядит. Поджилки, поди, трясутся. *(Читает дальше.)* «Если... ты любишь, не вызывая взаимности, то есть, если твоя любовь не порождает взаимной любви, если ты своим жизненным проявлением в качестве любящего человека не делаешь себя человеком любимым, то твоя любовь бессильна...». Карл Маркс... Хватит уж Марксом-то пугать!.. «У любви, как у пташки крылья, законов всех она сильней». Кармен. Сразу видно, своя баба!

На крыльцо вышла Сергеевна.

Сергеевна. Девочки, помощь требуется!
Тоня. Идем, Майя.

Тоня и Майя ушли.

Оля. Как ты думаешь, понравится им?
Женя. Надеюсь.

Из дома выходят Салов и Менандр Николаевич.

Менандр Николаевич. Женька, Ольга, добегите-ка до загсу... чего они там застряли? Да когда обратно пойдут, знак дайте.

Оля и Женя ушли.

Да сядь ты, не суетись... Уж пошли, уж распишутся... Чего нервенный-то такой?
Салов. Скоблит по сердцу...
Менандр Николаевич. Чего?
Салов. Веселья нет... радости.
Менандр Николаевич. Это тревога звонит... Принесут справку с печатью, и отойдет.

Салов *(подсел к Менандру Николаевичу).* У меня, Менандр, у самого в этом вопросе уверенности нет. Честное ли дело идет или наоборот?

Менандр Николаевич. То есть?

Салов. Ну что, бестолковый ты или души нет?

Менандр Николаевич. Была вроде.

Салов. Была!..

Менандр Николаевич. Понял... Тут, Илья, все ясно, двух суждений нет... Ты от своей жены не бегал.

Салов. Я не в пример. Я свою Александру Ивановну одну любил...

Менандр Николаевич. Вот видишь...

Салов. Погоди... Я, говорю, свою Александру Ивановну одну любил, всегда. А что, думал, если мне вдруг при живой жене другая полюбится? Что делать стану? Боялся я этого случая. Не выпал он мне, слава тебе господи!.. Я за себя ручаться не мог, горячий мужчина был... кругом примеров-то множество. Видел я, как люди мучаются этим самым делом... О тех, у кого ветер в таких случаях, о тех не говорю: кобельки, и ничего больше — вошки да блошки... А для кого бедой такое дело оборачивалось, горем... Какой тебе тут природа диктант дает, какую подсказку шепчет, и не знаешь. С одной стороны, порядок, условие, так сказать, такое, договор, его соблюдать необходимо, а с другой...

Менандр Николаевич. К чему это, значит, ты клонишь?

Салов. Вот я и думаю, дело ли Михаил делает, что идет...

Менандр Николаевич. Ты что? Что мелешь-то!

Салов. Это я так, отвлеченно говорю, вообще...

Менандр Николаевич. Когда дело до жизни доходит, Илья, философию надо бросать, она что — игра ума, и только.

Салов. Это конечно...

Менандр Николаевич. Да ежели свадьба расстроится — что поднимется-то, чуешь?

Салов. Даже и вообразить нельзя всего шуму-то разного.

Менандр Николаевич. То-то. Ведь закон промеж людей тоже не зря устанавливается.

Салов. Закон, Менандр, порой людям тогда нужен, когда они не знают, где правда. Условие они тогда такое заключают между

собой. Временное. До выяснения сути... Вот, к примеру, есть закон — чужого не брать. Вор, ежели взял. А ведь где-то, в высших-то, так сказать, порядках, чужого-то и нет и своего нет... Общее все. Как та губисполкомовская моторка, о которой ты мне вчера напомнил... Конечно, рад я, что Нюрка наконец мужа нашла... И Михаил распишется... Он воли-то себе не даст. Он с детских лет привык себя в руках держать... дисциплину знает... Да какая у них жизнь будет?.. Впереди-то что им маячит?.. Тут вопрос!..

Менандр Николаевич. Вперед-то, Илья, ни один человек не знает. Предполагает только... Привыкнут друг к другу, обтерпятся... и пойдет.

Входят музыканты, которых приводил Василий. В руках у них сверкающие инструменты.

Салов. Вам что, товарищи?

Первый музыкант. Василий Заболотный прислал — играть.

Менандр Николаевич. Вон как... с музыкой, значит.

Салов. Не чересчур ли уж?..

Первый музыкант. В самый раз, Илья Григорьевич,— свадьба! Перезнакомьтесь. *(Представляет музыкантов.)* Гусев Семен, фрезеровщик... Репочкин Федор Федорович, старший технолог, Лапкин Трофим Константинович, конструктор... Это Вовка Пузин, ремесленное кончает... Товарища Харитонова, поди, знаете, бухгалтер ваш, зарплату вам насчитывает.

Салов (*здоровается со всеми)*. Да еще рано, нету их.

Первый музыкант. А мы — позицию занять... Вот тут нам указано... Становитесь, товарищи.

Музыканты становятся у крыльца. Двор наполняется народом. Некоторые принесли подарки, отдают Салову. Тот складывает их на верстаке. Тут и свертки, и букеты, и вазы, и бутылки шампанского, и подушка, и абажур, и коробки конфет, и этажерка, и духи, и всякая всячина. Все здороваются с Саловым. Часть гостей знает о последних событиях в доме Салова, остальные пришли, как на самую счастливую свадьбу, ничего не подозревая. Общий гомон.

С а л о в и М е н а н д р Н и к о л а е в и ч ушли в дом. Возникают следующие реплики:

— Чин чином все разукрасили.
— Люблю свадьбы — счастьем пахнет.
— Пошел Мишка-то, железный!
— Другой бы и хвостом вильнул, не посмотрел бы.
— Точно.
— А куда ему деться было? У всех на виду. Откажись — кончилась бы его карьера.
— Из комсомола вышибли бы.
— С чего это?
— В два счета!
— Я бы первый голосовал, хоть и жалко.
— И глупо!
— Да, тут уж податься некуда, хошь не хошь.
— Пусть он ее любит, ничего, золото она, наша Нюрочка.
— Это точно.
— Нюрка хорошая.
— Слюбятся.
— Газету-то какую выдумали, смех!
— Стол богатый.
— Начисто, поди, выложились.
— Пара-то какая замечательная: что он, что она — счастливые!
— Сурьезные оба.
— Чего-то не по себе мне.
— Брось, весело будет.
— Мой графин с краю поставили — не кокнули бы. (*Переставляет графин, на его место ставит другой.*)
— А моего тебе, значит, не жалко! (*Переставляет. Ставит на его место бутылку.*)
— Тут поскорей выпить надо, сразу все в норму войдет.
— Цветов-то, цветов! На такую свадьбу и поменьше бы можно.
— А Клавка, гадюка, носа-то не кажет.
— Еще бы!
— Неужели он ночью к ней в город ездил?

— Ну и что?
— Васька сказал — побродили они коло ее дома, и все. Она и не вышла.
— Верь Ваське!
— У-у, вороны, слетелись смотреть, как на утопленника.
— А верно, почему это народ на всякие несчастья смотреть бежит? Машина кого задавит — бегут, утопленник — бегут. А уж если пожар — полгорода мчит!
— Интересно... событие.
— Обогащение ума.
— Помню, когда первый аэроплан прилетел, все высыпали, хоть по квартирам шарь.
— Раньше воров меньше было.
— Так раньше у нас в поселке полторы тыщи людей жило, а теперь за десяток перевалило.
— И что?
— На душу-то населения воров меньше будет — вот что!
— Точно.
— Ишь ты, ловко! Радио, поди, не выключаешь.
— Молодежь нынче вольности много берет.
— И не говори! Моя штаны надеть хотела, как мужик, на свадьбу-то.
— В Москве, говорят, женщины прямо по главным улицам в штанах хóдят.
— А милиции приказ дали — стрелять без предупреждения.
— Ну, уж не ври. Забирают просто и бьют.
— Будет вам молоть-то!
— А узкие брюки молодежь у эпохи выторговала. Носют.
— Потому время теперь такое... Раньше-то — у-у! — дали бы им жару!
— «Раньшего» тебе захотелось!
— Не то чтобы... но для порядку.
— Катись ты со своим «раньше»!.. Восемь лет я его зазря из котелка хлебал.

Вбегают **О л я** *и* **Ж е н я**.

Оля и Женя *(наперебой)*. Все!.. Расписались!.. Идут! Идут!

Они снимают перекладину с ворот, распахивают их. Все замерли. В ворота рука об руку идут Нюра и Михаил, молодые муж и жена. Сзади — Василий и другие. Лица Нюры и Михаила каменные. На мгновение они остановились, войдя во двор.

Салов. В дом войдите сперва, а потом уж к столу.

Михаил повел Нюру. Грянул оркестр какой-то душещипательный вальс-марш вроде «Дунайских волн». Михаил ведет Нюру в дом. Следом за ними идут Салов, Николай, Рита, Женя. Все замерли, впились глазами в молодых. Когда молодые скрылись в доме, музыка умолкла и снова возникли реплики:

— Ну, слава тебе господи, все хорошо вышло.

— Чего хорошего-то?

— Зато порядок.

— Платье-то как идет к ней.

— Оно всем пойдет.

— Ни кровинки в лице-то у нее.

— Страху-то натерпелась.

— Выпить бы уж скорей!

— Только это и знаешь!

— Пойдут дети, дела... и забудется.

— Что забудется-то?

— Все.

— Вот то-то и оно!

— Эх, жизня, жизня...

Василий (*злобно*). Радуйтесь, радуйтесь, свадьба!!! (*Вдруг выкидывает несколько плясовых колен.*) Э-эха! Э-эх! Весело, свадьба! (*Танцует.*)

Гости совсем притихли. Из дома выходят Нюра, Михаил, Салов, Николай, Рита, Женя, и всех как прорвало:

— Поздравляем!

— Счастливо жить!
— За стол, за стол!
— Нюрочка, какая же ты красавица!
— Миша, поздравляем!
— Здорово все вышло!
— К столу, к столу!
— Наливай живей, наливай!
— Садитесь, товарищи, садитесь! Ура! Ура!

Все шумно рассаживаются за стол. Налили рюмки, стопки. Салов встал, поднял рюмку. Все умолкли.

Салов. Ну... вот... мечтала моя Александра Ивановна о твоем счастье, Нюрок... думала она об этом дне... да рано ушла... не дождалась... Живите дружно... уступайте друг дружке... Это необходимо... Чужую волю не гнетите, без воли человеку дышать трудно... Жизнь не в жизнь... уступайте. Ну, счастья вам...

Оркестр грянул туш. Все пьют. Выпили — зашумели.

— По второй наливай, по второй!

Шум. Налили по второй. Чей-то голос выкрикнул: «Горько!», и как по команде все наперебой закричали: «Горько!», «Горько!», «Горько!» Молодые встают для традиционного поцелуя. Михаил приподнимает вуаль с лица Нюры, берет жену за руки и притягивает к себе. Оркестранты взяли наизготовку инструменты.

Нюра *(слегка сопротивляясь, тихо).* Не надо.
Реплики.
— Ишь ты!
— Застыдилась!
— Целуй ее, Миша! Целуй!
— Бери!
— Горько! Горько!

Михаил берет Нюру за плечи и приближает к себе.

Н ю р а (*с криком*). Не хочу! (*Выскакивает из-за стола и бежит в дом.*)

Гости тоже повскакали со своих мест, смеются.

Р е п л и к и.

— Ишь ты, что выдумала!
— Проворная какая!
— Засиделась в девках-то!
— Туго.
— Силком ее, Миша, бери! Силком!
— Ай да Нюрочка!
— Лови ее, лови! Лови!

Несколько человек бегут в дом и под общий смех вытаскивают Нюру из дома. Держат ее за руки. Нюра хочет вырваться, но не может, даже покраснела от натуги.

— Вот она!
— Бери ее, Миша!
— Целуй!

Общий крик: «Горько!!!» Михаил неуверенно идет к Нюре.

Н ю р а (*кричит*). Не хочу!!

Все вдруг утихли, поняли, что это не привередничание, не шутка, не игра.

Мишенька!.. Не хочу!.. Люблю тебя, Миша!! Не могу твою свободу брать... Не хочу!.. Что же это мы делаем?!..

М а й я. Чего ты несешь-то, полоумная?

Н ю р а (*не слушая, со слезами*). Я еще ночью все поняла, когда одна во дворе сидела... Все ясно было... Говорят, утро вечера мудреней... Выгодней, может, а не мудреней. В тишине-то чистые мысли идут... ясные... верные... А утром подумала: нет, мой он, мой!.. Только загадала: как распишется — какие у него глаза будут, увижу... Видела, как ты свой смертный-то приговор подписывал... и глаза у тебя совсем спокойные стали, ровные... Люблю же ведь я тебя, Мишенька! Тебя люблю, не себя...

М а й я. Да ты опомнись... что город-то говорить будет!..

Н ю р а. Ну уж если я все это пережить собираюсь, то город как-нибудь переживет!

В а с и л и й. Нюра!.. Нюрочка!.. Нюра!!!

М а й я. Об отце, об отце-то подумай!

С а л о в. Говори, Нюрок, говори.

Н ю р а. Иди, Миша, иди!.. Миша мой! Не могу! *(Снимает фату. Кричит.)* Отпускаю!!

Оркестр вдруг грянул туш. Кто-то замахал на оркестрантов руками, но дирижер неистово взмахивает руками и туш гремит два, три и четыре раза. На звуках оркестра идет занавес.

З а н а в е с

1963

ЗАТЕЙНИК

ДРАМА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СЕРГЕЙ СОРОКИН, *37 лет.*
ВАЛЕНТИН СЕЛИЩЕВ, *38 лет.*
АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ СЕЛИЩЕВ — *отец Валентина, 65 лет.*
ГАЛИНА СЕЛИЩЕВА — *жена Валентина, 37 лет.*
МАРИЯ ПАВЛОВНА БЕЛЯЕВА — *сестра Селищева, 50 лет.*
ЭДУАРД, СЫН МАРИИ ПАВЛОВНЫ — *двоюродный брат Валентина, 20 лет.*
ТАМАРА, *20 лет.*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

На сцене довольно темно, и мы различаем только контуры декорации, но, привыкая постепенно к полумраку, видим обширное помещение, что-то вроде сарая, превращенного в комнату. В комнате стол, пара стульев, кровать, стоящая в углу, на которой спит кто-то. Около кровати тумбочка. В противоположной стороне такая же тумбочка санаторного типа. На ней электроплитка. В углу умывальник. Широкое, но невысокое окно задернуто жалюзи, сквозь которые полосами бьет свет. Приглядевшись еще, видим, что в комнате много спортивного инвентаря. Мячи, сетки, теннисные ракетки, кегли, ласты, даже рапиры и спасательный круг. Спортинвентарь валяется на полу или развешан по стенам.

Отворяется дверь. На пороге — мужчина в светло-кремовых брюках, элегантной белой рубашке, светлых сандалетах. Это Валентин Селищев.

Валентин. Затейник! Товарищ затейник!

Человек на кровати зашевелился, открыл глаза, сел на кровати. Протирает глаза, зевает.

Волейбольный мяч требуется!

Затейник — это Сергей Сорокин *— встал (он спал в желтой майке и синих китайских брюках) и босиком зашлепал по комнате в поисках мяча.*

Что это вы в семь часов залегли? Какая ни работа, а все-таки работа.

Сергей *(не глядя на собеседника, ища мяч)*. Устал. *(Поднимает жалюзи.)*

В комнате стало ярко, светло.

(Заглянул за тумбочку и полез под кровать. Выкатил мяч и пнул его босой ногой по направлению к Валентину.) Пожалуйста. *(На минуту взглянул на Валентина, замер, но тотчас же повернулся и пошел к постели.)*

Валентин *(неуверенно)*. Сережка!..

Сергей будто не слышит.

Сережа!

Сергей оборачивается.

Сергей!

Сергей *(с несколько деланной, вялой радостью)*. Валя! Селищев!

Идут навстречу друг другу, здороваются. Оба растерянны, чувствуют себя неловко.

Валентин. Сережка Сорокин!.. Вот так да! Сережка Сорокин!.. Ай-яй-яй-яй-яй! Сережка Сорокин!..

Сергей *(улыбаясь)*. Вроде бы я...

Пауза. Так и стоят друг против друга. Очень они внешне неравноценны.

Валентин. Отыскался!.. Ты что тут?

Сергей. Живу...

Валентин. Давно?

Сергей. Семь лет.

Валентин. Здесь?

Сергей. Да.

Валентин. Работаешь?

Сергей. Ага...

Валентин. В этом доме отдыха?

Сергей. В этом.

Валентин *(робко)*. В качестве кого?

Сергей. Веду культурно-массовую... Экскурсии, походы, кино, шахматы. Библиотекой ведаю с одиннадцати до часа... Спорт-

инвентарь тоже на мне. Еще совмещаю — игры массовые. Лишних полставки имею... *(Умолк.)*

Пауза.

Валентин. Сережка Сорокин!..

Сергей. А ты откуда? Отдыхать приехал?

Валентин *(все еще не придя в себя от встречи)*. Семнадцать дней уже здесь.

Сергей. Не видел тебя.

Валентин. Я не у вас. Я в санатории — «Цветмет»... Сергуха, Сергуха!

Сергей. Да... вот... *(После паузы.)* Садись.

Валентин. Сейчас. Одну минуту... *(Взял мяч, быстро вышел в дверь. Слышен его голос: «Анна Львовна, я задержусь. Играйте без меня».)*

Пока он выходил, Сергей подошел к кровати, сунул ноги в тапочки и, взглянув на одинокое фото, висящее над кроватью, снял его и сунул в ящик тумбочки. Вернулся Валентин.

Сергей. Присаживайся. У меня кавардак...

Валентин. Это что, твоя спортбаза?

Сергей. Да. Я и живу здесь.

Валентин. Квартира вроде?

Сергей. А что? Удобно. Так сказать, не отходя от кассы.

Валентин. Ты знаешь... я даже скрыть не могу...

Сергей. Понимаю.

Валентин. Сережка!.. Сережка!.. Как же это так?

Сергей. Что?

Валентин. Как это вышло?

Сергей. Постепенно.

Валентин. И давно ты здесь?

Сергей. Седьмой год. Я тебе сказал.

Валентин. Да-да, извини... Всё тут?

Сергей. Тут.

Валентин. Наших никого не встречал за эти годы?

Сергей. Нет.

В а л е н т и н. В Москве бываешь?
С е р г е й. Нет, не бываю.
В а л е н т и н. Женат?
С е р г е й. Нет.
В а л е н т и н. И не был?
С е р г е й. Не был.

Пауза.

В а л е н т и н. Костя Мясников — врач. Докторскую защитил. Эндокринолог... Зоя Бородавкина — инструктор в райкоме по строительству. Аристархов... помнишь Аристархова?
С е р г е й. Я всех помню.
В а л е н т и н. Он иняз кончил. В издательстве старшим редактором. За границу часто ездит. Сечкин — артист, в кино снимается. Здорово смешит. Ты видел?
С е р г е й. Видел. Он и в кружке способный был... А ты в наш дом отдыха как попал?
В а л е н т и н. Тут у вас дама одна... роскошная. Познакомился третьего дня.
С е р г е й *(равнодушно)*. А-а-а...
В а л е н т и н. Делать-то нечего.
С е р г е й. Понимаю.
В а л е н т и н. Ты знаешь, мы когда в Москве собираемся, тебя каждый раз вспоминаем. Уж чего только не навыдумывали... Гадали: может, Ассуан строишь или какую-нибудь новую Бхилаю... Даже предположение было, что ты засекречен — есть, говорят, такие особо ценные головы. Ну а кто думал — погиб, умер...
С е р г е й. А ты теперь кто?
В а л е н т и н. Я?.. Ну, кончил педагогический. В аспирантуру толкнулся. Не повезло: своих там до лешего... В районо сначала. Потом меня на всякие организационные мероприятия бросили.
С е р г е й. Руководящий, значит, состав?
В а л е н т и н. Был... Только больше мною руководили: то по загривку, то по носу. Низший, брат, чин — тот же солдат: «Направо!» «Налево!», «Кругом!»... Только поворачивайся. Я инструктор

теперь. Лекции, кроме того, читаю.. Езжу. От общества «Знание»... Доцента имею.

Сергей. Вона!..

Валентин. Изменился я?

Сергей. Не очень.

Валентин. А не узнал.

Сергей. Я узнал... да смутился чего-то.

Валентин. Понимаю.

Некоторое время сидят молча.

А ты, значит, развлекаешь трудящихся.

Сергей. Да... всякая мура.

Валентин. Игры?

Сергей. И игры. Третий лишний там, горелки, веревочка.

Валентин. Веревочка? Что это?

Сергей. Берутся сначала парами за руки, выстраиваются в одну линию, потом кто-нибудь выходит вперед... *(Замолчал.)*

Валентин. Понятно...

Сергей. Вот, значит, так...

Валентин. Ай-яй-яй... Мы думали: кто-кто, а Сережка Сорокин с неба звезду схватит.

Сергей. Я тоже думал... Хочешь, чай поставлю?

Валентин. Нет. У нас на убой кормят.

Сергей. А я выпью. Пить хочется. *(Включает плитку, ставит чайник.)*

Валентин. Да... звездами с неба не всех отоваривают.

Сергей. Хурма есть...

Валентин. Спасибо, не хочу... рот вяжет.

Сергей вынул было из тумбочки тарелку с хурмой, но, услышав отказ, сунул тарелку обратно.

А до этого ты где был?

Сергей. В Мурманске... в Тюмени... Полтаве... Среднюю Азию изъездил... много...

Валентин. Чего делал?

С е р г е й. Всякое. Что попало.

Пауза.

В а л е н т и н *(показывая на спортивное имущество)*. Это твои орудия производства?

С е р г е й. Да.

В а л е н т и н *(вынимая сигареты)*. Куришь?

С е р г е й. Нет, я не курю.

В а л е н т и н. Это болгарские. На экспорт, под американские делают.

С е р г е й. Хорошие, наверно.

В а л е н т и н. Отличные... *(Затянулся. Прошелся по комнате. Остановился у рапир. Снял одну со стены.)* Тут и на шпагах бьются?

С е р г е й. Это рапиры.

В а л е н т и н. Ну, все равно. Глаза выткнуть могут.

С е р г е й. Маски надевают. Вон... *(Показал на маски.)*

В а л е н т и н. Допотопный спорт. Дай какому-нибудь бегемоту — брюхо пропорет.

С е р г е й. Они тупые. Да никто и не берет. Теперь больше бадминтон пошел. *(Увидав, что Валентин пробует пальцем кончик рапиры.)* Эту я наточил.

В а л е н т и н. Зачем?

С е р г е й. Зимой какие-то сволочи в окно залезали. Скрутили, рот мне заткнули и на шестьдесят восемь рублей инвентарь сперли. А мне же присудили выплачивать. По три сорок в получку.

В а л е н т и н. Что ж ты их теперь, протыкать будешь?

С е р г е й. Пугну.

В а л е н т и н *(повесив рапиру обратно)*. Да!.. Отыскался!.. Встречу наших, расскажу — не поверят!

С е р г е й. А ты не говори.

В а л е н т и н. Да как же!

С е р г е й. Скажи — Сережка Сорокин умер, ребята, своими глазами могилу видел. А?..

В а л е н т и н. Полно тебе...

С е р г е й. Ну ладно. Похвастайся.

В а л е н т и н. Чем же тут хвастаться, чудак...

С е р г е й. Я так просто. Шучу.

В а л е н т и н. Могу не говорить.

С е р г е й. Как хочешь.

В а л е н т и н. Вообще-то чего особенного... Работаешь культурником. Мало ли их по Союзу. Работа как работа... Ты учился этому делу или как?

С е р г е й. Сначала случайно. Место тут было свободное. Потом на курсы ездил в Ростов. Два раза по три месяца...

В а л е н т и н. Ага!.. И вообще тут хорошо: юг, море, фрукты. Я на виноград нажимаю.

С е р г е й. Да, здесь замечательно.

В а л е н т и н. Мы этим удовольствием в году-то один раз пользуемся, а ты круглый год. Вон загорелый какой.

С е р г е й. Зима здесь паршивая.

В а л е н т и н. Да, зимой, наверно, скучно.

С е р г е й. Старички наезжают, старушки всякие хворые... Но не в этом дело — погода паршивая. Дождь со снегом, слякоть, промозгло. Кашель у меня стал появляться.

В а л е н т и н. Болеешь?

С е р г е й. Сейчас нет.

В а л е н т и н. А что лежал?

С е р г е й. Сморило. Сам не знаю, как заснул. Ездили с Борькой Авиловым на байдарке. Так, покататься. Да двух дур пришлось вытаскивать. Борьку чуть не утопила, зараза. Да и моя красавица хороша: все за руки хватает, за руки. Я ей ору: за шею бери, за бедра, а она — за руки.

В а л е н т и н. Часто тонут?

С е р г е й. Каждый сезон. Заплывают далеко. У кого судорога, у кого сердечно-сосудистая... некоторые просто пугаются. А кто совсем без ума, в шторм лезет. Они, как до моря дорвутся, дуреют.

В а л е н т и н. Родители у тебя живы?

С е р г е й. Умерли... оба... Это я им укоротил.

В а л е н т и н. Не писал?

С е р г е й. Редко.

В а л е н т и н. Хорошие они были. И Елена Ивановна и Константин Федорович. Помнишь, на Арбате у вас собирались? Чуть ли не каждую субботу. И на елку.

Сергей. Ты после того, как я уехал, не навещал их?
Валентин. Нет, не бывал.
Сергей. А что?
Валентин. Сам не знаю. Хоронить их ездил?
Сергей. Только отца. О матери спустя узнал.
Валентин. Не сообщили?
Сергей. Да.
Валентин. На квартиру кто-нибудь позарился.
Сергей. Просто не знали. Я как раз в Фергану переехал.
Валентин. Квартира не сохранилась?
Сергей. Нет, конечно.
Валентин. Значит, от Москвы отрезан.
Сергей. А зачем она мне...

Пауза.

Валентин. Ну а интересы у тебя тут какие? Что делаешь?
Сергей. Интересы? Да нет интересов. Весь день в бегах. Болтаюсь, как буек. Время-то и мелькает. Читаю когда... больше детективы. Хорошие книги не могу.
Валентин. Что же. А я, знаешь, люблю хорошие. На ночь особенно. Без книги не усну. Тут у Толстого «Отца Сергия» перечел. Здорово он палец-то себе оттяпал... лихо...
Сергей. Да... симпатично... Это я еще тогда, раньше читал.
Валентин. Ты головастый был.
Сергей. Теперь, как хорошую книгу прочту, повеситься хочется. А детективы читаю, ничего... живу... *(Засмеялся, умолк.)*
Валентин. Понимаю... Худо тебе?
Сергей. А чего? Привык.
Валентин. Вижу.
Сергей. Это я тебя встретил, что-то вроде расстроился. А так — веселый. Меня отдыхающие любят... Ты женат?
Валентин. Женат.
Сергей. Что ж молчишь?
Валентин. Ждал от тебя этого вопроса.
Сергей. Почему?
Валентин. Может, неприятно тебе...

Сергей. На Галине?

Валентин. На Галине.

Сергей *(подошел к электроплитке, выключил ее, налил себе чаю).* Может, выпьешь?

Валентин. Да нет. *(Посмотрел на часы.)* Ужинать скоро.

Сергей *(переносит стакан с чаем на стол. Садится, размешивает в стакане сахар.)* Как она?

Валентин. Хорошо. Живет не жалуется... Одно тебе скажу, Сережа: все проходит. Уж как я тогда по Галине с ума сходил, вспомнить совестно. Поверишь ли, покончить с собой хотел. Безумно ее желал... Ты извини, может, не надо?

Сергей *(смеется).* Мне-то что... Давным-давно все забыто... Так, для поддержания разговора спросил.

Валентин. Она, понимаешь, какая-то холодная оказалась. Ровная, бесстрастная...

Сергей. Галина?

Валентин. Да. А что?

Сергей. Так.

Валентин. Женщина она порядочная, ничего не скажешь, но веселей она мне поначалу показалась, прелестней, что ли, женственней.

Сергей. Любит тебя?

Валентин. Любит, наверно. Чего не любить. Но я тебе честно признаюсь. Была у меня одна история... вот та любила! Даже, знаешь, с перебором. Оборвать пришлось по тактическим соображениям.

Сергей. Дети есть?

Валентин. Детей нет. Я и сам не очень настаивал: визг, писк... Может, и надо было, да теперь поздно.

Сергей. Институт она закончила?

Валентин. А как же! Она, брат, вот-вот заслуженную учительницу отхватит. Нынче у нее, может быть, учебник выйдет. Да-да! Вдвоем они там с какой-то приятельницей корпели. Для малышей, кажется. А учебник пробить — это, знаешь, надо все три смены в сутки вкалывать... Он у нее и на степень пойдет, учебник этот. Звездочку-то и достанет! Не шумит вроде, а свое

берет. Везучая, видно. Степень-то она бы уж и имела, да перерыв был.

С е р г е й. Какой перерыв?

В а л е н т и н. По нашей вине, может... Только она учительствовать пошла, мать прибаливать начала. У отца знаешь какая работенка. Я как раз в горку двинулся. Домработница на какие-то курсы сбежала. Кругом, как говорят, дырка! А ее, как назло, загрузили, дали восьмые и девятые классы. Придет поздно, да еще тетрадей груда — сиди до ночи... Просто смотреть жалко. Ну, уговорили мы ее оставить. Она согласилась — и хорошо дом вела, у нас и сейчас порядок, она умеет. А когда мать умерла, Галина уж не захотела, заупрямилась — опять в школу пошла. И знаешь, теперь ее там в какие-то советы выбрали, в Академии педагогических наук бывает. Словом, свои лавры щиплет!

С е р г е й. Смотри ты! А ведь она все на артистку перебежать хотела.

В а л е н т и н. А я, помнишь, почему-то танкистом собирался сделаться — чепуха какая!

С е р г е й. А отец, значит, жив?

В а л е н т и н. Жив.

С е р г е й. Работает?

В а л е н т и н. Представь себе, тянет. Со скрипом, правда,— болеет часто. Прежнее, видать, сказывается: в те годы знаешь, что такое в прокуратуре работать? Все время со смертью под ручку прогуливаться. Особенно если по совести работать, как он. Жуткие дела были... Слава богу, все это теперь плюсквамперфектум. Теперь он на каких-то там консультациях. Но больше дома. Тяжеловат стал, ворчит много... чудак... Не малина...

С е р г е й. А в остальном у тебя все хорошо?

В а л е н т и н. Относительно, конечно. Лучшему, говорят, конца нет. Но не жалуюсь... Ты на меня зла не имеешь?

С е р г е й. За что?

В а л е н т и н. Ну... увел я тогда Галину... Но, в конце концов, она сама решала. Верно?

С е р г е й. Конечно...

В а л е н т и н. Меня тогда, когда ты исчез, все наши ругали. А что я поделать мог? Сам влюблен был. За женщину надо до конца биться, такое право каждому принадлежит, верно?

С е р г е й. Еще бы...

В а л е н т и н. Скажи, ты из-за всего этого тогда и уехал?

С е р г е й. Теперь уж не помню.

В а л е н т и н. Зря перевернул судьбу.

С е р г е й. А я не жалуюсь.

В а л е н т и н. Это ты брось, Сережа!

С е р г е й. Сам сказал: сплошной курорт.

В а л е н т и н. Были бы монастыри, ты бы, наверно, тогда в монахи ушел.

С е р г е й. Это идея! Ты похлопочи там в Москве, чтобы парочку монастырей открыли! Может, кому понадобится.

В а л е н т и н. Да... так, как любили в юности мы, теперь не умеют... Правильно ли ты поступил, Сережа, не знаю. Не думаю. На жизнь обиделся. А это самое безнадежное дело. От нее тычки каждому достаться могут — по разным, так сказать, случаям,— важно на ногах удержаться. Я, знаешь, так смотрю: жизнь дана всем одинаково. Остальное берешь своими руками. Верно?.. Тебе другого можно было достичь, Сережа.

С е р г е й. Сбился с толку, прозевал. Теперь поздно.

В а л е н т и н. Не считаю, Сережа. Тебе сколько? Тридцать восемь или тридцать девять?

С е р г е й. Тридцать семь.

В а л е н т и н. Видал? Я тут в каком-то журнале читал: женщина лет шестидесяти начала заниматься биологией.

С е р г е й. Да-да! А я читал в «Огоньке» — какая-то колхозница вилку проглотила. Хотела быстрее кусок прожевать, толкнула в глотку вилкой, а она — шмыг! — и в желудок. Достали, пишут, операционным путем.

В а л е н т и н. Не знаю, Сережа, стоят ли женщины того, что мы для них делаем.

С е р г е й. А мы не для них стараемся, для себя. Мы ведь эгоисты.

В а л е н т и н. Как понять?

С е р г е й. Чего разжевывать-то...

Валентин. Может, ты обижен на то, что я ее подарками задаривал? Но ведь и ты старался, помнишь? Полные карманы конфет приносил, апельсинов.

Сергей. Да брось ты оправдываться, Валя! Твоя взяла, и все...

Валентин. Между прочим, она тебя помнит. Я в прошлом году у нее в тумбочке нечаянно твое фото нашел. Представь себе, она покраснела даже, дурочка!

Сергей. Чего врешь!

Валентин. Честное слово! Клянусь! Я ей шутя говорю: ага, попалась, неверная! Хочу взять фото, так она, знаешь, как кошка!

Сергей. Слушай, у меня идейка мелькнула: прочти у нас лекцию. Говорят, завтра во второй половине дня дождь будет. Вот под дождик бы и толкнул.

Валентин. Я ведь на отдыхе...

Сергей. По дружбе...

Валентин. Попал я к тебе на свою голову!

Сергей. Можем заплатить.

Валентин. Оставь, пожалуйста!

Сергей. Ты о чем читаешь?

Валентин. Разные у меня темы. «О противоречиях в капиталистическом обществе» могу.

Сергей. Нет, на «противоречия» летом не загонишь. На морально-этическую хорошо бы...

Валентин. Не совсем по профилю, но могу.

Сергей. Это самое подходящее. Тут, понимаешь, курорт. Лунная терапия и так далее... Ко мне иногда обращаются: «Сергей Иванович, дай ключик от комнаты, а ты пока искупаться сходи на полчасика. Как мужчина мужчину пойми». И так далее.

Валентин. И даешь ключ?

Сергей. Мне-то что?! Нянька я им?! Потом пол-литра покупают. Сидим тут, выпиваем. Курорт!.. Я запишу тебя завтра на пять часов.

Валентин. Хорошо.

Сергей. Вот спасибо! Афишку состряпаю. Как озаглавим?

Валентин. Напиши просто: доцент В. А. Селищев, лекция на тему «Моральный облик советского человека».

Сергей. Как бы позаковыристей?

Валентин. Сам выдумай... А я вижу, ты действительно тут прижился.

Сергей. Как же!

Валентин. В какой-то степени это даже хорошо.

Сергей. А что мне!

Валентин. Ты молодец! Другие, как с круга сойдут, злобой наливаются. Ты, конечно, на свой счет не принимай, но не люблю тех, кому жизнь не удалась, чаще всего по их собственной вине, а они на жизнь флёр этакий наводят: критиканство или меланхолию... дескать, вы, черви, довольны жизнью, ну и бог с вами, радуйтесь! А нам, мол, все ясно, и мы — не черви, значит, радоваться не можем... Дрянь! Это, знаешь, их меланхолия, скепсис, ирония эта вонючая — оправдание их собственной бездарной жизни,— вот что это такое. Верно?

Сергей. Оправдание жизни каждому нужно иметь. Даже неудачнику. Даже алкоголику. Вору даже. Иначе как же существовать?

Валентин. Я же тебе сказал: на свой счет не принимай.

Сергей. Когда ты скептиков ругаешь, тоже вроде под свою жизнь базу подводишь.

Валентин. Мне-то что оправдываться, чудак?! У меня все идет правильно, не выходя из нормы.

Сергей. Ты один здесь?

Валентин. Один. Отец, я тебе говорил, слаб. Иногда заляжет,— извини, судно подкладывать приходится. Как его одного оставишь? Жалко... А у Галины золотые руки. Да и не любит она по курортам. Я один раз ее в Карловы Вары брал, и то скучала. А уж Карловы Вары — это, брат, заграница... И, честно говоря, муж от жены, жена от мужа должны иногда отдыхать. Тебе, холостяку, этого не понять. *(Посмотрел на часы.)* Ну, ужинать пора. *(Встал, обвел комнату глазами.)* Да, кавардак у тебя здесь порядочный...

Сергей. Все приходят — швыряют, ковыряют, бросают...

Валентин. Значит, ты на меня зуба не имеешь?

Сергей. Какой там зуб... Все это было до одна тысяча девятьсот пятьдесят третьего года.

В а л е н т и н. Это хорошо. А то я, знаешь, все время какую-то неловкость чувствовал. Вроде бы и не виноват, а какой-то осадок был.

С е р г е й. Плюнь ты!

В а л е н т и н. А у тебя тут радиола, проигрыватель...

С е р г е й. Развлекаюсь.

В а л е н т и н. Слушай, Сережа... только ты не смейся.

С е р г е й. Ну?

В а л е н т и н. Не будешь смеяться?

С е р г е й. Ты говори — что?

В а л е н т и н. Дай мне ключ от твоей хатки... ну, грешен, грешен! *(Смеется.)* Ну, мужик! И надо нам с тобой эту натянутость ликвидировать... Вот что, слушай: ты пока в магазинчик сбегай, поллитровочку возьми, закуски. Что мы с тобой как-то всухомятку разговариваем, а? *(Не дожидаясь ответа, вынул из кармана десять рублей и сунул Сергею в руку.)*

Сергей взял деньги.

Очень рад, что я тебя встретил! Посидим, вспомним золотые годы!..

Сергей дает Валентину ключ, тот взял его, положил в карман.

Хитро, а?! Приберись немного, а то неловко. Ладно?.. Ну, не прощаюсь. *(Ушел.)*

Сергей машинально начинает прибирать комнату.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Та же комната. Жалюзи опущены. Дверь открыта, и через нее падает чуть красноватый вечерний свет. В а л е н т и н стоит у порога и кому-то, провожая, машет рукой. Закрыл дверь, подошел к окну, поднял жалюзи. Подошел к умывальнику, моет руки. Моет тщательно, с мылом. Ищет полотенце, чтобы вытереть руки. Не найдя его, подходит к кровати и, загнув в ногах одеяло, вытирает руки о простыню. Вытер, подоткнул ее под матрац, обдернул одеяло. Подошел к тумбочке. Взял с нее свои наручные часы, надел. Закуривает. Входит С е р г е й с бутылкой и закуской. Волосы Сергея мокры.

Сергей. Выкупался еще. Вода хороша! Двадцать четыре градуса! *(Ставит водку и закуску на стол.)*

Валентин. Килечки взял. Чудесно!

Сергей *(доставая посуду)*. У меня только стаканы. Даже стопок нет.

Валентин. Это здорово! И одной вилкой — по-студенчески! Ох, с удовольствием пропущу!.. Ты попиваешь?

Сергей. Периодически.

Валентин. Компания есть?

Сергей. Так, переменный состав... Сдачу возьми. *(Отдает Валентину деньги.)*

Валентин. Да ладно, не надо. Оставь себе.

Сергей. Спасибо. *(Убирает деньги в карман. Накрывает на стол. Достает и тарелку с хурмой.)*

Валентин. Нет, неплохо тут у тебя! Даже завидую. Покой. *(Сладко потянулся. Прошелся по комнате.)* В Москве, знаешь, как в кипятке варишься: то наверху болтаешься, то ко дну идешь и все время булькаешь.

Сергей *(разливая водку)*. Бери.

Валентин *(взял стакан)*. Покатили... За тебя, воскресший!

Сергей. Поплыли!

Выпили.

Валентин. Эта, знаешь, ваша Анна Львовна, так — нестоящая бабенка. С виду только показалась. Мясо одно... *(Ест смачно, с аппетитом.)*

Сергей. Сука. Она из Киева, муж инженер, детей двое, я знаю.

Валентин. Точно — сука. А ты знаешь, Сережа, вот несмотря ни на что, ты даже лучше стал. Проще, общедоступнее. Я ведь раньше боялся тебя.

Сергей. Ты? Меня?

Валентин. Да-да. Теперь уже дело прошлое, могу сказать: тяжелый ты человек был, резкий, трудновыносимый.

Сергей. Это верно... Я все идеального требовал, да?

Валентин. Именно. А смертному идеальное не дано. Разве что для ориентира только. Ты, наверно, теперь и сам эту нехитрую премудрость усвоил. Так сказать, опытом жизни.

С е р г е й. Да-да... Нету, нету! Тот мальчик умер! *(Налил водку.)* Поплыли!

В а л е н т и н. Не части.

С е р г е й. В темпе. Поплыли. *(Выпил один.)* У меня, знаешь, тогда получился перелом позвоночного столба. Что-то кряк! — и, как в сказке, — новое существо! Я — новое существо. И видишь — к лучшему: веселее стал. Все правильно! Идеалисты гибнут сразу и первыми. Туда им и дорожка!

В а л е н т и н. Я иногда думаю, Сережа, есть все-таки что-то вроде судьбы. Ну вот, мечтал ли я быть доцентом, инструктором? Лекции читать от всесоюзного общества «Знание»? Да никогда! В мыслях у меня этого не было. Что у молодого лоботряса имелось в голове? Одна неопределенность, туман, смутное желание наверх вылезть. Утвердить личность, что ли, и все. Конечно, это идеализм, чушь всякая поросячья, но иногда так и кажется: рождается человек, а ему уж на голое пузо бумажка пришлепнута — распорядок жизни. И никуда из этого расписания не выйдешь — минута в минуту, сюжет в сюжет... Конечно, на лекциях этого не скажешь. Народ дурной, истолкует еще сикось-накось, потом объясняй. Но лекции, понимаешь, лекциями, а как на живую жизнь посмотришь, — далеко, брат, не так все просто. Верно?.. Словом, лотерея. Вот мы с Галкой благополучный билет вытащили, а тебе какой-то тринадцатый номер достался. А почему? За что? Поди отгадывай... Ничего, что ты сейчас выпиваешь? Рабочий-то день у тебя кончился?

С е р г е й. Кончится тут, жди! Пока все не завалятся — дежурь, да еще иногда и после отбоя по кустам шарь. Отдыхающие, Валя, — это особая порода: они, знаешь, наработаются там у себя за год свыше головы, а тут, значит, изо всех сил отдыхать начинают. Смех! *(Ест хурму, выплевывает косточки и бросает кожуру на пол.)*

В а л е н т и н. Грязно будет.

С е р г е й. Потом уберу.

В а л е н т и н. Сам убираешь?

С е р г е й. А кто же! Я и стираю сам, и пол мою, и в магазинчик. Кругом сам. Только харчи казенные. Но когда надоедает, на

плитке жарю... И я, знаешь, тогда даже рад был, что переломился... легче стало... Одно никогда понять не мог: как мне в те дни мысль о самоубийстве не пришла! Но не пришла! Вот взяла и не пришла... *(Смеется.)* Занятно, верно?

Валентин. Долей себе.

Сергей. Перепускаешь?

Валентин. Тебе больше достанется.

Сергей. И то! Поплыли... *(Выпил.)* Я тогда купил самый дешевый билет, до Челябинска почему-то, и поехал... Мало что помню. В вагоне дети плакали, военные коньяк пили, в карты играли. Потом какую-то узловую станцию. Там я взял и вышел. За вокзал ушел, на кирпичах сидел долго... А потом все шел... Четверо суток шел. День и ночь. Все шел и шел... шел и шел... шел и шел...

Валентин *(увидев, что Сергей плачет)*. Что ты, Серега?

Сергей. Это у меня со дна поднялось. *(Вытирает глаза.)*

Валентин. Ты брось!

Сергей. Да! Ну его к лешему!..

Валентин. За Галку давай выпьем, завтра у нее день рождения.

Сергей. Да что ты! Разве завтра девятнадцатое?

Валентин. Именно!

Сергей. Вот, понимаешь, время-то скачет!

Валентин. Пошли ей телеграмму, поздравь. Ахнет! Все-таки друзья были!

Сергей! Да ну... ни к чему.

Валентин. А я ей тут шлепанцы купил, мехом отделаны, симпатичные. *(Поднимает стакан.)* За Галину!

Сергей. Поплыли!

Чокнулись. Выпили.

Валентин. Вот подарю — а она не обрадуется. «Спасибо» скажет, и только. Скучная она, Сережа. Я, может, сам виноват: избаловал или не сумел верха взять. А верха, знаешь, с ними не возьмешь, сам под низ угодить можешь.

Сергей. Тридцать семь ей будет...

Валентин. Тридцать семь.

Сергей. Половина жизни.

Валентин. Лучшая половина.

Сергей. У кого как.

Валентин. Молодость ничем не заменишь, Сережа!

Сергей. Конечно. Только настоящее счастье можно и позднее выиграть, во второй половине.

Валентин. Ждешь, значит, все-таки? Это хорошо.

Сергей. Я не про себя... вообще. Сам говорил: женщина в шестьдесят лет вилку проглотила... то есть биологией занялась!

Валентин. Шут ты, Сережка, точно!

Сергей. А-а, оценил! Смотри, как я с ними. *(Встал, валяет дурака.)* «Товарищи отдыхающие! Встали в круг! Так! Посмотрите друг на друга и скажите — у кого сегодня самое скучное лицо? Считаю до десяти». Тут шум начинается, визг, хохот, все друг в друга пальцами тычут. «А теперь скажите, у кого самые влюбленные глаза? А у кого самый длинный нос?»

Валентин. Сядь, сядь!

Сергей *(сел)*. Учебник, значит, написала...

Валентин. Квартира хорошая, тряпки всякие есть, ну, и к тому же я. В Большой ходим, в «Современник» даже. Она туда любит, что-то ей там нравится. Мне лично не очень, солидности нет, жидковато, так, для молодежи разве... Знаешь, Сережа, вот смотрю я на тебя и думаю: а ведь эта высшая-то справедливость, честное слово, есть. Вышла бы за тебя Галина, что бы было?

Сергей. Что?

Валентин. Мыкалась бы с тобой в этом сарае, стирала, штопала, копейки считала.

Сергей. Это верно.

Валентин. Видишь.

Сергей. Слушай, Валя, я же тебе говорю — брось оправдываться!

Валентин. Чего?

Сергей. Ты тогда знал, что твой отец с Галиной разговор имел?

Валентин. Какой разговор?

Сергей. Знал?

Валентин. Какой, я говорю, разговор? Когда?

Сергей. Скажи, знал?

Валентин *(сердясь)*. Что знал! Что?

Сергей. Ты не злись, это уже все в прошлом. Я просто так, для интереса... Знал или нет?

Валентин. Ты не валяй дурака! Скажи — о чем разговор, где, когда?

Сергей. Ты его сам об этом просил?

Валентин. Да перестань идиотничать! Выпил и уж заколбасил. О чем говоришь — понятия не имею!

Сергей. Неужели не знал?

Валентин. Нет же, нет!

Сергей. Ну, тогда и леший с ним... и рассказывать нечего.

Валентин. Брось-брось, из зубов выпустил, а из губ не хочешь!

Сергей. Противное дело-то... зачем я тебе на душу камень класть буду.

Валентин. Не беспокойся, не надорвусь! Что там было, ну?.. Ну?! *(Разлил по стаканам водку.)* Будь здоров!

Сергей. И ты!

Валентин. Поплыли!

Выпили.

Не тяни.

Сергей. Ну... отец твой назначил Галине встречу в метро «Новокузнецкая», кажется. Галина пришла, конечно, хотя ничего понять не могла... Отец твой в штатском был. Он ей говорил, как ты любишь ее, Галину, значит, как учение забросил. И самоубийством решил покончить жизнь — через повешение. Записку ты, что ли, тогда на столе оставил. А он нашел. Своими, говорит, глазами видел... Была такая записка?

Валентин. Дальше, дальше давай!

Сергей. ...Что он, отец твой, умрет, если с тобой что случится. И мать умрет. И все умрут! Ну, будет! Бери кильку-то, ты хотел. *(Берет себе кильку, передает вилку Валентину.)*

Валентин *(тоже кладет себе на тарелку кильки)*. Неужели отец это мог? Любил меня до помрачения... Не может быть... Ух, какая чепуха!.. Он меня до пятнадцати лет все наследником звал.

«Наследник», знаешь, и «наследник»! Любил. Я один у них был.

Сергей. А меня вместо Сережки «Серый» звали. Я тоже один был, дурак... Хурма сладкая, бери.

Валентин. Это тебе Галина рассказала?

Сергей. Она.

Валентин. Галина врать не будет.

Сергей. Конечно.

Валентин. Ну?

Сергей. Что?

Валентин. О чем еще он говорил?

Сергей. В том же духе. Уговаривал за тебя замуж пойти.

Валентин. Погоди... Так, значит, она меня не любила?

Сергей. А чего?.. Ты парень симпатичный был, с фасончиком, носочки в цвет галстучка. Ты и сейчас вон какой... со вкусом.

Валентин. Из жалости она за меня пошла, что ли?

Сергей. Почему из жалости? Она из страха за тебя пошла.

Валентин. Не понимаю.

Сергей. Полно тебе, Валя! Многие тогда боялись. Я и сейчас... Вот мне говорят: бояться нечего — нет ничего. А я иногда боюсь. Чего — не знаю. Где-то тогда засел этот страх сюда *(ткнул пальцем в голову)*, в какую-то доминанту, и все сидит... Чего боюсь — не знаю. Другие-то не боятся — и ничего. *(Поднял стакан.)* За тех, кто не боится, за них! *(Чокнулся со стаканом Валентина, но не выпил, а поставил стакан на стол.)*

Валентин. Продолжай.

Сергей *(нехотя)*. Галина ему ответила, что ты парень действительно неплохой, но любить тебя не может, так как любит другого — меня, значит,— что мы пожениться хотим. У нас это дело действительно было уже запланировано... Он спросил: «А кто этот другой?» Она, конечно, имя мое и фамилию назвала. А он вынул из кармана записную книжечку и записал. Вот тут Галине и пришла в голову мысль... Говорит, чуть сознание от ужаса не потеряла. У них за неделю до этого брата взяли...

Валентин *(перебивая)*. Он теперь на кондитерской фабрике старшим технологом...

Сергей *(продолжая)*. Я присутствовал в тот вечер, засиделся у них, пластинки прокручивали. Вошли симпатичненькие такие... Меня свидетелем попросили быть, пока обыск шел... Я свидетелем был... Тебе не приходилось бывать свидетелем?

Валентин. Нет.

Сергей. Представляешь, какой у нее хоровод в голове-то крутился? На улице, говорит, чуть не упала. Они уже из метро-то вышли и по улицам ходили... И сказала, что даст ответ завтра и что, наверно, согласится тебя полюбить... Занятно, верно?.. *(После паузы.)* Она меня около института ждала. Я выхожу во двор института, а она ко мне бегом. В первый раз в жизни я ее такой фанатичной видел. Только и твердила мне: уезжай, уезжай, уезжай! Боялась она за меня, дрожала даже. И все про то, что он мои имя и фамилию записал, твердила. О брате тоже. Я бы ведь не уехал, да она сказала: если со мной что случится, сразу же с собой покончит. И она бы покончила. Она горячая! Вулкан она! Океан в бурю!

Валентин. Отец сказал ей, посадит тебя?

Сергей. Нет, не говорил.

Валентин. Грозил?

Сергей. Нет, не грозил...

Валентин. Что еще было?

Сергей. Ничего... После всего этого он подвел ее к ларьку, плитку шоколаду купил, отдал ей. Она взяла. Боялась не взять. Проводил обратно в метро и, кажется, по пути опять говорил о тебе — что ты мальчик чувствительный, добрый, что ей у вас хорошо будет. Галина уж плохо что соображала тогда. Ты знал все это?

Валентин. Не знал.

Сергей. Клянешься?

Валентин. Клянусь.

Сергей. И Галина тебе никогда ничего не говорила?

Валентин. Нет.

Сергей. Она и не скажет... Да и я-то зря выболтал. Поганый стал, точно...

Валентин. А не выдумал ты все это? Ты ведь затейник!

Сергей. Значит, не знал?

В а л е н т и н. Не знал. И такого разговора у отца с Галиной не могло быть. Не было. И Галина за меня пошла потому, что я ей понравился, а не ты. Она рассчитала... подумала — и за меня.

С е р г е й. Знал, значит.

В а л е н т и н. Ты в психоклинике, часом, на учете не состоишь?

С е р г е й. Пока нет. А мог бы.

В а л е н т и н. Сходи прикрепись! Мой отец был честный человек, честный!

С е р г е й. Я тоже так считал. Но, значит, не выдержал: ты тогда на его родительский рефлекс нажал — это срабатывает безотказно.

В а л е н т и н. Сейчас модно стало наше прошлое грязью закидывать. Впрочем, уж мода-то отошла.

С е р г е й. Ты не переходи на басовые ноты, Валя. Не о том я говорю, знаешь...

В а л е н т и н. Отошла, имей в виду.

С е р г е й. Поплыли! *(Выпил.)* Я, конечно, и не представлял себе так, будто ты отцу прямо сказал: вот, мол, папа, сделай так, чтобы Галина Камышина меня полюбила, ну устрой, пожалуйста, ты можешь, если захочешь... Я гадал, как это происходило. Ты записку-то на столе оставил и подумал: родители, мол, найдут, прочтут, переполошатся, и уж пусть они сами грех на душу берут — что хотят, делают. А я чист. Вроде этого что-нибудь было, Валя?

В а л е н т и н. Да если ты хочешь знать, я бы тебя тогда действительно в порошок мог стереть, если бы захотел.

С е р г е й. Не захотел, не захотел, я знаю. Ты еще молодой был, тебе еще честным хотелось быть, порядочным. Честным-то каждому хочется быть. Сейчас бы, наверно, стер, да уж не можешь.

В а л е н т и н. А сейчас, извини, и стирать нечего: два притопа, три прихлопа.

С е р г е й. В общем-то ты и не так виноват. Тебя, Валя, возможности сгубили. Когда у человека лишние возможности есть, опасная штука. Не каждый удержаться может, соблазн велик. Я только не понимаю, Валя, как же ты не видел, что она к тебе не та пришла, без любви? Или тебе все равно было?

Валентин. Да ведь нравилась она мне, нравилась! Ничего и не мог я видеть, если и было.

Сергей. Понимаю. Обрадовался ты очень. От счастья ошалел.

Валентин. Не было этого разговора. А даже если и был... Подпортил ты мне отпуск, вот что!.. Впрочем, не торжествуй, я не из тех, кто по пустякам нервы себе расшатывает. Если и было — дело отца, не мое. Я перед своей совестью чист. Хребет у него, видите ли, переломился! Знаешь, если из-за несчастных любвей у всех хребты ломаться будут,— кругом одни инвалиды по земле поползут.

Сергей. А ты-то тогда повеситься хотел. Или, может быть, не хотел?

Валентин. Хотел.

Сергей. А может, нет?

Валентин. Хотел, тебе говорят! Хотел!

Сергей. У меня хребет-то, видать, и от этого... От всего, вместе взятого... Тонок был. Жалею очень.

Валентин *(вынул сигареты, спички. Оказалось, что спички кончились)*. У тебя спички найдутся?

Сергей. Есть где-то. *(Встал, ищет спички.)*

Валентин тоже ищет на тумбочке. Потом открыл ящик тумбочки, заглянул туда, что-то увидел. Вынул фотографическую карточку.

Валентин. Ишь ты...

Сергей. Положи.

Валентин *(рассматривает фото, перевернул его)*. Даже что-то написано.

Сергей. Положи, говорю.

Валентин. Стерлась! *(Читает по складам.)* «Е-дин-ствен-но-му»... Вон как! Единственному, значит! Вот оно, Сережа, женское постоянство! Безответственная, так сказать, надпись! *(Смотрит на фото.)* Чертенок была. Теперь не то! Между прочим, у нас такой нет. Я возьму, а?

Сергей. Положи, Валя.

Валентин *(кладет фото в карман)*. Тебе-то зачем?

Сергей. Положи, пожалуйста.

В а л е н т и н. Неудобно вроде: моя жена — и у другого, да еще с таким восклицанием... Ты, поди, ее в нос своим приятелям тычешь: вот, мол, какую девицу имел!

С е р г е й. Положи!

В а л е н т и н. Может, ты еще лелеешь? Так не надо. Помаши тете ручкой. *(Подошел к Сергею, протянул ему руку.)* Будь здоров!

С е р г е й *(взял руку Валентина)*. Отдай, Валька!

В а л е н т и н. Я к тебе, может, завтра к вечеру зайду. Раньше-то ты, наверно, в бегах... Отпусти руку-то, отпусти!

С е р г е й. Отдай фотографию!

В а л е н т и н. Теперь уж определенно не отдам: нехорошо будет. Пусти! Пусти руку-то, говорю!

Сергей медленно притягивает к себе Валентина и берет его за горло.

Ты что хулиганишь?

Борются.

Пусти, говорят!

Сергей молча давит Валентина.

С ума ты сошел! Пусти!

Драка. Во время драки Сергей наступает на кожу или косточку от хурмы. Поскользнулся и с размаху падает лицом на пол. Лежит.

(Оправляет на себе одежду.) Дурак! Опустился, дальше ехать некуда!.. Драться полез... из-за какого-то пустяка... Смотри, милицию позову!

С е р г е й *(лежа)*. Пустяки! Тебе все пустяк! И небо пустяк! И море пустяк! И люди пустяк! Один ты не пустяк. И все — тебе! И море — тебе, оно пустяк! И солнце — тебе, оно пустяк! И люди — тебе, они пустяк! Один ты кругом! Весь мир — тебе, всегда!

В а л е н т и н. Все правильно! Лежи и философствуй. Затейник! Веселое занятие. Надо же так опуститься! Шпана! *(Уходит.)*

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Комната в квартире Селищевых в Москве. Обставлена современно, но не слишком модерн. Однако есть на первый взгляд и ненужные вещи, например канделябры на пианино. В вазах несколько букетов цветов. В стороне письменный стол, на котором кроме книг и тетрадей глобус.

Алексей Павлович Селищев присел на корточки и налаживает на полу электрическую железную дорогу. Входит Галина. В руках у нее торт в коробке, пачка книг и сумка с продуктами.

Алексей Павлович. Галочка, посмотри, какую я чертовщинку купил.

Галина положила торт на буфет, книги на письменный стол, подошла к Алексею Павловичу, и тот торжественно пустил поезд.

А?! *(Смеется.)* Хорошо?!

Галина. Почему-то идущий поезд вызывает у меня грусть. Самолет — тоже. Иногда задеру голову, смотрю, и тоска нападает.

Алексей Павлович. Думаешь: счастливые люди — летят куда-то?

Галина *(доставая из сумки пачку)*. Это ваша морская капуста.

Алексей Павлович. Не так громко, спрячь в ящик.

Галина *(передавая коробку конфет)*. Леденцы. Этих вы просили?

Алексей Павлович. Именно.

Галина. Не курили?

Алексей Павлович. Клянусь! *(Глядя на поезд.)* В детстве мне подобная игрушка во сне приснилась, а наяву видел я ее в одном доме. Как сейчас помню: жили в Енисейске знаменитые золотопромышленники Абалаковы, миллионеры. Я мальчишкой как-то носил им в комнату дрова. Их истопник заболел. Вошел с охапкой, а на полу вот такая же дорога выложена, паровозик бегает,— пацан их гоняет. У меня, знаешь, дух от радости перехватило, замер. Стою с дровами-то... Но эта лучше. И ярче, и электрическая.

Галина. Сейчас много хороших игрушек делают.

Алексей Павлович. Да, научились... Жаль, вы мне с Валентином потомства не произвели. Может, еще отважитесь?

Галина. Поздно.

Алексей Павлович. Понимаю... На этом, значит, наш род и заканчивается.

Галина. А Эдуард?

Алексей Павлович. Он — Беляев.

Галина. Наполовину: тетя Маня — Селищева.

Алексей Павлович. Беляев!.. *(Остановил поезд.)* С удовольствием играю. В детство впадаю, что ли?

Галина. Это ваши нереализованные эмоции требуют удовлетворения.

Алексей Павлович. Вероятно. И сладкого стал много есть... Нереализованные эмоции. Много их в людях нашего поколения: недосыпали, недоедали, недогуляли...

Галина. В кассе сдачи не было, я вам два лотерейных билета взяла. Обязательно «Москвича» выиграете.

Алексей Павлович. Хоть бы гармошку. Каждую получку три рубля просаживаю, и ни разу не пофартило. Афера одна, а не лотерея.

Галина. Кардиамин принимали?

Алексей Павлович. Накапай, пожалуйста... Ваше поколение счастливей росло, больше имело. А уж теперешние никаких эмоций не держат. Все реализуют в один миг. Шасть — и в дамки... Между прочим, ты знаешь, странная штука происходит: я молодежь любить стал. Раньше она меня раздражала. Вечно свое мнение-самомнение, фасоны, обиды... А сейчас люблю. Просто за то, что головы не плешивые, зубы не вставные, глаза не затуманенные... *(Увидел, что Галина разбирает книги.)* Куда это ты такую груду накупила?

Галина. Учебник... тираж вышел.

Алексей Павлович. Твой?

Галина. Мой.

Алексей Павлович. Так что же ты молчишь? Это ведь не скромность, а гордость. Покажи-ка, покажи. *(Идет к столу, берет в руки учебник.)* Корочки свеженькие, хрустят. *(Открыл книгу,*

читает.) «Мы не рабы, рабы не мы». *(Перевернул страницу.)* «Летел жук, а дети ловили жука». Гениально. *(Понюхал книгу.)* И пахнет вкусно... Щекочет под ложечкой?

Галина. Щекочет.

Алексей Павлович. И должно. А ты знаешь, мне иногда повторяется один и тот же сон, будто я снова хожу в школу. Тоже, может быть, что-то нереализованное? Может быть, чего-то не узнал... Подпиши-ка мне.

Галина. Пожалуйста. Первая надпись вам.

Алексей Павлович. Ценю.

Галина надписала книгу и передает ее Алексею Павловичу.

(Читает надпись.) «Алексею Павловичу Селищеву — человеку, сделавшему меня тем, что я есть». *(После паузы.)* Это хорошо или плохо?

Галина *(быстро)*. Хорошо, конечно. Ваша идея была — заняться...

Алексей Павлович. Ну, брось, брось... Погоди. А кем ты хотела быть?

Галина. Артисткой.

Алексей Павлович. Смотри-ка! *(Выходит в другую комнату и быстро возвращается, неся что-то в руке.)* Поздравляю. Браслет чепуховый, но Ирина его любила. Это мой первый подарок ей. Почему-то считала счастливым. *(Целует Галину.)*

Галина. Спасибо. Только я не ношу побрякушек.

Алексей Павлович. Ну, сунь в стол. А он тебе всю жизнь перевернет.

Галина. Вот уж не хочу никаких переворотов.

Алексей Павлович. Все идет нормально?

Галина. Если бы еще убрали нашего директора, совсем было бы райское житье.

Алексей Павлович. Зверь?

Галина. Хуже. Трус перед начальством, хам с подчиненными. Вы таких тоже, наверное, видывали.

Алексей Павлович. Да, самая ядовитая порода.

Молчание.

Ты с каждым годом, Галя, все вглубь уходишь и вглубь.

Галина. Старею, вероятно.

Алексей Павлович. Как бы не так... Обостренная жажда жизни — вот первый признак старости. Да-да, устроила же так подлая природа. Старость тебя за печенки хватает, а жизнь ощущаешь все полней и полней... Представь, еду сейчас в троллейбусе и влюбился в одну брюнетку. В шестьдесят-то пять! И мысли, знаешь, какие-то не те полезли. В ужас пришел. Стыд! А потом думаю: почему стыд? Наоборот. И обрадовался. К дому этаким фертом подскакивал.

Галина. Что это за брюнетка?

Алексей Павлович. Откуда я знаю! Брюнетка мне эта уже ни к чему. А что влюбился с лёту — доволен... Слушай, измени-ка ты разок Вальке!

Галина. Будет вам!..

Алексей Павлович. А что? Имеешь полное моральное право. Неужели там у вас в школе нет подходящего учителишки? Женщина ты приметная...

Галина. Какую вы ерунду болтаете, Алексей Павлович!

Алексей Павлович. Да, ты порядочная женщина. В этом вся твоя беда. Потому и болтаю.

Из другой комнаты выходит Валентин.

Валентин. Друзья, кто-нибудь из вас не брал философский словарь?

Алексей Павлович. Эдуард вчера рылся на полках. Куда-нибудь сунул.

Валентин. Не подпускайте вы этого обормота к книгам. Все хватает, лезет. *(Увидав на буфете торт.)* Кто придет, что ль?

Галина. Эдуард с Тамарой.

Валентин. Званые гости...

Алексей Павлович. Поздравь Галину — тираж вышел.

Валентин. Какой тираж?

Алексей Павлович. Учебник. *(Показал на стол.)* Вон...

Валентин *(беря книгу)*. Это надо же! Тихо-тихо, а доконала. Слушай, у тебя там внутри какой-то особый движок работает, что ли? Поздравляю. *(Целует жену.)*

Алексей Павлович. Завидуешь?

В а л е н т и н. Горжусь. Галка, ты чудо! На земле так много человечества. Кажется, все расхватано другими, а ты — глядь! — нашла зернышко. Умна!

А л е к с е й П а в л о в и ч. Книжечка! А ты больше язычком. *(Пошел к двери.)* Найду тебе словарь.

В а л е н т и н. Потерпи, может быть, и мне повезет. Между прочим, доцента я нынче получу. Вчера точно сказали.

А л е к с е й П а в л о в и ч. На земле, Валентин, есть еще очень много незамеченного. Только видят это те, у кого глаза ясные, не затуманенные изнутри. Суетишься много. Я тебя в перспективе иным предполагал. *(Ушел.)*

В а л е н т и н. Если бы у нас с тобой был сын, мы бы тоже, наверное, желали видеть его гением. И огорчились бы при неудаче. Верно? *(Сел в кресло, рассматривает учебник.)* Слушай, ты способная, что ли? *(Смеется.)* Знаешь, отдыхаю только дома. Умеешь ты все наладить... Платье тебе идет. Пока я ездил, сшила?

Г а л и н а. Да, вчера взяла из ателье.

В а л е н т и н. Сколько за книжку получим?

Г а л и н а. Точно не узнавала. Кажется, порядочно.

В а л е н т и н. Давай на будущий год купим туристические путевки в Италию, а?

Г а л и н а. Ты серьезно?

В а л е н т и н. Абсолютно. А что?

Г а л и н а. Думаешь, достанем?

В а л е н т и н. Я постараюсь.

Г а л и н а. Хорошо бы. Очень хочу в Италию.

В а л е н т и н *(открыл учебник. Читает)*. «Сережа ловит рыбу. Он вытащил ерша. Сережа — мальчик ловкий». *(Закрыл книгу, встал, подошел к жене, обнял ее за плечи.)*

Г а л и н а *(отстраняется)*. У тебя в этот раз там не было романов?

В а л е н т и н. То есть?

Г а л и н а. Не было. Вот ты на меня и бросаешься.

В а л е н т и н. Глупо, Галка, глупо. Я просто соскучился. Разве не заметила?

Г а л и н а. Действительно. Тебя там подменили. Носишь мне цветы каждый день, конфеты.

В а л е н т и н. Ты довольна?

Г а л и н а. Слушай, а почему ты не на стадионе? Сегодня твое «Динамо» со «Спартаком». Полуфинал все-таки.

В а л е н т и н. Они играют завтра.

Г а л и н а. А!..

В а л е н т и н. Я действительно завертелся в последние годы. Тебе внимания мало уделял.

Г а л и н а. Не обижаюсь. Жизнь такая — верченая.

В а л е н т и н. Это верно. Все надо делать с каким-то двойным, десятерным усилием. И потом, видимо, я действительно самолюбив. Вот у тебя — учебник. А я что? Все мажу, мажу... Как-то у меня не залаживается. Я все-таки хочу быть кем-то. Не довольствоваться какой-нибудь паршивой работенкой. Да и ты не захотела бы. Представь себе: у тебя муж — ничтожество, козявка. Ты бы просто плюнула и ушла. Верно?

Г а л и н а. Разве в этом дело, Валя?

В а л е н т и н *(быстро)*. А в чем?

Г а л и н а *(смеется)*. Тебя там определенно перетянули и настроили на лирический лад.

В а л е н т и н. Не нравится?

Галина пожимает плечами.

Или все равно?

Галина молчит.

Не любишь меня?

Г а л и н а. Выдумаешь.

В а л е н т и н. Да-да. Если бы любила, вбежала бы с этими учебниками и на весь дом закричала: «Валька, смотри, Валька!..»

Г а л и н а *(чуть не заплакав)*. Ну что ты, я просто скромная.

В а л е н т и н. Замкнутая. Иногда мне кажется, ты и замуж за меня пошла из соображений.

Г а л и н а *(пытливо смотрит)*. Из каких?

В а л е н т и н. Нет, я просто предполагаю. Помнишь, тогда ты вошла в эту комнату... Я стоял у окна... ты открыла дверь... я боялся обнять тебя. Но ты сама подошла, взяла мои руки... И в твоих глазах мне показался какой-то страх...

Галина *(резко)*. Или ты прекратишь этот дурацкий психоанализ, или я сейчас же уйду на улицу.

Валентин. Ну, ладно, ладно, не сердись. *(Снова хочет обнять жену).*

Галина. Валя, объясни все-таки, что с тобой случилось?

Валентин. Галка, милая, просто хочется, чтоб ты любила меня.

Входит Алексей Павлович.

Алексей Павлович. Действительно, все перерыл — нет. Не иначе — сожрал.

Звонок.

Кто это?

Валентин. Что ты чуть не от каждого звонка вздрагиваешь?

Алексей Павлович. Леший его знает! Нервы.

Галина открывает дверь и возвращается с Эдуардом и Тамарой.

Куда ты ухитрился засунуть словарь Валентина?

Эдуард. Какой?

Валентин. Философский, в синих корочках.

Эдуард. Так он старый-престарый!

Валентин. Не твое дело.

Эдуард. В нем только одно современное понятие и осталось: все течет, все изменяется. Неужели ты им еще пользуешься?

Валентин. Мне надо было для справки.

Эдуард. А-а-а...

Валентин. Где он?

Эдуард. Понятия не имею. *(Вспомнив.)* А!.. Я его читал, читал, а потом со злости под диван запустил. Там, по-моему, еще два-три романа с ним сосуществуют. Печатают же такое!

Валентин вышел.

Здравствуйте, дядя Леша, здравствуй, Галя.

Тамара. Здравствуйте, Алексей Павлович, здравствуйте, Галина Васильевна.

Алексей Павлович. Здравствуйте.

Галина *(пожимая молодым руки)*. Как дела?

Эдуард. Не спрашивай, еще сам ничего не могу понять.

Алексей Павлович. Что это у вас какие-то лица?

Тамара. Какие?

Алексей Павлович. Словно кошелек нашли и не знаете — отдать или присвоить.

Эдуард. Разные переживания.

Алексей Павлович. Эмоции.

Эдуард. Они самые... Что это за механика? *(Подошел к железной дороге, взял паровозик в руки.)*

Алексей Павлович. Не трогай, пожалуйста.

Эдуард. Я только взгляну.

Алексей Павлович. Оставь!

Эдуард. Не съем я его. *(Ковыряется в игрушке.)*

Галина и Тамара о чем-то шепчутся.

Алексей Павлович. Осторожнее... не поломай.

Эдуард. Не беспокойтесь, как-нибудь разберемся.

И вдруг — хряк! — что-то в машине хрустнуло.

Алексей Павлович. Сломал?!

Эдуард. Не думаю.

Алексей Павлович. Дай сюда!

Эдуард. Погодите — поправлю.

Алексей Павлович. Дай! *(Вырвал у племянника паровозик.)*

Эдуард. Господи, какие волнения! Тоже мне счетно-решающее устройство!

Алексей Павлович *(поставил паровозик на рельсы, включил ток, игрушка недвижима. Кричит)*. Что это за манера у людей, которые ни черта не смыслят в технике, лезть своими погаными руками куда их не просят! Не успеет прийти, бросается на радиоприемник, на магнитофон, электробритву разобрал, соковыжималку испортил. Докрутил телевизор до того, что я вчера весь вечер сидел как остолоп!

Эдуард. Что вы кричите... Разве у вас телевизор? Вместо звука один хрип, резкость плохая. Хотел наладить — вы не дали закончить.

Алексей Павлович. Докончил, успокойся!

Эдуард. Могу посмотреть.

Алексей Павлович. И близко не подходи, я мастера вызвал.

Эдуард. Дела-то там на три копейки. *(Идет к телевизору.)*

Алексей Павлович. Не подходи, говорю!

Эдуард. Да я только взгляну. Не переживайте!

Алексей Павлович. Отойди!

Галина *(оторвавшись от разговора с Тамарой. Она, видимо, привыкла к этим перепалкам дяди с племянником, так как не обращала внимания на их спор)*. Не серди дядю Лешу, Эдуард.

Эдуард *(отходя)*. Пожалуйста... Платите деньги халтурщикам, если у вас их куча.

Тамара. Эдик умеет, Алексей Павлович. Когда он в общежитие приходит, все чинит: утюги, приемники, даже сушилки для волос.

Алексей Павлович. Когда поженитесь, он тебе дома будет чинить, меня вспомнишь.

Эдуард. Между прочим, мы поженились.

Алексей Павлович. Когда?

Тамара. Сейчас.

Эдуард. Мы прямо из загса.

Входит Валентин. В руках у него стопка книг.

Валентин. Посмотри, папа, сколько твой любимчик...

Алексей Павлович. Ты поздравь их. Они поженились.

Валентин. Так!.. Поздравляю!

Тамара и Эдуард. Спасибо.

Валентин. Тебе двадцать?

Эдуард. Двадцать первый.

Валентин. Порядочно.

Эдуард. Я тоже считаю. На третий десяток пошло.

Алексей Павлович. Мать знает?

Эдуард. Не в курсе.

Валентин. Первый визит к нам. *(Тамаре.)* А у вас?

Эдуард. У нее, слава богу, нет родителей.

Валентин. Умерли?

Тамара. Очень давно. Я детдомовская.

Валентин. И это неплохо.

Эдуард. Позвони домой, дядя Леша.

Валентин. Осчастливь тетю Маню, папа.

Эдуард. Выясните ситуацию.

Валентин. Трудное у тебя положение, Эдик.

Эдуард. Будет чем вспомнить счастливое детство!

Алексей Павлович подходит к телефону, набирает номер, ждет. Пауза.

(Подходит к пианино, открывает крышку. Стоя, наигрывает печальную мелодию. Остановился, постукал одним пальцем по клавише.) У вас ля-бемоль западает.

Алексей Павлович. Что-то не подходит.

Эдуард. Она не любит сразу брать трубку. *(Открывает верхнюю крышку пианино и лезет внутрь чуть ли не с головой.)*

Алексей Павлович. Что ты делаешь?

Эдуард. Не пугайтесь, я только взгляну.

Алексей Павлович. Закрой крышку!

Эдуард. Спокойно, спокойно...

Алексей Павлович. Валентин, обломай ему руки!

Валентин. Оставь, черт!

Эдуард. Господи! Темные люди! В доме все работает через пень-колоду, а их устраивает. Полное отсутствие технического слуха. *(Закрыл крышку. Сел на стул.)*

Алексей Павлович *(в телефон)*. Маня, это я, Алексей. Как жизнь?.. Нет, их у меня нет! А в чем дело?.. Так... так... так... Да что ты! Взломал?! Сколько было?.. Восемьсот рублей? Ого!

Эдуард. Какие деньги? Да что она! Не было там денег, не было и не видел!

Алексей Павлович *(Эдуарду)*. Подожди! *(В трубку.)* Это я Валентину. *(Говорит одновременно с Эдуардом.)* Ага!.. Неужели ты думаешь — он?.. Нет, не знаю где... Вчера был... Да, хотел прийти... Вот что... да... Если появится, сразу позвоню, обязательно...

Эдуард *(одновременно с Алексеем Павловичем)*. Она еще скажет — там секретные чертежи лежали... Воображеньице! Ей бы фантастические романы писать, а не швейной фабрикой заведовать! Восемьсот рублей! Что она! *(Вдруг вырывает трубку из рук Алексея Павловича и кричит.)* Не было денег, не было денег, не было денег!

Алексей Павлович *(кладет трубку на рычаг)*. Меня-то в какое положение поставил...

Эдуард. Да что она сочиняет.

Валентин. Через двадцать минут будет здесь.

Эдуард. И великолепно! В конце концов, она думает, я боюсь. Так не надо так думать!

Галина. Эдуард, там были деньги?

Эдуард. Нет.

Алексей Павлович. Ты действительно вскрыл сейф у матери на работе?

Эдуард. Да.

Валентин. Свадьба брачного афериста!

Эдуард. Никаких денег я не видел. Валялась там ее пудреница, бутылка молока стояла, полбатона за тринадцать копеек, журнал «Америка» и какие-то папки с бумагами.

Алексей Павлович. Зачем же ты взломал сейф?

Эдуард. Я не взломал, а открыл. Тихо, точно.

Галина. Алексей Павлович, Эдуард взял оттуда свой паспорт.

Эдуард. Это она такие меры предприняла. Заперла, чтобы я с Томой не зарегистрировался. *(Тамаре.)* Перестань реветь в день свадьбы!

Валентин. Действительно, вы с ним еще успеете наплакаться.

Эдуард. Думаю, наша совместная жизнь будет не хуже твоей с Галиной.

Галина. Будет лучше, Эдик.

Эдуард. Я постеснялся это сказать... Что за изуверство, понимаете! Это мой паспорт, мой! Мне его наше государство пожаловало, а она отбирает. Пусть свой прячет, а мне прятать нечего!

Валентин. А деньги?

Эдуард. Какие деньги?

В а л е н т и н. Восемьсот.

Э д у а р д. Господи, почему отменены дуэли и я не могу проткнуть твое толстеющее брюхо шпагой за то, что ты сейчас думаешь!

В а л е н т и н. Что я думаю?

Э д у а р д. Думаешь — я ворюга.

В а л е н т и н. Может, ты открыл сейф, не запер его, а кто-то...

Э д у а р д. Не изворачивайся, не изворачивайся! Думаешь — я ворюга.

В а л е н т и н. Балда, я не изворачиваюсь. Может быть, впопыхах...

Э д у а р д. Я не брал. Я запер. Ясно?

Г а л и н а. Придет Мария Павловна, выясним.

Э д у а р д. Действительно... склока какая-то... Дядя Леша, не возражаете — мы сейчас маленькую отметку сделаем? Все-таки событие.

А л е к с е й П а в л о в и ч. Мне-то что!

Г а л и н а *(показывая на покупки)*. Все есть.

Э д у а р д. Нет, уж мы самостоятельно... *(Шарит у себя в карманах.)* Рублей десять надо... У меня, пожалуй, не хватит... Дядя Леша, добавьте немного, я отдам.

А л е к с е й П а в л о в и ч. Сколько тебе?

Э д у а р д. У меня вот рубль есть.

А л е к с е й П а в л о в и ч. Значит, девять добавить?

Э д у а р д. По неэвклидовой геометрии — точно. Я все ваши добровольные пожертвования отмечаю. Кончу институт, начну загребать свои рублей девяносто — возьму на полное обеспечение.

А л е к с е й П а в л о в и ч. Помру к тому времени.

Э д у а р д. Ну, памятник поставлю. Со вкусом сделаю.

Г а л и н а. Возьми пять рублей. *(Дает Эдуарду деньги)*.

А л е к с е й П а в л о в и ч. На. *(Тоже дает деньги)*.

В а л е н т и н. Добавлю трояк. *(Тоже дает брату деньги.)*

Э д у а р д. Вот она, человеческая солидарность! Если бы всегда жить в таких условиях, можно не работать!.. Тома, пойдем. *(Поцеловал Тамару в щеку.)*

М о л о д ы е вышли.

А л е к с е й П а в л о в и ч ушел в другую комнату.

Валентин. Если взял деньги, черт те что будет...

Галина. Эдуард — твой брат.

Валентин. Знаешь: из-за любви еще и не на такие пакости идут. А вообще тетя Маня сквалыга, у нее и стянуть не грех.

Галина. Это же казенные.

Валентин. Кто ее знает, может, свои прятала. Ну, леший с ними, пусть сами разбираются. *(Подходит к жене, ластится к ней).*

Галина *(уклоняясь)*. Валя, тебе все-таки не семнадцать. Не время и не место.

Валентин. Для любящих друг друга людей везде время и везде место.

Галина. И что, эта фраза на всех действует безотказно?

Валентин. Галка, ты всегда была выше этого.

Галина. Иди поготовься к лекции. Словарь нашли.

Валентин. Пожалуй... *(Еще раз подошел к столу, взял учебник в руки, но не открыл его, бросил обратно на стол. Подошел к двери. Остановился.)* Да, все забываю тебе сказать. В санатории я встретил одного типа из Мурманска. Он был знаком с Сережкой Сорокиным. *(Ждет, когда Галина спросит его.)*

Галина *(после паузы)*. Что же он рассказывал?

Валентин. Всякую всячину... Не сходим сегодня на последний сеанс? Я давно в кино не был.

Галина. На какую картину?

Валентин. Выберем... *(Ищет газету. Нашел.)* Сейчас посмотрим... *(Развернул газету, читает.)* «Ракеты не должны взлететь». Ну, это какая-нибудь антивоенная мура... «Операция «Ы» и другие приключения Шурика». Детская, не пойдет... «Великая Отечественная». Хроника, конечно... «Итальянец в Варшаве», «Скарамуш»... Выбирай... Не хотел я тебе говорить, Галка,— знаю, расстроишься. Сережка Сорокин умер, оказывается.

Галина *(продолжая накрывать на стол)*. Я это знала.

Валентин. Откуда?

Галина. Знала.

Валентин. Тебе кто-нибудь говорил?

Галина. Просто чувствовала. Был бы жив, хотя бы кому-нибудь весточку дал.

Валентин. Это не обязательно. Могли быть обстоятельства.
Галина. Какие?
Валентин. Ну, какие-нибудь...
Галина. Глупости...
Валентин. А вообще ты разыскивала его?
Галина. Да.
Валентин. После пятьдесят шестого?
Галина. Не нашла... Давно он умер?
Валентин *(уже растерявшись)*. Три года назад.
Галина. Где?
Валентин. Кажется, там же, на Севере, в Мурманске или в Хабаровске, я забыл. Он много ездил.
Галина. А кем он работал?
Валентин. Кем попало. Не сложилось у него.
Галина. Не сложилось?
Валентин. Не сложилось. *(Продолжает читать.)* «В компании Макса Линдера», «Три мушкетера», «Прерванный полет», «Встреча со шпионом»... Ну, решай... О Сережке задумалась? Да, очень жалко. Хороший парень был. Он мне нравился. Но жизнь, Галка, есть жизнь.
Галина *(вдруг)*. Замолчи.
Валентин. Что ты? Говорят, он погиб, спасая каких-то утопающих.
Галина. Помолчи, пожалуйста.

Валентин хотел что-то еще произнести, но Галина перебила.

Что я тебе сказала?!
Валентин. Вот твое подлинное отношение ко мне. Вот-вот! Успокойся, пожалуйста, он жив. Да-да, представь себе, жив-здоров! Я встретил его, видел.
Галина. Жив или умер?
Валентин. Говорю тебе — жив, жив!
Галина. Я уже не понимаю, где ты врешь, где говоришь правду.
Валентин. Правда тоже не очень симпатичная, Галка. Он работает в захолустном доме отдыха затейником.
Галина. Кем?

Валентин. Затейником. Ну, культурником, что ли. Игры там всякие устраивает. Какую-то «веревочку», горелки, мячи выдает, ракетки, ласты, библиотекой заведует от одиннадцати до часу, кино привозит...

Галина. Ты сам видел его?

Валентин. Да же, да!

Галина. Врешь.

Валентин. Вот тебе! Клянусь чем угодно! Живет в каком-то сарае.

Галина. Глупо, Валя, глупо.

Валентин. Я не хотел тебя расстраивать... Опустился до того, что сдает свою хибару парочкам. Ему потом пол-литра ставят.

Галина. Вон как!..

Валентин. Даю слово, Галка.

Галина. Зачем тебе все это надо?

Валентин. Думаешь, я нарочно?

Галина. Не понимаю, чего ты хочешь этим добиться?

Валентин. Да на, на, пожалуйста! *(Лезет в карман и достает фотографию, которую отобрал у Сергея.)* Он мне отдал, просил передать тебе. Мы разговорились, он вспомнил про фото...

Галина. Валентин, очень прошу тебя, пожалуйста, расскажи правду.

Валентин. Хорошо... Это фото я отобрал у него.

Галина. Зачем?

Валентин. Мне было неприятно... Да еще с такой надписью. «Единственному»... Обидно, знаешь.

Галина. Кем, ты говоришь, он работает?

Валентин. Затейником. Вообще-то я сам ахнул. Сарай, спортинвентарь, койка, плитка. Постарел, лицо стало какое-то глупое. Я сначала не узнал его.

Галина. Это правда?

Валентин. Клянусь.

Галина. Зачем же ты сказал — умер?

Валентин. Мне казалось, проще узнать — умер, чем то, что на самом деле. Он даже сам просил: встретишь наших, не говори, скажи — умер. Клянусь, он это сказал... Что ты так смотришь?

Галина. Стараюсь понять, что ты сочиняешь и что правда. Он женат?

В а л е н т и н. Да.

Г а л и н а. На ком?

Валентин растерялся.

Врешь, врешь.

В а л е н т и н. Да, он не женат. Один. Но не в этом дело. Если бы ты видела, Галка... Я попросил его купить пол-литра, дал десятку. Он принес, и, знаешь, сдачу я оставил ему... и он взял, Галка... Если б ты только видела: он ест и плюет прямо на пол... И он сам все понимает.

Г а л и н а. Что он рассказывал?

В а л е н т и н. Да ничего. Так, знаешь, болтовня двух давно не видавшихся — о том, о сем. Как игры устраивает, какие отдыхающие идиоты... Ну, старое вспомнил... Что на тебе женат, я не говорил. Он сам спросил.

Г а л и н а. И что?

В а л е н т и н. Я сказал, живем нормально.

Г а л и н а. Как он выглядит?

В а л е н т и н. Постарел, конечно.

Г а л и н а. Здоров?

В а л е н т и н. Да, здоровый такой... жилистый... Хотя на кашель жаловался. Зима там, говорит, скверная... Галка, глупая, все к лучшему в этом лучшем...

Г а л и н а. Для кого?

В а л е н т и н. Для тебя в первую очередь. Для него — ужасно, конечно. Но, знаешь, он не жалуется, честное слово. Делом своим увлечен, говорил о нем с азартом, даже показывал мне, как развлекает отдыхающих. Действительно смешно... Он не тот. Он просто не тот, Галя, совсем не тот, совсем... Я просил его послать тебе телеграмму в день рождения. Не захотел. Махнул рукой и только сказал: «А-а! Ни к чему». Он привык уже, привык к этому... *(Подходит к жене.)* Галка, давай заведем ребенка. Тебе еще только тридцать семь, женщины рожают и позднее. Будет настоящая семья. Я свои завихрения брошу. А то у нас как-то все натянуто, неестественно. И ты сама знаешь отчего. Я в этом виноват только отчасти.

Г а л и н а *(внимательно глядя на Валентина).* Ты очень несчастный человек, Валя.

В а л е н т и н. Я? Но почему же?

Г а л и н а. Самое ужасное — ты не несчастный человек.

В а л е н т и н. При чем здесь я?

Г а л и н а. Просто удивительно! Ты, не знающий, что такое настоящие радость и счастье, являешься счастливым человеком. Довольным и счастливым... Как называется этот дом отдыха?

В а л е н т и н. Кажется, «Прилив» или «Прибой», что-то в этом духе... Я опустил одну деталь. Извини, деталь довольно противная. Когда я пришел к нему, там была дама. Из отдыхающих. Анна Львовна, кажется. Пышная особа. Знаешь, есть такие — с жиру бесятся.

Г а л и н а. И что?

В а л е н т и н. Чтобы тебе не думалось.

Г а л и н а. Что?

В а л е н т и н. Что-либо.

Г а л и н а. Зачем ты мне все это рассказал? Пять дней держал за пазухой — теперь выложил.

В а л е н т и н. Чтоб знала... Ты думаешь, почему я уходил от тебя к другим женщинам? Почему мне дома было, в конце концов, плохо? Ты, поди, полагала: он ничего не видит, не понимает, не знает. А я все знал, видел, понимал. Вглубь загонял. Не хотел знать, а знал. Из мозгов выгонял, так селезенкой об этом думал. У тебя все Сережка на уме, Сережка, Сережка!

Г а л и н а. Какой уж там Сережка... тень одна.

В а л е н т и н. А я и тени не хочу, и тени! Что это, понимаешь, за дом у нас, если все тень и тень на плетень!.. Я все понимаю: «Сережка ловит рыбу. Он поймал ерша. Сережа — мальчик хороший». Так нет теперь его! И тени нет!.. Пойми, нехорошо с твоей стороны. Я же не могу все время себя чувствовать болваном, которого не любит собственная жена. Мне надоело играть в это семейное благополучие. Я устал от всего этого. Говорю просто: люби меня нормально, и все будет хорошо.

Г а л и н а. Сережка Сорокин — затейник...

В а л е н т и н. Конечно, ты всегда думала: явится к тебе когда-нибудь

этакий принц-физик или принц-химик, возьмет тебя за белу руку, поведет...

Галина *(не слушая)*. Значит, все-таки жив... жив... *(Вдруг.)* А ты знаешь, почему он затейник? Знаешь, почему не принц-физик, не принц-химик? Это я, глупая, глупая женщина!.. Он сам не хотел быть принцем. Думал, я узнаю об этом и буду страдать, если принц... Вот какой он, вот! Сережка Сорокин!

Валентин. Знаешь, понять трудновато.

Галина. Это платье я два года ношу, Валя. Жив! *(Пошла в другую комнату.)*

Валентин. Ты куда? Что ты затеяла?

Галина не отвечает.

Валентин уходит за ней.

Входят Эдуард и Тамара. Они нагружены покупками.

Эдуард. Клади сюда. *(Кладет покупки на стол.)*

Тамара. Я и счастлива, не знаю как, и в то же время чувствую себя воровкой.

Эдуард. Думаешь, мне легче?

Тамара. Может, мы действительно делаем что-то непоправимое?

Эдуард. Надеюсь!

Тамара. Посмотри мне в глаза...

Эдуард. Ну?..

Тамара. Умираю...

Эдуард. То-то! *(Целует ее.)*

Тамара. Почему она против меня?

Эдуард. В сущности, она не против тебя, она против всех девушек мира. Мое несчастье в том, что она хочет мне счастья. *(Целует Тамару.)* Кстати, я думаю, нам надо поскорее сообразить ребенка, чтобы потом не мучиться. Как считаешь?

Тамара. Хорошо.

Эдуард. Подгоним его под летние каникулы, чтобы время у тебя не пропадало.

Тамара. А где все-таки будем жить?

Входит Галина.

Эдуард. Отоварились.

Галина. Зачем вы взяли эти пирожки с повидлом?

Эдуард. У каждого свой вкус. Тамара съедает их по десять штук, не отходя от ящика.

Тамара. Очень вкусные.

Эдуард. Я и заманил ее пирожками. Дешево обошлась! И картошку любит.

Тамара. Особенно теперь.

Галина. Почему теперь?

Тамара. Мы же с Эдуардом познакомились на картошке.

Эдуард. Сделаем фамильный герб: в середине картошка, пронзенная стрелой.

Галина *(взяв пирожки)*. Надо хотя бы разогреть.

Тамара. Я сама. *(Взяла пирожки и ушла на кухню.)*

Эдуард. Она симпатичная, верно?

Галина. Только?

Эдуард. Ну, лучше всех в мире! *(Смеется.)* Неужели все так же любят?

Галина. Ты — исключение... Эдик!

Эдуард. Что, Галя?

Галина. Если бы тебе запретили жениться на Тамаре, что бы ты стал делать?

Эдуард. Выкрутился бы...

Галина. Сказали бы: посадим в тюрьму, если женишься?

Эдуард. У-у, какая жуть!.. Честное слово, понятия не имею... Ну, бежал бы в лес и сделался бы разбойником... Ты к чему это?

Галина. Просто интересуюсь, на что способен современный влюбленный молодой человек.

Эдуард. Конечно, за других трудно говорить, но лично я, честное слово, способен на все... Галка, иначе на кой черт жить! Только мучиться! *(Вдруг подошел к Галине, потрепал ее ласково по щеке.)* Эх ты!.. Что она там пропала? *(Ушел на кухню.)*

Галина *(подошла к телефону, набрала номер)*. Справочная аэропорта? Когда вылетает самолет на Сочи? Через каждые пятнадцать минут? Спасибо.

Входит Валентин.

Валентин. Объясни мне...

Галина. Отложим разговор на более поздний час. У ребят все-таки событие.

Валентин. Скажи хотя бы в двух словах.

Входит Алексей Павлович.

Алексей Павлович. Надо что-то подарить молодоженам, а?

Валентин. Подари палку.

Алексей Павлович. Я серьезно... Может быть, эти канделябры?

Валентин. Подходящий случай от них избавиться и доставить молодым хотя бы и небольшую, но все-таки неприятность.

Алексей Павлович. Они старинные. Такие я в девятнадцатом году, в гражданскую, в одной усадьбе видел. Помню, расположились мы в ней...

Валентин. Ты уже рассказывал, папа, мы не забыли.

Алексей Павлович. Потому и купил, когда увидел. Думал, может быть, это именно они, оттуда.

Валентин. Исторические сувениры им, как они выражаются, «до лампочки». Вообще у них пониженный интерес к истории. Больше их занимает современность. Словом, дари что-нибудь существенное.

Звонок в дверь. Галина идет открывать.

Алексей Павлович. Мария, наверно. *(Инстинктивно прячет бутылки с шампанским в буфет.)*

В это время, очевидно на звонок, входят Эдуард и Тамара. Все ждут появления Марии Павловны. И действительно, Галина возвращается с матерью Эдуарда.

Мария Павловна. Добрый день!

Валентин. Здравствуйте, тетя Маня!

Алексей Павлович. Здравствуй, Маруся!

Тамара. Здравствуйте, Мария Павловна!

Пауза. Пауза продолжается, Эдуард подходит к окну и распахивает его.

Мария Павловна. Не остри!

Эдуард. Боюсь потерять юмор.

Мария Павловна. Всё юмор.

Эдуард. Что поделаешь! Такова международная ситуация! Остается только шутить.

Мария Павловна. Я человек уравновешенный, меня трудно вывести из себя, ты знаешь.

Эдуард *(мягко)*. Думаешь, логика — твоя сила, мама? Она твоя слабость. Ты слишком ей доверяешь. Она подводит, и ты страдаешь от этого.

Мария Павловна. Ну, шути, шути...

Эдуард. Я это серьезно, мама.

Алексей Павлович. Он взрослый парень, Маня.

Мария Павловна. Не спеши на выручку, Алеша. Они и без тебя хорошо знают свои права и обязанности родителей.

Валентин. Не глупо!

Галина. Выпейте чаю, тетя Маня.

Мария Павловна. С удовольствием.

Все идут к столу. Галина разливает чай. Мария Павловна берет баранку, хочет ее разломать, но не может. Стучит ею об стол.

Продукция! А, поди, премиальные получают.

Эдуард. Ужасное явление!

Алексей Павлович. Как дела на фабрике, Маруся?

Мария Павловна *(сыну)*. Для тебя существует один закон: твое хотение.

Эдуард. Почему? Я вытираю ноги, когда вхожу в комнату, стараюсь не чавкать за столом, не лезу в автобус с передней площадки, вообще веду себя согласно закону: жить в обществе и быть свободным от общества нельзя.

Мария Павловна. Мне кажется, общество не очень стесняет тебя.

Эдуард. Я бы не сказал. Но я веду упорную борьбу на два фронта: с проявлениями собственного эгоизма и за дальнейшее усовершенствование жизни на земле.

Мария Павловна. Первая любовь не бывает прочной, она только прелюдия настоящего большого чувства.

Эдуард. Успокойся, мама, это у меня не первая любовь.

Мария Павловна. Десятая?

Эдуард. Сейчас сосчитаем...

Мария Павловна. Не трудись. Думаешь, мать слепая. В девятом классе у тебя была Катя из четвертого подъезда? Потом Алла, следующая...

Валентин. Тетя Маня, здесь Тамара.

Тамара. Валентин Алексеевич, мне Эдик все это рассказывал.

Мария Павловна. Было бы неплохо уметь отличать любовь от очередного увлечения.

Эдуард. Я это и сделал.

Мария Павловна *(Тамаре)*. Не боитесь?

Тамара. Чего?

Мария Павловна. Что вы будете всего-навсего одиннадцатой.

Тамара. Разве я могу сейчас об этом думать?

Мария Павловна. А было бы неплохо кое-чего в жизни и бояться.

Тамара. Не хочу. Я детдомовская...

Мария Павловна. Бесстрашная, значит?

Тамара. Нет. Я боюсь темноты и одиночества. Началось это в одиннадцать лет. Я плакала от злости и беспомощности и назло себе стала уходить по ночам в лес, одна, нарочно. Меня ловили и ругали. Думали — сбежать хотела. А я опять уходила.

Валентин. Преодолели страх?

Тамара. Нет. Но я могу идти в темноту, и одна...

Мария Павловна *(сыну)*. Как ты мог вскрыть сейф?!

Эдуард. Это было трудно. Я сам удивился. И знаешь, даже обрадовался. Все говорят, у меня особые данные к технике. Только дядя Леша не доверяет. Все-таки я перешел на третий курс авиационного института!

Мария Павловна. Вас там этому ремеслу обучают?

Эдуард. Что ты! У нас гораздо более сложная программа... Кстати, о каких деньгах ты говорила?

Мария Павловна. Я вспомнила, утром их сдали в банк.

Эдуард. Слава богу! Храните деньги в сберегательной кассе! Но ты подумала — я их взял.

Мария Павловна. Я забыла.

Эдуард. И подумала — я их взял. Значит: ты в глубине души веришь совсем не в логику, мама.

Мария Павловна. Оставь, пожалуйста. Если ты мог вскрыть государственный сейф...

Эдуард *(перебивая)*. Ради бога, без высоких слов! Государственный! Какая уж тут государственность, если подумала... Просто не знаешь, на кого опереться! Брат не верит, мать не верит. Остается одно — самому верить в себя!

Мария Павловна. Но ты вскрыл...

Эдуард. Прежде чем вскрыть, я просил тебя вернуть мой паспорт. Я познакомил тебя с Тамарой. Ты приняла ее, честно говоря, враждебно. Я был просто ошеломлен. Почему? За что?!

Мария Павловна *(перебивая)*. Тебе только двадцать лет.

Эдуард. Да нам еще в школе уши прожужжали: Пушкин в семнадцать лет, Лермонтов в пятнадцать лет, Николай Островский в восемнадцать лет! А мне двадцать!... Да если бы их паспорта мамы запирали в ящики, они бы не только взломали их, они бы дом сожгли, целый квартал, город!

Мария Павловна. Но ты не Пушкин, и не Лермонтов, и уж никак не Николай Островский.

Эдуард. Безусловно. Я Эдуард Беляев.

Мария Павловна. Это не так много.

Эдуард. Для меня достаточно, я человек скромный.

Мария Павловна. Надо, чтоб и другим что-то перепадало.

Эдуард. Подводить итоги будем позднее, я надеюсь.

Мария Павловна. Если ты действительно собрался проявить свой инженерный гений, начинать нужно не с женитьбы в двадцать лет.

Эдуард. Ты смешиваешь две плоскости человеческой жизни.

Мария Павловна. Все в мире взаимосвязано.

Эдуард. Но не свалено в кучу.

Мария Павловна. Ты должен понять: речь идет не о моем самолюбии, а о твоем большом счастье.

Эдуард. Когда золотое счастье суют в глотку силой, рефлекторно возникает рвотное движение. Такова природа человека... Ты же сама без устали твердишь: за счастье надо бороться. За что

же я буду бороться, если это самое счастье мне предполагают поднести на блюдечке: улыбайся, мол, глотай и будь счастлив... Не получается! Невольно начинаешь искать свое счастье.

Мария Павловна. В двадцать лет глупо...

Эдуард. Мама, внеси предложение в Верховный Совет — выдавать паспорта детям в тридцать лет. Или напиши в газету заметку «Возродим старые добрые традиции» и порекомендуй без согласия родителей браки не регистрировать.

Мария Павловна. Кстати, это было бы не так глупо, как ты выставляешь.

Эдуард. Может быть, газета откроет дискуссию на эту тему. Кто-нибудь разовьет положение, потребует возродить свах, икону, колокольный звон. Вернулись же обратно обручальные кольца, фата и прочая условная мура, предназначенная, видимо, для бедняг, у которых любовь держится неизвестно на чем, и такая малюсенькая, что ее надо подкреплять внешними факторами, не то, гляди, завтра за разводом побегут.

Мария Павловна. Когда ты думаешь регистрироваться?

Пауза.

Валентин. Они уже...

Пауза. Мария Павловна встала, пошла к двери.

Эдуард. Мама! Неужели тебе логика дороже нас?

Алексей Павлович. Маруся!.Плюнь ты на них, в конце концов! Они славные ребята, любят друг друга. Может быть, это настоящее. Ведь угадать вперед никто не может. Разрушить легко...

Мария Павловна. Когда-то ты был более твердым мужчиной, Алексей.

Алексей Павлович. Думается, именно твердости мне тогда и не хватало.

Галина. Мария Павловна, это я посоветовала Эдуарду вскрыть сейф.

Эдуард. Я сам!

Галина. Даже убедила его.

Валентин. Брось выдумывать!

Мария Павловна. Вы все-таки учительница, Галина Васильевна...

Галина. Именно.

Мария Павловна. Чему же вы можете учить в таком случае?

Галина. Прежде всего я учу быть просто порядочными.

Мария Павловна. Не маловато ли? Не расплывчато ли это? Их надо прежде всего учить быть дисциплинированными.

Галина. Порядочность выше дисциплины, Мария Павловна.

Мария Павловна. Конечно, как всякая учительница, вы обладаете монополией на знание истины. *(Сыну.)* Где вы думаете жить?

Эдуард. Хотелось бы вместе с тобой, если ты не возражаешь.

Мария Павловна. Конечно. Ты можешь подать в суд, выделить свой метраж и поселиться.

Алексей Павлович. Маня!..

Тамара. Я никогда не позволю себе этого.

Эдуард *(тихо)*. Я не подам в суд, мама, не бойся. Твой метраж останется с тобой. Я бы даже прибавил тебе метражу, дал бы большой-большой метраж, тысячу метров. И ты бы ходила по нему одна, долго, из края в край... С каким упорством ты стараешься, мама, сделать из меня мерзавца.

Мария Павловна. Думаешь, ты хорош?

Эдуард. Конечно, плох. Я вынужден был тайком вскрыть эту железную гробину — я испытывал отвратительнейшее чувство, унизительное и подлое. Сейчас я разговариваю с тобой ужасно. Но я не могу отказаться от Тамары. Я люблю ее. Люблю два года. Мы близкие с ней, совсем близкие... *(Остановился.)* Ради бога, извините... я, кажется, теряю юмор... Да, надо еще много работать над собой. *(Ищет шампанское. Подбегает к буфету, открывает его, достает бутылку, откупоривает, наливает бокал, идет к матери.)* Мама, очень прошу тебя...

Мария Павловна *(не взяв бокал)*. Не хочу. *(Уходит.)*

Пауза.

Тамара. Эдик, не расстраивайся. Я буду жить у себя в общежитии, ты дома. А когда закончим...

Алексей Павлович. Между прочим, можете оставаться у нас на пару дней, пока все утрясется.

Эдуард. Мы не возражаем остаться и на дольше.

Алексей Павлович. Дольше Мария не выдержит.

Эдуард. Что вы! Она очень стойкая. Если бы ее выбрать в Комитет защиты мира, люди могли бы спать спокойно. Куда уходит энергия человека!

Тамара. Пирожки, конечно, сгорели! *(Быстро уходит на кухню.)*

Эдуард *(растерянно)*. Сейчас там плакать будет. Не позволю! *(Убегает вслед за Тамарой.)*

Валентин. Папа, Галина затевает какую-то глупость, поговори с ней.

Алексей Павлович. Очередная ссора? Перестаньте!

Галина. Видите ли, Алексей Павлович, отыскался один человек.

Алексей Павлович. Кто?

Галина. Вы его вряд ли помните.

Алексей Павлович. Кто же все-таки?

Галина. Наверняка забыли. Не в этом дело.

Валентин. Что ты крутишь, что ты темнишь!.. Отыскался прежний знакомый — Сергей Сорокин.

Алексей Павлович. Сорокин? *(Вдруг понял, о ком идет речь, чуть не закричал. Быстро пошел по комнате, взял с буфета коробок спичек, потряс его, привычным жестом полез в карман за папиросами.)*

Валентин *(вынул пачку из кармана, протянул отцу)*. На...

Алексей Павлович *(взял папиросу, закурил)*. Что же он?

Галина. Жив.

Валентин. Работает затейником в доме отдыха.

Алексей Павлович. Кем?

Валентин. Затейником. Погряз, облез, опустился. Все четырнадцать лет он живет только для себя, как ему лучше, один эгоизм...

Алексей Павлович *(вдруг кричит)*. Не смей!.. Дрянь!

Валентин *(опешив)*. Ты что? Что ты на меня? В конце концов, зачем ты с ней тогда разговаривал?

Галина. Валя!

Валентин. Я бы попереживал-попереживал...

Алексей Павлович. Вот это здорово! Вот это великолепно! Вот это да! Когда мать нашла на столе твою записку... Нет-нет,

я всегда знал, нам с детства твердили: подлость не может оправдать себя! А мы все надеемся: авось проскочит, сойдет, в виде исключения, при особой надобности.

Валентин. Я же тебя не просил.

Галина. Валя, выйди отсюда.

Валентин. Куда я выйду, куда?

Галина. Пожалуйста.

Валентин. «Уходи», «уходи», «уходи»! Пусть развяжется! Пусть это кончится, черт с тобой! Я тоже человек, а не гиппопотам! В конце концов я найду себе нормальную женщину. Да-да. Одной тебе я не по вкусу! Одной тебе принца надо! Давай к нему, давай к принцу! Полюбуйся на красавца, как он там смешит трудящихся. *(Передразнивает).* «Граждане отдыхающие, посмотрите друг на друга и скажите — у кого сегодня самый длинный нос... А теперь скажите, у кого самое тупое рыло...». Поезжай-поезжай!.. *(Ушел.)*

Галина. Я действительно хочу уехать, Алексей Павлович.

Алексей Павлович. Ты знаешь, он мне за каждым углом мерещился. Из дома выйду — он, в метро — он, в театре — его вижу.

Галина. Сначала и мне он везде казался, потом перестал.

Алексей Павлович. А мне до сих пор... Я не помню, Галочка, о чем тогда говорил с тобой. Бормотал что-то, старался не показать вида. Кажется, какую-то шоколадку тебе купил, совал в руки... Но я все понимал, все!.. Вел-то к определенной цели... Не перебивай!.. Воспользовался, воспользовался обстоятельствами, своим положением.

Галина. Я все понимаю, Алексей Павлович.

Алексей Павлович *(раздраженно).* Ничего ты не можешь понять. И слава богу!

Галина. Вы талантливый, сильный, умный человек.

Алексей Павлович. К черту! Перестань!

Галина. Время было такое.

Алексей Павлович. Ну, бросай мне спасательный круг, бросай! Как приятно за что-нибудь ухватываться, прятаться! За время, за обстоятельства, за черта, за дьявола! Спрятаться — и ку-ку! Ищи меня!.. Легко жить невиноватому!.. Дышать просто. А я

не хочу прятаться и не буду! Бросай этот кружок другим, пусть другие прячутся... делают невинные физиономии. Время!.. Обо всем думал, обо всем!.. Сам за все соломинки хватался — иначе как же жить!.. Даже, знаешь, заслуги себе отыскивал — подсчитывал, скольких спасал, реабилитировал, как сражался. Всеми плюсами себе грудь, как победными крестами, увешивал. А толку что?.. Время? А почему же другие-то чистыми оставались?.. Почему одни поганились, а другие нет? А ведь это как в алгебре, при прочих равных условиях!.. Нет уж! Каждый лично за себя отвечает — при этих-то прочих равных!.. При пожаре тоже, знаешь, один в горящий дом опрометью кидается — ребенка вытаскивать, а другой в это же самое время узел с пожитками стянуть норовит... Время!.. Сейчас и не то время, а всякой нечисти хватает. Все я думал, все!.. А он, видишь, затейник!.. Он — затейник!.. И ты!..

Галина. Вам бы сейчас двадцать пять лет.

Алексей Павлович. А?

Галина. Я говорю — вам бы сейчас...

Алексей Павлович *(с азартом)*. Да-да-да! В том-то и ужас человеческой жизни: ничего нельзя начать снова! Все пишешь кровью сразу в одну общую тетрадь. Что было, то было... Время?! Конечно, важно, знаешь, создать такие обстоятельства жизни, когда дурные стороны человеческой натуры не будут иметь возможности проявляться. Это важно. Это чрезвычайно важно, потому что не всякий человек силен, слабых много, двойственных. Слабых большинство. Обстоятельства должны помогать им быть сильными, чистыми. А тогда!.. Как иные пачкали себя! Пачкали и ужасались. Бытие!.. Время идет! Время идет! Мне хочется, чтобы оно бежало, летело, мчалось. Мне даже нравится, что ты, Эдуард во многом не можете понять меня. Пусть! И не понимайте, не надо... Я ведь люблю тебя и того... его тоже... *(Помолчав.)* Поезжай... Может быть, я могу помочь хотя бы материально?

Галина. Спасибо. Не надо.

Алексей Павлович. Я бы хотел... я бы хотел... Мне без тебя плохо будет здесь.

Г а л и н а. Я поеду, это я отослала его, я... Никто не имеет права распоряжаться чужими жизнями. Ничьей — никто! Все должно идти так, как должно было идти. Верно?

А л е к с е й П а в л о в и ч. Да-да... быстрей бы, быстрей... Дома-то что будет? Пустота.

Г а л и н а ушла.

(Вдруг кричит.) Эдуард, Эдуард! Тамара!

Вбегают Э д у а р д и Т а м а р а. Одновременно входит В а л е н т и н.

Слушай, Эдуард! Я хочу дать вам метраж, а? Знаменитый метраж! Хочешь?

Э д у а р д. Какой метраж?

А л е к с е й П а в л о в и ч. Я даже прошу тебя взять метраж! Рад буду!

В а л е н т и н. Папа!

А л е к с е й П а в л о в и ч. Не твой — мой! А ты разделись, заштукатурь, забей, в суд подай. Выдели — и один из края в край, как Эдуард сказал...

Э д у а р д. Боже мой, меня уже цитируют! Вот бы мама обрадовалась! *(Серьезно.)* Что случилось?

А л е к с е й П а в л о в и ч. Ничего. Все идет нормально. Все становится на свои места. Ты что, действительно все-таки вскрыл сейф?

Э д у а р д. По необходимости.

А л е к с е й П а в л о в и ч. Тогда, может, в самом деле починишь телевизор, соковыжималку, игрушку?

Э д у а р д. Наконец-то! *(Берет паровозик.)*

А л е к с е й П а в л о в и ч. Только все-таки осторожней.

Э д у а р д. Не нервируйте мастера. Главное — доверие. *(Ковыряется в паровозике.)*

Т а м а р а. Сделает, обязательно!

Входит Г а л и н а с небольшим чемоданом и пальто на руке.

В а л е н т и н *(опешив)*. Галка!.. Что ты... куда?

Галина подходит к Алексею Павловичу, прощается.

А л е к с е й П а в л о в и ч. Уже?

Г а л и н а. Самолеты уходят через каждые пятнадцать минут.

В а л е н т и н. Ты хотя бы объясни, зачем едешь?

Г а л и н а. Еще не знаю. Но ты должен понять — я не могу не поехать.

В а л е н т и н. Не будешь счастлива, Галка, клянусь!

Г а л и н а. Это в детстве, Валя, счастье мне мерещилось в виде одной бесконечной улыбки.

В а л е н т и н. Собираешься остаться у него?

Г а л и н а. Ничего не знаю.

В а л е н т и н. Его не вытащишь. Это чепуха, будто можно назад вернуться. Трещину — склеишь! А когда вдребезги — не только не склеишь, и не соберешь. У тебя здесь твоя школа... сложившийся круг интереснейших знакомств...

Г а л и н а. А он там.

В а л е н т и н. ...встречи в Академии педагогических наук, Москва...

Г а л и н а. А он там.

В а л е н т и н. В конце концов, этот дом собран твоими руками. Помнишь, как мы с тобой покупали этот стол, стулья...

Г а л и н а. А он там.

В а л е н т и н. Он! Он! Он!.. Я тебе говорю: он привык... *(Чуть не плача.)* Я люблю тебя, Галя... честное слово люблю!

Галина подошла к двери.

(Кричит.) Папа, останови ее!

А л е к с е й П а в л о в и ч. Останови, папа?! *(Галине.)* Поезжай!

В а л е н т и н. Галка. Не вытерпишь, вот увидишь!

Г а л и н а. Именно ты мог бы знать силу моего терпения. Чему же я буду учить, если не поеду?

Э д у а р д. Готово! *(Поставил паровозик на рельсы, пустил поезд.)*

И снова, громыхая, летят вагончики.

А л е к с е й П а в л о в и ч. Смотри ты! Действительно...

Э д у а р д. А вы думали... Дайте мне минимальный метраж, и я переверну мир! *(Глядя на игрушку, показывая всем.)* Бежит паровозик, бежит!

З а н а в е с

1964

ТРАДИЦИОННЫЙ СБОР

ПЬЕСА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ, ПЯТИ КАРТИНАХ

Памяти дорогих моему сердцу
Алексея Яковлевича Тарараева
и Серафимы Петровны Козловой

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ УСОВ, *42 лет.*

АГНИЯ НИКОЛАЕВНА ШАБИНА *бывшая жена Сергея Усова, литературный критик, 42 лет.*

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ МАШКОВ *физик, 42 лет, муж Агнии.*

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ КОЗИН — *зав. овощным складом, 42 лет.*

МАКСИМ ИВАНОВИЧ ПЕТРОВ — *рабочий на заправочной бензоколонке, 42 лет.*

ИЛЬЯ ЛЕОНИДОВИЧ ТАРАКАНОВ — *профессор химии, 42 лет.*

ЛИДИЯ СТЕПАНОВНА БЕЛОВА *работница сберкассы, 42 лет.*

ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА НОСОВА *сменный мастер на текстильной фабрике, 42 лет.*

ЕВГЕНИЙ ПАВЛОВИЧ ПУХОВ *учитель математики, 42 лет.*

ТИМОФЕЙ *сын Пухова, 17 лет.*

ИГОРЬ, *18 лет*
ИННА, *17 лет*
КАТЯ, *17 лет*
ФЕДОР, *17 лет*
НИКОЛАЙ, *18 лет*
АЛЛА, *17 лет*
} *бывшие одноклассники Тимофея.*

ОЛЕГ ПЕТРОВИЧ ГОЛОВАНЧЕНКО, *48 лет.*

РОДИОНОВ, *37 лет.*

ЛИЗА ХРЕНОВА, *работница сберкассы, 28 лет.*

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ КОПЫЛОВ *работник на Севере, 52 лет.*

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КАМЕНЕВ *кинорежиссер, 53 лет.*

ПЕРВЫЙ ПОЖИЛОЙ МУЖЧИНА, *60 лет.*

ВТОРОЙ ПОЖИЛОЙ МУЖЧИНА, *60 лет.*

ДЕВОЧКА *дежурная, 10 лет.*

МАЛЬЧИК *дежурный, 10 лет.*

МУЖЧИНЫ, ЖЕНЩИНЫ, МОЛОДЕЖЬ НА ШКОЛЬНОМ ВЕЧЕРЕ.

Действие происходит в середине шестидесятых годов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Комната в современной квартире. За открытыми окнами чувствуется тепло города. Стол готов к ужину, и на нем стоят даже бутылка вина и два бокала.

Агния Николаевна, в очках, забравшись на диван с ногами, как девочка, перегнувшись к журнальному столику, который стоит рядом, правит рукопись под светом настольной лампы. Слышно, как отпирается дверь в прихожей. Агния Николаевна снимает очки и прячет их в карман халата.

Агния Николаевна. Саша, это ты?

Александр Петрович *(из прихожей)*. Да.

Входит Александр Петрович, подходит к жене, целует ее в губы, взяв голову обеими руками.

Агния Николаевна *(вытираясь)*. Обязательно обмусолит... Что поздно?

Александр Петрович. В Дубну ездил... Какое неприятное ощущение... Вхожу в подъезд. Лампочка не горит. Чувствую, кто-то стоит внизу в углу за дверью.

Агния Николаевна. Померещилось.

Александр Петрович. Возможно. Но противно. Поднимаюсь по лестнице, чувствую — стоит и смотрит в спину. По-моему, и сейчас там, за дверью.

Агния Николаевна. Дежурной разве не было?

Александр Петрович. Видимо, ушла куда-то.

Агния Николаевна *(вскакивая с дивана)*. Безобразие! Надо домоуправу сказать. *(Быстро вышла в прихожую.)*

Слышно, как открыла дверь. Голос Агнии Николаевны: «Кто там? Сейчас же уходите из парадного. Я вам что сказала! Вы

хотите, чтобы я позвала милицию? Слышите, гражданин, уйдите из парадного!»

Внизу в подъезде хлопнула дверь. Кто-то вышел.

(Возвращается в комнату.) Пьяный, вероятно. *(Быстро подошла к окну, глядит на улицу.)*

Александр Петрович. Но как я почувствовал! Не видел, не слышал. Человек тоже воспринимает ультразвуки и называет это интуицией.

Агния Николаевна. Эти дежурные... Должны понимать, какой дом. *(Зажгла верхний свет.)*

Александр Петрович *(увидев накрытый стол)*. Кескесе?

Агния Николаевна. ВАК утвердил.

Александр Петрович. Доктор наук?

Агния Николаевна *(кланяясь)*. К вашим услугам.

Александр Петрович *(целуя)*. Поздравляю мудрую.

Агния Николаевна *(вытираясь)*. Сашка, ты когда-нибудь научишься целоваться?

Александр Петрович. Тут на работе на меня одна посматривает. Попрошу дать уроки.

Агния Николаевна. Возьми, из своих платить буду... Неплохо получилось, верно?

Александр Петрович. Ты чертовская умница.

Агния Николаевна *(чокаясь)*. И дай боже, чтобы у нас с тобой и дальше все шло таким же макаром, а?

Александр Петрович. За тебя!

Агния Николаевна. Присоединяюсь.

Пьют. Сели за стол, и вечер пошел, видимо, как обычно. Агния Николаевна взяла к столу рукопись и продолжает работу. Александр Петрович разбирает почту. Приятный тихий час.

Александр Петрович. Что правишь?

Агния Николаевна. Статью о драматургии Арбузова.

Александр Петрович. А... Хорошо бы нам завести кошку.

Агния Николаевна. Только ее и не хватало. Не переношу кошачьего запаха.

Александр Петрович. Тебе очки надо. Далеко от глаз страницы держишь.

Агния Николаевна. Свет слабо падает. *(Приближает листы к глазам.)*

Александр Петрович *(вытянув ноги, потягиваясь)*. Работаешь головой, а устают даже ноги.

Агния Николаевна. Болтун, займись пока. *(Протягивает мужу журнал.)* Только что вышел. Короткая, но, кажется, компактная получилась.

Александр Петрович *(читая статью в журнале)*. Ага... Это ты опять о нем... Вот как!.. Умно, умно...

Во время этих реплик Агния Николаевна отрывается от рукописи и взглядывает на мужа. Чувствуется, что статья ей действительно удалась и она ждет одобрения.

Агния Николаевна. Ты так и не прочел этого Агапкина?

Александр Петрович. Нет. Выберусь, обязательно прочту.

Агния Николаевна. Надоели эти вьюнцы со своими знаменами неопределенного цвета.

Александр Петрович *(кончил читать)*. Ручка, я тебе скажу, у тебя полновесная.

Агния Николаевна. Как?

Александр Петрович. Здорово выпорола.

Агния Николаевна. Стоит посечь. Способный. Авось пойдет на пользу.

Александр Петрович. А у нас молодежь — заглядение. Характеры, повадки, конечно, тоже вытерпеть надо, но умны, бестии, талантливы. С этаким чувством самосознания.

Агния Николаевна. У вас легче, точные науки. А здесь — идеология. Тут порой сам черт не поймет.

Александр Петрович. Это верно. У нас, например, этот Агапкин вызвал горячейшие споры, я слышал. Некоторым очень нравится.

Агния Николаевна. Вот-вот! А что нравится, думаешь, понимают?

Александр Петрович. Очевидно, обаяние таланта.

Агния Николаевна. Именно. Посредственность и бездарность куда менее вредны.

Александр Петрович. Да, ты получила приглашение в школу?

Агния Николаевна. Вон валяется.

Александр Петрович. А мне на работу прислали.

Агния Николаевна. До чего у нас любят всякую сентиментальную чепуху. Делать людям нечего.

Александр Петрович *(взяв два одинаковых конверта)*. Целых два? *(Читает.)* А-а-а, это Сережке... Не распечатывала?

Агния Николаевна. А зачем? Вложили в мой конверт с просьбой переслать, если знаю куда.

Александр Петрович. Да... Неизвестно. Пойдем?

Агния Николаевна. Зачем?

Александр Петрович. Юбилей все-таки, интересно.

Агния Николаевна. Не думаю. Начнется: «А помнишь?», «А знаешь?», «А у меня!». А говорить-то и не о чем.

Александр Петрович. Все-таки.

Агния Николаевна. Олечку Носову повидать хочется?

Александр Петрович. Почему Ольгу?

Агния Николаевна. Помню, как ты на нее сладко поглядывал.

Александр Петрович *(смеется)*. Батюшки, ревнует!

Агния Николаевна. Толстенькая, пухленькая, колобок-колобок. А она на тебя, несчастного, ноль внимания. Если бы догадывалась, кто из тебя получится! Проморгала, бедненькая! Она где, не знаешь?

Александр Петрович. Понятия не имею. Кажется, в Иваново тогда учиться уехала. Слушай, честное слово, занятно всех повидать.

Агния Николаевна. Дитё ты, Сашка! Кого повидать? Придет человек пять.

Александр Петрович. И то!

Агния Николаевна. Тараканов, конечно, свою персону не покажет. Пришлет телеграмму, благородно извинится. Кстати, я на днях Козина встретила.

Александр Петрович. Пашку? Что же не сказала?

Агния Николаевна. Забыла. Знаешь, кто он?

Александр Петрович. Кто?

Агния Николаевна. В Серпухове овощной базой заведует. Он узнал меня, я бы его — ни за что.

Александр Петрович. Ты вообще мало меняешься.

Агния Николаевна. Саша, не подмасливай.

Александр Петрович. Нет, серьезно, ты такой тип женщины...

Агния Николаевна. Саша, когда ты начинаешь говорить о женщинах,— выглядишь несерьезно.

Александр Петрович. Пашка овощной базой заведует! Надо же!

Агния Николаевна. Неприятный такой... Говорит, и кажется — вот-вот хрюкать начнет. Я сказала — на лекцию тороплюсь, а то и не отвязался бы. Он и в школе был какой-то вульгарный.

Александр Петрович. Полно тебе, парень был как парень. Разбитной, правда. Нет, с удовольствием и его повидал бы.

Агния Николаевна. Этот, конечно, осчастливит.

Александр Петрович. Будут и другие.

Агния Николаевна. Кто?

Александр Петрович. Это-то и интересно! Как-то мы всех растеряли! *(Пауза.)* Ты боишься — Сергей придет?

Агния Николаевна. Во-первых, не боюсь, а во-вторых, не думаю, чтобы явился.

Александр Петрович. У меня все время чувство вины перед ним.

Агния Николаевна. Что?

Александр Петрович. Понимаешь, я...

Агния Николаевна. Так ты разведись со мной, очисти свою совесть.

Александр Петрович. Полно, Агния. Я хочу только сказать...

Агния Николаевна *(подходя к мужу и обнимая его)*. Дурачина ты, простофиля! Какая вина, в чем вина? Я уже давно не любила его. Ты никого не вытеснял, ни с кем не сражался, никого не побеждал.

Александр Петрович. Но вышло как-то глупо.

Агния Николаевна. Сашок, все равно это нам с тобой надо было пережить.

Александр Петрович. Но не так.

Агния Николаевна. Ну и зачем же ты пойдешь на этот нелепый вечер? Хоть и невероятно, но вдруг Сергей действительно придет.

Александр Петрович. Думаешь — может?

Агния Николаевна. Иногда и кирпич с крыши на голову падает.

Александр Петрович. Тогда совсем нехорошо не идти.

Агния Николаевна. Почему?

Александр не отвечает.

Ты мог быть занят, в командировке, болен, мало ли что.

Александр Петрович. Но я не болен, не в командировке.

Агния Николаевна. Тебе не хочется с ним встретиться?

Александр Петрович. У меня смешанное чувство...

Агния Николаевна. О господи, Сашок, что у тебя там с чем смешалось?

Александр Петрович. Сам не разберусь.

Агния Николаевна. У меня лично встречаться с Сергеем желания нет. Он тогда фыркнул, вылетел в позе оскорбленного. Значит, ничего не понял прежде всего о самом себе.

Александр Петрович. Ну хорошо, хорошо...

Агния Николаевна. Не будем терять вечер, Сашок, не пойдем.

Александр Петрович. Все знают — мы здесь, в Москве, скажут — нос задрали.

Агния Николаевна. С этим я меньше всего считаюсь.

Александр Петрович. Друзья же детства!

Агния Николаевна. Шурик, это малохудожественная литература. Какой тебе Пашка Козин друг детства? В семилетнем возрасте загоняют всех в школу, как барашков, вот тебе и подбор друзей.

Александр Петрович. Нет, Агния, пойдем, мне хочется. Даже надо. Не злись. *(Целует ее.)*

Агния Николаевна *(вытираясь)*. Ну тебя! *(Уткнулась в рукопись.)*

Александр Петрович. Разобрать партию в шахматы, что ли...

Агния Николаевна. Вот-вот, займись делом.

Александр Петрович *(достает шахматы, расставляет фигуры).* Кс-кс-кс!

Агния Николаевна. Ты что?

Александр Петрович. Ну заведем кошку! Неужели тебе жалко?

КАРТИНА ВТОРАЯ

Служебная комната текстильной фабрики. По стенам образцы изделий. За стеной слышен шум крутильного цеха.

Олег Петрович Голованченко работает за столом, пишет. Входит Ольга Михайловна Носова.

Носова. Звали, Олег Петрович?

Олег Петрович. Звал.

Носова. Вот я.

Олег Петрович. Вижу.

Носова. Насчет заявления?

Олег Петрович. Заявление твое не убежит, садись.

Носова. У меня там дела...

Олег Петрович. А я тут на бильярде играю.

Носова. Кардовую заело, четвертую у Рыбаковой.

Олег Петрович. Наладчика пошли.

Носова. Я и хотела.

Олег Петрович *(снимает трубку).* Садись. *(В телефон.)* Кардовый?.. Это Голованченко. Что там у вас, четвертая из строя вышла?.. Нет, все нормально? Ну, извини. *(Положил трубку.)* Хоть бы поумней что сочинила. Чуешь, значит.

Носова. Чего чую?

Олег Петрович. Чье мясо ешь.

Носова. Чье?

Олег Петрович. Ты думаешь, мне приятно с тобой этот разговор заводить? Такая стоящая работница, мастер дела, можно сказать.

Носова. Ну и что? Я свои личные чувства тут на веретена не наматываю.

Олег Петрович. У всех у нас личные, да управляем мы ими поразному. Что тебе — мужа мало?

Носова молчит.

Хороший человек, интеллигентный, инженер, премиальные каждый квартал имеет, ребенок у вас.

Носова. Какой Сережка ребенок! Он уже на втором курсе педагогического.

Олег Петрович. Тем более. Здоровая советская семья, а ты ее своими, извини, руками разваливаешь. И потом, держала ты это дело пять лет шитым-крытым, ну и держала бы, кой черт на вид выставила?

Носова. Так не я, это Верка Тукина звон подняла. Геннадий на нее чихал, так она, как шпионка, за нами бегала.

Олег Петрович. А ты призналась. Признаться-то кто тебя за язык тянул? Говорила бы — нет, и крышка. В замочную скважину эта Верка, поди, не подглядывала.

Носова. Так ведь врать-то уж больше нельзя было.

Олег Петрович. Почему это нельзя?

Носова. Неловко.

Олег Петрович. Логика у тебя, Носова! От мужа к другому бегать ловко, а скрыть срам неловко. А мне теперь разбирать, наказание тебе придумывать. Полагаешь, легко? Думаешь, приятно? Я сам человек простой и во всякий там идеализм не верю. Знаю, по этой части бывает разное. Но порядок есть порядок. Поняла? Чем тебя твой муж не устраивает?

Носова. То есть как — чем?

Олег Петрович. Вот именно.

Носова. Ну уж вы меня извините, это глупый вопрос.

Олег Петрович. Так считаешь? А ты понимаешь, в какое положение свою бригаду ставишь? Ведь тебя убрать оттуда придется, а бригада-то ваша липовая, на тебе одной держится. Ты это учитываешь?

Носова. Так вы меня оставьте.

Олег Петрович. Да как же я тебя оставлю, если ты, извини, аморальна.

Носова. Не аморальна я.

Олег Петрович. Аморальна.

Носова. Да я за Валентином-то Ивановичем знаете как измучалась? Ведь я тогда студенткой была, практику у вас проходила, а он уже инженер был, да еще школьного одного парнишку напоминал. Видом, конечно, не характером. Я и пошла. А он с первых же дней клещ оказался. Как впился в меня... В гости пойдешь, взглянуть ни на кого не смей, а уж если с кем танцевать станешь — люблю я танцевать, и сейчас люблю, — так он как сыч на тебя из-за стола или из угла смотрит. Уж как с его глазищами встречусь, так и говорю партнеру: извини, устала что-то, посидеть охота. А потом всю дорогу ду-ду-ду! Зачем, почему, кто он тебе? Домой придем — заплачет и с ласками лезет.

Олег Петрович. Так ведь это он любит тебя, дуреха, любит. Оттого и ревнует.

Носова. Любит! Точно я не знаю. Да от такой любви на стенку полезешь. Он и дома-то с первых дней все сам делает — и стряпает, и пол моет, и стирает даже. Ему, наверное, бабой надо было родиться, баба так любить умеет до беспамятства, до рабства. Я, знаете, бывало, хочу ну хоть яичницу ему изжарить, так он подскочит, сковородку или нож там из рук выхватит: я сам, кричит, сам! Как Сергунька-то родился, так он его купал, пеленал, по ночам к нему вскакивал. А я-то, спрашивается, на что, кто я такая в доме? Я сама хочу за мужчиной ходить, обхаживать, ласкать. Мне ведь женские-то свои начала девать куда-то надо. Ну, а Леданов... тот именно такой. Он и в первое-то время, когда лет пять тому назад на меня особо глянул, сразу как-то гордым показался. Он уж тебе яичницу не поджарит! Он, знаете, дома в кресле, как киноартист, развалится, курит, пальцем не пошевелит. С ним хорошо! Я там хозяйка. Да и жаль его — одинокий. До меня у него сарай был, а не комната, а вы теперь пойдите посмотрите.

Олег Петрович. Нет уж, уволь от этого удовольствия. *(Помолчав.)* А моя, знаешь, ленива. Никакого порядку в доме нет. Да с нами еще мать ее живет, теща, значит. Все говорит — почему я мало зарабатываю. А что я — воровать пойду? Ну ладно, это я между

прочим сказал, надеюсь, по людям не понесешь, ты вроде женщина порядочная. А вообще-то живу хорошо, имей в виду.

Носова. Понимаю.

Олег Петрович. Так что же с тобой делать будем? Кино ты мне рассказала интересное, и понимать я тебя, конечно, понимаю. Валентин Иванович специалист замечательный, но уж очень интеллигентный, это и я замечал. Все — извините, простите, пожалуйста. В детстве, может, напуган чем был? И Леданов человек качественный... Вот что, Ольга Михайловна, мы с тобой придумаем: в бригаде ты останешься.

Носова. Спасибо, Олег Петрович.

Олег Петрович. Погоди благодарить... Но с условием. С Ледановым у тебя все. Обещаешь?

Носова. Нет. Не могу, Олег Петрович.

Олег Петрович. То есть как — не могу?

Носова. Не могу обещать, не хочу.

Олег Петрович. О-бе-щать. Понимаешь намек? А потом уходи ты с ним в самое подполье, чтобы даже эта поганая Верка с собаками не нашла... Слушай, а Верку-то мы переведем на склад сырья. Слава богу, это за три версты отсюда. А? Это идея! На склад! Она девка вообще кляузная. Все передовой, передовой выставляется, в секретари комсомола лезет. А мы ее туда не пустим, таких туда теперь не берем. Все! Сделано. На склад! Нет, голова я, голова, а?

Носова. Голова.

Олег Петрович. С людьми работать, Ольга Михайловна, вроде и приятно, а иногда вроде и повеситься охота. И последний вопрос, Носова: что будешь делать, когда муж узнает?

Носова. А он и знает.

Олег Петрович. Верка уж и там наблошила, не пощадила человека!

Носова. Он все пять лет знает.

Олег Петрович. То есть как — пять лет?

Носова. Я ему тогда сразу сказала.

Олег Петрович. Ты?

Носова. Я.

Олег Петрович. А он?

Носова. Жутко вспомнить. Сначала повеситься хотел.

Олег Петрович. Да что ты, вот было бы дело! А потом?

Носова. Мне самой его жалко.

Олег Петрович. Физиономию твою не трогал?

Носова. Нет.

Олег Петрович. Да, интеллигентный, интеллигентный человек. Ну, раз все трое притерлись, ваше дело. И шевелить не буду, только хуже сделаешь. А что совсем не уйдешь?

Носова. Боюсь, руки наложит. Да и Сергею не хочу психику ломать.

Олег Петрович. Ну ладно, вертись как знаешь, бедняга, я попритушу мнение.

Носова. Заявление-то мое вы подписали, Олег Петрович?

Олег Петрович. Заявление? Вот оно. *(Взял бумажку, лежащую на столе, просматривает.)* А кого за себя поставишь?

Носова. Так Леданов и станет, я с ним уже договорилась.

Олег Петрович *(просматривает заявление)*. Юбилей, значит?

Носова. Да. Хороший у нас класс был, дружный. Только мы его неудачно окончили, в сорок первом. Сразу как горох рассыпало — кто в Ташкент, кто на фронт. А теперь съедутся, хоть узнаю, кто жив, кто помер.

Олег Петрович. Мальчика-то, которого помянула, увидеть охота?

Носова. Разумеется. Занятно. До того влюблена была! Как угорелая. На гитаре играл. У нас струнный кружок был. Сына-то его именем назвала — Сергей.

Олег Петрович. Ишь ты! Хитра! Взаимно было?

Носова. Ну что вы! Мимо проехало.

Олег Петрович. Чего же? Ты дама видная.

Носова. Простовата была, да и толстая. Меня «колобок-колобок» дразнили.

Олег Петрович. Ему, значит, тонкая талия требовалась?

Носова. Да нет, он хороший был. Просто другой посчастливилось. Агнией звали. Красивая! Против нее прямо в сторону сворачивай, не соревнуйся. Видная такая, выдержанная, интересная, как будто не рожали, а в мастерской на заказ делали.

Олег Петрович. Поженились?

Н о с о в а. Слыхала. Вышел бы за меня, ох, я б его ласкала, лелеяла!

О л е г П е т р о в и ч. А может, он там с Агнии-то этой пыль сдувает.

Н о с о в а. Конечно. Кто кого больше любит, тот и рабствует.

О л е г П е т р о в и ч. А кто он теперь?

Н о с о в а. Не знаю. Я сразу сюда, в Иваново, в текстильный, учиться уехала. Она-то, слыхала, специалист по литературе, критику, пишет, звание имеет или степень, кажется.

О л е г П е т р о в и ч. Вона!

Н о с о в а. Из нашего класса, если бы не поубивало половины, много бы известных вышло. На меня тогда другой поглядывал. Машков Сашка. Самый зачуханный был, без вида всякого и без цвета.

О л е г П е т р о в и ч. Ишь ты! А поглядывал.

Н о с о в а. Чуть не плакала от обиды. Надо же именно, чтобы такая мозглюшка тобой интересовалась!

О л е г П е т р о в и ч. А этот где?

Н о с о в а. Понятия не имею. Если на фронт попал, первого пришибло. Такие всегда раньше всех лапки разбрасывают. А если эвакуировался, корпит где-нибудь.

Вдруг работающие за стеной машины остановились и наступила резкая тишина.

О л е г П е т р о в и ч *(подписывая бумагу)*. Ладно, поезжай до субботы. Только смотри не загуляй.

Н о с о в а. Вот спасибо вам, Олег Петрович.

О л е г П е т р о в и ч. Пошли обедать.

Н о с о в а. Леший с ним, с обедом, в парикмахерскую заскочу, когти покрашу, брови пощиплю.

О л е г П е т р о в и ч. Давай-давай, покажи там наших, ивановских.

Н о с о в а. Московских не переплюнешь!

О л е г П е т р о в и ч. Не переплюнешь, так перечихни. *(Достал из стола бутылку, налил четверть стакана.)* Перед обедом, для аппетита, дома-то не дают, здоровье берегут... Счастливого пути!

Н о с о в а. Спасибо!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Бензоколонка где-то на пути между Днепропетровском и Москвой. Стоит грязная автомашина. Ее моет мойщик, мужчина лет сорока с одутловатым лицом — Максим Петров. Около машины стоит мужчина лет тридцати пяти. Чисто, но по-дорожному одетый. Смотрит, как работает Максим. Это Родионов.

Родионов. Поскоблите ее получше, голубушку. *(Он в хорошем настроении, и ему хочется поболтать.)* Давно тут работаете?

Максим *(нехотя)*. Три года.

Родионов. Заправочных станций на дорогах больше стало. Хорошо, удобно... Стекло еще разок протрите, пожалуйста, не очень чисто получилось.

Максим. Потом по второму кругу пойду. *(Продолжает мыть кузов.)*

Родионов. В Америке этот сервис великолепно поставлен. Подъехал — выскакивают два пацана и так на машину набрасываются, будто она их любимая тетя. Через пять минут полное впечатление — это тебе новую из магазина доставили.

Максим. У них качество материалов другое.

Родионов. Это верно. Ничего, скоро и у нас не хуже других будет.

Максим. Пора бы.

Родионов. Много других забот.

Максим. Кругом.

Родионов. Что — кругом?

Максим. Кругом заботы, говорю.

Родионов. Забот много. Но если взглянуть исторически: Россия — отсталая крестьянская страна, потом революция, разруха, голод, Отечественная...

Максим. Это мы в школе проходили.

Родионов. А по-вашему, в чем причина?

Максим. Не подбивайте меня, товарищ путешественник, на откровенность, я человек сердитый.

Родионов. А все-таки? Было бы любопытно.

М а к с и м. Порядочных людей мало, вот что. Благородного крику сколько влезет, а у каждого начальника одна забота — со своего места не полететь.

Р о д и о н о в. Что же делать?

М а к с и м. А это не мне думать, а тем, за кого я голосую. В Америке, говорите, вам машину языком вылижут. Потому что пружина есть. Во-первых, страх, с работы в мгновение ока вылетишь, если не языком, а во-вторых, гроши чего-то стоят.

Р о д и о н о в. Рубль у нас еще не набрал полного веса, это верно...

М а к с и м. Вы, конечно, мои замечания как угодно посчитать можете. Мол, язык распускает, злобствует. Тут я с одним проезжим разоткровенничался. Сам он меня, сука, на эту откровенность подбил. Так он мне, когда в машину сел, вместо прощального привета знаете что выкрикнул? «В прежние времена сидел бы ты, паразит, где нужно». А? Жаба ядовитая! Я и ответить ничего не мог — помчал. А хотел: «Ты в наше время не там, где надо, сидишь, кабан зажравшийся!» Вот что! Знаете, пришел домой, выпил — я пьющий, это вы по моей физиономии, конечно, видите — и плакать начал. Ведь это он боль мою на гнусность обернул. Верно говорят: каков сам человек, так он и о других судит... Вы кто по профессии будете?

Р о д и о н о в. Исполняющий обязанности главного инженера металлургического завода в Днепродзержинске. Родионов моя фамилия. Любопытно... Я как-то в поезде разговорился с одним спутником по купе — об Америке рассказывал, какие там умные вещи в нашем деле придумали, я туда в командировку ездил. Так, представьте, этот тип в парторганизацию нашего завода на меня заявление написал: не посылайте, мол, таких идейно невыдержанных, которые потом буржуазный образ жизни восхваляют. Нелепо, верно?

М а к с и м. Куда уж... Меня Максимом зовут.

Р о д и о н о в. Очень приятно.

М а к с и м. В Москву тоже в командировку едете?

Р о д и о н о в. Да, вызывают.

М а к с и м. «Пить давать» или орден?

Р о д и о н о в. Ни то, ни другое. Для разговора в ЦК.

М а к с и м. А-а-а... Мне бы тоже в Москву полагалось.

Р о д и о н о в. Ну так что же? Садитесь, поедемте вместе.

М а к с и м. Нет, не поеду... Школа, где я раньше учился, юбилей справляет. Выпуски всех годов съезжаются.

Р о д и о н о в. Ну и что же вы?

М а к с и м. Что я? А чем рапортовать стану? Там ведь каждый друг перед дружкой выставляться будет. А я чем? Нет уж, пусть они лучше того мальчишку помнят, если вспомнят, конечно. Между прочим, в войну я в артиллерии был, два ордена есть и три медали.

Р о д и о н о в. Видите!

М а к с и м. Карета прошлого, товарищ Родионов. Мы с сорок первого все в этой карете ехали, медалей у всех много — и у живых и у мертвых, не удивишь.

Р о д и о н о в. Что ж дальше не вышло? Обидел кто?

М а к с и м. Никак нет! Это я сам собой таким образом распорядился. *(Кончил мыть машину.)* Пожалуйста.

Р о д и о н о в. Большое спасибо. *(Осмотрел машину.)* Руки у вас золотые.

М а к с и м. Зато голова дубовая.

Р о д и о н о в *(дает деньги)*. Вы там заплатите, сколько требуется.

М а к с и м. Это непременно. *(Кладет деньги в карман.)*

Р о д и о н о в. Я бы все-таки на вашем месте съездил. Такое событие.

М а к с и м *(твердо)*. Не пойдет.

Р о д и о н о в. Всего вам доброго! *(Протянул Максиму руку.)*

М а к с и м. Прощения просим, грязные.

Родионов садится в машину.

И вам успеха! Пусть у вас там в ЦК коленки-то не дрожат, говорите, что есть, а не то, что вам выгодно или начальству приятно.

Р о д и о н о в. Так и предполагаю. *(Завел мотор.)*

М а к с и м. Если по Садовому кольцу поедете...

Р о д и о н о в. Что?

М а к с и м. Ладно... Счастливо, говорю, вперед двигать!

Машина умчала. Максим сидит задумавшись.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Маленькое помещение сберкассы. Одно-единственное небольшое окно на улицу, густо покрытое морозными узорами. В сберкассе две женщины — Лидия Степановна Белова и Лиза Хренова. Лидия Степановна вяжет. Лиза читает вслух. Обе в пуховых платках, накинутых на плечи. Чувствуется холод. Клиентов нет.

Лиза *(читает)*. «Пройдет поезд — под вагон, и кончено», — думала между тем Катюша, не отвечая девочке. Она решила. что сделает так. Но тут же, как это и всегда бывает в первую минуту затишья после волнения, он, ребенок — его ребенок, который был в ней, — вдруг вздрогнул, стукнулся и плавно потянулся, и опять стал толкаться чем-то тонким, нежным и острым...». Когда в техникуме нам этого Льва Толстого в глотку силой пихали, ненавидела, возьму книгу в руки — из души воротит, а теперь в третий раз читаю. До чего много тут про меня есть. Не все, конечно, но порядочно. И главное — точно.

Лидия Степановна. Ты, Лиза, сейф заперла?

Лиза. А как же. Я сама боюсь, когда такие деньжищи. Хотя бы скорей пришел, взял... А вы, Лидия Степановна, чего это сегодня начали?

Лидия Степановна. Димке шапочку.

Лиза. Я бы тоже детей иметь хотела.

Лидия Степановна. Чего же тянешь? Двадцать восемь ведь.

Лиза. С такой-то рожей кому нужна.

Лидия Степановна. Ты, Лиза, напрасно...

Лиза. Лидия Степановна, вы свою доброту не показывайте, мы про себя всё знаем. Да еще фамилией родители удружили: Хренова. *(Пауза.)* Это надо же, Лидия Степановна! Придет какой-то бугай и потребует: гони, мол, мои восемь тысяч триста семьдесят два рубля сорок две копейки.

Лидия Степановна. Его деньги.

Лиза. Его. А ведь он один, как хвост у собаки. Сгребет свои тысячи, сядет на самолет, улетит к черту на рога, прогуляет свой

трехмесячный и назад без единой копейки явится. Еще там задолжает кому, знаю я их. Хоть бы купил что, так ведь нет. В чем уедет, в том и явится, только разве галстук какой новый напялит.

Лидия Степановна. Да, странные эти люди. Работают как остервенелые, а потом все спустят.

Лиза. И я их породу не понимаю, боюсь даже... Лидия Степановна, а что, если бы вам восемь тысяч досталось? Что бы вы с ними делать стали?

Лидия Степановна. Понятия не имею.

Лиза. Знаю, вам с ребятами-то да с Алексеем Ильичом большого разворота не сделать. Ну что, а?

Лидия Степановна. Честное слово, не знаю.

Лиза. А я знаю.

Лидия Степановна. Ну, интересно?

Лиза. Во-первых, махнула бы в Якутск, швейную машину купила. *(Задумалась.)* Матери бы кровать новую, никелированную, с сеткой, и одеяло атласное. Потом... Духов бы купила пузырьков десять... Нет, все вру, все! Лидия Степановна, сказать?

Лидия Степановна. Ну?

Лиза. Я бы себе на эти деньги парня завела. И знаете кого? Леньку-электрика. А? Вы его видели? Сила! Я когда его встречаю, все тело холодное делается, во рту сохнет. Он, конечно, не только на меня, но и в сторону-то мою не глядит. Он до денег жадный, везде норовит подкалымить, все свободное время рыскает. И фасонит. Я бы его на эти деньги купила. Купила бы, Лидия Степановна, он бы пошел. Он бы со мной пошел, ко мне!

Лидия Степановна. Что ты, Лиза!

Лиза. Еще как бы пошел!

Лидия Степановна. Так ведь бросил бы потом.

Лиза. Ну и что? На восемь-то тысяч я бы его сколько время держала! Я бы ему по десятке в день. Ну, с моим личиком по десятке, может, и не соблазнится, я бы ему по двадцать пять. А по двадцать пять, это... *(Быстро считает на счетах.)* Вот! Это триста двадцать дней. Это же год, целый год счастья невозможного! Я любила бы его как! Я бы целовала его как! Я бы год на не-

бесах существовала. Люблю-то я его как, если бы вы знали! *(Заплакала.)*

Лидия Степановна. Это не любовь, Лизочка.

Лиза. Любовь, любовь! Да такая, что вам и не снилось, Лидия Степановна! *(Стучит по книжке.)* Не меньше, чем тут. Если бы не рожа моя страхолюдная... Нет, я бы эти восемь тысяч таким невозможным счастьем обернула!

Дверь распахивается. Входит Копылов.

Копылов. Привет, девочки!

Лидия Степановна. Здравствуйте, Алексей Васильевич.

Лиза. Привет, Копылов.

Копылов. Ну, что там у меня на ваших счетах настукалось?

Лидия Степановна. Восемь тысяч триста семьдесят два рубля сорок две копейки.

Копылов. Ну, сорок две копейки на разживу оставлю, а остальные, извините, попрошу отслюнявить.

Лиза. Тебе аккредитивами или как?

Копылов. Тысячи полторы в карман суну, а остальные пиши бумаги, по сапогам распихаю.

Лиза выписывает аккредитивы, а Лидия Степановна считает деньги.

Лиза. Что делать-то с ними будешь?

Копылов. Лизочка, мы не впервой отправляемся, знаем, что, где и куда какая купюра пойдет.

Лиза. Все удовольствия из своих заветных выжмешь?

Копылов. Это справедливо, постараемся. И солнышка получу, и пальмочки мне своими веточками помашут, и с дамочками посмеюсь. Главная сила в них знаешь какая скрыта?

Лиза. Ну?

Копылов. Свобода действия. А вследствие этого полное обновление организма и зарядка на следующие два года.

Лиза. Как вы там по всем швам от ваших удовольствий не лопаетесь?

Копылов. Сам удивляюсь. И как здесь ничего не берет, и как там не сгораю. Вот какая в нас порода! Я, Лизочка, сюда в два-

дцать девятом пожаловал, когда мне ровно пятнадцать лет исполнилось, так сказать, в самые именины. Всем семейством доставили за казенный счет.

Лиза. Из раскулаченных, значит?

Копылов. Именно, за этих самых от головокружения посчитали. От головокружения, Лизочка, чего только не померещится. Меня в руднике один раз глыбой по черепу садануло, голова-то как раз закружилась. Сознание вроде не теряю, а понять не могу — где верх, где низ. Это и называется — головокружение.

Лиза. Зря, что ли, выслали?

Копылов. Ну, это дело не мое, историческое. Я тут быстро акклиматизировался. А что! Был я крестьянский сын, стал рабочий класс. Того-то уж паренька и вспомнить не могу. Местные нравы быстро освоил, да и почет имею. О материальной стороне уже не говорю, сами знаете. По всему Союзу гулять могу. Только в Курскую губернию не заворачиваю, запрет наложил.

Лиза. Почему это?

Копылов. Васильков там раньше много было. Теперь васильки сорной травой считают — вывели. Значит, и ездить незачем.

Лиза. А чего же отсюда не уедешь?

Копылов. Я, Лизочка, человек лирический. Так считаю — где у человека родные могилы, там его край.

Лидия Степановна *(отдавая деньги Копылову)*. Пересчитайте, пожалуйста.

Копылов *(кладет деньги в карман не считая)*. Лидия Степановна, и не потому, что я вас пятнадцать лет знаю, а потому, что презираю недоверие к людям.

Лидия Степановна. В Москву летите?

Копылов. Сначала именно туда. Взгляну, как там ее еще за эти два года припомадили. Вы-то бывали в Москве?

Лидия Степановна. Я москвичка.

Копылов. Да что вы! А я-то, темнота, хвастаюсь. Может, привет кому из родных передать?

Лидия Степановна. Нет у меня там теперь никого.

Лиза *(отдавая Копылову аккредитивы)*. Взял бы ты Лидию Степановну с собой.

Копылов. Лидия Степановна, с удовольствием!

Лидия Степановна. Полно тебе, Лиза!

Лиза. У них там школа, в которой Лидия Степановна училась, юбилей празднует. По радио объявляли. Всех, кто ее окончил, приглашают. Так сказать, бал-юбилей.

Копылов. Лидия Степановна!

Лидия Степановна. Нет-нет, не могу, Алексей Васильевич, дела. Дома, да и на работе.

Лиза. Врет она, врет. Вчера мне тут все о школе-то своей рассказывала. Загорелась как. И мальчик у нее там был. Максимом звали. И видеть-то всех хочется.

Лидия Степановна. Перестань, Лиза.

Копылов. А что! Катнем вместе, Лидия Степановна?

Лиза. «Катнем»! На что она катанет-то, откуда у нее такие деньжищи? Мы уж с ней считали, двести пятьдесят два рубля надо — это полтора месяца зарплаты вынь да положь.

Копылов. Лидия Степановна, так я могу...

Лидия Степановна. И не думайте, Алексей Васильевич! Как тебе не стыдно, Лиза!

Лиза. Да от его тысяч все равно что воробью от краюхи. Ведь он их там в такую трубу пустит.

Лидия Степановна. Лиза, как тебе не стыдно!

Копылов. Это ведь точно, Лидия Степановна... Нате, я с превеликим... *(Отсчитывает деньги.)*

Лидия Степановна. Алексей Васильевич, я ваших денег взять не могу.

Лиза. Да возьмите вы! Может, его за эти самые двести пятьдесят, как за ту луковку, в рай вытянут.

Копылов *(кладет деньги на полочку у окошечка)*. Лидия Степановна, от самого чистого сердца и с удовольствием. Прошу! Может, ваши-то васильки цветут еще там. Гульните. Леший с ними, с деньгами-то! Дерьма-то! *(Быстро вышел.)*

Лидия Степановна. В какое ты положение меня поставила, Лиза! Это просто отвратительно. Как нищая какая! *(Схватила деньги и, накинув на голову платок, бросилась за ним вдогонку.)*

Слышно, как заревела вьюга. Лиза закрывает окошечко, убирает бумаги. Возвращается Лидия Степановна.

Не догнала, исчез. И вьюга-то какая!

Лиза. Поезжайте, душечка Лидия Степановна, поезжайте! Да не будьте вы такой щепетильной. Ему ведь приятно. Доставьте вы человеку удовольствие.

Лидия Степановна. Поехать?

Лиза. Крему мне для лица там в Москве купите. Говорят, такой крем есть...

Лидия Степановна. Нехорошо как получилось... Даже спасибо не сказала.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Квартира Пуховых в Москве. За окном московская золотая осень. Евгений Павлович и его сын Тимофей заняты приготовлением к юбилейному вечеру. Тимофей гладит брюки. Евгений Павлович укладывает в чемодан и рюкзак продукты и посуду.

Евгений Павлович. Чуть не забыл открывашку для консервов, достань, пожалуйста.

Тимофей достает из ящика буфета консервный ключ.

А вилки-то, вилки!

Тимофей. Сколько штук?

Евгений Павлович. Сколько? Это, Тема, вопрос... Кончило нас двадцать шесть человек. *(Задумался.)*

Тимофей отсчитывает вилки.

Андреянова, Саню Перцова, Адамова, Шурочку, Дубова, Перевалова Колю, Машеньку — семерых, значит, убило.

Тимофей отсчитал семь вилок и бросил обратно в ящик.

Леонидов Костя в Египте.

Еще одна вилка летит в ящик.

Сережа Усов пропал куда-то.

Тимофей *(вертя в руках вилку)*. Брать или нет?

Евгений Павлович. Не знаю.

Вилка летит в ящик.

Ну, нашей с тобой мамы нет.

Тимофей тихо кладет одну вилку обратно, наклонился над ящиком.

Тема, Тема, Тема... Возьми, пожалуйста, штук двенадцать, больше, пожалуй, никак не будет, наверное, и того меньше. И ножи не забудь.

Тимофей передает приборы отцу.

Хочу пойти немного пораньше, приготовлю. Ты помоги чемодан взять.

Тимофей. Вы в кабинете естествознания?

Евгений Павлович. Да.

Тимофей. Оставь, я чуть попозже поднесу.

Евгений Павлович. Сговорился с кем?

Тимофей. Наши зайдут.

Евгений Павлович. Кто?

Тимофей. Игорь, Николай, Алла... Инна.

Евгений Павлович. Она куда-нибудь устроилась?

Тимофей. В киноинститут попала.

Евгений Павлович. Вон как... Ей, пожалуй, в актрисы идти самое дело.

Тимофей. Сорок человек на место было, а она прошла.

Евгений Павлович. Может, какое знакомство имелось?

Тимофей. Таланта не допускаешь?

Евгений Павлович. Почему же!

Пауза.

Т и м о ф е й. Папа, это, конечно, не по-современному. Тебе вообще, может быть, нет дела. Но я хочу жениться на Инне.

Е в г е н и й П а в л о в и ч *(помолчав)*. Меня это действительно касается только косвенно, но если ты сам заговорил... одним словом, я бы не советовал.

Т и м о ф е й. Не сейчас, разумеется, после окончания института. Но я хочу ей сегодня об этом сказать.

Е в г е н и й П а в л о в и ч. Ты спрашиваешь совета или информируешь?

Т и м о ф е й. Ты как считаешь?

Е в г е н и й П а в л о в и ч. Она плохая девочка, Тимофей.

Т и м о ф е й. Инна?

Е в г е н и й П а в л о в и ч. Да. Я вел вашу группу с пятого класса и, думаю, знаю каждого вдоль и поперек; кажется, могу угадать, что из кого получится.

Пауза. Каждый занят своим делом.

Т и м о ф е й. А я знаю ее с первого класса.

Е в г е н и й П а в л о в и ч. Ты судья необъективный.

Т и м о ф е й. Ты тоже.

Е в г е н и й П а в л о в и ч. Не возражаю. *(Берет рюкзак, собирается уходить.)*

Т и м о ф е й. Кстати. Инна маме нравилась.

Е в г е н и й П а в л о в и ч. Мама была добрый человек.

Т и м о ф е й. А ты?

Е в г е н и й П а в л о в и ч. Я, вероятно, нет. По скольку вы складываетесь?

Т и м о ф е й. По пяти рублей.

Е в г е н и й П а в л о в и ч. У тебя есть?

Т и м о ф е й *(показывая деньги)*. Да, ровно пятерка осталась.

Е в г е н и й П а в л о в и ч. А я все истратил. Хотел большой торт купить...

Звонок. Тимофей открывает двери. Возвращается с И г о р е м и И н н о й. Инна одета восхитительно. Собственно, платье недорогое, но выглядит на ней нарядным. Белые перчатки по ло-

коть придают ей особенно элегантный вид. Игорь тоже наряден. Они сверкающие, радостные. Здороваются с Евгением Павловичем.

(Ответив на приветствие.) Вы, Инна, оказывается, в кинематографический институт попали?

И н н а. Да, во ВГИК. Сама не верю.

Е в г е н и й П а в л о в и ч. Поздравляю.

И н н а. Спасибо.

Е в г е н и й П а в л о в и ч. Я всегда считал, вы прирожденная артистка.

И н н а. Я тоже мечтала, только признаться боялась.

Т и м о ф е й. Я принесу чемодан, папа.

Е в г е н и й П а в л о в и ч *(беря рюкзак)*. Ну, не прощаемся.

И г о р ь. Мы и рюкзак можем принести.

Е в г е н и й П а в л о в и ч. Нет, спасибо, это необходимо сейчас. *(Уходит.)*

И г о р ь. Ребятки, вы слышали? Наши переиграли, решили по десятке скинуться.

И н н а. С ума сошли! У меня вообще только трешка.

И г о р ь. Я сам еле пятерку у своих выморщил. У тебя нет, Тем?

Т и м о ф е й. Ни копейки. Папа все на своих потратил. У них из других городов едут.

И г о р ь. Что-то надо сообразить. *(Увидел копилку, стоящую на столе.)* В копилке нет?

Т и м о ф е й. Поставь, не надо.

И г о р ь *(трясет копилку)*. Слушай, жмот, тут не только бренчат, тут шуршит.

Т и м о ф е й. Оставь. Погоди, я сейчас к Чибисовым сбегаю, займу.

И г о р ь *(вслед Тимофею)*. От меня привет!

Т и м о ф е й ушел.

Ты конфетка!

И н н а. Нравится?

И г о р ь. Весьма.

И н н а. Эти перчатки делают погоду.

И г о р ь *(заводит магнитофон, с которым пришел. Современный танец)*. Репетнем?

Игорь и Инна танцуют. Игорь хочет поцеловать Инну, та отстраняется.

И н н а. Ну не лезь.

И г о р ь. Что это ты?

И н н а. Ничего... Танцуешь ты классно. Пойди в ансамбль, все равно пролетел, возьмут в солдаты.

И г о р ь. Всех не примешь, кого-то надо было завалить.

И н н а. Несчастненький.

И г о р ь. Я тебя месяц не видел.

И н н а. Некогда.

И г о р ь. Я все знаю.

И н н а. Что?

И г о р ь. Все.

И н н а. Ну и что?

И г о р ь. Ты его сегодня на вечер позвала.

И н н а. Да, обещал прийти.

И г о р ь. Сильна! *(Снова хочет ее поцеловать.)*

И н н а. Я тебе сказала!

И г о р ь. Почему же?

И н н а. У меня к тебе все прошло. Если хочешь, сохраним хорошие отношения, нет — отваливай.

И г о р ь. Ему пятьдесят три.

И н н а. Навел справки?

И г о р ь. В энциклопедии вычитал.

И н н а *(восхищенно)*. О нем в энциклопедии есть?

И г о р ь. А как же.

Продолжают танцевать.

Инна, но ведь мы... *(Опять хочет ее поцеловать.)*

И н н а *(бьет его по рукам)*. Я сказала!

И г о р ь. Карьеру делаешь?

И н н а. Будешь хамить — по носу съезжу. Покажи еще раз последнее па.

Игорь. Давай. *(Показывает движение.)*

Снова танцуют. Возвращается Тимофей.

Тимофей. У них одна бабушка.

Игорь. Ну и что?

Тимофей. Я спросил, не может ли одолжить, а она стала рассказывать, какой у нее радикулит разыгрался, куда стреляет, где ломит, чем натирает. Это значит — денег давать не собирается.

Игорь. А ты бы поахал, поохал, совет дал! В Загорске, мол, вода такая есть, как рукой снимает.

Тимофей. Пойди попробуй.

Игорь. Учись. *(Ушел.)*

Инна. Почему из копилки не достанешь? Мы бы тебе отдали.

Тимофей. Это мама собирала... Говорила — когда мне исполнится двадцать... шутила, конечно. Так, вроде игры было... Ты умопомрачительна.

Инна. Игорь примерно так же выразился.

Тимофей. Сама это чувствуешь?

Инна. Темка, сейчас иду, все на меня шеи сворачивают, даже бабы.

Тимофей. Еще бы!

Инна. А мне кажется, я не иду, а плыву по воздуху, и такое чувство, как будто все кругом сказка. И дома сказка, и люди сказка, и машины мчатся в какой-то нереальности. Ты знаешь, день ото дня жизнь как-то разворачивается. Ведь была та же самая, но как-то не видела, не замечала. Слушай, получится из меня артистка?

Тимофей. Обязательно.

Инна. А, ничего ты не понимаешь! Все думают — я вертушка, я пустышка, я ничто. А если мне доведется сказать, я такое скажу! У меня, Тема, есть что сказать. Я такое, Тема, в жизни видела, такое! Только никому никогда не говорила. Я много про жизнь знаю. *(Вдруг.)* А главное — она сказка!

Тимофей. Вон у нас соседка: пятеро детей, муж пьяница, от корыта не отлезает. Ей сказка!

Инна *(кричит весело)*. И ей, должно быть, сказка! Всем! Я никогда, Темка, в жизни ничего не боялась. Только когда маленькая

была. И не боюсь. И не буду бояться! Ты знаешь, я напролом буду идти. И мне везет. Мне будет везти, я знаю. У тебя поет внутри?

Тимофей. Что поет?

Инна. Что-то. Ты умный, Темка, у тебя должно петь. Слушай, ты почему биофак выбрал? Была идея?

Тимофей. Скорее, чувство.

Инна. Ну?!

Тимофей. Когда мы узнали, что с мамой, я не мог понять: она ходит, смеется, накрывает на стол, ни о чем не догадывается, а мы знаем — она скоро исчезнет совсем. И ничто не может остановить. Я чувствовал абсолютное бессилие, как у дикаря перед природой. Понимание своего пигмейства. И я буду искать этого губителя моей матери...

Инна. Темка, ты найдешь! Именно тебе поставят золотую статую!

Тимофей. Можно я тебя поцелую?

Инна *(сморщившись)*. Не надо.

Тимофей *(не слушая и не замечая)*. Можно? *(Берет Инну за руку, притягивает к себе.)* Можно?

Инна. Ну ладно... Ой, какая же я дрянь!

Тимофей. Ты чудесная.

Целуются. Возвращается Игорь.

Быстро она тебе про радикулит высказалась.

Игорь. Во-первых, не так быстро, это тебе показалось. А во-вторых, она о спазмах сосудов головного мозга поведала — заслушаешься!

Инна. Подождите, я к Алле сбегаю,— может быть, повезет. Тут близко, я мигом. *(Уходит.)*

Тимофей. Ты целовался с девчонками?

Игорь. Само собой.

Тимофей. А я в первый раз.

Игорь. Неподнятая, значит, целина. Поздравляю с первой бороздой. Предупреждаю, Тимофей, Инка довольно поганая девчонка.

Тимофей. Будет тебе!

Игорь. Говорю, что знаю. По глазам ангел, по нутру черт.

Тимофей. Психолог.

Игорь. По дружбе говорю — не влипай. Ты дурашливый. Всерьез принимаешь то, что всерьез принимать нельзя. Ну, одним словом, наколешься.

Тимофей. Она любит меня.

Игорь. Да что ты! Объявила?

Тимофей. Ты же видел.

Игорь. Что?

Тимофей. Когда вошел.

Игорь. О господи, что значит позднее развитие! Ты всерьез? Тема, брось. Это я тебе первое, что говорю. Брось, вырви, зарежь, разбей, уничтожь, вытопчи.

Тимофей. Почему?

Игорь. Ой-ой-ой-ой! Это надо же! В церковь сходи, помолись, окрестись!

Тимофей. Почему креститься? Что я, не знаю Инну?

Игорь. Именно тебе она больше всех не подходит.

Тимофей. Почему?

Игорь. Потому что она свободная.

Тимофей. То есть?

Игорь. А у тебя принципы.

Тимофей. И что?

Игорь. Неконтактно получится. Никаких гарантий. Даже если замуж за тебя выйдет — что хочешь вытворять будет. В любой день убежит. Куда глаз глянет, туда и помчится. Нет у нее таких концов, за которые держать можно. Вон на Аллу с Николаем посмотри. Алла так на положение Пенелопы и метит, если Николая в армию возьмут. А Инна...

Тимофей. Я сам буду говорить с ней.

Игорь. «Нет» отрежет, это я тебе гарантирую. Думаешь, она в киноинститут так попала? Сверхталант? Туда без блата носу не просунешь. Она с Алексеем Алексеевичем познакомилась.

Тимофей. С каким Алексеем Алексеевичем?

Игорь. С Каменевым. Народным-перенародным и двадцать раз лауреатом...

Тимофей. Ну и что?

Игорь. Она сначала мне сама рассказывала. На улице изловила. Бежала за ним до самого его дома. Он ей сперва брысь говорил, а потом, видать, сам рот разинул. Киношники, знаешь, какой народ? Он сегодня на вечер явится, она его пригласила. Притащится на коротком поводке. Теперь понял?

Тимофей. Что?

Игорь. Не дошло?

Тимофей. Инна не пойдет на это.

Игорь. Побежит. Артистки, говорят, чтобы роль получить...

Тимофей. Брось ты!

Игорь. Что мы ей? А от него удовольствий куча: и лестно, и карьера движется, и в ресторан высшего класса. Денег-то у него курочки не клюют. С этим Алексеем Алексеевичем я обязательно покалякаю. Одно дело мы с тобой, а ему пятьдесят три, я в энциклопедии вычитал. Это же подлость. Это же, знаешь, ни в какие ворота не лезет... Слушай, давай вместе дадим ему разговорчик!

Входят Алла, Инна, Николай. Алла и Николай тоже нарядные и счастливые.

Инна. Это надо же, как не везет! Одни не дают из жадности, другие с воспитательной целью, у третьих нет. Что делать, ребята?

Игорь. Не достала?

Алла. И у нас, как назло...

Николай. Мои в Крыму. Я на жестком пайке у тетки.

Тимофей. Достанем. *(Берет копилку.)* Что-нибудь в ней да имеется. *(С размаху бьет ее о край стола.)*

Копилка разбивается, деньги — мелочь и бумажки — разлетаются в стороны. Все, кроме Тимофея и Игоря, наклонились, подбирают.

Инна. Мальчики, тут рублей сто!

Инна, Алла, Николай, размахивая деньгами, скачут, кричат с радостью: «Ура!»

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Еще прежде чем откроется занавес, звучит знаменитый «Школьный вальс».

Голос по радио *(объявляет)*. Выпускник тысяча девятьсот тридцать пятого года гвардии генерал-лейтенант Иван Полозов.

Медленно раздвигается занавес.

(Громко.) Выпускники тысяча девятьсот сорок восьмого года лауреаты Государственной премии Ирина и Геннадий Калиткины. Поясняю для подруг Ирины — девичья фамилия Филатова.

Занавес открыт. Сцена совершенно свободна от декораций, только паркетный пол, на котором кружатся пары. Это люди всех возрастов в форменной и штатской одежде. Может быть, по мере того как голос по радио объявляет прибывающих, они входят в круг.

(Громко.) Член-корреспондент Академии медицинских наук, выпускник тысяча девятьсот тридцать первого года Постников Константин.

Вальс.

(Продолжает). Тараканов Илья, профессор химии, выпускник тысяча десятьсот сорок первого года. Повторяю объявление: «Выпускники двадцатых годов размещаются в классах первого этажа, выпускники тридцатых годов — в классах второго этажа, выпускники сороковых годов — в классах третьего этажа, выпускники пятидесятых годов — в классах четвертого этажа и, наконец, выпускники шестидесятых годов — на пятом этаже.

Немного в стороне от вальсирующих стоят двое пожилых мужчин, очевидно, самые первые выпускники этой школы, смотрят на нарядных, кружащихся в вальсе людей.

Первый. Как из заграничной кинокартины.

Второй. Красиво.

Первый. А помнишь, в наши-то годы за ленты-то да за галстук товарищеский суд в этой же самой школе, в этом же зале?

Второй. Да-да. Помню, Таню Преображенскую... Ты помнишь Таню?

Первый. А как же. Чистенькая такая, нежная, глазки темные.

Второй. Глаза у нее голубые были.

Первый. Карие, я помню.

Второй. Голубые, тебе говорят. Я уж как-нибудь не забыл. Доктор она потом была. В войну убило.

Первый. Убило? Да что ты! Татьяну-то! Надо же.

Второй. Под Вязьмой в сорок первом. При ихнем прорыве. Я не об этом. Помнишь, я говорю, как ее судили за то, что на вечер «Памяти Девятого Января» в шелковых чулках пришла?

Первый. Вроде припоминаю.

Второй. Не помнишь. Йод принимай по пяти капель, запивай молоком.

Первый. Эксперимент тогда был.

Второй. И вот, представь себе, в те бы годы такие нарядные? Что было бы?

Первый *(тихо)*. Всех бы к стенке и из пулемета.

Второй. Точно. Посмотри, молодые-то как птички райские.

Первый. Хороши!

Второй. Переливаются...

Первый. Пойдем по классам походим, вспомним.

Второй. Пойдем... Слушай, у тебя нет такого странного ощущения, будто той жизни не было, а так — во сне снилось?

Первый. Представь себе, есть. По школьной лестнице стал подниматься, дрожь какую-то почувствовал.

Идут, разговаривают на ходу.

Второй. Ты, значит, как после войны в Рыбинске обосновался, так и сидишь?

Первый. Да, элеватором ведаю.

Второй. На пенсию, значит, не захотел?

Первый. Боюсь.

Второй. А я капитулировал, в прошлом году вышел.

Уходят.

Постепенно гаснет свет. Исчезают танцующие.

Голос по радио. Полярный летчик, выпускник тысяча девятьсот шестьдесят первого года...

Когда вновь зажигается свет, мы видим класс школы. Это кабинет естествознания в своем девственном школьном порядке. На подоконниках цветы и аквариум, на стенах наглядные пособия; над грифельной доской маленький государственный флажок с серпом и молотом в углу, в желобе мел и тряпка. На шкафу чучела птиц, а в углу на постаменте человеческий скелет.
Музыка доносится издалека. Голос по радио также звучит еле слышно. С рюкзаком входит Евгений Пухов, с ним — Павел Козин.

Козин. Значит, Женя, ты тут хозяин.
Пухов. Хозяин не хозяин, во всяком случае — дома.
Козин. Да, лучше школы ничего не придумаешь. Потом такая болтанка начинается.

Пухов расстилает на столе скатерть, ставит приборы, а позднее налаживает проекционный фонарь.
В дверь просовывается голова женщины с невероятной прической.

Женщина. Сорок четвертый здесь?
Козин. Тут сорок первый.
Женщина. Извините. (*Скрылась.*)
Козин. Наших много пришло?
Пухов. Видел Лидочку Белову, она из Якутии приехала. Тараканов здесь...
Козин. Это я по радио слышал, объявляли нашего туза козырного. Слушай, а все-таки это свинство: одних объявляют, а другие в двери валом валят, а об них ни слова, точно это мухи.
Пухов. Те особо выдающиеся.

Козин. Равенства нигде нет, вот что, Женя.

Пухов. Ну, хочешь, я пойду попрошу— тебя объявят.

Козин. Леший с ним, я вообще заметил.

Пухов. Шабина Агния здесь с Александром.

Козин. Слушай, я ведь и не знал: она Сергея-то Усова бросила. Что там вышло? Сашка с Сережкой какие друзья были! Маркс и Энгельс! Как это Агния переменяла?

Пухов. Не знаю, и в такие дела вмешиваться я не люблю.

Козин. Сережка же мировой парень был, блеск! Один раз мы с ним, правда, лихо подрались, но все равно замечательный парень. Сашка-то против него хиляк. Помнишь, все от меня бегал, боялся.

Пухов. Бил ты его.

Козин *(смеется)*. Верно. Не люблю жидких. Но, видишь, не зря старался. Дурь выбил, вот какой ученый получился! А Сергея тут нет?

Пухов. Нет.

Козин. Он-то где?

Пухов. Не знаю, потерял из виду. Кончил строительный...

Козин. А-а-а, все ясно! Особо не отличился. Агния с головой, сообразила, переиграла мужика на деньги. Бабы! В чем-то они умны, в чем-то дуры. Верно? Жинка все упаковывала?

Пухов. Валя семь месяцев тому назад умерла.

Козин *(опешив)*. Тю!.. Что ты!.. Я и не знал... *(Начинает помогать Пухову сервировать стол.)* Ай, Валюшка, Валюшка, прыгала, чирикала, и на тебе. Что же это она кончики-то раньше времени отдала?

Пухов. Рак. Как в воздухе, знаешь, растаяла. *(Голос его дрогнул.)*

Козин *(с ужасом)*. Рак! В таком-то возрасте. Понимаешь, эти ученые что-то там мудруют: ракеты, планеты! А обыкновенного массового заболевания лечить не могут. Тут рак, там рак, ходишь, понимаешь, как по жердочке.

В дверь заглядывает Ольга Носова.

Ольга. Сорок первый? Ой, товарищи! *(Входит, здоровается. Она тоже нарядная, причесанная.)* Пушок, это ты? Здравствуй!

Пухов. Здравствуй, Оля!

Ольга. Ай-яй-яй, куда волосы дел?

Пухов. Надоели, выбросил.

Обнимаются.

Козин. Носова, привет!

Ольга *(идя ему навстречу)*. Здравствуй, Андреянов!

Козин. Тьфу тебя, Андреянов умер давно, я — Козин.

Ольга. Павлик! Ведь это надо же!

Козин. Колобок-колобок, кто тебя съел? Ты, мать, больно худа стала.

Ольга. Диета. В три смены. Говорят, худые дольше живут.

Козин. Ну, пока толстый сохнет, худой сдохнет.

Пухов. Ты где живешь, кем работаешь?

Ольга. Текстильщица. В Иванове — сменный мастер, фабричный люд!.. Рюмочки, бутылочки, класс! Ой, как хорошо! Люблю я вас, мальчики! *(Обняла обоих.)*

Открывается дверь, заглядывают молодые мордашки.

Девочка. Скажите, пожалуйста... Ой, здесь старички! *(Скрылась.)*

Ольга. Вот гадюки!

Пухов. Увы!

Козин. Я в Серпухове овощной базой заведую.

Ольга. Не боишься? У вас в торговой сети, говорят, чуть оплошал — за решетку.

Козин *(смеется)*. Ничего, круговую оборону держим.

Входят Тимофей и Игорь. Они вносят чемодан. Здороваются.

Пухов. Это мой сын Тимофей, его приятель Игорь.

Ольга. Сын!

Козин. Вона! Слушай, Женя, откровенно говоря, ты — это не ты, а вот он — это ты.

Ольга. Вылитый!

Тимофей. Папа, тебе нужны были деньги. *(Отдает деньги.)*

Пухов. Откуда раздобыл?

Игорь. Мы достали.

Тимофей. Я из копилки взял.
Пухов. Зачем же?
Тимофей. Надо было.
Пухов. Что с тобой?
Тимофей. Что? Все нормально.
Козин. Носова, приглашаю на тур вальса.
Ольга. Была не была! Пушок, айда с нами.
Пухов. Сейчас.

Ольга Носова и Павел Козин ушли.

Что-нибудь случилось, Тимофей?
Тимофей. Все нормально!
Пухов. Не хочешь говорить?
Тимофей. Не хочу.
Пухов. Только одно помни. О своей чести. Не урони ее. Ни при каких обстоятельствах. Постарайся. И еще: мы с тобой только двое — ты и я... я и ты... Подойди-ка сюда.

Тимофей подходит.

(Поправляет ему воротник.) Криво сидит.
Тимофей. Спасибо.

Евгений Пухов уходит.

Игорь. У родителей нос, я тебе скажу! — за версту паленое чувствуют.

Входит Сергей Усов.

Сергей. Здесь переиграли.
Игорь. Что?
Сергей. Сорок первый должен быть.
Игорь. Да. Мы ретируемся. *(Идет к двери.)*
Сергей. Ребята, тут в школе струнный оркестр еще существует?
Игорь. В совершенно захудалом виде, но есть. У нас в нем самые отстающие подвизаются.
Сергей. Да ну! Переменились интересы общества. Послушайте, вы тут, я вижу, свои люди, раздобудьте гитарку.

Игорь (*показывая на Тимофея*). Вот он у отца ключ может попросить.

Сергей. Твой папа этим делом заведует?

Игорь. Нет, его отец учитель математики.

Сергей. Математики. Не Пухов ли, случаем?

Игорь. Именно.

Сергей. Тимофей?

Тимофей. Да.

Сергей. Ах, Тема, Тема, вот ты какой получился... У тебя синий самокат в детстве был?

Тимофей. Был.

Сергей. Ну вот, ради этого самоката добудь гитару, только отцу не говори, что тому, кто про самокат вспомнил.

Тимофей. Хорошо.

Голос по радио. Дорогие друзья! У микрофона представитель отдела народного образования Петр Васильевич Кукушкин.

Кашель. В микрофон слышно, как Кукушкин пьет воду.

Сергей. Идите проверните операцию. Речь я вам потом перескажу своими словами.

Ребята уходят.

Голос Кукушкина. Дорогие товарищи! Мне выпала приятная обязанность поздравить бывших славных учеников нашей славной и передовой школы...

Сергей в это время разглядывает класс. Входит Лидия Белова. Голос по радио затихает.

Лида. Сорок первый здесь?

Сергей. Вы сорок первый?

Лида. Да.

Сергей. Я тоже.

Всматриваются друг в друга.

Лида. Усов? Сережа?

Сергей. Сережа.

Л и д а. А меня не узнаете?

С е р г е й *(смущен)*. Честно признаюсь, нет.

Л и д а. Лида я, Белова.

С е р г е й. Лида! Лидочка! Ай-яй-яй, как нас время перерисовало.

Л и д а. Нет, вы не очень изменились.

С е р г е й. Теперь переходи на «ты», Лидочка.

Здороваются.

Л и д а. А Агния где?

С е р г е й. Агния? Здесь.

Л и д а. Как она?

С е р г е й. Танцует в общем зале.

Л и д а. Все хорошо?

С е р г е й. По-моему, чудесно.

Л и д а. Да-да, я ее статьи читаю. Прекрасно пишет! Я, конечно, в этом деле не специалист, но, по-моему, просто замечательно!

С е р г е й. Здорово пишет.

Л и д а. Дети есть?

С е р г е й. Лидочка, мы давным-давно разошлись.

Л и д а. Да что ты! Сережа, прости... Почему же ты ее оставил?

С е р г е й. Лидочка, она — меня.

Л и д а. Выдумываешь!

Сергей разводит руками.

За другого вышла?

С е р г е й. Именно. За Сашу Машкова.

Л и д а. За Сашу? Вы же такие друзья были...

С е р г е й. У бога всего много.

Л и д а. Как же так?..

С е р г е й. Вот этак.

Л и д а. Извини, пожалуйста.

С е р г е й. Ничего-ничего, я уже давно очухался.

Л и д а. Сейчас-то ты ее видел?

С е р г е й. Издали.

Л и д а. Не хочешь подходить?

С е р г е й. Хочу подойти.

Лида. Ты кем работаешь, где?

Сергей. Во Владивостоке, капитан дальнего плавания.

Лида. Смотри, а мне говорили — в строительном учился.

Сергей. Переменил.

Лида. Капитан тебе больше идет.

Сергей. Похож?

Лида. А я в Якутии, в сберкассе работаю. Муж счетовод. Двое детей, мальчики. Димке всего семь, а старшему шестнадцать, Юрий... В общем, ничего особенного не представляю.

Сергей. Двое детей! Муж! Якутия! И ей все мало! Ох, люди, люди!.. И не стыдно? Завидущая!

Смеются

Входит Игорь, передает Сергею гитару.

Игорь. Только верните, пожалуйста.

Сергей. Украду, имей в виду.

Игорь уходит.

Голос Кукушкина по радио. Я заканчиваю. Еще раз от имени городского отдела народного образования поздравляю дорогих юбиляров с вашим замечательным праздником. Желаю успехов в труде на благо нашей Родины и счастья в личной жизни.

Другой голос. А сейчас вы услышите вот что.

Раздается длительный школьный звонок.

Прошу не опаздывать в классы! Прошу не опаздывать в классы!

Мы слышим, как все этажи предполагаемого здания школы наполняются людским гулом.

Лида *(слушая)*. Изумительно!

Сергей. Лидочка, что я здесь — не говори пока, храни тайну вклада. *(Ушел.)*

Почти сразу же появляется Евгений Пухов.

Пухов. Лида! Ты уже здесь. Наливаем.

Пухов и Лида разливают вино в рюмки. Входят Агния Шабина *с* Александром Машковым, Илья Тараканов, Павел Козин, Ольга Носова.

Пухов. Друзья! Садитесь, пожалуйста.

Тараканов. Слушайте, я хочу сесть на то место, где раньше сиживал.

Голоса. И я, и я!

Все ищут свои места, рассаживаются за парты.

Пухов *(взяв мел)*. Заношу в журнал всех, кто явился. *(Пишет на доске имена и фамилии присутствующих.)*

Лида. Нет, ты не здесь был, тут Максим сидел.

Козин. Какой Максим?

Лида. Петров.

Козин. А-а-а... да-да...

Александр. Славный парень был. Помните, какие на брусьях колена выкидывал?

Лида. Где он, никто не знает?

Тараканов. Лично я понятия не имею.

Козин. Саша, ты на Сережино место уселся. *(Хохочет.)*

Неловкое молчание.

Ольга. До чего же ты, Павлик, цельной натурой сохранился.

Агния. Девочки, положа руку на сердце, кто из вас не бегал за Сережей? Я и выскочила за него всем вам назло: вот, мол, я какая! Такие выходки даром не проходят.

Ольга. Неужели не любила?

Агния. Что ты! Без ума была. *(Смеется.)* Вот именно без ума.

Козин. Теперь поумнела?

Агния. Возраст, Павлик, обязывает.

Александр. Кстати, Павел, ты путаешь, я сидел именно здесь, а Сергей — вот тут *(показывает место рядом)*, у стенки.

Все молчат, поглядывая друг на друга.

Тараканов. Не густо нас.

Александр. Видимо, некоторые не знают.

Лида. По радио объявляли.

Ольга. С работы, может, не отпускают.

Пухов. Да, есть две телеграммы. *(Достает из кармана телеграммы.)* От Кости Леонидова. *(Читает.)* «Поздравляю, шлю горячий, африканский привет». Он в Египте, по электроделу работает. И еще. *(Читает.)* «Если вспомните, выпейте за меня. Петр». А какой Петр, не знаю. Кто-нибудь помнит?

Александр. У нас, по-моему, два Петра было.

Козин. Выпьем за Петра Первого и за Петра Второго.

Пухов. Товарищи, я приготовил маленький сюрприз. Паша, выключи свет.

Козин выключает свет. На белой стене вспыхивает чуть потертая фотография— школьники в пионерских галстуках. Они расположились, так, как обычно рассаживает фотограф, снимая группу.

Это мы в седьмом классе.

Большая пауза. И в темноте раздаются голоса.

Козин. Я вон на полу сижу слева.

Агния. Я около учительницы.

Александр. Как ее звали?

Тараканов. По-моему, Анна Владимировна.

Пухов. Маргарита Владимировна.

Ольга. Да-да!

Тараканов. Я сзади стою, крайний справа.

Ольга. Какая я смешная была.

Агния. Многих не помню.

Александр. И я.

Ольга. Что это за точки около некоторых?

Пухов. Это я отметил: кого на войне убили.

Лида. Женя, а кружочком кого обвел?

Пухов. Это Валя Кашина. Жена моя. Умерла.

Тараканов. А-а-а...

Пауза.

П у х о в. Включи, Павлик, свет.

Загорается свет. Все сидят молча, очевидно погруженные в раздумье.

Т а р а к а н о в. Интересно...

Л и д а. Какие мы были симпатичные.

За стенами комнаты воцаряется тишина.

Т а р а к а н о в. Тишина. *(Вставая, тихо.)* За тех, кого нет.

Л и д а *(вставая)*. За тех, кого нет.

О л ь г а *(вставая)*. За них.

Все молча пьют. Дверь открывается, робко входит ***М а к с и м.*** *Одет он прилично, но все же выделяется определенной скромностью своей одежды, особенно староватым ее фасоном. На пиджаке два ордена и три медали.*

М а к с и м. Здесь выпуск сорок первого года, товарищи? (*Стоит, растерянно на всех смотрит, не зная, что делать.)*

П у х о в. Вы какого года?

М а к с и м (*от волнения хрипло)*. Сорок первого. Петров я, Максим Иванович.

Л и д а *(почти с ужасом, тихо)*. Максим...

М а к с и м. Да. Я не хотел ехать, а потом думаю — ладно, хрен с ним, поеду с попутной. Я хороший костюм в чистку отдал, извините. Друзья все-таки, думаю...

П у х о в. Проходи, Максим, проходи. Ты где раньше сидел?

М а к с и м. Где? Черт его знает где. Забыл.

Л и д а. Вот здесь, по-моему. *(Показывая место позади себя.)*

М а к с и м. Мне, значит, туда?

П у х о в. Да.

Максим идет на свое место. Пухов пишет на доске фамилию Максима.

М а к с и м. Я немножко выпил. На грузовике ехал, боялся — просквозит в кузове.

Т а р а к а н о в. Мы тут тоже отметку сделали.

Максим. Это конечно. *(Лезет в карман.)* С меня сколько причитается?

Пухов. Потом, Максим, потом.

Максим. Ладно... *(Сел.)*

Агния. Кстати, товарищи, надо Жене собрать со всех.

Пухов. Успеется.

Ольга. Мы, Максим, за погибших выпили.

Пухов *(передавая Максиму рюмку с вином)*. Твоя.

Максим *(вдруг встал, вытянулся, громко)*. Вечная память погибшим за честь и независимость нашей Родины. *(Выпил, сел.)*

Большая пауза. Все сидят, смотрят друг на друга и не знают, о чем говорить.

Ольга. Вот мы и получились, ребятки.

Тараканов. Действительно. Впереди, может быть, новая работа, даже награды, звания, но, в общем, каждый из нас есть то, что есть.

Агния. Увы, правда.

Максим *(вдруг)*. «Не успели оглянуться, как зима катит в глаза...».

Козин. Тебе, Илья, пятерка за поведение.

Тараканов. Да, мне как-то посчастливилось.

Козин. Женя, слушай, поставь там против его фамилии пять, пусть красуется.

Тараканов. Ну что вы, что вы!..

Пухов. С удовольствием. *(Против фамилии Тараканова ставится цифра «пять».)*

Лида. Хорошо быть известным ученым, Илюша?

Тараканов. Известный ученый, Лида, чувствует себя грузовиком с прицепом. Иногда едешь на дачу, смотришь, как из карьера возят глину. Вот так и ты — целый день пыхтишь-пыхтишь...

Лида. Не сочиняй. Такая судьба!

Тараканов. По-моему, Лида, судьба — это твои руки, твой мозг, твоя воля и — если это не нарушает норм нравственности — твои зубы. Да-да, и зубы. Иногда так приходится кусаться...

Александр. Это верно.

Агния. Сиди уж ты, зубастый!

Л и д а. Агния и Саша тоже по пятерке заработали.

П у х о в. Не возражаю.

А л е к с а н д р. Ну, товарищи, глупая какая-то игра получается. Все живы, значит, всем пять, и никаких распрей!

О л ь г а. Не выдумывай, чего уж тут говорить! Всех нас в одной школе учили одни учителя, одни учебники зубрили, для всех одни и те же дни и годы были отпущены... Ты, Саша, для благородства хочешь. А по-честному? Могу ли я, к примеру, с Агнией вровень стать?

К о з и н. Лидия тоже не туза к десятке прикупила.

О л ь г а. Или Козин.

К о з и н. Что Козин! Я все-таки заведующий.

О л ь г а. Ты, Лидочка, согласна со мной?

Л и д а. Конечно.

М а к с и м *(перебивая)*. Лида? Белова?

Л и д а. Да.

М а к с и м *(долго смотрит на Лиду)*. Здравствуй.

Л и д а *(чувствуя неловкость)*. Здравствуй.

О л ь г а. О мертвых наших не говорю. У них у всех одна отметка — пять с крестом. А я могу похвастаться: на работе ценят, не из последних, но все равно больше как на три с плюсом не потяну. Зевала много, танцевала, в общем — грешила. Вот и поставь мне эту отметку, Женя.

К о з и н. Мне, надеюсь, против четверки возражать не будете? Все-таки заведующий.

Л и д а. Ох, а я еле-еле на тройку натягиваю.

А л е к с а н д р. Глупо, товарищи, глупо!

М а к с и м. Ничего не глупо! Что вы со мной-то стесняетесь? Мне прямо низший балл вкатывайте!

А л е к с а н д р. Почему? У тебя такие знаки отличия.

М а к с и м. Эти отметки мне за прошлые уроки выставили. *(Кричит.)* А теперь два, слышишь! Ставь два, ставь! *(Идет к доске, сам ставит себе жирную двойку. Возвращаясь на место, останавливается около Тараканова.)* Это ты... Ты кто?

Т а р а к а н о в. Я Илья Тараканов.

А г н и я. Профессор химии.

М а к с и м. Вы, товарищ Тараканов, правильно произнесли. Судьба твоя — твоя судьба. *(Ушел на место, сел.)*

Пауза.

А г н и я. Да, воля, упорство и каторжный труд — другого пути ни для кого не было, нет и не будет, если хочешь чего-то добиться и хотя бы кем-то стать.

М а к с и м. А Сережки Усова тут среди вас нет?

О л ь г а. Нет.

Т а р а к а н о в. Прекрасный парень был. Где он?

А г н и я. Как сквозь землю.

О л ь г а. Видимо, не задалось.

Т а р а к а н о в. Обидно. Честно говоря, мы, мальчишки, все на него походить хотели. И если я чего-то добился, до некоторой степени ему обязан. Он, так сказать, стимулировал.

А л е к с а н д р. Да-да.

К о з и н. Сергею только за то, что такую красавицу и знаменитую женщину не удержал, чистая двойка.

Открывается дверь, но никто не входит. Голос за дверью под аккомпанемент гитары поет какую-то песню конца тридцатых годов. Может быть, «Брось сердиться, Маша, ласково взгляни, жизнь прекрасна наша, солнечны все дни». Спокойно появляется могучая фигура широко улыбающегося С е р г е я У с о в а. *Каждый реагирует на его появление по-своему. И Лидочка, которая смеется, и Агния, которая вся насторожилась, и Александр, поднявшийся с места, и улыбающийся Тараканов, и, наконец, Максим, Ольга и Козин, восклицающие:*

О л ь г а. Сережа!

К о з и н. Сергей!

М а к с и м. Усов!

С е р г е й. А мне какую отметку поставите, судьи всего человечества?

К о з и н. Да ты кто теперь?

С е р г е й. Начальник строительства гидроэлектростанции на реке Или.

Ольга, Пухов, Козин *(вместе)*. Пять, пять, пять!

Возникает «Школьный вальс». Темнеет. Класс исчезает.

И снова множество кружащихся в танце людей.

Голос по радио. Внимание, внимание!

Вальс прекратился, танцующие остановились.

У микрофона старейшая учительница школы, бывшая заведующая учебной частью, всем вам знакомая...

Хриплый старушечий голос перебивает: «Ныне персональная пенсионерка...»

...заслуженная учительница республики Татьяна Андреевна Орлова.

Голос Орловой. Я не задержу вас долго, вам всем плясать и хвастать охота. Я вам раньше все самое главное сказала, и если уж не дошло тогда, теперь не дойдет бесспорно. Я рада вас видеть, во всяком случае, мне приятно видеть вас не в школьной форме мышиного и коричневого цвета, в которой вы и сейчас у меня в снах кошмарами мелькаете. В жизни нашей много прекрасного и, мягко выражаясь, вполне достаточно всякого безобразия. Раньше вы считали, что все недостатки жизни происходят от взрослых, а теперь получилось, что эти взрослые вы сами. Так что сваливать вам теперь уже не на кого, спрашивайте с себя. Что сделаете, то и будет. Понятно? Ну, танцуйте.

Аплодисменты. И вновь вальс. Он звучит тихо, но все же кружение не останавливается. На авансцене справа и слева — группы молодежи. Инна, Тимофей, Игорь, Алла, Николай, Федор, Катя.

Николай. Старуха того закала.
Тимофей. Инна, мне хочется поговорить с тобой.
Инна *(рассеянно)*. Сейчас... *(Не двигается.)*
Игорь *(Тимофею)*. Она Каменева ждет. Ты его когда-нибудь видел?

Т и м о ф е й. Только на фотографии.

И г о р ь. Сейчас осчастливит, наяву покажется.

К а т я. Ты во что веришь?

Н и к о л а й. В то, что дальше будет лучше и лучше.

А л л а. Я верю в смысл, в какой-то смысл.

Ф е д о р. Что значит в какой-то? Туманно.

Н и к о л а й. В идеальную организацию человечества на земле.

Ф е д о р. А дальше?

Н и к о л а й. Дальше я локализую свою мысль.

Ф е д о р. И это тебе удается? Счастливец!

И г о р ь *(Тимофею)*. Ты посмотри на нее — лопнет от нетерпения! У! Ненормальная!

Темнеет. Музыка тише.

Возникает часть раздевалки. Множество висящих плащей и летних пальто. А г н и я Ш а б и н а и О л ь г а Н о с о в а.

О л ь г а *(достает из кармана плаща сигареты)*. Ты не куришь?

А г н и я. Нет.

О л ь г а. Я тоже редко. Только когда выпью. Ну?.. *(Закуривает.)*

А г н и я. Он, Оля, совсем не тем оказался. Знаешь, цветок без завязи.

О л ь г а. Почему? Слыхала: начальник строительства.

А г н и я. Ты забыла этот его вечный треп особого рода, когда не поймешь, где сон, где явь.

О л ь г а. Думаешь, сочинил?

А г н и я. Уверена. Что я особенно ненавидела в нем, как это тебе ни покажется странным,— его веселость. Да-да! Понимаешь, такая жизнерадостность хороша в двадцать лет, ну в двадцать пять. Но когда-то должны начать проявляться и другие черты, более существенные и определенные для человека. А он, знаешь, все такой же. Учился — поет, институт закончил —поет. Проектирует какие-то железнодорожные сараи и уборные— и всем доволен. Его все устраивает. Является домой с непременным цветочком в руке, сует мне его к носу, целует, и все, предел мечтаний. А я, знаешь, не такая натура, с милым рая в шалаше я не признаю. Тараканов уже диссертацию защищает, Саша второй

патент на изобретение получил, а он — с цветочком, ему весело. Он обнимает Сашу и бегает в магазин за вином обмывать его успехи. А я? Ты знаешь, я никогда не считала себя посредственностью и, пожалуй, больше всего в жизни ненавижу эту серость, обыкновенность... Ты, конечно, не подумай принять на свой счет: ты работящая, дельная.

Ольга. Нет-нет, что ты!

Агния. Ни одна моя статья не идет, я сижу дома, как какая-нибудь домашняя хозяйка. А он все твердит: «Ты вумная! Вумная!» Зачем же я университет кончала? Он меня все время за руки держал, понимаешь?

Ольга. Частично. Ты его разлюбила.

Агния. Возненавидела.

Ольга. Ну, ненавидеть и я своего Леданова ненавижу, когда уж очень кочевряжится. Но люблю. Ненависть проходит, любовь возвращается, это житейское.

Агния. Тут глубже.

Ольга. Значит, разлюбила?

Агния. Понимаешь...

Ольга. Нет, Агния, ты не виляй. Разлюбила? А?

Агния молчит.

Разлюбила?

Агния не отвечает.

Ой-ой-ой-ой... Так что же ты сделала?!

Темнеет.

Возникают танцующие пары и знакомая нам молодежь на авансцене.

Алла. Я верю в бессмертие.

Федор. Твоих трудов или души?

Алла. Хотя бы тела. Оно распадается на тысячи тысяч частиц и перейдет в землю, воздух, растения, в пыль, в ящериц...

Николай *(перебивая)*. И через мириады миллионов лет вновь соберется в Аллочку Бокову. Хитра Алка! Готова ждать мириады миллионов, только бы не помереть окончательно.

А л л а. Но материя не исчезает.

Н и к о л а й. Зря тебе дали серебряную, прозевали идейную незрелость.

А л л а. А ты что считаешь?

Н и к о л а й. Увы! Я исчезну, и все. Будут другие, но я — безвозвратно.

Ф е д о р. Да, ты, Коля, неповторим.

Н и к о л а й. Именно.

Т и м о ф е й *(тихо)*. Инна, выйдем отсюда только на три минуты.

И н н а. Сейчас, сейчас... *(Не двигается.)*

И г о р ь. Хоть бы он не пришел. Получила бы по носу!

Снова темнеет.

Когда зажигается свет, мы видим часть школьного вестибюля. Около доски расписания уроков — Л и д а Б е л о в а и С е р г е й У с о в. В руках у Сергея гитара.

С е р г е й. Ну, я возвращаюсь домой, как всегда, со своим милым цветочком. Должен тебе сказать, Саша часто у нас бывал. В шахматы играли. Как раз я спешил — партию доиграть хотели... С одного маху двоих потерял. Знаешь, от этого такая пустота в душе сделалась, невосполнимая, околеть хотелось... Так вот вхожу я со своим дурацким цветочком — она цветы любила,— Александр с Агнией в комнате. Саша идет ко мне — я думал, умер кто — и в глаза мне, значит, как из огнемета выбросил: мы, говорит, с Агнией сейчас мужем и женой стали. Эта, знаешь, в сущности, нелепая фраза у меня в ушах на годы завязла. Поначалу иногда даже во время работы вылезала она из сознания, ужалит, и так нехорошо делалось, хоть беги куда. А уж не говорю — ночью. Зашевелится в ухе — прощай сон до утра... Я, значит, стою на пороге и еще продолжаю по инерции улыбаться. Их видеть-то для меня всегда радость была. У Агнии, гляжу, лицо вытянулось, совсем от ужаса чужим стало. Она от Саши, видимо, такой прямолинейности не ждала. А во мне внутри все как будто узлом завязалось. И лицо свело.. Чувствую, надо с лица улыбку-то согнать, даже уж неприлично вроде, и не могу. Дурак дураком стою. Чувство какого-то срама. Не за них, за себя, что стою тут при них. Стою и стою. Я ведь счастливый был, а счастливый человек — нежный, его чуть

царапни, он сразу караул кричит, больно. А тут прямо топором... Что смотришь?

Лида. Жутко.

Сергей. Видишь, выжил. Опять на гитаре играть люблю... Говорят, любовь сильнее смерти. Не знаю, может быть. Только жизнь, по-моему, сильнее любви. Может быть, оттого, что и сама любовь только часть жизни, не вся жизнь. Самое смешное, Лида,— в чем-то Агния права была, и в очень существенном. Я все пел, пел... *(Играет на гитаре, поет.)* «Письма я сожгла твои. Нежность, любовь, ласку...».

И вновь возникает вальс. На авансцене — та же молодежь.

Алла. В безвозвратной смерти человека есть что-то абсолютно бессмысленное.

Николай. Видимо.

Алла. Но в природе не может быть бессмыслицы.

Федор. А наш разговор сейчас?

Алла. И тогда все дозволено.

Федор. Конечно. Только не всем.

Алла. Нет, мне прежнее бессмертие больше нравится. Оно полагалось каждому человеку без разбора чина и звания.

Николай. Для теперешнего бессмертия надо трудиться.

Федор. Ага! Бессмертие как стимул повышения производительности труда!

Голос по радио. К нам в гости прибыл народный артист республики, лауреат Государственных премий Алексей Алексеевич Каменев.

Инна *(громко)*. Пришел!

Николай. Ого! Люблю его картины.

Алла. Да, замечательный режиссер.

Игорь *(Тимофею)*. Сейчас озарит.

На другом конце авансцены появляется Алексей Алексеевич Каменев. Он ищет кого-то глазами.

Инна. Вот я! *(Бегом через всю сцену бежит к нему.)*

Алексей Алексеевич. Съемки затянулись, невозможно было прервать.

Инна. Я сейчас стою... мальчишки бубнят, бубнят какие-то глупости, а у меня в голове только вы.

Алексей Алексеевич. Наверное, преувеличиваешь?

Инна. Идемте.

Алексей Алексеевич. Минутку. *(С любопытством смотрит вокруг.)* Картина! *(Инне, подавая руку.)* А ну!

Вошли в круг танцующих.

Темнеет. Когда зажигается свет, снова кабинет естествознания. В классе — Лида Белова и Максим Петров.

Максим. Муж хороший попался?

Лида. Хороший.

Максим. Это хорошо. А то и дурных много.

Лида. Хороший. А ты один?

Максим. Само собой. Моя от меня давно ушла. Я ей сам сказал: иди, говорю, пошарь в другом месте, тут чего ни сей — ничего не вырастет. Неплохая была. Долго со мной мучилась.

Лида. Лечился?

Максим. Все пробовал. И гипноз и антабус.

Лида. Ранен был?

Максим. Кабы! От Смоленска до Москвы задом, а потом до Берлина передом без одной царапины прошел. Везучий. И дисциплину умел держать — не то что взыскания, косого взгляда на себе не видел. И когда в Германию вошли — чтобы там какую тряпку взять или посуду, ни за какие.

Лида. Чего же?

Максим. Четыре года на все винты туго завинчен был. В сорок пятом вернулся, и пошло резьбу рвать. Тормоза отпустил, пошел юзом, а в магазине запчастей не продают... Мне казалось, будто я в ореоле каком — и цел, и в орденах, и герой! Безобразно вел себя. Думал, остаток жизни для веселья отпущен, а остаток-то всей жизнью оказался. К тридцати годам трехнулся — ай, батюшки! Другие, смотрю, все в люди выходят — кто в институт,

кто в высшие военные. Догонять бросился. А дистанцию-то уж не перекрыть. Бегу — не могу! В бутылку полез — в переносном и в буквальном смысле... Словом, хоть и не ранен, а инвалид Отечественной.

Л и д а. Я бы от тебя не ушла.

М а к с и м. Ушла бы. Такое только самые несчастные выдерживают.

Л и д а. Кто-то тебе по дороге не попался...

М а к с и м. Всех встречал.

Пауза.

Л и д а. Очень я тебя любила.

М а к с и м. И я тебя.

Л и д а. Знаю. Ты замечательный.

М а к с и м. Был разве.

Л и д а. И сейчас.

М а к с и м. Будет тебе!

Л и д а *(Максиму)*. Пойдем танцевать.

М а к с и м. Неловко.

Л и д а *(с жаром)*. Чего неловко? Кого неловко? *(Взяла Максима за руку и уводит.)*

Входят А г н и я Ш а б и н а и А л е к с а н д р М а ш к о в.

А г н и я. Налей, пожалуйста, воды.

А л е к с а н д р. Как ты себя чувствуешь?

А г н и я. Плохо.

Входит С е р г е й У с о в.

С е р г е й. Не мешаю?

А г н и я. Это не будуар, кому можешь мешать?

С е р г е й. Не скажи. Сейчас заглянул в класс пения, там какая-то парочка целуется.

А г н и я. Безобразие!

С е р г е й. Почему? Молоденькие. Я даже облизнулся.

А г н и я. Ты действительно начальник строительства?

С е р г е й. А что?

А л е к с а н д р. Я на минуту в буфет, минеральной воды куплю. Вам принести?

Сергей. Ты не исчезай совсем, поговорим... если не возражаешь.
Александр *(внутренне обрадованный).* Разумеется. *(Ушел.)*

Сергей взял гитару, играет, напевает.

Агния. А ты все веселый.
Сергей. На том держимся.
Агния. Надолго в Москву?
Сергей. С недельку еще поверчусь.
Агния. Это ты стоял в парадном?
Сергей. Я.
Агния. Так и думала. Почему не вошел?
Сергей. А черт его знает, какие тобой инстинкты движут. Пять раз по лестнице вверх-вниз, совсем решился, — тут кто-то вошел.
Агния. Это Саша.
Сергей. Я потом по голосу узнал.
Агния. И что?
Сергей. Струсил.
Агния. Глупо, Сережа.
Сергей. Ты железная.
Агния. Взял бы и вошел.
Сергей. Ты железная.
Агния. Стараюсь.
Сергей. Надо быть железным?
Агния. По-моему.
Сергей. А я не знаю.
Агния. Не стану с тобой спорить.
Сергей. Что ж не позвала, если догадалась?
Агния. Сейчас догадалась.
Сергей. Ты грозишь мне милицией, а я твой голос слушаю... Занятно, он у тебя такой твердый стал.
Агния. Черствею с возрастом.

Входит Павел Козин, хочет что-то сказать, но Сергей его перебивает.

Сергей. Павел, оставь нас на пять минут.
Козин. Понимаю и учитываю. (*Уходит.*)

А г н и я. Значит, начальник строительства?

С е р г е й. А тебе бы хотелось?

А г н и я. Сочинил? Я так и подумала. Кто же?

С е р г е й. Так... разное... Блуждаю.

А г н и я. Пора бы бросить якорь.

С е р г е й. А надо?

А г н и я. Человеку полагается с возрастом.

С е р г е й. Кто вынес такое постановление?

А г н и я. Время.

С е р г е й. Ты вумная. Ну как, довольна жизнью?

А г н и я. Вполне, Сережа.

С е р г е й. Всем довольна?

А г н и я. Это уже вопрос другой. Нет, не совсем, многое хочется сделать.

С е р г е й. Я твои работы читаю.

А г н и я. Да? Литературой интересуешься?

С е р г е й. И литературой. Но больше тобой.

А г н и я. Не нравится?

С е р г е й. Ты хорошо анализируешь, тонко, аргументированно, точно.

А г н и я. А что плохо?

С е р г е й. Я не специалист.

А г н и я. Ну, милый, мы все так привыкли к самой дубинообразной критике, выскажись, переживу.

С е р г е й. Привыкла?

А г н и я. Укатали сивку. Иные авторы до того обидчивы — жаловаться во всякие инстанции бегают.

С е р г е й. Глупые авторы.

А г н и я. Писатели — народ нежный, чувствительный. Ну?

С е р г е й. Ты стала значительно эрудированней, пишешь твердой рукой, точно.

А г н и я. Ты уже говорил слово «точно».

С е р г е й. Да?

А г н и я. Давай-давай то прилагательное.

С е р г е й. Ты не сердись.

А г н и я. Ну, напиши тогда ты обо всем. О чем угодно. Открой нам, грешным, глаза, просвети, изреки истину.

Сергей. Помнишь, как мы с тобой вместе обговаривали каждую статью, каждую мысль, каждое слово? Боялись сфальшивить. Как мы ненавидели тех, кто лжет. Мы даже не пытались отдать те работы в печать.

Агния. Если ты действительно следишь за моей скромной деятельностью, — они все появились, когда изменилось время.

Сергей. Да-да! И я обрадовался. И за тебя и за время. А потом...

Агния. Что — потом?

Сергей. В твоих статьях стали появляться не твои мысли.

Агния. Откуда ты можешь знать, чьи эти мысли?

Сергей. Не твои мысли.

Агния. Возможно, были ошибки.

Сергей *(сразу же, категорически)*. Нет.

Агния. Но и время производило некоторые колебания.

Сергей. Живая жизнь — она и шевелится. Зачем же на них так реагировать?

Агния. А тебе не приходило в голову, что я могла измениться за эти годы?

Сергей *(после паузы)*. Приходило.

Агния. Что я взрослела и стала многое понимать не по-юношески, не лобово.

Сергей. И я пришел к выводу, ты не переменилась.

Агния. Занятно!

Сергей. Не переменилась, Агния.

Агния. Была дрянь, ею и осталась?

Сергей. Как раз наоборот. Была умной, талантливой, все понимала ясно. Такая и сейчас. Разве еще умнее стала.

Агния. Слушай, Сережа, давай переведем разговор с коротких волн на длинные.

Сергей. Переводи.

Агния. Ты всегда был милым, веселым парнем, но... уж ты извини меня за резкость... из тебя ничего не вышло.

Сергей. А что из меня должно было выйти?

Агния. Не притворяйся. Человеческая личность когда-нибудь должна состояться. Если, конечно, это личность. Ты кем сейчас работаешь?

С е р г е й. Ветеринаром.

А г н и я. Хорошо, можешь не говорить.

С е р г е й. Агрономом.

А г н и я. Я желала состояться как личность. В этом не было ничего плохого. А ты все веселенький. С тобой перестало быть интересно, Сережа. Знаешь, когда одно веселье, это уж скучно. И давай поставим все точки над «и». Я никогда тебя не любила.

С е р г е й. Не любила?

А г н и я. Нет.

С е р г е й. Ой, как любопытно! А Сашу ты любишь?

А г н и я. Теперь, когда всем нам за сорок, это, Сережа, не имеет первостепенного значения. Ты знаешь, кто Саша, я горда им.

С е р г е й. Ну, за то, кто Саша, пусть его начальство любит.

А г н и я. Я вообще никого не любила в твоем понимании. Видимо, я холодная женщина.

С е р г е й. Ну, это неправда, ты женщина горячая! Уж одного-то человека ты любила до самозабвения.

А г н и я. Интересно — кого?

С е р г е й Пашку Козина.

А г н и я *(очень естественно смеется)*. Кого?

С е р г е й. Ты ему записку написала, свидание назначила, и он пришел на это свидание, явился.

А г н и я. Этот бред он тебе сегодня преподнес? Очевидно, чтобы тебя успокоить?

С е р г е й. Нет, записку тогда показал. И все прочее пересказал. Хорошо — мне первому... Помнишь, он тогда с подбитым глазом ходил, а у меня губа была распухшая? Его глаз, конечно, помнишь, а губу мою — вряд ли. Но на следующий день он к тебе не пришел. Я убить пообещался и сказал — если кому пикнет... И я никому не расскажу, не беспокойся, мало ли что в юности происходит. И записку тогда же приказал мне отдать.

А г н и я. Хранишь как память.

С е р г е й. Агния, Агния!.. *(Улыбаясь.)* Чувства-то какие были! Я с этой запиской не знал, куда деваться. Залез в подвальный этаж нашего дома, в топке сжег. Еще дядя Миша, истопник, согласно направлению ума того времени, спросил: «Шпион-

скую бумажку, что ли, уничтожил?» — «Контрольную, говорю, работу, двойку получил, не хочу родителей расстраивать». *(Большая пауза.)* Вчера я купил журнал с последней твоей статьей. Ну, конечно, сразу же и этого Агапкина достал, ознакомился. Чудесный рассказ. И свое лицо и правду о строителях пишет, я это знаю. А ты его в порошок. «Увидел поясницу, пишет — «поясница», «перекос», «вьюнец с глазами, уже отуманенными». А ведь этот молодой человек, Агния, ты в молодости. Знаешь, раньше даже у разбойников на детей рука не поднималась. Ты говоришь — личностью стала. А не иллюзия ли это, Агния? Может быть, ты все дальше и дальше уходишь именно от своей личности? В наше время, Агния, каждый честный человек — полк, а на таком посту, как ты,— дивизия. Разве ты не чувствуешь, какая борьба сейчас идет? И ты извини меня, но Агапкин — личность. Уж если по крупному счету — государству в первую очередь нужны честные люди повсюду. Всякие приспособленцы, как пиявки, по огромному телу нашего государства ползают, едят, сосут, грызут. А сколько от них простым людям мучения! Может быть, в твоих литературно-критических эмпиреях одни небожители, а я по земле шатаюсь, вижу это племя. Когда ты фальшивые ноты издаешь — на них работаешь, их откармливаешь, щит против них выставляешь, трогать их не даешь, они и благоденствуют, жиреют... Извини, Агния, когда я твои неверные работы читал, первое время кричать хотелось. И такого же разговора, как тогда, в юности. Вот мы сейчас в школе, в тех же стенах, где все между нами просто было и свято. Как же ты так не состоялась, Агния?

А г н и я. Кто же, по твоему, состоялся? Лидочка?

С е р г е й. Хотя бы! Порядочный человек — это уже состоявшийся человек. Конечно, ты можешь обернуть все мои слова как обиду на тебя. Тогда, раньше, ты права была. Чересчур веселый был, цветочки дарил, а тебя, может быть, именно тогда бить надо было. Любил сильно.

А г н и я. А сейчас?

С е р г е й. Сейчас... У меня к тебе сложное чувство. Я даже так думаю... если по лестнице сразу не поднялся, значит, где-то что-то

еще трепыхалось. Но если бы мы продолжали быть вместе, такую я бы тебя сам выставил.

Агния. Однако Саша не выгоняет. Или, думаешь, он глупее тебя и ничего не понимает?

Сергей. Видишь ли, ты знаменитый критик, личность. Я тоже на свою судьбу не жалуюсь, но, пожалуй, больше всего дорожу некоторыми своими качествами. По-моему, человек не может жить, если он не дорожит чем-то в себе самом. Если я это отдам за тебя, что от меня останется? Одно большое глупое туловище, способное только работать.

Агния. Все-таки кем ты работаешь?

Сергей. Агния, неужели это так важно? Неужели вывеска прежде всего? Что же это происходит? А кому же просто человек нужен?

Темнеет. Класс исчезает.

Возникает вальс. Часть школьного коридора. По коридору туда и обратно ходит Александр Машков. Мимо пробегает Инна и тащит за руку Алексея Алексеевича Каменева.

Алексей Алексеевич *(на ходу)*. Инна, куда ты меня тащишь?

Инна. Идемте, идемте!

Они проходят. Появляется подвыпивший Павел Козин.

Козин. Слушай, они там вдвоем в классе.

Александр. И что же?

Козин. Крупно разговаривают.

Александр. Почему не поговорить, давно не виделись.

Козин. Ладно, не притворяйся. Смотри, Саша, переиграют они тебя обратно.

Александр. Иди танцуй.

Козин. Нервничаешь, понимаю. Вошел я сейчас, так они меня деликатно попросили. Я тебе откровенно скажу: хоть ты и знаменитый ученый, пара они — во! Что он, что она. Смотри: Агния баба активная, это уж я как-нибудь знаю! Ты на вид, сам понимаешь, не Илья Муромец, даже не Алеша Попович,

они друг дружке больше подходят. Что ни говори, в супружеской жизни главное — постель.

Александр. Оставь ты меня в покое, оставь!

Козин. Чудак! Я бы на твоем месте...

Александр. Катись ты с моего места, Паша.

Козин. Да, нервная, видать, у тебя работа. Большие деньги в наше время даром не платят. *(Уходит.)*

Вбегают Игорь *и* Тимофей.

Игорь. Здесь не проходил Каменев?

Александр. Кто это?

Игорь. Вы не знаете? Народный артист.

Александр. Не знаю. Народных артистов теперь много, хороших мало.

Игорь *(Тимофею)*. Темнота.

Уходят в сторону, противоположную той, куда ушли Инна и Каменев.
Темнеет. Танец.

Когда исчезают танцующие пары, вновь кабинет естествознания. Он пуст. Открывается дверь, просовывается голова Инны.

Инна *(втаскивая силой Каменева)*. Здесь никого.

Алексей Алексеевич. У меня ночная съемка.

Инна. Пять минут!

Алексей Алексеевич. Войдет кто-нибудь из учителей и черт-те что подумает.

Инна *(хватает стул, на котором обычно сидит учитель, и, воткнув ножку стула в дверную ручку, запирает дверь)*. Не бойтесь.

Алексей Алексеевич. Такой нахалки я еще не видывал.

Инна. Я не нахальная, я активная.

Алексей Алексеевич. Инна, ты попала в институт, чего тебе еще надо?

Инна. Побыть с вами вдвоем просто так.

Алексей Алексеевич. Хочешь поскорей получить роль?

Инна. Побыть с вами. А роль, конечно, само собой.

Алексей Алексеевич. Смотрю на тебя и думаю — нет, не выдержишь ты испытания славой.

Инна. Выдержу, честное слово.

Алексей Алексеевич. Погибнешь как миленькая. Прославишься, начнутся бесконечные встречи со зрителями. Артисты так любят на них вертеться. Приемы в посольствах.

Инна. Да?!

Алексей Алексеевич. Будешь сниматься в чем попало, без разбора, лишь бы в советско-английском, чтобы в Англию съездить, в советско-греческом, чтобы в Грецию...

Инна. Неужели это возможно!

Алексей Алексеевич. Даже неизбежно, если талант.

Инна. Вы, извините, просто зажравшийся.

Алексей Алексеевич. А ты голодная и обязательно с голодухи обожрешься.

Инна. Нет уж, если я когда-нибудь заберусь туда...

Алексей Алексеевич. С этой песенки все начинают.

Инна. Но почему я — все?

Алексей Алексеевич. Это в прежние времена Ермоловы, Савины, Комиссаржевские умели...

Инна. Но почему я ничтожество?

Алексей Алексеевич. Ты, конечно, героиня!

Инна. Я не героиня, но и не ничтожество.

Алексей Алексеевич. Интересно, кто же ты?

Инна. Не знаю, но чувствую — я кто-то.

Алексей Алексеевич. Ишь ты!

Инна. Да.

Алексей Алексеевич. Ты никто.

Инна *(вдруг)*. Вы дурак!

Пауза. Тихо.

Извините, пожалуйста. *(Идет к двери.)*

Алексей Алексеевич. Подожди. *(Зло.)* Таких, как ты, вертелось передо мной сотни — молоденьких и не молоденьких, смазливеньких и не смазливеньких. Все они ахали и восторгались мной и моими картинами. Все они делали зазывающие

глаза и простое слово «до свидания» произносили с какой-то неприличной интонацией.

Инна вынимает стул из дверной ручки.

Подожди.

Инна. А чего ждать? Все ясно.

Алексей Алексеевич. Не могу понять — из тебя выйдет или какая-нибудь поразительная пакость, или действительно любопытная личность.

Инна. Я сама об этом думаю и тоже боюсь.

Алексей Алексеевич. Сядь.

Инна садится.

Может быть, я действительно сниму тебя в очень интересной роли. Только имей в виду, три шкуры спущу. Будешь работать, работать, работать. Узнаешь, почем грамм успеха.

Инна. А сколько платят за главную роль?

Алексей Алексеевич. Сколько бы тебе хотелось?

Инна. Как можно больше.

Алексей Алексеевич. Сколько зарабатывает у тебя отец?

Инна. У меня его нет.

Алексей Алексеевич. Ну мать.

Инна. Семьдесят пять. А что?

Алексей Алексеевич. Кто она?

Инна. На почте работает. Продает открытки, конверты, марки.

Алексей Алексеевич. А отец умер?

Инна. Умер.

Алексей Алексеевич. Давно?

Инна. Три года. Он вернулся с войны...

Алексей Алексеевич. Ну?

Инна. Без двух рук.

Алексей Алексеевич. Тебе семнадцать?

Инна. Скоро восемнадцать. Да, я от него... такого. Маленькая была, не обращала, конечно, внимания. Он мне книжки читал. Много. Любил читать. Я страницы листаю, а он читает. Потом выросла, смотрю — у всех с руками... Бояться его стала. Когда он умер,

я, дура, облегчение почувствовала, освобождение, что ли... Сейчас-то, когда выросла, уж не боялась бы, наоборот... Фу!

Алексей Алексеевич. Что?

Инна. Вы сейчас знаете какую роль сыграли? Попа.

Алексей Алексеевич. Трудная роль.

Инна. В ваших картинах есть любовь к людям. За это я их и люблю.

Алексей Алексеевич. Это потому, что ты ничего не понимаешь. Разве это картины? О чем ты мечтаешь — только начало. Если удержишься, не сгоришь — пойдем вглубь,— вот тогда поймешь полноту наших мучений... Именно теперь, Инна, я понимаю, как мало могу. Я ничего не умею, Инна. У меня звания, со мной считаются, а на душе все время ощущение, что это великое недоразумение, ошибка. Я не умею делать хорошо, так хорошо, как надо, как я понимаю. И я все жду — кто-то придет и скажет: он самозванец, король голый. И самое ужасное — это будет правда. Понимаешь?

Инна. Нет.

Алексей Алексеевич *(улыбаясь)*. Хорошо, когда тебя поддерживают массы... Я не понимаю, отчего растет трава, зачем вертится мир, как объединить людей, почему так много злобы и ненависти, как избежать атомной войны... *(Помолчав.)* Ну вот, теперь я тебя поставил на свое место.

Инна. Хотите, я уйду из института?

Алексей Алексеевич. Зачем?

Инна. Я обожаю вас.

Алексей Алексеевич *(после паузы)*. Инна, когда ты бежала за мной на улице, я понимал — девочке хочется попасть в институт. Знаешь, я с удовольствием рекомендовал тебя и рад, что ты произвела прекрасное впечатление на всех членов комиссии. Один очень удачно о тебе сказал: «Она проглотила атом солнца». Думаю, у тебя есть талант. Надеюсь. Теперь ты хочешь попасть сюда. *(Показывает на свое сердце.)* Инна, говорю сразу — не выйдет. Я не достиг еще того возраста, когда начинают нравиться молоденькие. Говорят, природа под конец жизни дарит мужчине свой самый бесценный дар — любовь. Думаю, это не просто любовь. Это любовь к жизни, по-

тому что вот такая милая молоденькая девушка, как ты, — это воплощение юности, сил, счастья, всей жизни. Коварный дар! Человек думает — я помолодел, я полон сил, я удалец. А ведь это самый точный сигнал наступившей старости. Один в это время думает: что со мной, какое недостойное чувство я испытываю? Другой считает — с ним произошло персональное чудо, и превращается, извини, в жеребчика. Что значит этот феномен природы — дар или испытание? Я, Инна, не знаю, не дорос. Нам с женой кажется, что мы все еще молоды, хотя у нас дочь и сын — оба старше тебя...

Инна. Зачем вы так говорите?

Алексей Алексеевич. А что?

Инна. От этого я еще больше люблю вас.

Стук в дверь. Алексей Алексеевич открывает. Показываются Игорь и Тимофей.

Игорь. Извините, не помешали?

Инна. Помешали.

Ребята входят.

(Алексею Алексеевичу.) Это мои друзья — Тимофей Пухов, Игорь Тарасов.

Алексей Алексеевич. Здравствуйте.

Игорь, Тимофей *(вместе)*. Здравствуйте.

Инна. Мальчики, вы за мной? Я скоро освобожусь.

Игорь. Мы не за тобой, принцесса. Нам хотелось бы поговорить с товарищем Каменевым.

Инна. Он занят.

Алексей Алексеевич. Иди, Инна. Если молодым людям хочется со мной поговорить...

Игорь. Скорее надо, чем хочется.

Алексей Алексеевич. Тем более.

Инна *(Игорю)*. Замолчи.

Алексей Алексеевич *(Инне)*. Выйди.

Инна *(уходя)*. Имейте в виду, буду стоять у двери и все слушать. *(Ушла.)*

Игорь. Товарищ Каменев, мы любим ваши картины... Они учат нас быть справедливыми, порядочными. А в жизни вы сами, оказывается...

Тимофей. Игорь!

Алексей Алексеевич. Видите, ребята, любой автор в своих произведениях показывает лучшую часть своего «я». Помните, у Пушкина:

«Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира,
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он».

Игорь. Вы, конечно, неплохо себя подковали...

Алексей Алексеевич. На все четыре копыта.

Игорь. Мы только хотим вам сказать: ей роль нужна, вот она и хлопочет.

Алексей Алексеевич. Инна говорила, и я обещал.

Игорь. Морально ли это?

Алексей Алексеевич. Чего ж плохого? Человек хочет проявить себя.

Игорь. Таким способом?

Алексей Алексеевич. Видите, когда я поступил учиться, пошел на преступление — подделал паспорт. Мне еще не было семнадцати, а требовалось восемнадцать.

Игорь. Чтобы она снималась, мы не против.

Алексей Алексеевич. Приятно слышать.

Игорь. Знаем мы, зачем вам нужна Инна.

Тимофей. Перестань.

Игорь. А чего он все виляет!.. Вы хитрый. В картинах снимаете — что от вас требуют, а сами живете по другим законам.

Алексей Алексеевич. Ну вот, ты проявился и становишься мне неинтересен... *(Подумав.)* Хотя, если тебя копнуть глубже, тоже отыщется что-нибудь стоящее.

Игорь. В артисты не собираюсь, так что вам копать не придется.

Алексей Алексеевич. Ищи человека, который этим делом с тобой займется,— воскреснешь, а то пропадешь.

Игорь. Чем-чем, а советами мы со всех сторон обеспечены.

Алексей Алексеевич. Рано сходишь с беговой. Такой здоровый парень, а уже с ноги сбился. Дальше жить будет труднее.

Игорь. Как-нибудь.

Алексей Алексеевич. Как-нибудь доживают все, даже собаки. Ты, друг милый, лихо решил выступить против свинства, а заменяешь его другим свинством. Думаешь, от этого общество что-нибудь выиграет? Один из вас, очевидно, неравнодушен к Инне, другой из дружбы тоже пошел на этот разговор со мной. Кто из вас влюблен в нее?

Тимофей
Игорь } *(вместе)*. Я.

Алексей Алексеевич. О господи! Я уверен, она произведет впечатление на зрителя!.. Счастливо! *(Уходит.)*

Игорь. Ты смотри, так на основной вопрос ничего и не ответил. Хитер! Не зря ему народного дали.

Тимофей. Зачем ты втянул меня в этот дикий разговор? Что у тебя за кривой взгляд на всех и на все!

Игорь. Клюешь ты на честность, в заглот берешь! Они заперлись! Это тебе что-нибудь говорит?

Тимофей. Инна не может...

Игорь. Инна все может! Если хочешь знать, я с ней уже год...

Тимофей. Что?

Игорь. Ну... мы в близких отношениях. Теперь понял?

Тимофей. Врешь! *(Бросается на Игоря.)*

Драка. Входят Евгений Пухов, Сергей Усов, Павел Козин, Лида Белова, Илья Тараканов, Максим Петров.

Максим *(разнимая ребят)*. Тихо, тихо! Оккупировали чужую территорию и что — трофеи не поделили?

Пухов. Тимофей! Тема! Что с тобой! Тема! Игорь!

И г о р ь. Он сам полез, первый. Из-за этой вертихвостки, из-за Инки. Она...

Т и м о ф е й. Не смей, не смей ничего говорить!

И г о р ь. А где твои принципы? Где они? Она со стариком таскается, со мной...

Т и м о ф е й *(вырываясь)*. Ничтожество!

Ребята опять дерутся. Взрослые их разнимают.

Т а р а к а н о в. Вот они — современные наши молодые люди — в натуральную величину.

К о з и н. Девицу не поделили. Явление обычное.

П у х о в. Этого не может быть... этого не может быть... Тема!

К о з и н. Вот тебе и Тема-Темочка.

Т а р а к а н о в. Разве мы позволяли себе подобное! Как вас воспитывать? Чего вам не хватает? Мой совершенно стал невыносимым — сплошное самомнение. Ведь вы дети наши любимые. Мы лучшие куски в тарелки вам подкладываем! Телевизор, велосипед, спидола, летом Черноморское побережье, на худой конец дача под Москвой. Что вам надо? Откровенно говоря, вызвать бы сейчас милицию...

И г о р ь. Это вы меня на экзамене резали?

Т а р а к а н о в. Что?

И г о р ь. Это вы меня на экзамене резали?

Т а р а к а н о в. Я, молодой человек, всех помнить не могу. Во всяком случае, если и резал, вижу — правильно.

И г о р ь. Он и не помнит!

П у х о в. Игорь, не смей так разговаривать.

И г о р ь. Идем, Тимофей.

П у х о в. Останьтесь.

С е р г е й. Пусть, пусть идут. *(Выпроваживает ребят.)* Без драки только.

Т и м о ф е й и И г о р ь ушли.

Т а р а к а н о в. Мой в двенадцать лет залез в чужой подъезд и чьи-то лыжи унес. Ему покататься захотелось, свои сломаны были. А? Женя, ты меня извини, может, это непедагогично, но я бил его, бил, бил!

Лида. Перестань, Илья.
Тараканов. Почему?
Лида. Как ты озлоблен против них.
Тараканов. Мы были такими, а? Скажи.
Лида. А помнишь, когда в шестом классе учились... в раздевалке?
Тараканов. Что — в раздевалке?
Лида. Я скажу. Ты так о своем сыне, потому и скажу.
Тараканов. Что ты скажешь, что?
Лида. Я тогда в школу опоздала. Иду в раздевалку тихонько, чтоб не заметили...
Тараканов. Что ты там выдумываешь, чего сочиняешь!
Лида. ...а он по карманам шарит, мелочь вытаскивает.
Тараканов. Врешь!
Лида. Детьми клянусь!
Тараканов. Врешь, неудачница!
Лида. Я тридцать лет никому этого не говорила, Илюша. Если бы я тогда сказала, тебя бы из школы выгнали. Может быть, ты сейчас не профессором бы был.
Александр. Товарищи, не надо...
Тараканов. Я вспомнил. Мне хотелось тогда птицу купить в зоомагазине, щегла. Отец не хотел... Конечно, меня бить надо было...
Сергей. Ты перед Лидочкой извинись.
Тараканов. За что?
Сергей. Забыл — какое слово бросил?
Тараканов. Ладно тебе!
Лида. Не надо, пожалуйста, не надо.
Сергей. Извинись, Илья.
Тараканов. Что ты командуешь? Это тебе не прежний класс, не школа. Тогда верховодил. А теперь ты кто?
Сергей. Секретарь обкома.
Агния. И член ЦК.
Сергей. И член ЦК!
Тараканов. Все врешь!
Сергей. Водовоз. Устраивает? Видала, Агния? А ты Агапкина — в пух и перья.
Тараканов. Извини, Лида.

Лида. Не надо, Илюша.

Тараканов. До свидания, у меня рано лекция, надо поспеть.

Сергей *(задерживая Тараканова)*. Погоди, Илья, остынь... Когда своих студентов перед глазами видишь, твоего щегла вспоминай. Щегла-то любил. Не переживай, Илья. Считай — ту мелочь другой вытащил, какой-то скверный мальчишка. Его уже нет, умер давно, растаял. Есть ты, человек большой, известный. Садись.

Тараканов. Почему так ожесточаешься? Почему? От бессилия, что ли? Ты, Лида, говоришь: хорошо быть известным ученым. А мне больше всего на свете хочется, чтобы мой Алешка любил меня.

Возникает вальс. Класс исчезает.

Лестница и лестничная площадка. Молча спускаются Тимофей и Игорь. Снизу вверх бежит Инна.

Игорь. Помахала ручкой на прощанье?

Инна. Да. Киносъемочная за ним подъехала.

Тимофей. Инна, это правда? Игорь сказал — он и ты...

Игорь *(быстро)*. Я пошутил! Инна, я люблю тебя.

Инна. Тебя уже нет для меня. Ты останешься в моей памяти не лучшим воспоминанием, но я запомню тебя. И когда-нибудь сыграю твое ничтожество.

Тимофей. Игорь, пойди пока.

Игорь. Братцы, что-то мне худо... *(Ушел.)*

Инна. Не говори ничего, Тема, я все понимаю. Ты видишь, какая я?

Тимофей. Ты самая лучшая.

Инна. Я без ума от Алексея Алексеевича.

Тимофей. Ну и что? Это пройдет. Инна, тебе нужен я. С тобой может случиться что угодно. Ты зазеваешься и попадешь под автобус. У тебя не будет что-то получаться — и ты бросишь институт... Влюбишься в какого-нибудь прохвоста. Тебе нужен я. Я буду беречь тебя.

Инна. Тема! *(Ткнулась головой ему в грудь.)* Он смотрит на меня как на девчонку и как на какую-то модель, что ли. Когда он рассказывает о своих поездках, о встречах с Чарли Чаплином, о жизни, об искусстве...

Т и м о ф е й. О многом можно прочесть в книгах.
И н н а. Он сам целая библиотека.
Т и м о ф е й. Я тебе чертовски нужен... Инна.
И н н а. Тема, нет.
Т и м о ф е й. Я буду ждать.
И н н а. Пока не полюбишь другую.
Т и м о ф е й. И если тебе будет плохо, беги ко мне, ладно?
И н н а. Мне не может быть плохо.
Т и м о ф е й. И тебе снова станет хорошо.
И н н а. Я приду, Темка, отогреюсь около тебя, оживу и опять уйду.
Т и м о ф е й. А я опять буду ждать.
И н н а. Темка, я ужасная! Вот ты говоришь, и мне уже кажется — я люблю тебя. Ты такой хороший...
Т и м о ф е й. Буду ждать. Мало ли что в жизни бывает.
И н н а. Темка, как все необычайно!
Т и м о ф е й. Очень.

Пошли, молча поднимаясь вверх по лестнице. Им навстречу идет С е р г е й У с о в и следом А г н и я Ш а б и н а.

А г н и я. Сережа!

Сергей останавливается.

Действительно, все старое как-то вспомнилось. А ничего не вернешь. Да?

С е р г е й. У меня жена и двое детей.
А г н и я. Может, пятеро?
С е р г е й. Честно признаюсь — семеро. *(Сбегает вниз.)*

Агния одна.

Темнеет. Вальс.

И снова класс естествознания. В классе — С е р г е й У с о в и А л е к с а н д р М а ш к о в. Они стоят друг против друга, оба желают примирения, но условности еще связывают их.

Как дела?

А л е к с а н д р. Прилично.

Сергей. Шахматы забросил или еще играешь?

Александр. Редко. Потерял форму. А ты?

Сергей. Тоже некогда. Ушло. С возрастом силы сами собой как-то концентрируются. Впрочем, ты всегда был целенаправленный.

Александр. Теперь менее.

Сергей. Что так?

Александр. Случай произошел. Лет пять тому назад. Иду по Тверскому бульвару. Весной это было, народу много. Знаешь, москвичи любят на солнышко вылезать. Соскучились. Детишки играют, коляски, старушки сверхпенсионного возраста. Иду и в уме один узелок развязываю, важный узелок, серьезная работа была с ним связана... Словом, шел, как ты говоришь, целенаправленно. И вдруг слышу крик, рядом где-то, резкий такой, острый. Я инстинктивно — стоп! Остановился, замер даже. И представь себе, это я играющему на дорожке ребенку на ручку наступил, а? На детской ручке стою! Меня, знаешь, как током ударило, в сторону швырнуло. Это, Сережа, не то что рассеянный с улицы Бассейной, чудак ученый. Тут другое... *(Тихо.)* Люблю свою работу, радость от нее огромная, но, знаешь, дьявольского наваждения даже из нее делать не хочу.

Сергей. Понимаю.

Александр. Я никому-никому этого не рассказывал. Тебя ждал. Ты понимаешь?

Сергей. Да.

Александр. Между прочим, ты замечал, Сережа, когда кто-то из близких уходит из жизни — в сердце образуется незаполнимая пустота. Никем и ничем. Им принадлежащее место.

Сергей. Знаю. Я ведь главным образом из-за тебя, дурака, приехал. Думал — переживает, сосет, жить мешает... Этакая тень на ясный день.

Александр. Как все глупо получилось, Сережа.

Сергей. Все, Саша, нормально вышло. Все замечательно.

Александр. Помнишь, как мы с тобой однажды шли в школу? Это в октябре было. Да-да, в эти вот дни. Идем, идем, и вдруг как по уговору — прогуляем! И в Измайлово махнули.

Сергей. Да-да!

А л е к с а н д р. Нашли на пруду старую лодку-развалину, сели и поехали... Без весел, доской гребли.

С е р г е й. Ты все консервной банкой воду вычерпывал, чтобы не потонула.

А л е к с а н д р. Помнишь!

Смеются.

С е р г е й. Листья желтые, солнце, вода тихая, гладкая, лачком смазанная. И ни души на тысячу верст. И ничего не говорили. Так, думали... Жизнь, так сказать, в ее рафинированном виде. Одна жизнь, и ничего больше.

А л е к с а н д р. Как в классе нас потом прорабатывали! В стенгазету карикатуру нарисовали. Лодыри! А мы в тот день такое поняли — тысячи уроков не заменят. Верно?

С е р г е й. Верно.

Подходят друг к другу. Сергей кладет руку на плечо Александра. Они молча прохаживаются по классу.

А л е к с а н д р. Заходи к нам сегодня, Сережа.

С е р г е й. Не могу — самолет в девять двадцать.

А л е к с а н д р. Жаль.

И, обнявшись, выходят из класса.

Голос по радио: «Па-де-катр!» Музыка.

Входят д в о е м у ж ч и н, те, которых мы видели в начале действия.

В т о р о й. Мы тут были?

П е р в ы й. Вроде бы нет.

В т о р о й. Я уж запутался. Ноги не несут, сядем.

Сели за парты.

П е р в ы й *(оглядывая класс)*. Чего тут у них теперь только нет! Смотри, а шкилет тот же.

В т о р о й. Верно. Шкилет наш.

П е р в ы й. Я еще одну вспомнил. *(Запел.)* «Нас побить, побить хотели, нас побить пыталися...».

В т о р о й *(подпевая).* «...а мы тоже не сидели, того дожидалися...».

П е р в ы й. Тоже хорошая песня была.

В т о р о й. А эта? «Потому что у нас каждый молод сейчас в нашей юной прекрасной стране!»

П е р в ы й. Нет, эту разлюбил. Раньше от души пел, а теперь почему-то она не радость тех лет напоминает, а несправедливость всякую, фальшь даже.

В т о р о й. Песня-то ни при чем.

П е р в ы й. Не скажи. Песня — она тоже свое дело делает, худое или хорошее. Песня — хитрая штука. Военные хороши. Помнишь? *(Запел.)* «Бьется в тесной печурке огонь, на поленьях смола, как слеза, и поет мне в землянке гармонь...».

В т о р о й. Да, они без подмесу, в чистом виде, как народные... Ну, пошли дальше.

Встали.

Слушай, у тебя бывает так: вот здесь жмет и в плечо тычет, тычет?

П е р в ы й. Нет, у меня вот тут колет, а потом здесь — сосет, сосет.

В т о р о й *(протягивая другому валидол).* Угощайся.

П е р в ы й. Спасибо.

Оба бросили под язык по таблетке. Пошли.

Вот еще вспомнил. *(Запел.)* «Заводы, вставайте, шеренги смыкайте...».

В т о р о й *(подпевая).* «...на битву шагайте, шагайте, шагайте!».

Выходят, но и издали доносится их пение: «Проверьте прицел, заряжайте ружье, на бой, пролетарий, за дело свое, на бой, пролетарий, за дело свое...»

Входят Л и д а Б е л о в а, А г н и я Ш а б и н а, О л ь г а Н о с о в а.

О л ь г а *(снимая туфли).* Ух, натанцевалась вперед на двадцать лет!

Л и д а. Агния, ты, я вижу, следишь за собой. Где бы купить хорошего крему для лица?

О л ь г а. Батюшки, и мне надо.

Агния. Я дам телефон косметички, сговоритесь, скажите — от меня.

Лида. Спасибо.

Ольга. Девочки, у меня поезд в четыре часа. Надо еще по магазинчикам прошвырнуться, начальнику подарок куплю за то, что отпустил. Хороший мужик.

Лида *(у окна)*. Совсем рассвело. Как я по Москве соскучилась... А у нас уже середина дня. Димка с Юрой из школы пришли, обед разогревают.

Ольга *(подошла к доске, взяла в руки тряпку)*. Все не так. *(Стерла отметки.)*

Агния. А ты бы какие выставила?

Ольга. Я? Пожалуйста. *(Взяла в руки мел.)*

Агния. Мне, например.

Ольга *(задумавшись)*. А сама себе что бы ты поставила?

Агния. Пиши-пиши.

Лида. Не надо, Оля.

Ольга. Почему? Тараканову пять явно завышено. Четверочкой как-нибудь обойдется. А тебе, Лидуха, пять поставлю.

Лида. Ты что! Кто я?

Ольга. Человек замечательный, вот кто. *(Пишет отметки.)* Ох, Козин, Козин! Три — это я тебе по знакомству отпускаю. Как бы тебе за что-нибудь шесть или восемь не дали. Саше с Сережей прежнее оставлю и Пушку тоже. Максим... *(Задумалась.)*

Лида. Будет тебе, Оля! *(Взяла из рук Ольги тряпку, стерла отметки.)* На том свете разберут.

Входят мужчины.

Козин. Пора в разгон.

Александр. Вчера встретились — почти никого не узнал, а пригляделся — совершенно такие же.

Ольга. Разъедемся, и снова на сто лет.

Тараканов. Может, и никогда не встретимся. Братцы, не поминайте худо.

Лида. Мне этого вечера до конца жизни хватит.

Ольга. Что-то с души соскоблилось.

Л и д а. Можно один маленький тост?

Т а р а к а н о в. Я — пас!

А л е к с а н д р. Только символический. *(Поднимает пустую рюмку.)*

К о з и н. Мы с Максимом выдержим.

М а к с и м. Не объединяй. Возьму и воздержусь.

К о з и н. Последняя, чудак.

М а к с и м. Разве что. *(Наливает рюмку.)*

Л и д а *(поднимает рюмку)*. За всех хороших людей на земле... Их много.

К о з и н *(выпивая)*. Так и гибнешь от хорошего.

А г н и я. Насорили мы тут.

П у х о в *(собирая вещи)*. Ничего. Дежурных ребят раньше вызвали.

А л е к с а н д р. Все-таки мы неплохие люди получились.

Т а р а к а н о в. Сложные, конечно.

А л е к с а н д р. Очевидно, будущее поколение возьмет от нас только лучшие черты.

О л ь г а. *(поднимая рюмку)*. За доброту!

М а к с и м. За дружбу.

Л и д а. Будем лучше.

О л ь г а. Живем вроде бы врозь, а чем-то крепко связаны.

Сергей перебирает струны гитары, вспоминая какую-то мелодию. Агния и Александр — в стороне.

А л е к с а н д р *(тихо)*. Агния, ты плачешь? Что с тобой?

А г н и я. Устала... Устала от этой вечно оборонительной позиции. Достань, пожалуйста, из сумочки платок.

А л е к с а н д р *(берет оставленную Агнией на парте сумочку, ищет платок)*. Это не твоя, тут какие-то очки.

А г н и я. Моя, моя, это мои очки. Дай платок.

Александр подает Агнии платок.

Что ты смеешься?

А л е к с а н д р. Я никогда не видел, как ты плачешь. Какая ты милая! *(Целует ей руки.)*

С е р г е й. Девочки, мальчики! Давайте тихонечко... *(Играет песню прошлых лет. Их песню.)*

Лида. Я слова не помню.
Александр. И я забыл.
Сергей. Потихонечку...

Они поют песню. Кто-то начинает одну строчку, бросает, забыл слова, но их вспоминает другой, тоже бросает, вступает третий. А кто не помнит слов, мурлычет мелодию. Но последние строки они поют уже все вместе.
Песня кончилась. Тишина.

Александр. Пора.

Входит Тимофей.

Тимофей. Тебе помочь, папа?
Пухов. Да, пожалуйста.

Отец и сын складывают в чемодан и рюкзак вещи.

Ольга. Товарищи! Пройдемте по улицам на Красную площадь!
Голоса. Идем, идем!
Пухов. Я подъеду.

Все, кроме Евгения Пухова и Тимофея, уходят.

Тимофей. Ну вот, можешь быть спокоен. Она меня не любит.
Пухов. Тема, у тебя еще все будет. Инна не подходит тебе.
Тимофей. Поразительно! Все знают, что мне подходит, а что — нет. А мне, может быть, именно ее на всем свете и не хватает. Ты, конечно, этого не понимаешь.
Пухов. Почему же? Я понимаю, когда именно ее одной и не хватает.
Тимофей *(подходит к отцу)*. У тебя галстук съехал. *(Поправляет отцу галстук.)*
Пухов. Спасибо, Тема.

Пуховы взяли чемодан и рюкзак и пошли к двери.
В это время входят мальчик и девочка — дежурные школьники в пионерских галстуках. В руках у них ведро, щетка, тряпка, маленькая лейка.

Д е в о ч к а. Здравствуйте, Евгений Павлович!
М а л ь ч и к. Здравствуйте, Евгений Павлович!
П у х о в. Здравствуйте, ребята!

П у х о в ы ушли.
Девочка начинает поливать цветы на подоконниках. Мальчик сдвигает парты и, намотав на щетку тряпку, протирает пол.

Д е в о ч к а. Леша! Леша! Смотри, крокус распустился!
М а л ь ч и к. Ну!

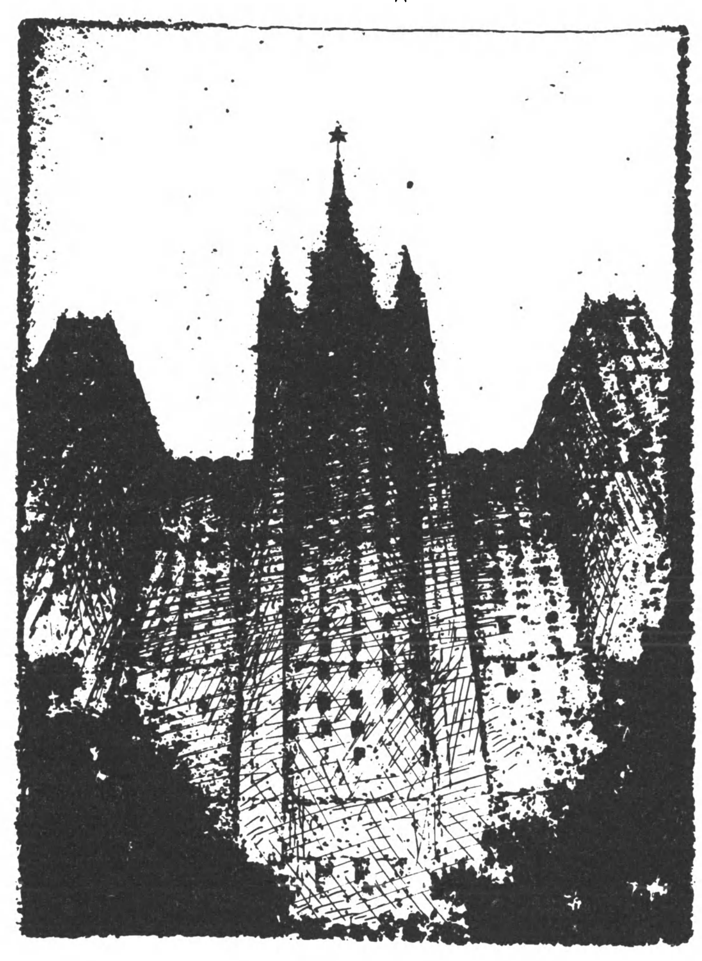
Идет к девочке, и они оба смотрят на распустившийся цветок.

З а н а в е с

1966

С ВЕЧЕРА ДО ПОЛУДНЯ

ПЬЕСА В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЖАРКОВ АНДРЕЙ ТРОФИМОВИЧ, *62 лет.*
КИМ — *его сын, 41 года.*
НИНА — *его дочь, 30 лет.*
АЛЬБЕРТ — *сын Кима, 16 лет.*
АЛЛА ВАСИЛЬЕВНА — *бывшая жена Кима, 40 лет.*
ЕГОРЬЕВ КОНСТАНТИН ФЕДОРОВИЧ — *друг Жаркова, 52 лет.*
ЛЕВА ГРУЗДЕВ — *молодой ученый, 31 года.*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

На сцене три комнаты. Слева комната Жаркова, справа комната Кима и Альберта, в центре столовая. Это квартира в высотном доме на площади Восстания в Москве. Через раскрытую балконную дверь видно только голубое чистое небо, и это заставляет нас предполагать, что квартира высоко.

Все члены семьи в центральной комнате. На диване — Альберт. Глубоко утонув в мягком кресле и вытянув длинные ноги, сидит Ким. За столом — Нина, а напротив нее глава дома — Жарков Андрей Трофимович. Перед ним листы рукописи, он читает.

Жарков. «...Казалось, никто никогда не увидит голубого неба и сверкающего солнца. Дожди, дожди! Они заливали котлованы, хлестали в лица строителям. Набухли не только ватники, штаны и рубахи — набухли глаза и души. И все же люди сооружали из бревен с набитыми тесинами гигантские сани и волоком, сначала в гору, а потом по размытой жидкой грязи бывшего поля, тащили огромные маховики, трубы, чугунные корпуса машин. Когда-то изготовленные на заводах, вылизанные до блеска, опоясанные красной каемочкой масляной краски, свежие и нарядные, теперь они, облепленные грязью, выглядели в лучшем случае давным-давно отработанным хламом».

Жарков хотел перевести дух, и вдруг в наступившей тишине явственно послышалось мерное посапывание спящего человека. У всех вытянулись шеи — внимание на Кима. Это спал он.

Нина. Ким!

Ответа нет.

А л ь б е р т *(вскочил и подбежал к отцу).* Папа!

Ким не просыпается.

(Трясет его за плечи.) Папа!

Ким открывает глаза, осматривается, понимает случившееся, но решительно не знает, что сказать в сложившейся ситуации. Жарков неторопливо собирает листы рукописи, однако он нервничает, и часть листов валится на пол. Альберт подбегает, подбирает их, отдает деду. Жарков собрал листы, пошел в кабинет. Долгая пауза.

К и м. Как это я... Устал на тренировке...

Нина, Альберт ничего ему не ответили.

Ты говорила — хлеба надо купить, я сбегаю. *(Нашел авоську, взял из буфета деньги, пошел, но остановился. Сыну, показывая на двери кабинета.)* Пойди, постарайся отрегулировать. *(Ушел.)*

Альберт пошел к кабинету деда, постоял у дверей, раздумывая — войти или нет. Решился, вошел.

Ж а р к о в. Я бы попросил не мешать.

А л ь б е р т. Дед, ты не очень переживай... Отец пришел с тренировки...

Ж а р к о в. Выйди, я работаю.

Альберт помялся у двери и вышел в центральную комнату.

А л ь б е р т. Не контактуется.

Н и н а. Давай потихоньку ужин налаживать.

Альберт пошел на кухню, вернулся в фартуке, с кастрюлей и картошкой, которую он стал чистить на краю стола.

(Придвинула к себе работу, пишет.) Как по-испански «вмещать», не помнишь?

А л ь б е р т. Вмещать? *(Задумывается.)* По-моему, контенер.

Н и н а. Мне надо не по-твоему, а на самом деле. *(Встала, идет к книжной полке.)*

А л ь б е р т. Сиди, достану.

Н и н а. Ну-ну, хватит из меня инвалида делать.

А л ь б е р т. Смотри!

Н и н а. Смотрю! *(Взяла с книжной полки словарь, листает страницы.)* Кон... контенер... Надо же, точно! Башенция у тебя!

А л ь б е р т. Гений! Задача решалась несложно: если по-французски контенир, по-английски — контейн, то ихний суффикс «эр», и готово! Кстати, и наш контейнер из этой компании.

Жарков переходит из своей комнаты в центральную.

Ж а р к о в. Егорьев как провалился...

Н и н а. Может, заболел.

Ж а р к о в *(подошел к окну, смотрит на улицу)*. Еще один дом жгут. Вчера нарочно подошел поближе — чудесные доски, балки. Дерево сухое, выстоявшееся, лет семьдесят, поди, сохло. Пустили бы в дело. Хоть на те же рамы. Нет, давай, ребята, одним махом пали!

А л ь б е р т. Дед, экономически выгодней жечь.

Ж а р к о в *(подошел к внуку, потрепал его по голове)*. Все вы теперь знаете... Как дела, домохозяйка? Лето идет, а ты в Москве пылишься. Чего в лагерь не захотел?

А л ь б е р т. Надоело: подъем, зарядка... ста-а-новись!

Ж а р к о в. Нет в тебе духа коллективизма. Я себя в молодости в одиночку и не помню.

А л ь б е р т. Папа хотел в Прибалтику путевки достать.

Ж а р к о в. Странно. Сказал — приду завтра, а скоро неделя этому завтра.

Н и н а. Позвони.

Ж а р к о в. У них в новом доме телефон еще не поставили.

Н и н а. Тогда съезди.

Ж а р к о в. Чего я поеду,— может, он просто не хочет. На аркане потяну, что ли.

Н и н а. Тогда жди.

Ж а р к о в *(продолжая смотреть в окно)*. Здорово огонь жрет... Сквер, что ли, будет?

Н и н а. Наверное.

Жарков. Москва как на дрожжах поднимается. *(Ушел.)*

Альберт. Слушай, Нина, дед на самом деле писатель?

Нина. А кто же?

Альберт. Ты знаешь, у меня всегда странное чувство. Для меня писатели только те, которые умерли, а которые живут — как будто они еще не писатели.

Нина. А кто же?

Альберт. Так... люди.

Нина. По-твоему, чтобы стать писателем, помереть надо?

Альберт. Не знаю. Может быть.

Нина. Слушай: практический совет. Ты вчера вечером на девятом этаже торчал со своей девчонкой и прочее.

Альберт. Донесли?

Нина. Там телекамеру установили, по четвертой программе показывают. Мой совет: на четырнадцатом есть закуток, превосходный излишек архитектуры, совершенно необитаемый остров. *(Берет пачку сигарет, шарит в ней пальцами. Сигарет не оказалось.)* Поди стрельни у отца.

Альберт идет в кабинет.

В КАБИНЕТЕ

Альберт. Ниночке — сосочку.

Жарков. На! *(Отдает начатую пачку.)* Отдай все, у меня еще есть...

Альберт. Дед, а мне понравилось, что ты читал.

Жарков. Не будь лживым.

Альберт. Видал? *(Кладет в рот шарик от настольного тенниса, будто глотает его, а потом вынимает из уха. Уходит.)*

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМНАТЕ

Альберт *(отдает тетке сигареты.)* Держи. Жалко деда.

Нина. Рассосется...

Звонок в дверь. Альберт идет открывать. Из прихожей вскоре слышится его голос и еще чей-то мужской. Альберт

возвращается, за ним — Л е в а Г р у з д е в, мужчина лет тридцати, в меру толстый, в меру худой, в меру элегантен, в меру скромно одет.

Л е в а *(улыбаясь)*. Пустите?

Н и н а *(опомнившись)*. Батюшки! Явился все-таки.

Л е в а *(продолжая улыбаться)*. Что значит — все-таки?

Н и н а. Все-таки девять лет.

Л е в а *(подходя, здоровается)*. Здравствуй, Нина.

Чувствуется их неловкость.

Н и н а *(встала)*. Здравствуй, Лева. Это Альберт, сын Кима.

Л е в а. Батюшки! Батюшки! Я тебя помню — ты в первый класс собирался.

Н и н а *(Альберту)*. Узнаешь Леву Груздева?

А л ь б е р т. Батюшки! Батюшки! Совсем нет.

Все смеются неловким смехом, когда еще не установились контакты.

Н и н а. Какой ты респектабельный.

Г о л о с Ж а р к о в а. Кто пришел?

Н и н а. Не отгадаешь. Выйди полюбуйся.

Входит Ж а р к о в.

Л е в а. Здравствуйте, Андрей Трофимович, это я, Лева Груздев.

Ж а р к о в *(вспомнив)*. Ух, пропавшая грамота! *(Здоровается.)* Рад, рад. Откуда?

Л е в а. Из-под Новосибирска. Есть там один городок...

Ж а р к о в. Слыхал, слыхал.

Л е в а. Тружусь на благо человечества.

Ж а р к о в. Давно в Москве?

Л е в а. Утром приехал. Толкался-толкался по гостиницам, пока ничего. Попозднее в «Киевской» обещали. Гуляю, думаю, дай зайду, авось не забыли.

Ж а р к о в. Не забыли. Туз?

Л е в а. Самое большее — валет.

Ж а р к о в. И это подходяще для твоего возраста. Оставайся ужинать. У нас просто. Потом поболтаем, заходи в кабинет.

Л е в а. Спасибо.

Жарков ушел в кабинет.

Как его успехи?

Н и н а. Переменно.

Л е в а. А Валентина Семеновна как?

Н и н а. Мама умерла в прошлом году.

Л е в а. Да что ты! Ай-яй-яй! *(И почти без перехода.)* Я всего на два-три дня в командировку.

Звонок телефона.

Ж а р к о в *(быстро взял трубку)*. Вас слушают... Сейчас. Альберт, тебя к телефону!

А л ь б е р т *(взял трубку второго аппарата в столовой)*. Алло!

Жарков трубку положил.

Алло!.. Да... Здравствуйте... Спасибо... Да, могу сейчас... Спасибо. *(Положил трубку.)* От мамы посылка.

Н и н а. Кто привез?

А л ь б е р т. Дроздовы.

Н и н а. В отпуск приехали?

А л ь б е р т. Я не знаю. *(Снял фартук, пошел на кухню.)* Дед, я картошку поставил, присмотри!

Л е в а. Представь, забыл, как зовут его мать.

Н и н а. Алла.

Л е в а. Да-да, Алла Васильевна. Она что — на юге?

Н и н а. Очень на юге. В Бразилии.

Л е в а. Батюшки! Как ее туда занесло?

Возвращается А л ь б е р т.

Н и н а. Купи заодно корму на ужин.

А л ь б е р т. Чего?

Н и н а. Чего-нибудь выдающегося, у нас гость.

Альберт достает из ящика буфета деньги.

Л е в а. Хотел тебе цветов купить, да побоялся...

Н и н а. Почему?

Л е в а. Вдруг, думаю, ты меня этими цветами и по носу... *(Смеется.)*

Вдруг за окном раздался странный крик.

(Испуганно.) Что это?

А л ь б е р т. Режут кого-нибудь на улице.

Крик повторяется.

Л е в а. Серьезно?

Н и н а. Серьезно! Душат, возможно. *(Смеется вместе с Альбертом.)*

А л ь б е р т. У нас же зоопарк под окнами. Вон... *(Показал на улицу.)*

Л е в а *(подходит к окну)*. Да-да, я и забыл. Неужели все та же птица?

Н и н а. Может быть, та же, может — ее дети, может — новую привезли.

Л е в а. Надо будет выбраться полюбоваться зверушками. Давно не видел. Хороши, помню.

А л ь б е р т. А я зверей в зоопарке не люблю. И в цирке тоже. В них достоинства нет. Виляют хвостами и ждут своего куска мяса, или рыбы, или еще чего. Смотреть противно.

Л е в а. Что сделаешь — неволя!

А л ь б е р т. Вот когда они кричат, особенно, знаете, по утрам, часов в пять, когда просыпаются. Охают, стонут. Им, наверное, за ночь наснятся их джунгли, саванны, прерии, и они ревут во все глотки. Вот крики эти я люблю. В них есть что-то жуткое, зато настоящее... Я ушел. *(Уходит.)*

Л е в а. Умен.

Н и н а. Все они в этом возрасте выставляются.

Л е в а. Главная игрушка в доме?

Н и н а. Есть грех.

Л е в а. Заметил.

Н и н а. А как же! Лучик света в полутемном царстве.

Л е в а. А по какому случаю Алла Васильевна в Бразилии?

Н и н а. Она ушла от Кима, давно.

Л е в а. Смотри, какие перемены. А парнишка, значит, у вас?

Н и н а. Не будет же она его таскать по свету. Да и Ким не отдал бы.

Л е в а. Он где?

Нина. Ким? Должен сейчас прийти, за хлебом выбежал.

Лева. Где работает?

Нина. На Стадионе юных пионеров, тренер по легкой атлетике. *(Закуривает. Замечает взгляд Левы.)* Дымлю Лева, дымлю.

Лева. Да, теперь все женщины курят.

Нина. Вот и я не хочу отставать от моды.

Лева *(осматривает комнату)*. Как-то у вас по-другому.

Нина. Запустение. Мне самой иногда кажется — из какого-нибудь угла выйдет привидение и скажет: приветик!

Лева. А что так?

Нина. Течение времени.

Лева. А именно?

Нина. Да и без мамы совсем кавардак. Как ни странно, именно на ней держалась гармония дома. Теперь всё мужики делают. Я помощница липовая. Работают они добросовестно, но топорно. Почин положил Алька. Проснулись мы утром после маминых похорон. Собрались вот у этого стола, моргаем глазами, Алька — на кухню. Смотрим — чайник несет, хлеб, масло, кашу сварил. Они там от школы в походах, видать, наловчились. Ну, и как-то склеил. *(Оглядела стены.)* А ремонт... Квартира огромная. То заняться некому, то деньги куда-то уплывают. Что улыбаешься? Думаешь, известный писатель, по колено в деньгах ходит. А у него — забыли, когда в последний раз что-нибудь выходило... Пенсия, правда, солидная. Ким, да и я к тому же... Но живем безалаберно. Отец как был со своими размашками, так и остался. Иногда без копья сидим, а попроси у него кто в долг — вон часы со стены снимет, продаст и виду не покажет. Наоборот, шикарным жестом проделает... А точнее — всем все равно. Тьфу, черт, что это я заныла!

Лева. Раньше я проходил мимо вашего дома, задирал голову, мне казалось — в этом доме живут самые счастливые люди. Только счастливые.

Нина. Как же! Вселяли-то сюда кого! Когда узнавали, что я живу в высотном, менялось отношение. Непременно думали — чья-нибудь дочка.

Лева. Ты и есть дочка известного писателя.

Нина. У Ильфа в записных книжках удачно сказано: «Очень известный в прошлом году писатель».

Звонок в прихожей.

Открой, пожалуйста.

Лева идет открывать. Возвращается с Егорьевым.

Егорьев. Здравствуйте, Нина Андреевна!

Нина. Слава богу, объявились! И очень кстати. Отец без вас все комнаты из угла в угол перемерил.

Егорьев. В Кострому уезжал.

Нина. Познакомьтесь. Бывший друг моего бывшего детства Лева Груздев.

Лева *(здороваясь)*. Очень приятно.

Егорьев. Егорьев Константин Федорович.

Нина *(зовет)*. Папа, Константин Федорович пришел.

Но Жарков в своем кабинете нарочито уткнулся в рукопись.

Папа!

Егорьев. Ничего, я пройду к нему. *(Уходит в кабинет.)*

В КАБИНЕТЕ

Егорьев. Здравствуйте, Андрей Трофимович.

Жарков *(обиженно и как будто не ожидал Егорьева)*. А-а-а! Урвал все-таки между делом.

Егорьев. Срочно укатить пришлось.

Жарков. А то, может, надоел? Ты не стесняйся. Я в своей жизни обузой никому не был и быть не позволю. Неохота — отчаливай.

Егорьев. Извините, не мог предупредить. Срочно вызвали, ночным выехал.

Жарков. Ничего-ничего, мы привышные. В этом же доме: раньше, бывало, иду — чуть не в пояс гнутся, смотреть противно. А теперь нос воротят, будто не замечают.

Егорьев. Экспертиза требовалась, меня и послали.

Жарков. Шваль — она себя в любую погоду показывает, как болячка.

Е г о р ь е в. На шваль и обижаться не следует.
Ж а р к о в. Это говорить легко. Велика ли вошь, а кусает.
Е г о р ь е в. Как дела?
Ж а р к о в Дела идут — контора пишет.
Е г о р ь е в. Закончили?
Ж а р к о в. В общих чертах... Есть время или куда галопом?
Е г о р ь е в. Есть-есть, абсолютно некуда спешить.
Ж а р к о в. Тогда садись.

Егорьев садится в кресло.

(Садится к столу, пододвигает рукопись, раскрывает листы.) Набирайся терпения, страдай.

В то время как он пододвигал рукопись и находил нужное для чтения место —

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМНАТЕ

Л е в а. Кто-то из новых знакомых?
Н и н а. Наоборот, очень старый. Еще когда отец работал на строительстве, встречались. В тридцатых. Потом потерялись, а не так давно встретились снова. Константин Федорович — специалист в области синтетических стройматериалов, крупнейший.
Л е в а. Шишка?
Н и н а. Агромадная.

В КАБИНЕТЕ

Ж а р к о в *(читает)*. «Зима пятьдесят девятого была некрепкая, развалистая, и даже в декабре переходить реку по льду было небезопасно. А уж чтобы пустить грузовой транспорт, и речи быть не могло. Строительство начало лихорадить...».

Свет в кабинете Жаркова гаснет.

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМНАТЕ

Нина. Тянет, значит, на место преступления?

Лева. Ну вот...

Нина. Ладно-ладно, не буду смущать. Зашел и спасибо. Молодец. И не пугайся.

Лева. Чего?

Нина. Мужики избегают баб, от которых смываются.

Лева *(показывая на листы бумаги на столе)*. Работа?

Нина. Да. Числюсь инженером в Институте стали и сплавов, а фактически переводчик. Переучилась. Заочно Иняз кончила. *(Взяла в руки журнал, показала.)* Вот перевожу дискуссию по поводу — какой способ производства стали дешевле: кислородно-конверторный или мартеновский.

Лева *(будто заинтересованно)*. И какой же?

Нина. Откуда я знаю! Весь мир об этом спорит... Видишь, обратно к жизни приобщаюсь. Не бывать бы счастью...

Лева. Самочувствие как?

Нина. Вполне. Говорят, вот-вот — и хоть снова по горам. Ты это дело забросил?

Лева. Ничуть. Нынче маленькой компанией на Ала-Тау собираемся.

Нина. Завидую.

Лева. Ты еще дешево отделалась, Нина. Вспомни Вовку.

Нина. Верно. Такой увалень был, и на́ тебе — бросился, дурачина, за мной.

Лева. Мы все бросились. А его как-то вынесло вперед... Ты, конечно, не думай, он не из-за тебя погиб. Такой же несчастный случай...

Нина. А может, из-за меня? Он все исподлобья на меня посматривал. Чудной был парень... А ты? Интересно работаешь?

Лева. Сверх! Чудом попал в самый интересный отдел. Везет.

Нина. Везение, Лева, ни при чем, ты способный.

Лева. А там нельзя быть неспособным, Нина. Там такие волшебные условия. И атмосфера... какая атмосфера! Дружная, веселая! Потом — общая обстановка исключительная. Все с нами считаются. Ну, ты понимаешь, у нас не трикотажная фабрика, не кондитерская. Сама понимаешь, какое к нам отношение. Доверяют почти абсолютно. Материально вполне хорошо. Квартирные

условия тоже подходящие. Ясли там всякие, садики, детишек мамы-папы хотят видят, хотят нет. Парки. Даже свой театр есть. Да-да, настоящий театр, профессиональный. И играют не какие-нибудь примитивки — у нас, знаешь, объяснять прописи некому, все образованные,— а только самые отборные, больше комедии. Мы, люди серьезные, посмеяться любим. Иногда какую-нибудь интеллектуальную затребуем, чтобы потом в перерывах мозги на отвлеченные темы друг дружке об зубы почесать. А главное — люди, Нина, какие у нас люди — один к одному!

Нина. Рай?

Лева. Вроде. Сейчас здесь, в Москве, иду по улицам и думаю: господи, разве это город? Бегут, толкаются, прямо под красным светом между машинами шныряют, милиционер свистит. Какие-то за чем-то очереди, шум, гам.

Нина. А меня когда из Евпатории в Москву привезли, я этот шум-гам как музыку слушала. Видать, насквозь москвичка.

Лева. А я, очевидно, ренегат. Мне везде хорошо, где мне хорошо. *(Смеется.)* Каждый раз как из Москвы возвращаюсь, нарадоваться не могу.

Нина. В Москве часто бываешь?

Лева. Стараюсь реже. *(Вдруг понял, о чем подумала Нина.)* Я не заходил к тебе, потому что...

Нина. Ладно-ладно, не разводи патоку. Я же тебе говорю — рада.

Лева. Искренне?

Нина. А я давно разучилась притворяться.

Шум в прихожей.

Лева. Кто-то пришел.

Нина. Это свой. У всех ключи есть.

Входит Ким. В руках у него сетка с хлебом.

Лева. Здравствуйте, Ким.

Ким. А-а-а... *(Быстро оглядел Леву с головы до ног.)* Здравствуйте, Лев. *(Сестре.)* Как отец?

Нина. Оттаивает.

Ким. Я хлеба на два дня купил.

Лева. Давно вас не видел, Ким.

Ким. Как раз столько же, сколько и я тебя.

Лева. Как жизнь?

Ким. Отлично.

Лева. Как работа?

Ким. Лучше всех.

Звонок телефона.

Нина *(взяла трубку).* Алло! Да, дома... Пожалуйста. Тебя, Ким.

Ким *(беря трубку).* Слушаю... А! Здравствуй, Боря... Завтра нет, выходной... Побегай один... Да не перебивай... Не жила нужна... Технику отрабатывай, технику. Будь здоров. *(Положил трубку. Сестре.)* Шкет у меня один сегодня отличился, стометровку за десять и пять прошел.

Нина. Случай?

Ким. Думаю, нет. Великолепные ноги.

Лева *(шутливо).* А голова?

Ким. Одним голова, другим руки, третьим ноги. Для разнообразия в природе. А то представь: кругом одни умные головы, ни одного дурака. И посмеяться не над кем. *(Ушел к себе.)*

Лева *(глядя вслед Киму).* Как постарел... Ему сколько?

Нина. Сорок один.

Лева. На все пятьдесят потянет.

Нина. Неужели? А я и не замечаю.

Лева. И сердит.

Нина. Это он давно такой.

Лева. Понимаю.

Нина. Не только оттого, что Алла сбежала. Знаешь, когда спортивные звезды восходят, все видят, приветливо машут ладошками, а когда закатываются... Кто замечает? Только самые близкие.

Лева. Он, по-моему, на звезду так и не вытянул.

Нина. Чуть-чуть.

Лева. Чуть-чуть, Ниночка, это и есть в науке решение проблемы. Нет чуть-чуть — и ничего нет.

Ким вдруг вскочил, пошел в центральную комнату.

Ким. Альберт где?

Нина. Ушел.

Ким. Вижу, что ушел. Куда?

Нина. К Дроздовым. Посылка пришла.

Ким. Опять эта особа выставляется. Напиши ты ей, что я не хочу этих ее паршивых посылок.

Нина. Возьми и напиши.

Ким. Парень растет нормальным. Так ей надо яд в него вливать, яд.

Нина. Подумаешь, какое-то там барахлишко...

Ким *(Леве)*. Ты представляешь — видимо, и Нина тебе уже сказала: мы с Аллой — пшик! — в разные стороны. Она где-то там у черта на рогах. Ты скажи объективно: шестнадцатилетнему парню, когда и сознание, и вкусы, и все так нестойко и восприимчиво, она шлет оттуда какие-то пестрые куртки, рубашки, пластинки с этой психической музыкой...

Нина. И что особенного?

Ким. А они, молодые, клюют. Клюют на пластинки, на галстуки, на рубашки. И их — раз, подсекли и тянут к себе, тянут. Они же не понимают. А она-то должна понимать. Не маленькая, должна. Какая бы ни была женщина, элементарные вещи должна соображать. Как была без одного винтика, так и осталась. Попугай! Попугай! Хочешь, я тебе ее портрет покажу?

Лева. Да.

Ким. Оттуда прислала. Очень ее выражает, очень!

Лева. Ким, мне кажется, вы преувеличиваете. Мать — ей хочется.

Ким. Надо думать не о том, что ей хочется, мало ли чего ей хочется, а что ему полезно или вредно. Я знаю, чего ей хочется.

Лева. Чего?

Ким. Хочется перед мальчишкой выглядеть шикарно. Вот, мол, я какая, вот, мол, мы какие там заграничные! Она же его манит. Я знаю, манит, манит. Всадница! *(Леве.)* Хочешь послушать эту музыку? *(Побежал в свою комнату.)* Сейчас я тебе доставлю удовольствие. *(Налаживает проигрыватель.)* Узнаешь ее вкус. Наслаждайся, это сногсшибательно! Она тут вся со всеми потрохами!

Музыка. Ким усилил звук, и она гремит, сотрясая стены.

В КАБИНЕТЕ

Ж а р к о в *(читает, стараясь перекричать музыку).* «Зина стремительно помчалась к прорабу и, задыхаясь от бега, от ветра, а главное, от охватывающего ее волнения, еле слышно прошептала потрескавшимися губами: «Петр Степанович, идите в четвертый барак, идите, там...» *(Разъяренный, вскочил, вошел в центральную комнату. Еле сдерживаясь.)* Кто это развлекается?

Н и н а. Ким демонстрирует пластинки.

Жарков вошел в комнату Кима, сорвал мембрану с пластинки. Тишина.

Ж а р к о в. Приспичило?

К и м. Я хотел...

Ж а р к о в *(передразнивая).* Многого ты в жизни хотел, хотило! *(Ушел и, проходя через центральную комнату, мягко пояснил.)* Мешает работать. *(Прошел в кабинет.)*

Ж а р к о в. Извини, Константин Федорович.

Е г о р ь е в. Ничего-ничего. Я понимаю.

Ж а р к о в. Возьму чуток выше.

Е г о р ь е в. Как вам удобно.

Ж а р к о в. Немного осталось, потерпи.

Е г о р ь е в. Какой вы...

Жарков читает тот же отрывок. Свет в кабинете гаснет.

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМНАТЕ

Входит виноватый Ким.

Л е в а. Музыка действительно впечатляющая.

К и м *(сестре).* У отца есть, что ли, кто?

Н и н а. Константин Федорович приехал.

К и м. Что ж ты не сказала?

Л е в а. Вы хотели показать портрет Аллы Васильевны.

К и м. Потом...

Л е в а. Поссорились?

К и м. Это я виноват. Писательское самолюбие зацепил.

Н и н а. Будет-будет... Ты сам что сегодня, особенно не в своих?

К и м. Тренера Антонова, моего учителя,— помнишь? — на хозяйственную работу перевели. Лицо у него было... Эх! Видела бы ты...

Л е в а. Ким, хозяйственная работа тоже работа.

К и м *(смотрит на Леву долго, колюче)*. Конечно. Ты, наверное, кандидат наук?

Л е в а. Да.

К и м. К докторской подбираешься?

Л е в а. Делаю поползновение.

К и м. Скоро?

Л е в а. На будущий год надеюсь осилить.

К и м. Всадник, наверное? *(Ушел к себе, лег на диван.)*

Л е в а. Всадник — это означает что-то оскорбительное?

Н и н а. Чепуха! Выдумки его нездоровой фантазии.

Л е в а. Что делать с обиженными судьбой?

Н и н а. Всех вешать. На свете должны жить только удачливые, верно?

Л е в а *(смеется)*. Желательно.

Н и н а. Вообще-то на стадионе мальчишки его обожают, и, очевидно, взаимно.

Л е в а. А Алла Васильевна бывает здесь?

Н и н а. Раз в году. Но сюда не заходит и Альберта не видит. Ким, когда узнает, что она едет, берет отпуск и уезжает с Альбертом то на Кавказ, то на Байкал, туристами ходят. Нынче на август взял в Прибалтику. Она в августе собирается.

Л е в а. Боится — мальчишка уйдет к матери?

Н и н а. Альберт вырос,— паспорт нынче получил... Уйти не уйдет, а побаиваемся — приедет, поманит...

Л е в а. От такого, знаешь, и может...

Н и н а. Нет, не думаю.

Л е в а. Там — Бразилия.

Н и н а. А тут — мы. Он дом любит... Кстати, а твои где?

Л е в а. Со мной, на полном обеспечении.

Н и н а. Не жалуются?

Л е в а. Нет резона.

Н и н а. Слушай, ты разродись, произнеси главное. Женат?

Л е в а. Нет.

Н и н а. Вона!.. И не был?

Л е в а. Не был.

Н и н а. Стрекозлом, что ли, скачешь?

Л е в а. Не женат, но без пяти минут.

Н и н а. А!.. Ко мне забежал взять отпущение грехов перед свадьбой?

Л е в а. Ну, если хочешь...

Н и н а. Чего хочу?

Л е в а. Ну, так говорится... Все-таки есть на душе камень...

Н и н а. Ты совестливый. Другие столько этих камней таскают — каждый по дюжине, а бегают как миленькие, будто порожняком.

Л е в а. Это верно.

Н и н а. Жених должен быть чистым. Про невесту раньше, говорят, пели: грядет голубица. А про жениха — грядет голубец, что ли? Хотя нет, голубец — это пищепродукт. Голубок!

Л е в а. Ты здесь тоже стала немножко раздражительной.

Н и н а. У нас не рай, это точно.

Л е в а *(взглянув на часы)*. Извини, пожалуйста, можно, я позвоню в гостиницу, узнаю, как с номером, просили в это время позвонить.

Н и н а. Давай. *(Пододвинула к Леве телефон.)*

Л е в а. Где-то у меня записан номер администратора.

Пока он ищет номер телефона и неоднократно набирает его, так как абонент, видимо, занят, действие переходит в кабинет.

В КАБИНЕТЕ

Ж а р к о в *(читает)*. «В черной непроглядной ночи огни казались особенно крупными и яркими. Зина любовалась ими, ловила чутким ухом знакомый шум, и ей казалось, будто огромное живое существо дышит в этом бескрайнем пространстве, дышит глубоко, ритмично, и это существо было их общее, выстраданное нелегкими долгими месяцами дитя. Оно появилось на свет, существовало, жило». Все. Не заснул?

Е г о р ь е в. Нет.
Ж а р к о в. И это лестно.
Е г о р ь е в. С вами что-то произошло в эти дни, Андрей Трофимович?
Ж а р к о в. Ровнешенько ничего. С чего это тебе померещилось?
Е г о р ь е в. Какая-то чрезмерная чувствительность. Мне показалось...
Ж а р к о в. Раньше говаривали: кажется — перекрестись.

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМНАТЕ

Л е в а. Занято.
Н и н а. Набирай без передышки.

В КАБИНЕТЕ

Ж а р к о в. Ну, валяй, одним махом, не деликатничай. Мы, писатели, народ привышный, рубленый.
Е г о р ь е в. По-моему, очень неплохо.
Ж а р к о в. Хорошо или неплохо?
Е г о р ь е в. Странно вы иногда умеете переворачивать смысл.
Ж а р к о в. А я писатель, глаз у меня сквозной, на кривой козе не объедешь. Дрянь, значит, писанина?
Е г о р ь е в. Почему дрянь?
Ж а р к о в. Вот я и спрашиваю — почему?
Е г о р ь е в. Видите, у Тургенева...
Ж а р к о в. Я не Тургенев, не Лев Толстой, не Антон Павлович, это мы уговоримся заранее, Константин Федорович.
Е г о р ь е в. Тогда я не знаю, как подойти к разбору вашего произведения. Я вас люблю и уважаю и не хочу сравнивать с теми писателями, которых не люблю, не уважаю и которых вообще за писателей не считаю. Разумеется, я плохой ценитель, Андрей Трофимович. Вероятно, у вас в Союзе писателей...
Ж а р к о в. У нас в Союзе писателей каждый свой взгляд норовит навязать. Мне нужно мнение читателя, а не писателя.
Е г о р ь е в. И читатели разные бывают. Одни любят литературу попроще, другие осложненную, а у иных эстетическое развитие столь невысоко, что они не могут провести грани между художественной литературой и нелитературой.

Ж а р к о в. Писаниной?

Е г о р ь е в. Вроде.

Ж а р к о в. Мои опусы из этого разряда?

Е г о р ь е в. Нет.

Ж а р к о в. Да! А я вот что вам скажу, Константин Федорович. Пренебрегать читателем, у которого вкус еще не до того развит, чтобы Марселем Прустом или Кафкой упиваться, тоже негоже. Ему, чтобы ваших рябчиков с душком расчухать, через эту самую «нелитературу» пройти надобно. На чем русский народ учился, когда при дворе уже Руссо и Вольтера почитывали, а? На лубках, на самых примитивных, на похабных даже... Я свое место понимаю, но и то, что тут накалякано, тоже не последнее дело.

Е г о р ь е в. Ну что же «ты сам свой высший суд, всех строже оценить сумеешь ты свой труд».

Ж а р к о в. Не надо, Константин Федорович, Пушкину за спину забегать. Я свое мнение пока при себе держу, вашего дожидаюсь.

Е г о р ь е в. Разрешите взглянуть глазами. *(Берет рукопись.)*

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМНАТЕ

Л е в а *(наконец дозвонился)*. Алло, это администратор?.. Товарищ Веников, говорит ученый Груздев из-под Новосибирска относительно двести восемнадцатого номера, вы обещали... Спасибо, я подожду. *(Нине.)* Сейчас узнает. Между прочим, очень симпатичный дядька попался. *(В телефонную трубку.)* Да-да, слушаю... Как — нет? Вы же обещали... *(Положил трубку.)* Даже говорить не стал. Редкий хам.

Н и н а. Ну уж, сразу и редкий. Обыкновенный. Оставайся у нас, если не боишься. Вот диван в твоем распоряжении.

Л е в а. Удобно ли?

Н и н а. Очень удобно. Он мягкий.

Л е в а. Не стесню?

Н и н а. Какой ты деликатный стал, Лева. Раньше гоню тебя из парадного, гоню, а ты до рассвета: постоим да постоим. Нахал был. *(Смеется.)*

Л е в а. Остаюсь.

Нина. Узнаю храброго... Помнишь, после экзаменов мы компанией гуляли веселенькие? Ты все рвался перелезть решетку зоопарка, отыскать своего родственника льва. Кричал: «Дайте я пожму его лапу!» Мы тянули тебя с забора, боялись — вдруг лев не признает родню, сожрет. Тебя потом долго дразнили «храбрый Лева».

Лева. Да, безобразили мы тогда лихо.

Нина. Есть что вспомнить... Ты, наверно, с голоду помираешь, деликатный. *(Зовет.)* Ким, ужинать накрывай! Отец, прием пищи!

В КАБИНЕТЕ

Жарков *(отбирая у Егорьева рукопись)*. Ладно, не пыхти. Пойдем, похватай калорий, духу прибавится.

Егорьев. Неплохо, честное слово, неплохо.

Жарков. Пошли! Водки выпьешь и изречешь истину.

Идут в столовую.

(Киму, который уже помогает сервировать стол.) Там в холодильнике достань. Отметим окончание. Мой верный друг Константин Федорович прямо сказал: неплохо. Неплохо — это значит хорошо. Ведь так устроен русский язык, а? Выйдет книга, денег отхвачу кучу, ремонт произведем, все золотой краской выкрашу.

Ким. Не сглазь.

Жарков. Чего?

Ким. Пока книга не вышла.

Жарков. И не выйдет, да?

Ким. Почему?

Жарков. Вот, Константин Федорович, нет пророка в своем отечестве. Не верят. Этот особенно.

Лева *(Жаркову)*. Знаете, когда у нас сдают работу, все тоже вот так натянуты и нервны. К шефу не подходи — разгрызет.

Ким. Это из-за меня. *(Отцу.)* Ну что ты злишься, я виноват, извини, пожалуйста. *(Егорьеву и Леве.)* Папа читал свою рукопись, а я заснул.

Нина. Ким, не афишируй свои доблести.

Жарков. Ты не заснул, а притворился спящим, вот в чем подлость.

Ким *(радостно)*. Что ты, я заснул, честное слово, заснул.

Жарков. Притворился!

Ким. Я до половины второго «Мастера и Маргариту» Булгакова читал. Сложно пишет, а оторваться нельзя. Потом тренировка была, за путевками забегал...

Жарков. Врешь, врешь и врешь! Притворился. Булгаков мне объявился! Физкульт-ура! Что ты сейчас в комнате делал? Читал? Лежал на диване, я знаю! Все спишь, милый? Так вот и жену проспал. И сына как-нибудь продремлешь. Явится она в один прекрасный день, Альберт увидит, какая у него замечательная мать...

Ким. Даже если она сюда со взводом милиции пожалует — ни с чем выкатит.

Жарков. А у Альберта теперь паспорт, он сам решать будет.

Пауза.

Нина. Извержение вулкана.

Егорьев *(Жаркову)*. Вот вы из-за чего сам не свой.

Жарков. Я сам и я свой. *(Накладывая себе на тарелку консервов из банки.)* Люблю частик в томате. Знаю — дрянь консервы, а люблю, могу один банку съесть.

Нина. Альберт сейчас что-нибудь вкусное принесет.

Ким. Где он провалился?

Нина *(Леве)*. Мы на консервы да на полуфабрикаты жмем. Как в походе.

Жарков. Второй год в этом походе идем.

Лева. Слыхал. Славная была женщина Валентина Семеновна.

Жарков. А на столовки не переходим. Дом — он все-таки объединяет, верно?

Лева. Не могу поддержать. Я общественная птица. Кафе, столовая, на бегу, на лету. Вы меня извините, но, по-моему, дом — это умирающее устройство. Может быть, и милое, но уходящее навсегда. И мне, представьте, нравится общественное бытие.

Нина. Женишься, тоже гнездо вить начнешь.

Л е в а. Не думаю. Посуда и пеленки — не мой удел.

Ж а р к о в. Детей вообще не надо, ну их к лешему, верно?

Л е в а. Дети детьми, но ничего не должно держать людей за руки. Тем более так называемый дом со всей своей сложнейшей и тяжелейшей механикой.

Н и н а. Где-то должно храниться человеческое тепло, Лева?

Л е в а. Я понимаю, многим может казаться это жестоким, но человечество вступает в новый цикл бытия, и оно решительно разрушает наши милые бабушкины патриархально-крестьянские взаимоотношения. Разрушает и дом.

Н и н а. Дома не будет. Не грустно ли это, Лева?

Л е в а. И больно, вероятно. А как было страшно боярам, когда Петр Великий вытряхнул их из долгополых меховых шуб и переодел в кургузые кафтаны? В шубах человеческое тепло сохранялось густо и надежно. Но сквознячок не помешал. А как сейчас изменились взаимоотношения детей и родителей! Где авторитет отца? Где покорность или хотя бы элементарная вежливость детей? Улетучилась и продолжает улетучиваться. А ведь это самое полное разрушение дома. Иные семьи что объединяет? Крыша над головой, ночлег, и все. Объединяет сон. А утро — и все в разные стороны, и каждый за своим. Еще пятьдесят — сто лет, и семейный дом будут показывать в музее.

Ж а р к о в. Смотри-смотри, тут, знаешь, есть своя логика.

Е г о р ь е в. Есть логика, но нет смысла.

Ж а р к о в. Свежий ветерок, Константин Федорович, свежий ветерок. Нас под горочку, на канавку.

К и м. И правильно ! И верно! Уйдет, все под метлу истории! И поскорей бы! Пусть провалятся наши идиотские переживания. Кому они нужны? Ни обществу, ни тем более личности. Человек должен быть железным, целенаправленным, и не надо этой всякой там дружбы, великой, единственной любви...

Л е в а. Разрешите, я вам расскажу факт о единственной любви.

Н и н а. Ну-ка, ну-ка, давай об этом по-научному.

Л е в а. Да, объективно. К нам приехали ребята — молодые социологи, разослали кучу анкет, чуть ли не всем мужчинам. Подписи не требовалось. Вопрос был один: сколько раз вы любили? Выясни-

лось: ни одного, понимаете, ни одного ответа, где фигурировала эта знаменитая единая и неделимая. Два, три, пять, семь и, извините, больше. Заметьте, были опрошены деятельные, умные, современные...

Е г о р ь е в. ...животные.

Л е в а. Нет, Константин...

Ж а р к о в. ...Федорович.

Л е в а. Нет, Константин Федорович, у нас там все люди порядочные. Вы женаты?

Е г о р ь е в. Допустим.

Л е в а. Вы знали только свою жену? Пожалуйста, если возможно, откровенно.

Е г о р ь е в. Нет, я был женат дважды.

Л е в а. Вот видите!

Е г о р ь е в. Я женился рано. Потом у меня были неприятности, и жена оставила меня, потому что...

Л е в а. Это совершенно несущественно, почему и отчего. Видите, и она полюбила другого, и вы утешились, нашли другую... Это все естественно и в извинениях и пояснениях не нуждается.

Ж а р к о в. Погоди-погоди. Жена от него ушла, когда его мальчишкой по недоразумению арестовали. Он тогда желторотый был, подписал акт приемки со всей юношеской доверчивостью. Утром ревизия грянула, а на объекте такие безобразия обнаружились... Его, голубчика, потянули, а супруга сдрейфила, поскорей за одного полувоенного от страха выскочила!

Л е в а *(не сдаваясь)*. Опять-таки это несущественно. Мы берем факт, так сказать, в чистом виде.

Е г о р ь е в. Социология — не бухгалтерия, Лев... Извините, как ваше отчество?

Л е в а. Можно звать просто — Лева.

Е г о р ь е в. К чему такая инфантильность, вы не ребенок.

Л е в а. Лев Иванович.

Е г о р ь е в. Обилие равно повторяющихся фактов, Лев Иванович, есть только предмет для размышления, а не объяснение явления. Например, один добрый человеческий поступок более выразителен, чем болтовня десятка злых людей о доброте.

К и м. У меня в секции взрослых один социолог занимается. Тоже все спрашивает, подсчитывает, вычисляет. Говорит, скоро я все объясню математически точно. А по-моему, совсем запутается и с ума сойдет. У него и сейчас так — голова дергается. От этого и в секцию записался.

Входит А л ь б е р т.

Н и н а. Ну, наконец-то. А посылка где?

Альберт не отвечает.

Что ты?

А л ь б е р т *(неестественно улыбаясь)*. Мама приехала.

Н и н а. Когда?

А л ь б е р т. Она у Дроздовых. Ждала меня. Я ее видел.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Те же комнаты. Поздний вечер. В кабинете — Ж а р к о в и Е г о р ь е в. На столе бутылочка. Они изредка потягивают винцо. Егорьев просматривает рукопись.

Ж а р к о в. Ты, поди, на ночь больше Сартра или Хемингуэя почитываешь, а?

Е г о р ь е в. Я действительно новой литературой интересуюсь.

Ж а р к о в. Моя, значит, старая?

Е г о р ь е в. Я этого не сказал.

Ж а р к о в. Непонятный ты человек. Завтра, можно сказать, академиком будешь, пузо растить надо. Неужели тебя всякие модные свистуны сбивают? Ведь они отчирикают и сдохнут. Ты мне скажи, что ты больше всего в художественной литературе уважаешь?

Е г о р ь е в. Чудо. То, что откуда-то с неба падает помимо воли и разума. Чего никогда не выдумаешь. От чего все — и главные мысли

твои, и характер, да и само содержание даже — особым смыслом освещается. Вот, например, возьми того же Гоголя...

Ж а р к о в. Да оставь ты классиков в покое. И так нас ими до смерти заколачивают. Ты лучше скажи, у кого теперь — с чудом?

Е г о р ь е в. Есть. И порядочно. Ну если не с чудом, то с небольшим чудиком. А маленькое чудо тоже чудо и тоже светит.

Ж а р к о в. Ах, Константин Федорович, большая ты голова, но в этом деле темная. Во-первых, писатель — это рабочая лошадь, а не поимщик чуда. Что же, по-твоему, я сидеть в кресле должен и ждать, когда это чудо с твоего неба ко мне в ладошки свалится?

Е г о р ь е в *(подумав)*. В общем, да.

Ж а р к о в *(продолжая)*. А во-вторых, может, оно тебе туда в твои протянутые длани такое швырнет — потом весь век рук не отнимешь.

Е г о р ь е в. Мне думается...

Ж а р к о в. В наше время важно знать, что пишешь, для чего, для кого. Ты вот нос морщишь, а меня вчера в редакции похвалили, сказали — роман нужный, особенно для молодежи. И не какой-нибудь мелкий юнец это сказал, а человек почтенного возраста, всеми ветрами до седины продутый. Во-вторых, тема — у меня — не какая-нибудь комнатушечная или постельная...

Е г о р ь е в. Эта тема, Андрей Трофимович, и раньше в нашей литературе разрабатывалась.

Ж а р к о в. И что?

Е г о р ь е в. Видимо, ее надо подавать как-то по-новому.

Ж а р к о в. Как?

Е г о р ь е в. А вот это один талант знает.

Ж а р к о в. Так... крепко стукнул... За что я таких, как ты, интеллигентиков не люблю: за чистоплюйство, за выставную честность. Я с вами себя все время жуликом чувствую, проходимцем. Да с какой стати! Чем я хуже вас? Если ты интеллигентный человек, ты не тычь мне в нос свою интеллигентность, пощади, будь поделикатнее.

Е г о р ь е в. Я же вам ничего обидного не сказал, Андрей Трофимович.

Ж а р к о в. Все обидное. И чудо твое обидно, и это твое «что-то новое», думаешь, тоже приятно? И даже само слово «талант» в данном

случае звучит как-то нехорошо... Чуда тебе надо. Не любишь ты советскую литературу, вот что.

Е г о р ь е в. И — враг народа. Человек вы прекрасный, Андрей Трофимович.

Ж а р к о в. А мне надо, чтобы ты меня за писателя считал.

Е г о р ь е в. Я считаю.

Ж а р к о в. Врешь. Где ты столько лет пропадал, когда меня и в газетах и по радио до небес превозносили? Ведь читал, слыхал? А не объявлялся. Почему? А когда меня кое-где прикладывать начали, ты вдруг высунулся. Считаешь меня за писателя?

Е г о р ь е в. Считаю.

Ж а р к о в. Я писатель?

Е г о р ь е в. Вы писатель.

Ж а р к о в. Повтори.

Е г о р ь е в. Вы писатель.

Ж а р к о в *(вдруг обхватил голову руками)*. Ох-ох-ох-ох-ох!

Е г о р ь е в. Чего это вы?

Ж а р к о в *(как бы стряхнув с себя что-то)*. Ничего, продолжай.

Е г о р ь е в. Вы описываете сегодняшнее строительство, а ведь оно у вас, Андрей Трофимович, на довоенной технике тащится... Вы меня извините, но и организация труда теперь иная. Вот возьмите ту сцену, где ваши строители по бездорожью чуть ли не целые корпуса волоком волокут...

Ж а р к о в *(останавливая)*. Погоди.

Е г о р ь е в. Не в этом, конечно, дело, приметы быта — они антураж, гарнир... В середине всей литературы — человек... Под увеличительным стеклом, под микроскопом, под ярким светом таланта... И возникает истина... Я читаю — она и мне открывается, и своим светом и в меня бьет... Я расту, так сказать, может быть, совершенствуюсь... А где этот человек в данный момент находится — в комнате, в степи, за чертежной доской, в постели с возлюбленной или под судом стоит,— не все ли равно, он везде быть может и в любом положении достоин внимания... А нелитература — она все лжет про человека!.. И не совпадает... получаются два человека — один выдуманный, а другой настоящий, живет своей поразительной сложной жизнью... Много вы на

земле всяких диковинных сооружений соорудили, да и я участие то тут, то там принимаю... А это ваше теперешнее занятие на самое великое строительство претендует — строительство человека, того, кто будет стоять на этой самой моей материальной базе. Кто там, на фундаменте-то, прогуливаться будет? Ежели какая скотина, так спрашивается: зачем я по ночам в командировки езжу? Не хочу тогда. А я верю — и езжу.

Ж а р к о в. Помолчи, Костя.

Е г о р ь е в. Не обижайтесь.

Молчат.

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМНАТЕ

Л е в а вешает на спинку стула пиджак, потом вносит из прихожей чемоданчик и достает из него мыльницу, электробритву, зубную щетку, пасту.

Входит Н и н а. Она приносит постельные принадлежности, кладет их на стул, передает Леве полотенце.

Н и н а. Хочешь — сполоснись в ванной.

Л е в а. С удовольствием. Хоть и самолетом, а все-таки с дороги. *(Берет у Нины полотенце.)*

Н и н а *(не отпуская края полотенца)*. Любопытно... Слушай, у тебя нет такого чувства, будто мы снова в этой комнате... и все вернулось обратно «в те баснословные года»?

Л е в а *(у которого этого чувства нет)*. Действительно есть. *(Взял полотенце, бритвенные принадлежности и ушел, видимо, в ванную.)*

Нина стелет на диване постель. К и м выходит из своей комнаты.

К и м *(увидев, что Нина стелет постель)*. Своего беглого обхаживаешь. Я бы его в загривок выставил.

Н и н а. Ты максималист, требуешь от людей более, чем им дано от бога.

К и м. Этот берет только от черта.

Н и н а. Что не спишь?

К и м. Дай — чего ты там на ночь глотаешь.
Н и н а. Дожил! *(Достает таблетку, дает Киму.)*
К и м. Что это за чертовня?
Н и н а. Обыкновенный димедрол.
К и м. Не сдохнешь от него?
Н и н а. Я, наверно, килограмм проглотила. Видишь — дышу.
К и м. Она нарочно тихо прискакала.
Н и н а. Конечно.
К и м. Хищная зверюга. Хитро подстроила. Вызвала, будто за посылкой. Такие — капканы ставить умеют.
Н и н а. Сам виноват. Нечего было прятать Альберта.
К и м. Мы уезжали, ты же знаешь.
Н и н а. Окстись, кому ты врешь! Тоже капканчики налаживать мастер.
К и м. Думаешь, претендовать на него будет?
Н и н а. Если нормальная мать — обязательно. Помнишь, как тогда ревела?
К и м. Напоказ! Этот номер у нее не пролезет.
Н и н а. Не трясись. Ну, повидается с ним и укатит. Не возьмет же с собой.
К и м. Хорошо, что мидовцам не разрешают с детьми старшего возраста жить по заграницам.
Н и н а. Разве не разрешают?
К и м. Нет. Я узнавал.
Н и н а. Чего же ты трясешься?
К и м. Взбаламутит она парня... Вот скажи, зачем он стал изучать португальский язык?
Н и н а. Так он...
К и м *(перебивая)*. Потому что у них там в Бразилии по-португальски.
Н и н а. Ну-у, бредишь, просто бредишь! А французский ему зачем, английский? У парня дар божий. Радоваться должен.
К и м. Португальский — из-за нее.
Н и н а. Несчастный ты человек!
К и м. Альберт тебе не говорил, какие у нее планы?
Н и н а. Нет. А какие?
К и м *(зовет)*. Альберт!
А л ь б е р т *(выходит из своей комнаты)*. Что?

Ким. Она не сказала — зайдет сюда или нет?

Альберт. Кто «она»?

Нина. Мама.

Альберт. Мама сказала, что хотела бы вас всех повидать.

Ким. Зачем?

Альберт. Слушайте, что вы на меня наваливаете ваши взаимоотношения! Мама дала телефон. На, возьми. *(Достает визитную карточку матери, протягивает отцу.)*

Ким. Зачем она мне?

Альберт. Позвони, переговори, выясни.

Ким. Что?

Альберт. Я откуда знаю — что! *(Молча постоял немного.)* Все?

Нина. Все, Альберт.

Альберт пошел к себе.

Ким *(вертя в руках визитную карточку)*. Визитная карточка, ишь ты!

Нина. Веди себя поумнее, парень и так в расстроенных.

Ким. Что я такого сказал?

Нина. Смотри! Сам ему в ту сторону светофор открываешь.

Ким. Да? *(Вдруг быстро пошел в свою комнату. Весело.)* Слушай, тип, мне сегодня лихо повезло.

Альберт. В чем?

Ким. Догадайся!.. Путевки в кармане. *(Достает из пиджака путевки.)* Вот — твоя, моя. Тут вся Прибалтика. Таллин, говорят, хорош, Рижское взморье. Побродяжим, а?

Альберт. Побродяжим.

Ким. У меня точно — и деньги скопил, и путевки выхлопотал. Знаешь, их нарасхват, не так-то легко. Но у меня в ЦК профсоюза один старый дружок обнаружился. Шурка Лапин. Не слыхал о таком?

Альберт. Нет.

Ким. О-о-о, в свое время великолепный спринтер был. Вы, молодые, ничего не помните... Я его за бока. Побегал, а достал. Рад?

Альберт. Конечно.

Ким. На будущий год еще что-нибудь придумаем. Может, знаешь: Кижи, Валаам и прочее. Тоже, говорят, исключительно!

А л ь б е р т. Папа!

К и м. Что?

А л ь б е р т. Я не знаю, как тебе сказать...

К и м *(весь натянулся как пружина)*. Как всегда... попроще...

А л ь б е р т. Только ты не волнуйся.

К и м *(у него даже перехватило дыхание)*. Ну, ну... Я тебе по дороге записную книжку купил. Вроде дневника. Замечательная книженция, чуть не забыл. Вот видал, как стали у нас делать,— не хуже других, а может, и получше. *(Отдает Альберту книжку.)*

А л ь б е р т. Спасибо.

К и м. Что скажешь — хороша, верно?

А л ь б е р т. Отличная книжка, спасибо.

К и м. Да, у меня в группе экстра-парень объявился: стометровку за десять и пять прошел... Ну, что хотел сказать?

А л ь б е р т. Я, конечно, не поеду... но мама сказала... ей удалось добиться разрешения взять меня с собой в Лондон. На все лето. Их в Англию переводят. И если я хочу...

К и м. Совершенно ничего не понимаю!

А л ь б е р т. Ну... маме разрешили, чтобы я...

К и м. Что у нее за дикая мысль!

А л ь б е р т. Почему дикая? Она говорит: если я буду целое лето говорить по-английски... Кстати, к нам в страну многие приезжают изучать русский язык... И если я поеду туда... Маме разрешили...

К и м. Дикая, абсолютно дикая идея!

А л ь б е р т. По-моему, не дикая. По-моему, интересная.

К и м. Ты бы поехал?

А л ь б е р т. В принципе не вижу ничего особенного.

К и м. Что значит — в принципе?

Альберт молчит.

Хочешь?

А л ь б е р т. Я не поеду, конечно.

К и м *(врывается в центральную комнату)*. Акула! Я же тебе говорил — она акула! Как это маленькие-то, самые хищные, называются, как? Как? Забыл! Как?

Н и н а. Что еще?

На крик Кима выходят Жарков, Егорьев, а позднее из ванной — Лева.

Жарков. Можно, в конце концов, хоть ночью не орать, как в зоопарке...

Ким *(абсолютно не обращая ни на кого внимания)*. И все делается тихой сапой, шито-крыто. Ей разрешили! Ловко! Бандиты. Им все разрешают. Им все подносят на блюдечке.

Альберт *(который вслед за отцом вошел в комнату)*. Я не поеду, сказал же.

Нина *(Киму)*. Объясни ты — куда, кто, к кому, зачем?

Ким *(показывая на Альберта)*. Вот он пусть объяснит, он! Вот эти пестрые платочки, свитерочки, пластиночки, картиночки, привет оттуда, не забывайте нас! И он готов мчаться! Ему на всех начхать с высокого дерева! Отец не помрет! Дед — подумаешь! Больная тетка — леший с ней! Туда, туда, в их общество!

Альберт *(еле сдерживаясь.)* Я же сказал — не по-е-ду.

Ким *(всем)*. Прилетела жар-птица, обронила перо, засверкало, аж в глазах больно у Иванушки-дурачка. Выхлопотала ему возможность ехать с ней в Лондон. Их туда определили. *(Альберту.)* Собирайся, принц, лошадь подана, у крыльца! Ножку в стремя, давай подсажу, мой мальчик, все подсадим... Завтра она, конечно, сюда пожалует к нам, озарит, осчастливит. Встретим! С портретом ее встретим! С портретом! Где же он, где? В переднем углу повесим! С портретом! *(Бежит в свою комнату, вытаскивает из-за шкафа свитый на палку холст, разворачивает его, возвращается в центральную комнату, машет портретом.)*

На портрете Алла изображена, в полный рост в ослепительном сиянии солнца, нарядная и смеющаяся.

Вот она, вот! Любуйтесь! С портретом! С портретом! *(Расстилает холст на полу и вдруг начинает топтать изображение ногами.)*

Нина. Ким!

Жарков. Перестань!

Альберт. Псих!

Ким. Что ты сказал?! Что ты сказал?!

Нина. Не смей, Ким.

Ким, Жарков, Нина, Лева *(одновременно).*

Ким. Нет, вы слышали, что он мне сказал?!

Жарков. Я тебе запрещаю!

Нина. Зачем ты так...

Лева. Товарищи! Товарищи!

И вдруг раздается сильный и властный голос Егорьева.

Егорьев. Прекратить!

От этого неожиданного возгласа наступает тишина. Пауза. Альберт резко повернулся и убежал к себе. Ким сел на постеленный диван. Тишина. За окном раздается тот же крик. В ночи он еще слышнее. Нина идет в комнату Альберта.

В КОМНАТЕ АЛЬБЕРТА И КИМА

Нина. Ну чего ты, Жук, ну? *(Трясет Альберта за плечо.)* Будя... чего ты? Ну не молчи... не молчи... Разрядись... Ну на меня гавкни, ну?

Альберт. Как он так может...

Нина. Отец у тебя отличный, Алька. Судьба ему определилась невеселая. А он никому худого никогда не делал. Сейчас сорвался. Сам знаешь почему. Не суди, друг, не суди. *(Улыбнулась.)* Помни, Жук, каждый из нас на этой земле не только судья, но и подсудимый.

Альберт. Я же не поеду. Я просто так сказал... Мама предложила, но я же не говорил «да». Зачем же он так...

Нина. Тихо, тихо... Ложись спать, ложись. Ну давай, заворачивай ходули.

Альберт. Не хочу.

Нина. Ну, посидим. Не спорь с ним сегодня. Ни слова. Будь выше принципиальности, понял?

Альберт *(помотал головой).* Я и не собирался ехать, а он подумал...

Нина. Ладно, ладно, Жук, мы должны быть на высоте.

Альберт. Ну ты подумай, разве бы я мог сказать «да», разве бы мог?

Нина. Все, все!.. Никто бы этого и не подумал.

Пауза.

(Берет со стула книжку.) Что читаешь? Батюшки, к Достоевскому подобрался!

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМНАТЕ

Егорьев. Половина второго, пора по домам, Андрей Трофимович.

Жарков *(сыну)*. Всю жизнь физкультурой занимаешься, а в здоровом теле нездоровый дух. Попридержи себя хотя бы до утра. Придет — объяснитесь.

Ким. Она его заберет.

Жарков. Что значит — заберет? Чемодан он, что ли? Нельзя так, Ким... *(Вместе с Егорьевым ушел в кабинет.)*

Лева. Ким, я думаю, вам действительно нет оснований волноваться.

Ким. Это я сам знаю — есть основания или нет оснований.

Лева. Конечно, я понимаю.

Ким. Ты не понимаешь.

Лева. Самое паршивое, Ким, когда начинаешь распускать свои страсти. Они владеют тобой, теряешь рулевое управление и, знаешь, до первого фонарного столба. Потому — всмятку.

Ким. Вон, посмотри на это окошко.

Лева. Вижу. Помыть бы не мешало.

Ким. На подоконник посмотри.

Лева. Что примечательного?

Ким. А то, что твоя Нина сползла с этого дивана, доползла до этого окошка, влезла на этот подоконник. Я случайно, чудом тогда в комнату вошел. Я ее за окошком на весу за ногу поймал... Мы здесь два года по очереди около нее дежурили. Все, даже Альберт, а ему тогда еще и девяти не было. *(Ушел к себе в комнату.)*

В КОМНАТЕ АЛЬБЕРТА И КИМА

Ким. Иди убаюкивай своего гада.

Нина. Приведи утром апартаменты в порядок, хотя бы для вида. Может, действительно зайдет. *(Ушла.)*

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМНАТЕ

Нина. Разоблачайся — и на боковую.

Лева. Да... у вас тут раствор перенасыщенный.

Нина. Перетерпи. Вернешься в свой эдем, отряхнешь наш прах со своих ног.

Лева. Конечно, и у нас там споры, столкновения мнений...

Нина. Спокойной ночи, дорогой! *(Подходит к Леве и целует его.)* Боже, куда ты попал! *(Ушла.)*

Лева начинает укладываться. Аккуратно развешивает свои вещи. Достал из чемодана вешалку, развесил брюки, часть вещей кладет на стул.

В КОМНАТЕ АЛЬБЕРТА И КИМА

Ким. Тетка твоя права. Если Алла завтра заглянет, пусть увидит — не хуже, чем у других. Давай устроим маленькую показуху, а?

Альберт. Попробуем! *(Начинает убирать комнату. Делает все удивительно старательно. Ему действительно хочется, чтобы комната выглядела праздничной.)*

Да и Ким трудится добросовестно.

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМНАТЕ

Лева лег, пристроил к дивану ночничок, взял журнал, просматривает его

В КОМНАТЕ АЛЬБЕРТА И КИМА

Ким. Если хочешь ехать... в общем, я не неволю.

Альберт. Нет.

Ким. Смотри.

Альберт. Не поеду.

Ким. Может, действительно стоит. В какой-то степени я даже могу понять.

Альберт. Нет-нет!

Ким. Ну, нет так нет... Знаешь, нам с тобой неплохо будет. Обойдем пешком всю Прибалтику. Красота там, говорят. Посмотрим, как живут латыши, эстонцы. Потом — у тебя последний год школы, там университет. Языки? Так у нас преподают великолепно. Знаешь, возьмем учителя, найдем самого лучшего, самого дорогого. Я могу. Все будет здорово, все! Решено... Она пусть завтра приходит, пусть. Очень хорошо мы ее встретим. Пусть не думает. И ты не бойся. Это я сейчас глупо. Не беспокойся, мы ее встретим, угостим. Ты утром сбегай купи чего хочешь. Вот у меня еще восемь рублей осталось, на. Я кофе сделаю. Я кофе хорошо варю, верно?

Альберт. Да.

Ким. Смешно! Мы с ней все время один кофе пили — бразильский.

Альберт подходит к отцу, целует его в щеку.

(Оглядев комнату.) Преотлично! Утром приоденемся, побреемся — тоже, мол, не лыком шиты. Где мой хороший костюм? Где он? *(Достает из шкафа черный костюм на вешалке, осматривает его.)* Смотри, не измялся. Вполне! *(Вешает на дверцу шкафа.)* Ботинки начистим.

Альберт. Давай.

Ким. Потом, потом. Я сам утром.

Альберт. Моя очередь, и все равно спать не хочется. *(Взял две пары ботинок, пошел их чистить. Проходит через центральную комнату.)*

Лева *(оторвавшись от чтения)*. Мир?

Альберт. У вас одеяло сползать будет, давайте подставлю стул. *(Ставит к дивану стул.)*

Л е в а. Спасибо. Ты тут в доме, видать, действительно гвоздь. Из-за тебя целая баталия.

А л ь б е р т. Спокойной ночи.

Л е в а. Спок, спок!

А л ь б е р т ушел.

В КОМНАТЕ АЛЬБЕРТА И КИМА

Ким очищает с портрета следы от ботинок и раздумывает — повесить или нет. Свернул в трубочку.

В КАБИНЕТЕ

Ж а р к о в. Какой я отец... Все на самотек пустил. Да и что сделаешь. Когда пишешь, получается расчудесно, все концы со всеми концами в самом лучшем виде сходятся. А жизнь — она совершенно непостижимая. Какие законы, отчего так, а почему не этак, зачем? На свете и есть только одна правдивая и невыдуманная книга — сама жизнь.

Егорьев продолжает читать рукопись.

Ким неплохой парень, а вот как-то не сложилось. Почему? В романе я бы объяснил: неправильное воспитание, дурные черты характера, влияние среды особенно или что-нибудь в этом духе. А тут — понятия не имею. И Аллу любил прямо-таки самозабвенно, и работает всегда честнее честного, на сына не надышится. Альберт — парень действительно славный. Если уйдет, тут потускнеет все, ряской покроется. А Нина? Что за жизнь у молодой женщины! Ей ребенка охота, я знаю. Она как-то обронила это, не выдержала. А где его возьмешь? В обществе она не бывает. Не на улице же мужика ловить будешь... Ну ладно, пока, устал я что-то. *(Встал.)*

Е г о р ь е в. Разрешите, я возьму рукопись домой, внимательно прочту.

Ж а р к о в. Не разрешаю. Вдруг по дороге потеряешь — вещь ценная. Я еще ночью над ней поработаю.

Прощаются.

Зачем на Волгу-то гонял?

Е г о р ь е в. В Волгореченске ГЭС строят, самая большая в Европе будет.

Ж а р к о в. Все светишь.

Е г о р ь е в. Не вам завидовать.

Ж а р к о в. Это конечно.

Проходят в центральную комнату.

Е г о р ь е в. Приятных сновидений, молодой человек!

Л е в а. Всего доброго!

Ж а р к о в. Читаете. Как у человека голова сконструирована... Набиваешь ее, набиваешь, и все влезает. Мясорубка!

Л е в а. Да, неплохое запоминающее устройство.

Ж а р к о в. Я тут читал — скоро ваш брат ученый нам в мозги электроды совать будет, питать, так сказать, умственно, чем требуется. Не больно будет?

Л е в а. Не бойтесь, вам это еще не грозит.

Ж а р к о в. А я и не против. Может, воткнуть штырь — и ты талант, и на тебя с неба чуда посыплются. Чуда, чуда — только лови их за хвост да за ножки.

Ж а р к о в и Е г о р ь е в выходят. Слышно, как запирается дверь.

Ж а р к о в *(возвращается)*. Удобно?

Л е в а. По-царски!

Ж а р к о в. Спокойной ночи!

Л е в а. Спокойной ночи!

Жарков ушел к себе в кабинет.
Через центральную комнату проходит А л ь б е р т, неся начищенные ботинки.

А л ь б е р т. Вам надо лечь в нашей комнате, с папой. А я бы — сюда. Проходная — мешаем.

Л е в а. Командировочный!.. Значит, не пущают?

А л ь б е р т. Куда?

Л е в а. С матерью.

А л ь б е р т. Я и сам не хочу.

Л е в а. Почему?

А л ь б е р т. Не хочу.

Л е в а. Хочешь.

А л ь б е р т. Странно вы рассуждаете.

Л е в а. Противоестественно не хотеть. Я, конечно, чужой в доме, Альберт, я тебя знаю мало, ты меня и того меньше, и уеду я через день-два... Боюсь, они тебе тут сообща перебьют ноги на всю жизнь.

А л ь б е р т. То есть?

Л е в а. Понимаешь, как бы тебе сказать помягче и с полной откровенностью... Ну, тебя в школе, конечно, учили — за идеалы надо драться, жертвовать и так далее?

А л ь б е р т. Учили.

Л е в а. Это ведь все правда, друг мой. Жертвовать! Не знаю, поймешь ли, но в искренности моей можешь не сомневаться: говорю тебе — отвечаю себе. И никто так не искренен, как спутник в вагоне, случайный встречный. Таковым меня и считай... В доме у вас не ахти.

А л ь б е р т. Это я чувствую.

Л е в а. Молодец!

А л ь б е р т. Но мне хочется, чтобы было хорошо.

Л е в а. Просто молодец!

А л ь б е р т. И я люблю свой дом.

Л е в а. Полный молодец! Видишь ли, в течение жизни, даже такой недлинной, как твоя, у человека, Альберт, образуется множество невидимых нитей, связей, самых неожиданных, часто самых приятных. Слыхал, говорят, даже каторжник может полюбить свои кандалы. Увы, мы любим свои цепи или нити, называй как хочешь. Вот у тебя есть дедушка, тетка, наконец, отец. Все люди чудесные, я их давно знаю — и ты уже повязан по рукам и ногам. Друзья в школе, наверное, есть и девочка. Нити, нити, ты понимаешь?.. Но у тебя есть еще и большая цель. Надеюсь, есть? И вот когда все эти нити — а их так много, что если эти паутинки свить вместе, то получится такой, знаешь, здоровенный, толстенный канат, что и кораблю в десять тысяч лошадиных сил не отвалить от причала, если этот канат не

сбросить с причальной тумбы, сколько ни пыхти... так вот, когда твой идеал цели приходит в противоречие с этим канатом, туго, друг, приходится, здорово туго! Они любят тебя, они дышат тобой, ты главная игрушка в доме и лучик света в полутемном царстве, как о тебе мне только что твоя тетка сказала. Они будут держать тебя здесь. И ты из любви к ним можешь потерять главное.

Альберт. Могу.

Лева. И все несчастные и убогие на всем свете будут тебе аплодировать, обнимать, целовать и кричать: ай, какой он хороший, ай, какой он добрый!

Альберт. Это плохо?

Лева. Почему? В общем, трогательно. Словом, может, мне и не надо было соваться, но ты мне показался парнем довольно интересным, и я объяснил тебе ситуацию. Все остальные будут тащить тебя в совершенно противоположные стороны. В общем-то решать будешь сам. Свобода выбора. Распроклятая штука... Знаешь, в школе у нас не учат реальной жизни, оттого мы потом и набиваем себе шишки на лоб на каждом шагу или просто поступаем неверно.

Входит Ким.

Ким. Ты что пропал?

Лева. Философствуем на отвлеченные темы.

Альберт. Иду.

Ким и Альберт проходят в свою комнату.

Ким. О чем это ты с ним?

Альберт. Так... Не очень разберешь, о чем.

Ким. Без четверти три. Ложись.

Укладываются спать.

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМНАТЕ

Лева взбил свою подушку, устрсился поуютнее и погасил лампу.

В КАБИНЕТЕ

Жарков все время сидел спокойно в кресле, вытянув ноги, и о чем-то сосредоточенно думал. Сейчас он встал, тихо раскрыл шкаф, выдвинул ящик письменного стола, отворил дверцы его тумбочек и стал вынимать рукописи, пачку за пачкой. В то время, как в центральной комнате идет действие, Жарков связывает бумаги бечевками.

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМНАТЕ

Входит Нина. *В руках у нее пол-литровая стеклянная банка, в которую поставлена зажженная свеча. Остановилась. Прислушалась. Полная тишина. Идет к дивану, смотрит на спящего Леву. Умышленно роняет со стола чайную ложку. Лева не просыпается. Но в своей комнате Альберт приподнял голову с подушки.*

Альберт. Что-то упало.

Ким. По-моему, чайная ложка. Командировочный пить, наверно, захотел, шарится. Спи...

Альберт. Там кто-то ходит, по-моему, слышишь?

Ким. Спи, спи, не выдумывай, никто не ходит. Он, наверно, и шлепает.

Нина капает каплю воска на руку Левы и тут же тянется к полке над диваном. Лева просыпается.

Нина. Тихо, тихо! Разбудила! Хотела взять словарь. Не спится. Чего, думаю, терять время, поработаю. Ты уже уснул?

Лева. Да. Намотался за день.

Нина *(подсела к Леве на диван)*. Поболтаем немножко.

Лева. С удовольствием.

Нина *(смеется)*. Какое уж тут удовольствие! У тебя глаза слипаются. *(Дотрагивается пальцем до его глаз.)*

Лева инстинктивно отстраняет голову.

Тю-тю-тю, какой ты пугливый... Она красивая?

Л е в а. Кто?

Н и н а. Без пяти минут.

Л е в а. По-моему.

Н и н а. Веселая?

Л е в а. В каком смысле?

Н и н а. В самом обыкновенном — серьезная или веселая?

Л е в а. Разная.

Н и н а. Это превосходно — разная. Человек должен быть вечно разнообразным и меняться каждый час, как ребенок, верно?

Л е в а. К лучшему, разумеется.

Н и н а. Нет, я не об этом. Просто меняться. Вот ты сейчас совсем иной, и мне интересно. Того — худого, лупоглазого — и в помине нет. Теперь вот ты какой складный *(берет его руку),* и рука мужская, не цыплячья... А меня сильно перевернуло?

Л е в а. Тоже повзрослела.

Н и н а. Да не тяни ты свою руку обратно, не тяни, девица!

Л е в а. Как хочешь.

Н и н а. Да уж уступи, я больная, а больные — эгоисты... Вот твоя рука, забирай, прячь под одеяло.

Л е в а. Я понимаю, ты никогда не сможешь простить мне.

Н и н а. Не угадал. У меня было время все обмозговать и занять твою сторону. Сначала — да, бесилась, всякие выкобены выкобенивала, да еще какие! Рассказала бы — ахнул. А потом очухалась: что особенного! В тебе говорил здоровый молодой эгоизм, вроде инстинкта самосохранения. Если бы ты остался со мной, не дай бог, женился бы на мне из сострадания или недомыслия, я бы все равно рано или поздно увидела бы эту твою жертвенность, на физиономии твоей прочла, вот на этой — такой симпатичной, между прочим,— и тут же бы, в тот же миг все своими руками переломала. Любым способом, самым категорическим, может, даже диким, жертвы, друг мой, приносят идолам. И не из любви, из страха. На кой мне это черт?

Л е в а. А мне кажется, ты все время сердишься на меня.

Н и н а. Сама удивляюсь! Оправдала тебя целиком и бесповоротно. А вот увидела, и какая-то муть поднялась, чего-то все смешалось. Думаю, это тоже нечто патриархальное, вроде того, о

чем ты вчера за столом изрекал, из того, что человечество донашивает. Нет, на эту тему все, камень снимаю, понял?

Л е в а. Жизнь есть жизнь, верно, Нина?

Пауза.

Н и н а. Это хорошо, что ты сейчас в горизонтальном положении: падать будет некуда.

Л е в а. А что?

Н и н а. Можешь ты сделать мне подарок?

Л е в а. Какой?

Н и н а. Только давай так: я буду говорить, а ты молчи, обкумекивай. Понял? Больше всего на свете я хочу ребенка, своего ребенка. До умопомрачения. Чувствую, знаю, жизнь моя будет осмысленной и полной. Ты постарайся представить, что такое одинокая женщина. Одна. Знаешь, даже доктор сказал — вам было бы хорошо иметь ребенка. Еще не говори... обдумывай. Я воображала себе вот такую встречу с тобой, вдвоем, наедине, один раз в жизни. Подари мне ребенка. Я знаю, ты порядочный человек и ты не можешь. Если б ты, Лева, переступил через эту свою убогую порядочность! Знаешь, порядочный человек — он далеко не все понимает в жизни, хотя, может быть, и шибко учен. У него только порядок — оттого его и зовут порядочным. А жизнь, Лева... в ней беспорядка хватает, ей нужны и беспорядочные люди. Может быть, тоже для порядка.

Л е в а. Нина, ты еще найдешь человека...

Н и н а. Смех, Лева, в том, что я люблю тебя. Вот где твой камешек-то! Видать, оттого, что ни с кем не якшалась, что ли? Я тебе неприятна?

Л е в а. Нет, почему же...

Н и н а. Чего тебя держит? Нравственность, мораль? Я говорю, может быть, не так и нехорошо, я все понимаю — у тебя твоя без пяти минут, я обо всем думала. Она никогда не узнает, и я все забуду. Чем угодно клянусь. Завтра ты уедешь. Раз в жизни переступи через порядочность, и вот помяни мое слово, когда-нибудь в старости ты поймешь — раз в жизни ты был поистине большим человеком. *(И вдруг закрыла лицо руками.)*

Ты уж не веришь ли всему, что я тут горожу? А? Смотри не вздумай!.. *(Встала, смотрит на Леву.)* Если б ты знал, как мне приятно — вот ты тут на диване, и во всем нашем громадном доме тепло.

Л е в а. Нина!

Н и н а. Что, мой порядочный?

Л е в а. Я понимаю тебя...

Н и н а. Ты понимаешь только себя, Лева, и себе подобных. Ты там у себя, Лева, все с машинами и с машинами. Вот уж поистине, с кем поведешься, от того и наберешься... Ребенок у меня будет, конечно, только жаль — не твой. Поскорей бы разлюбить тебя. *(Заплакала.)*

В КАБИНЕТЕ

Жарков влез на стул, снял с окна штору, сложил в нее рукописи, взвалил узел себе на спину, перевязанную пачку взял в руки.

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМНАТЕ

Л е в а. Зачем плакать, Нина?

Н и н а. Требуется. Ты давно ревел?

Л е в а. Мужчины переживают по-своему.

Н и н а. Все равно реветь надо. Кто давно не плакал — черств, холоден и опасен. Знаешь, отчего слезы горькие и какая там соль? Особая, Лева. Если она не выходит из человека, он костенеет, получается склероз души. А поплачет — соль вытечет, и душа мягкая, способная к движению. Ей-ей, ученые доказали. Кто его знает, Лева, если бы я сейчас не плакала, может быть, взяла и убила бы тебя. Спи, светает.

Л е в а. Нина!

Н и н а. Светает. Мораль идет. Теперь ничего нельзя: мораль, бука! Спи!.. А Вовка тогда из-за меня бросился, и ты это знаешь.

Л е в а. Если тебе так хочется.

Н и н а. А тебе так не хочется. Знаешь, какая главная разница между нами, Лева? Я живу тут, в этой суматошной Москве, в нашей

не очень уютной квартире, среди своих забот и печалей и все же чувствую себя рядом с богом. Ты — среди своих машин порядка, точности и думаешь, что ты бог. *(Ушла.)*

Через центральную комнату идет Ж а р к о в, *уносит рукописи. Тихо вышел, слегка хлопнув дверью.*

В КОМНАТЕ КИМА

Альберт опять приподнял голову с подушки.

К и м. Что ты?
А л ь б е р т. Кто-то вышел.
К и м. И мне показалось... Чего не спишь?
А л ь б е р т. Сам не знаю.

За окном рассвело, и издалека, как эхо, начинают доноситься звуки из зоопарка. Первыми просыпаются птицы, позднее и звери.

Это бегемот.
К и м. По-моему, слон.
А л ь б е р т. По-моему, бегемот.
К и м. А по-моему, слон.
А л ь б е р т. Может, и слон.
К и м. Может, и бегемот.

Звуки.

Лама.
А л ь б е р т. Лама.
К и м. О чем вы говорили с матерью?
А л ь б е р т. Не помню.
К и м. Я ведь не выпытываю.
А л ь б е р т. Нет, я на самом деле не помню. Я растерялся. Вошел — она стоит, как на портрете. Потом все время смеялась. Назвала меня дылдой.
К и м. Почему?

А л ь б е р т. Ну, наверное, потому что вырос.

Звуки.

Это орел.

К и м. Может, выпь.

А л ь б е р т. Может.

К и м. Как она выглядит?

А л ь б е р т. По-моему, красивая.

К и м. Изменилась?

А л ь б е р т. Я ведь ее плохо помнил.

К и м. Обо мне спрашивала?

А л ь б е р т. Да.

К и м. Что?

А л ь б е р т. Как ты живешь.

К и м. Что ты сказал?

А л ь б е р т. Хорошо.

К и м. Это правильно. Она была с мужем?

А л ь б е р т. Нет, одна. И Дроздовы.

К и м. Почему она сразу выпалила, чтоб ты ехал?

А л ь б е р т. Она прилетела только на три дня.

К и м. Зачем?

А л ь б е р т. Говорит, если я согласен, надо начать оформление. Даже сказала, потребуется мой паспорт. Но я не поеду.

Звуки. Целая симфония звуков. Просыпаются звери. Как будто в девственном лесу. Ким встал с постели.

Чего ты?

К и м. Окошко пошире открою, душно. *(Идет к окну. Что-то увидел на улице.)* Смотри-ка!

А л ь б е р т. Чего? *(Вскочил, подбежал к окну.)* Дед... Чего это он тащит? Папа, он что — с ума сошел! Смотри-ка, смотри!

К и м. Беги за ним, Аля, беги!

Альберт рванулся. Ким удержал его за руку. Смотрят в окно.

А л ь б е р т. Ай! Уже горит, горит!..

Ким распахнул настежь окно. Звуки из зоопарка стали значительно слышнее. В эти звуки вливаются шумы просыпающегося города. Может быть, слышен звон первого трамвая.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же декорация. В комнатах наводится чистота. Ждут приезда гостьи. Ким гладит рубашку. Нина сервирует стол. Входят Альберт и Егорьев. Здороваются.

Егорьев. Он дома?

Нина. Ушел куда-то.

Егорьев. Это я виноват, я. Зная его характер, надо было деликатнее.

Нина. Думаю, виноват другой дяденька.

Ким. Ну что я могу с собой сделать? Не могу скучные книги ни читать, ни слушать, засыпаю. А вообще-то отец умнее всех нас, вместе взятых. Оттого последние годы и злой и замкнутый. Он ведь, Константин Федорович, в писатели неестественным образом произвелся. Инженер был отличный, вы это лучше моего знаете. Вел дневники на строительстве Челябинского, показал кому-то из заезжих — не то журналисту, не то писателю, их по строительствам всегда как грачей. Тот дневник забрал, а потом отца в Москву вызвали, и не куда-нибудь, а в Союз писателей: дескать, напишите роман. Я помню, как отец нам об этом рассказывал, хохотал и все приговаривал: «Я писатель, а? Вот умора!» А к нему каких-то помощников приставили — взвод! — и соорудили эту самую «Дорогу к счастью». Роман по тем временам вполне стоящий. Премия, квартира, газеты...

Егорьев. Это не беда, Ким Андреевич. Большинство писателей сначала другими профессиями владели...

К и м. Так ведь те сами из других профессий в писатели выходили. А кого за уши тянут, только в несчастные люди вытянуть могут, и другим на горе.

Е г о р ь е в. Неужели подчистую в огонь?

Н и н а. Видимо. Пройдемте в кабинет.

Нина и Егорьев идут в кабинет. Егорьев осматривает пустые ящики и полки. Ким прошел к себе в комнату, продолжает переодеваться.

В КОМНАТЕ КИМА

К и м *(Альберту, который пришивает пуговицу к своей рубашке).* Надень курточку, которую она в последний раз прислала, а я тот дурацкий галстук. Пусть радуется. *(Ищет галстук.)*

А л ь б е р т. Ты же его кому-то отдал.

К и м. Нет, он, по-моему, лежит где-то. *(Нашел галстук, повязывает его.)* Ты ей так и скажи: так, мол, и так, хочу готовиться в университет. Пойду по научной части, аспирантура и прочее. Я, надеюсь, не противоречу твоим замыслам?

А л ь б е р т. Нет.

К и м. Меня беспокоит не столько твое профессиональное будущее, тут я уверен, но ты можешь попасть в такой круг людей — вытопчут душу, и не заметишь. Есть, знаешь, такие мастера на это дело.

А л ь б е р т. Папа... я тебя прошу, разговаривай с мамой спокойно.

К и м. Встретим и проводим ее на самом высоком уровне. Вот увидишь. Не бойся, я держать себя умею.

В КАБИНЕТЕ

Е г о р ь е в *(осмотрев все полки).* Пусто!

Слышно, как хлопнула дверь в прихожей. Вошел Ж а р к о в. Нина и Егорьев вышли к нему навстречу в центральную комнату.

Здравствуйте, Андрей Трофимович!

Ж а р к о в. Ты что это с утра пожаловал?

Е г о р ь е в. Любопытства не преодолел. На вашу заморскую даму взглянуть хочется.

Ж а р к о в. А-а-а... Ну пошли в кабинет, пока ее нету.

В КАБИНЕТЕ

Е г о р ь е в. День-то какой! Золото. Подарок москвичам к выходному. Не воспользоваться ли и нам с вами? Катанем на Клязьминское, возьмем удочки.

Ж а р к о в. Алька за тобой бегал?

Е г о р ь е в. Нет, я сам по себе...

Ж а р к о в. Вот, брат... таким макаром... Двух жизней не проживешь, так хоть одну дожить не по-собачьи. Я ведь раньше счастливый был, так сказать, изнутри счастливый. Бывало, прочту мало-мальски талантливое, радуюсь, целый день счастливым бегаю — отчего, и сам не знаю, дурак дураком, будто сам сочинил. А теперь чуть где талант проклюнется, прочту, пойму, что талант, и злобой начинаю наливаться, зла ему желаю, погибели. И ежели этот талант, в газете или на собрании там, кто облает, не только не вступлюсь — приятное что-то чувствую. А? Вот, брат, какой я изнутри теперь. А ты меня все похваливаешь, на прежнюю меру равняешь. Кто чужой радости радоваться не умеет — зверь, страх живущим, тайный и потенциальный убийца. А уж ежели чужому таланту не радуется, совсем пропади он пропадом!.. Не писатель я. Был читателем, и то надо было бога благодарить, а теперь и читатель-то стал плохой, испорченный. И ты прав: нет чуда, не падает с неба, не приходит из леса, или из города, или вон из того угла — ничего не получится. Так, сочинительство. Да еще если выгоду ищешь — непременно скверное сочинительство, с подлинкой... Эх, был бы моложе, к тебе на работу попросился б, хоть в подсобные.

Е г о р ь е в. Андрей Трофимович! Когда-то, давно, когда ко мне, можно сказать, весь мир спиной встал, вы взяли растерявшегося мальчишку за плечи и сказали: иди ко мне, вкалывай. Я вашу руку до сих пор вот здесь, на плече, чувствую. Что я для вас могу сделать, скажите?

Ж а р к о в. А я тебя не по доброте взял, а за талант. Я, друг милый, кадры умел подбирать. *(Засмеялся.)* Я ведь что хочешь делать могу. Когда отец с собой на малярные работы брал, мне и клей нюхать и кистью махать... Хочешь, подметки поставлю? Умею. Мы с руками. Да еще сто двадцать целковых пенсия. Кум королю! Подожди, может, и попрошусь... Давай мебель переставим, по-новому хочу.

Переставляют мебель.

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМНАТЕ

Н и н а продолжает накрывать на стол. Входит нарядно одетый К и м.

Н и н а *(оглядев его)*. Вот давно бы так. У тебя же отличный вид. Просто хоть куда парень!

К и м. Без десяти, а ее еще нет.

Н и н а. Без десяти, потому и нет.

К и м. Это она нарочно тянет, марку выдерживает... Если нажимать будет или как-нибудь в обход, думаю, поможешь?

Н и н а. Ты не будь резким.

К и м. Увидишь. У меня, знаешь, даже хорошее настроение. Как перед соревнованием. Когда у меня перед соревнованием бывало хорошее настроение, я всегда выигрывал. А твой где?

Н и н а. В делах и бегах.

К и м. Это хорошо. А то начал бы философствовать, путать. Он гад. Что ты около него усилия делаешь? Не тот предмет.

Н и н а. Я бы его разгипнотизировала.

К и м. Ему, поди, и не хочется.

Н и н а. Разве человек под гипнозом знает, чего ему хочется, чего нет. Впрочем, женится — сам переменит режим.

К и м. А он никогда не женится.

Н и н а. Уже невесту имеет — слыхал вчера?

К и м. Врет, наверно. Это он от тебя на всякий случай забаррикадировался, сочинил. Такие всю жизнь по скорожралкам будут бегать — во всех смыслах... *(Зовет.)* Папа!

Ж а р к о в *(входя).* Что?

К и м. Она сейчас придет... Если начнет насчет Альберта...

Ж а р к о в. Соображу.

К и м *(осмотрев комнату, стол).* По-моему, все отлично, а? *(Ушел.)*

Ж а р к о в *(Нине).* Ты за ним — в оба! Как бы выходку не выкинул.

Н и н а. Убрать со стола ножи и вилки, что ли?

Ж а р к о в. Я серьезно. *(Ушел.)*

Звонок. К и м быстро идет открывать дверь. Возвращается с Л е в о й. К и м уходит к себе.

Л е в а. Представь, гостиницу получил. «Урал». Уже за номер заплатил. Мой.

Н и н а. Бедный диван, не произвел впечатления.

Л е в а. Диван отличный. Злоупотреблять не хочу.

Н и н а. Думаешь, я бы и этой ночью пришла?

Л е в а *(собирая вещи).* Конечно, не думаю. Ты гордая.

Н и н а *(продолжая сервировать стол).* А может быть, и пришла, вот взяла бы и пришла. Ты вчера среднестатистической нас ошарашивал. Мне ведь, знаешь, даже убедительным показалось. Черт, думаю, нас знает, может быть, мы все действительно на какой-то прабабушкиной кислой закваске. А ночью сообразила: нет, Лева, ни под каким... Вот если я сейчас опрошу всех людей земного шара, есть ли среди них, ну, допустим, Шекспир, Джордано Бруно или там Толстой? Нет ведь, не отыщется. И что сие значит? Ничего, пустой факт, и только. А если я спрошу этих же самых жителей — кто из вас хотел бы быть Архимедом, Толстым или Шекспиром, ведь все бы хором загалдели: я, я, я! А это что значит? Уже нечто... Нет, Лева, не в том дело, сколько им подобных на текущий сезон, пусть ни одного. Их и всегда-то было не густо, несколько штук на столетие, а то и один на тысячу лет. Но это именно они приоткрыли куда-то дверку, заглянули в нее и по секрету сказали людям, что они люди. Мы потянулись за ними, встали с четверенек на два копыта и вот стоим здесь, в Москве, на площади Восстания. А твои среднестатистические вроде бы всех обратно — на четвереньки. Не желаю.

Из своей комнаты высовывается К и м.

Ким. Не звонок?
Нина. По-моему, нет.
Ким. Мне послышалось. *(Исчез.)*
Лева. Бедняга. Как он ее боится.
Нина. Да, боится и ждет.
Лева. Я знаю.
Нина. Нет, он ее все годы ждет. Вдруг с ней случится какое-нибудь несчастье и она вернется обратно сюда.
Лева. Надо же!
Нина. К чему бы это, верно?
Лева. Нельзя, нельзя так, Нина. Надо уметь освобождаться.
Нина. От чего?
Лева. Хотя бы от страдания.
Нина. Во имя чего?

Звонок в дверь. Во всех комнатах замерли.

Ким *(сыну)*. Открой!

Альберт бежит к двери. Все ждут.

Голос Альберта. Проходи, проходи!

Входит Алла Васильевна. Она еле держится на ногах, но не показывает вида. Вошел Жарков.

Нина. Ровно двенадцать. Как дипломат.
Алла. Привычка.
Лева. Простите, это вы сейчас прогуливались внизу около дома?
Алла. Я? Вряд ли. Я только что подъехала. *(Овладев собой, подходит к Нине.)*
Нина. Здравствуй, Алла.
Алла. Здравствуй, Нинок. *(Подходит к Груздеву.)* Алла Жаркова.
Лева. Лева Груздев. Узнаете?
Алла *(очевидно, и не замечая его, машинально)*. А-а-а... Здравствуйте, Андрей Трофимович.
Жарков. Здравствуй. Давненько тут не была.
Алла. Семь лет четыре месяца и два дня. *(Идет к Киму, но тот сам быстро подходит к ней.)* Здравствуй, Ким.

К и м *(целуя Алле руку).* Здравствуйте.

А л л а. Не надо! Мы же с тобой с первого класса. Скажи — здравствуй.

К и м *(посмотрев на Альберта).* Здравствуй.

Н и н а. Ты разве все еще Жаркова?

А л л а. Да, я не меняла фамилии.

Ж а р к о в. Мой друг, Егорьев Константин Федорович.

А л л а. Очень приятно.

Ритуал окончен. Наступила пауза.

Н и н а. Ну, что стоим, как в церкви, айда за стол. У вас там по-заграничному как раз в это время ленч?

А л л а. Мне все хочется по-русски — чай из самовара.

Н и н а. Самовары теперь в Москве только в ресторанах для иностранцев, и то электрические.

Все рассаживаются за столом.

А л л а. Моя чашка...

Ж а р к о в. Твоя.

Н и н а. Халупу не ремонтировали с твоего отъезда.

Ж а р к о в. Скоро наведем глянец.

Пауза.

Л е в а. Как там у вас в Бразилии?

А л л а. Как везде на свете — бурлит.

Л е в а. Скажите, вот вы много ездите по свету, какое к нам в мире отношение?

А л л а. Очень разное. Одни любят, другие нет, третьи боятся, четвертым безразлично, потому что заняты своими повседневными делами. Многие смотрят с надеждой. Люди на земле живут трудно. Где бедность, где неуверенность, будешь ли сыт завтра, если сыт сегодня, боязнь атомной войны, различные внутринациональные проблемы, а больше всего страдают от всевозможной несправедливости. Многие надеются, что мы до конца построим общество, где человек никогда не будет причинять страдания другому человеку.

К и м. Если бы не всадники, куда бы быстрей шло дело.

Л е в а. Слушайте, все-таки что за таинственные всадники обитают в этом доме, может быть, посвятите?

Н и н а. Я тебе говорила — выдумки Кима. Всадниками он называет тех, кто, взобравшись на свою лошадку, лупит во весь свой собственный карьер.

К и м. И не видит, куда его лошадь ставит копыта. Куда и на кого.

Л е в а. Но я, слава богу, никого не топчу.

Н и н а. Конечно, ты ходишь там аккуратно по усыпанным гравием дорожкам.

К и м. И в чем беда? В молодости мы все норовим взобраться на лошадь. А потом уже забываем — откуда ты, зачем старался... Скакать начинаем!

А л л а. Бывает и так, Ким. Но что сделаешь! Если бы можно было заглянуть в книгу судеб и узнать, стоит ли идти на риск...

К и м. Не стоит.

Л е в а. Простите, Ким, но вы, кажется, хотели стать чемпионом мира?

К и м *(глядя на Аллу)*. Многим не понравилось, что из этого вышло.

А л л а. Значит, ты уже никому не рекомендуешь делать попыток?

К и м. Из своих друзей — нет.

А л л а. Альберт писал, ты работаешь тренером.

К и м. Да.

А л л а. Как же ты учишь своих воспитанников? Не рвитесь слишком далеко вперед, не помышляйте? Или у тебя неперспективные ребята?

К и м. Это моя работа.

А л л а. Ты не хотел бы одного из своих учеников видеть чемпионом мира?

А л ь б е р т. Конечно, хотел бы, да, папа?

К и м. Надежд не густо.

А л ь б е р т. Ты же сегодня говорил — у тебя парень стометровку за десять и пять прошел.

А л л а. Видишь!.. Один раз я в океане заплыла далеко и вдруг потеряла из виду берег. Сама не пойму, как сбилась. В какой он стороне, понятия не имею. Плыву, а куда — не знаю. Сделалось так безысходно и жутко. Силы начали исчезать. Думаю — утону от страха. И действительно начала тонуть. И вдруг увидела край.

Успокоилась, поплыла уверенней. И представьте себе — ошиблась. Это был не берег, а рыболовецкие суденышки в океане. Меня подобрали.

Альберт. Ты хорошо плаваешь?

Алла. Для сорокалетней женщины сносно. Держу форму. А то и так смеются: русские бабы самые толстые.

Нина. Интересно там живешь?

Алла. Насыщенно.

Ким. Легко?

Алла. Нет, Ким, не легко, я изрядно устала. Помнишь, ты учил: самый лучший отдых — расслабить все мускулы хотя бы на пять минут. Я этого сделать не могу ни на секунду. Все годы.

Нина. Почему?

Алла. Нас там маленькая колония, и каждый шаг на виду — и свой и ваш. Чуть что — и все глаза на нас: на меня, на Георгия, на шофера, на повара — на всех.

Лева. Вы, вероятно, сильная женщина.

Алла. Наверное, оттого, что много дралась в детстве. Нас было в семье пятеро — четверо мальчишек и одна я. Приходилось лупить на все четыре стороны. Да, я люблю перелеты через океан, рев стадиона. В Южной Америке футбол — это почти коррида. Вокруг стадиона рев, высокие сетки от разъяренных зрителей, иногда пальба из пистолетов.

Альберт. Надо же!

Ким. Бываешь на футболе?

Алла. Ты же приучил. Да и надо где-то выбрасывать из себя отрицательные заряды. Посидишь, посвистишь...

Альберт. Ты свистишь?

Алла. Бывает. *(Пауза.)* Ким, я хотела бы поговорить с тобой.

Ким. Да-да, пойдем ко мне. *(Встал.)*

Алла. Вы нас извините. *(Тоже встала.)*

Ким. Идем.

Они проходят в комнату Кима, и действие переходит туда. Алла осматривает комнату.

Алла. Я на самом деле уже часа два брожу вокруг нашего дома...

К и м. Нашего?

А л л а. И утром — уехала, шаталась без цели, как маленькая. Объездила новые станции метро, вышла на проспект Калинина... *(Замолчала.)* На моей кровати спит Альберт?

К и м. Да.

А л л а *(показывая на портрет)*. К моему приезду?

К и м. Да.

А л л а. Милый Ким, мы никогда не говорили с тобой о том, что случилось. Я не буду оправдываться, я хочу объяснить. Всю жизнь мы были с тобой такими долгими, близкими друзьями, и я думала — эта наша с тобой дружба и есть любовь. И мне было хорошо с тобой, всегда. И я любила тебя как друга. И сейчас люблю. А потом случилось другое — пришел Георгий, и пришла любовь, Ким, не дружба. Я обманула тебя невольно. Я и сама обманывалась. Но когда поняла, почувствовала — ахнула и уже обманывать тебя не могла.

К и м. Да-да, теперь модно уходить от жены, от детей и говорить: я не могу жить в семье не любя, это было бы с моей стороны безнравственно.

А л л а. Я знаю, ты чище меня, выше. Ты и остаешься для меня лучшим человеком, которого я встречала на земле. Георгий иногда резок, порой излишне прямолинеен, но... Ты честный.

К и м. А как же мне не быть честным! Меня всю жизнь учили быть честным. И в пионерской организации, и дома, и в комсомоле. *(Взвинченно и раздраженно.)* Только, я вижу, честные люди нужны для того, чтобы их били по мордам нечестные. Нет, я больше не хочу быть честным. Я тоже буду таким... таким...

А л л а. Не будешь.

К и м. Почему это? Еще как буду! Вот увидишь.

А л л а. Не будешь. Ты обречен на честность. Она твой крест, если хочешь. Ты будешь нести его до конца. Мне даже иногда казалось, Ким, что ты не мог приходить на беговой дорожке первым, потому что тебе неудобно было быть первым...

К и м. Глупости!

А л л а. ...и жаль тех, кто бежит сзади.

К и м. Я и не думал о них.

А л л а. Мне очень понравился Альберт. Ты сотворил, мне кажется, отличного парнишку.

К и м. Он сам себя сотворил.

А л л а. И сам, конечно.

К и м. Ты приехала нарочно сейчас, когда он получил паспорт?

А л л а. Да. Я считала годы, потом месяцы, потом дни.

К и м. Он остается здесь. Мы с ним все обсудили.

А л л а. Мне бы хотелось помочь ему подняться высоко, чтобы он далеко видел.

К и м. У нас здесь и так одиннадцатый этаж...

А л л а. И потом... я бы тоже хотела ему что-то дать, Ким.

К и м. Что?

А л л а. Ты дал ему доброту, прямодушие, любовь к людям — это замечательно. Я постараюсь дать ему стойкость.

К и м. Чего?

А л л а. Доброту, любовь, прямодушие надо уметь защищать, Ким, а то его могут просто сбить с дороги. Ты боишься, он не выдержит, собьется с пути, начнет скакать во весь свой собственный карьер?

К и м. Да, боюсь.

А л л а. Я тоже, Ким. Но что же делать?

К и м. Оставить его в покое.

А л л а. И это будет правильным решением? Ты уверен?

К и м. Во всяком случае, безопасным.

А л л а. За них всегда страшно, Ким: где он бывает? С кем? Почему пришел так поздно? Кажется, от него попахивает табаком... Он всегда будет приезжать к тебе, Ким...

К и м. Ты не считаешь, что у тебя и так всяческих радостей, отвлечений, увлечений выше головы? А здесь отец, Нина, я. Может быть, и нам хоть что-нибудь останется?

А л л а. Я могу сдаться, Ким, сдаться и уйти. Сказать всем «до свидания», поцеловать Альберта, пожать тебе руку и уйти. Никто ничего не заметит. Биться головой об стенку и реветь я буду дома. Я привыкла жить только мечтой об Альберте, его замечательными письмами, фотографиями, которые он присылал, шуточными рисунками. Но речь уже не обо мне и не о тебе,

Ким. О нем. Вообще о нашем общем будущем... Ким, только не сердись, милый... Может быть, ты держишь Альберта здесь затем, чтобы я пришла обратно?

Ким. Что ты о себе воображаешь? Что? Идем, пусть он скажет тебе сам, пусть!

Алла. Ким, подожди, подожди, милый!

Ким. Не смей называть меня милым.

Алла. Не спрашивай Альберта.

Ким. Это еще почему?

Алла. Давай снимем с него эту проклятую свободу выбора, облегчим. Нам же все-таки более по силам, мы взрослые.

Ким. А тут нечего выбирать, он уже выбрал. Иди, услышишь.

Алла. Ему будет трудно, пойми.

Ким. Очень даже будет легко, увидишь. *(Идет в центральную комнату.)*

Алла. Ким, не надо! Это ужасно, Ким! Этого нельзя... *(Быстро идет за Кимом.)*

Действие переходит в столовую.

Альберт. Папа, ты хотел сварить кофе.

Ким. Сейчас, сию минуту. Скажи, Альберт...

Алла *(порывисто прерывая)*. Я прошу извинить меня, но я не могу дольше оставаться. Через тридцать минут должна быть у высокого начальства, а знаете, как начальство не любит, когда являются не вовремя, особенно высокое. *(Смеется.)*

Нина. Да ты что? Поговорить не успели.

Альберт. Мама!

Егорьев. Вот они, деловые люди, не позавидуешь.

Алла *(быстро собираясь)*. Мы созвонимся, и я завтра приеду непременно. У меня для всех маленькие подарки... Вам, Андрей Тимофеевич, я такую сверхмодную ручку привезла! Такой «Войну и мир» напишете запросто... ну, хотя бы «Отцы и дети». Всего доброго, всего доброго! *(Прощается со всеми.)*

Ким. Альберт!

Алла. Пожалуйста, не надо, Ким.

Ким. Альберт!

А л ь б е р т. Что, папа?

К и м. Мы с матерью сейчас решили — тебе стоит поехать. Стоит. Государству нужны широко образованные люди. Есть возможность изучить язык... Это полезно.

Н и н а. Ким!..

К и м. Да-да. И пожалуйста, прошу всех без ахов и охов. *(Алле.)* Если ты прилетела всего на три дня, видимо, надо начать оформлять. Паспорт... тебе... ты сказала, нужен его паспорт... Я сейчас, сейчас... *(Идет в свою комнату, лихорадочно ищет паспорт.)* Забыл, совершенно забыл, куда его положил. Вот голова стала... Ага, нашел! *(Снова выходит в центральную комнату, отдает Алле паспорт.)*

А л л а *(совершенно растерянно и робко)*. Но тогда нужно, чтобы Альберт пошел со мной. Я должна его познакомить...

К и м. Сейчас?

А л л а. Да... Я, конечно, могу позвонить, перенести на завтра.

К и м. Нет, зачем же, сейчас так сейчас... Иди-ка сюда, Альберт!

Альберт подходит к отцу.

Ну, ты веди себя... ты понимаешь...

А л ь б е р т. Папа, я не хочу ехать.

К и м. Это неправда, ты хочешь, я знаю. Не считай, пожалуйста, своего отца глупцом. Ты хочешь.

А л ь б е р т. Может быть, не надо?

К и м. Вопрос решен, ты знаешь. Если я решил — решил.

Л е в а *(тихо, Альберту)*. Переступаешь? Молодец!

А л ь б е р т. Только бы мне потом переступить через вас.

А л л а. Ну, Альберт, пойдем.

А л ь б е р т. Идем, мама.

Алла прощается со всеми за руку. Подошла к Киму, и вдруг, взяв его голову в руки, стала его целовать, целовать, целовать.

К и м *(отстраняясь, всем)*. Всегда была экзальтированная... эксцентричная. В школе в седьмом классе влюбилась в преподавателя географии. Так в учительской раздевалке себе на память от его

пальто кусок материи отрезала. Огромный. Потом хулиганов по всей школе искали.

За окном раздался крик.

А л ь б е р т. Дед... Нина... Папа... Если я когда-нибудь забуду... все это... И этот крик за окном... и вас... Если изменюсь... и стану этим... я прошу: где бы я ни был, где бы... найдите, пожалуйста, найдите меня и сделайте со мной все, что хотите... *(Пауза.)* Папа, а в Прибалтику мы еще съездим. И Кижи увидим... обязательно.

А л ь б е р т и А л л а уходят.

Большая пауза.

Лева кладет последние предметы в свой чемодан. И вдруг мы слышим всхлипывания. Как ни странно, это плачет Лева. Он выпрямляется и неловко, тыльной стороной ладони, по-ребячьи вытирает слезы.

Н и н а. Что это тебя разобрало?

Л е в а. Выплыло... Что-то выплыло... Оттуда, из детства. *(Стоит, плачет. Пауза.)* И мне пора... Пойду. *(Улыбаясь сквозь слезы.)* А то отберут номер, хоть и заплачено. У нас, знаете, могут. *(Возится со своим дорожным чемоданчиком.)*

Нина подходит к неподвижно стоящему Киму, обнимает брата за плечи.

Н и н а. Ничего, Ким, ничего... Может быть, он по той беговой дорожке добежит, наш Алька. Ну не может не добежать! В нем ты, я, наш дом, все вокруг. Добежит! И станет чемпионом мира, а?

К и м. Все нормально! Все очень нормально! Побольше надо будет работы взять, побольше!.. Побольше!.. А путевки я сдам... Один, конечно, не поеду. Одному зачем? Верно?

Н и н а. Жаль, я не могу с тобой.

К и м. Сдам, а они кому-то достанутся. Вот повезет людям, верно? Кому-то здорово повезет, да?

З а н а в е с

1968

ЧЕТЫРЕ КАПЛИ

КОМЕДИЯ В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ, СОСТОЯЩАЯ ИЗ ЧЕТЫРЕХ ПЬЕС И АВТОРСКИХ ЛИРИЧЕСКИХ ОТСТУПЛЕНИЙ.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Открывается занавес. На сцене полумрак, и слышится голос автора.

Голос автора. Здравствуйте, товарищи! Я — автор пьесы, которую вы сегодня смотрите. Мне бы хотелось поделиться с вами одним соображением по поводу своей профессии. В отличие от прозаика, поэта, критика драматург никогда не может выступить сам лично. Ну, допустим, прозаик пишет роман, рассказ или повесть и всегда имеет счастливую возможность лично от себя развить или пояснить чувства и мысли своих героев, да и просто сказать что-то от себя. Например: «Кстати, замечал ли ты, любезный читатель, что люди, рассеянные с подчиненными, никогда не бывают рассеянны с людьми вышестоящими?» Это вдруг, неожиданно замечает, если мне не изменяет память, Тургенев в одном из своих романов. Мысль тонкая, и мы с удовольствием ее отмечаем.

Или: «Эх, тройка. птица-тройка... Кто тебя выдумал?» — горячо восклицает вдруг совершенно от себя Николай Васильевич Гоголь. И мы действительно вместе с Гоголем думаем: кто ее выдумал, эту тройку?

Так же волен и поэт. «Ах, ножки, ножки! Где вы ныне? Где мнете вешние цветы?» Забыл в этот миг Александр Сергеевич Пушкин и Онегина, и Татьяну, и Ленского, вспомнил чьи-то ножки и тут же, прервав действие, поведал нам о них.

Таково свойство художественной прозы и поэзии. Автор свободно входит в ткань ее и так же свободно выходит: и называется это «авторское отступление», иногда — «лирическое отступление». А что делать драматургу?

Занавес открылся, персонажи начали диалог, мизансцена сменяется мизансценой. Действие уже не остановишь, не скажешь:

«Товарищи, подождите минутку, я припомнил один случай...» Нет, этого сделать нельзя.

Но я постараюсь воспользоваться паузами, когда действие еще не началось.

ЗАСТУПНИЦА

ШУТКА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КОНСТАНТИН ГРИГОРЬЕВИЧ СУСЛЯКОВ — *51 года.*
ЛАРИСА — *девочка, 13 лет.*
СЕКРЕТАРША — *лет сколько угодно.*

В кабинете — Константин Григорьевич Сусляков. Входит Лариса, девочка-подросток, тоненькая, с острым носиком. Она ведет себя вполне достойно и солидно, но видно, что это только от волнения она такая подобранная и деловитая.

Лариса. Здравствуйте, Константин Григорьевич!

Сусляков. Здравствуй... *(добавляет)* те.

Лариса. Я дочь Перекатова Ивана Николаевича, меня зовут Лариса.

Сусляков *(уже твердо)*. Здравствуй, здравствуй, Лариса! *(Как будто что-то вспомнив.)* А-а-а, это ты!

Лариса. А разве вы меня знаете?

Сусляков. А как же! Мне мой Вовка о тебе рассказывал. Вы с ним в школе за одной партой, да?

Лариса. Да.

Сусляков. Садись-садись... Это уж не ты ли моего Вовку щиплешь, Лариса? У него вот тут *(показал руку выше локтя)* синячище.

Лариса. Он меня каждую минуту своей авторучкой в бок тык-тык...

Сусляков. Ручкой тебя в бок... *(Поняв, почему Вовка так поступает.)* Скажи-ка!.. Да, растет парень, растет...

Лариса. Вот именно. А как маленький!

Сусляков *(более внимательно разглядывая девочку)*. Мордочка у тебя симпатичная. Вовка у меня парень умный, верно?

Л а р и с а. Умный.

С у с л я к о в. Как-то ты так сухо о нем: «умный», а вроде плохой. Ты скажи, в чем дело. Я отец. В случае чего...

Л а р и с а. Нет, он учится хорошо.

С у с л я к о в. Чем же он тебе не по вкусу?

Л а р и с а. Я ничего о нем не сказала.

С у с л я к о в. Ты учти, Ларочка, я директор целой фабрики. А почему меня директором сделали? Потому что у меня глаз — рентген. Как гляну — каждого насквозь вижу. *(Засмеялся.)* Не пугайся, не пугайся, я шучу. Ты, значит, жаловаться пришла?

Л а р и с а. На кого?

С у с л я к о в. На Вовку.

Л а р и с а *(смотрит на Суслякова в полном изумлении)*. Вы что, меня за дурочку считаете?

С у с л я к о в *(обидевшись)*. Тогда что у тебя? Побыстрей, я занят.

Л а р и с а. Я насчет моего папы.

С у с л я к о в *(хмуро, сухо)*. Давай-давай.

Л а р и с а. Может быть, мне не надо было к вам идти, нехорошо...

С у с л я к о в. Ну что нехорошего? Пришла так пришла, если дело.

Л а р и с а. Я бы, конечно, ни за что не пошла, но дома такая обстановка... Мама плачет, Никита, того гляди, совсем уйдет...

С у с л я к о в. Ну-ну...

Л а р и с а. Папу словно подменили... Пить много стал, и часто.

С у с л я к о в. Слыхал.

Л а р и с а. Мама плачет. Никита, мой старший брат, старается дома не бывать. Я, конечно, держусь...

С у с л я к о в. Слушай, а что с ним случилось, с твоим батей? Когда я лет пять тому назад пришел сюда, тише твоего отца никого и не было. И глаз всегда ясный, и работал как часы. Может, ты чего там подноготное знаешь? Давай без стеснения. В случае чего — помогу. Замечаешь?

Л а р и с а. Да.

С у с л я к о в. Ну-ка, ну-ка, выкладывай.

Лариса мнется.

Не стесняйся, давай!

Л а р и с а. Видите, папа совсем не современный человек.

С у с л я к о в *(насторожившись)*. В каком разрезе?

Л а р и с а. Он какой-то старомодный. Вот, например, меня за день раз двадцать схватит, поцелует.

С у с л я к о в. Когда «под мухой», что ли?

Л а р и с а. Нет, и когда трезвый.

С у с л я к о в. А-а-а, моя тоже так и норовит Вовку лишний раз лизнуть, да он отбивается.

Л а р и с а. Это же несовременно. Наше поколение жестче, проще. Потом у него нет стойкости, ну, твердости, что ли, чисто мужских черт. Вот у нас во дворе есть мальчик Петя. Железный! На два года меня старше...

С у с л я к о в. Что это за Петя?

Л а р и с а. Это не важно, я к слову...

С у с л я к о в. Да, давай-ка пока Петю в сторону. Дальше!

Л а р и с а. Вот, по-моему, причина: папа очень чувствительный, ранимый, чуть что — обижается. Мама, например, ему говорит: «Скажи Никите, чтобы не являлся в час ночи или хотя бы звонил, если задерживается». А папа говорит: «Как же я ему скажу, Шурочка?..» Маму мою Александра Васильевна зовут. «Как же я скажу, если ему уже скоро двадцать лет и он студент третьего курса? В этом возрасте, Шурочка, человек сам все должен понимать». Мама на него... Я папу понимаю, он в общем-то прав. Никита большой, он уже выучился, его теперь жизнь учить будет. Это он сам мне так говорил. И пусть оставят его в покое. Он хороший, только задерганный. Все дергают и все учат. Знаете, прямо с ума сойдешь. Говорят, мы грубые. Мы не грубые, мы обороняемся. Извините, я все сбиваюсь...

С у с л я к о в. Ничего-ничего. Ох, до чего вы одинаковые! Мой Вовка... Чаю хочешь?

Л а р и с а. Спасибо, выпью. Я волнуюсь.

С у с л я к о в. Вижу. А ты не волнуйся. Если дело чистое, чего самому себе нервы дергать. *(Нажал кнопку.)*

Вошла с е к р е т а р ш а.

Два чая с лимоном.

Л а р и с а. Мне, пожалуйста, без лимона.

Секретарша ушла.

С у с л я к о в. Значит, ты считаешь, отец по слабости воли пить начал?

Л а р и с а. Это, так сказать, причина. А повод другой.

С у с л я к о в *(не сразу поняв)*. Ты отличница, что ли?

Л а р и с а. Нет, я учусь неважно, почему-то не дается. Но Петя говорит: ты не отчаивайся, у тебя ученого ума не густо, зато природный, говорит, есть.

С у с л я к о в. Петя у тебя авторитет?

Л а р и с а. Он же старше на целых два года.

С у с л я к о в. Верзила, наверное.

Л а р и с а. Да, высокий.

С у с л я к о в. А мой Вовка ростом не удался, это верно...

Секретарша приносит чай, ставит на стол.

Л а р и с а. Спасибо.

С е к р е т а р ш а. На здоровье.

С у с л я к о в *(вынужден)*. Спасибо, Ирина Леонидовна.

С е к р е т а р ш а *(удивленно и даже радостно)*. Пожалуйста, Константин Григорьевич! *(Ушла.)*

С у с л я к о в. Так какой, ты говоришь, повод? *(Достал из стола сверток, развернул.)* Бери бутерброд, баранки.

Л а р и с а *(беря баранку)*. Спасибо.

С у с л я к о в *(ест бутерброд)*. Выкладывай.

Л а р и с а. Вы извините, но все, по-моему, получилось из-за вас.

С у с л я к о в. Из-за меня?

Л а р и с а. Да.

С у с л я к о в. Интересно...

Л а р и с а. Папа чувствительный...

С у с л я к о в *(мрачно)*. Ты говорила.

Л а р и с а. А вы с ним... Только, пожалуйста, не сердитесь... Вы с ним грубы.

С у с л я к о в. То есть?

Л а р и с а. Мы смотрим, папа на глазах меняется. Понять не можем. Задерганный какой-то стал, нервный, по ночам стонет. А потом он, слышу, говорит маме: «Не могу больше, не могу!»

С у с л я к о в. Чего же это он не может?

Л а р и с а. Не могу, говорит, больше с Сусляковым работать.

С у с л я к о в *(мрачно)*. Ну, не может — подал бы заявление об уходе. Брось пить и плыви, куда тебе нравится.

Л а р и с а. Мама ему так и сказала. А он: «Я же, Шурочка...» Мою маму Александра Васильенва зовут...

С у с л я к о в. Ты говорила.

Л а р и с а. Извините... «Я же, говорит папа, я же здесь двадцать пять лет работаю, а Сусляков — всего ничего».

С у с л я к о в. Так-так... Может, мне заявление об уходе подать, а?

Пауза.

Я бы и подал, милая. Думаешь, швейная фабрика — рай? Подал бы! Да человек я подневольный. Куда назначили, там и тружусь. Подал бы!

Л а р и с а. Если вы хотите, я могу пойти и попросить за вас.

С у с л я к о в. Чего попросить?

Л а р и с а. Чтобы вас освободили.

С у с л я к о в. Что ты мелешь?!

Л а р и с а. Простите... чтобы перевели на другую работу, получше. Вы скажите, к кому мне обратиться, кто вами заведует.

С у с л я к о в *(сердито)*. Мною, милая, никто не заведует.

Л а р и с а. Я неправильно выразилась, извините. Ну... кто вами руководит...

С у с л я к о в. Говори о деле.

Л а р и с а. Я пришла попросить вас не разговаривать с папой грубо, не оскорблять его.

С у с л я к о в. Когда это я оскорблял его, когда?

Л а р и с а. Как — когда? Зачем вы ему, например, вчера сказали: «У тебя на плечах голова или кадка с капустой?»

С у с л я к о в. Я не помню, что говорил. У меня дел выше горла, всякую мелочь не упомнишь. И какое же это оскорбление? Это замечание.

Л а р и с а *(горячо)*. У моего папы на плечах голова, а не кадка с капустой, так и знайте, голова! Папа наизусть половину Пушкина знает, половину Лермонтова, половину Некрасова, даже прозу

Гоголя. «Знаете ли вы украинскую ночь? Нет, вы не знаете украинской ночи» — минут двадцать подряд читает. Я всегда под этот рассказ засыпала, когда маленькая была. Он говорит мне, говорит... *(Чуть не заплакала.)* На той неделе вы папе сказали: «Катать бы тебе чурбаки, как та мартышка, а не в плановом отделе работать». Разве так можно?! И за что? За то, что вам папа какую-то, извините, липовую бумажку не согласился подписать.

Сусляков. Липовую? А тебе, доченька, папа не рассказывал, что без этой липы могут у рабочих премиальные в конце квартала калошей накрыться, а?

Лариса. Я не знаю...

Сусляков. А ты знай! Вы там в своих книжках одни идеалы да интегралы учите.

Лариса. Мы учим, чему нас учат... На той же неделе вы при всех кричали на папу и назвали его килькой. Мой папа маленький, худенький. Может быть, он и похож на рыбку...

Сусляков. Да я на всех кричал, на всех!

Лариса. На всех — это меня не касается. Кто позволяет на себя кричать — значит, он того и стоит. А папа из деликатности не может вам отвечать. А дома...

Сусляков. Да что особенного, что?

Лариса. Как — что? Вы топчете его человеческое достоинство!

Сусляков. Чего топчу?

Лариса. А если у человека растоптать его человеческое достоинство, он и не человек будет, а так — на все способный. И на воровство и на обман. Он же не человек — без достоинства если. Или с горя сопьется, а может быть, и с собой покончит. *(Еле сдерживая слезы.)* Папа не может жить, когда его унижают. Пусть вы директор, а он только инженер...

Сусляков. Да все-то живут, живут!

Лариса. А я не хочу!

Сусляков *(встал)*. Ну, будет! Во-первых, ты не лезь куда вашему брату еще не положено.

Лариса. Почему не положено?! Это мой папа. Я совершенно свободно могу...

Сусляков *(прерывая).* А во-вторых, ты на фабрике хоть раз в своей жизни была?

Лариса. Была, на вашей — на экскурсии.

Сусляков. Ну и как?

Лариса. Интересно. Только очень много грязи.

Сусляков. Где?!

Лариса. И в пошивочной и у закройщиков.

Сусляков. Уберут.

Лариса. Кого?

Сусляков. Не «кого», а «чего». *(Поглядев на Ларису.)* Нет, уж я своему Вовке такую подколодную в жены не посоветую!

Лариса. А я бы и не пошла за него!

Сусляков. Чем же это он тебе плох? Погоди, к пятнадцати годам под потолок вымахает — твой Петька ему и до плеча не достанет.

Лариса. Все равно Петя его на два года старше останется. Этого уже и по большому блату не переменишь.

Сусляков. У меня шестьсот человек под началом...

Лариса. Константин Григорьевич, я знаю, что вы сейчас скажете: вы большую жизнь прожили, трудную, воевали, нервы расшатаны. Но мы-то в этом не виноваты. Вам расшатывали нервы, вы расшатываете нервы, мы будем расшатывать нервы. Кто-то должен остановиться?! Папа сказал: вы хотите ему вывесить выговор. Теперь, когда исполняется двадцать пять лет его работы...

Сусляков. За дело ему выговор, за дело!

Лариса. Нет! Папа сказал, что виноваты вы, а теперь ищете стрелочника, на которого...

Сусляков. Ах, я виноват, я? Это по моей вине опять пошили двести пятьдесят платьев одного фасона и одной расцветки, которые и по уцененным ни в одной деревне не берут? Это я планировал или твой папа?

Лариса. Папа говорит — предупреждал, не хотел, а вы сказали: поток нарушать нельзя, шей из чего есть. Приказали.

Сусляков. Знаешь что, Ларочка, катись-ка ты со своим папой!

Лариса. Что? Вот вы как говорите, вот?

Сусляков. А я на хвост себе наступать не позволю!

Лариса. Я тоже! Я оскорблять и мучить своего папу не дам! Мама плачет, Никита где-то пропадает. Я не мама! *(Встала, ходит по комнате.)* Имейте в виду: если вы не перестанете кричать на папу, портить жизнь ему и всем нам, я вас в такое положение поставлю!.. Я такое устрою! Я туда пойду! Это что же такое? Как вы смеете! Туз выискался! Цаца какая! Не смейте на моего папу кричать, слышите?!

Сусляков *(растерявшись)*. Тихо... Тихо...

Лариса. Нет, не тихо! Я буду громко! Пусть сюда кто угодно приходит. Имейте в виду: я в таком возрасте, когда мне ничего не страшно. Я в кружке авиадела занимаюсь. Я уже в кабине настоящего самолета сидела. Может быть, и в космическую ракету сяду! Я все могу. У меня расчета нет. Я вам такое сделаю! Вас потом и складским сторожем никуда не возьмут. Не смейте на моего папу кричать, слышите, не смейте! Да я... *(И вдруг теряет сознание, падает на ковер.)*

Сусляков *(в ужасе)*. Ай! Эй! *(Зажимает себе рот. Подошел к Ларисе, поднимает ее с пола, сажает в кресло. Трогает рукой лоб.)* Лариса... Ларочка... Лара... Ай-ай-ай... *(Достает из кармана валидол. Подумав, прячет обратно. Достает нитроглицерин. Тоже убирает его в карман. Мочит платок в воде, прикладывает ко лбу Ларисы.)*

Лариса приходит в себя.

Ты что? С ума сошла? Ты что, дурочка?

Лариса. Извините, я как-то воздухом подавилась. Я больше не могу, у меня сил нет. *(Зарыдала.)* Я бы не пошла, но вчера он упал на лестничной площадке, соседи видели... *(Плачет.)*

Сусляков. Тихо ты, тихо... Вот как ты папу любишь... Хорошая ты девочка! Так-то ведь не все папу любят. Это хорошо... Я не буду, слышишь, я больше не буду, Ларочка, обещаю.

Лариса. Я бы ни за что не пришла, но папа слабый, мама плачет, Никита...

Сусляков. Я все понимаю, все.

Лариса. Извините.

Сусляков. Ну ничего, ничего, бывает.
Лариса. Я, конечно, могла через вашего Вову действовать.
Сусляков. Как это, Ларочка?
Лариса. Ну, я бы ему все рассказала. Он бы с вами сам дома поговорил.
Сусляков. Ну, положим...
Лариса. Да-да! Если я захочу, он для меня все сделает. Хотите докажу?
Сусляков. Ну не надо, не надо! Чего там доказывать. Не надо. Мать и так Володьке много воли дает.
Лариса. Вы извините, нам воли не дают, мы ее сами берем. Я не хочу через Вову. И нечестно, и вроде я у него в долгу буду.
Сусляков. Тихо, тихо... Я послежу за собой, постараюсь... Вот ты говоришь — кричу. А на меня в главке?
Лариса. Тоже кричат?
Сусляков. Нет, чего нет — того нет. Там, когда план не даем, или брак идет, или какие письма от трудящихся, там не кричат, там с тобой мягко, тихо. Только от этого мягкого голоса у меня, Ларочка, каждый раз по спине мурашки бегут, как от змеиного шипу. Производство!
Лариса. Понимаю... Извините, но я не могла к вам не прийти.
Сусляков. Я понимаю.
Лариса. Только, пожалуйста, папе не говорите, что я у вас была. Он этого не поймет, расстроится. Он несовременный.
Сусляков. Ясно! Могила! Ни полслова. Только уж и ты пойди мне навстречу: Вовке моему ни гугу, ясно? Он парень хороший, но тоже очень уж много от людей требует. А люди, Ларочка, они — люди. Все вы в этом возрасте... Эх! *(Махнул рукой.)* Скорей бы уж вырастали!
Лариса. До свидания! *(Прощается с Сусляковым за руку.)*
Сусляков. А что этот Петька, только на два года старше — и всего достоинств?
Лариса. Ваш Вова тоже хороший. Но он не в моем вкусе. До свидания. *(Ушла.)*
Сусляков *(снимает телефонную трубку)*. Зинаиду Федоровну... Не узнал, быть тебе богатой... Зиночка, вот какое дело. Ты там

выговор Перекатову заготовила?.. Ага!.. Ну порви его... Я решил, я и перерешил. Он оказался человеком опасным... Да-да, этот хлюпик... Чем?.. Оказывается, все, что у нас делается, носит... Куда? Людям, от которых мы зависим... Да нет, ты уж невесть что подумала... И не называй его хлюпиком, не надо... И вот еще что, Ларочка... то есть... Не кричи, не кричи, не будь глупой, Ларочка — это девочка... Да не в том смысле девочка. Это школьница, шестой класс кончает, с моим сыном на одной парте сидит... Да вот еще что, Зиночка. Я сегодня сразу домой пойду, кино отменяется. Жена звонила, ей нездоровится, да и с Вовкой поговорить надо. Что-то там у него не заладилось... Да нет, нет, учится он хорошо, мне с ним как мужчина с мужчиной поговорить надо. Так что не жди... Ну, потом сговоримся. Будь здорова, Ларочка... Тьфу! Зиночка!.. Зиночка!

В трубке слышатся короткие гудки.

Тьфу! Трубку повесила... *(Кладет трубку.)*

Голос автора. Я хочу объяснить, почему я назвал пьесу «Четыре капли».

Видите ли, иногда название пьесы возникает сразу. Бывает, что название рождается раньше самой пьесы — в голове вертится только одно название. Случается и наоборот: пьеса готова, а название никак не придумывается. Так случилось со мной и на этот раз. Особенная трудность была в том, что здесь четыре пьесы в одной, как матрешки. Думал-думал, потом решил: маленькие они, капельные, и, поскольку их четыре, назову «Четыре капли». Но это формальный ход ума. Спектакль, пьеса — это непременно должно быть что-то такое животворное, оздоровляющее... Вы замечали: прочитаешь хорошую книгу и чувствуешь себя не только радостно, но и здоровее.

Спектакль тогда хорош, когда те зрители, которые пришли в театр всем в жизни довольные, уходят после представления чем-то обеспокоенные; а другие, которые во всем отчаялись, так сказать, жить не хотят, ушли бы взбодренные, с верой в жизнь: нет, мол, не все в жизни скверно, поживем, поборемся! Искусство — оно может быть и своего рода лекарством.

Вот я и придумал: хорошо бы и мои пьесы в какой-то степени кому-то хотя бы чуть-чуть помогли. Четыре капли...
Но потом мысль моя ушла в третье измерение. Говорят, в капле воды может отразиться весь океан. Я, конечно, об этом не мечтаю. Но хорошо бы и в моих капельках отразились какие-то определенные явления нашей жизни.
И последнее. Автор должен быть добр сердцем и уметь плакать. Может быть, эти четыре капли — это четыре мои слезы.

Занавес

КВИТЫ
КОМЕДИЯ ХАРАКТЕРОВ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ДЕНИСОВ МИХАИЛ (ХУДОЩАВЫЙ) — *47 лет.*
СЕЛЕЗНЕВ АНДРЕЙ (ПЛЕШИВЫЙ) — *47 лет.*

Последняя электричка. В вагоне пустынно. Только два пассажира сидят друг против друга. Один — грузный, плешивый, одет в добротный костюм темного цвета. Он, видимо, уже не в первый раз перелистывает журнал «Советский экран», вяло разглядывая фотографии. Другой — худощавый, в светло-сером костюме, со значком лауреата Ленинской премии на груди. Он дремлет, сложив на коленях сцепленные пальцы рук.
Над головами у того и другого висят сетки с продуктами. У первого их даже две, одна битком набита апельсинами. Плешивый, исчерпав журнальные впечатления, то глядит в окно, то шарит глазами по вагону, то рассматривает сетку с продуктами своего визави, то самого пассажира. Вдруг глаза его остановились на шраме над левой бровью попутчика.

Плешивый *(уже пристально всматривается в лицо соседа, негромко и нетвердо)*. Миша!

Худощавый открыл глаза. Он не может понять: то ли его на самом деле окликнули, то ли собственное его имя пригрезилось ему во сне.

(Более уверенно и слегка улыбаясь.) Вы не Денисов Миша будете?

Худощавый. Да.

Плешивый *(глядя в упор и улыбаясь)*. Не узнаете?

Худощавый. Нет.

Плешивый *(смеется)*. Ну узнай, Миша, узнай!

Худощавый *(сон слетел с него. С некоторой неловкостью и замешательством)*. Никак не вспомню...

Плешивый. Нехорошо. Неужели ничего я тебе не напоминаю? Ну?

Худощавый. Извините, не могу догадаться. И не очень светло в вагоне.

Плешивый *(смеясь)*. А я посвечу. *(Вынул газовую зажигалку, зажег высокое пламя. Приблизил к соседу свое лицо.)* Ну, разглядывай.

Худощавый *(совсем смешавшись и даже несколько испуганно)*. Нет... А вы не ошиблись?

Плешивый. Здрасте! Откуда же я тебя по имени знаю? Ну, гляди, гляди!

Смотрят друг на друга. Худощавый — с мукой во взоре. Плешивый — улыбаясь во весь рот. Глаза его горят хитрым счастьем.

Худощавый *(пытаясь улыбнуться)*. Вы скажите, кто вы.

Плешивый. Ишь ты какой хитрый! Ни за что! Ай-ай-ай! И не стыдно? Вот сойду сейчас, исчезну, мучайся потом. Ну же, Миша, ну! *(Смеется.)* Если бы ты видел, какая у тебя сейчас физиономия! Ну!

Худощавый. Я не могу, извините...

Плешивый. А я не извиняю! Вспоминай. Да, это тебе не кроссворды решать: река в Латинской Америке, великий русский путешественник на букву «Пы»! Ну?..

Худощавый. Наверно, в молодости где-нибудь по работе встречались? В Днепродзержинске?

Плешивый. Холодно, холодно! *(Хохочет.)*

Худощавый. В Сибири, может быть?

Плешивый. А тебя что, тоже туда отправляли?

Худощавый. На Ангаре я работал.

Плешивый. Холодно, холодно! Мне Сибирь не позарез, мне и тут чудесненько.

Худощавый *(его осенило)*. Учились вместе?

Плешивый. Тепло! Молодец! Тепло!

Худощавый. В школе?

Плешивый. Ну очень тепло, очень!

Худощавый *(мучительно напрягаясь)*. В одном классе?

Плешивый. Жарко! Вот теперь совсем жарко! Ну?

Худощавый. Попов?

Плешивый. Э-э-э, Арктика! Антарктика! Снег! Лед, метель!

Худощавый. Карпов?

Плешивый. А что это у тебя за шрам над левой бровью?

Худощавый *(счастливо)*. Селезнев!

Селезнев. А-а-а, сразу вспомнил! Я тебе о себе зарубку на веки веков оставил. А ты даже и не признаешь, ай-ай-ай! Андрей меня зовут, если запамятовал.

Денисов *(он действительно забыл имя Селезнева)*. Нет-нет, не забыл, как же, Андрюша. Здравствуй, здравствуй, Андрюша! *(Встал, протянул руку старому знакомому.)*

Селезнев *(здоровается сидя)*. Сиди-сиди! Ты тоже, прямо скажем, не помолодел и деформировался. Но я узнал. Во память! А лобик-то я тебе расколол помнишь по какому случаю?

Денисов *(он помнит)*. Забыл.

Селезнев. А я — четко! Где она сейчас?

Денисов. Кто?

Селезнев. Да что у тебя действительно с памятью делается? Туго? Я же тебя из-за Людки Брыкиной наказал. Помнишь? Ты мне — «хам», а я тебе — блям. Я ведь тогда не знал, что ты на нее тоже поглядывал, честное пионерское!

Денисов. Я не поглядывал.

Селезнев. Брось, брось, у меня память — как та машина, намертво! Взбесился-то тогда как, от злобы аж побледнел. Я тогда что-то про нее солененькое отмочил, а ты...

Денисов *(желая переменить тему)*. Вы... ты где сейчас?

Селезнев. Тут, в Кратове, телеателье.

Денисов. Механик?

Селезнев. Нет, брат, заведующий, не хухры-мухры. А ты, я смотрю, тоже в люди выбился!

Денисов. Ну...

Селезнев. Вижу-вижу! А костюмчик классный, и ботиночки, и воротничок. Этакий интеллигентик с иголочки. Служишь где?

Денисов. Да. Учился в Бауманском, потом...

Селезнев. А я, брат, воевал.

Денисов. Я тоже.

Селезнев *(лукаво)*. Писарем, поди?

Денисов. Нет, ВУС-7, артиллерист. Представляешь, я — из пушки!

Селезнев. Да, комично... А что у тебя за медалька?

Денисов. Это значок лауреата Ленинской премии.

Пауза.

Селезнев *(слегка изменившимся голосом)*. Какой?

Денисов. Ленинскую премию мы получили, в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом еще, трое.

Селезнев *(показывает на медаль)*. Золотая?

Денисов. Кажется.

Селезнев. Что ж ты ее, не снимая, и носишь?

Денисов. Нет, не всегда. Сегодня была конференция.

Селезнев. Да... Смотри-ка... Я забыл, как твоего отца-то звали — Федор, кажется?

Денисов. Алексей.

Селезнев. Михаил Алексеевич, значит, вроде как русский царь?

Денисов. Царь был Алексей Михайлович.

Селезнев *(заглаживая ошибку)*. Да знаю, знаю, учил, не забыл. Я и говорю — вроде царя, только наоборот. *(Стараясь быть свободным.)* А для меня ты как был Мишка, так Мишкой и останешься. Не царь, ясно?

Денисов. Конечно. У тебя тоже, наверное, за войну немало всяких знаков отличия.

Селезнев. Есть, есть, не обижаюсь. *(Мрачнея.)* В Москве живешь?

Денисов. Да.

Селезнев. Квартира, поди, во! Три комнаты?

Денисов. Четыре.

Селезнев. А сколько жителей?

Денисов. Трое.

Селезнев. Ого, жирно!

Денисов. Сын был, теперь отделился, женат. Дочь тоже замужем. В гости ходит. Я дедушка.

Селезнев. Четыре комнаты на троих. Надо же! Неплохо!

Денисов *(как бы извиняясь)*. Да, квартира очень хорошая.

Селезнев. Машину, поди, имеешь?

Денисов. Имею.

Селезнев. Своя или казенная?

Денисов. Ну, на работе казенная, а так — своя.

Селезнев. «Жигуль»?

Денисов. «Волга».

Селезнев *(еще более помрачнев)*. Старая?

Денисов. Новая.

Селезнев. Да-а-а... Тоже не баран накашлял... *(После маленькой паузы.)* На дачу едешь?

Денисов. Да. Знаешь, за день голова как ватная делается. А за городом подышишь свежим воздухом и утром — ничего, опять варит.

Селезнев. А дача тоже своя или тоже казенная?

Денисов. Дача своя. У нас можно было и от предприятия, но, знаешь, в своей как-то уютнее.

Селезнев. Большая?

Денисов. Порядочная.

Селезнев. Таким, как ты, что! Такие хоть в два этажа могут вымахать! *(С надеждой.)* Финский домик имеешь, что ли?

Денисов *(замявшись)*. У меня кирпичная. Можно сказать, именно в два этажа. Собственно, не два, а так — полтора.

С е л е з н е в *(глядя на Денисова почти с презрением)*. Да-да, силен... *(После паузы.)* Что же ты не на машине, а на электричке трясешься?

Д е н и с о в. Тормоза барахлят. Чинят.

С е л е з н е в. От станции далеко?

Д е н и с о в. Минут двадцать пять ходу.

С е л е з н е в. Не боишься? Ночь.

Д е н и с о в. Сын встречает. Я позвонил.

С е л е з н е в. Куда?

Д е н и с о в. На дачу.

С е л е з н е в. У тебя там телефон?

Д е н и с о в. Да, есть.

С е л е з н е в. А охрана тебе по должности не полагается?

Д е н и с о в *(смеется)*. Чего нет, того нет.

С е л е з н е в. Загребаешь, поди, дай бог?

Д е н и с о в. Что загребаю?

С е л е з н е в. Красненькие, фиолетовые, коричневые больно хороши, ну, сторублевки-то.

Д е н и с о в. А-а-а... Да, я зарабатываю очень хорошо.

С е л е з н е в. Не то что мы, грешные. О равенстве-то только в песенках поем да по телевизору показываем.

Д е н и с о в. К сожалению, у нас еще не коммунизм, чтобы всем по потребности.

С е л е з н е в. Да не оправдывайся ты, не оправдывайся, я же тебя не упрекаю.

Д е н и с о в. Я, собственно, не оправдываюсь. И, знаешь, Андрюша, не в деньгах счастье.

С е л е з н е в *(смеется)*. Мишка, не надо, Мишка, нехорошо!

Д е н и с о в. Почему?

С е л е з н е в. Потому что у тебя их навалом, ты такое и лопочешь. Милый, денежки не бог, а полбога.

Д е н и с о в. Я серьезно.

С е л е з н е в. И я не шучу. Не юродствуй, тебе говорю, нехорошо.

Д е н и с о в. До некоторой степени я могу говорить это со всей искренностью. Ты помнишь, как я жил, помнишь? Мать почту носила, отца уже не было. Все: «Мама, дай кусочек, мама, есть хочу».

А я не забыл. И все-таки я был счастливым. Первые книги, первые друзья, и школа, река, рыбная ловля. Да просто целый мир «и пара коньков в придачу» — помнишь у Андерсена? — и все твое. Андрюша, счастье внутри человека, не вне его.

Селезнев. А я тебе скажу: это философия сытого и вся ее начинка.

Денисов. А когда в институте учился, тоже, знаешь... По ночам на разгрузке, уроки давал... А на душе всегда было тепло и что-то пело. Не в деньгах счастье, Андрюша.

Селезнев. Ты с этим, Миша, от бюро пропаганды лекции читай, хорошо платить будут. Может быть, когда-нибудь раньше, когда люди были на низшей ступени развития, такая мура кого-нибудь и утешала, а теперь дураков нет. Теперь у человека другая стадия развития, более высокая, и запросы у него растут. Теперь все знают — где, что, почем, а если нет — где достать. И не к лицу тебе такое говорить. Вот если бы я сказал, я, простой человек...

Денисов *(улыбаясь)*. Так ты же этого не говоришь.

Селезнев. И не скажу, потому что это глупость... Ладно, ты и маленький-то хитрый был. Учительница, бывало, спросит: «Кто хочет добавить?» — ты ручку тянул, все добавлял. Это, значит, тебе все блага за ту самую добавку, да?

Денисов *(пытаясь смеяться)*. Ты прав. Видимо, за это. Я любил учиться. Кончил Бауманский, потом...

Селезнев. Да говорил ты уже, говорил про Бауманский... Нет, Миша, ты мне мозги не пудри. Я хоть твой Бауманский и не кончал, но тоже голову на плечах имею, и не опилками она набита. Если глазами да ушами попусту не хлопаешь, тоже, брат, все видишь и слышишь. Высшую, так сказать, школу на ходу заканчиваешь... Умел ты, значит, по жизни ловко пройти — где верхом, где пешком, а где и вприпрыжку, а то и на брюхе ползком, если понадобилось. Так ведь говорю, да? Знаем мы, дорогой, как умные люди живут. Знаем, но не умеем. И рады бы, как говорится, в рай, да грехи тянут. Да я тебе откровенно скажу: душу пачкать неохота. Мы совесть ценим, прямоту, правду-матку. Зато спим спокойно.

Денисов *(пытаясь пошутить)*. Ты тоже, кажется, неплохо живешь. Вот целую сетку апельсинов накупил.

Селезнев *(уже с неприязнью)*. А мои детки, Миша, тоже дети, а не насекомые, им тоже витамины требуются.

Денисов. Ты меня уж как-то совсем криво понял.

Селезнев. Да все я, Миша, понимаю, все. Не считай за недоразвитого, хотя я и не лауреат!

Денисов. Чудак ты, Андрей.

Селезнев. На чудаках, Миша, мир держится. На чудаках да на таких простых людях, как мы, трудяги. У нас государство правильно курс держит — на трудяг, на нас, то есть, потому что, Миша, мы, а не вы — соль земли. Мы, масса, народ. Ясно тебе или уже позабыл?

Денисов. Почему же позабыл?

Селезнев. А потому что, когда там, по верхам-то, летаешь, может, голова от разреженного воздуха кругом идет. Мол, я птица райская, главный человек. Но мы, Миша, за райскими такими птицами внимательно смотрим. В случае чего, ежели уж очень высоко залетел да не ту песенку засвистел, мы снизу, так сказать, из берданки хлоп — и ты опять на земле. Чтоб не забывал... помнил. А если перышки помнем, не сердись. Руки у нас грубые, потому что в мозолях. Мы пищу себе руками добываем, не вашими там всякими умными хитросплетениями. Так что хоть, ты, Миша, и лауреат, но и я тоже кой-кто есть. Ясно? Нет?

Денисов *(смеется)*. Крепко ты, Андрюша, все эти основы усвоил. И своеобразно.

Селезнев. И не забуду. А то, знаешь, такое уж неравенство пошло, смотреть больно. Ты вот, наверно, тоже сейчас думаешь: сидит против тебя твой школьный друг — лапоть лаптем...

Денисов *(искренно)*. Да как тебе не стыдно! Ничего подобного я не думаю. Во-первых, по моей, так сказать, домашней философии люди в своей человеческой сущности рождаются на свет абсолютно равными...

Селезнев. Что это значит — по твоей философии? У тебя что, своя философия имеется, отдельная, не наша общая?

Денисов. Я не в прямом смысле...

Селезнев. В кривом, значит? Смотри, Миша! Ладно, не юли, скажи мне просто, по-товарищески, только не лукавь: честно ты свою жизнь прожил? Как советскому человеку положено, а? Без сучка, без задоринки?

Денисов. Ну, Андрюша, один бог без греха.

Селезнев. Вона как откровенно! Ценю. Только я про себя скажу. Не знаю, как там твой бог, у меня его нет, а я свою жизнь прожил честно.

Денисов. И хорошо. На душе легко.

Селезнев. Да в кармане, милый, пусто. Живешь в обрез. Вот, к примеру, дочке хочу пианино купить. Коплю-коплю, а все не тянет. Девочка способная, слух, говорят, есть, играла бы да играла. А шуршиков нема, как теперь говорят. Еще сотни две подкопить требуется. Голова-то и думает. Тебя, поди, такие заботы не гнетут. Полез в бумажник, раскрыл, вытащил...

Денисов. Андрей, ты не рассердишься?

Селезнев. На что?

Денисов. Только, пожалуйста, не обижайся, ладно?

Селезнев. Да ты говори — что.

Денисов. Можно я тебе предложу эти деньги? У меня как раз с собой есть, я получил.

Селезнев. Двести рублей хочешь дать?

Денисов. Да.

Селезнев. И тебе не стыдно?

Денисов. Ну что особенного? Отдашь, когда будут.

Селезнев. Да уж отдал бы, отдал, не беспокойся, не зажал бы, не украл.

Денисов. Возьми. *(Достает бумажник.)*

Селезнев *(грубо.)* Положи обратно, положи, слышишь?

Денисов. Я от души...

Селезнев. Да душа-то у тебя, дорогой, черна. И не стыдно?

Денисов. Честное слово...

Селезнев. Я спрашиваю: не стыдно, а?

Денисов *(пряча бумажник)*. Стыдно, Андрюша, извини. Но, пожалуйста, не думай...

Селезнев. Неужели ты не понимаешь, Миша, что этим своим царским жестом унижаешь?

Денисов. Как ты так можешь?! И в мыслях не было тебя унижать.

Селезнев. Себя, себя унижаешь, милый, себя, не меня.

Маленькая пауза.

Бумажник-то как набит. А уж на сберкнижке, поди, представляю...

Денисов *(робко смеясь)*. Я и говорю, возьми, от меня не отвалится.

Селезнев. А вот возьму и возьму. Тогда что скажешь?

Денисов. Скажу, что хорошо, и буду рад. *(Полез за бумажником.)*

Селезнев. Погоди! Не лезь, не лезь. Обрадовался! И где у тебя совесть! Не лезь, я подумаю. *(После паузы.)* Ну ладно, для интереса возьму. Давай, леший с тобой.

Денисов *(быстро достает бумажник и оттуда деньги)*. Вот, пожалуйста.

Селезнев *(не беря)*. Погоди, не суй, я еще не решил, думаю. Не хочется мне радость тебе доставлять. Да как вспомню, что ребенок пальчиками своими по этим белым косточкам бить будет... Ну что деньги-то держишь, вытянул. Ладно, давай. *(Берет деньги, пересчитывает.)* Беру против охоты, помни. Только ради ребенка. И вскорости отдам, не бойся.

Денисов. Я и не боюсь.

Селезнев *(смеется)*. Да ведь я по глазам всю твою психику вижу, хоть и не так светло. Эх, Миша, Миша, сделал я на тебе зарубку, а может быть, тогда тебя, в детстве еще, убить надо было. Для блага общества. Для равенства. Ну-ну, шучу, не сердись. Ползай! *(Снял сетки с крючка.)* А сколько такая медаль стоит, а?

Денисов. Я не знаю, торговать ею не собираюсь, не приценивался.

Селезнев. Нацепил, чтобы все видели: вот, мол, я, лауреат, шире дорогу! *(Поддел медаль пальцем, качнул ее.)*

Денисов. Не тронь!

Селезнев. Что? *(Держит медаль пальцем.)*

Денисов *(резко)*. Убери, говорю, руку!

Селезнев *(держится за медаль. Лицо злобное)*. А я не уберу.

Денисов. В последний раз говорю.

Селезнев тянет медаль, видимо, хочет ее сорвать с груди Денисова.

Я тебе сказал, хам! *(И вдруг наотмашь бьет Селезнева по лицу.)*

Селезнев. Ты что?.. *(От растерянности плюхнулся на лавку. Апельсины покатились по полу вагона.)* Вы что?

Денисов. Ты что, мерзавец, забылся? Вести себя не умеешь? Так я тебя научу! *(В ярости и гневе, очень гордо.)* Ты не забывайся. Кто бы ты ни был, на какой бы ступени развития ни стоял, обязан с людьми разговаривать по-человечески, а не по-собачьи. Не по-собачьи, понял?

Селезнев. Миша... Михаил Алексеевич, да вы что? Михаил Алексеевич, я так... дурил просто... вы не подумайте... друг детства... Да я... Я никогда против не выступаю... Я вас уважаю... Это я растерялся... Мне приятно — в одном классе учились... друзья... и вы не подумайте. Это я от радости, что у меня такой друг... Я в Кратове живу. Лесная, семь. Если бы заехали... Ведь по пути. У меня тоже домик... порядочный... фиолетовой краской выкрасил... Красиво. Зашли бы, мне бы приятно было. Соседи бы увидели, кто идет... Алексей Михайлович, то есть Миша, то есть...

Денисов *(уже остыл, но холодно)*. Мне выходить. До свидания, Андрей. Считай, что я тебе ту оплеуху вернул. Квиты. *(Смотрит на лицо Селезнева.)*

Селезнев. Ты что?

Денисов. Смотрю, не поцарапал ли, как ты меня тогда. Дай зажигалку.

Селезнев вынул зажигалку, осветил свое лицо.

Нет, кажется, чисто.

Селезнев. Так у меня тогда железяка в руке была.

Денисов. Извини, что апельсины рассыпал. *(Помогает Селезневу собрать апельсины.)*

Селезнев. Да что ты! Не надо! Перепачкаешься.

Денисов. Будь здоров, Андрюша. Еще раз: извини. *(Пожал Селезневу руку и пошел к выходу.)*

Селезнев *(ползает по полу, собирает апельсины. Вслед Денисову).* Пока! Рад, что тебя встретил Миша, горжусь! Лауреат! *(Широко раскинул руки и почти с восторгом.)* Это надо же! Лауреат!..

Денисов скрылся в тамбуре.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Пошел занавес, и сразу же раздается голос автора.

Голос автора. Вы замечали, товарищи, происходит какая-то поразительная электризация людей? Стоит только соприкоснуться, искры так в тебя и сыплются, так и летят, так и бьют. И в автобусе, и из-за прилавка, и на работе... И ведь больно, страдаешь. Все люди чрезвычайно ранимы. Зачем это?

Может быть, я преувеличиваю; может быть, эту ранимость я чувствую особенно болезненно. Не знаю, вполне возможно. Видимо, из-за того, что за свою жизнь я встречал так много доброты, участия, сердечности, всякое проявление бесчеловечности режет мне глаз. А ведь по моей домашней философии нет ничего важнее и лучше, чем добрые человеческие отношения. И с попутчиком в поезде, и дома в семье, и на работе. Тогда жить спокойно, уверенно, радостно.

Человеческое тепло тоже лечит. Вы, вероятно, знаете, что в больницах, в палатах, где самые тяжелые больные, в дежурства особо добрых и сострадательных сестер и нянь умирают гораздо реже, чем в дежурства пусть деловитых, но холодных сотрудников. Отчего это происходит, никто не знает. Тайна. Но факт. Я на себе это испытал.

Было это давно, во время войны. Меня, тяжелораненого, шесть суток везли с фронта до госпиталя во Владимире, а кровь все

текла и текла, и шесть суток я не закрывал глаз. Боль, боль, боль!..

Госпиталь во Владимире помещался в старой церкви. Меня обмыли и положили на полу в подвале, под сводами, и накрыли простыней. Я, когда меня мыли, поразился, увидав себя без одежды. Самыми толстыми местами ног и рук были колени и локти, остальное — трубочки костей. Только разбитая нога вздувалась лилово-синей громадой от газовой гангрены, которая подползала уже к животу. Закрыли простыней с головой. Помню, сестра с железным передним зубом осторожно приподняла с лица простыню, удивилась, что я жив, и как-то застыла с чувством страха, недоумения и сострадания на лице. Я шепнул: «Плохое мое дело, сестра?» Она жалко улыбнулась — тут-то я увидел ее железный зуб — и от растерянности даже не солгала святой врачебной ложью, а кивнула головой и сказала: «Да».

На операционном столе женщина-врач спросила моего согласия отсечь ногу выше колена. Я это согласие дал немедленно, не задумываясь. Никакого расчета у меня не было, никаких острых и сильных эмоций я не испытывал, надо, так надо, о чем и говорить. После моего согласия на ампутацию я услышал резкое: «Маску!» — и мне на лицо сестра положила маску с эфиром и хлороформом.

«Считайте!» Я вдруг сделал усилие, прижал маску к лицу руками и быстро засчитал: «Раз, два, три...» На счете «шесть» все поплыло. Последнее, что я услышал,— тот же властный женский голос: «Скальпе́ль!» — с ударением на звуке «е» в этом слове. А затем наступило сладкое блаженство. Больше всего на свете мне хотелось спать, и я наконец уснул.

НЕЗАМЕНИМЫЙ

КОМЕДИЯ ПОЛОЖЕНИЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ВОРОНЯТНИКОВ АВДЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ — *55 лет.*
ЧАШКИНА ЕВДОКИЯ ФЕДОРОВНА — *55 лет.*
СЕМИН ГРИГОРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ — *26 лет.*

Похожий на красный уголок кабинет начальника цеха. В кабинете — Воронятников. Он и есть начальник.
Быстро входит Чашкина.

Чашкина. Пришел. Получай сокровище... *(Кивает на дверь.)*

Воронятников. Не хочу я с ним говорить, противно. Выгнать его с завода к чертовой матери сразу и навек! О чем говорить!

Чашкина. Не пыли, не пыли! Я себе за правило взяла: пусть тому плохо будет, кого я наказать хочу, а не мне. А то не бережем мы себя, расходуем щедро.

Дверь приоткрылась. Не входя в комнату, просунулся Семин.

Семин *(широко улыбаясь)*. Здравствуйте, Авдей Валентинович!

Воронятников *(резко)*. Закрой дверь, я занят.

Семин аккуратно прикрыл дверь.

Чашкина. Вызвал, так уж чего...

Воронятников. Пусть сидит! Пусть ждет! Пусть томится! Я его попытаю!

Чашкина. Да не трави ты себя, не трави! Его трави.

Воронятников. Он думает, чего его левая ноздря захочет, то и подай?! Распустился! Ничего, соберу в комок! Ты мне объясни, Дуся, как можно без всяких уважительных причин три дня подряд прогулять? Ты бы могла так поступить, да еще улыбаться?

Чашкина. Нет, конечно.

Воронятников. А он может! А? Распустили!

Чашкина. Да что ты на меня-то кричишь, ты на него кричи, если уж зашелся.

Воронятников. Вот своей бы этой рукой взял за шиворот и — прямо за ворота!

Чашкина. А кто вместо?

Воронятников. И волчий билет! Чтоб никуда, никогда, ни при каких! Разве что отхожие места чистить.

Чашкина. Перестань.

Воронятников. Строгий выговор. Согласна?

Чашкина. Согласна.

Воронятников. С предупреждением.

Чашкина. За.

Воронятников. Ты его поганую рожу хоть с аллеи передовиков сняла?

Чашкина. Сказала.

Воронятников. А то вхожу во двор, и первое личико — его. Да еще улыбается во все зубы. И зубов-то у него, видать, не тридцать два, как у людей, а штук двести, как у крокодила. Какой дурак рисовал!

Чашкина. А ты когда входишь, налево не смотри, а сразу направо, где наши достижения показывают.

Воронятников. Остришь, что ли?

Чашкина. Серьезно.

Воронятников. То-то! Я еще Семена Ильича попрошу, чтобы его тринадцатой зарплаты лишили. Премиальные ему пусть и во сне не снятся, это уже само собой...

Чашкина. Ну, относительно премиальных...

Воронятников. Ничего-ничего... Все равно вдвое больше моего зарабатывает... Что бы ему еще придумать, Дуся?

Чашкина. Вроде бы все исчерпал.

Воронятников. Еще надо... в многотиражку о нем фельетон. Да, Пятнашкину закажем, он сделает.

Чашкина. Пятнашкин о нем в прошлом месяце панегирик написал, до небес поднял.

Воронятников. Да, спел, дурак, арию. Вот уж поистине: заставь

богу молиться — он и лоб расквасит. Ничего, если на журналиста хочет, пусть учится, должен быть гибким.

Чашкина. Другому закажем.

Воронятников. Пятнашкина читать любят, у него талант. Лучше бы он.

Опять в дверь заглядывает Семин.

Семин *(улыбаясь)*. Я тут, Авдей Валентинович.

Воронятников *(рявкнул)*. Закрой дверь, тебе сказано!

Семин исчез.

Чашкина. Да зови ты его, зови, будет тебе!

Воронятников. Не могу! Как увижу его личико, плохо делается. Ты ему скажи, чтоб он не улыбался больше.

Чашкина. Сядь, остынь.

Воронятников хотел что-то сказать, но Чашкина не дала.

Посчитай до тысячи, Авдей. Молчи и считай. Молчи. Считай.

Пауза.

Ну?

Воронятников. Что?

Чашкина. Сколько насчитал?

Воронятников. Семь.

Чашкина. Да ты не так медленно!

Воронятников. Я не медленно. Но я до трех досчитал, а в уме мелькнуло: хорошо бы ему еще знаешь какое наказание придумать...

Чашкина. Зови. *(Пошла к двери.)*

Воронятников. Ты уходишь?

Чашкина. Нет, тут буду.

Воронятников. Да уж не уходи. Пускай!

Чашкина *(открыла дверь)*. Семин, входи!

Никто не входит.

Семин!

Ответа нет.

Гришка! *(Вышла за дверь и скоро вернулась.)*

Воронятников *(недоуменно)*. Где он?

Чашкина. Сказали — в буфет пошел, ситро пить.

Воронятников *(задыхаясь от гнева)*. Ай-ай-ай-ай-ай! *(Ходит по комнате.)* Знаешь, я теперь психику тех, которые убивают, понимаю.

Чашкина. Да сам же ты ему сказал: погоди.

Воронятников. Он и должен ждать, а не в буфете опохмеляться! Он там будет ситро лакать, эскимо облизывать... а мы... *(Задумался.)*

Чашкина. Сейчас позовут его, я сказала. Подождем.

Воронятников. Ну что ж, подождем их превосходительство. Нам ведь и делать нечего, как их ждать. До чего же мы их... *(Чуть не заплакал.)* До чего же мы их распустили, Дуся, этих незаменимых. Так вознесли, что и самим уж не достать. Ничего, я дотянусь!

Стук в дверь.

Кто там?

Семин *(приоткрывая дверь)*. Разрешите войти?

Чашкина. Входи.

Семин входит. Он большой, румяный, молодой, счастливый.

Семин. Теперь можно?

Чашкина. Я тебе сказала — можно.

Семин *(аккуратно прикрыл дверь)*. Здравствуйте, Авдей Валентинович.

Пауза.

(Робко и мягко.) Я говорю, здравствуйте, Авдей Валентинович.

Воронятников *(быстро)*. Здравствуй-здравствуй.

Пауза.

Достукался?

Семин молчит.

Что скажешь?

Семин молчит.

Улыбаешься, значит.

Семин. Это я от смущения, Авдей Валентинович.

Воронятников. Знаешь, что тебе по заслугам положено?

Семин. Угадываю.

Чашкина. Говори, Григорий, не валяй дурака.

Семин. Чего говорить, все ясно.

Воронятников. Вот именно.

Семин. Виноват.

Воронятников *(взревев)*. Ты со мной как с милиционером не надо: виноват, товарищ начальник, виноват, простите! Эту вашу тактику мы давно освоили. Ты понимаешь, в какое положение всех поставил?!

Семин. Чувствовал.

Воронятников. В конце месяца! В конце квартала! Мы все жилы как каторжные, как проклятые... Никогда еще так туго не было.

Семин. Я понимаю. Если бы в начале месяца, тогда, собственно, и говорить было бы не о чем. Я и сам переживал: как, думаю, вы тут без меня...

Воронятников. Четыре дня осталось до первого, четыре! Ты это соображаешь?

Семин. Я попробую... постараюсь...

Воронятников. Нет у меня, Григорий Яковлевич, для вас слов. Есть, да в горле сидят, не выскакивают. А уж если выскочат...

Чашкина. Авдей Валентинович!

Воронятников. Почему ты прогулял, Семин?

Семин *(расплылся в улыбке)*. Сын родился...

Воронятников. У всех дети рождаются.

Семин. У меня первый.

Воронятников. У всех сначала первый, потом пятый, потом сорок девятый. Вон у Шамарина тоже третьего дня ребенок родился — Шамарин не прогулял.

Семин. Так у него девочка... Я и сам не знаю, как это вышло...

Воронятников. Чего не знаешь?

Семин. Меня, понимаете, ошарашило...

Воронятников. Чем это тебя ошарашило — поллитром?

Семин. Нет. И как человек устроен!.. Ну, думаю, будет ребенок, и все. А как узнал, будто во мне что-то перевернулось. И весь свет по-другому представился. Так весело было!

Воронятников. Наверное, не скучал. Я вот, например, когда у меня сын родился, не то что не прогулял — и в мыслях не было.

Семин. Так это вы. Потому вы начальник, а я рядовой.

Воронятников. Не смей!

Семин. Что?

Воронятников. За дурака меня считать. Знаешь, милый, почему я не прогулял?

Семин. Вы другой человек.

Воронятников. Брось, тебе говорю, брось, человек я такой же, как все. А в наше время за двадцать минут опоздания знаешь что было?

Семин. Что?

Воронятников. Ладно, я тебе историю преподавать не буду. Сам читай, развивайся. Ты понимаешь, что ты за свое удовольствие теперь получишь?

Семин. Понимаю.

Воронятников. Мы вот тут советовались с Чашкиной: строгий выговор с предупреждением. Не возражаешь?

Семин. Нет.

Воронятников. Премиальные — пусть и не снятся. Это тоже доведи до сознания.

Семин. Ясно.

Чашкина. Вот, Гриша, в какое ты себя положение поставил. Хотели тебя к премии, благодарность вынести.

Воронятников. Портрет с аллеи сымаем.

Семин. А куда его?

Воронятников. Кого?

Семин. Портрет-то.

Воронятников. Можем на память подарить. Повесь дома на стенку или сверни в трубочку и храни как память о лучших днях жизни. Работу попроще будешь получать, о толстом рубле и не думай.

Семин. Ну уж, Авдей Валентинович... У меня теперь увеличение семейства, а вы... Вон в Болгарии — как ребенок родился — пособие. И рождаемость стимулирует, и справедливо. Хоть небольшой, а рот.

Воронятников. Зря вас за рубежи пускают. Не те впечатления вы оттуда привозите.

Семин. А я туда не сам просился, меня для обмена опытом посылали. Мне бы еще и в Соединенные Штаты съездить. Там, говорят, кое-что посмотреть можно.

Воронятников. Знаю, чего тебе наглядеться хочется. Стриптиз.

Семин. Зачем мне стриптиз, у меня жена есть. Я бы технику посмотрел.

Воронятников. А зачем тебе смотреть? С твоим-то отношением к делу? Ты бы попробовал там, в своих Соединенных Штатах, на заводе три дня прогулять, что бы тебе было, а?

Семин. Так ведь там капитализм.

Воронятников. То-то! На таких, как ты, не капитализм надо, а прямо феодализм... Ладно, не отвлекай. На тринадцатую получку тоже особо не рассчитывай, может, и обойдут.

Семин молчит.

Вот, значит, Григорий Яковлевич, какая у тебя теперь программа жизни будет. Усек?.. Чего задумался? Может, я тебя обидел, а?

Семин *(раздумывая)*. Вроде нет. Все правильно.

Воронятников. В таком случае, разговор окончен, товарищ Семин, иди. Чего стоишь? Вопросы есть?

Семин. Нехорошо все...

Воронятников. Сочувствую.

Чашкина. Ты, Гриша, очень не огорчайся. Докажешь трудом — и портрет обратно повесим. А премии уж само собой пойдут.

Семин *(в раздумье)*. Нехорошо...

Чашкина. Что нехорошо, Гриша?

Семин. Стыдно.

Воронятников. Ты бы со своей совестью раньше советовался — до прогула.

Семин. Можно у вас, Авдей Валентинович, листочек бумаги попросить?

Воронятников. Чего-чего — бумага есть, не жалко. *(Протягивает Семину листок бумаги.)* На!

Чашкина. Зачем это тебе, Гриша?

Семин *(Воронятникову)*. Можно, я тут присяду и вашей ручкой воспользуюсь? Свою обронил где-то.

Воронятников. Садись, если приспичило. Завещание, что ли, сочиняешь?

Семин. Я, Авдей Валентинович, заявление об уходе хочу написать. *(Присел к столу, взял ручку, положил лист бумаги на стол.)* Кому писать надо. Евдокия Федоровна?

Чашкина. Ну что ты... заявление... С чего это?

Семин. Стыдно...

Воронятников. Гулять тебе не было стыдно.

Чашкина. Погоди, Авдей. *(Семину.)* Чего тебе стыдно, Гриша?

Семин. Портрет снимут — все ехидничать начнут, острить. Ага, мол, достукался. Мне и так Переверзев Алексей говорит: чего это ты детей заводить вздумал, от них одни неприятности. У него трое.

Чашкина. Глупости он говорит.

Семин. В дирекцию или в отдел кадров писать?

Воронятников *(Чашкиной)*. Ему не стыдно, Дуся, нет, его по самолюбию ударили: как же, носились как курица с яйцом, а теперь по носу.

Чашкина. Я говорю, погоди, Авдей, помолчи!

Семин. Конечно, и самолюбие.

Воронятников. Ага! Гонору в таких, как ты, полный пузырь накачали, распирает.

Чашкина. Авдей!

Воронятников. Чего — Авдей, чего — Авдей! *(Семину.)* Я тебе неправильно все меры взыскания нарисовал?

С е м и н. Правильно. Я же не возражаю.
Ч а ш к и н а. Так чего же?
С е м и н. Я уйду все-таки.
В о р о н я т н и к о в. Куда ты уйдешь?
С е м и н. На изоляторный. У меня там дружок. Он и то говорит: что ты на своем ишачишь, присох, что ли, у нас на целых двадцать пять больше получать будешь, иди к нам.
В о р о н я т н и к о в. Вот, Дуся, вот! У них у всех одна арифметика в уме.
С е м и н. Нет! Я ему как раз говорил: не пойду. Но теперь, видать, судьба.
В о р о н я т н и к о в. Дуся, судьба у него! Ты слышишь, у него судьба! Ах бедный, несчастненький он! Судьбинушка ты горькая! *(Кричит.)* Это у меня судьба, не у тебя! Иди, иди на свой изоляторный, там ты нас еще вспомнишь!
С е м и н. Да вы не нервничайте, Авдей Валентинович, я же сказал — ухожу. *(Пишет.)*
Ч а ш к и н а. Чего ты пишешь, Григорий, чего?
С е м и н. В дирекцию решил.
Ч а ш к и н а. Выйди-ка отсюда на минутку. Выйди, выйди, мне с Авдеем Валентиновичем конфиденциально надо.

Семин пошел к двери.

Оставь бумагу, потом допишешь. И не отходи далеко.
С е м и н. Слушаю. *(Ушел.)*
В о р о н я т н и к о в. Ты чего?
Ч а ш к и н а. Я прошу тебя: сиди и молчи. Уйдет он.
В о р о н я т н и к о в. Ну и к лешему!
Ч а ш к и н а. Я тебя понимаю, Авдей. Но сейчас все, ша! Семин наш, никуда его отпускать нельзя. Ты же знаешь, у него руки золотые. Как без него будем?

Воронятников молчит.

То-то. Остынь.
В о р о н я т н и к о в. Как же можно...
Ч а ш к и н а. Да если Иван Никитич узнает, что ты Семина упустил...

Воронятников. Иван Никитич в отпуске.

Чашкина. А приедет? Семин тебе сказал: поднажмем, вывернемся. А без него? Молчи, Авдей, молчи! Портрет его заел. Черт с ним, оставим портрет, пусть висит, его самолюбие тешит. Хватит и строгого выговора.

Воронятников. С предупреждением.

Чашкина. И премиальными стукнем. Разве мало?

Воронятников. Ладно, черт с ним, пусть висит.

Чашкина. И помолчи.

Воронятников. Попытаюсь.

Чашкина. Уткнись в бумаги, будто дело делаешь. Сама договорюсь. *(Пошла к двери, открыла.)* Семин, входи.

Семин *(входя)*. Можно?

Чашкина. Можно. Мы тут посоветовались с Авдеем Валентиновичем, решили пойти тебе навстречу: портрет оставим. Парень ты молодой, тем более теперь — отец семейства. Ставить тебя в положение не хотим.

Семин. Спасибо, Евдокия Федоровна. И вас благодарю, Авдей Валентинович.

Воронятников, будто не слышит, уткнулся в бумаги.

Спасибо вам, Авдей Валентинович, говорю.

Воронятников. Слышу, не глухой. Виси на здоровье, срамись.

Семин. Почему же «срамись»?

Воронятников. А потому что скажут: вон, посмотрите на этого гулену, у которого выговор с предупреждением. Улыбка-то твоя зубастая там в самый раз будет. Смех! Ну, поблагодарил — и ступай. Надеюсь, поступок свой прочувствовал.

Семин. Нет, Евдокия Федоровна, уйду я все-таки!

Чашкина. Куда?

Семин. На изоляторный.

Чашкина. Ну чего ты, сказали — портрет оставим, значит, оставим.

Семин. Авдей Валентинович справедливо подметил: какой же портрет, когда строгий выговор, да еще с предупреждением. Смех!

Чашкина. Гриша, у тебя же проступок: три дня. Это же справедливо.

С е м и н. А я разве говорю, что несправедливо? Конечно, справедливо: не гуляй, так тебе и надо.

Ч а ш к и н а. Ну так что?

С е м и н. Все равно срам. С предупреждением...

В о р о н я т н и к о в. Может, тебе без предупреждения охота?

С е м и н. Это уж как пожелаете. *(Садится к столу, пододвигает к себе листок бумаги.)*

Ч а ш к и н а. Что ты сел, что?

С е м и н. Напишу. По желанию надо, да?

Ч а ш к и н а. По какому желанию?

С е м и н. По собственному.

Ч а ш к и н а. Погоди!

С е м и н. Чего ж годить, Евдокия Федорована... Конечно, все в меня тыкать будут: огреб, мол, выговор, достукался... Я все-таки передовой, мне обидно.

В о р о н я т н и к о в. Обидно ему, Дуся, обидно!

Ч а ш к и н а. Авдей!..

В о р о н я т н и к о в *(резко выскакивая из-за стола)*. Да я его!..

Ч а ш к и н а *(перекрикивая)*. Семин, выйди.

С е м и н *(встал)*. Совсем уйти?

Ч а ш к и н а. Нет, жди, я позову. Далеко не ходи.

С е м и н вышел.

Ну кто тебя за язык тянул дразнить его?

В о р о н я т н и к о в. Я? Его? Дразнил?

Ч а ш к и н а. Он же самолюбивый.

В о р о н я т н и к о в. А я нет? У меня кожа, как у слона? Нет, не кожа, кора дубовая! Он самолюбивый? Он бессовестный, а не самолюбивый. Был бы самолюбивым, честь бы свою берег, вот что!

Ч а ш к и н а. Мы же в безвыходном! Четыре дня осталось, а он может. Ты пойми, он всех спасет: и тебя и меня. Всех! Да и нельзя его отпускать! Таких по всей стране с огнем ищут, с руками рвут. Ты же все лучше моего понимаешь. Снимем с него это — с предупреждением, можно и просто — выговор. Подумаешь! Что значит — с предупреждением? Так, пустое слово.

Не цепляйся. Выговор — это крепко. *(И, не дожидаясь согласия Воронятникова, крикнула в дверь.)* Семин, войди!

Вошел Семин.

Чашкина. Сядь. Да не к столу, а сюда. Снимает с тебя Авдей Валентинович «с предупреждением». Он добрый, душа-человек. Все! Иди, Гриша, работай. *(Видя, что Семин о чем-то думает, быстро.)* Мальчика-то как назвали?

Семин. Пантелеймоном.

Чашкина. Как?

Семин. Пантелеймоном. Это жена захотела. Она учительница у меня, мудрует. Говорит, зря древние имена из обиходов вышли. *(Улыбается.)* Эксперимент, значит, делаем. Вроде как ученые себе чуму или холеру прививают. *(Смеется.)* Я ей говорил: будет мальчик, три месяца делай что хочешь. Вот она и начала. *(Весело.)* Авдей Валентинович, да снимите вы с меня этот выговор. На кой он? У меня настроение радостное, а вы его портите. Вон социологи говорят: у рабочего хорошее настроение надо поддерживать, тогда производительность труда поднимается. Вы на эту лекцию ходили? Я ее с удовольствием слушал.

Воронятников. С удовольствием! А как же тебе ее без удовольствия слушать, когда вся страна, все ученые только и делают, что о твоем хорошем настроении пекутся. А ты все хамеешь и хамеешь!

Чашкина. Авдей!

Воронятников. Думаешь, ты передовик? Как бы не так! У тебя руки золотые, а до передовика-то тебе еще пыхтеть и пыхтеть! Тебя для стимула на аллее вывесили, а ты вообразил! Ты не передовик! Ты задовик, вот ты кто! Задовик!

Чашкина. Авдей!

Семин *(идет к столу, садится на стул, пододвигает к себе бумагу)*. Я с вами, Авдей Валентинович, браниться не буду, не так воспитан. *(Пишет.)*

Чашкина. Семин, погоди!

Воронятников. Пусть пишет, пусть!

Чашкина. Авдей, не надо.

Семин. Выговор мне. Кто же после этого меня в бригаде уважать будет? Какой уж тут подъем...

Чашкина. Снимем выговор.

Воронятников. Нет, не снимем!

Чашкина. Авдей, сядь. Семин, выйди.

Семин. Да разве он понимает современного рабочего человека?

Воронятников. Не понимал, не понимаю и понимать не хочу! Голову дам отрубить, а на своем стану. Выговор не сниму.

Семин. Тогда я...

Чашкина. Семин, сядь! Авдей, выйди... то есть, наоборот, ты сядь, я уйду... то есть я сяду, а ты выйди... Тьфу! Тихо! Выйди, Семин.

Семин. Пожалуйста. *(Пошел.)*

Чашкина. И будь недалеко.

Семин. Уж знаю. Только недолго. Я обедать хочу. *(Вышел.)*

Чашкина. Авдей...

Воронятников. Дуся, не надо! Портим мы их, разлагаем, волю они берут, все забирают без остатка.

Чашкина. Да делать-то что, что делать, я тебя спрашиваю? Кто он мне — сват, брат? Я об общем деле думаю, об общегосударственном.

Воронятников. Пусть меня за это выгонят: упустил, мол, золотые руки. Нет, не упустил — выгнал!

Чашкина. Никто тебя не тронет, и не в тебе дело. План надо дать, это главное, смысл. План! Ты не кипятись. У тебя всегда государственная голова была, ты всегда широко мыслил, верно?

Воронятников *(остывая)*. Верно.

Чашкина. Ну и презирай его в душе, ненавидь даже, но интересы общие выше ставь. Пари над ними, ты умеешь парить, орел. Так говорю?

Воронятников. Парить умею.

Чашкина. И все! Нужен он сейчас. *(Зовет.)* Семин! Иди сюда!

Входит Семин.

Семин. Сняли?

Чашкина. Гришка, Гришка, любим мы тебя, потому и балуем.

Воронятников. Теперь премиальные обратно требовать будет.

Чашкина. Авдей!

Семин. У всех будут премиальные, а у меня нет. Ко Дню-то Конституции всегда было.

Чашкина. Гриша, Гриша, это уже на вымогательство похоже.

Семин. Евдокия Федоровна, всяких этих красивых слов не боюсь, мы под ними уж и без зонтика ходим. *(Надулся.)*

Воронятников *(Семину)*. Ты знаешь, что я решил? За прогул в три дня без уважительной причины — вынести тебе благодарность. Это тебя устраивает?

Семин. Вы меня не поймите неправильно, Авдей Валентинович, и вы, Евдокия Федоровна. Я на вас не обижаюсь. Все я заслужил, все. Только не могу. Человек я такой — гордый, болезненный. Уйду я, и все. У нас, слава богу, безработицы нет, руки у меня неплохие... Если, конечно, пожелаете без последствий оставить, я поднажму. Я и сам нервничаю: конец квартала. И ребятам своим скажу: поднавалимся. Они могут.

Чашкина. Значит, нажать обещаешь, Гриша?

Семин. Увидите.

Чашкина. Тогда снимем.

Семин встал, помялся, собираясь что-то сказать.

Чего тебе еще надо, Гриша?

Семин. Только не обижайтесь, уважьте, так сказать, молодого отца. Я к вам с чистым сердцем шел. Вот!.. *(Вытаскивает из кармана четвертинку.)* По маленькой за Пантюху моего.

Воронятников. Убери!

Семин. Я виноват, знаю, а маленький-то при чем? Шесть килограммов весу родился. Доктора говорят — неслыханное дело. Уже рекорд поставил!

Чашкина. От такого, как ты, и в полпуда может.

Семин *(смеется)*. И длиной — шестьдесят два сантиметра. Тоже весь медицинский персонал глаза повыкатил. Как же мне от радости... Ну, не буду. *(Разлил водку в два стакана, себе налил в крышку от графина.)* За Пантелеймона прошу!

Чашкина взяла стакан, Воронятников не берет.

Чашкина. Пригубь, Авдей, бери. *(Тихо, на ухо.)* Об общем деле думай, Авдей.

Воронятников *(берет стакан; глухо, Семину)*. Тебя да таких, как ты, действительно в Америку послать работать хорошо бы... Вы бы там живо всю капиталистическую систему развалили. Ну, поздравляю.

Чокаются.

Пусть тебя твой Пантелеймон мучает, как ты меня.

Семин *(хохочет)*. Пускай, пускай! Я ему волю давать буду, все стерплю, пусть развивается. За него!

Все выпили.

Спасибо вам! Большое спасибо! Я ведь знаю, душевные вы люди. *(Ушел веселый.)*

Чашкина. Ну, леший с ним! Зато голова у нас с тобой болеть не будет.

Воронятников. Да, воспитали... Ты там действительно скажи, чтобы его персону на аллее не трогали.

Чашкина. А я ничего и не говорила. Я знала, Авдей, чем дело кончится.

Воронятников. Зачем же я-то, Дуся, всю свою жизнь себя в руках держал, терпел. Мне-то, думаешь, тоже козлом прыгать не хотелось? А я только одно слово знал: надо! Мы же государство разума строим и смысла. У него все должно по графику идти, Дуся, во всем. А такие, как он...

Чашкина. Вылазят они из графика, это точно — живые... живым больно.

Воронятников *(взревев)*. А я мертвый?

Чашкина. Мы для них старались, Авдей, для них.

Воронятников. На пенсию хочу, Дуся. Уйду! И ты уйди? И все вместе уйдем. Все!.. И пусть они сами, без нас. Как хотят! Мы им плохи. А они лучше? *(Вдруг засмеялся.)* Ничего-ничего!.. Пусть он своему Пантелею волю дает. Тот ему покажет! Он еще на моем месте повертится!.. Одного хочу, Дуся,— дожить, посмотреть, как Пантелей из него человека делать будет. Только бы посмотреть! Только бы дожить!

Голос автора. И на операционном столе под наркозом мне грезился бой, танковая атака, рев самолетов, взрывы бомб... Проснулся я в палате коек на четырнадцать, покрытых новыми зелеными плюшевыми одеялами. Была глубокая ночь. Большинство раненых спало. Несколько человек покуривали самокрутки. А в углу на столике стоял патефон, и худенький паренек, попыхивая цигаркой, проигрывал пластинку. По палате тихо-тихо плыла мелодия на тему «Разлилась река широко, милый мой теперь далеко». Я успел все это разглядеть, прежде чем бросил любопытствующий взгляд на свои ноги. Может быть, потому, что боялся сразу бросить этот взгляд. Посмотрел и очень удивился. Под одеялом явственно проступали обе ноги — одна нормальная, а другая громадная. Это, как я понял позднее, от гипса, в который я был упакован до середины живота. Около меня сидела хорошенькая блондинка с милым, добрым лицом. Она, поймав мой взгляд на гипсовую ногу, пояснила:

— Решили подождать ампутировать: может быть, удастся спасти.

— Как вас зовут? — спросил я?

— Мария Ивановна.

— А фамилия?

— Козлова.

Какое дивное совпадение! Мария Ивановна — моя учительница в театральном училище, знаменитая блистательная актриса Мария Ивановна Бабанова. А Козлова — ведь это фамилия Надюши, моей любимой девушки, моей безумно любимой, до сумасшествия.

— Что вы хотите? — спросила доктор с дважды радостным для меня именем, отчеством и фамилией.

— Пить.

Белоснежная фея обрадовалась, быстро налила мне из графина, который стоял на предпостельной тумбочке, воды, подала и сказала:

— Хороший признак. А есть хотите?

— Хочу.

Мария Ивановна чуть не засмеялась. Глаза ее зажглись, как будто там внутри нее кто-то чиркнул спичкой.
— Что бы вы хотели съесть?
Что может хотеть полумертвый солдат, давно вообще ничего не евший? Я полусерьезно сказал:
— Хочу пирожков с мясом... и компота.
Тогда это звучало примерно так, если бы я в Москве в декабре, когда на улице тридцать градусов мороза, попросил дать мне тарелку свежей садовой клубники. Можно это сделать? Вы засмеетесь и скажете: едва ли. А я возражу. В идеале можно, допустим, слетать на самолете в Калифорнию и привезти. Там именно в эту пору, в декабре, на каком-то банкете я ел эти самые душистые свежие ягоды.
Марию Ивановну порадовал мой пробудившийся аппетит, она его также назвала прекрасным признаком. Мы перекинулись с ней еще двумя-тремя короткими фразами, потом она молча посидела у моей койки и, видимо, успокоенная, ушла. Я погрузился в долгий, глубокий сон.

Занавес

ПРАЗДНИК

ТРАГИКОМЕДИЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ ЗОСИМОВ — *52 лет.*
НИНА СЕРГЕЕВНА — *его жена, 48 лет.*
МУЗА — *их дочь, 28 лет.*
ПЕТЯ — *их сын, 13 лет.*
СТЕПАН — *муж Музы, 30 лет.*
ДВЕНАДЦАТЬ ЧЕЛОВЕК ГОСТЕЙ

Квартира Зосимовых. Она из трех комнат, но мы видим только две из них и кухню. Одна комната большая, другая — очень маленькая. В большой комнате накрыт стол. Желательно, чтобы

он действительно выглядел натурально и эффектно. В хрустальных графинах переливаются оттенками разные сорта настоек, водок — на лимонных корках, на апельсиновых, с бальзамом, со смородиной. Пестрят этикетки причудливых бутылок. В раскидистых вазах фрукты. Перьями жар-птицы взвиваются алые гладиолусы. И вокруг всяческая снедь.

В маленькой комнате сейчас особенно тесно, так как туда снесли все, что могло мешать в большой: и массивные кресла, и письменный стол, и составные книжные полки. Между прочим, перенос вещей из комнаты в комнату и сервировку стола можно делать перед началом действия на глазах у зрителей, как это теперь нередко практикуется в театрах.

На сцене — Андрей Иванович Зосимов и его жена Нина Сергеевна. Оба наряжаются к празднику и одновременно заканчивают сервировку стола.

Нина Сергеевна *(взбивая перед зеркалом волосы)*. И серьги прицеплю. *(Вдевает в уши длинные серьги.)*

Андрей Иванович *(колдуя у стола)*. А не зря ли ты сюда нашего Барбоса поставила? Кокнут.

Нина Сергеевна. Пусть красуется... Надень галстук поярче. Все-таки молодежь будет.

Андрей Иванович. Надо, пожалуй, капли выпить.

Нина Сергеевна. Жмет?

Андрей Иванович *(доставая из шкафа капли)*. Профилактически.

Нина Сергеевна. Водку не пей.

Андрей Иванович. Рюмочку коньяку непременно хлопну. Такой случай! *(Оглядел стол.)* Вкуснотища! Слюнки текут. Я хитрый: нарочно за обедом почти ничего не ел.

Нина Сергеевна. Ну схвати кусочек ветчины.

Андрей Иванович. Потерплю. *(Потирает руки.)* Ребятки будут довольны.

Нина Сергеевна. У кофточки вид какой-то мятый.

Андрей Иванович. А ты накинь на плечи свой шикарный платок.

Н и н а С е р г е е в н а. Идея! *(Достает в маленькой комнате из комода платок. Набросила на плечи, вернулась в столовую.)*

А н д р е й И в а н о в и ч. Царица! Таких теперь не бывает. *(Целует жену.)*

С футбольным мячом в руках входит подросток. Это П е т я.

Н и н а С е р г е е в н а *(сыну)*. Умойся и переоденься, скоро гости придут.

П е т я. Нет, я ухожу.

А н д р е й И в а н о в и ч Куда?

В это время входят М у з а и С т е п а н. Они с цветами, хлебом и шампанским. Оба оживленные, счастливые.

•

М у з а. Степа, шампанское — в холодильник, живо! Мама, поставь цветы в синюю вазу. Папка, нарежь, пожалуйста, хлеб. Петька...

П е т я. Я к Пузыревым. У меня физика несделанная. Куда мой портфель засунули.

Н и н а С е р г е е в н а. В той комнате у комода. Останься, Петя!

П е т я. Не видел я гостей, что ли!

А н д р е й И в а н о в и ч. Сестра у тебя не каждый день диссертации защищает.

П е т я. Все одно. Сначала будут интеллигентные: сю-сю-сю-сю. Потом каждый что-нибудь умное изрекать начнет. А через часок надерутся и начнут похабные анекдоты рассказывать.

М у з а. Как тебе не стыдно! Когда это?

П е т я. Да ладно, не делай наивные глаза. *(Уходит в маленькую комнату, лезет за комод, достает портфель.)*

М у з а. Я говорила — не надо при ребенке язык распускать.

С т е п а н. Да, растет, растет дурак.

П е т я *(проходя через столовую с портфелем в руках, схватил со стола апельсин)*. Я к Пузыревым. У них и заночую. Пишите! *(Ушел.)*

На кухне.

Н и н а С е р г е е в н а укладывает бутылки шампанского в холодильник.

Андрей Иванович *(режет хлеб)*. Куда класть?

Нина Сергеевна. Надо на два края стола. Я тебе сейчас тарелки дам.

В столовой.

Муза *(считая стулья и приборы на столе)*. По-моему, два лишних, смотри. *(Считает.)* Двенадцать и нас двое. А тут шестнадцать.

Степан. А Нина Сергеевна и Андрей Иванович?

Муза. Ах да... о господи... Петька, и тот догадался. Неужели они сами не понимают?.. Будут совершенно чужие им люди.

Степан. Тише, Музочка, тише.

Муза *(шепотом)*. Да почему — тише? Я очень люблю маму и папу, но здесь они, честное слово, ни к чему. Засядут... Все будут смущаться. После первой же рюмочки папа начнет рассказывать, как он в партизанском отряде воевал «в свои восемнадцать мальчишеских лет». Кому это интересно?! Мама будет без конца всех угощать, будто наши гости из деревни понаехали.

Степан. Все верно, Музочка, только неудобно.

Муза. Я понимаю... Ой, какие же мы дураки! Помнишь, в прошлом году у Гоги Капканова докторскую отмечали, так он своим родителям на этот вечер билеты в театр «Современник» достал. И те радовались, и всем счастье. Ты, шляпа, не сообразил. Надо было хотя бы в консерваторию. Они и туда бы с удовольствием. И почему они не пошли к Алисе Игоревне?!

Степан. Тише, Муза!

С тарелками в руках входят счастливые родители.

Нина Сергеевна. Папка у нас на все руки. Посмотрите, какие изящные ломтики.

Андрей Иванович *(ставя хлеб на стол)*. Барбоса не разбейте.

Муза. Господи, ну уберите его, пожалуйста, если жалко, положите в сундук.

Андрей Иванович. Не жалко, Музочка, я просто так сказал, на всякий случай... Вы со Степой вот здесь сядете, тут — гости, а с краю наши с мамой места. Из-за стола не вскакивайте, мы с мамой сами.

М у з а *(решившись)*. А разве вы не идете к Алисе Игоревне? У нее сегодня день рождения. Или я путаю — завтра?

А н д р е й И в а н о в и ч. Мы не променяли бы твой праздник даже на нашу милую Алису Игоревну.

М у з а *(весело, как бы наивно)*. Мы бы не обиделись, даже очень бы вас поняли. Что наши гости? Чужие вам люди. Алиса Игоревна — папина фронтовая сестра. Там у вас всегда все свои, ваши. *(Запела.)* «Бьется в тесной печурке огонь, на поленьях смола, как слеза...» Но мы, конечно, рады, что вы с нами.

Н и н а С е р г е е в н а. И мы... Андрюша, куда ты заложил мои туфли? Я же их приготовила.

А н д р е й И в а н о в и ч. Они там. *(Показывает на маленькую комнату.)* Прямо у дивана стоят.

Н и н а С е р г е е в н а *(прошла в другую комнату. Стоит молча. Отодвинула ногой туфли за диван)*. Я их не вижу, Андрей!

А н д р е й И в а н о в и ч. Экая! *(Идет к жене. Видит ее состояние.)* Ты что, Нина?

Н и н а С е р г е е в н а. Вдруг ужасно закружилась голова. *(Садится на диван.)*

В столовой.

С т е п а н. По-моему, Нина Сергеевна догадалась.

М у з а. А что я такого сказала?

С т е п а н. Позови их.

М у з а *(в дверях маленькой комнаты)*. Мама, папа, вы что?

А н д р е й И в а н о в и ч. У мамы голова закружилась.

М у з а. А-а-а... Полежи немного. *(Вошла в столовую.)* У мамы голова закружилась. Знаешь, у нее этот возраст — переходный.

Звонок в дверь.

(Счастливо.) Наши.

Входят г о с т и. *Все сразу. Двенадцать человек. Они с подарками. Громкие восклицания, объятия, поцелуи, поздравления. Приглашение пройти в комнату. На все подношения Муза говорит: «Ну что вы, что вы! Это уж совершенно ни к чему!»*

В маленькой комнате.

Андрей Иванович. Может, тебе прилечь ненадолго?

Нина Сергеевна. Сейчас пройдет. Ты пойди извинись за меня.

Андрей Иванович. Нет-нет, я с тобой пойду.

Нина Сергеевна. Вдруг как-то, знаешь, ударило вот сюда...

Андрей Иванович. У меня тоже бывает. Именно как-то сразу и тоже сюда.

Нина Сергеевна сняла платок, вынула из ушей серьги и вдруг заплакала.

Что ты, Ниночка?

Нина Сергеевна. Нестерпимая боль...

Андрей Иванович. У меня в кармане пятерчатка, прими.

Нина Сергеевна. Не надо, пройдет. *(Ложится на диван, широко открытыми глазами смотрит в потолок.)*

Андрей Иванович. Не легче?

Нина Сергеевна. Чуть-чуть. Иди, Андрюша, Музе и Степе помочь надо.

Андрей Иванович. Все на столе. Пусть пока закусывают. Лежи тихо. *(Укрыл жене ноги платком. Достал стопку ученических тетрадей.)* Полежи минут двадцать — и пройдет. *(Замечает, что у жены текут слезы. Вытирает их платком.)* Ну что ты, глупенькая, потерпи. *(Сел около жены, проверяет тетради.)*

В течение этой сцены Муза и Степан в столовой рассаживают гостей вокруг стола. Может быть, это пантомима, а возможно, слышатся реплики:

— А вы сюда.
— Здесь тебе будет удобнее.
— Спасибо!
— Ах, какой стол!
— Как у вас уютно!

Сейчас все уже за столом. Во все рюмки налито. Гости как на подбор — молодые, ядреные, одеты добротно, разнообразно и современно.

Первый гость *(стоит с рюмкой в руке)*. Милая, дорогая, хорошенькая и умненькая наша Муза Андреевна! Два слова в вашу честь, два слова. Потому два, что тысячи их вы слышали на защите. Ваша диссертация дорога нам тем, что в ней затронуты такие тончайшие и глубокие нюансы человеческих взаимоотношений, уловить, учуять которые способна только женская, тонко вибрирующая от малейших колебаний натура. Вы — барометр нашего времени.

Второй гость. Термометр!

Третий гость. Вольтметр!

Четвертый гость. Счетчик Гейгера!

Пятый гость. Азимут!

Первый гость. Ребята, тихо, иду на коду! И пока существуют такие приборы, все в мире спокойно. И оттого с чистой душой и ясной совестью можно... выпить!

Общий шум. Чоканье. Симфонический лязг ножей, вилок, зубов.

В маленькой комнате.

Андрей Иванович *(уже снял пиджак. Склонился над тетрадями, изредка поглядывая на жену)*. Послушай, пожалуйста, что написала ученица седьмого «Б» госпожа Изюмова. «На берегу реки колхозница доила корову, а в воде отражалось наоборот». А?

Нина Сергеевна *(принужденно смеясь)*. По-моему, она просто свое остроумие тебе напоказ выставляла.

Андрей Иванович. Не исключено. Совершенная бандитка. Но одаренная исключительно, особенно в математике.

Нина Сергеевна. Они теперь все развитые. К сожалению, нередко в одну сторону.

Андрей Иванович. А вот еще один перл. Огуречников Павел: «Под аплодисменты присутствующих молодая доярка сошла с трибуны, и на нее взобрался пожилой колхозник». Каково?

Нина Сергеевна. Наклонись, я тебе что-то скажу.

Андрей Иванович *(наклонился к жене)*. Что?

Нина Сергеевна. Дурачок ты!

Андрей Иванович. Интересно — почему?

Нина Сергеевна. Эти шутки ты мне лет пятнадцать тому назад рассказывал... Я уже успокоилась.

Врывается раскрасневшаяся Муза.

Муза. Мам, а где соленые огурчики? Я сама покупала.

Нина Сергеевна. Они в холодильнике, в нижнем выдвижном лотке.

Муза. А вы что, решили не идти к нам?

Андрей Иванович. Знаешь, устали за день. Вы там без нас все найдете?

Муза. Найдем-найдем, отдыхайте. Замотались, я вас понимаю. Как твоя голова, мамочка?

Нина Сергеевна. Лучше.

Муза. Вот и хорошо! *(Убежала.)*

В столовой.

Здесь уже шумно. Мизансцена более вольная — не только вокруг стола.

Муза *(у двери на кухню).* Степа, внизу в холодильнике, в лотке,— огурчики. Принеси.

Шестой гость. Друзья! Пока вы еще способны слушать, я предлагаю выпить за верного помощника Музы, за друга, незримого соратника, без которого... и так далее... За Степана!

Именно в этот момент входит Степан с тарелкой, полной соленых огурцов.

Седьмой гость. Вот он, полувиновник торжества!

Восьмой гость. Горько!

Все. Горько! Горько!

Муза подбегает к Степану и под общие крики восторга целует его. Степан обносит гостей огурцами.

Девятый гость. Этим летом, когда я был в Никарагуа...

Десятый гость. Товарищи, вы читали в «Советской России» статью Щипчиковой? Это что-то невероятное!

Одиннадцатый гость. Я человек принципиальный. У меня если да — то да, если нет — то нет, середины я не признаю.

Двенадцатый гость. Ты идеалист.

Одиннадцатый гость. Не возражаю.

Двенадцатый гость. А ты знаешь, милый, жестокость начинается с идеализма.

Одиннадцатый гость. Оставь парадоксы.

Двенадцатый гость. Да-да, жестокость начинается с идеализма. Христианская религия возникла как протест против рабства и насилия, а потом сама утверждала бога огнем, мечом, виселицами, кострами. Воинствующая церковь!

Пятая гостья. Ненавижу идеалистов, ненавижу стопроцентных добрых, честных, верных своим мужьям и женам до гроба, всегда знающих, как люди должны вести себя. Именно они заражены самым страшным пороком — присвоением себе права судить других. Надо уметь прощать слабости, даже пороки, сострадать, а не казнить. А они: «Руби с плеча! Изгоняй, искореняй! Ату его!» Мне всегда защитник симпатичнее судьи, а особенно прокурора.

Седьмой гость. А ты много раз судилась?

Пятая гостья. Да меня судят все. А я хочу жить так, как я хочу!

Девятый гость. Тихо, тихо... А я ценю главным образом выдержку. Выдержка — это броня и оружие. Будьте выдержанны, как этот пес, который с каким-то непонятным превосходством смотрит на нас. *(Поднял фарфоровую собаку, читает на ней внизу надпись.)* «На вечную верность».

Четвертый гость. Какой прекрасный сентиментализм!

Второй гость. Главное, никогда не надо обещать, связывать себя. «На верность», а потом хвост дугой — и ищи-свищи, где твои клятвы. Потому что пришло новое чувство — сильное, крепкое, и ничего не поделаешь.

Восьмой гость. Ребята, это, конечно, цинично, но когда я завожу какую-нибудь заводиловку в этом роде, сразу предупреждаю: без обязательств! И все получается прелестно.

Муза. Это папа подарил маме в день их серебряной свадьбы.

Второй гость. О, я снимаю все свои пошлые подозрения!

Четвертый гость. Да, раньше умели любить и глубоко чувствовать.

Третий гость. Музочка, а где они?

Муза *(неожиданно для самой себя)*. Ушли в гости к папиной фронтовой сестре. Они были в одной батарее. Алисе Игоревне. У нее день рождения.

Десятый гость. А хорошее у них было время. «В одной батарее!..» Звучит!

Третий гость *(запел)*. «Бьется в тесной печурке огонь...»

Все подтягивают.
В маленькой комнате.
Родители уже переоделись в домашнее платье.

Андрей Иванович *(слушая песню)*. Они неплохие ребята. Просто иные. Мы никак не можем с ними смонтироваться.

Нина Сергеевна. Ты голоден. Пойди возьми там что-нибудь.

Андрей Иванович. Чепуха, подумаешь! Ты-то тоже, наверное, есть хочешь.

Нина Сергеевна. Я, когда стряпала, схватила того, другого, третьего. Как раз сыта.

Андрей Иванович. Они очень развитые, Нина, эрудированные.

Из столовой доносится громкий хохот.

Вот чудаки: после такой грустной песни — смех.

Нина Сергеевна. А ты знаешь, я разделяю точку зрения Руссо: цивилизация не способствует прогрессу.

Андрей Иванович. Ну-ну, милая, уймись и успокойся.

Нина Сергеевна. Да-да! Видишь ли, Андрюша, я с подозрением отношусь к цивилизации, потому что она порождает чертей.

Андрей Иванович. Любопытно.

Нина Сергеевна. Именно. Конечно, черти и до этого были. Из-за чертей она и возникла, цивилизация, в борьбе против них. Но вместо одной дьявольской силы возникает другая. Мне даже желательнее черт с копытами и рогами, чем черт в пиджаке,

ведьма в ступе и с помелом, чем в модной юбочке и с сумочкой через плечо. И знаешь почему? Вот я говорю с ней или с ним, думаю: это человек. А это — черт или ведьма. Я и попалась, я и в дураках. А были бы копыта, рога, помело — сразу видно.

Андрей Иванович. Ты очень расстроилась, Нина?

Нина Сергеевна. Откровенно говоря, да. Ты знаешь, чем горячее мы их любим, тем они к нам безжалостнее.

В столовой.

Девятый гость, который вертел в руках собаку, уронил ее на пол, и собака вдребезги разбилась.

Муза. Ай!

Восьмой гость. Муза, не огорчайтесь, это к счастью!

Третий гость. Разбить собаку — это самое большое счастье!

Седьмой гость. Да, это не какая-нибудь тарелка.

Шестой гость. В денежно-вещевую выиграете «москвича».

Второй гость. Нет-нет, это к докторской! Муза защитит докторскую!

Девятый гость. Должность на триста рублей!

Двенадцатый гость. Квартиту из трех комнат!

В маленькой комнате.

Нина Сергеевна. По-моему, они разбили Барбоса.

Андрей Иванович. Нет, упало что-то металлическое.

Нина Сергеевна *(нервничая)*. Они разбили Барбоса!

Андрей Иванович. Ну, допустим. Бывают и пострашней события. Я даже их понимаю, Нина. У Музы большая радость, успех, праздник.

Нина Сергеевна. Андрюша, они звереют от этих своих успехов, ничего вокруг не видят, ничего и никого. Им только успех подавай, успех, успех! Ну посади за стол отца и мать на десять минут, а потом гуляй, торжествуй, вампирствуй.

Андрей Иванович. Нина, не унижайся.

Нина Сергеевна *(плача злыми слезами)*. Ты понял, что они нас не хотят, понял? Мы им не только не нужны, мы лишние, мы в

тягость. Мы любили их какой-то зоологической, звериной любовью, а в ответ...

Вдруг распахнулась дверь. На пороге — М у з а.

М у з а. Ку-ку! Как вы тут? *(И не дожидаясь ответа.)* Мама, где у нас совок и щетка? Мы тарелку разбили.

Н и н а С е р г е е в н а. Около мусоропровода.

М у з а. Все очень довольны. И так весело! *(Исчезла.)*

В столовой.

М у з а. Степан, около мусоропровода щетка и совок. Подмети.

С т е п а н уходит.
Все собрались в кружок и о чем-то тихо-тихо, но страстно говорят. Горячий шепот, горячее и горячее. Один из гостей включил магнитофон. Постепенно все начинают танцевать.

В маленькой комнате.

А н д р е й И в а н о в и ч *(вдруг рассердившись)*. Ты знаешь, я сейчас пойду к ним и скажу все, что думаю о них, при всех.

Н и н а С е р г е е в н а. Не сходи с ума. Не надо.

А н д р е й И в а н о в и ч *(надевая пиджак)*. Нет, нужно, даже необходимо. Для них же, а то совсем оскотинеют.

Н и н а С е р г е е в н а *(удерживая мужа)*. Андрюша, не смей.

А н д р е й И в а н о в и ч. Пусти!

Н и н а С е р г е е в н а. Не пущу, сядь. Сядь, я тебе сказала! *(Насильно усаживает мужа на стул. Целует.)*

А н д р е й И в а н о в и ч. Я не хочу, чтобы ты была в таком унизительном положении.

Н и н а С е р г е е в н а. А я — чтобы ты. Сиди. Разнервничаешься, и только плохо тебе будет. Вон уже как пульс прыгает.

А н д р е й И в а н о в и ч *(ворчит)*. Подыхать нам надо, подыхать.

Н и н а С е р г е е в н а. Ну, мы еще и до пенсии не дотянули. Подождем умирать.

Андрей Иванович. Надо было нам уйти к Алисе Игоревне. Посидели бы, я бы с ней в шахматы сразился. Как это она тогда меня выставила!

Нина Сергеевна. Давай сыграй со мной.

Андрей Иванович. Ты плохо играешь.

Нина Сергеевна. Напрягу все извилины.

Андрей Иванович. Нет-нет, когда я с тобой играю, только злюсь на тебя.

Нина Сергеевна. Попробуем. *(Достает шахматы.)*

В столовой.

Часть гостей танцует. Некоторые сидят группой. Курят.

Третий гость *(группе)*. Товарищи, совсем забыл! Недавно услыхал замечательный анекдот. Он несколько с перчиком, но... Разговаривают француз, американец, англичанин, русский и китаец...

Седьмой гость. Уже смешно!

Все смеются.

Входит Петя.

Муза. Петя!

Петя. К Пузыревым из Верхнего Тагила родня приехала. Места нет.

Муза *(всем)*. Это, товарищи, мой братик Петя.

Все, как шакалы, набрасываются на Петю.

Первый гость. Петя! Здравствуй, Петя!

Второй гость. Ой, какой бравый парень?

Третий гость. А учишься, поди, не ахти как?

Четвертый гость. Смотри, надо хорошо учиться, Петя.

Шестой гость. А то после школы сразу в армию угодишь, Петя!

Пятая гостья. Петя, а сколько тебе лет?

Седьмой гость. Какой он большой!

Восьмой гость. Акселерация!

Девятый гость. Жених!

Петя *(Музе)*. А родители где?

Муза. Они ушли к Алисе Игоревне.
Одиннадцатый гость. Именно жених!
Двенадцатый гость. Уже, поди, девочки есть?
Первый гость *(в восторге)*. Пете — рюмочку!
Муза. Он не пьет.
Второй гость. Ха-ха-ха!
Третий гость. Они теперь с пятого класса пить начинают.
Четвертый гость. А курить — с детского садика.
Восьмой гость. Акселерация!
Шестой гость. Шампанского!
Седьмой гость. А может, коньячку?
Петя. Я пью только виски.

Общий восторг.

Девятый гость. Виски!
Десятый гость. Где виски?
Одиннадцатый гость. Нет виски.
Двенадцатый гость. Ах, черт, у меня дома настоящая белая «Белая лошадь»!
Третий гость. Съешь индейки, Петя!

И новая атака на Петю.

Первый гость. Апельсин!
Третий гость. Сервелат?
Четвертый гость. Ветчины!

Все протягивают Пете куски, тарелки, фрукты.

Петя *(пробиваясь сквозь всех)*. Спасибо, нет... Большое спасибо... Нет-нет, я сыт... Спасибо вам... Благодарю...
Седьмой гость *(крикнул)*. За детей!
Восьмой гость. Ура!
Девятый гость. За смену!
Десятый гость. За самое дорогое!
Одиннадцатый гость. Да-да, это теперь главное — прирост населения.
Четвертый гость. Рождаемость падает, это ужасно.

Двенадцатый гость. Сейчас стимулируют рождаемость.
Первый гость. За воспроизводство!

У всех налито. Все чокаются. В этот момент Петя проскальзывает в маленькую комнату.

Петя *(увидев родителей)*. Вы тут?
Нина Сергеевна. А что удивительного?
Петя. Муза сказала — вы ушли к Алисе Игоревне.
Андрей Иванович. Вот как? Она пошутила.
Петя *(оценивая ситуацию)*. Вы ели?
Андрей Иванович. Конечно, ужинали.
Петя. А я есть хочу. Сейчас... *(Решительно пошел в большую комнату навстречу новой атаке.)*

Но все сидят развалясь. Тихо журчит беседа, и никто не обращает внимания на мальчика.

(Подходит к столу, берет большую тарелку и накладывает на нее еду, даже выбирает ее из рук гостей — у кого ножку индейки, у кого апельсин, у кого снимает с тарелки кусок торта. Возвращается к родителям, ставит тарелку на письменный стол.) Питайтесь!

Родители с аппетитом принимаются за еду.

Нина Сергеевна. Спасибо, Петя!
Андрей Иванович. А ты?
Петя. Меня у Пузыревых обкормили. Спать хочу. Только мы с Пузырем собрались улечься, к ним из Верхнего Тагила родня приехала. Вваливаются трое. Чего-то покупать приехали.
Нина Сергеевна. Ложись.
Петя *(раздевается, ложится)*. А вы как?
Андрей Иванович. Мы с мамой посидим.
Нина Сергеевна. Надо потом помочь Музе посуду помыть, убраться.
Петя. Непонятные вы люди. Ну, ваше дело. *(Укрылся одеялом с головой.)*

В столовой.

Все слушают серьезную классическую музыку.

Девятый гость. Все-таки классика — это классика...

В маленькой комнате.

Андрей Иванович. Душно что-то.

Нина Сергеевна. А по-моему, даже прохладно. Ты прими капли.

Андрей Иванович. Ничего...

Нина Сергеевна. Они у тебя здесь?

Андрей Иванович. Нет, в буфете.

Нина Сергеевна. Достать?

Андрей Иванович. Что ты?! Отпустит.

Нина Сергеевна. Приляг.

Андрей Иванович. Отпустит.

Нина Сергеевна. Ты побледнел.

Андрей Иванович. Ну и что ж, пройдет.

Нина Сергеевна идет к двери.

Нина, не надо. Неловко. Она же сказала, что мы ушли. Сейчас отпустит.

Нина Сергеевна, приоткрыв дверь, знаками старается привлечь внимание Музы или Степана.

Муза *(заметив знаки матери, подошла)*. Что, мамочка?

Нина Сергеевна. Достань папе из шкафа капли.

Муза. Сейчас. *(Достала пузырек, передает матери.)* Пройдет. У него это часто бывает.

Нина Сергеевна *(подошла к мужу)*. Андрюша!.. Андрюша, что с тобой?.. «Неотложку» надо. Я вызову «неотложку».

Андрей Иванович. Нет-нет, что ты! Нет-нет, весь праздник испортишь, не смей, что ты, что ты... *(Пьет капли.)*

В столовой.

Одиннадцатый гость. В вашей диссертации, Муза Андреевна, мне особенно запомнилось место о гуманизме.

Все. Да-да...

Седьмой гость. Давайте-ка, братцы, хлопнем за гуманизм.
Восьмой гость. За гуманизм!
Девятый гость. За гуманизм!
Третий гость. За гуманизм!

В маленькой комнате.

Нина Сергеевна. Андрюша, ты задремал?

В столовой.

Четвертый гость. За гуманизм!

Все поднимают рюмки.

В маленькой комнате.

Нина Сергеевна. Андрюша... Андрю... Спи, миленький, спи...

Голос автора. Проснулся я, наверно, часов через четырнадцать в светлой солнечной палате. У койки в белоснежном халате стояла та же самая Мария Ивановна, но сейчас у нее в руках была литровая банка с домашним компотом и тарелка с румяными продолговатыми пирожками... А?! Это она успела за пробежавшие ночь и утро сварить компот и испечь пирожки. Самолет летал в Калифорнию. Нет, дальше, выше, на самые небеса! «Что он Гекубе, что она ему?» Что я — один из миллионов раненых солдат — для измученного ночными дежурствами, потоком раненых, операциями палатного врача?
Сколько я за свою жизнь встречал этого бесценного человеческого участия! Нет, ни ум, ни знания, ни даже талант никогда не заменят на земле этого поразительного, исцеляющего душу и тело тепла человеческой доброты.
Всего вам доброго, товарищи! Всего вам самого доброго!

Занавес

1974

ГНЕЗДО ГЛУХАРЯ

ПЬЕСА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СУДАКОВ СТЕПАН АЛЕКСЕЕВИЧ.
НАТАЛЬЯ ГАВРИЛОВНА — *его жена.*
ИСКРА, *28 лет* } *их дети.*
ПРОВ, *16 лет* }
ЯСЮНИН ГЕОРГИЙ САМСОНОВИЧ (ЕГОР) — *муж Искры.*
КОРОМЫСЛОВА АРИАДНА ФИЛИППОВНА.
ВАЛЕНТИНА ДМИТРИЕВНА — *землячка Судакова.*
ДЗИРЕЛЛИ.
ЮЛИЯ — *переводчица.*
ЗОЯ — *приятельница Прова.*
ЗОЛОТАРЕВ — *сослуживец Судакова и Ясюнина.*
ВЕРА ВАСИЛЬЕВНА — *мать Зои.*
СОНЯ — *переводчица.*
ДВА НЕГРА.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

В квартире Судаковых. Столовая, обставленная добротной мебелью, и кабинет хозяина дома Степана Алексеевича.

Кабинет интересен тем, что весь уставлен и увешан диковинными предметами. На книжных полках и шкафу всевозможные фигурки, маски черного дерева, перья каких-то неведомых птиц, яйцо страуса, огромный кокосовый орех, засушенная человеческая голова малых размеров, раскрашенный лук с колчаном и стрелами, чучело небольшого крокодила, расписной щит, морские раковины и куски кораллов и целый ряд древнерусских икон. Массивный письменный стол, кожаный диван, временно превращенный в постель, и старинное кресло с высокой спинкой, то, что раньше называлось вольтеровским.

В столовой — дочь Судакова И с к р а. *Она сидит за столом и разбирает большую груду писем, делает на них пометки толстым красно-синим карандашом, потом скрепками скрепляет их с конвертами.*

Через столовую в кабинет проходят сын Судакова П р о в *и девушка* З о я.

З о я *(проходя, Искре)*. Здравствуйте.

И с к р а *(на мгновение отрывает взгляд от письма)*. Здравствуйте.

Пров и Зоя прошли в кабинет.

З о я. Кто это?

П р о в. Сестра, Искра.

З о я. Как?

П р о в. Искра, говорю. Зовут Искра.

З о я *(оглядывая кабинет)*. Шикарно!

П р о в. Это кабинет отца.

З о я. Музей.

П р о в. Сувениры. Отец из разных стран всякую всячину привозит. А иконы — собирал. Говорит, лет десять назад на них поветрие было.

З о я. А где он трудится?

П р о в. Где-то в сфере работы с иностранцами.

З о я *(продолжая осматривать комнату).* Надо же!.. Сколько у вас комнат?

П р о в. Шесть.

З о я. Подходяще.

П р о в. Четыре наших, а две — Искры с мужем. Мы на одной площадке получили. Пробили внутри дверь и соединили. Квартира вроде одна, а на самом деле их две.

З о я. У тебя, поди, отдельная комната?

П р о в. Само собой. Там обои переклеивают, потолок белят. Вверху труба лопнула. Именно меня промочило! К Первому мая закончат.

З о я. Житуха, поди, у вас...

П р о в. В каждом доме, под каждой крышей... Что? Свое горе, свои мыши.

З о я. Какие у вас мыши... С жиру разве.

П р о в. А что? Лишний вес тоже заболевание. Читала в газетах? Рекомендуют диету, гимнастику, разгрузочные дни.

З о я. Не разгрузочные, а нагрузочные надо.

П р о в. Что делать — испытание на сытость...

З о я. Лекарство достал?

П р о в. Понимаешь, отцу все некогда. Но у них в аптеке есть, он достанет. А кому это?

З о я. Подружке, Ирке Скворчковой. Отец у нее доходит. Он старый, конечно, лет пятьдесят будет, но жутко добрый. В ниточку вытягиваются, а еще какой-то древней тетке помогает. У нее пенсия тридцать пять рублей.

П р о в. Не жирно. Достанет... А вообще-то я против всех этих снадобий.

З о я. Почему?

П р о в. Средняя продолжительность жизни человека увеличилась, это так. Но ведь увеличилась жизнь не только порядочных людей,

но и всяких гадов. Они, эти гады, живут и лечатся, лечатся и живут, конца нет.

З о я. Что же ты предлагаешь?

П р о в. Ничего не предлагаю. Просто такая мысль мне однажды пришла в голову.

З о я *(осматривая книжные полки)*. У вас Цветаева есть?

П р о в. В каждом порядочном доме есть Цветаева, Пастернак и Юрий Трифонов.

З о я. У вас все есть?

П р о в. Кроме Худинкова.

З о я. А кто это?

П р о в. Худинков?

З о я. Да.

П р о в. Ты не знаешь, кто такой Худинков?

З о я. Нет.

П р о в. Надо же! Зря я тебя спасал.

З о я. Да кто это?

П р о в. Чему же вас в школе учат! Тьфу! Не стыдно?

З о я. Так ты дай прочесть, я и узнаю.

П р о в. Его даже у нас нет. Он бывает только знаешь в каких домах?

(Многозначительно поднял палец.)

З о я. Не скажешь, кто?

П р о в. Нет.

З о я. Нет?

П р о в. Поцелуешь — скажу.

З о я. Пожалуйста. *(Целует Прова.)*

П р о в. Ну вот кто ты после этого? Продажная тварь. Никакого Худинкова на свете нет. *(Помолчав.)* Ты извини. У меня паршивое настроение, я и дурачусь. Шутка — якорь спасения, а то ко дну пойдешь.

З о я. Что у тебя стряслось?

П р о в. Всевозможные события.

З о я. Какие?

П р о в. Вне круга твоих интересов. *(Взяв толстый альбом.)* Глянь, какие страсти. Отцу вчера немцы преподнесли. Великий и кошмарный Босх! *(Рассматривает альбом.)*

В столовую входит Наталья Гавриловна. *В руках у нее стакан с апельсиновым соком.*

Наталья Гавриловна *(ставя стакан на стол перед Искрой).* Повитаминься.

Искра. Спасибо.

Наталья Гавриловна. Посмотри на меня.

Искра *(поднимает голову).* Что?

Наталья Гавриловна. Опять плакала? Утихнет.

Искра. Отец поздно придет домой, не знаешь?

Наталья Гавриловна. Наверно, поздно, у него ужин с какими-то испанцами или итальянцами. А зачем он тебе?

Искра *(показывая на письмо).* Здесь можно через него помочь.

Наталья Гавриловна. Ты же знаешь, он не любит и устает.

Искра. Несложное.

Наталья Гавриловна. Температуру мерила?

Искра. Да, нормальная.

Наталья Гавриловна. Погулять не хочешь?

Искра. Не хочу.

Наталья Гавриловна. А надо бы.

Искра. Разберусь. Накопилось.

Наталья Гавриловна. Пров не приходил?

Искра. Он там *(кивнув в сторону кабинета)* с какой-то барышней.

Наталья Гавриловна. Гоняет голодный... *(Пошла в кабинет, вошла туда.)*

Пров *(Зое).* Это моя мама.

Зоя. Здравствуйте. Меня Зоей зовут.

Наталья Гавриловна. А меня — Наталья Гавриловна. *(Сыну.)* Есть будешь?

Пров. Принеси по бутербродику.

Наталья Гавриловна *(Зое).* Вы с Провом в одном классе?

Зоя. Нет, я в обыкновенной школе.

Наталья Гавриловна. А мне кажется, я вас где-то видела.

Зоя. Я вас тоже. У меня мать около вашего дома в ларьке торгует. Вчера вы лимоны брали. Я и вешала. Мать курить выходила.

Наталья Гавриловна. Да-да я вспомнила. А папа у вас кто?

Зоя. Папа водопроводчик. Но он сейчас в тюрьме.

Наталья Гавриловна. Какие-нибудь неприятности?

Зоя. Ерунда! Влез в драку — приятеля спасал. А у него в кармане нож был. И нож-то рабочий. Ему больше всех и вкатили.

Пров. Мама, анкету она потом заполнит. Принеси перекусить.

Наталья Гавриловна. Сейчас. *(Ушла.)*

Зоя. Мать у тебя подходящая.

Пров. Да, я, кажется, удачно выбрал.

Зоя. В прошлом году ко мне один цуцик клеился. Худенький такой, носатый, но симпатичный. И головастый, вроде тебя. Тоже позвал домой, отважился. Так его мамаша, когда мои выходные узнала, я думала, лопнет от ужаса. Глазами в меня, как из пулемета, садила. А Валерик, бедняга, юлил-юлил: «Мамочка, мамочка...» Думала, сдохну от смеха.

Пров. А где этот славный Валерик?

Зоя. Слинял.

Пров. Жаль. Я бы ему по шее тяпнул... Ты после школы куда наметила?

Зоя. Попытаюсь в педагогический. А ты?

Пров. Я в МИМО.

Зоя. Ясненько.

Пров. Отец туда определяет.

Зоя. Ясненько, говорю.

Пров. Чего тебе ясненько?

Зоя. Все ясненько.

Пров. А что? Жизнь приобретает накатанные формы. Время стабилизации.

Зоя. А как же! Кругом видно. Я в педагогический. Буду твоих детей учить, они мне будут хамить.

Пров. Не ходи в педагогический.

Зоя. Почему?

Пров. Хуже школы ничего не бывает.

Зоя. А зачем ты в МИМО, если не хочешь?

Пров. Отец требует. Ему будет лестно. *(Тянется к Зое.)* Еще чуть-чуть.

З о я. Не надо.
П р о в. На копеечку.

Целуются.

На гривенник вырвал...

Входит Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а, *приносит бутерброды, бутылку фруктовой воды, стаканы.*

Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а. Перекусите. *(Ушла.)*
П р о в. Ешь. Это осетрина или севрюга, я всегда путаю.
З о я. Моя мать тоже все достать может. Сапожки видал? *(Показывает.)*
П р о в. Боже, какие черевички! Глазам больно. Счастлив тот, кто имеет такие сапожки, ковры и садово-огородный участок.
З о я. А сам бы ты куда хотел?
П р о в. На философский в МГУ.
З о я. Ишь?
П р о в. Но и против МИМО не возражаю.
З о я. А ты возрази. Вот бы я ахнула!.. Слушай, у вас книги на замке держат или дают почитать?
П р о в. Избирательно.
З о я. Не дашь Цветаеву? Я аккуратная, клянусь!
П р о в. Была не была! Потеряешь или продашь — разнесу фрукты-овощи. *(Ищет книгу.)*

В столовую с портфелем в руках входит Е г о р. *Одновременно появляется и* Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а.

Е г о р. Степан Алексеевич не приходил?
Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а. Нет еще.
Е г о р. Наталья Гавриловна, я не успел перекусить. Если вам не трудно...
Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а. Сейчас. *(Ушла.)*
Е г о р *(поцеловал жену в голову)*. Задержался в Библиотеке иностранной литературы. Как себя чувствуешь, миленькая?
И с к р а. Превосходно.
Е г о р. Честное слово, если бы я знал, что ты будешь так переживать...

Искра. Приговор приведен в исполнение, обжалованию не подлежит.

Егор. Да не грызи ты себя, не грызи. Все пройдет, как с белых яблонь дым.

Искра. Ну что ж, обопрусь на твоего земляка.

Егор хочет обнять Искру.

Оставь, мешаешь.

Егор *(кивнув на письма)*. Тебе уже и домой эту прелесть притащили?

Искра. У всех грипп. Накопятся, потом не разберешь.

В кабинете звонит телефон.

Пров *(Зое)*. Возьми трубку.

Зоя *(снимает трубку)*. Алло!.. Вы не туда попали. *(Положила трубку.)* Раззявы. Спрашивают какого-то Степана Алексеевича.

Пров. Это отец. Зачем ты трубку положила?

Зоя. Я не знала.

Пров. Не знала, спросила бы.

Зоя. Перезвонят.

Звонит телефон.

Видал?

Пров *(быстро)*. Скажи, нет дома, придет поздно.

Зоя *(взяв трубку)*. Вас слушают... А кто его спрашивает?.. Нет, его нет, придет поздно... До свидания. *(Кладет трубку.)*

Пров. Зачем ты спросила, кто это? Не все ли тебе равно?

Зоя. Я из вежливости. Какая-то Валентина Дмитриевна. Старая, говорит, знакомая.

В столовой.

Егор *(бегло просматривая письма)*. Это они тебе нервы выматывают. Странные люди. Уж как бывало трудно в жизни, никогда в газеты не жаловался.

Искра. Сильная натура.

Е г о р. В своем единоличном хозяйстве каждый должен управляться сам. Приучили просить милостыню. И не по тебе эта работа. На такую надо ставить без нервов, железных.

И с к р а. Хорошо бы. Но ведь ты, к примеру, не пойдешь.

Е г о р. Я буду терпеливо ждать, когда ты переболеешь.

И с к р а. Потерпи, бедненький.

Е г о р. Не надо портить отношений, Искра. При всех условиях не надо.

И с к р а. А что это за условия?

Е г о р. Я просто так сказал.

И с к р а. А-а-а, а я подумала, уж и условия будут.

Г о л о с Н а т а л ь и Г а в р и л о в н ы. Георгий, я налила. Мойте руки.

Е г о р. Спасибо, иду! *(Жене.)* Не переутомляйся, милая. *(Стоит около жены, думая, что бы еще сказать.)*

В кабинете.

П р о в *(найдя книгу)*. Вот она, трагическая певица. А ты знаешь, она умерла в Елабуге, и могила ее неизвестна. Мне рассказывали, на ограде надпись: «В этом отсеке кладбища похоронена Марина Цветаева». *(Передает Зое книгу, тянет губы.)* Плата — три копейки!

Целуются.

Ой, целый полтинник!

Прошли в столовую.

З о я. Здравствуйте.

Е г о р. Здравствуйте.

З о я. До свидания.

Е г о р и И с к р а. До свидания.

П р о в и З о я ушли.

Е г о р. Пров развивается успешно. Опять новенькая. Откуда эта букашечка?

И с к р а. Спроси у Прова, если тебя интересует.

Проводив Зою, П р о в вернулся.

Е г о р. Зря ты, Пров, книги налево-направо раздаешь.

П р о в. Знакомая. Как же я скажу: не дам? Подумает — жадный.

Е г о р. Надо учиться отказывать. Неприятно попервой, потом тебя же больше уважать будут. Знакомые в этом деле враг номер один.

П р о в. Мудрый ты человек, великий рязанец, мне бы твои волевые черты.

Е г о р. Хороший ты парень, Проша, но будет тебе жизнь выдавать и слева и справа.

П р о в. Ничего, вырасту — заматерею.

Е г о р. Что ты ей дал?

П р о в. Худинкова. Не знаешь, что ли?

Е г о р. А!.. Ну, это не жалко.

Г о л о с Н а т а л ь и Г а в р и л о в н ы. Го́ра!

Е г о р. Иду, Наталья Гавриловна! *(Уходит.)*

П р о в *(взяв со стола письмо, читает)*. «Дорогая редакция, четырнадцатого февраля мне штамповальным станком отрубило три пальца». Фу, жуть какая! «Я давно говорила, что станок старый и на нем работать нельзя. Вот теперь доказала. Но они, чтобы скрыть следы, станок живехонько заменили, пока я болела, и теперь мне пенсию дали не как за травму на производстве, а по моей халатности. В нашем городе где я только ни была, мне все говорят: «Докажи». А как я докажу, когда старый станок куда-то спрятали. У меня трое детей, младшей два года. Она, конечно, в яслях, но все равно. Мужа у меня нет по причинам, от меня не зависящим. Помогите восстановить правду. Где же, как не в нашей стране, торжество справедливости? Кокорева М. В. Город Кимры». Кимры — где это?

И с к р а. На Верхней Волге.

П р о в. Поедешь?

И с к р а. Пошлют — поеду.

П р о в *(взяв другое письмо, читает)*. «Инспектор нашего райжилотдела Кожемякин Олег Петрович оказал мне помощь в улучшении моих жилищных условий. Он очень старался, я ему предложила за услуги пятьдесят рублей, но он не взял и даже обругал меня. Вынесите ему через вашу газету благодарность за его бескорыст-

ный поступок. Персональная пенсионерка Ильина Нина Варфоломеевна». А это что за стопка?

Искра. Рацпредложения.

Пров. А!.. Что-нибудь, гениальное попадается?

Искра. Дельное бывает...

Пров *(взяв еще одно письмо, читает)*. «Уважаемый главный редактор, пишу лично вам». Ишь, как важно! «Год тому назад я женился. Мы живем втроем: я, моя жена и моя мать. Жена крепко не ладит с моей матерью, очень ругаются. Посоветуйте, кого мне оставить — мать или жену. С уважением, лейтенант Сойкин». Лейтенант, бросай к чертям собачьим обеих, генералом будешь.!

Искра. Уйди, мешаешь!

Пров *(читает другое письмо)*. «Заведующий нашей базой Девяткин Андрей Архипыч живет с кладовщицей Наседкиной Ефросиньей. Она, сука...».

Искра. Положи!

Пров. Нет, мне интересно, что она — сука...

Искра. Брось, говорю! Обыкновенная сплетня.

Пров *(быстро пробежав глазами письмо, бросил на стол)*. Слушай, а сколько таких писем к вам в редакцию приходит?

Искра. Не мешай.

Пров. Примерно.

Искра. Ну, пятьсот-шестьсот штук.

Пров. В год?

Искра. В день.

Пров. Караул! *(Опять взял письмо, читает.)* «Дорогая редакция, как честный советский человек считаю своим гражданским долгом довести до вашего сведения...»

Искра. Положи! Наверно, кляуза.

Пров *(пробежав глазами письмо)*. Точно! Как ты догадалась?

Искра. Ты уйдешь или нет?

Пров. Знаешь, вся эта ваша шарашкина фабрика по имени «отдел писем» смахивает на ту самую благотворительность, которую наше общество гордо отвергает.

Искра. Я что — частная лавочка?

Пров. Ну, государственная благотворительность. Надо искать корни этих безобразий и — рвать.

Искра. Вот после школы кончай институт журналистики, садись на мое место и рви корни. Я посмотрю, как у тебя пузо лопаться будет.

Пров. Слушай, а что тебе по ночам снится?

Искра. Мама!

Пров. Исчез, исчез! *(Ушел в кабинет.)*

Вошла Наталья Гавриловна.

Наталья Гавриловна. Что, Искрочка?

Искра. Это я Прошку выгоняла.

Звонок телефона, в кабинете.

Пров *(в трубку)*. Алло!.. Нет, его нет... Наверное, поздно... До свидания. *(Взяв книгу, уселся с ногами в глубокое кресло, читает.)*

В столовой.

Наталья Гавриловна. Может, поговоришь со мной, Искра?

Искра. О чем?

Наталья Гавриловна. Считаешь, не о чем?

Искра. Считаю.

Наталья Гавриловна. Я же все вижу.

Искра. А если видишь, уж совершенно нелепо спрашивать.

Наталья Гавриловна. Может быть, что-то следует предпринять?

Искра. Нет.

Наталья Гавриловна. Искрочка, с таким характером трудно жить.

Искра. Мама, я только что от Прошки избавилась...

Наталья Гавриловна. Ухожу. Занимайся... *(Ушла.)*

В столовую вошел Егор.

Егор. Ты не видела, где мои плавки?

Искра. В ванной, наверное.

Егор. Я смотрел, там нет. Завтра бассейн.

Искра. Поищу потом.

Егор. Найдешь — сунь прямо в портфель.

Искра. Хорошо.

Егор ушел. Шум в передней.

Наталья Гавриловна *(вбегая)*. Искра, отец с каким-то иностранцем. Убери все, пожалуйста.

Искра. Опять! *(Убирает со стола письма.)*

Наталья Гавриловна *(в кабинете)*. Проша, уйди отсюда, отец с иностранцем!

Пров. В укрытие! *(Скатал свою постель, подхватил, понес.)* Только бы демонстрировать не начал.

Искра. Авось пронесет...

Все скрываются.

Входят Судаков, Дзирелли и Юлия.

Судаков. Милости прошу в кабинет.

Юлия. Il signore Sudakov Ia prega di entrare nel suo studio.

Судаков. Прошу садиться.

Дзирелли. Grazie. *(Осматриваясь.)* Bellissimo! *(Садится.)*

Юлия. Ему нравится ваш кабинет.

Судаков. Это я понял. *(К Дзирелли.)* Кофе, чай, коньяк?

Дзирелли *(не дожидаясь перевода)*. Кофе, коньяк.

Судаков *(зовет)*. Наташа!

Входит Наталья Гавриловна.

Знакомьтесь, моя жена Наталья Судакова, бывший боец Советской Армии, медсестра. Там мы и встретились. Теперь она у нас главный каптенармус дома.

Юлия. Signora Natalia Sudakova. Ha partecipata alla Grande Guerra Patriottiea. Loro si sono stati conosciuti durante la guerra.

Дзирелли встал, поздоровался с Натальей Гавриловной.

(Наталье Гавриловне). Господин Дзирелли попросил разрешения побывать у вас дома. Он здесь по служебным делам и все время в учреждениях. Ему хотелось посмотреть быт русской семьи.

С у д а к о в *(смеясь).* Ну что ж, пусть посмотрит, как живут простые советские люди. Извинитесь, Юлия, за наш маленький беспорядок. Наташа, сделай нам кофе.

Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а ушла. Судаков достал из маленького бара бутылку коньяка, рюмки.

Ю л и я. Il signore Sudakov La prega di scusargli se il suo appartamento è un po in disordine.

Д з и р е л л и. No, tutto e bellissimo. Il disordine siguifica che in casa ci sono non soltanto gli oggetti ma esistono anche gli esseri umani.

Ю л и я. Он говорит, беспорядок — это хорошо, чувствуется, что здесь живут люди, а не вещи. *(От себя.)* Он что-то сострил, я не очень поняла.

С у д а к о в. Это не важно. *(К Дзирелли.)* Разрешите вас познакомить, члены моей семьи. *(Зовет.)* Георгий, Искра, Пров!

Все постепенно появляются.

Мой сын, ученик девятого класса английской спецшколы. Как и прочие современные подростки, крайне самоуверен и думает, что знает о жизни гораздо больше, чем все остальные.

Ю л и я. Il figlio del signore Sudakov — Prov — studia nella scuola inglese. Il signore Sudakov scherza che suo figlio e molti altri gioovani credono di conoscere la vita meglio degli adulti.

Д з и р е л л и. I giovani sanno molto meno di noi ma intuiscono meglio e piu giustamente.

Ю л и я. Господин Дзирелли говорит, что молодежь всегда знает меньше взрослых, но интуитивно чувствует жизнь правильнее.

С у д а к о в. Не знаю, Юлия, как вы это переведете, но скажите ему, что это еще бабушка надвое сказала...

Ю л и я. Il signore Sudakov non è molto d'accordo con Lei.

С у д а к о в. Моя дочь Искра. Когда она родилась, я ей дал это очень революционное имя, но она оказалась девочкой тихой, и я хочу переименовать ее в Акулину. *(Сам засмеялся.)*

Юлия. Iskra. La figlia del signore. Игра слов, Степан Алексеевич, к сожалению, непереводимая.

Судаков. Шут с ней!.. Ее муж Ясюнин Георгий, по-русски Егор, сын рязанского мужика-колхозника, теперь работает в нашем учреждении. Думаю, не ошибусь, если скажу: человек незаурядных способностей. Люблю как сына. Впрочем, сына иногда не люблю: дерзит... Вот и все мое небольшое, но и не маленькое семейство.

Юлия. Il marito della figlia lavora insieme con lui. Il signore Sudakov lo stima molto.

Дзирелли. Molto lieto.

Наталья Гавриловна *(которая принесла кофе, разливает его по чашкам)*. А у вас есть дети, господин Дзирелли?

Юлия. Signora domanda se Lei ha dei figli?

Дзирелли. Ne ho nove.

Юлия. Да, он говорит, у него девять детей.

Общее удивление, восхищение.

Судаков. Квартира у нас просторная, шесть комнат.

Пров. А сколько у вас комнат, господин Дзирелли?

Юлия. Il figlio di Sudakov domanda quante camere ha il Suo appartamento?

Дзирелли. Dove?

Юлия. Nell'appartamento della sua casa.

Дзирелли. Quale casa?

Юлия. Dove Lei abita.

Дзирелли. Non me lo ricordo. Non ho mai contato. I'ho case, una a Siena, due a Milano e in Cortina d'Ampezzo. Non prendo in considerazione il mio ufficio a Roma.

Юлия. Он не помнит.

Общее недоумение.

У господина Дзирелли один дом в Сиене, два в Милане, вилла в Кортина д'Ампеццо и деловая контора в Риме. Он не может вспомнить, сколько там комнат, никогда их не считал.

Судаков *(всем)*. Господин Дзирелли очень богат, он живет не так, как живут простые итальянцы.

Юлия. Il signore Sudakov dice che molti italiani sono poveri.

Дзирелли. Abbiamo molta gente che sta male. Come da voi anche da noi non c'è uguaglianza.

Юлия. Господин Дзирелли говорит, что у них очень много бедных и совсем нет равенства.

Наталья Гавриловна разлила кофе. Видно, что для нее это привычный ритуал.

Дзирелли. Il signore è religioso?

Юлия. Господин Дзирелли спрашивает: у вас много икон, вы религиозны?

Судаков *(смеясь)*. Нет, я атеист.

Юлия. Il signore è ateo.

Дзирелли. Ma esiste nella famiglia almeno uno che crede? Chi è tra di loro credente?

Юлия *(переводя)*. Кто-нибудь в семье верующий?

Судаков. Нет-нет, у нас свобода религии, но ни я, ни моя жена, ни дети не религиозны.

Юлия. Nella famiglia del signor Sudakov non ci sono credenti.

Дзирелли. Anche l'Italia pian-piano diventa un paese ateo. Forse sono cattivo, ma sono cattolico.

Юлия. У них тоже все больше становится безбожников, но лично он верит в бога.

Судаков. Скажите, что мы уважаем чужие взгляды и верования. *(Показав на иконы.)* Это небольшая коллекция древних икон.

Юлия. E la collezione del signore.

Дзирелли. È una ricca collezione. Le icone sono molto preziose, costano molto caro.

Юлия. Он говорит, что они дорого стоят.

Судаков. Мы ценим их как художественные изделия древних мастеров.

Юлия. Al signore, gli piace molto raccoglierle come un' opera d'arte.

Дзирелли. Tutto il mondo sa che voi sovietici siete materialisti soltanto dal punto di vista filosofico, ma nella vita, no. E una bellissima collezione. Va bene...

Ю л и я. Он говорит, что знает, что вы материалисты в философии, но не материалисты в жизни.

С у д а к о в. Не смею возражать.

Д з и р е л л и. Da voi in Russia esiste anche la povera gente?

Ю л и я. Ему очень нравится у вас в стране, и он спрашивает: у вас совсем нет бедных?

С у д а к о в. Нет, бедных у нас нет, хотя не все живут одинаково. Принцип распределения материальных благ: от каждого по способности, каждому по его труду.

Ю л и я. Pressapoco da noi tutti stanno egualmente. Secondo il nostro principio è da ciascuno secondo le sue capacità e per ciaseuno secondo il suo lavóro.

Д з и р е л л и. Per ciò tutti lavorano con piacere. Il lavoro e molto onorato. *(Кивает головой.)*

Ю л и я. Он говорит: поэтому труд у вас в таком почете и все очень любят трудиться.

С у д а к о в. Следующий этап будет выше: от каждого по его способности, каждому по его потребностям.

Ю л и я *(нехотя)*. Il signore dice che tra un po di tempo da noi tutti avranno secondo la loro capacita e secondo il loro bisogno.

Д з и р е л л и. E una cosa terribile.

Ю л и я. Он спрашивает: вы не боитесь?

С у д а к о в. Чего?

Ю л и я. Il signore Sudakov domanda di che cosa Lei ha paura?

Д з и р е л л и. Secóndo la loro indole, gli ésseri umani sono pigri e feroci.

Ю л и я. Человек по природе ленивое и хищное животное.

С у д а к о в. Мы придерживаемся иной точки зрения.

Ю л и я. Noi abbiamo un altro punto di vista.

Д з и р е л л и. E molto poetico! Tanti auguri. Russeau sosteneva che l'uomo nasce pulito come un pezzettino di carta sulla quale e possibile scriver tutto.

Ю л и я. Это очень возвышенно, и он желает вам удачи. *(От себя.)* Он сейчас начнет нести сплошную чепуху. Советую перевести разговор на другую тему.

С у д а к о в. Спросите, как ему понравилась Москва.

Дзирелли. Ma tutta la storia del genere umano è il contrario di questa concezione. L'inizio divino e diabolico esiste sempre in contrasto nella natura.

Юлия. Un momento, signor Zirelli.
Le è piaciuta Mosca?

Дзирелли. Molto. Il Cremlino, Rublev, panteon, balletto, Taganca, Mosca è una città molto pulita.

Юлия. Очень понравилась. Кремль, Андроньевский монастырь, Пантеон,— он подразумевает, очевидно, Ново-Девичье кладбище, Большой балет, Театр на Таганке, Москва очень-очень чистый город.

Судаков. Может быть, господину Дзирелли будет неприятно, но я бывал в Риме и удивлен, что в таком великом и прекрасном городе столько мусора на улицах. Горожане бросают на тротуар окурки, бумажные стаканчики из-под воды и мороженого, пустые пачки сигарет, даже целые газеты.

Юлия. Il signore Sudakov visitò Italia e dice che è rimasto stupito per tanta sporcizia sui marciapiedi.

Дзирелли. Purtroppo è la verità. Da noi non c'è la disciplina.

Юлия. Он с вами соглашается и говорит, что это оттого, что у них нет дисциплины. *(От себя.)* Закругляйте его, Степан Алексеевич. Он двужильный. Вы, я вижу, устали, и у меня язык уже не ворочается, я с ним с утра мотаюсь.

Судаков. Разрешите вам подарить на память маленький сувенир.

Юлия. Il signore Sudakov desidera di regalarle un souvenir.

Дзирелли *(после перевода Юлии, по-русски)*. Матрешка? Матрешка?

Судаков. Нет, не матрешка, но тоже наше исконно русское. Наташа, у нас по-моему, где-то есть лишний самовар. Подарим его господину Дзирелли.

Наталья Гавриловна достает стоящий наготове самовар, передает его мужу. Тот преподносит его Дзирелли.

Дзирелли. Grazie, grazie. Anch'io voglio fare un regalo al signore Sudakov. Il simbolo di Siena. Io sono nato lì.

Ю л и я. Он вам тоже хочет что-то преподнести.

Дзирелли роется в карманах, достает значок и передает Судакову.

Он вам дарит значок его родного города Сиены.

С у д а к о в. Грациа, грациа.

Дзирелли говорит что-то на ухо Юлии.

Ю л и я. Господин Дзирелли просит его извинить, но он хочет пройти в туалет.

С у д а к о в. О, пожалуйста, пожалуйста. Егор, проводи господина Дзирелли.

Е г о р и Д з и р е л л и уходят.

Юлия в продолжение следующего разговора спокойно пьет кофе и ест печенье.

И с к р а. Ну, представление окончено?

С у д а к о в. Не будь дурой.

П р о в. Зачем ты ему подарил самовар? Он что, сегодня именинник?

С у д а к о в. А затем, что пусть знает наших. Мы не они, копеечники! *(Со злостью швырнул на стол значок.)*

П р о в. Но это нехорошо.

С у д а к о в. Почему это?

П р о в. По-моему, даже глупо и противно.

С у д а к о в. Объясни мне, темному: тебе что, самовара жалко?

П р о в. Плевал я на твой самовар. Неужели ты не чувствуешь, что в этом есть что-то подхалимское.

С у д а к о в. А это уж не тебе, умнику, судить. Я уж как-нибудь лучше твоего знаю, как с ними обращаться. Не учи ученого. Скажи лучше, как у тебя в школе.

П р о в. Отлично.

С у д а к о в *(передразнивает)*. Отлично! Мать вчера показывала твой дневник. Ты колченогий, что ли?

П р о в. А что? Все в порядке.

С у д а к о в. Три, два, пять... два, четыре, три, два, три.

П р о в. Неужели ты всю эту муть всерьез принимаешь?

Судаков. Не всерьез, а все-таки.

Пров. К концу года причешу.

Судаков. В аттестат дрянной балл влепят — забегаешь.

Пров. А чего мне бегать? Это тебе бегать. Будешь выполнять свой родительский долг.

Судаков. И не стыдно?

Пров. Стыдно было в ваше время. Мы приучены.

Судаков. Кем же это? Любопытно.

Пров. Вы же и приучили.

Судаков. Но ты должен понять: легче устроить человека, у которого приличная фотография. МИМО — это тебе не педагогический, не автотранспортный. Туда таких, как ты, знаешь сколько толкают!

Пров. Зачем в МИМО? Тебе хочется, чтобы у тебя сын был персона?

Судаков. Да, хочется.

Пров. Так это тебе хочется, не мне. Не должен же я реализовать твои детские желания, у меня свои есть.

Судаков. Куда же ты навострил?

Пров. Реально — не определил. Возможно, на философский.

Судаков. Ишь ты!.. Твое дело. Иди хоть в ассенизаторы.

Пров. А что! Они, наверное, неплохо зарабатывают.

Наталья Гавриловна. Степа, ты ужинать будешь?

Судаков. Какой ужин! У меня и без ужина брюхо лопнет.

Возвращаются Дзирелли и Егор.
Все прощаются с Дзирелли и Юлией.

Дзирелли. La ringrazio molto. Sono molto commosso. Non voglio piu darle fastidio. Bellissime icone... Bellissime icone...

Юлия *(вяло, монотонно)*. Он благодарит вас за радушный прием. Очарован вашими детьми, женой, обстановкой. *(Забирает самовар и уходит вместе с Дзирелли.)*

Судаков. Ух, устал... Егор, дай тапочки.

Все, кроме Прова, расходятся.

Пров. Папа, ты достал в вашей аптеке лекарство?

С у д а к о в. Какое еще лекарство?

П р о в. Сердечное. Помнишь, я тебя просил, рецепт дал?

С у д а к о в. Когда?

П р о в. Уж больше недели прошло.

С у д а к о в. Не загружайте меня всякой ерундой! И так от меня дым идет... Забыл. Напомни завтра, возьму.

П р о в. Ты хоть завяжи узелок на галстуке.

С у д а к о в. Вот ты добрый, отзывчивый. Только чужими руками.

П р о в. Егор уже просвещал: надо учиться отказывать.

Е г о р вносит тапочки, бросает к ногам Судакова.

С у д а к о в. Спасибо, Егор! *(Переобувается. Сыну.)* Нельзя быть таким раздрызганным. Вон спроси Егора, почем ему каждый день жизни доставался. А он как проклятый через все ломил. Зато школа — золотая медаль. Институт — диплом с отличием. Кандидатская — ни одного черного шарика. В историко-архивном уже лекции читает. Он и доктора получит, и профессора, и академика. Да-да, потому что ломит как проклятый. А ты?

П р о в. Я, видимо, еще не проклятый.

С у д а к о в. Все хаханьки...

П р о в. От отчаяния. Слабая защитная реакция. Я понял: делать жизнь с кого — с Егора твоего.

С у д а к о в. Ну, выставляйся, выставляйся. Язык у всех у вас, как у фокусников, а человека, милый мой, судят по поступкам, а не по болтовне.

П р о в. Как! Я макулатуру со второго класса таскал, по домам побирался, металлолом на горбу возил, на субботниках вкалывал!

Е г о р. Он не виноват, Степан Алексеевич. Бытие определяет. А какое у него бытие? Рай. И мышление у него райское.

С у д а к о в. Да, в этой жирной жизни есть что-то опасное. Расслабляет, топит. *(Снял пиджак.)* Садись, Егор, новостей куча.

Е г о р. И у меня кое-что есть.

Входит Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а, убирает посуду.

С у д а к о в. Ты слышал, какая история у Хабалкина?

Е г о р. Нет. Меня к двум вызвали в главк, потом просидел в Библиотеке иностранной литературы.

Судаков. Страх сказать: сын удавился.

Наталья Гавриловна. Какой ужас!

Егор. У-тю-тю-тю... Вот уж беда так беда... Его же только что хотели на место Костоглотова.

Наталья Гавриловна. Кого?

Судаков. Не сына же, конечно.

Егор. Ну все, теперь Андрей Никанорович горит!

Судаков. Хороший мужик, жаль.

Наталья Гавриловна. Почему? Что случилось?

Егор. А потому, Наталья Гавриловна, что у нас так устроено: не сумел собственным сыном управлять, какой же ты начальник. Под тобой же люди.

Наталья Гавриловна. Глупо!

Судаков. Не глупо, милая. А чтоб была мораль.

Наталья Гавриловна. Я не об этом спросила. Почему мальчик над собой такое сделал?

Судаков. Говорят, обычное: какая-то девчонка не полюбила.

Егор. Не может быть. В наше время из-за барышни!.. Это надо быть каким-то недоделанным. Нет-нет, что-нибудь другое, они теперь какие-то с вывертами.

Судаков. Вот уж действительно не ждешь, откуда грянет. *(Сыну.)* Вы в одном классе, кажется?

Пров. Да.

Судаков *(Прову)*. Что же ты не говорил?

Пров. Чего?

Егор. Про это.

Пров. А зачем. В порядке любопытной информации?

Судаков. Что там, не слыхал?

Пров. Я не знаю.

Судаков. Теперь в школу таскать будут. Вот тебе наука, Пров. И парня нет. Какой-никакой, а человек был. И отцу ноги переломаны. *(Егору.)* Может, и на пенсию выведут?

Егор. Всего вероятнее.

Наталья Гавриловна *(сыну)*. Пойди, в конце концов, поужинай, и Искра еще не ела. *(Погладила сына по голове и вместе с ним ушла.)*

Е г о р. Шуму у нас много?

С у д а к о в. Не без этого.

Е г о р. Сейчас передвижка будет. Кого же теперь на место Хабалкина?

С у д а к о в. Сазонтьева, может быть?

Е г о р. Нет, Сазонтьев неудачно конференцию провел. Там — морщились. Степан Алексеевич, а может, вас? А?

С у д а к о в. Что ты!

Е г о р. Вас. Точно. Вас любят. У вас и опыт и натура подходит — широкая, чисто русская, радостная. О вас всегда хорошо говорят. Всегда.

С у д а к о в. Брось ты, брось... Нос у меня не дорос.

Е г о р. Слушайте, я эту идейку завтра же в ход пущу. За вас многие будут. Ваш оптимизм...

С у д а к о в. Перестань говорю. У меня уже возраст.

Е г о р. Какой возраст, какой? Шестьдесят два! Нет, лучше вашей кандидатуры не найдут, хоть все отделы перешарь.

С у д а к о в. Со стороны могут взять.

Е г о р. Со стороны не будут, слишком долгая перетряска.

С у д а к о в. Боюсь, не справлюсь. Уставать стал. Почему так устроено: когда возможности появляются, уже пользуешься ими чуть не через силу, а когда силы были, возможностей не было. Глупо природа организовала. Конечно, напоследок еще бы слегка приподняться.

Е г о р. Я позондирую...

С у д а к о в. Похороны завтра, надо пойти. Жаль Андрея Никаноровича.

Е г о р. Конечно. Но, может быть, и не обязательно идти.

С у д а к о в. Неудобно. Коллега, лет десять рядом.

Е г о р. Но не друг детства. Я бы на вашем месте избежал.

С у д а к о в. Думаешь?

Е г о р. Пусть Наталья Гавриловна сходит. Это и прилично и...

С у д а к о в. Считаешь!

Е г о р. Безусловно. Да и Пров, наверное, проводит товарища.

С у д а к о в. Голова у тебя!

Е г о р. Какая там голова... Я к вам за советом.

С у д а к о в. Выкладывай.

Е г о р. Какой-то гадкий слушок возник: будто Коромыслов меня к себе забрать хочет.

С у д а к о в. Быть не может!

Е г о р о в. Я сам ахнул.

С у д а к о в. Так ты откажись наотрез.

Е г о р. Конечно. Но если приказным порядком? Вот чего боюсь.

С у д а к о в. Ой-ой-ой... Я без тебя просто уже не могу.

Е г о р. А я? Я же с вами как за каменной...

С у д а к о в. Конечно, против Коромыслова не попрешь.

Е г о р. Посоветуйте, как вывернуться, если...

С у д а к о в. Ой-ой-ой... *(Задумался.)* В общем-то, лестно! Коромыслов заметил, к себе берет. Это, Егор, большое движение. Нет, ты не расстраивайся. Тут, брат, наоборот. Слушай! А вдруг тебя на место Хабалкина?

Е г о р. Да что вы! Мне же всего двадцать девять.

С у д а к о в. Именно. Сейчас порядочную молодежь ищут. У нас в батарее комбату двадцать два было.

Е г о р. Нет-нет. На это место вы в самую точку.

С у д а к о в. Ты молод, тебе вперед идти. Это я так сначала, из эгоистических чувств. Я не о себе, о тебе должен думать, о деле. Я уже под гору, а тебе в гору.

Е г о р. Замечательный вы человек, Степан Алексеевич.

С у д а к о в. Я прост. Вот и все мои достоинства.

Е г о р. В наше время это качество, может быть, самое ценное. А то говоришь с человеком и понять не можешь, что он в это время думает, как внутри себя на твои слова реагирует.

С у д а к о в. Да, развелась такая порода... Погоди! Так ты, может быть, с ним и во Францию покатишь?

Е г о р. Так ведь всего-навсего слух.

С у д а к о в. Раз слух пошел, значит, где-то думают... Искра, стало быть, тоже с тобой укатит. Без жены нельзя, и ей полезно. Авось оживится. Какая-то она последнее время квелая, ты извини меня, на монашку смахивает.

Е г о р. Думаю, работа влияет. Разгребает весь этот мусор...

С у д а к о в. Нет-нет, работа нужная. Знаешь, сколько еще везде всякой сволочи понатыкано. Защищать людей надо.

Е г о р. Это, конечно, дело святое, но, видимо, не по ней. И переживает она очень.

С у д а к о в. Да, по нашим временам странная... Я-то, грешник, тоже внука или внучку не против, приятные они, канальи. Вчера к Рябинину на работу пацан пришел, внук. Уже в пятом классе в рисовальной школе... Ну ладно, дело сделано. Твое дело.

Е г о р. Внук будет, Степан Алексеевич, если не сейчас, то через пару лет, обещаю. *(Смеется.)*

С у д а к о в. Ей-то уж двадцать восемь стукнуло.

Е г о р. Не прозеваем. Я сам хочу. Но все терпеть приходится. Вертишься, вертишься...

С у д а к о в. Не жалуйся, Егор. Темп жизни сейчас хороший взяли.

И с к р а *(входя)*. У меня, папа, к тебе просьба.

С у д а к о в. Дома-то можно пощадить?

И с к р а. Несложная. Ты Волчкова знаешь?

С у д а к о в. Какого еще Волчкова?

И с к р а. Он в вашем ведомстве работает счетоводом.

С у д а к о в. Ты меня смешишь. Ну откуда я могу знать наших счетоводов, откуда? Что я, по канцеляриям, по бухгалтериям бегаю?

И с к р а. Может быть, именно он тебе зарплату начисляет.

С у д а к о в. Искра, ты глупа до невозможности. Зарплату мне государство платит, а не счетовод. Не надо мне тыкать в нос моим высокомерием, проще меня поди поищи. Что тебе этот Сверчков сказал?

И с к р а. Ничего не говорил, я в глаза его не видела. Он письмо в газету прислал.

Е г о р. Вот она — всеобщая поголовная грамотность!

И с к р а. Ему полагался ордер на квартиру. Уже выписали, он вещи упаковывал, а в последний момент совершенно несправедливо ордер передали другому, по фамилии Копытко. И все зависит от какого-то Дударева.

С у д а к о в. Ох, этот Копытко! Больно ведет себя прытко.

Е г о р. Я краем уха слышал это дело, Степан Алексеевич. Понимаете, Копытко... да, излишне суетлив, но человек дельный, необходимый.

Искра. Кому полагается ордер — Копытко или Волчкову?

Егор. Понимаешь, Искра, дом наш ведомственный, и в первую очередь поощряют наиболее нужных, перспективных, создают им условия.

Искра *(перебивает)*. Волчков пишет: у него жена рентгенолог, четверо детей, старуха мать восьмидесяти лет...

Судаков. Тихо-тихо-тихо! *(Снял телефонную трубку, набрал номер.)* Здравствуйте! Попрошу Дударева Николая Кузьмича... Здравствуй, Микола, извини что беспокою... Да, я, Судаков. Слушай, там у какого-то нашего *(Искре.)* Как его фамилия?

Искра. Волчков.

Судаков. У Волчкова ордер на квартиру этот жук Копытко из-под носа выхватил. Разберись, пожалуйста, некрасиво получается... Ну притормози пока... Ну спасибо... Что?.. Ага, постараюсь... Думаю, удастся, загляни через пару дней... Не могу говорить, у меня тут деловой разговор. Будь здоров! *(Положил трубку, снова снял ее и набрал номер.)* Алло! Ковшов, это ты?.. Привет, Иван Францевич, это я, Судаков... Конечно, узнал. С твоим басом был бы ты раньше протодьяконом в соборе... Нет ли у вас там завалящей путевки в Карловы Вары?.. Ты пошарь, может, кто отказался или уже помер, узнай... На этот или на тот месяц. Постарайся, нужный человек... Ну, благодарю заранее. Что?.. А?.. Попытаюсь... Как-нибудь пихнем... Звони в конце недели... А?.. Говорят, сырая гречневая крупа помогает... Мелко-мелко жевать и глотать... Пока! *(Положил трубку.)* Ну их всех к черту! *(Искре.)* Вот тебе легко просить за Волчкова, Сверчкова, Пучкова, а я теперь Ковшову должен куда-то его поганого племянника устраивать. Племяннику этому только в грузчики, а в грузчики он не хочет, он хочет в аспирантуру. А Дудареву Николаю Кузьмичу ни больше ни меньше, как в Карловы Вары с женой приспичило, у них пищеварение не то, что надобно, чтобы в три горла жрать... Все!.. Не могу, опротивело... Ты вот скажи мне, Егор, что это происходит? Что это за вторая сигнальная система образовалась? Ты мне — доски, я тебе — гвозди, ты мне — кооперативный пай, я тебе — «Жигули» без очереди. Ты мне... И не то чтоб в серьезных делах, до мелочей дошло, до

бесстыдства. Ты представляешь, звоню я нашему завхозу, говорю: «Ковер в кабинете смени, протерся, плешь посередине, стыдно перед гостями». А он мне: «Степан Алексеевич, нельзя ли мне по совместительству складским сторожем числиться на полставке?» Я его по-солдатски так шуганул, век помнить будет. И что замечательно? Ковра он мне так и не заменяет, собака. Секретарше сказал: «Срок не вышел, по закону нельзя». А?.. А дай я ему эти полставки, так можно будет, и именно по закону. Хоть все ковры переменит. И самое-то гнусное — я незаметно этим блатмейстерством сам испоганился. *(Дочери.)* Ну иди. Да, погоди, слушай. Тебе, кажется, Франция маячит.

Искра. Ни в какую Францию я не поеду.

Судаков *(зло)*. Куда же ты поедешь? В Чухлому, в Крыжополь?

Искра. Наверно, в Кимры поеду.

Судаков. Слушайте, дорогие мои, что вам надо, чего не хватает?! У вас уже не двадцать одно, у вас уже двадцать два. Недопеченные вы, что ли!.. Ладно, иди, побалакаем.

Искра ушла.

Все люди, понимаешь, на работе работают, а дома отдыхают, а у меня наоборот... ты знаешь, Егор, я ничего не понимаю... Уж какие я им условия создал... Другие на их месте с утра до вечера танцевали бы. Они просто обязаны быть счастливыми... У тебя, поди, какая бабенка на стороне есть, а?

Егор. Что вы, Степан Алексеевич.

Судаков. Болтают. Наша-то деловая, поди, тебе в тягость.

Егор. Почему? Я ее люблю.

Судаков. Ой, не надо, Егор. Таким тоном эти слова не произносят.

Егор. Вы для меня в жизни столько сделали...

Судаков. Это, Егор, уже сопли... Делал, потому что видел в тебе человека стоящего, нужного делу. Чем-то ты мне первого сына напоминаешь. Внешне, конечно. Кирилл-то бесшабашный был, ухарь, потому и летчиком-испытателем сделался... Ты с годами, может, самого Коромыслова заменишь, а вполне возможно, и даже наверняка, выше пойдешь. Меня, может, и на свете не будет, но дом наш, думаю, всегда помнить будешь. Ведь я на тебя как

на творение своих рук любуюсь, горжусь тобой! *(Смеется.)* Каким тебя сюда Искра привела, а? Еле ступал. Все: «Разрешите мне ваши книжечки посмотреть», «Может, я вам в магазинчик сбегаю», «Супчик я сам разогрею, не беспокойтесь»...

Оба смеются. Звонок в дверь... Пров идет открывать и возвращается в столовую.

Пров. Папа, по твою душу... Я забыл сказать, звонила какая-то твоя старая знакомая Валентина, не помню отчества. По-моему, это она.

Судаков. А фамилия?

Пров. Понятия не имею.

Судаков. О господи, опять чего-нибудь надо.

Егор. Скажи, дома нет.

Пров пошел к двери.

Судаков. Погоди... Ну пришла, так уж пускай, неудобно. Зови, леший с ней.

Пров вышел.

Егор. Ваше поколение, Степан Алексеевич, еще обременено условностями.

Судаков. Ты о чем?

Егор. Я вот прихожу к выводу: только абсолютное отсутствие условностей может сделать личность выдающейся.

Судаков. Но отказать-то я ей не могу, раз уж пришла. Совести-то хоть на три копейки у меня еще осталось.

Егор. Я не о вас, я теоретически.

Судаков. Ну, милый, а я вот убеждаюсь, что всякие теории — одно, а практика, жизнь то есть, — оченно часто совсем другое. И, кстати сказать, настоящее.

Егор. Нет, вы на место Хабалкина в самый раз! Полемист.

Входят Пров и Валентина Дмитриевна. Сразу видно, что она не москвичка. Одновременно входит и Наталья Гавриловна.

Валентина Дмитриевна. Здравствуйте!

Все отвечают.

(Всматриваясь в Судакова.) Это вы?

Судаков. Кто — я?

Валентина Дмитриевна. Судаков Степан Алексеевич?

Судаков. Действительно.

Егор. Простите, вы кто будете?

Валентина Дмитриевна *(Судакову)*. Я Валя Шатилова. Не вспоминаете? Мы в школе вместе учились, в одном классе.

Судаков. Валя?.. Шатилова?..

Валентина Дмитриевна. Проша Кисельников еще ваш первый друг был.

Судаков. Прошку помню. Убило его.

Валентина Дмитриевна. Я знаю... *(Горько.)* Значит, ничего от меня не осталось. Это не важно... Извините меня, я на пять минут. Я бы ни за что, ни за что не пошла, но вот уже два дня звоню вам на работу, а там отвечают: «Уехал на совещание», «Только что вышел. Позвоните через тридцать минут». Ну, я знаю, вы очень заняты... Уж до чего дошла — узнала ваш домашний телефон. Понимаю, что бессовестно...

Судаков *(вдруг)*. Валя!.. Валя!..

Валентина Дмитриевна. «Валя, Валентина, что с тобой теперь?» Помните, вы мне часто эту строчку из Багрицкого говорили? Все-то стихотворение вы тогда не знали.

Судаков. Что же ты стоишь, Валя? Садись!

Валентина Дмитриевна *(садясь)*. Я на пять минут, я не задержу. Сюда шесть раз звонила. Отвечали: будет поздно. Я и решилась. *(Вдруг глаза ее заморгали, щеки затряслись, и она неожиданно для самой себя расплакалась.)* Извините... Я в Москве уже третьи сутки.

Наталья Гавриловна. Может быть, чаю выпьете?

Валентина Дмитриевна. Нет-нет, что вы! Я где-то что-то перехватила, не беспокойтесь.

Наталья Гавриловна. Вы где остановились?

Валентина Дмитриевна. Я?.. Я... у подруги, даже можно сказать у родственницы. *(Вытирая слезы.)* Пожалуйста, извините меня...

Наталья Гавриловна вышла.

Я с просьбой, Степа... Степан Алексеевич, с огромной просьбой.

Судаков. Нет уж, давай — Степан, без всяких Алексеевичей.

Валентина Дмитриевна. Спасибо. Как-то неловко... такой человек... Я бы никогда, никогда не воспользовалась знакомством с тобой, поверь мне, я очень самолюбивая.

Судаков. Что у тебя?

Валентина Дмитриевна. Беда, настоящая беда... Видишь ли, у меня трое детей... и все отлично... Все мальчики. Один — механизатор. И очень ценят. Премии, награды. Там у меня уж внук и внучка. Другой пошел по партийной линии, хотя кончил индустриальный. А младший — просто не поймешь в кого. И тоже все хорошо было, ровно... ленинский стипендиат. Он не с нами, он в Томске в институте. Но это же недалеко, рядом. И зачем-то понадобилось ему в Польшу ехать на пятом-то курсе. В каникулы, конечно, в зимние, в эти... Я точно чувствовала. Но деньги на путевку собрали. Группой они... Ради бога, прости, я все слова, что тебе сказать хотела, наизусть выучила, а сейчас путаюсь.

Судаков. Ничего, ничего...

Наталья Гавриловна *(принесла чай, еду)*. Присаживайтесь.

Валентина Дмитриевна *(почти механически пересела к столу и, рассказывая, тоже механически с жадностью ест, будто вот-вот отойдет поезд)*. Ну, думаю, пусть едет. Да и муж, отец Дмитрия, говорит: «Пускай посмотрит, дружеская страна, не страшно». А то взрывы, угоны, провокации. В Америку или там в Англию, не приведи бог, я бы ни за что не пустила. Ну поехал он. Писем, конечно, никаких, да я и знала: две недели всего, даже двенадцать дней... Возвращается цел-невредим, но, знаете, другой, совсем другой. Всегда веселый, даже, я бы сказала, задорный, все шутки, розыгрыши, танцы, вроде тебя, Степа, помнишь? *(Всем.)* Ой, какой он заводила был, мы его

нарочно старостой выбирали, всех покрывал... Что такое? Молчит. Это он-то молчит! А потом специально приехал к нам с отцом, все рассказал... Группой они поехали. И я тебе по секрету скажу: руководитель их, тоже молодой человек, велел от группы не отрываться, возвращаться вовремя, ну на всякий случай все-таки. Это правильно. А он там... даже сказать страшно... но ты должен знать все, все. И я его не защищаю, нет, поступил он ужасно. Короче говоря, познакомился с какой-то польской девушкой. То, се, она как раз русский язык изучала. Ну, молодость, сам знаешь. Помнишь? Ты ведь тоже сумасшедший был. *(Наталье Гавриловне.)* Между прочим, ваш Степа — моя первая любовь, первый поцелуй. Нет-нет, так, легкий, не любовь, предвестие. *(Степану Алексеевичу.)* Ты помнишь, нет?

Судаков. Что-то такое... вроде...

Валентина Дмитриевна. Все равно... Дима увлекся и забыл, все забыл, даже инструкцию руководителя. Она его к ним в дом пригласила, а это километров пятьдесят от Кракова. Они Краков осматривали два дня. Вечер, поздно, уже ночь наступает, вся группа в сборе, а Димки нет. Ты представляешь? Руководитель с ума сходит, сам не знает, что делать, а Димочка мой является на следующее утро. А?.. Я тебе чем угодно клянусь, Степа, Дима парень отличный, выдержанный, сознательный, конечно, комсомолец, общественник, а по этой части... По-моему, ему жениться пора... А теперь вот уже о самом ужасе... Написали ему характеристику о его проступке, прислали в институт, и Диму не допускают к защите диплома. Я — туда, я — сюда. «Нет» не говорят, но и «да» не произносят. Сказали: пусть защищает на следующий год. Зачем? А если и на будущий год не разрешат? Ты знаешь, меня уже и не диплом страшит, а сам Дима. Другой, совсем другой. Молодые ведь, знаешь, странные. Мрачный, колкости говорит. Даже, знаешь, злые колкости. Они, знаешь, свои личные обиды моментально на всю жизнь переносят, и уже вся наша замечательная действительность им в каком-то искривленном зеркале представляется. Степан, скажи, он действительно совершил преступление? Я, конечно, не прошу

тебя нарушать закон, я бы никогда не посмела, пусть несет наказание. Степа, он совершил что-то ужасное?

Егор. Проступок, конечно, есть.

Пров. Пусть ваш сын напишет в газету.

Валентина Дмитриевна. В какую газету? Зачем?.. Это нельзя. Нельзя.

Судаков. Я сделаю, Валя.

Валентина Дмитриевна. Что?

Судаков. Я все сделаю, Валя. Твой Дима будет защищать диплом.

Валентина Дмитриевна. Степа! *(Вдруг упала перед Степаном Алексеевичем на колени.)*

Судаков *(вскочил)*. Встань, Валя, немедленно встань, с ума сошла!

Валентина Дмитриевна. Прости меня, прости...

Судаков. Ты поезжай домой завтра же. Все уладится. У тебя есть деньги на билет?

Валентина Дмитриевна. Конечно. Парфен очень хорошо зарабатывает.

Судаков. Оставь свой адрес, фамилию ректора и, если знаешь, фамилию руководителя группы, которая в Польшу ездила, и когда, какого числа.

Валентина Дмитриевна *(достает из сумки бумаги)*. У меня здесь все приготовлено. *(Тихо.)* Там в характеристике написано... Я сама не видела, конечно, но мне под большим секретом передали... будто Дима хотел бежать в Болгарию. Когда я об этом Диме сказала, он долго и странно на меня смотрел, потом пошел на кухню, открыл холодильник, достал пол-литра водки...

Судаков. Я все сделаю, Валя.

Валентина Дмитриевна. Я хотела отнять, но он прямо из горлышка... *(Закрыла лицо руками.)*

Наталья Гавриловна. Валентина Дмитриевна, может быть, останетесь у нас ночевать?

Валентина Дмитриевна. Что вы, что вы!.. Степа, я и так всегда тебя помнила. Но если ты добьешься, чтобы Диме дали защитить диплом, я готова пойти в церковь, поставить за тебя свечку, чтобы тебе и твоим близким всегда, вечно было хорошо.

Самое главное, чтобы Дима знал: есть справедливость. До свидания.

Все прощаются.

Да, забыла. Я привезла тебе на память нашу фотографию. *(Достает.)* Вот... Это мы все на лесозаготовках. Смешные. В тридцатых годах снимались. Хорошее было время, верно? До свидания.

Судаков. До свидания, Валя.

Валентина Дмитриевна уходит. Все стоят, молча рассматривают фотографию.

Пров *(в стороне, тихо)*.

«Валя, Валентина,
Что с тобой теперь?
Белая палата,
Крашеная дверь.
Тоньше паутины
Из-под кожи щек
Тлеет скарлатины
Смертный огонек...».

(Подошел ко всем и тоже рассматривает фотографию.) Папа, а где ты?

Судаков. Вот. *(Показывает пальцем.)*

Пров. Какая у тебя, папа, потрясающая улыбка была.

Наталья Гавриловна. Завтра же. Не забудь.

Судаков. Какой-то перестраховщик, сукин сын, от усердия напортачил. Ну, мелкая душонка, ну, тварь! Позвоню Опалихину, он распутает. Кстати, Опалихин как раз у меня в загранпоездку просился.

Входит Искра.

Искра. Пойду немного погуляю.

Наталья Гавриловна. Вот и умница. А ужинать?

Искра. Я поела. Прошка, иди, там все горячее.

Пров ушел.

Егор *(жене)*. Много не ходи, лучше посиди в скверике.

Искра ушла. Ушел, видимо, на свою половину, и Егор. Судаков и Наталья Гавриловна остались одни.

Судаков. Покалякала бы ты с ней. Нельзя же так.

Наталья Гавриловна. Неужели ты думаешь, не говорила?

Судаков. Ну?

Наталья Гавриловна. У нее какая-то травма. Она сама не ожидала. Твердит — теперь у нее никогда не будет детей.

Судаков. К врачу своди, к невропатологу. У нас там, говорят, лучшие силы. Может, к гипнотизеру.

Наталья Гавриловна. Ты заметил, она на своей половине почти не бывает, все здесь.

Судаков. Ну когда мне замечать, Наташа...

Наталья Гавриловна. Степа!

Судаков. Что?

Наталья Гавриловна. По-моему, Георгий хочет оставить Искру.

Судаков. Как — оставить? Что же он — из нашего дома уйдет?

Наталья Гавриловна. Вполне возможно.

Судаков. Глупости! Ну какие ты глупости говоришь, просто удивительно. Как это — уйдет? Во-первых, он бы мне первому об этом сказал.

Наталья Гавриловна. Не думаю.

Судаков. Уверен. А во-вторых, это чепуха, собачья чушь. Как это тебе в голову взбрело? Искра сказала?

Наталья Гавриловна. Нет. Ты же знаешь, Искра все в себе носит.

Судаков. Откуда же?

Наталья Гавриловна. Я чувствую.

Судаков. Что значит — чувствую?

Наталья Гавриловна. Чувствую — и все.

Судаков. Ну, знаешь, Наташа, с такой чувствительностью тебя хорошо бы отправить в сейсмически опасную зону — землетрясения предчувствовать. Егор никуда не уйдет, в мыслях у него этого нет. В конце концов, он из-за меня не уйдет, он привязан

ко мне, любит. Не засоряйте себе голову всякими мелочами. Все люди живут крупными интересами, мир бурлит, а тут... *(Махнул рукой.)* Меня нет, я отдыхаю. *(Поцеловал жену, пошел к двери. Остановился.)* И не чувствуй ты ничего, живи ясно, Наташа, радостно. Уж как мы живем, любой позавидует.

Наталья Гавриловна. Для нее видеть Георгия — мучение.

Судаков. Извини, но это уж каприз, дикость. Другая такого мужа на выставке бы показывала за деньги. Ты знаешь, какая у него сейчас перспектива?

Наталья Гавриловна. Го́ра меня не беспокоит, Степа, я думаю об Искре.

Судаков. Тысячи женщин делают подобные процедуры — и хоть бы хны.

Наталья Гавриловна. Все люди разные, Степа.

Судаков. К сожалению.

Наталья Гавриловна. Поговори ты с ней.

Судаков. О чем? Ей встряска нужна, простая встряска, и все вылетит. Нет, я в это путаться не буду, не умею... Знаешь, Наташенька, давай как всегда: — дом это твое, а с меня моего вот так хватает! *(Целует жену и уходит.)*

Через столовую прошел в кабинет Пров, снова уселся с ногами в свое любимое кресло. Читает. Звонок. Наталья Гавриловна идет открывать. Слышен ее голос: «Проходите».
В столовую входят Наталья Гавриловна и молодая, очень интересная и чрезвычайно элегантно одетая девушка. Это Ариадна Коромыслова.

Наталья Гавриловна *(зовет)*. Георгий, к вам пришли!

Ариадна. Спасибо.

Егор *(входя)*. А, Ариадна, здравствуйте.

Ариадна. Здравствуйте, Георгий Самсонович.

Егор *(представляет)*. Наталья Гавриловна — мать моей жены. Ариадна — моя студентка, готовит курсовую работу...

Женщины здороваются.

Моя, так сказать, подопечная.

А р и а д н а. Извините, Георгий Самсонович... я прямо в дом, без звонка. Совершенно запуталась в вопросах построения финансовой системы.

Е г о р. Проходите сюда.

Садятся у стола. Ариадна раскрыла чемоданчик, с которым вошла, достала рукопись.

Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а. Го́ра, может быть, вам будет удобнее на вашей половине?

Е г о р. Если вы не возражаете, мы побудем здесь. Это, вероятно, ненадолго.

А р и а д н а. Буквально пятнадцать минут.

Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а. Конечно, конечно, пожалуйста.

(Ушла.)

Е г о р. Ну что это такое, скажи! Хоть бы позвонила.

А р и а д н а. Если бы я позвонила, ты бы сказал: нельзя.

Е г о р. И нельзя!

А р и а д н а. А мне интересно. И, кроме того, эта идиотская курсовая не лезет в голову.

Е г о р. Почему?

А р и а д н а. А потому что лезешь ты. Дай, думаю, поеду — разряжусь. И взгляну, что его там так держит.

Е г о р. Но мы же договорились — завтра.

А р и а д н а. А у меня вдруг мелькнула мысль: а если сегодня я умру и завтра не будет? Как нас в школе учили? Не надо откладывать на завтра, что можно сделать сегодня.

Целуются. Послышался шорох. Может быть, звякнула посуда.

(Кинулась к рукописи.) Я хотела спросить: в восемнадцатом веке закон об имущественном цензе... *(И вдруг начала тихо, но заливисто смеяться, хохотать, как девочка, зажимая себе рот ладонью.)* Я... я... не то взяла... Это папин доклад о слаборазвитых странах. *(Хохочет.)*

Е г о р. Ариадна!

А р и а д н а *(гладит его по лицу)*. Миленький ты мой, ну что ты так трясешься! Пришла ученица — и все. *(Оглядываясь.)* А что она сказала: твоя половина. Это где?

Егор. Там. *(Показал.)*
Ариадна. Пойдем туда.
Егор. Нет-нет, не надо.
Ариадна. Она там?
Егор. Она гулять ушла.
Ариадна. Ой, как везет! Пойдем!
Егор. Совершенно исключено.
Ариадна. Почему?.. Какое у тебя переполошенное лицо...
Егор. Милая девочка...
Ариадна. Ну ладно, ладно, хоть тут посидим. Но ты решил?
Егор. Да.
Ариадна. Твердо?
Егор. Абсолютно.
Ариадна. А эта дверь куда?
Егор. Кабинет Степана Алексеевича.
Ариадна. Там кто?
Егор. Никого там нет.
Ариадна. Пойдем туда.
Егор. Ну, милая девочка, ради бога, уймись.
Ариадна. Что тебя тут держит, не понимаю. У нас шикарней.
Егор. Ах, Арочка, меня, разумеется, держит не мебель.
Ариадна. А что? Не усложняй ты ничего.
Егор. Сейчас не место объяснять...
Ариадна. Да брось ты — что особенного... Делай вид, что смотришь эту мою муть... Что тебя вяжет? Говори, Егор, или я...
Егор. Хорошо, хорошо!

Сели к столу, склонились над рукописью.

Ты не сможешь понять меня.
Ариадна. Я тупица?
Егор. Ты умница. Но ты росла в оранжерее, а я... Я до сих пор всего опасаюсь.
Ариадна. Чего?
Егор. Какому-нибудь паршивому Прошке, братику моей жены, все на блюдечке... А мне... Я все своими жилами... с детства...
Ариадна. Что с детства?

Е г о р. Когда отец решил бросить свою деревню, он матери оставил сестренок, а меня зачем-то потащил с собой в Москву, устроился в общежитии, в бараке. Я все помню, уже в седьмой класс пошел. Барак — это, сама понимаешь, не Большой Кремлевский, не Версаль. Да еще у бати подобралась та компания — шабашников. В школе все о высоких материях — идеи, комсомольский энтузиазм, долг перед Родиной и прочее, а в барак вернусь, и в глаза мне такая другая академия лезет... Учился бешено. Золотая медаль мне как воздух нужна была, как жизнь, как пропуск в будущее. Что в бараке в тот день творилось, когда я эту медаль получил!..

А р и а д н а. Шампанское лилось рекой?

Е г о р. Не шампанское, разумеется, но лилась она самая, родимая, этаким бурным горным потоком. А когда в институт поступил и переехал в общежитие, мне казалось — в рай попал. Но потом смотрю: в общаге тоже не тот дух, не то, что человеку требуется, ту же бутылку тащут. Не так, конечно, как папаша с дружками, более мелко, но тоже погановато. Вечная трепотня, какая-то разъедающая, прямо скажу, сомнительного толку. Дурачки! Похабные анекдоты и поразительная беспечность. Тут как раз отец умер, я сел на одну стипендию, а в гуманитарных, сама знаешь, не разбежишься... У Искры какой-то нюх. Как она угадала, что я в общем-то полуголодный, аллах ведает. Только непринужденно так, легко: «Хочешь бутерброд с ветчиной?» Ну, я тоже запросто, будто всю жизнь одной ветчиной питался: «Давай». То ли она увидела, как я эту ветчину и дорогую ее рыбину лопал, то ли, повторяю, нюх, только на следующий день она мне такой завтрак притащила...

А р и а д н а. Заманивала.

Е г о р. Нет-нет, она добрая.

А р и а д н а. Дурачок, да такой шикарный парень, как ты...

Е г о р. Погоди... Потом домой чай пить, потом ужинать. А дома у них... Я тогда такое только в кино видел.

А р и а д н а. Погоди, погоди, так ты на ней в благодарность за бутерброды, что ли, женился?

Е г о р. Именно, именно. Какая ты умница! Я, конечно, хорошо к ней

относился, и, не скрою, войти в этот дом мне тоже не казалось чем-то ужасным, я бы даже сказал, напротив. Но все это, ты понимаешь, было неправильно, ошибка. И вот теперь, когда вся эта чепуха отпала, когда я уже совсем, как говорят, акклиматизировался, я вдруг понял, ай-яй-яй, что же я наделал, как я неправильно вел себя. Я спутал обыкновенное человеческое участие и благодарность за него с любовью. Нет-нет, не спутал... Ах, как все сложно... Искра, Степан Алексеевич, Наталья Гавриловна... Понимаешь, я в плену этого дома, все связало меня. Я ему благодарен, всегда буду помнить, но... Вот это-то «но» — сейчас главное. Я скажу тебе страшную, может быть, даже гадкую мысль свою. Чувство благодарности принижает человека, делает его рабом этой благодарности. У него уже руки связаны этой благодарностью, понимаешь?

Ариадна. Жутко... Но в какой-то мере понимаю. Хотя и не до конца. Жену твою все-таки жалко.

Егор. Мне тоже. Но сейчас я должен выйти в новую фазу. Иначе все, конец, крышка, дальше дно, граница конечной станции. В конце концов, для того чтобы личность могла состояться полностью, ей нужна свобода.

Ариадна. Свобода от чего?

Егор. От всего, что держит. И, главное, от внутренних тормозов. Я по духу крестьянин, сын лесов и полей, во мне дух свободы. И потом, я рязанец. Недаром из наших мест столько великих людей вышло: Есенин, Павлов, Салтыков-Щедрин...

Ариадна. Егор, я смотрю на тебя и думаю: все девчонки нашего курса сдохнут, когда мы поженимся. В тебе есть что-то удивительно высокое, даже жуткое. Ты будешь великим рязанцем.

Егор. Я ведь так сказал, к примеру.

Ариадна. Будешь, будешь! И деревню, в которой ты жил... Как она называлась?

Егор. Мышастовка.

Ариадна. ... переименуют в Ясюнинку. Нет, к черту, будет не город Рязань, а город Ясюнин.

Егор *(смеется)*. Обязательно.

Ариадна. А в доме, в котором ты родился, сделают музей. На крыльце — ящик с огромными тапочками, и экскурсовод длинной указкой будет тыкать в экспонаты и рассказывать, какой ты был умный, добрый, чуткий и как тебя любили дети.

Егор. Уходи, безумная!

Ариадна. Сейчас уйду. Все, больше мне ничего не надо. Теперь у меня работа пойдет быстро. Вот ты рассказал мне, через какой ужас прошел. Еще больше люблю тебя...

Егор *(смеясь)*. «Она его за муки полюбила...».

Ариадна. Ты знаешь, зачем я приходила? Чтобы ты понял: или — или. Я же измучилась, Егор, этой двойственностью. И я ревную к твоей, этой... Ты с ней сейчас, конечно, ни-ни?

Егор. О чем ты говоришь!

Ариадна. Я решительная, имей в виду... *(Показывая.)* Это, ты говоришь, кабинет?

Егор. Да-да.

Ариадна. Можно посмотреть?

Егор. Ну загляни.

Вошли в кабинет. Ариадна быстро закрыла дверь. Обхватила Егора руками.

Ариадна. Дурачок, попался! *(Целует его.)* Милый, милый... Умираю!

Пров *(в кресле)*. Извините, здесь я, простите...

Ариадна. Ах! *(Выбежала.)*

Егор *(от растерянности, грозно)*. Как тебе не стыдно!

Пров. Я читал. Эту спинку — ее надо спилить.

Егор. Ты, конечно, понял, что она просто веселая женщина, дурила. Шутка.

Пров. Да-да... Ты не беспокойся.

Егор. А чего мне беспокоиться? Я же говорю: дурачество. Если у тебя в голове какие-то поганые мысли...

Пров. У меня совершенно никаких мыслей нет.

Егор. Ты парень умный, тактичный.

Пров. Не надо, Егор...

Егор. Что — не надо?

П р о в. Ничего не надо. Хоть у меня к тебе, сам понимаешь, огромной симпатии нет, но подлецом не хочу быть даже в отношении к несимпатичным мне людям.

Е г о р. И на том спасибо.

П р о в. Не стоит благодарности.

Расходятся.

В столовую входит И с к р а. Увидела на столе оставленную Ариадной рукопись, машинально в нее заглянула. Проходит Пров.

И с к р а. У нас кто есть?

П р о в. Нет.

И с к р а. Приходил кто?

П р о в. Я не видел. По-моему, нет... Когда, в конце концов, отремонтируют мою комнату?! Болтаюсь тут между вами, как в проруби. *(Ушел.)*

Входит Е г о р.

И с к р а. У нас был кто?

Е г о р. Кто?

И с к р а. Я тебя спрашиваю — кто?

Е г о р. Никого не было. *(Замечает на столе рукопись Ариадны.)* А-а-а, забегала моя студентка. С курсовой зашивается. Экономика Испании восемнадцатого века. Оставила, чтобы посмотрел.

И с к р а. Ну как?

Е г о р. Я еще не читал, бегло взглянул.

И с к р а. И на первый взгляд?

Е г о р. Кажется, терпимо.

И с к р а. А я вошла — духами пахнет.

Е г о р *(принюхиваясь)*. Действительно. Надушилась девица какой-то дрянью.

И с к р а. Почему? Приятный запах. По-моему, даже Кристиан Диор.

Е г о р *(успокоенный)*. Как погуляла, миленькая? *(Подходит к жене, чтобы поцеловать ее.)*

Она резко толкает его в грудь. Егор чуть не падает.

Искра *(глухо)*. Извини... *(Уходит.)*

Входит Наталья Гавриловна.

Наталья Гавриловна. Я нашла ваши плавки, Георгий. Вы повесили их на батарею, а они за нее и упали.

Егор. Спасибо, Наталья Гавриловна.

Наталья Гавриловна. Душ будете принимать?

Егор. Да, конечно.

Наталья Гавриловна. Я приготовила полотенце.

Егор. Благодарю.

Наталья Гавриловна. Вы бы эти дни были ближе к Искре. Может быть, вам о чем-то надо поговорить с ней. Она места себе не находит.

Егор. Эта история с операцией действительно на нее повлияла.

Наталья Гавриловна. Я сама иногда думаю: уж не надо ли воспитывать детей в новом духе?

Егор. Ох, принципиальные люди, Наталья Гавриловна, самые тяжелые.

Наталья Гавриловна. Но беспринципные опасны, Го́ра.

Егор. И это правильно.

Наталья Гавриловна ушла. Проходит Пров.

Не удержался? Понесло?

Пров. О чем речь?

Егор. Сплетница базарная.

Пров. Не разумею.

Егор. Наплел Искре.

Пров. Пардон, что наплел?

Егор *(видя воинственный вид Прова)*. Она вошла... и сразу... Извини.

Пров. Ну что вы, что вы! Пожалуйста!

Расходятся.

Входит Искра. Тушит свет в столовой. Прошла в кабинет. Гасит там верхний свет, оставляя одну настольную лампу. Еще раз прошла в столовую. Вернулась в кабинет. Тихо притворила дверь. Посмотрела на иконы и вдруг встала на колени. Хочет перекреститься, но не знает как. Положила руки на грудь.

Искра *(тихо)*. Господи, помоги мне... Помоги мне... Помоги мне... *(Что-то шепчет.)*

В это время в столовую входит Егор. Увидел свет в щели неплотно прикрытой кабинетной двери. Тихо подошел, заглянул. Увидел молящуюся Искру. Остолбенел. Стоит, смотрит. Быстро прошел через столовую обратно. Вернулся с Судаковым, на цыпочках подвел его к кабинетной двери. Судаков и Егор смотрят на Искру. Судаков распахивает дверь, входит в кабинет, Егор остается в столовой. Искра не вскочила, а приникла к полу.

Судаков. Что-то на ночь глядя захотелось каким-нибудь детективом мозги прочистить. *(Как бы увидя Искру.)* Уронила что?

Искра. Пуговицу от кофточки потеряла. Не могу найти.

Судаков. Да что ты! Пуговицу! Надо найти. Ну ищи, ищи.

Искра. Нет нигде. *(Хочет встать.)*

Судаков. Да ты лучше ищи. Я тебе посвечу. *(Берет настольную лампу, идет к Искре. Освещает пространство.)* Ищи.

Искра ищет.

Да что ж мы не догадались, надо зажечь верхний свет. *(Ставит лампу на стол, включает свет.)* Что ты делала?

Искра. Я...

Судаков. Что делала, говорю, а? Молилась?

Искра. Что ты!..

Судаков. Молилась, идиотка! *(Кричит.)* Егор! Наташа!

Входит Егор

Наталья!

Вбегает Наталья Гавриловна. Видит Искру на коленях.

Наталья Гавриловна. Искрочка, что с тобой?!

Вбегает Пров.

Судаков *(жене)*. Не подходи к ней! Знаешь, что она тут делала? Молилась! А? Боженьке молилась! Вот что у тебя в доме делается! Вот как у нас детки воспитаны.

Искра. Я не молилась.
Судаков. Не молилась?
Искра. Нет.
Судаков. Нет?
Наталья Гавриловна. Оставь ее, Степа.
Судаков *(дочери)*. Нет?!
Искра. Я же сказала.
Судаков. Что сказала?
Искра. Нет.
Наталья Гавриловна. Степа?
Судаков *(дочери)*. Встань!

Искра встает.

Подойди к иконам.

Искра подходит.

Плюй на них.

Наталья Гавриловна. Степан!
Судаков. Ты же не молилась. Ты ни в какого дурацкого бога не веришь! Понимаешь, в какое положение ты нас всех ставишь?! Меня, мужа. Да если станет известно, что жена у него богомолка... что у меня... Ты, может, и по церквам бегаешь?! Есть теперь такие молодые психопаты... Ты понимаешь, что может быть, если дойдет... И самой-то не стыдно?! В советской газете работаешь. Плюй, я тебе сказал!
Пров. Папа, ты говорил, эти иконы тысячу рублей стоят.
Судаков. Оботрем! *(Дочери.)* Ну?
Наталья Гавриловна *(вдруг)*. Ты что разгулялся, хулиган! Был в молодости шпаной, шпана из тебя и в старости вылезла. Ишь, как распоясался!..
Судаков. Наталья!
Наталья Гавриловна. Тихо! Сделал из меня домашнюю курицу. Думаешь, совсем переродилась? Я тебе Натку Пузыреву напомню! Я не до конца твоей этой жизнью пришиблена. Уют он нам, видите, создал, жратву. А хочешь, я сейчас все это твое шматье в окошко повыкидываю! Я тебе так дверью хлоп-

ну, ты меня потом обратно и Новодевичьим кладбищем не заманишь!

Судаков. Но ты понимаешь, что на работе...

Наталья Гавриловна. Очумели вы все со своей работой, обалдели!

Судаков. Я хочу...

Наталья Гавриловна *(подавляя его)*. Молчать! Как стоишь? Пузо подбери. Как стоишь, я тебе говорю? Кругом!.. Что тебе сказано?!

Егор. Наталья Гавриловна, но согласитесь, Искра может скомпрометировать всех — и Степана Алексеевича, и меня, и вас, даже Прова.

Наталья Гавриловна. Министр иностранных дел, и ты айда отсюда! Выметайтесь! Иди—иди, утром к станку, у вас завтра трудный рабочий день. Идите, я сказала! Ну! *(Схватила большую вазу и подняла вверх.)* Сейчас как начну ахать!

Судаков и Егор выходят.

Судаков *(проходя через столовую)*. Черт с ней, взбесилась. Она, знаешь, в молодости какая бешеная была... У нее медаль за отвагу и два боевых ордена.

Егор. Думаю, слуха не будет. Никто же не видел.

Ушли.

Пров подходит к матери, целует ее.

Наталья Гавриловна *(подошла к дочери, обняла ее)*. Что, моя миленькая... Это нервы... нервы... после больницы... Все-таки операция была... Нервы.

Искра начинает потихоньку всхлипывать. Сильней, сильней... Истерика.

Тихо, Искра, тихо... Всегда надо держаться, всегда... Пройдет, все пройдет. *(Ведет ее через комнаты.)* Вот у нас на батарее лейтенанту Курочкину на моих глазах обе ноги оторвало. На моих глазах! А я любила его. Я, знаешь, как его любила. А увидела... *(Голос ее начал дрожать.)* Он сознание еще не потерял,

видит, что ног у него нет. Лежит, а в чернеющих глазах его... Какие у него глаза были, Искра... *(Увела дочь.)*

П р о в *(падая на колени перед иконами)*. Господи, сделай так, чтобы Егор сдох!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Утро Первомая. Та же декорация, только убраны все иконы, на их месте висят черные африканские маски из дерева. В столовой Е г о р делает утреннюю гимнастику. Каждое движение делает точно, с полной отдачей. Музыка из кассетофона. А за окном праздничный шум собирающейся первомайской демонстрации.

Входит П р о в.

П р о в. Тебя бы под купол цирка, на трапецию.

Егор продолжает упражнения. Взял пружину.

Входят Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а и И с к р а. Накрывают на стол.

Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а. С праздником вас, Георгий.

Егор кивнул головой, но не прекратил упражнений.

И с к р а *(брату)*. Ты что не умываешься?

П р о в. Отец в ванной полощется. Значит, на полчаса.

Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а. Приучил бы и ты себя к гимнастике, Проша.

П р о в. Видала, у нас во дворе по утрам двое лысеньких бегают трусцой? Я по ним в школу выхожу. Точно мыши. Есть в этом цеплянии за жизнь что-то трусливое, неблагородное.

И с к р а. Жажда жизни запрограммирована в человеке. Один мудрый сказал: надо любить жизнь больше, чем смысл ее.

П р о в. Смешно! Будто твой мудрый знал этот смысл.

И с к р а. У тебя обыкновенная лень.

П р о в. Ну и что же? Говорят, лень — сестра свободы.

Слышно пение Судакова: «Я на подвиг тебя провожала...»

И с к р а. Поди ополоснись, авось мировоззрение переменится.

П р о в ушел.

Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а. Георгий, ради праздника съешьте рыбного пирога. При вашей строгой диете один раз согрешить можно.

Егор кивнул головой в знак согласия, но не прервал занятия. Вошел С у д а к о в.

С у д а к о в. Дай-ка и я! *(Пристраивается к Егору и делает упражнения.)*

Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а. Не наклоняйся, прильет кровь.

С у д а к о в. Да... не могу! Опоздал... *(Подходит к окну.)* Денек! *(Дочери.)* Есть в этих праздниках что-то особенное. Дух поднимает.

Звонок в дверь. Возвращается П р о в с телеграммой в руках.

П р о в *(отцу)*. Судакову Степану Алексеевичу. *(Отдает отцу телеграмму.)*

С у д а к о в *(читает)*. «От всей души поздравляю тебя и твоих близких светлым праздником Первомая. Желаю здоровья и счастья. Диму защите не допускают. Все равно благодарю за хлопоты. Любящая тебя Валентина».

П р о в. Пап, ты же обещал!..

С у д а к о в. «Обещал», «обещал»!.. Были звонки отсюда, да теперь местные свою власть любят показывать, ломят амбицию. Это надо же!.. Ну, люди!.. Ну...

Е г о р *(закончил упражнения, выключил кассетофон)*. Вы, Степан Алексеевич, не расстраивайтесь. Свое слово сдержали, пытались оказать помощь, но...

П р о в. Так не вышло же ничего!

Егор. А ты думаешь, все в жизни получается?

Пров. Но ты представляешь того парня? Он же, как кролик, перед теми удавами.

Егор. А нарушать дисциплину ему было раз плюнуть... Ничего, воспитательные меры — вещь небесполезная. Защитит на следующий год, зато навек запомнит.

Искра. Отец, ты должен что-то еще предпринять.

Судаков. А что? Что?! Вы все думаете, у меня в руках волшебная палочка. А у меня ее нет!

Егор. Эта штука вещь переходящая. И никогда не знаешь, у кого она в данный момент и кто ею машет.

Пров. Но этот Димка от злости может что-нибудь выкинуть...

Егор. А если твой Димка при первой трудности...

Судаков. Да! Очень вы любите все справедливость. Я еще подумаю, может быть...

Пров. Искра, садись в самолет и лети туда, от газеты, я тебе обещаю: не пойду на философский, пойду, как и ты...

Наталья Гавриловна. Ей нельзя, она еще плохо себя чувствует...

Егор. Товарищи, ну мы все обдумаем. Главное, без спешки. И не надо портить себе праздник.

Наталья Гавриловна. За стол, за стол!

Все усаживаются за стол.

Судаков *(подняв рюмку)*. За мир во всем мире!

Телефонный звонок.

Не подходи, леший с ним. Ты, Егор, не слыхал чего-либо? Вчера, говорят, у Коромыслова совет держали.

Егор. Нет, не слышал. Но совершенно уверен — пройдет ваша кандидатура. Я фигуры двигал.

Судаков. Ну, братцы, если ваш отец в горку двинется, значит, он еще не старая развалина, а ого-го! Егор, оттуда и тебя кверху легче тянуть будет.

Егор. Спасибо, Степан Алексеевич.

Пров. Вот уж именно тот случай: не бывать бы счастью, да несчастье помогло.

Судаков. А Хабалкина жаль. Сломило. И зря он сам заявление подал. Может, и не тронули бы.

Егор. Говорят, из Москвы уезжает, совсем. В родной край, в Саранск, кажется. Мальчишка-то у него один был, а жены давно нет. Не то ушла к кому-то, не то умерла. Горе одних ожесточает, а других мягче делает.

Наталья Гавриловна. Все-таки нехорошо, Степа, что ты не был на похоронах.

Судаков. Я же тебе говорил — не мог освободиться. Приехали голландцы... Кстати, черт! Я же разрешил сегодня ко мне привести не помню кого. Чуть не забыл... Приведут...

Пров. Ох!

Судаков. Да, милый, тебе «ох», а это моя работа.

А телефон все звонит.

Пров. Нельзя же так! *(Выскочил из-за стола, подбежал к телефону.)* Алло!.. Да, это я... Да что ты... Когда?.. Ночью?.. Ты оттуда и звонишь?.. Я к тебе приеду. Сейчас... Ну и что, что там демонстрация? Я проберусь. Адрес скажи... Ага!.. Восемь... Сто двадцать три... корпус четыре... Я запомню: восемь, сто двадцать три, корпус четыре. Это же близко. Ты не очень... Тихо, тихо... Я же слышу... Бегу!

Наталья Гавриловна. Ты куда, Проша?

Пров. Надо.

Наталья Гавриловна. Поешь сначала.

Пров. Не могу. Девочка ждет, сами понимаете... *(Пробегает, переодеваясь на ходу.)* Пап, насчет лекарства...

Судаков. Тьфу ты, черт! Третьего принесу, клянусь, как штык!

Пров. Нет, я говорю, лекарства не надо. Больной поправился. Совсем, абсолютно.

Судаков. Вот! А ты суетишься. И других дергаешь. Я забыл, а человек лишнюю химию не глотал... Что это у тебя там за девочка!

Пров. Зовут Зоя.

Судаков. Надеюсь, из приличных?

П р о в. Абсолютно. Самого пролетарского происхождения. Мать в нашем овощном ларьке торгует, отец водопроводчик. Но он пока в тюрьме.

С у д а к о в. Все остришь?

Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а. Нет, Степа, это правда.

С у д а к о в. Вы что, с ума спятили?

П р о в. Не понимаю!

С у д а к о в. Да что он у нас, мать, взбесился? Наркотиков, что ли, наглотался, белены? Что он у тебя вытворяет?

П р о в. При чем здесь мама? Я влюбился. Любовь. Та самая, которая на поэмы вдохновляет, на подвиги. Ты только что пел. *(Поет.)* «Я на подвиг тебя провожала, над страною гремела гроза...».

С у д а к о в *(подскочил)*. Перестань! Я тебе запрещаю с этой девицей встречаться, слышишь? За-пре-щаю!

Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а. Степа! Не надо...

Е г о р. Степан Алексеевич, он дурачится.

П р о в. Может, и женюсь на ней для оздоровления сословия. До чего же ты, отец, интересно сформировался. Вот, говорят, если срезать дерево, то по кольцам его можно определить, какой год был активного солнца, какой пассивного. Вот бы тебя исследовать. Просто наглядное пособие по истории.

С у д а к о в. Ты сейчас же сядешь за стол, будешь есть пирог...

П р о в. Не буду. Боюсь растолстеть. Я вчера вычитал: заплывает душа телом. Иной так способен оскотиниться, что даже страшно пожелать ему здоровья и счастья. *(Убежал.)*

С у д а к о в *(вслед сыну)*. Дурак!

Все молча едят.
Звонок телефона в квартире Егора и Искры.

Е г о р *(вскакивает, бежит к себе. На ходу, Судакову)*. Может быть, о вчерашнем.

Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а. Не сердись, Степа. Прошка дурачится.

С у д а к о в. Но есть же мера. Есть. В конце концов, элементарное приличие... А что, у этой девицы действительно такие предки?

Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а. Ну и что? Ты, наверно, ее мать видел. У наших же ворот ларек. Такая полная, рыжая.

Судаков. Кошмар! Эта пьяная морда...

Наталья Гавриловна. Она не всегда пьяная.

Судаков. Кошмар!

Наталья Гавриловна. У Егора тоже отец был, знаешь...

Судаков. Так то Егор!

Наталья Гавриловна. А она Зоя.

Судаков. Кошмар!

Наталья Гавриловна. Мне девочка понравилась.

Судаков. Кошмар!

Наталья Гавриловна. Да будет тебе, затвердил как попугай! Никакого кошмара нет. Я даже рада, что Пров не походит на некоторых молодых людей, которые себе уж, знаешь, партии высматривают.

Судаков *(дочери)*. А ты что молчишь?

Искра. А я не слышу, о чем вы говорите. А если и слышу, ничего не понимаю. Ты съезди, отец, в Иран, привези ему персидскую принцессу. Может, он и переменится.

Судаков. Нет, это леший знает, что дома творится! На работе так хорошо. Четко, слаженно... А тут...

Наталья Гавриловна. Нельзя так, Степа, с ним разговаривать. Ты же прекрасно знаешь, если человек влюблен... Себя вспомни, а?

Судаков. Какая тут любовь! Ему только шестнадцать двадцатого исполняется.

Наталья Гавриловна. Двадцать восьмого. А в шестнадцать лет... Мы же не знаем, что произошло с Колей Хабалкиным.

Судаков. Ну. лавируй сама... Не хочу я во всю эту муть влезать.

Наталья Гавриловна. И не надо.

Искра вышла.

Судаков. Я еще от поведения Искры очухаться не могу. Ничего, я ей этих черных чертей наставил, пусть им кланяется, они ей наколдуют... С ума спятила!

Наталья Гавриловна. Выговориться ей надо было, чтобы легче стало. А она даже мне не открывается. Кому-то надо...

Судаков. Не в пустоту же. Это волки, глядя на луну, воют.

Наталья Гавриловна. Не осуждай. Это мýка выходит.

Судаков. Прошке тоже кого-то подсунуть надо. Я понимаю, возраст. Но соображать-то он должен.

Наталья Гавриловна. Ешь пирог, Степа, ешь. Ой, да он остыл. Сейчас подогрею. *(Ушла.)*

Звонок в дверь. Искра проходит открыть. Возвращается.

Искра. Папа, к тебе.

Входит Золотарев, молодой человек. В руке у него большая искусственная ветка цветущей яблони. Такие носят на демонстрациях.

Золотарев. С праздником, Степан Алексеевич!

Судаков. Золотарев, привет! И тебя тоже. На демонстрацию идешь?

Золотарев. Да. Меня выделили. Как раз у вашего дома топчемся.

Судаков. Проходи, проглоти пирога. Вкуснота! Жена разогревает.

Золотарев. Не могу, отстать боюсь. Я на минуту.

Судаков. Что там?

Золотарев. Я, собственно, к Георгию Самсоновичу. Поздравить.

Судаков. С чем?

Золотарев. Вчера у Коромыслова решили: Георгия Самсоновича на место Хабалкина. Пока исполняющим обязанности, а потом...

Судаков. Георгия?!

Золотарев. Да. Товарища Ясюнина. Он хлопотал, я знаю. Еще в тот день, когда про сына Хабалкина узнали, сразу. Зять у вас, Степан Алексеевич, по-настоящему выдающийся. И что главное — все его уважают. Умеет он...

Судаков *(встал из-за стола, зовет)*. Георгий Самсонович, к вам пришли.

Входит Егор.

Золотарев. Поздравляю вас, Георгий Самсонович, и с праздником, а главное — с назначением. От самого чистого сердца поздравляю.

Егор. Спасибо, Вася.

Судаков. И от меня прими самые, так сказать, рассамые. *(Жмет руку Егору, даже обнимает его.)*

Егор. Если бы не вы, Степан Алексеевич...

Судаков. Ну что ты, что ты! Достоин! Вполне! Ушла разогревать пирог и не несет — как бы там сама его не съела! *(Ушел.)*

Золотарев. Я первый известил?

Егор. Только что по телефону сказали.

Золотарев. Ох, пролазы, уже успели!

Егор. Нет, не приятели.

Золотарев. Неужели сам звонил?

Егор. Почти... Спасибо, Вася. Выпей рюмочку. Икоркой закуси.

(Наливает Золотареву и себе водки.)

Золотарев. Спасибо.

Чокаются. Пьют.

Егор. Не совсем вовремя ты вошел...

Золотарев *(закусывая)*. Догадываюсь. Я не знал, что... А вообще-то плюньте вы на них. Старье — оно и есть старье. Что он вам теперь, верно? Родня, и только... Вчерашнее жаркое. Оптимист!.. На том держится! А знаете, откуда у них эта радость жизни!? Они в той войне выжили, и у них на всю жизнь оптимизм получился. *(Смеется.)*

Егор. Глаз у тебя, Вася, не очень ли острый?

Золотарев. А что? Точно!.. И чего им надо? Во! *(Обвел рукой комнату.)* А как же! Пришли с войны — ни села, ни хаты. А тут!.. У таких идеал — материальное благополучие!

Егор. А у тебя?

Золотарев. Массам, конечно, материальное требуется... Только, знаете, прежде всего надо восстановить порядок. Люди потеряли страх — оттого то тут дыра, то там яма. Распустились, им, главное, тишину подай, покой... Ради бога, не делайте волны! А, по-моему, сейчас именно волна и нужна. Я правильно анализирую? А?

Егор. Иди, Вася, а то колонна уйдет. Я давно тебя заметил.

Золотарев. Спасибо, Георгий Самсонович. Желаю вам на новом поприще успеха. Очень вас уважаю!

Е г о р. Спасибо, Вася.

З о л о т а р е в. Будьте здоровы!

Е г о р. До свидания.

З о л о т а р е в уходит. Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а снова вносит пирог.

Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а. Вы еще будете кушать, Георгий?

Е г о р. Спасибо, нет. Сговорился с другом у метро встретиться и забыл. *(Быстро собирается.)*

Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а. Степа, я разогрела, иди!

Входит С у д а к о в.

С у д а к о в. Наташа, у нас нет какой-нибудь чертовщины? Что-то сердце брыкается.

Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а *(подходя)*. Дай-ка руку. *(Пробует пульс.)* У Искры есть валокардин. Го́ра, принесите, пожалуйста.

Е г о р уходит.

У тебя тахикардия. Сядь. *(Усаживает мужа.)*

Возвращается Е г о р с пузырьком валокардина.

Е г о р. Пожалуйста. *(Передает капли Наталье Гавриловне.)* Извините, я опаздываю. *(Уходит.)*

С у д а к о в *(вырывает пузырек из рук жены)*. Не хочу! *(Швыряет его в сторону.)*

Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а. Ты что?

С у д а к о в. Не хочу!

Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а. Поди приляг. Ну что ты так! У Проши знаешь сколько еще всяких любовей будет. Это все, как твоя знакомая говорила, предвестие. А девочка она, честное слово, славная, открытая.

С у д а к о в. Первый раз сердце почувствовал... Не знал, с какой оно стороны. Думал, до ста лет жить буду.

Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а. И проживешь. Это чепуха, сейчас пройдет. Идем-идем... *(Уводит мужа.)*

Звонок в дверь. И с к р а идет открывать. Возвращается с А р и а д н о й.

Искра. Пожалуйста, проходите. Вы к Степану Алексеевичу?

Ариадна. Нет, я не к нему.

Искра. А Георгий Самсонович только что вышел.

Ариадна. Я знаю, видела. Я к вам. Меня зовут Ариадна. Ариадна Коромыслова. Вам, наверно, эта фамилия знакома.

Искра. Да, конечно. Отец работает вместе с вашим папой. У отца какие-то неприятности на работе?

Ариадна. Нет. Почему вы так решили?

Искра. У вас лицо встревоженное. Проходите, садитесь.

Ариадна. Спасибо. *(Села.)*

Села и Искра.

Я к вам. Лично к вам. Разговор, может быть, странный, но серьезный.

Искра. Я теперь догадываюсь.

Ариадна. Почему?

Искра. По запаху.

Ариадна. То есть?..

Искра. Я шучу... Слушаю.

Ариадна. Я не знаю, как начать... Я много думала. Может, это глупо и даже дико, но я решилась. Я решила помочь Георгию Самсоновичу выйти из положения. Он совершенно разрывается, страдает.

Искра. Да что вы! Давайте поможем человеку.

Ариадна. Я сейчас позвонила по телефону, назначила встречу у метро Измайлово, нарочно подальше, чтобы мы успели поговорить. Я снизу звонила из автомата. Потом ждала, когда он выйдет. И вот...

Искра. Вы умница. Так толково придумали. А вы не боитесь, что я сейчас встану, возьму вас за шиворот и выброшу за дверь?

Ариадна. Ну зачем же? Я к вам по-хорошему. И я еще ничего не сказала.

Искра. А я, представьте себе, примерно догадываюсь, о чем будет речь.

Ариадна. Он вам говорил?

Искра. Что?

А р и а д н а. А... Он удивительно сильный, а тут... у него тормоза.

И с к р а. Какие тормоза?

А р и а д н а. Внутренние. Я решила сама. Знаете, давайте просто, по-современному, а?.. Георгий Самсонович хочет уйти от вас, но не знает, как это сделать. Ко мне, вы понимаете? Его мучит совесть и держит. Он обязан вам, вашему дому. Он очень переживает. Но нельзя же любить в благодарность за что-то, верно? Я бы сказала, ситуация сложилась простая. И это жизнь, это естественно. Все развивается. Старики ахают: безобразие! А это течение жизни, новое. Более свободное. Они освоить не могут, но мы-то можем, мы другие. Зачем же мучиться? Вон моя подружка Тата Пивоварова третьего дня шикарную свадьбу сыграла. А вчера мне говорит: я, кажется, ошиблась. Ну и что же, бывает. Говорит, буду разводиться. И все спокойно, без достоевщины. Да, иные отношения, иное время. И классики говорили, предсказывали: отомрет семья, частная собственность и даже государство. Частная собственность уже давно отпала. Тоже, говорят, некоторые переживали, потом привыкли. Сейчас отпадает семья. Я была в некоторых развитых странах, там уже запросто. Россия, знаете, в чем-то всегда отстает от Европы... Вы напрасно сердитесь. Я, конечно, могу встать и уйти. А что изменится? Он будет ходить ко мне, здесь только ночевать. Ну и что? Расходы на транспорт, и только. Раз произошло, ничего не поделаешь... Что вы молчите?

И с к р а. Слушаю. Вы говорите дико, но почти правду.

А р и а д н а *(оживившись)*. Да-да, главное — не переживать. Мне неприятно говорить вам, но... я могу быть откровенной?

И с к р а. Попытайтесь.

А р и а д н а. Вы извините, он не любит вас и не любил никогда.

И с к р а. Ну, миленькая, ты этого знать не можешь.

А р и а д н а. Он мне сам говорил. Вы кормили его бутербродами, ввели в дом, и он в благодарность... Что такое любовь, он говорит, узнал только со мной!

И с к р а. Все?

А р и а д н а. В общих чертах — да. Еще он сказал, что у вас не может быть детей. Это его тоже мучит.

Искра. Я не знаю вас, еще не понимаю, что вы за человек. Я, знаете, могу даже предположить, что вы неплохой человек, потому что только очень наивный может вот так прийти и лепетать то, что лепечете вы. Или вы просто, извините, недоразвитая... Вы не боитесь Егора, Ариадна?

Ариадна. Я люблю его.

Искра. Об этом я уже догадалась. Не боитесь его?

Ариадна. Я не понимаю... Все девочки нашего курса от него без ума. Он личность!

Искра. А я боюсь... Очень боюсь... очень...

Ариадна. Я понимаю, вы ревнуете и можете наговорить на него...

Искра. Я ничего не буду на него наговаривать. Да и нечего... Вы любите цветы?

Ариадна. Да.

Искра. А музыку?

Ариадна. Конечно.

Искра. А детей?

Ариадна. Очень. Он сказал, что у нас будет трое.

Искра. Вы не будете любить цветы, вы перестанете слышать музыку, у вас не будет детей. Никогда. Он растопчет вас, вытрет о вас ноги и перешагнет...

Ариадна. Нет-нет! Я удивляюсь, как вы за все годы не поняли, какой это тонкий, глубокий человек! Да если вспомнить его жизнь, его мучения, через что он прошел...

Искра. Папа — шабашник, пьяница, барак, холод, голод...

Ариадна. Да-да...

Искра. Вы знаете, я вдруг начинаю сомневаться: а было ли все это в его биографии? Не сочинил ли он все это для удобства жизни?

Ариадна. Неужели у вас нет чувства сострадания?

Искра. Моя профессия требует этого качества...

Ариадна. Не будем друг друга мучить, Искра Степановна, скажите просто — отпускаете вы его или нет?

Искра. Значит, вы дочь Коромыслова... А кто начальник вашего папы?

Ариадна. У отца нет начальника, он подчиняется только Баранову.

Искра. У Баранова есть дочь?

Ариадна. Мы бываем у Барановых. У них две дочери.

Искра. Целых две! Не знакомьте Егора с ними ни за что. Он вас обменяет, сейчас же обменяет... Скажите откровенно, это Егор прислал вас поговорить со мной?

Ариадна. Нет.

Искра. Он!

Ариадна. Честное слово, ничего подобного. Он там, в Измайлове, и даже не знает, что я здесь. Стоит и ждет.

Входит Наталья Гавриловна.

Наталья Гавриловна. Что же ты, Искрочка, не предложишь гостье чаю? Пироги еще теплые... Я вас узнала, вы студентка Георгия Самсоновича, в тот раз приходили. Вы завтракали, деточка?

Искра. Эта деточка собирается стать женой нашего Егора. Пришла, чтобы меня об этом уведомить. Мы для него пройденный этап, мама. Впереди дом самого Коромыслова... Идите, Ариадна. Если вы его любите той любовью, о которой в книгах пишут, тогда все. Мои слова — в стенку горох. Пусть растопчет. Зато будет что вспомнить, верно? Но если у вас только легкий дурман... Вру, все вру. У меня у самой от одного его вида, от прикосновения голова кругом шла. Всех очаровал. Всех девочек вашего курса! Всех... В общем, хорошо, что вы пришли. Грубо, топором, «по-современному», как вы говорите. Но вы правы. Это я, набитая, все еще чего-то жду, пытаюсь вывернуться... А вы — бац, и готово! Я переживу, переживу! Я много езжу. И знаете, когда стучат колеса, когда вибрируют крылья самолета, закладывает уши и в коленях дрожит животный страшок... а рядом чужие люди, но почему-то тебе близкие и дорогие... Может, оттого, что все мы вместе висим в воздухе и это объединяет... Знаете, однажды я летела в Караганду, и что-то с самолетом сделалось в воздухе. Все это почувствовали, и все молчали. Сделалось тихо-тихо. Вспыхнула надпись: «Пристегните ремни!» Меня вдруг охватил ужас, я оледенела. Бортпроводница что-то объясняла ласковым, ровным голосом, но я не слушала, никто не слушал.

И вдруг я увидела в проходе маленькую девочку. Она при качке обронила куклу, присела, подняла, стала гладить и целовать. А потом засмеялась и побежала к матери. Мать как-то поразительно светло улыбнулась ей. И мне стало стыдно за себя, за свой страх. И он растаял. Девочка и я. Маленькая девочка, еще только начинает жить... Все будет так, как вам хочется. Вам будет легко. Вы молоденькая, хорошенькая, современная.

Ариадна. Вы тоже красивая.

Искра. Ну, знаете, подержанный товар идет уже по удешевленным ценам... Не бойтесь за Егора. Убивать не буду. До свидания.

Ариадна. До свидания.

Искра. Относительно детей... Он только недавно меня уговорил сделать второй аборт. И я сделала. Счастливо!

Ариадна. Подождите... Я не все понимаю. Он уже давно со мной... Ой! *(Закрыла лицо руками.)* Меня самое что-то трясти начало, как в том самолете... Мама верно говорит мне, что я дура. Хотя... знаете, что такое быть умной — я уже совсем запуталась. Для них ведь что ни сделай, все не так. Татка говорит: «Отбить такого мужика — все равно что настоящий подвиг. За такое, говорит, медали давать надо...» Она еще говорит: «Раньше аристократы выездами гордились, у кого какие лошади, поскольку лошадей у нас нет — можно мужиков показывать...» А ваш Егор... Я же сюда шла... думаете, легко было... я... о нем думала... *(Вынимает из сумочки платок и забавную игрушку.)* Поздравить его хотела!.. *(Швырнула игрушку.)* Пожалуйста, не говорите ему, что я приходила... И пусть он там стоит... пусть ждет!.. *(Вдруг сильно заплакала и выбежала в дверь.)*

Искра. Оказалась несовременной.

Наталья Гавриловна. Искрочка, что это?

Искра. До чего ты любишь риторические вопросы, мама.

Наталья Гавриловна. Искрочка!..

Искра. Не надо.

Входит Судаков.

Судаков. Отпустило! *(Видит плачущую Искру.)* Опять чего-то не хватает.

Наталья Гавриловна. Степа, здесь была дочь Коромыслова, Ариадна.

Судаков. Какие-нибудь новости? Что же вы мне не сказали? Зачем она приходила?

Наталья Гавриловна. Наш Георгий сделал ей предложение.

Судаков. Кому?

Наталья Гавриловна. Ариадне Коромысловой.

Судаков. Очередная ахинея? Во-первых, Ариадна еще девочка, я же ее знаю...

Наталья Гавриловна. Она была девочкой.

Судаков. А во-вторых, этого не может быть.

Наталья Гавриловна. Почему?

Судаков. Потому что быть этого не может.

Наталья Гавриловна. У тебя несокрушимая логика.

Судаков. Но я бы знал. Не мог же он...

Искра. Личность все может, папа. *(Ушла.)*

Судаков. Домолилась. Она должна была его держать.

Наталья Гавриловна. Как это держать?

Судаков. Не знаю. Это вам, женщинам, должно быть известно. Вот ты меня держишь.

Наталья Гавриловна. Чем это я тебя держу? Пожалуйста, на все четыре стороны, не зарыдаю.

Судаков. Ведь вот ты какая ехидная! Этим ты меня и держишь... Она должна была его понимать, а этого не произошло, потому что она заурядная. А он личность! А личность может понимать только другая личность! Безликие существа понимают только друг друга. Кстати, сейчас заходил наш сотрудник, сказал, что Егор назначен на место Хабалкина, временно, правда.

Наталья Гавриловна. Как — Егор? А ты?

Судаков. Что — я?

Наталья Гавриловна. Ты же говорил...

Судаков. Что я говорил?!

Наталья Гавриловна. Но...

Судаков. Я шутил, острил, могла бы, кажется, догадаться. Назначили правильно. Молодого, перспективного. Эрудирован, точная политическая ориентация, три языка знает...

Наталья Гавриловна. Ты, Степа, должен пойти и сказать обо всем Коромыслову. Надо его предупредить.

Судаков. Как это я пойду?

Наталья Гавриловна. Обыкновенно, ножками.

Судаков. В уме ты? Как же я пойду, когда я сам Филиппу Васильевичу все уши про Егора дифирамбами прожужжал. Его и повысили в том числе потому, что я о нем на каждом шагу... И правильно его повысили! Слышишь? Правильно!

Наталья Гавриловна. Слышу, Степа. Ты только не волнуйся. Все правильно.

Судаков. Что правильно?

Наталья Гавриловна. Все.

Судаков. То-то!

Входит Искра.

Искра. Отец, я хочу в Томск вылететь третьего, оформлю командировку. Дай бумаги Валентины Дмитриевны, я пока познакомлюсь.

Судаков. Сейчас. *(Прошел в кабинет, сел за стол и задумался.)*

Наталья Гавриловна. Но можно ли тебе, Искра?

Искра. Не можно, а нужно.

Наталья Гавриловна. Прежде всего тебе надо обрести душевное равновесие.

Искра. Не хочу, не хочу! Моя злоба мне нравится.

Наталья Гавриловна. У тебя не злоба, у тебя досада.

Искра. Ой, как со стороны хорошо видно!

Наталья Гавриловна. Не совсем со стороны.

Искра. Совсем.

Наталья Гавриловна. Кроме того, я буду откровенна, Искра. Он действительно никогда не любил тебя.

Искра. Не надо, мама, меня подбадривать таким способом. Откуда ты знаешь?

Наталья Гавриловна. От отца.

Искра. Он говорил что-нибудь отцу?

Наталья Гавриловна. Что ты! Но Степан любил меня, и я знаю, как выглядит человек, который влюблен.

Искра. Смешно. Почему же ты не сказала мне этого раньше?

Наталья Гавриловна. Я говорила: подумай.

Искра. Не помню.

Наталья Гавриловна. Ты не только не помнишь, ты тогда и не слышала.

Искра. У тебя есть совет?

Наталья Гавриловна. Единственный. При всех случаях не опускайся.

Искра. Думаешь, буду его умолять?

Наталья Гавриловна. Милая, ты выросла и стала для меня такой же загадкой, как и другие.

Искра. Он же ее не любит, не любит.

Наталья Гавриловна. Я понимаю тебя, девочка моя: ты отдала ему свою жизнь, ввела в дом, нянчила, любила. Ради него ты лишилась ребенка. Наверно, в этом чувствуешь и свою вину.

Искра *(кричит)*. Замолчи!

Наталья Гавриловна *(после паузы)*. Извини меня, Искра.

Искра. Мама, я перееду в эти комнаты, а он пусть там, там. И дверь оттуда мы запрем, забьем гвоздями. Ведь я все понимала в последнее время. В Библиотеке иностранной литературы он занимался до ночи... Ты знаешь... Ладно, я тебе скажу. Я ходила туда. Да-да... Понимала, что срам, позор, но пошла. Как простая баба, как... А, все мы на одну колоду, все простые, когда до живого дойдет.

Наталья Гавриловна. И его там не было?

Искра. Не знаю. Я вышла из метро на площади Ногина и пошла по Солянке... Я еще в метро все хотела вернуться... На каждой станции говорила себе: не надо... Нет, доехала... Иду по Солянке... Ничего не вижу, на детскую коляску наткнулась. Кажется, обругали. Перешла Астахов мост, увидела здание. Оно мне страшным показалось... И все иду. Рассудок говорит: не ходи. А та самая невидимая сила тащит... Взялась за дверную ручку, и вдруг мысль мелькнула: у меня же пропуска нет. Пропуска в библиотеку. Не скажу же я вахтерше: мужа искать пришла... И, ты знаешь, я даже обрадовалась. Захлопнула дверь и побежала...

Наталья Гавриловна. Чему же ты обрадовалась?

Искра. Что не вошла. Понимаешь, я боялась его там не увидеть. А так — даже успокоилась. Там, думаю, он сидит, занимается... И вот когда он послал меня на аборт, я поняла...

Наталья Гавриловна. Не надо, Искра, милая, подержись.

Звонок телефона в кабинете.

Судаков *(очнувшись, взял трубку)*. Да... да, это я... Из какой милиции?.. Да, Судаков Степан Алексеевич... Зачем?.. Что?.. Портфель?.. Хорошо, я понял... Понял, говорю! *(Бросил трубку, вошел в столовую.)* Ну, уж с полным вас праздником! Пров в милиции. Нет, я там как дьявол верчусь, глобальные проблемы... а тут, в собственном доме!.. Требуют явиться. Я не пойду в милицию. *(Жене.)* Иди ты. Ты, ты иди, я не пойду. Это уже не двадцать два, это уже сорок восемь!

Наталья Гавриловна. Степа, объясни подробно.

Судаков. Что подробно? Чего тебе еще не хватает? Он там, сидит. Иди-иди, они подробно расскажут. Отнял портфель, побежал... схватили... украл... Сын — вор. *(Подошел к столу, взял бутылку пшеничной водки, рюмку, потом сменил на стакан, наливает.)*

Наталья Гавриловна. Степа, тебе нельзя.

Судаков. А это все можно? *(Залпом выпил.)*

Наталья Гавриловна. У тебя же тахикардия!

Судаков. Сдохнуть хочу. *(Хочет налить вина.)*

Наталья Гавриловна. Не смей! *(Берет стакан.)* Уймись. Сядь. *(Усаживает мужа на диван, обняла, поцеловала.)* Утихни. Ничего страшного не произошло, все выяснится. Какая-то ошибка, это ясно. Пров не может. Неужели ты сам не понимаешь: недоразумение.

Звонок.

(Открывает дверь в прихожей, возвращается вместе с Зоей.) Зоя, ты не с ним была? Ты знаешь, где Проша? Ну?

Зоя. Конечно. С ним была. Я сама ничего не могу понять. Вышли мы от Иры Скворчковой, у нее ночью умер отец. Я ему говорила по телефону: не ходи. А его понесло. Ему там чуть плохо не сде-

лалось. Мужчины вообще чувствительнее женщин. Ну, плач, покойник, зеркала черным завешивают,— я понимаю. Вышли мы. Вдруг он мою руку бросил, я его под руку держала. Побежал. А впереди какой-то дядя шел в сереньком костюме, портфель у него коричневый. Он этого дядю догоняет и, я даже ничего сообразить не могла, вырывает портфель и бежит. Тот как заорет! Ну, а милиции-то сегодня полно, сами понимаете, праздник. Его хватают. Бегу туда, говорю: «Пустите, пустите...» А на меня и не смотрят. Я бегу, а его ведут. И лицо у него какое-то странное, у Прова, ничего не выражает, тупое, будто дурачком сделался. Я даже испугалась. И в милиции ему говорят: «Зачем вырывал?» А он: «Думал, там деньги». А в портфеле-то в этом две поллитровки было, сайры банка, сельдь в масле, батон белый за тринадцать копеек и полбуханки черного. И дамское, извините, белье новое, с ярлыком. Видать, в подарок нес, в гости шел. Это все там на стол выкладывали, записывали.

Наталья Гавриловна. Где он, Зоя?

Зоя. В сорок девятом. Протокол начали составлять.

Наталья Гавриловна *(мужу)*. Сейчас же иди туда.

Судаков. Нет.

Наталья Гавриловна. Одевайся.

Судаков. Но ты понимаешь, что мне явиться в отделение милиции...

Искра. Я пойду. Папе не надо. Он там начнет грудь выпячивать, только разозлит всех.

Судаков. Да, Искра, ты, именно ты. Ты со всем этим часто возишься, умеешь, понимаешь, как надо. А милиция... черт знает, как с ними разговаривать. А я позвоню... Погоди, кому звонить?.. Черт, ни одного начальника по этому делу не знаю. С королем Саудовской Аравии обедал, с президентом Никсоном на одной фотографии вышел, а начальника районной милиции не знаю.

Зоя. Не ходите пока, надо подождать.

Наталья Гавриловна. Как же можно ждать? Его переведут в тюрьму.

З о я. Да нет. Я матери сейчас сказала. Она выручит. Мать ларек закрыла и помчалась. Ее там все знают, у нее там дружки — дядя Миша, Николай Длинный. Она лучше вас...

Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а. Его там не били?

З о я. Гражданин этот дал ему по шее, но милиционер знаете, как его одернул. Проша правильно себя ведет, не сопротивляется. Все твердит: я сын Судакова Степана Алексеевича.

С у д а к о в. О-о-о-о!

Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а. Нет, так нельзя! Зоечка, Искра, идите вместе. Пока не поздно... Мало ли что! Вдруг Проша начнет философствовать. А там, я слыхала, этого не любят. Идите!

Звонок. Искра открывает дверь в прихожую. В столовую входит мать Зои — В е р а В а с и л ь е в н а. Она за руку ведет П р о в а.

В е р а В а с и л ь е в н а. Здравствуйте. Извините. Вот он. *(Зое.)* Ты что в туфлях влезла, тапочки не переодела?

Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а *(бросаясь к сыну)*. Проша!.. Проша!.. *(Целует его.)* Мальчик, мой мальчик!.. *(Плачет.)*

В е р а В а с и л ь е в н а. Да все! Закрыто. И протокол порвали. Васюков дежурит. Я говорю: «Отпускай под мое честное, отвечаю». Тот гаврик начал было тявкать, а я ему говорю: «Ты кому это розовые трусики нес, гад? Я вот жене скажу, адресок твой уже записан». Живо стих. *(Дочери.)* Ты в какой дом-то влезла, а? *(Наталье Гавриловне.)* Вы ее гоните, если чего. Они, молодые, места своего не знают, стыда нет.

Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а. Ваша Зоя девочка хорошая.

В е р а В а с и л ь е в н а. Все они на чужих людях хороши, а матери дома — все замечания, выговора, будто мы совсем уж опилками набитые... Одно могу сказать: любит меня, любит. Любишь Зойка, а?

З о я. Будет тебе.

В е р а В а с и л ь е в н а. Стесняется. Любит. Сердце доброе, в отца... Ну, извините нас. Идем, Зойка.

З о я. Иди, я не поздно приду.

В е р а В а с и л ь е в н а. Еще бы поздно, узнала бы у меня!

Наталья Гавриловна. Простите, я не знаю вашего имени-отчества.

Вера Васильевна. Вера Васильевна я, Губанова по первому мужу, а девичья фамилия Кислова.

Наталья Гавриловна *(жмет руку Вере Васильевне)*. Огромное вам спасибо, Вера Васильевна, у меня нет слов...

Вера Васильевна. Да что вы! Мы завсегда, если своим помогать. Да и мальчонке вашему я так благодарна.

Наталья Гавриловна. За что?

Вера Васильевна. Да он же вам, наверно, сказывал, как Зойку-то мою у кинотеатра от двоих парней отбивал. Лезли скоты длинноволосые. Я ей говорю: «Не ходи на поздний сеанс». Да и всех вас я знаю, из своего ларька каждый день вижу. И как он в школу бежит, и как ваш супруг с молодым мужчиной на работу в машину садятся. Очень тот молодой человек красивый и такого гордого виду — кто он, не знаю.

Наталья Гавриловна. Муж дочери.

Вера Васильевна. Завидный. Такого хоть по телевизору показывай. *(Искре.)* Очень вас поздравляю. Вас, барышня, тоже знаю. *(Наталье Гавриловне.)* А уж вы-то к моему ларьку часто жалуете. И деликатные очень. Я поначалу, как у ваших-то ворот торговать начала, вам всякую пересортицу совала. Вижу, дама то ли ничего не понимает, то ли неразборчивая. Я вам гниль-то и подсовывала. А потом однажды вижу: вы к воротам подошли и стали из сумки-то своей дрянь-то эту в урну выбрасывать. И как-то мне неловко стало. Думаю: «Она не глупая, она деликатная». И уж я вам потом, наоборот, самого отборного вешала. Я деликатных знаете, как уважаю. На людей-то насмотрелась. Все рвут, все требуют, всем давай, да все быстрей, чего, мол, копаешься! А вот зимой-то на морозе голыми руками поди похватай свеклу там или огурцы те же. Пальцы к весам да к гирям прихватывает, рук-то уж не чувствуешь. Летом-то еще благодать. И всем-то дай получше, поспелее, будто похуже я должна сама кушать. И все очередь, очередь, будто все только и делают, что целый день едят. Знаете, как мне лица-то эти примелькались. Они и во сне ко мне в очереди стоят... Только тогда и хорошо, когда продукты кончаются.

Наталья Гавриловна. Подождите, чего ж мы с вами так стоим! Давайте я вас чаем угощу. У меня пироги.

Вера Васильевна. Не могу, все побросала. Повесила бумажку «Ушла на базу» — и бежать. Там уж, поди, покупатель серчает. Праздник!

Наталья Гавриловна. Пять минут!

Вера Васильевна. Не могу. План не выполню.

Судаков. Хотите, я вам в Болгарию на Золотые пески путевку сделаю?

Вера Васильевна. Чего?

Искра. Папа!

Судаков. В Болгарию на Золотые пески не хотите поехать?

Вера Васильевна. Хотела бы, да теперь не могу. Кто же Константину передачи носить будет? Вот уж когда он отсидит, мы хоть в Гавану, очень вам будем благодарны. *(Наталье Гавриловне.)* Если что потребуется, в очередь-то не становитесь, а сзади в дверку мне стукните, я открою и... У меня там всегда что-нибудь дефицитное имеется. Счастливочки! Бегу! *(Прову.)* Не балуй! *(Ушла.)*

Выходит и Искра.

Судаков *(сыну)*. Не желаю с тобой разговаривать! *(Ушел.)*

Наталья Гавриловна *(ему вслед)*. Может, температуру смеряешь? У тебя, по-моему, жар.

Возвращается Судаков.

Судаков. Я знаю, зачем он это сделал, знаю! *(Скрывается.)*

Наталья Гавриловна *(сыну)*. Объясни.

Пров молчит.

Между прочим, Георгий, кажется, уходит из нашего дома.

Пров. Услышал, значит, господь бог мою молитву! А Искра где?

Наталья Гавриловна. Видимо, к себе пошла... Я тебя всегда просила, Пров: прежде чем что-то совершить, подумай о родителях.

П р о в. Знаешь, мама, если каждый раз думать о последствиях, вообще шевелиться не надо.

Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а ушла.

(Зое.) Пойдем ко мне.

Снова врывается С у д а к о в.

С у д а к о в. Если тебе противен Егор и, видимо, я, если мы тебя не устраиваем, то ты должен прежде всего быть умней Егора. У тебя не золотая медаль должна быть, а бриллиантовая... Он три языка знает, ты должен знать тридцать три... Тогда он тебе служить будет, а нет — ты ему. А ты как учишься? Ясно? Побеждает, милый мой, умнейший... А я что? Я, конечно...

П р о в. Папа... *(Делает движение к отцу.)*

С у д а к о в. Извини, у меня дела. *(Ушел.)*

Пров и Зоя прошли в кабинет.

З о я. Ты еще здесь обитаешь.

П р о в. Только вчера докрасили. Сохнет. Вечером перебазируюсь. Пойду лицо вымою. *(Вышел.)*

Зоя подошла к полке с книгами, достала томик.
В столовую входит И с к р а с охапкой вещей: пакеты с письмами, платья, лампа.

Н а т а л ь я Г а в р и л о в н а *(входя следом)*. Платья отнеси в спальню.

П р о в возвращается в кабинет.

П р о в. Освежился.

З о я. Смотри, какие замечательные строчки:

«Прочти мне стихи или песню
простую какую-нибудь,
Чтоб мог я от мыслей тревожных
шумливого дня отдохнуть.
Не тех великих поэтов, чей голос —
могучий зов,

Чей шаг отдаленным эхом звучит
в лабиринте веков.
Возьми поскромнее поэта, чьи песни
из сердца текли,
Как слезы из век задрожавших,
как дождик из тучки вдали.
И мýзыка сумрак наполнит.
Мучительных дум караван
Уложит шатер, как арабы,
и скроется тихо в туман».

Пров. Слушай, а кто теперь той бедной тетке помогать будет?

Зоя. Какой тетке?

Пров. Ну, ты говорила, у которой пенсия маленькая.

Зоя. Не знаю.

Пров. Давай как-нибудь подрабатывать в ее пользу. Тимур и его команда... Я, знаешь, боюсь.

Зоя. Чего? Мать замяла это дело.

Пров. Нет, не этого. Чтоб не как Коля Хабалкин...

Зоя. Ты что? Что ты!

Пров. Нет-нет... Не бойся!..

Зоя. Вы приятели были?

Пров. Нет. Так, иногда вместе до метро шли, и то редко. Он как видит, что кто-то за ним идет, шагу прибавляет, не хочет. Кто-же будет навязываться... В тот день я еще удивился, что он меня догнал. Идем, говорит, вместе. Я, знаешь, почему-то даже обрадовался. Думаю: «Со всеми молчит, а ко мне сам подошел». Лестно вроде. Глупо, конечно... И как-то он это так сказал — «Пойдем вместе»... Что-то у него в голосе было.

Зоя. О чем говорили-то?

Пров. Так. Болтали. Про кино, про последние известия. Я вот в уме все перебираю... Во-первых, почему он ко мне подошел. Вернее, не почему, а зачем. Ему что-то надо было. Дошли. Он говорит: «Будь-будь!» Я тоже: «Будь-будь. Пока!». А этого «пока» уже и нет. Есть «все», а не «пока». А ведь он чего-то ждал, я это чувствовал. Ведь зачем-то догнал. Он же ко мне вроде, как к печке погреться, прислонялся, а я... Мне бы, понимаешь,

вместо «пока» спросить: «Коля, ты что-то темнишь, выкладывай». Я понимал, что эту фразу надо было произнести, но из-за какой-то вшивой фанаберии не сказал. Мол, ты мне «пока» и я тебе «пока». Идиот! Надо слушать внутренний голос, а не дурацкие мозги. Они только крутят, крутят...

Зоя. А во-вторых?

Пров. Что — во-вторых?.. А... А... Во-вторых, среди трепа нашего он меня спросил — и ты знаешь, ни с того ни с сего: «У тебя много злых мыслей?» Я подумал, что он это обо мне, дескать, не злюсь ли я на него, что он всегда в стороне. «Нет, говорю, немного, чего мне на тебя злиться». Он засмеялся: «Да я не о себе, не все ли мне равно, как ты обо мне думаешь». Это он с досады, что я именно о нем подумал. «Я тебя вообще спрашиваю, много у тебя в голове злых мыслей?»

Зоя. Ну, а ты чего?

Пров. Я говорю: «Бывают, конечно, но потом, слава богу, испаряются.

Зоя. А он?

Пров. «Завидую», говорит. А потом добавил: «Звери, наверное, счастливее людей, они не мыслят». Я ему говорю: «Ну, тогда, знаешь, растения еще счастливее». А он уже прямо как-то с остервенением: «Верно, самые счастливые — камни! Я бы хотел быть камнем. Существовать миллионы лет, все видеть и ни на что не реагировать».

Зоя. Жуть какая!

Пров. «Откуда ты знаешь,— я ему говорю,— что камни ничего не чувствуют? Вот выяснилось: растения чувствуют. Цветы реагируют, например, когда к ним приближаются с целью сорвать, и по-другому — когда понюхать».

Зоя. Ерунда какая! Что, по-твоему, если я рву цветы, им больно?

Пров. Говорят.

Зоя. Ты уж извини. Тогда вообще жить невозможно.

Пров. Я когда с портфелем побежал, у меня противная мысль была, даже, знаешь, не столько противная — злая. Злоба, конечно, от бессилия возникает.

Зоя. Да что у тебя?

Пров. Я хочу, чтоб дом был чистый.

Зоя. А я совсем по-другому все чувствую. Отец в тюрьме, мать пьет часто, но я ее понимаю... Я люблю жизнь и детей учить хочу. Я буду их учить любить жизнь... Хочешь, я тебя поцелую?

Пров смотрит на Зою. Та подходит к нему и частыми поцелуями покрывает его лицо. Прижимаются щека к щеке.

Не надо, Проша! Не надо!..

Пров *(улыбаясь)*. В глазах светлеет.

Зоя. Проша, я не люблю злых.

Во время разговора Прова с Зоей Искра и Наталья Гавриловна переносят вещи Искры из ее квартиры в комнаты Судаковых.

Наталья Гавриловна. Проша!

В столовую вошел Пров.

Ты пока в кабинете отца останешься. В твоей комнате будет Искра.

Пров. Пожалуйста!

Слышны удары молотка, забивающего гвозди.

Что это?

Наталья Гавриловна. Понятия не имею.

Пров идет на стук, возвращается и проходит в кабинет. Входит Егор.

Егор. Мне никто не звонил, Наталья Гавриловна?

Наталья Гавриловна. Нет. А вы встретились с товарищем?

Егор. Да. Славно поболтали, я его давно не видел. В школе учились вместе. Он из Челябинска приехал на праздник...

Входит Судаков.

Я, Степан Алексеевич, вчера забыл вам сказать: на заседании в главке...

Судаков. Наташа, ты Севостьяновых помнишь?

Наталья Гавриловна. Каких Севостьяновых?

Судаков. Из наших же, он еще на Подшипнике инженером...

Наталья Гавриловна. Конечно, помню.

Судаков. Мы же лет двадцать не встречались. Позвони, авось они вечером свободны, подъедем. Старое вспомним... И Орлову бы позвонить.

В столовую входят Пров и Зоя. Все смотрят на Егора. Егор пошел на свою половину. Входит Искра.

Искра. Там закрыто. Возьми ключи и пройди своим парадным.

Егор. Я пройду здесь.

Искра. Не сметь!.. *(Швыряет ему ключи.)*

Звонят в дверь. Пров бежит открывать. Возвращается с двумя неграми, очень рослыми и респектабельными, с ними — переводчица. Очень маленькая юная девочка — Соня.

Пров. Папа, к тебе.

Соня. Здравствуйте. Вы, Степан Алексеевич, любезно разрешили побывать у вас...

Судаков. Да-да! Милости просим!.. Пожалуйста, присаживайтесь! Наташа, кофе, коньяк. *(Здоровается с гостями.)* Жена — Наталья... моя, как у нас говорят, половина... Это мое семейство... Сын... мой сын Пров, ученик девятого класса... Дочь — Искра... я ей дал это имя... Знакомая девочка сына...

Пров *(тихо)*. Зоя.

Судаков. Зоя... Мать работает в торговой системе обслуживания трудящихся... *(Смотрит на Егора.)* Это... это... *(Губы его задрожали, и хрипота сдавила горло.)*

Наталья Гавриловна. Это Георгий Самсонович Ясюнин — наш сосед.

Судаков. Живем мы хорошо...

Пауза. Гости заметили черные маски и стали на них молиться со своими ритуальными жестами.

Занавес

1978

СОДЕРЖАНИЕ

Розов В. С.

Р65 Избранное.— М.: Искусство, 1983.— 703 с., 1 л. портр.

В книгу вошли пьесы известного советского драматурга: «Вечно живые», «В добрый час!», «В поисках радости», «В дороге», «В день свадьбы», «Традиционный сбор», «Затейник», «Четыре капли», «С вечера до полудня» и «Гнездо глухаря». Пьесы В. Розова — это своеобразная история жизни молодого советского поколения. Они широко идут в театрах страны и за рубежом, пользуются большой популярностью и у зрителей, и у читателей.

Р $\frac{4702010200\text{-}119}{025(01)\text{-}83}$ 33-82

ББК 84Р7
Р2

Виктор Сергеевич Розов
ИЗБРАННОЕ

Редактор *Н. Р. Войткевич*. Художник *А. Г. Кузькин*. Художественный редактор *Л. И. Орлова*. Технические редакторы *Н. С. Еремина, Н. Г. Карпушкина*. Корректоры *Н. Н. Прокофьева* и *Г. И. Сопова*.

ИБ № 1318

Сдано в набор 08.04.82. Подписано к печати 10.03.83. А09862. Формат издания 70×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Офсет. Усл. печ. л. 30,888. Уч.-изд. л 35,809. Изд. № 12194. Тираж 30 000 экз. Заказ № 371. Цена 2 р. 50 к. Издательство «Искусство», 103009, Москва, Собиновский пер., 3. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект Ленина, 109.